3 1761 08820954 9

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso01vere

В. Вересаевъ

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. Марксъ,** Измайл. просп., № 29.

LR
S 6396
Smidovich, Vikenty Vikentievich

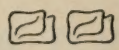
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Polnoe sobranie sochineny

В. В. ВЕРЕСАЕВА

[pseud.]

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА)



I

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

460102
1. 4. 47

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. 1913.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1913 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп, № 29.

ЗАГАДКА.

Я ушелъ далеко за городъ. Въ широкой котловинѣ тускло свѣтились огни города, оттуда доносился смутный шумъ, грохотъ дрожекъ и обрывки музыки; былъ праздникъ, надъ окутаннымъ пылью городомъ взвивались ракеты и римскія свѣчи. А кругомъ была тишина. По краямъ дороги, за развѣсистыми ветлами, волновалась рожь и тихо трещали перепела; звѣзды теплились въ глубокомъ небѣ.

Ровная, накатанная дорога, мягко сѣрѣя въ муравкѣ, бѣжала вдаль. Я шелъ въ эту темную даль, и меня все полнѣе охватывала тишина. Теплый вѣтеръ слабо дулъ навстрѣчу и шуршалъ въ волосахъ; въ немъ слышался запахъ зрѣющей ржи и еще чего-то, что̀ трудно было опредѣлить, но что̀ всѣмъ существомъ своимъ говорило о ночи, о лѣтѣ, о безпредѣльномъ просторѣ полей.

Все больше мною овладѣвало странное, но ужъ давно мнѣ знакомое чувство какой-то тоскливой неудовлетворенности. Эта ночь была удивительно хороша. Мнѣ хотѣлось насладиться, упиться ею досыта. Но по опыту я зналъ, что она только измучитъ меня, что я могу пробродить здѣсь до самаго утра и все-таки ворочусь домой недовольный и печальный.

Почему? Я самъ не понимаю... Я не могу иначе, какъ съ улыбкою, относиться къ одухотворенію природы поэтами и старыми философами; для меня природа, какъ цѣлое, мертва:

Въ ней нѣтъ души, въ ней нѣтъ свободы...

Но въ такія ночи, какъ эта, мой разумъ замолкаетъ, и мнѣ начинаетъ казаться, что у природы есть своя единая жизнь, тайная и неуловимая; что за измѣняющимися звуками и красками стоитъ какая-то вѣчная, неизмѣнная и до отчаянія непонятная красота. Я чувствую,—эта красота недоступна мнѣ, я неспособенъ воспринять ее во всей цѣлости; и то не-

многое, что она мнѣ даетъ, заставляетъ только мучиться по остальному.

Никогда еще это настроеніе не овладѣвало мною такъ сильно, какъ теперь.

Огни города давно скрылись. Кругомъ лежали поля. Справа, надъ свѣтлымъ моремъ ржи, темнѣлъ вѣковой садъ барской усадьбы. Ночная тишина была полна жизнью и неясными звуками. Надъ рожью слышалось какъ будто чье-то широкое, сдержанное дыханіе; въ темной дали чудились то пѣсня, то всплескъ воды, то слабый стонъ: крикнула ли это въ небѣ спугнутая съ гнѣзда цапля, пискнула ли жаба въ сосѣднемъ болотѣ,—Богъ вѣсть... Теплый воздухъ тихо струился, звѣзды мигали, какъ живыя. Все дышало глубокимъ спокойствіемъ и самоудовлетвореніемъ, каждый колебавшійся колосъ, каждый звукъ какъ будто чувствовали себя на мѣстѣ, и только я одинъ стоялъ передъ этою ночью, одинокій и чуждый всему.

Она жила для себя. Мнѣ было обидно, что ни одной живой души, кромѣ меня, нѣтъ здѣсь. Но я чувствовалъ, что ей самой, этой ночи, глубоко безразлично, смотритъ ли на нее кто, нѣтъ ли, и какъ къ ней относится. Не будь и меня здѣсь, вымри весь земной шаръ, — и она продолжала бы сіять все тою же красотою, и не было бы ей дѣла до того, что красота эта пропадаетъ даромъ, никого не радуя, никого не утѣшая.

Слабый вѣтеръ пронесся съ запада, ласково пригнулъ головки полевыхъ цвѣтовъ, погналъ волны по ржи и зашумѣлъ въ густыхъ липахъ сада. Меня потянуло въ темную чащу липъ и березъ. Изъ людей я тамъ никого не встрѣчу: это — усадьба старухи-помѣщицы Ярцевой, и съ нею живетъ только ея сынъ-студентъ; онъ застѣнчивъ и молчаливъ, но ему рѣдко приходится сидѣть дома: его наперерывъ приглашаютъ къ себѣ сосѣднія помѣщицы и городскія дамы. Говорятъ, онъ замѣчательно играетъ на скрипкѣ, и его московскій учитель-профессоръ сулитъ ему великую будущность.

Я прошелъ по межѣ къ саду, перебрался черезъ заросшую крапивою канаву и покосившійся плетень. Подъ деревьями было темно и тихо, пахло влажною лѣсною травою. Небо здѣсь казалось темнѣе, а звѣзды ярче и больше, чѣмъ въ полѣ. Вокругъ меня съ чуть слышнымъ звономъ мелькали летучія мыши, и казалось, будто слабо натянутыя струны звенятъ въ воздухѣ. Съ деревьевъ что-то тихо сыпалось. Въ травѣ, за стволами липъ, слышался смутный шорохъ и движеніе. И тутъ вездѣ была какая-то тайна и своя особая жизнь...

Аллея шла, отлого спускаясь къ пруду; оттуда тянуло сы-

ростью и запахомъ тины. Я свернулъ въ траву. Сначала долго шелъ густой вишенникъ, за нимъ была цѣлая роща молодыхъ осинокъ. Я прошелъ ее, перескочилъ канаву — и неожиданно вышелъ къ пруду.

На востокѣ начинало свѣтлѣть, но звѣзды надъ ивами плотины блестѣли попрежнему ярко; внизу, подъ горою, по широкой глади пруда шелъ паръ; открытая дверь купальни странно поскрипывала въ тишинѣ. Однообразно кричалъ дергачъ. «Ччи-чи! Ччи-чи!» — спокойно и увѣренно звучало въ воздухѣ. Спокойно мерцали звѣзды, спокойно молчала ночь, и все вокругъ дышало тою же увѣренною въ себѣ, нетревожною и мучительно-загадочною красотою.

Усталый, съ накипавшимъ въ душѣ глухимъ раздраженіемъ, я присѣлъ на скамейку. Вдругъ гдѣ-то недалеко за мною раздались звуки настраиваемой скрипки. Я съ удивленіемъ оглянулся: за кустами акацій бѣлѣлъ задъ небольшого флигеля, и звуки неслись изъ его раскрытыхъ настежь, неосвѣщенныхъ оконъ. Значитъ, молодой Ярцевъ дома... Музыкантъ сталъ играть. Я поднялся, чтобы уйти: грубымъ оскорбленіемъ окружающему казались мнѣ эти искусственные человѣческіе звуки.

Я медленно подвигался впередъ, осторожно ступая по травѣ, чтобъ не хрустнулъ сучокъ, а Ярцевъ игралъ...

Странная это была музыка, и сразу чувствовалась импровизація. Но что̀ это была за импровизація! Прошло пять минутъ, десять,—а я стоялъ не шевелясь и жадно слушалъ.

Звуки лились робко, неувѣренно. Они словно искали чего-то, словно силились выразить что-то, что̀ выразить были не въ силахъ. Не самою мелодіей приковывали они къ себѣ вниманіе, — ея, въ строгомъ смыслѣ, даже и не было, — а именно этимъ исканіемъ, томленіемъ по чемъ-то другомъ, что̀ невольно ждалось впереди. — «Сейчасъ ужъ будетъ *настоящее*»,—думалось мнѣ. А звуки лились все такъ же неувѣренно и сдержанно. Изрѣдка мелькнетъ въ нихъ что-то, — не мелодія, а лишь обрывокъ, намекъ на мелодію, — но до того чудную, что сердце замирало. Вотъ-вотъ, казалось, схвачена будетъ тема,—и робкіе, ищущіе звуки разольются божественно-спокойною, торжественною, неземною пѣснью. Но проходила минута, и струны начинали звенѣть сдерживаемыми рыданіями: намекъ остался непонятымъ, великая мысль, мелькнувшая на мгновеніе, исчезла безвозвратно.

Что̀ это? Неужели нашелся кто-то, кто переживалъ теперь то же самое, что̀ я? Сомнѣнія быть не могло: передъ *нимъ* эта ночь стояла такою же мучительною и неразрѣшимою загадкою, какъ передо мною...

Вдругъ раздался рѣзкій, нетерпѣливый аккордъ, за нимъ другой, третій, — и бѣшеные звуки, перебивая другъ друга, бурно полились изъ-подъ смычка. Какъ будто кто-то скованный яростно рванулся, стараясь разорвать цѣпи.

Это было что-то совсѣмъ новое и неожиданное. Однако чувствовалось, что именно нѣчто подобное и было нужно, что при прежнемъ нельзя было оставаться, потому что оно слишкомъ измучило своею безплодностью и безнадежностью... Теперь не слышно было тихихъ слезъ, не слышно было отчаянія; силою и дерзкимъ вызовомъ звучала каждая нота. И что-то продолжало отчаянно бороться, и невозможное начинало казаться возможнымъ; казалось, еще одно усиліе,—и крѣпкія цѣпи разлетятся въ дребезги, и начнется какая-то великая, неравная борьба. Такою повѣяло молодостью, такою вѣрою въ себя и отвагою, что за исходъ борьбы не было страшно.— «Пускай нѣтъ надежды, мы и самую надежду отвоюемъ!»— казалось, говорили эти могучіе звуки.

Я задерживалъ дыханіе и въ восторгѣ слушалъ. Ночь молчала и тоже прислушивалась, — чутко, удивленно прислушивалась къ этому вихрю чуждыхъ ей, страстныхъ, негодующихъ звуковъ. Поблѣднѣвшія звѣзды мигали рѣже и неувѣреннѣе; густой туманъ надъ прудомъ стоялъ неподвижно; березы замерли, поникнувъ плакучими вѣтвями, и все кругомъ замерло и притихло. Надъ всѣмъ властно царили несшіеся изъ флигеля звуки маленькаго, слабаго инструмента, и эти звуки, казалось, гремѣли надъ землею, какъ раскаты грома.

Съ новымъ и страннымъ чувствомъ я оглядѣлся вокругъ. Та же ночь стояла передо мною въ своей прежней загадочной красотѣ. Но я смотрѣлъ на нее уже другими глазами: все окружавшее было для меня теперь лишь прекраснымъ, беззвучнымъ аккомпанементомъ къ тѣмъ боровшимся, страдавшимъ звукамъ.

Теперь все было осмысленно, все было полно глубокой, духъ захватывающей, но родной, понятной сердцу красоты. И эта человѣческая красота затмила, заслонила собою, не уничтожая, *ту* красоту, попрежнему далекую, попрежнему непонятную и недоступную...

Въ первый разъ я воротился въ такую ночь домой счастливымъ и удовлетвореннымъ.

1887. 1895.

ПОРЫВЪ.

I.

Въ тотъ вечеръ мы засидѣлись. По крышѣ барабанилъ дождь, садъ шумѣлъ, гдѣ-то наверху, за стѣною, быстро и мѣрно капало. Все снаружи сливалось въ смутный шумъ, и рядомъ съ нимъ въ залѣ казалось особенно тихо. Самоваръ потухъ.

Шура тѣсно прижималась къ мамѣ. Мама гладила ее по головѣ и грустно говорила:

— Солнцевка наша съ каждымъ годомъ все меньше даетъ доходу, земля заложена-перезаложена, нечѣмъ даже заплатить проценты въ банкъ. Только и оставалось папѣ, что поступить на должность. А ѣхать приходится въ Пожарскъ, за двѣсти верстъ. Отпускъ Богъ вѣсть когда дадутъ, живи тамъ одинъ-одинешенекъ... И какъ ему самому не хочется ѣхать! Вчера онъ говоритъ мнѣ: «уѣду я въ Пожарскъ, — когда я опять увижу мою Шурку, ея глазки и ласки?..» И въ рифму такъ: «глазки—ласки»...—слабо улыбнулась она.

— Мамочка, да зачѣмъ же ѣхать папѣ?—быстро и умоляюще возразила Лиза.—Ну, ты говоришь, что мало денегъ. Такъ мы можемъ ѣсть черный хлѣбъ, а не бѣлый. Потомъ: зачѣмъ у насъ пирожное? Вѣдь можно и безъ пирожнаго очень хорошо... Всѣ эти деньги и можно копить, и тогда папѣ совсѣмъ не нужно ѣхать.

— Все это мало поможетъ... Вотъ теперь ты въ гимназію поступаешь, Митѣ черезъ три года ужъ ѣхать въ университетъ. А тамъ Шура подрастетъ. На все нужны деньги, деньги... Съ пирожнаго тутъ не много выгадаешь.

Мама задумалась. Старшая сестра, Катя, шила на машинѣ. Мѣрный стукъ колеса одиноко раздавался въ залѣ, не мѣшаясь съ шумомъ дождя и вѣтра за окномъ.

— Да что это онъ, право, все у себя въ кабинетѣ сидитъ?.. Василій Алексѣевичъ, иди, голубчикъ, къ намъ! — позвала мама.—Что это, въ самомъ дѣлѣ! И такъ всего недѣлька осталась, а ты все у себя сидишь за бумагами. Успѣешь еще.

Папа кашлянулъ, поднялся и, разминаясь, вошелъ въ залу. Сухощавое лицо его было устало, глаза, какъ всегда, смотрѣли сумрачно и озабоченно.

— Ей-Богу, вѣдь такъ и не увидишь тебя совсѣмъ. Посиди съ нами хоть немножко.

— Нужно было тамъ счеты свести за іюнь... А дождь-то, слышишь?—все идетъ и идетъ!.. Это ужъ пятый день безъ перерыва. Совсѣмъ сопрѣетъ хлѣбъ въ полѣ.

— А что барометръ говоритъ?

— Э, что барометръ!—Папа безнадежно махнулъ рукою, сѣлъ на диванъ и сталъ закуривать папиросу.—Ну, а ты что, козявка, смотришь?—ласково обратился онъ къ Шурѣ, тихо щекоча ее.

Шура поежилась и, удерживая его руку, переглянулась съ Лизой.

— Папа, а что я тебѣ скажу!

— Ну, что жъ ты мнѣ скажешь?

— Я сказку знаю.

— Сказку?.. Разскажи, разскажи!

Шура съ значительною улыбкою снова взглянула на Лизу. Лиза слабо вспыхнула.

— Меня Лиза научила.

— Вотъ какъ? Ну, садись ко мнѣ, разсказывай!

Шура взобралась къ папѣ на колѣни, глубоко вздохнула, еще разъ переглянулась съ Лизой и, улыбаясь, поправила на себѣ передникъ.

— Ну, разъ были три дѣвочки... маленькія. У двухъ дѣвочекъ была мама, а еще одна дѣвочка была... Какъ это?.. Знаешь, у ней не было мамы. Это называется, когда безъ мамы дѣвочка... это...

— Ну, сиротка называется.

— Да, сиротка. Ну, хорошо. Двѣ дѣвочки были нехорошія, а мама ихъ любила...

Шура разсказывала не торопясь, съ чуть замѣтною улыбкою на губахъ. Зато Лиза сильно волновалась; она не спускала съ Шуры пристальнаго взгляда и каждую минуту была готова прійти на помощь. Но у Шуры дѣло шло хорошо.

Папа съ тихою улыбкою слушалъ и игралъ ключикомъ отъ часовъ.

— Ну, она танцовала-танцовала и нечаянно потеряла

туфельку. Царь посмотрѣлъ,—чья это туфелька? А Машечка взяла и поскорѣе уѣхала домой...

— Шура! Сандрильона!—быстро подсказала Лиза.

— Санди...лё...

Шура помолчала.

— Лиза, можно, я лучше «Машечка» буду говорить? А то такъ трудно,—«Сирдилё!»

— Говори, душечка, какъ хочешь, это все равно,—поддержалъ ее папа.—Ну?

— Ну, царь взялъ туфельку, посмотрѣлъ... А туфелька была та-ака-я хорошая! Царь взялъ и говоритъ: ту дѣвочку, которой какъ-разъ... эта дѣвочка моя мама будетъ.

— Жена, то-есть?—улыбнулся папа.

— Да, да, жена!.. Ну, тогда солдаты по-ошли, по-ошли... Взяли одну дѣвочку,—знаешь, ту, злую?—а ей пальчикъ не какъ-разъ. Мама ей тихонько сказала: отрѣжь себѣ пальчикъ! Ну, хорошо. Царь пріѣхалъ, посмотрѣлъ,—туфелька какъ-разъ. Вдру-угъ...

Лицо Шуры озарилось торжествующей улыбкой, глаза насмѣшливо сузились.

— Вдругъ голубочки летятъ! Летятъ, летятъ, крыльями махаютъ... Всѣ испугались: что̀ такое? А они летятъ и поютъ:

Царь, царь, посмотри:
Кровь течетъ на пальчикѣ!

Царь посмотрѣлъ,—да!.. А-а, вотъ какъ! Ну, пшолъ вонъ!..

Мы расхохотались. Шура замолчала и удивленно оглядѣла насъ: она этого смѣха совсѣмъ не ждала. Папа схватилъ ее и сталъ осыпать поцѣлуями.

— Ахъ, ты, Шурка, Шурка! — хохоталъ онъ. — «Пшолъ вонъ»!—великолѣпно!.. Ха-ха-ха!..

Вдругъ въ окно передней раздался снаружи рѣзкій, сильный ударъ; стекла задребезжали въ рамахъ. Всѣ замолчали и переглянулись. Еще разъ ударили, и еще,—все чаще и сильнѣе.

Папа въ недоумѣніи всталъ.

— Что̀ тамъ такое?

Мы поспѣшно вышли въ переднюю, я раскрылъ окно. Влажный, холодный вѣтеръ рванулся мнѣ въ лицо; въ черномъ мракѣ не было ничего видно.

— Кто тамъ?—испуганно крикнулъ я.

Задыхающійся голосъ отвѣтилъ изъ темноты:

— Я, баринъ, Алешка съ мельницы! Впусти поскорѣй, позови стараго барина!

Мы отперли дверь. Алешка вошелъ,—блѣдный, растрепан-

ный; онъ былъ босъ и безъ шапки, намокшая рубашка липла къ тѣлу.

— Помоги, баринъ! Тонемъ!

— Какъ «тонемъ»?! Въ чемъ дѣло?

— Хлещетъ вода черезъ плотину,—удержу нѣтъ! Городище все залило, подъ самую мельницу подходитъ, гляди, сейчасъ избу снесетъ... Хозяинъ къ тебѣ послалъ, нельзя ли ребятъ вашихъ на подмогу... Что только дѣлается!

— Господи ты мой, Боже!—Мама въ ужасѣ перекрестилась.

Папа кашлянулъ и нахмурился, что всегда бывало, когда онъ волновался.

— Да съ чего все это?—спросилъ онъ.—Щиты-то вы на плотинѣ подняли?

— То-то, что нѣтъ! Да кто жъ ихъ зналъ? Полегоньку прибывала вода,—думали, спустить всегда поспѣемъ: что се понапрасну передъ помоломъ спускать? А тутъ вдругъ какъ хлынула,—сразу на три четверти!.. И не подступишься къ щитамъ, черезъ нихъ бьетъ... Говорятъ, верхнюю мельницу прорвало, богучаровскую.

— Ступай же, Митя, разбуди скорѣй работниковъ,—обратилась ко мнѣ мама.—Боже ты мой, Боже! Вотъ несчастье-то!

— Да скажи, чтобъ багровъ захватили и веревокъ,—добавилъ папа.

Алешка стоялъ, разставивъ ноги, и поводилъ лопатками подъ мокрою рубахою.

— Ты имъ, баринъ, на лошадяхъ прикажи ѣхать,—сказалъ онъ.—Пѣшкомъ теперь не пройдешь, весь лугъ залило.

Я выбѣжалъ на дворъ. Ночь была черная-черная. Садъ глухо ревѣлъ, дождь бѣшено сѣкъ желѣзную крышу дома, вѣтеръ шумно проносился въ воздухѣ. Все кругомъ было необычно и страшно; въ бушевавшемъ холодномъ мракѣ крылись стоны, гибель, смерть...

Я вбѣжалъ въ сарай, гдѣ спали работники, ощупью нашелъ койку моего пріятеля Герасима и сталъ его будить. Онъ спалъ, какъ убитый, я еле растолкалъ его; долго онъ не могъ ничего понять.

— Да вставай же, Герасимъ! Наводненіе на мельницѣ,—поскорѣй!

— На-во-дне-ніе?

Герасимъ, зѣвая, сѣлъ, обѣими горстями сталъ скрести голову.

— Поскорѣй, Герасимъ! А то тамъ всѣ потонутъ, пока вы соберетесь.

— Небось, не потонутъ... Эй, ребята! вставай!.. Семенычъ!..

Въ углахъ заворочались.

— Чего тамъ?—глухо отозвался Власъ, рабочій староста.

— На мельницу ѣхать!.. Вставай, эй!..

— На мельницу?—сонно пролепеталъ Власъ.

— Да ну, вставайте! Черти!.. Завалились!

Герасимъ спрыгнулъ на полъ. Въ углахъ заворочались сильнѣй. Кто-то угрюмо спросилъ изъ темноты:

— На каку-таку мельницу?

Я съ отчаяніемъ воскликнулъ:

— Да вставайте же наконецъ! Наводненіе на мельницѣ... Поскорѣй! Богучаровскую мельницу ужъ снесло, все Городище залило.

Работники стали подниматься.

Я сказалъ Власу о баграхъ и телѣгахъ и побѣжалъ домой, къ себѣ наверхъ. Въ темнотѣ я отыскалъ и надѣлъ большіе сапоги, пальто, но фуражки не было. Я вспомнилъ, она лежитъ въ залѣ на окнѣ.

— Куда это ты, Митя?—спросила мама, когда я вбѣжалъ въ залу и схватилъ фуражку.

Я торопливо отвѣтилъ:

— На мельницу съ работниками!

— Это еще что̀ тебѣ вздумалось! Утонуть, что ли, тебѣ хочется, или простудиться? Нѣтъ, голубчикъ, вздоръ! И не думай!

Я остановился.

— Ну, мамочка, позволь ѣхать!—сказалъ я упавшимъ голосомъ.—Вѣдь вотъ работниковъ же ты посылаешь!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, и не думай! Работники — совсѣмъ другое дѣло.

— Я лучше всѣхъ ихъ плаваю, а съ Герасимомъ мы вчера, когда боролись...

— Ну нѣтъ, ужъ оставь это, пожалуйста! Нельзя—и нельзя. Объ этомъ нечего и говорить.

Изъ кабинета вышелъ папа.

— О чемъ это? Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ.

— Да пустяки: Митя хочетъ ѣхать на мельницу.

Папа нахмурился.

— Что̀ тебѣ тамъ понадобилось? Оставь, братъ, это, сдѣлай милость! И безъ тебя тамъ все прекрасно обойдется. Ступай-ка лучше спать: ужъ первый часъ... Спать, спать, дѣтки! Пора!—обратился онъ къ сестрамъ.—И ты, клопенокъ, еще не спишь? Ахъ, ты, козявка! Сію минуту всѣмъ въ постель! Маршъ!.. Разъ, два, три!

Сестры простились и ушли. Папа съ мамою отправились въ кабинетъ. Я постоялъ въ опустѣвшей залѣ и побрелъ къ себѣ.

Въ полутемной передней, у окна, слабо рисовалась небольшая тѣнь. Я вглядѣлся: это была Лиза. Она грызла на дрожащихъ пальцахъ ногти и слѣдила за мною нахмуренными, блестящими глазами. Я встрѣтился съ нею взглядомъ и почему-то остановился.

— Ми-тя!

— Что̀?

— Митя, ты... поѣдешь туда?

Я угрюмо отвѣтилъ:

— Вѣдь ты слышала, папа не позволилъ.

— Я не знаю... Я бы...—Лиза испуганно оглянулась.

Меня вдругъ охватила злоба.

— Что̀ бы ты?!—закричалъ я, задыхаясь. — Чего ты тутъ стоишь? Скоро часъ, давно пора спать! Вотъ я папѣ скажу, что ты тутъ... по ночамъ...

И я быстро вышелъ.

II.

Когда я поднялся къ себѣ наверхъ, сердце стучало, колѣни дрожали и подгибались. Я постоялъ среди комнаты, подошелъ къ окну и раскрылъ его. Вѣтеръ обдалъ меня мелкими брызгами; небо было такъ черно, что на немъ даже не видно было очертаній шумѣвшихъ передъ окномъ деревьевъ. Я высунулся изъ окна и сталъ смотрѣть влѣво, на дворъ.

Въ темнотѣ двигались тусклые огни фонарей; летучій свѣтъ падалъ то на морду лошади, то на задокъ телѣги, то на сумрачную фигуру работника. Съ воемъ вѣтра мѣшались грубые, заспанные голоса людей и напряженное лошадиное ржаніе. Въ душѣ у меня росло смутное, волнующее чувство, я жадно слѣдилъ за сборами и дрожалъ все сильнѣе.

Работники снарядились. Огни фонарей замелькали быстрѣе, раздались понуканія, шумъ колесъ, и все исчезло въ темнотѣ. Сердце мое упало; я вдругъ пересталъ дрожать, волненіе прошло; съ скверным, въ чемъ-то оправдывающимся передъ собою чувствомъ я отошелъ отъ окна.

Вяло раскрылъ Лермонтова, попробовалъ читать. Это былъ мой любимый поэтъ.

Часъ разлуки, часъ свиданья
Имъ ни радость ни печаль,
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль.

Господи, какъ безцвѣтно, какъ плоско и ненужно!.. Я съ отвращеніемъ закрылъ книгу и снова высунулся въ окно.

Дождь все лилъ и лилъ; деревья бились подъ вѣтромъ и глухо стонали. Въ шумѣ непогоды мнѣ чудились далекіе отчаянные вопли, трескъ и гулъ.

На дворѣ послышался быстрый, хлопающій по грязи топотъ скачущей лошади. Торопливый голосъ прокричалъ:

— Микола-ай! Поди, у Степанъ Степаныча весла возьми: лодку спрашиваютъ!

У меня радостно ёкнуло сердце: это кричалъ Герасимъ. Онъ былъ оттуда, гдѣ теперь въ бушующей тьмѣ кипѣла борьба и работа. И опять что-то всколыхнулось въ душѣ, и прежняя дрожь побѣжала по спинѣ и плечамъ.

На дворѣ снова замелькалъ фонарь. Послышался говоръ: Герасимъ спорилъ съ дворникомъ Николаемъ.

— А, ч-чортъ косоногій!—донесся озлобленный голосъ Герасима. — Да одинъ съ нею не справишься! Въ этакую-то пору!.. Я и веселъ въ руки никогда не бралъ!

То, что нерѣшительно дрожало въ глубинѣ души, вдругъ вольною, сильною волною взмыло вверхъ и радостно охватило душу. Я быстро надѣлъ пальто, фуражку и полѣзъ изъ окна. Руки и ноги скользили по намокшимъ, склизкимъ планкамъ, передъ глазами мелькнуло окно нижняго этажа, и я обрушился въ кусты сирени подъ окномъ.

Отирая мокрыя, исцарапанныя руки о пальто, я подошелъ къ спорившимъ.

— О чемъ это вы?—спросилъ я Герасима.

Герасимъ взглянулъ на меня и, не отвѣчая, снова обратился къ Николаю:

— Чортъ косоногій, сволочь! Слышь, пойдемъ, что ли! Боисси!.. Нешто одинъ съ нею справишься?

— Сказано тебѣ: не приказала барыня отлучаться отъ двора,—огрызался Николай.

— «Барыня не приказала»!.. Лѣшій этакій, боисси, въ конуру запрятался!

— Э, плюнь ты на него! — съ презрѣніемъ крикнулъ я. — Гараська, идемъ со мной!

— О-о? — радостно отозвался Герасимъ. — Вотъ такъ баринъ!.. Пойдемъ!

Онъ взвалилъ весла на плечи. Мы побѣжали въ садъ.

Шлепая по лужамъ, мы пересѣкли липовую аллею, перелѣзли черезъ плетень и по крутому, скользкому откосу сбѣжали къ рѣкѣ.

Вода сажени на двѣ выступила за обычную линію берега. Далеко въ темнотѣ уродливо чернѣла надъ водою накренившаяся, полузатопленная купальня.

— Эге!.. Мостки-то снесло! — протянулъ Герасимъ и остановился.—Вотъ и доберись до лодки!

Онъ сбросилъ весла на землю и почесалъ въ затылкѣ.

Я былъ какъ пьяный; все легко и смутно проносилось передъ глазами, все дѣлалось просто и скоро, какъ думалось. Тускло сверкала широкая полоса воды, отдѣлявшая насъ отъ лодки; руки сами собою сорвали съ тѣла одежду, и я съ разбѣгу бросился въ рѣку. Подъ водою у меня стѣснилось въ груди отъ холода, потомъ вдругъ все тѣло загорѣлось, какъ отъ кипятка. Я отвязалъ лодку отъ купальни и подплылъ съ нею къ берегу.

Стуча зубами отъ холода и волненія, я торопливо одѣвался. Деревья уже не бились подъ вѣтромъ, сквозь разорванныя тучи слабо мигали звѣзды. Мы сѣли въ лодку, я налегъ на весла и вывелъ ее на середину рѣки. Рѣка подхватила насъ и помчала.

Плавно отошелъ назадъ темный садъ, съ тихимъ ропотомъ отряхивавшійся отъ дождевыхъ капель; огонекъ мелькнулъ сквозь вѣтви и исчезъ. Глубокая тьма налегла на лодку. Надъ водяною гладью чуть темнѣли верхушки затопленныхъ прибрежныхъ кустовъ. Вокругъ насъ, шипя и спибаясь струями, бѣжала черная вода.

Герасимъ неподвижно сидѣлъ на кормѣ, понуривъ голову, и держался обѣими руками за борта лодки. А мнѣ было безумно весело; какъ будто вихрь какой-то подхватилъ меня, и я упоенно несся въ немъ; и такими маленькими, пустыми казались мнѣ оставленные назади запреты и мои колебанія. Вода шипѣла вокругъ носа лодки, весла гнулись и трещали подъ моими руками, лодка неслась, какъ ласточка.

Герасимъ заговорилъ:

— А Городище какъ залило, страсть!.. Подъѣхали мы, лошади нейдутъ, назадъ ворочаются. Ребята по тайдаковской дорогѣ въ объѣздъ поѣхали, на березовую рощу...

Изъ темной дали все явственнѣе доносился гулъ бѣжавшей черезъ плотину воды. Герасимъ встрепенулся и тряхнулъ головою.

— Ишь, хлещетъ какъ!—съ улыбкой сказалъ онъ, прислушиваясь. — Вотъ погоди, нанесетъ насъ на плотину, тогда держись: такъ прямо въ бучило и хахнетъ!

Я усмѣхнулся. Герасимъ продолжалъ меня пугать:

— А въ бучилѣ-то шутъ сидитъ, дожидается... Какъ схва-атитъ за ноги,—ге-ге!.. Тогда, братъ, посмѣешься!

Мнѣ было странно, — неужели Герасимъ думаетъ, что мнѣ хоть немножко страшно! Я, напротивъ, жалѣлъ, что кругомъ

такъ мало опасности; мнѣ хотѣлось бѣшено разогнать лодку и пустить ее прямо на плотину.

Рѣка круто поворачивала вправо. Мы обогнули мысъ. Неожиданно шумъ падающей воды раздался почти подъ самымъ носомъ лодки, хотя до плотины было еще съ четверть версты. Далеко въ темнотѣ, на склонѣ рощи, мелькали блестящія точки фонарей. Сквозь гулъ воды доносился заунывный женскій вой.

— Вонъ они и ребята подошли! — сказалъ Герасимъ, вглядываясь въ темноту. — Эге! Избу-то ужъ снесло!.. Держи къ берегу!

Мы перерѣзали теченіе, выплыли на берегъ, глубоко залитый водою. У плотины, гдѣ раньше была изба, теперь вольно бурлила рѣка. Черная вода стояла подъ дворовыми навѣсами и извилистыми волнами плескалась въ окна уцѣлѣвшей избы.

III.

Работники только-что подъѣхали и, тихо переговариваясь, слѣзали съ телѣгъ. Къ нимъ навстрѣчу бросился мельникъ.

— Гляньте-ка, братцы, гляньте! — плакалъ онъ, и мокрыя космы волосъ тряслись надъ блѣднымъ, жирнымъ лицомъ. — Все какъ есть залило,—ничего не осталось!.. Изба-то, глядите вонъ, — нѣтъ ея! Все снесло... Голубчики вы мои! Помирать пора пришла!

Босой и распоясанный, онъ суетился вокругъ работниковъ и дрожащими руками указывалъ на мельницу.

— Ребятокъ-то спасли ли? — сурово спросилъ Власъ, снимая сермяжный халатъ.

— Слава тѣ, Господи, повытаскали ребятъ! А добро все тамъ осталось... И скотина вся тамъ, и сундукъ,—семьдесятъ, братцы, цѣлковыхъ въ немъ!.. Хрякъ вотъ въ сѣнцахъ остался, слышь, визжитъ!

Работники нерѣшительно толклись вокругъ телѣгъ и распутывали веревки.

— Ба-а-атюшка ты мой ро-о-одненькій!..—скорчившись на узлахъ, глухо выла мельничиха, и казалось, что воетъ въ трубѣ осенній вѣтеръ.

Одинъ изъ работниковъ, Аѳиногенъ, — высокій мужикъ съ рябымъ, надменнымъ лицомъ, — вдругъ встрепенулся и бросилъ въ телѣгу распутанную веревку.

— Ну, ну, ребята, пошевеливайся! — крикнулъ онъ. — Берись за багры, чего стоишь?.. Да вонъ, никакъ, и Гараська съ лодкой!..

Мы въѣхали въ кругъ свѣта и подплыли къ работникамъ.

— Эге, и баринъ тоже тутъ, — молодчага! — небрежно кинулъ Аѳиногенъ.

Я улыбнулся гордою, радостною улыбкою, но отъ его пренебрежительнаго взгляда улыбка закончилась неловкимъ смѣшкомъ. Аѳиногенъ прыгнулъ въ лодку и крикнулъ мельнику:

— Иванычъ, садись съ нами! Показывай, гдѣ сундукъ.

Иванычъ торопливо усѣлся на корму.

— Ну, баринъ, везите къ избѣ!—скомандовалъ Аѳиногенъ.

Я взялся за весла.

— Смотри, ребята, трещитъ плотина-то! — робко сказалъ одинъ изъ оставшихся работниковъ. — Прорветъ, — и лодку унесетъ и васъ всѣхъ.

Я покосился на Аѳиногена и засмѣялся.

— Ты-то чего боишься? Не тебя вѣдь унесетъ.

— Прихвати на случай веревкой за кольцо да придержи конецъ, — сказалъ Аѳиногенъ.

Веревку привязали къ носу. Я налегъ на весла и подъѣхалъ къ избѣ. Аѳиногенъ съ Иванычемъ и Герасимомъ бросились въ сѣни. Я остался ждать въ лодкѣ.

Огни фонарей ложились на воду тусклыми, дробящимися полосами. Черная группа работниковъ по ту сторону заводи стояла недвижно и молча. Небо очистилось отъ тучъ, на востокѣ свѣтлѣло. Изъ-за угла избы несся непрерывный гулъ бившей черезъ плотину воды. Лодка подо мною мѣрно качалась и изрѣдка стукалась о стѣну избы.

Вдругъ гдѣ-то,—я не успѣлъ сообразить, гдѣ,—что-то глухо затрещало и потомъ тяжело, раскатисто охнуло. Я почувствовалъ, что меня съ лодкою куда-то потянуло...

— Хо-о-оо!! Держи, держи!!!

Лодка странно запрыгала и вдругъ сильно тряхнула меня. Я инстинктивно впился руками въ перекладину, передъ глазами мелькнуло сѣрое небо, — и все вокругъ завертѣлось съ оглушительнымъ ревомъ. Огромный потокъ подхватилъ меня и помчалъ куда-то въ бездну. Я захлебывался...

Вдругъ я почувствовалъ, что лежу на чемъ-то мягкомъ и склизкомъ. Земля дрожала отъ страшнаго гула. Я вскочилъ на ноги. Кругомъ воды уже не было. Ко мнѣ подбѣгали работники. Рядомъ въ грязи валялась лодка. Звучали радостные голоса:

— И-ишь! Удержали! Не унесло!..

Я молча взглянулъ на рѣку. Напоръ воды опрокинулъ половину плотины, сорвалъ по пути мельничныя колеса и сильно покачнулъ свайный амбаръ. Далеко за плотиною, крутясь въ

огромныхъ клубахъ желтой пѣны, выплывали обломки бревенъ, хвороста и колесъ. Вода бѣшено неслась черезъ пробитое отверстіе.

Маленькій, пухлый Ѳедосей любовно глядѣлъ на меня и изумленно говорилъ:

— И какъ это баринъ нашъ въ бучило не уплылъ! Вижу я, братцы мои, прорвало плотину,—ну, думаю, погибай нашъ баринъ! Мѣсто глыбкое, — и не найдешь потомъ. Держу конецъ, а самъ думаю: лодку, дескать, спасемъ, а барина нашего не доищемся. Анъ вотъ онъ—онъ! Цѣлехонекъ!

— Долго ли до грѣха!—вздохнулъ Власъ.—Такъ бы и пропалъ паренекъ!.. О, Господи-батюшка!

Я тряхнулъ головою и засмѣялся.

— Ну, что̀ объ этомъ разговаривать! Не унесло, цѣлъ, — чего еще? Что̀ такъ стоять? Пора и за работу.

Въ это время мнѣ бросилось въ глаза лицо Аѳиногена. Онъ смотрѣлъ на меня съ легкою, едва замѣтною улыбкой подъ рѣдкими усами; съ такой улыбкой смотрѣлъ бы человѣкъ на своего спасеннаго младшаго брата. Аѳиногенъ подошелъ ко мнѣ.

— Ну, баринъ, вы теперь домой ступайте! Ишь, промокли какъ: сухой нитки нѣтъ. Холодно. Да и папаша разсердятся; небось, не спросясь ушли?

Я радостно улыбнулся.

— Пускай разсердится!.. Да мнѣ и не холодно вовсе.

Но это была неправда: я дрожалъ, какъ въ ознобѣ; промокшее пальто коробомъ сидѣло на плечахъ, рубашка непріятно липла къ тѣлу.

Аѳиногенъ, Власъ и Иванычъ обсуждали, что̀ теперь дѣлать. Одни работники слушали ихъ и вставляли свои замѣчанія, другіе смотрѣли, какъ мутно-желтая вода съ ревомъ неслась сквозь пробоину въ плотинѣ. Кондратьевна, жена Иваныча, молча сидѣла на узлахъ и апатично слѣдила за мужемъ красными, опухшими отъ слезъ глазами.

Было уже совсѣмъ свѣтло. Заря разгоралась все ярче, съ востока дулъ холодный утренній вѣтерокъ. Я постоялъ на мѣстѣ, окинулъ всѣхъ взглядомъ и побрелъ домой.

Въ окольномъ пути теперь не было надобности. Схлынувшая вода очистила Городище—лугъ, лежавшій между мельницей и нашей усадьбой. Я прошелъ его и сталъ подниматься по дорогѣ въ гору. На полпути я оглянулся. Косые лучи утренняго солнца весело играли по лужамъ и по мокрой, блестящей отавѣ луга. Въ березовой рощѣ, за лугомъ, протяжно стонали иволги; жаворонки заливались въ небѣ.

Вокругъ мельницы кипѣла дружная, горячая работа. Аѳиногенъ и Герасимъ какимъ-то непостижимымъ образомъ пробрались въ свайный амбаръ, въ который всею своею силою билъ прорвавшійся потокъ. Ужъ нѣсколько разъ, какъ показалось мнѣ, замѣтно дрогнуло крѣпкое бревенчатое зданіе, а въ слуховое окно все еще вылетали мучные кули и, описавъ дугу надъ потокомъ, ударялись въ берегъ, испуская клубы бѣлой пыли. Остальные работники перебрались на ту сторону рѣки и старались поднять щиты, чтобы спасти уцѣлѣвшую часть плотины.

Мнѣ стало грустно и стыдно, что я ухожу. Потянуло назадъ. Но было уже поздно, дома могли меня хватиться. Я пошелъ дальше.

Съ горы навстрѣчу мнѣ бѣжала низенькая, толстая фигура человѣка въ темной одеждѣ. Я съ безпокойствомъ приглядывался къ ея неуклюже-быстрымъ движеніямъ.

— Кто бы это могъ быть?

Она все приближалась. Я вздрогнулъ: это была мама...

Рѣдкіе волосы ея выбились изъ-подъ платка и мокрыми прядями стлались по лицу; пальто было мокро и забрызгано грязью, лицо измучено долгою тревогою. Я въ смущеніи остановился. А она бѣжала, скользя по грязи, черезъ лужи и промоины, устремивъ на меня сіявшіе счастьемъ глаза.

Въ два прыжка я очутился передъ мамою и подхватилъ ее на руки. Она порывисто прижала меня къ груди и осыпала поцѣлуями.

— Ну, слава, слава Богу! — проговорила она наконецъ и начала креститься, въ глубокомъ экстазѣ поднявъ глаза къ небу; по лицу бѣжали крупныя, свѣтлыя слезы.

IV.

На слѣдующій день я проснулся поздно.

Въ комнатѣ стоялъ золотистый сумракъ отъ лучей, пробившихся сквозь занавѣски; муха со звономъ билась о стекло. Въ домѣ было тихо, отъ сарая несся мѣрный лязгъ отбиваемыхъ косъ.

Я вскочилъ съ постели бодрый, выспавшійся, и быстро сталъ одѣваться. Первыя двѣ-три минуты я почти не вспоминалъ о вчерашнемъ; на душѣ было радостно и легко, воспоминанія проносились въ головѣ, почти не схватываемыя сознаніемъ. Лишь умываясь, я вдругъ вспомнилъ о случившемся и немножко смутился. Конечно, мама никому ничего не сказала бы. Но знала о моемъ ночномъ путешествіи не она

одна; ей самой сообщила о немъ экономка Липатьевна. А у Липатьевны языкъ былъ очень длинный... Смущеніе мое, впрочемъ, сейчасъ же само собою разсѣялось, и внизъ я спустился въ томъ же свѣтломъ, безотчетно-радостномъ настроеніи.

Чай уже отпили. Катя ждала меня передъ потухшимъ самоваромъ и вязала что-то крючкомъ. Она встрѣтила меня долгимъ, серьезнымъ взглядомъ и молча опустила глаза на вязаніе.

Я спросилъ, что̀ теперь дѣлается на мельницѣ. Она неохотно отвѣтила и стала наливать мнѣ чай. Вдругъ изъ сосѣдней комнаты, гдѣ была мамина спальня, раздался протяжный стонъ.

Я въ смущеніи прислушался и взглянулъ на сестру. Она молча продолжала вязать, только губы ея страдальчески сжались.

— Катя, что̀ это? — спросилъ я.

Она тихо отвѣтила:

— У мамы ревматизмъ.

У меня непріятно сжалось сердце. Катя сидѣла, грустно-сосредоточенно склонившись надъ вязаньемъ.

— Никогда еще такого сильнаго не было: мама *плакала*,— прибавила она, не поднимая глазъ.

Значитъ, страданія, правда, были невыносимыя: мы знали слезы матери только о насъ.

Изъ спальни вышелъ папа, — нахмуренный, разстроенный. Холодно скользнулъ по мнѣ взглядомъ и прошелъ къ себѣ. Я всталъ и поплелся въ спальню.

Мама лежала въ постели, съ стыдливо-страдальческою улыбкою на закушенныхъ губахъ. Липатьевна, суетясь и вздыхая, оправляла ея подушки. Пахло іодомъ. У окна стояла Лиза и, косясь на маму, нервно грызла ногти. Мы встрѣтились съ нею глазами. Она пугливо скользнула взглядомъ въ сторону и съежилась. Мама крѣпко поцѣловала меня.

— Ну, что̀, голубчикъ, какъ ты себя чувствуешь?

— Я?.. Ничего... — пролепеталъ я.

— Смотри, ничего ли? Можетъ-быть... О-о-о! — вдругъ застонала она и крѣпко прикусила губу. — Липатьевна, голубушка, подай мнѣ ту коробку съ облатками! — сказала она, передохнувъ.

Я постоялъ на мѣстѣ и, совершенно уничтоженный, вышелъ изъ комнаты.

У себя наверху я сѣлъ къ столу и стиснулъ голову руками. Господи, что̀ я надѣлалъ!..

И что̀ меня вчера понесло на мельницу? Что̀ мнѣ тамъ понадобилось? Вспомнился туманъ радостнаго опьянѣнія. Вспомнилось, какъ шипѣла рѣка вкругъ вольно мчавшейся лодки, какъ улыбнулся мнѣ Аѳиногенъ. Мнѣ тогда было весело, мнѣ хотѣлось, чтобы Аѳиногенъ и всѣ видѣли, какой я храбрый, а въ это время... И передо мною вставало лицо матери, вчерашнее — сіяющее любовью и счастіемъ, сегодняшнее—блѣдное, страдающее. И ни одного упрека, ни одной жалобы, ни даже намека!

На лѣстницѣ раздались быстрые шаги и отрывистое покашливанье. Я замеръ: это былъ папа.

Онъ вошелъ. Я всталъ, чтобы поздороваться. Но папа, какъ будто не замѣчая, прошелъ къ столу и сѣлъ въ кресло.

— Я, братъ, поговорить съ тобой хотѣлъ, — сказалъ онъ, немного задыхаясь; взялъ со стола карандашъ и сталъ вертѣть его въ рукахъ.—Правда, что ты сегодня ночью ѣздилъ на мельницу?

Онъ съ ожиданіемъ устремилъ на меня взглядъ поверхъ очковъ. Я чуть слышно отвѣтилъ:

— Да.

— Такъ это правда?.. А я, братъ, когда мнѣ разсказали, сначала вѣрить не хотѣлъ. Что̀ же, самостоятельные, значитъ, теперь люди, а?

Я молчалъ.

— Значитъ, что отецъ тамъ и мать запретили, до этого намъ дѣла нѣтъ? Я самъ себѣ теперь хозяинъ, а? такъ? Первый порывъ,—что̀ тамъ о другихъ думать? Пускай тамъ мать въ грязи мокнетъ, пускай тамъ все... Намъ-то какое дѣло!

Онъ положилъ карандашъ и заходилъ по комнатѣ.

— Ну, полюбуйся теперь, послушай поди, какъ мать отъ боли стонетъ... А мы зато мельникова поросенка отъ потопленія спасли!—горько усмѣхнулся онъ.

Я все молчалъ. Папа тоже замолчалъ, продолжая ходить по комнатѣ. Потомъ снова заговорилъ, словно разсуждая самъ съ собою:

— То-есть, чтобъ до того увлечься, чтобъ до того все забыть! Хоть бы немножко, хоть немножко подумать о томъ, что̀ дѣлаешь! Первый порывъ, какой-то сумасшедшій, безумный порывъ! Хоть бы ты о томъ подумалъ: что̀ бы ты тамъ помогъ,—ты, ребенокъ еще! Вѣдь тамъ сильные, здоровые мужики были! Ну, а хорошо было бы, если бы ты простудился и схватилъ тифъ? Пролежалъ бы три мѣсяца, отъ товарищей отсталъ бы, и пришлось бы на второй годъ оставаться въ томъ же классѣ. Да еще слава бы Богу, если бы только тифъ!

Ну, а если бы ты утонулъ? Тебѣ наше горе, наши слезы ни по чемъ?

Онъ остановился передо мною.

— Другъ мой, не забывай, что ты у насъ одинъ. Мы съ матерью—старики, не-сегодня-завтра умремъ,—на кого сестры останутся? На тебѣ, братъ, лежатъ священныя обязанности, и ты не имѣешь права относиться къ нимъ съ легкимъ сердцемъ.

Папа совсѣмъ успокоился; голосъ его звучалъ все мягче и ласковѣе. Но странно: чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе улетучивалось во мнѣ то настроеніе, въ какомъ онъ меня засталъ. Что-то тяжелое и непріятное стало шевелиться у меня въ душѣ.

Папа сдѣлалъ движеніе; онъ, кажется, хотѣлъ обнять меня и поцѣловать, онъ, кажется, ждалъ, что я выражу раскаяніе. Я переступилъ съ ноги на ногу, поднялъ глаза — и вдругъ почувствовалъ, что непроизвольно, неожиданно для меня самого, въ нихъ вспыхнулъ холодный, злой огонекъ.

Я быстро метнулся взглядомъ въ сторону и закусилъ губу. Не знаю, замѣтилъ ли что̀ папа. Онъ ласково положилъ мнѣ руку на плечо и сказалъ:

— Ну, такъ не будемъ же, голубчикъ, ссориться съ тобою; пожалуйста только, чтобъ этого впередъ никогда не было. Я понимаю, ты поступилъ такъ не отъ злого сердца; но думай же хоть немножко надъ тѣмъ, что̀ ты дѣлаешь.

— Я не виноватъ!—вдругъ угрюмо буркнулъ я, не поднимая глазъ.

Папа опустилъ руку.

— Не ви-но-ватъ?..

Я стоялъ, все такъ же насупившись и закусивъ губу. Измѣнившимся голосомъ папа спросилъ:

— Ты себя, Митя, не считаешь виноватымъ?

— Нѣтъ!

— Ахъ, тогда другое дѣло! Тогда, разумѣется, другое дѣло. Въ такомъ случаѣ и разговаривать не о чемъ...

Онъ повернулся и вышелъ изъ комнаты.

V.

Я неподвижно стоялъ. Совершилось что-то невѣроятное, ужасное, чему даже нельзя подыскать имени... «Не виноватъ!» Неправда, я былъ виноватъ, я чувствовалъ себя виноватымъ. Какой-то безсмысленный, самому мнѣ непонятный порывъ вырвалъ у меня это грубое: «нѣтъ!».

Я медленно спустился внизъ и черезъ садъ ушелъ въ поле.

Въ головѣ было смутно, сердце мертвымъ комкомъ висѣло въ груди. По золотистой ржи, не глядя на меня, тихо бѣжали волны; васильки чуждо синѣли надъ межою; и чуждо звенѣли въ небѣ жаворонки. Я взглядывалъ на свой поступокъ со стороны, и мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобъ я могъ его совершить. Вдругъ словно что̀ осѣнило меня.

Господи, да чего же я! Итти скорѣй, сказать, что я самъ не знаю, какъ это вышло, попросить прощенія...

— Нѣтъ!—раздался въ душѣ негодующій голосъ.

И то же злобно-упрямое чувство, какъ тогда, разомъ охватило меня...

Я воротился домой поздно вечеромъ, когда заря догорѣла и работники проѣхали на ночное.

Въ саду передъ домомъ я остановился и заглянулъ въ окна. Въ залѣ ужинали. Слышенъ былъ звонъ ножей и ложекъ, тихій говоръ. Мнѣ видно было папу, сидѣвшаго у самаго окна, спиною ко мнѣ. Я сталъ ждать. Наконецъ задвигались стулья, папа всталъ. Сестры подошли къ нему прощаться. Онъ перекрестилъ ихъ и перецѣловалъ.

Я почувствовалъ, что все время упорнымъ, злобнымъ взглядомъ слѣжу за папою. Страшно мнѣ стало: это къ *нему* такое чувство!

Въ залѣ стихло. Я подождалъ и сталъ осторожно пробираться къ себѣ. Но мама еще не спала. Когда я проходилъ по коридору, она окликнула меня. Дѣлать было нечего; я собрался съ духомъ и вошелъ, стараясь не смотрѣть ей въ глаза.

Она лежала въ постели, съ обложенною подушками, забинтованною рукою; мнѣ показалось, что лицо ея за этотъ день похудѣло, а глаза стали больше.

— Слушай, Митя... — начала она. И пристально глядѣла на меня.

Я смотрѣлъ въ сторону, но чувствовалъ на себѣ ея взглядъ, печальный и долгій. Она помолчала.

— Ты, конечно, попросилъ у папы прощенія?

Я прикусилъ губу и насупился.

— Нѣтъ.

Мама молча и внимательно смотрѣла на меня.

— Да я и не знаю, въ чемъ мнѣ прощенія просить,—процѣдилъ я.

— Голубчикъ мой, что̀ это съ тобой сдѣлалось?—съ болью спросила она.—Вѣдь ты его такъ обидѣлъ! Онъ пришелъ ко мнѣ,—я его просто не узнала: совсѣмъ лица нѣтъ... И за что это, за что? Что онъ тебѣ ласково попенялъ, что ты насъ не

послушался? За это? Такъ неужели же отецъ не можетъ этого даже *требовать?* Или ты себя теперь считаешь самостоятельнымъ человѣкомъ? Голубчикъ мой, вѣдь тебѣ же пят-на-дцать лѣтъ всего!

Я молчалъ. Ея глаза смотрѣли на меня, страдающіе и кротко-укоризненные.

— Да, можетъ-быть, я еще попрошу прощенія! — тихо сказалъ я.

Мама облегченно вздохнула.

— Ну, поди же, голубчикъ! Сейчасъ иди, не откладывай до завтра. Господь съ тобою!

Я пошелъ.

Въ папиномъ кабинетѣ еще горѣлъ огонь. Я тихонько взялся за ручку двери...

Но черезъ минуту я уже сидѣлъ у себя наверху, сгорбившись и угрюмо глядя въ уголъ: дальше двери я къ отцу не пошелъ; прежняя темная, непонятная мнѣ сила съ негодованіемъ отшатнула меня отъ его порога. Теперь я окончательно чувствовалъ себя преступникомъ, — закоренѣлымъ, неспособнымъ къ раскаянію. Но я не ужасался; я ожесточенно закусывалъ губы и думалъ: «И пускай!».

Передо мною вставало лицо матери, кроткое, молящее; слышались слова всеобщаго осужденія и негодованія... «Ну что̀ жъ, и пускай!»—угрюмо и вызывающе думалъ я.

VI.

Спустившись назавтра къ утреннему чаю, я засталъ всѣхъ, кромѣ мамы, въ сборѣ. Разговоръ прекратился, какъ только я вошелъ. Папа поднялъ голову и съ холоднымъ удивленіемъ измѣрилъ меня взглядомъ, словно недоумѣвалъ, — что̀ нужно здѣсь этому неизвѣстному человѣку? Я насупился и, ни съ кѣмъ не здороваясь, сѣлъ къ столу.

Папа отвернулся, кашлянулъ и принялся за свой стаканъ.

Чай прошелъ въ полномъ молчаніи. Катя сидѣла, строгая и печальная, неподвижно глядя на скатерть. Лиза уныло молчала. Видимо, обѣ онѣ уже знали все. Шура, и та притихла, съ удивленіемъ оглядывая насъ.

Папа выпилъ стаканъ и сейчасъ же ушелъ. Молчаніе не прерывалось. Молча всѣ встали изъ-за стола. Я подошелъ къ Лизѣ.

— Хочешь, Лиза, итти на Волчьи Ямы? Тамъ сегодня снопы возятъ—и работники наши и щепотьевскіе мужики.

Я постарался сказать это самымъ обычнымъ голосомъ, но

вышло очень неестественно. Лиза печально и покорно взглянула на меня.

— Пойдемъ.

Мы отправились низомъ, черезъ садъ. Я шелъ, посвистывая, и сбивалъ палкою головки попадавшимся татарникамъ и чертополоху. Лиза молча шла рядомъ.

— Митя!

— Что ты?

Лиза робко и съ усиліемъ сказала:

— Митя... попроси у папы... прощенія...

Я нахмурился.

— Прощенія? Въ чемъ это?

Она молчала.

— Пожалуйста, не суйся, куда тебя вовсе не спрашиваютъ!

Лиза еще ниже опустила голову. Я снова началъ сбивать палкою репейныя головки.

— Митя, попроси прощенія! — тихо повторила она и умоляюще взглянула на меня.

Я сердито повелъ плечами и пошелъ быстрѣе.

Всю остальную дорогу мы не сказали больше ни слова. Что-то вдругъ отдалило насъ другъ отъ друга.

Съ этой минуты я весь ушелъ въ себя. Теперь никого не было на моей сторонѣ. Я остался одинъ.

И потянулись дни... Одиночество, въ которомъ я очутился, было полное. Не только всѣ кругомъ,—собственное мое сознаніе было противъ меня. Только глубоко подъ сознаніемъ, какъ скрученная пружина, напряженно дрожала смутная, непонятная мнѣ сила. Она вела меня, направляла — и молчала. А разсудокъ ясно и строго произносилъ надъ нею осуждающій приговоръ, и я ничего не могъ сказать въ ея защиту. Но все равно! Злая ли то была сила, добрая ли, — она стала мнѣ дороже меня, я безповоротно отдался ей и шелъ съ нею противъ всѣхъ.

Папа держался со мною такъ, какъ будто не замѣчалъ моего присутствія. Мама, прикованная ревматизмомъ къ постели, не выходила изъ спальни. На прекрасномъ, всегда спокойномъ лицѣ Кати я читалъ такое безпощадное осужденіе себѣ, что, казалось, умри я, — и то ея лицо не дрогнуло бы. Я съ вызовомъ принималъ это отношеніе и шелъ ему навстрѣчу. Но съ кѣмъ мнѣ теперь было тяжело встрѣчаться, это съ Лизой: съ ея блѣднаго, страдающаго лица смотрѣли на меня глаза съ такимъ тоскливымъ вопросомъ... А я этого-то вопроса и не могъ разрѣшить.

Иногда приходили минуты, когда какъ будто что-то про-

яснялось во мнѣ, и я взглядывалъ на себя со стороны; тогда мнѣ становилось странно, — я ли это живу и дѣйствую въ своемъ тѣлѣ? Въ такія минуты я замѣчалъ, что папа сильно похудѣлъ, что между его бровями прорѣзалась складка, которой раньше не было. И во мнѣ шевелилась жалость къ нему, и зарождалось желаніе пойти и примириться съ нимъ, снова все поставить по-старому. Но это желаніе скоро исчезало, и я снова замыкался въ себѣ.

Время шло, и никакой перемѣны въ нашихъ отношеніяхъ не было. Но я былъ убѣжденъ, что между мной и папой еще произойдетъ что-то необыкновенное и страшное. Если бы папѣ не предстояло въ скорости уѣхать, все, можетъ-быть, вошло бы постепенно въ колею; но онъ черезъ нѣсколько дней надолго уѣзжалъ; какъ же онъ отнесется ко мнѣ при прощаніи? Будетъ и тогда совершенно не замѣчать меня, какъ теперь? Это невозможно. Еще невозможнѣе было ждать, чтобъ онъ ласково и горячо простился со мною. Очевидно, должно было произойти что-то особенное...

VII.

И вотъ наконецъ пришелъ послѣдній день.

Папѣ нужно было выѣзжать къ поѣзду около десяти часовъ вечера. Съ ранняго утра все въ домѣ стало вверхъ дномъ. Липатьевна переносила изъ прачечной въ залу выглаженное бѣлье. Въ спальнѣ, подъ маминымъ наблюденіемъ, горничныя укладывали чемоданы. Аѳиногенъ смазывалъ на дворѣ тарантасъ. Папа отдавалъ послѣднія приказанія старостѣ.

Я просидѣлъ у себя наверху весь день. Ни къ завтраку ни къ обѣду я не вышелъ. Мнѣ страшно было итти внизъ: тамъ все должно было рѣшиться. И я старался оттянуть эту минуту. Внизу ходили, кричали. Я прислушивался, какъ воръ, боящійся, чтобъ его не накрыли.

Часовъ въ восемь вечера я собрался съ духомъ и спустился въ залу. Всѣ были заняты, и на меня никто не обратилъ вниманія. Я молча остановился у окна. Мимо меня проходили, но никто какъ будто не замѣчалъ меня, словно я былъ вещью въ родѣ стола или стула, на который странно оглядываться.

Я стоялъ ужъ съ полчаса.

«Часъ, другой,—и придетъ минута...»—вдругъ мелькнуло у меня въ головѣ.

И мнѣ стало ясно, что минута эта не пройдетъ мимо. До тѣхъ поръ я просто ждалъ ея, теперь я всѣмъ существомъ

почувствовалъ ея неизбѣжность. Вѣдь это *вправду* будетъ, и и не когда-нибудь, а вотъ сейчасъ, теперь... Ужъ къ десяти часамъ все рѣшится; теперь восемь... Въ эти два часа...

Я прошелся по залѣ и опять подошелъ къ окну. Сердце замирало отъ ужаса, злобы и отчаянной рѣшимости.

«Господи, скорѣе бы!.. Пускай будетъ, что̀ будетъ, только скорѣй, скорѣй...»

Жукъ влетѣлъ въ раскрытое окно, за рѣкою засвѣтился огонекъ. Садъ былъ еще полонъ стрекотаньемъ и чириканьемъ, но въ ясномъ воздухѣ ужъ разливалось что-то задумчиво-тихое, молчаливое. Не шевелились деревья, рѣка чуть зыбилась. И меня поразило, какъ все кругомъ торжественно-спокойно. Умереть бы теперь, — именно теперь же, не дожидаясь ничего...

Въ передней кто-то кашлянулъ.

— Баринъ, поди сюда!—услышалъ я голосъ Власа.

Я вышелъ.

— Поди, позови ко мнѣ папашу. Совсѣмъ изъ головы вонъ! Позабылъ его про слеги новыя спросить. Скажи, что Власъ, молъ, пришелъ.

У меня въ горлѣ задрожалъ смѣхъ: слеги какія-то! Будто въ этихъ несчастныхъ слегахъ теперь дѣло!

Папа стоялъ передъ конторкою и перебиралъ бумаги. При моемъ входѣ онъ быстро поднялъ голову и впился въ меня глазами.

— Папа, тамъ Власъ пришелъ, проситъ тебя на минутку.

— Что̀?—крикнулъ онъ плачущимъ голосомъ.

Я робко повторилъ:

— Власъ тебя спрашиваетъ. Про слеги новыя.

Папа отвернулся и сталъ рыться въ бумагахъ.

— Хорошо... Сейчасъ...

Я ушелъ. Въ залѣ ужъ накрывали ужинать. Николай, со связкою веревокъ въ рукахъ, прошелъ въ мамину комнату, бережно ступая по полу неуклюжими сапогами. Я вышелъ на балконъ и присѣлъ на ступеньку. Теперь у меня ничего не было въ душѣ,—была пустота безъ чувства, безъ мысли. Какъ будто мою голову приложили къ плахѣ.

Подали ужинать. Молча всѣ сошлись, молча и ѣли всѣ, ни на кого не глядя. Та холодная, тоскливая тяжесть, которая ощущалась всю эту недѣлю, когда намъ приходилось быть вмѣстѣ, теперь достигла крайней степени. Наконецъ отужинали. Папа снова ушелъ къ себѣ.

— Ѳинаге-е-нъ!.. Лошадей запрягай! — услышалъ я на крыльцѣ визгливый голосъ Лиматьевны.

Не знаю, откуда у меня взялась смѣлость: я пошелъ къ

мамѣ. Николай увязывалъ послѣдній чемоданъ. Покончивъ съ нимъ, онъ сложилъ всѣ въ уголъ одинъ на другой и ушелъ.

— Митя!—услышалъ я тихій, дрожащій голосъ.

Мама смотрѣла на меня долгимъ, пристальнымъ взглядомъ, словно подзывая къ себѣ. Я сдѣлалъ къ ней два шага.

— Митечка! Попроси у папы... прощенія... — сказала она и вдругъ, всѣмъ тѣломъ наклонившись впередъ, тихо, безпомощно заплакала.

Я остолбенѣлъ. Новая, дотолѣ никогда мною неслыханная нота звучала въ ея голосѣ: то безвольная рабыня плакала, вымаливая у грознаго господина хоть каплю состраданія.

— Посмотри на папу... Вѣдь онъ въ эту недѣлю... на десять лѣтъ постарѣлъ, — еле проговорила она сквозь рыданія.

Что-то до крайности напрягшееся вдругъ словно оборвалось во мнѣ.

— Мама!.. Я... пойду...—сказалъ я, задыхаясь, и, высвободивъ руку, медленно пошелъ изъ комнаты.

Какъ будто чужая, посторонняя душѣ сила вела меня, не спрашивая, хочу ли я итти, нѣтъ ли. Передъ папиною дверью я на минуту остановился. Та же сила толкнула меня впередъ. Я вошелъ въ кабинетъ.

Папа сидѣлъ за письменнымъ столомъ и писалъ что-то въ записной книжкѣ. Я неловко подошелъ и тихо сказалъ, глядя въ землю:

— Папа, прости меня.

Папа пересталъ писать, какъ будто удивился и холодно взглянулъ на меня.

— Простить тебя? Въ чемъ? Я на тебя не сержусь.

И онъ снова взялся за карандашъ. Съ минуту длилось молчаніе.

— Что̀ же ты стоишь? Иди себѣ... Да вотъ, кстати: вели лошадей подавать, пора ѣхать.

— Прости меня!—повторилъ я и быстро взглянулъ на него.

— Поздно, голубчикъ мой!—печально сказалъ папа. — Теперь мнѣ ѣхать пора, а не о прощеніи разговаривать. Какъ бы еще на поѣздъ не опоздать. Да я на тебя вовсе и не сержусь. Тебѣ чего, прощенья нужно? Изволь, я прощаю. Вѣдь тебѣ это, дѣйствительно, какъ я вижу, крайне необходимо.

Онъ горько усмѣхнулся и замолчалъ. Я тоже молчалъ, не двигаясь съ мѣста.

— О, Господи!—вдругъ воскликнулъ папа и схватился за голову.—За что, за что мнѣ это?! Я тутъ сижу, какъ дуракъ, ночей не сплю напролетъ... Я пятьдесятъ лѣтъ не плакалъ, теперь я узналъ, что̀ такое слезы... О-о-о!.. О-о-о!.. Если бы у

меня что-нибудь такое съ отцомъ вышло, я на шею бы ему кинулся и слезами бы... слезами... А ему и горя мало!.. Ему это только пустая формальность!..

Онъ откинулся на спинку кресла и зарыдалъ.

Я быстро поднялъ голову: онъ, *онъ* плакалъ передо мною!.. Это было невѣроятно и ужасно. Я кинулся къ нему и остановился, безпомощно опустивъ руки.

— Папочка, прости меня!.. — растерянно повторялъ я, съ испугомъ и стыдомъ глядя на него.

— Ступай себѣ, Богъ тебѣ судья!..

Онъ положилъ голову на руку и продолжалъ беззвучно рыдать.

Я смотрѣлъ на него и не замѣчалъ, что у самого у меня слезы градомъ лились по лицу. Все, что̀ случилось въ послѣднюю недѣлю, вылетѣло у меня изъ головы; я видѣлъ только этого сдержаннаго человѣка, теперь плакавшаго передо мною, какъ мальчикъ. Мнѣ больно и обидно было за него, что онъ такъ унизился передо мною, и жалко было его; но, главное, я видѣлъ теперь, какъ неизмѣримо я неправъ передъ нимъ, и какъ трудно мнѣ искупить свою вину.

— За что это, за что? — сказалъ папа, закрывъ глаза рукою. — Вѣдь ты меня ненавидѣть началъ, я это ясно вижу... Это за то, что я вамъ всю жизнь отдалъ, только о васъ и думалъ. Я не о твоемъ непослушаніи говорю,—за это Богъ тебѣ судья. Но я въ ужасъ прихожу, когда подумаю о твоей безумной, ничего не разбирающей порывистости, твоей способности увлекаться до полнаго ослѣпленія. Ты не знаешь, къ чему это ведетъ, а я знаю... У меня сердце кровью обливается, какъ представлю себѣ, что̀ ждетъ тебя въ будущемъ съ твоимъ характеромъ... И вѣдь мой долгъ, — *долгъ*, понимаешь ли ты? — удерживать тебя, предостерегать тебя. И за это-то эта ненависть, эта вражда!.. Богъ тебя прости! Послѣ когда-нибудь ты оцѣнишь все,—тогда ты согласишься со мною, что я былъ правъ...

— Папа... голубчикъ... прости меня!.. — проговорилъ я, давясь отъ рыданій.

— Я тебѣ, другъ мой, правду говорю: я на тебя не сержусь. Если ты не вѣришь мнѣ, если не хочешь видѣть моей любви къ тебѣ...

Я въ тоскѣ спросилъ:

— Могу ли я, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что не теперь, а хоть потомъ, когда-нибудь, ты меня простишь?

Не помню, что̀ происходило дальше; помню только, что это было что-то мучительное, какъ горячечный сонъ.

Папа простился со мною нѣжно и ласково, перекрестилъ и поцѣловалъ меня; какъ сквозь туманъ, вспоминаю наше крыльцо, мерцающіе во мракѣ фонари, папу въ дорожномъ платьѣ, лица мамы и сестеръ, поцѣлуи, пожеланія... Звякнулъ колокольчикъ, лошади дернули, и ночная темь поглотила тарантасъ

Я поднялся къ себѣ на верхъ и растерянно подошелъ къ окну. Вдали слабою трелью заливался колокольчикъ. Изъ-за зубчатаго силуэта сосны выглядывалъ тонкій, блестящій серпъ мѣсяца. Вѣтеръ слабо шумѣлъ въ липахъ.

— А все-таки ты не виноватъ!—угрюмо прошепталъ голосъ въ глубинѣ души.

Отчаяніе овладѣло мною, когда я услышалъ этотъ задорный голосъ. Я задушилъ его въ себѣ и продолжалъ растерянно смотрѣть въ окно.

1889.

ТОВАРИЩИ.

Василій Михайловичъ сидѣлъ за стаканомъ чая у открытаго окна. Онъ спалъ послѣ обѣда и только-что поднялся — заспанный, хмурый. Спалъ плохо: все время сквозь сонъ онъ напряженно и тоскливо думалъ о чемъ-то; теперь онъ забылъ, о чемъ думалъ, но на душѣ щемило, а въ головѣ неотвязно стояли два стиха, Богъ вѣсть съ чего пришедшіе на память:

Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой...

Моросилъ дождь, на заросшей улицѣ чернѣла грязная дорога; березы противоположнаго сада смутно рисовались на сѣромъ, дождливомъ небѣ; гдѣ-то кричали галки.

Василій Михайловичъ задумчиво и неподвижно смотрѣлъ въ окно. Онъ думалъ о томъ, что уже цѣлыхъ два года прожилъ въ Слесарскѣ; эти два года пролетѣли страшно быстро, какъ одна недѣля, а между тѣмъ воспоминанію не на чемъ остановиться: дни вяло тянулись за днями, — скучные, безсмысленные; опротивѣвшая служба, безконечныя прогулки по комнатѣ, выпивки—и тупая тоска, изъ которой нѣтъ выхода, которая стала его обычнымъ состояніемъ... Неужели такъ всю жизнь прожить? А между тѣмъ впереди ужъ ничего нѣтъ. Не нужно бы яркихъ радостей, разнообразія, счастья; довольно было бы знать, что живешь для чего-нибудь, что хоть кому-нибудь нужны твое дѣло, твой трудъ...

Дождь за окномъ моросилъ. Вода съ однообразнымъ шумомъ лилась изъ желоба въ кадушку. Въ темнѣвшей комнатѣ мѣрно тикалъ маятникъ.

Съ улицы кто-то окликнулъ Василія Михайловича. Четверо мужчинъ въ бѣлыхъ фуражкахъ, съ раскрытыми зонтиками, перебирались наискосокъ черезъ дорогу къ его квартирѣ. Это были акцизники Зубаренко и Ивановъ, сослуживцы Василія

Михайловича, врачъ Чуваевъ и Егоровъ, учитель прогимназіи. Ивановъ, высокій и толстый человѣкъ, размахивая палкою, перепрыгивалъ впереди черезъ лужи и кричалъ что-то Василію Михайловичу. Они шли къ нему.

Василій Михайловичъ стоялъ у окна и, сморщившись, смотрѣлъ на Иванова. Теперь ему вдругъ стала мила его печаль; онъ охотно остался бы съ нею одинъ.

Гости, стуча калошами, вошли въ прихожую.

— Что̀ это, господа, какъ васъ рѣдко видно?—сказалъ Василій Михайловичъ.

— Вопросъ теперь не объ этомъ, — лѣниво произнесъ докторъ Чуваевъ, отряхивая воду съ зонтика. — Вы лучше скажете: чаемъ насъ напоите? пиво поставите?

— Ну, разумѣется!—отвѣтилъ Василій Михайловичъ, переходя въ шутливо-грубоватый тонъ Чуваева.—Что̀ я съ вашимъ братомъ безъ пива дѣлать буду?

Онъ пошелъ въ кухню распорядиться. Когда онъ вернулся въ залу, Ивановъ, смѣясь и быстро расхаживая по комнатѣ, разсказывалъ что-то; его широкое, добродушное лицо дышало весельемъ, но маленькіе глаза смотрѣли, по обыкновенію, жалко и растерянно.

Этотъ Ивановъ своею разговорчивостью спасалъ всѣхъ; Василій Михайловичъ не зналъ, что̀ бы онъ безъ него сталъ дѣлать съ гостями; да, впрочемъ, они бы и не пришли къ нему безъ Иванова. Съ тѣхъ поръ, какъ всѣ они, товарищи по университету, неожиданно встрѣтились въ Слесарскѣ въ роли скромныхъ чиновниковъ, между ними легло что-то неискреннее и натянутое...

Василій Михайловичъ молча сѣлъ къ окну. Ивановъ торопливо разсказывалъ:

— Эта дорога на Серебряные Пруды очень живописная. Налѣво Засѣка; справа, за рѣкой, Зыбинскія горы... Одинъ только недостатокъ: уже лѣтъ пять по этой дорогѣ ни одинъ чортъ не ѣздилъ. Ну, вотъ я и счелъ нужнымъ восполнить этотъ недостатокъ,—прибавилъ онъ, громко разсмѣялся и оглядѣлъ всѣхъ своимъ растеряннымъ взглядомъ. — Зайцевъ такая масса, просто удивительно! — обратился онъ къ Василію Михайловичу. — И смѣлые какіе!..

— Да вотъ какъ,—лѣниво вмѣшался Чуваевъ, никогда не бывавшій въ описываемыхъ мѣстахъ: — идешь,—на краю дороги заяцъ; возьмешь его за уши, встряхнешь и опять пускаешь.

Ивановъ засмѣялся.

— Да, да, почти такъ! Ѣдемъ мы съ хозяйкою верхомъ, на

дорогѣ два зайца. Она кричитъ на нихъ, чтобы спугнуть съ дороги...

— А они оборачиваются: «Убирайся къ чорту! Мы сами знаемъ, въ какое время намъ уходить!»—серьезно докончилъ Чуваевъ.

Учитель Егоровъ разсмѣялся частымъ, густымъ смѣхомъ.

— Этакая дурища! Чего она обезпокоилась? Раздавить, что ли, боялась зайцевъ? «Мы сами знаемъ, въ какое время намъ уходить», — ей-Богу, славно!

Онъ сталъ закуривать и продолжалъ смѣяться про себя остротѣ Чуваева.

Въ подобныхъ разговорахъ пройдетъ весь вечеръ, Василій Михайловичъ зналъ это. Не молчать же, сойдясь вмѣстѣ; а больше имъ говорить не о чемъ. Взгляды у всѣхъ очень честные, симпатичные и до мелочей одинаковые; заговори кто о чемъ серьезномъ, — и его слова встрѣтятся скрытою улыбкою: вѣдь все, что̀ онъ скажетъ, давно уже прочитано всѣми въ такихъ-то и такихъ-то хорошихъ книжкахъ.

Кухарка внесла самоваръ и заварила чай. Пересѣли къ столу.

Чуваевъ небрежно сказалъ:

— А бой-баба эта хозяйка ваша!.. Что̀ она теперь, съ Почекаевымъ, что ли, валандается?

— Д-да, кажется, — неохотно отозвался Ивановъ.

— Развѣ?— съ удивленіемъ спросилъ Егоровъ, насторожившись. — Вотъ тутъ и говори! Почекаевъ,—этакій, съ позволенія сказать, шишъ!

— А вы что̀ думаете? Онъ большимъ успѣхомъ пользуется у женщинъ.

— Да вѣдь это положительно уродецъ какой-то: маленькій, на кривыхъ ножкахъ, лицо, какъ маска!

— Ну, тамъ каковъ ни на есть,—улыбнулся Чуваевъ:—а его и сама Авдотья Николаевна близко знаетъ, не то, что хозяйка его.

Василій Михайловичъ сидѣлъ у окна и молчалъ. Зубаренко, приземистый хохолъ въ темныхъ очкахъ, угрюмо нахмурившись, курилъ папиросу за папиросой и тоже молчалъ. Остальные гости пили чай, разговаривали и словно не замѣчали настроенія хозяина. Василій Михайловичъ пересѣлъ къ столу и принялъ участіе въ общемъ разговорѣ.

Чай отпили. Чуваевъ и Василій Михайловичъ разспрашивали Егорова о его товарищахъ-учителяхъ. Зубаренко и Ивановъ пересматривали на концѣ стола альбомъ; имъ попалась карточка Глѣба Успенскаго, и они молчали, задумчиво глядя на его страдающее, измученное лицо.

Егоровъ говорилъ:

— Да вообще безъ винта тутъ не проживешь. Придешь къ кому-нибудь: «а слышали вы вчера Петръ Петровичъ на большомъ шлемѣ сѣлъ безъ шести?» Слушаешь, какъ остолопъ, и хлопаешь ушами. Ей-Богу, хорошо бы научиться: славно бы можно вечера проводить.

— Найдите учителя, я тоже поучусь,—сказалъ Чуваевъ.

— Да, поди-ка! Кого ни попросишь, — ну, говорятъ, это слишкомъ скучно.

— Въ семьѣ, въ школѣ намъ никто никогда не говорилъ о нашихъ обязанностяхъ,—донесся съ конца стола тихій, пришептывающій голосъ Зубаренки.—Не воруй, не лги, не обижай другихъ, не, не, не... Вотъ была мораль.

Всѣ насторожились и стали прислушиваться.

— Мы думали спокойно прожить съ этою моралью, какъ жили наши отцы. И вдругъ приходитъ книга и обращается къ намъ съ неслыхано-громаднымъ запросомъ: она требуетъ, чтобъ вся жизнь была однимъ сплошнымъ подвигомъ. Но гдѣ взять для этого силъ? Книга этихъ силъ дать не могла,— она ихъ предполагала уже существующими... И вотъ результатъ: она только искалѣчила насъ и пустила гулять по свѣту съ «больною совѣстью»...

Всѣ молчали и слушали—внимательно, враждебно и пугливо. Какъ будто Зубаренко выдавалъ всѣмъ тайну, которую они старательно скрывали другъ отъ друга. Чуваевъ съ усмѣшкою почесалъ въ затылкѣ и громко спросилъ:

— А что̀, Василій Михайловичъ, пиво поставите вы намъ сегодня?

Зубаренко покраснѣлъ и замолчалъ. Всѣ вдругъ неестественно оживились. Василій Михайловичъ, жадно слушавшій Зубаренку, уныло поднялся и пошелъ распорядиться.

Подали пиво. Чуваевъ разлилъ его по стаканамъ. Заговорили о борьбѣ Бисмарка съ Вильгельмомъ, о выборахъ въ Англіи. Но разговоръ шелъ вяло, никто не смотрѣлъ другъ другу въ глаза.

— Что̀, господа, спѣть бы что-нибудь!—предложилъ Егоровъ.

— Все старыя, избитыя пѣсни, надоѣли! — слабо запротестовалъ Ивановъ.

Чуваевъ потрепалъ его по плечу.

— Ничего, Петръ Сергѣевичъ! Вы въ нихъ каждый разъ на новый манеръ врете.

— Ужъ лучше спойте вы намъ для начала что-нибудь одинъ.

Чуваевъ всталъ и потянулся.

— Развѣ что для начала!.. Что̀ же спѣть-то?

— Спойте: «Такъ жизнь молодая».

Чуваевъ выпилъ стаканъ пива, прислонился къ стѣнѣ и откашлялся. Немного помолчалъ, потомъ запѣлъ:

Такъ жизнь молодая проходитъ безслѣдно,
А тамъ—тамъ ужъ близко конецъ;
И все, какъ посмотришь, такъ пусто, такъ блѣдно!..

Какъ будто совсѣмъ другой человѣкъ стоялъ теперь передъ Василіемъ Михайловичемъ: Чуваевъ выпрямился, брови его нахмурились, и въ нихъ легла скорбная складка; въ мягкомъ полусвѣтѣ, бросаемомъ абажуромъ лампы, его лицо смотрѣло сурово и необычно.

Чѣмъ вспомнить кипучую жизнь молодую?
Любовью ль холодной, любовью ль безстрастной?..

Всѣ молчали. Просто, безъ всякихъ усилій, пѣсня вдругъ съютила ихъ и сблизила; всѣ переживали одно и то же, и переживали вмѣстѣ, и хорошо всѣмъ было... А Чуваевъ пѣлъ, и несдерживаемою тоскою зазвучалъ его голосъ при послѣднихъ словахъ пѣсни:

Застынь же ты, сердце, и съ жизнью ненастной!..

Егоровъ провелъ рукою по лбу.

— Славно, ей-Богу, славно!

— Ну, господа, теперь общее что-нибудь!—предложилъ Василій Михайловичъ; онъ оживился, ему вдругъ стали милы его гости.—Андрей Ивановичъ, за ваше здоровье!—обратился онъ къ Чуваеву и съ любовью глядѣлъ на него.

Они чокнулись и выпили.

Пробки хлопали. Исчезла прежняя неловкость, всѣ чувствовали себя свободно. Пиво развязало голоса. Чуваевъ запѣвалъ, остальные подхватывали. Пѣли: «Ой, во лузяхъ», «Гой, ты, Днѣпръ», «Не осенній мелкій дождичекъ»...

И Василій Михайловичъ пѣлъ. Голова его слегка кружилась; все вокругъ приняло мягкій, поэтическій оттѣнокъ: на душѣ было грустно. Опять вспомнились ему два послѣдніе года, бездѣятельные, позорные: сердце спало, мысль довольствовалась готовыми отвѣтами и ни разу не шевельнулась самостоятельно. И дальше то же будетъ. А между тѣмъ онъ учился, онъ когда-то думалъ, искалъ... И все это для того, чтобы здѣсь, гдѣ такъ нужны люди, только пьянствовать, сплетничать и жалѣть, что не у кого научиться играть въ карты.

Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой...

Было время, когда и онъ говорилъ это, и они всѣ. Тогда

хорошо было жить, будущее было свѣтло, думалось, что не на пустяки даны силы...

Знакомыя пѣсни звучали въ ушахъ и будили воспоминанія. И на остальныхъ всѣхъ пахнуло прежнимъ временемъ; лица были задумчивы и грустны.

— Эхъ, господа!—воскликнулъ Василій Михайловичъ прерывающимся голосомъ.—Давайте старую споемъ, хорошую:

Этихъ чудныхъ ночей
Ужъ немного осталось,
Золотыхъ юныхъ дней
Половина промчалась!..

Да, господа, не половина, а *всѣ* промчались!.. Все назади осталось,—и молодость, и вѣра, и идеалы...

Чуваевъ вдругъ усмѣхнулся.

— Ну, оставьте, Василій Михайловичъ! Какіе тамъ идеалы! Пиво-то вотъ пейте: совсѣмъ выдохлось.

Василій Михайловичъ осѣкся и опустилъ голову надъ столомъ.

— Нѣтъ, что̀ же?.. У насъ... идеалы...

— О, Господи! Ну, какіе у васъ «идеалы»? — спросилъ Чуваевъ съ такою улыбкою, что выдержалъ бы ее только человѣкъ, много и крѣпко вѣрящій въ себя.

Василій Михайловичъ печально поднялся и сталъ ходить. Остальные тоже были недовольны. Чуваевъ вмѣшался совсѣмъ некстати: пива было выпито достаточно, и теперь прежняя недовѣрчивость исчезла; всѣмъ хотѣлось раскрыть другъ передъ другомъ души, каяться въ чемъ-то, даже плакать, пожалуй.

— Нѣтъ, господа, что̀ же? Неужто такъ-таки и не было у насъ ничего за душою? — сказалъ Егоровъ и сердито покосился на Чуваева.

Чуваевъ злорадно усмѣхнулся.

— Было, Алексѣй Ивановичъ, — кто споритъ! Только ужъ давно быльемъ поросло... Чего же вспоминать? Всякій заранѣе знаетъ, что другой скажетъ: «Эхъ, господа, — было, а теперь нѣтъ... а могло бы быть»... И все-таки не будетъ... Старая это исторія, Алексѣй Ивановичъ, а наше пошехонское дѣло теперь—пиво пить.

Чуваевъ попалъ въ точку. Онъ въ двухъ словахъ исчерпалъ то, что̀ другіе собирались выразить въ длинныхъ рѣчахъ, о чемъ готовы были плакать хоть и пьяными, но искренними и горькими слезами. И вотъ теперь эти накипѣвшія слезы и рѣчи уперлись въ пустое мѣсто.

Всѣ неловко молчали. Вѣтеръ ударилъ въ окно брызгами дождя, въ спальнѣ стукнула ставня... Василій Михайловичъ ходилъ по комнатѣ и поглядывалъ на своихъ замолкшихъ гостей.

И вдругъ онъ почувствовалъ, какъ всѣ они несчастны и, главное, какъ *одиноко* несчастны, какъ тяжело имъ нести это одинокое горе. И что-то горячее шевельнулось у него въ сердцѣ, ему захотѣлось сблизить ихъ всѣхъ, хотѣлось сказать: «Господа! Чуваевъ правъ, — все это такъ. Но для чего намъ обманывать другъ друга, для чего давить въ себѣ то, что̀ рвется наружу? Посмотрите, какіе мы всѣ измученные, какъ темно и холодно на душѣ! Вѣдь искра была,—почему же она погасла, почему не разгорѣлась? Почему жить такъ тяжело?!.»

Но Василій Михайловичъ ничего не сказалъ: онъ видѣлъ, теперь его слова ни въ комъ не нашли бы отголоска. Чуваевъ заставилъ всѣхъ очнуться, и каждый поспѣшилъ снова пугливо запереться въ себѣ. Всѣ были несчастны,—да; но никто изъ нихъ не уважалъ своего горя, да и не стоило оно уваженія... Вотъ это-то послѣднее съ особенною ясностью почувствовалъ Василій Михайловичъ: да, горе ихъ — горе дряблое, бездѣятельное, ему нѣтъ оправданія; стыдиться его нужно, а не нести въ люди.

И еще болѣе чуждыми, еще болѣе далекими стали всѣ другъ другу...

— А что̀, господа, вѣдь пива-то нѣтъ больше,—вдругъ сказалъ Егоровъ.

— Какъ нѣтъ?—испугался Василій Михайловичъ. — Я велѣлъ Матренѣ полторы дюжины принести, а тутъ всего десять бутылокъ.

Онъ сталъ искать на окнѣ, подъ столомъ, вышелъ въ кухню и разбудилъ Матрену: оказалось, она не дослышала и принесла только десять бутылокъ; теперь итти было уже поздно.

— Чортъ знаетъ, что̀ такое! Хоть бы дюжину, а то какія-то десять бутылокъ! — съ досадою сказалъ Василій Михайловичъ. — Ну, что̀ же, господа, давайте хоть такъ что-нибудь еще споемъ.

Но дѣло не клеилось. Всѣ опять замолчали. Это не тихій ангелъ пролетѣлъ, а проползало что-то мутное, тяжелое, скверное. Въ окна смотрѣла темная ночь, дождь стучалъ по крышѣ, въ кухнѣ храпѣла Матрена... Молча всѣ поднялись, молча стали расходиться.

— Пошехонцы ѣдутъ, цыцъ! — сердито ворчалъ Чуваевъ пробираясь черезъ огромную лужу на дворѣ и отмахиваясь зонтикомъ отъ собакъ.

1892.

НА МЕРТВОЙ ДОРОГѢ.

Изморенный ходьбою и зноемъ, я сидѣлъ съ Михайлой на порогѣ его убогой, крытой соломою сторожки.

Вдали, гдѣ степь сливалась съ сверкавшимъ небомъ, дымились трубы шахтъ, громыхали товарные поѣзда. Кругомъ же все дышало покоемъ и запустѣніемъ. За лощинкою, подъ соломеннымъ навѣсомъ, молчаливо ютилась крестьянская шахта, а мимо насъ бѣжала вдаль узкая, пыльная полоса травы, въ ней рыжѣли растрескавшіеся рельсы. Эта заброшенная желѣзная дорога принадлежитъ крупному углепромышленнику Сохатову и ведетъ на давно уже выработанный Солодиловскій рудникъ; но Сохатовъ не снимаетъ рельсовъ: онъ разсчитываетъ заарендовать у крестьянъ богатый углемъ участокъ рядомъ съ Солодиловкой; если же снять рельсы, то придется опять хлопотать объ отчужденіи земли подъ подъѣздной путь. И вотъ тянется по степи мертвая дорога. Шпалы погнили, рельсы заржавѣли и заросли бурьяномъ; у переѣзда нѣтъ заставы, нѣтъ даже столбика. И Михайла одиноко бродитъ по протоптанной въ бурьянѣ тропинкѣ, оберегая рельсы и шпалы отъ расхищенія.

Былъ шестой часъ вечера. Зной стоялъ жестокій, солнечный свѣтъ рѣзалъ глаза; вѣтерокъ дулъ со степи, какъ изъ жерла раскаленной печи, и вмѣстѣ съ нимъ отъ шахтъ доносился острый, противный запахъ каменноугольнаго дыма... Мухи назойливо липли къ потному лицу, въ головѣ мутилось отъ жары; на душѣ накипало глухое, безпричинное раздраженіе.

Михайла, съ трубкою въ зубахъ, сидѣлъ рядомъ и разсказывалъ мнѣ о своей далекой орловской деревнѣ, о кулакѣ-старшинѣ, забравшемъ въ руки всю волость.

— Кабакъ открылъ, лавку открылъ!.. Въ волостные старшины попалъ!..—говорилъ онъ, мрачно и негодующе глядя вдаль. — Ребятенками вмѣстѣ въ рюхи играли, а теперь по-

смотри: пару гнѣдыхъ завелъ,—лихіе кони, такъ и ерзаютъ,—ахнешь!.. Заговорятъ на сходѣ: «учесть бы его!»—«Ишь,—скажетъ,—податей не платятъ, а тоже—*учесть!*.. Разговариваютъ, сукины дѣти, заковыриваютъ!..»

Ужъ больше часу разсказывалъ мнѣ Михайла о всевозможныхъ бѣдахъ и притѣсненіяхъ, которыя ему пришлось претерпѣть въ жизни. Я слушалъ и, угрюмо глядя на изнемогавшую отъ зноя степь, думалъ о томъ, что мнѣ не скоро еще можно итти дальше, что еще не одинъ часъ придется мнѣ провести здѣсь, пережидая жару. Стыдно признаться, но мало сочувствія вызывали во мнѣ разсказы Михайлы. И степь, безсильно выгоравшая подъ солнцемъ, и лѣнивый, душный воздухъ, и негодующія сѣтованія Михайлы,—все дышало чѣмъ-то такимъ тоскливымъ, разслабляющимъ и безнадежнымъ... Странно было подумать, что гдѣ-нибудь теперь свѣжо и прохладно, что есть на свѣтѣ бодрые, дѣятельные и неунывающіе люди.

На далекихъ Аѳанасьевскихъ копяхъ раздался гудокъ, на него откликнулась одна шахта, потомъ другая,—и вскорѣ вся ихъ дымящаяся цѣпь загудѣла на разные тоны дѣловито-угрюмыми гудками. Откуда-то изъ-за горизонта чуть слышно донесся звонъ церковнаго колокола.

— Ко всенощной звонятъ,—сказалъ Михайла, снялъ шапку и сталъ креститься.

Колоколъ продолжалъ мѣрно звенѣть, и его звонъ съ трудомъ пробивался сквозь ноющее гудѣніе шахтъ.

— Нынче ночью отецъ-покойникъ приходилъ ко мнѣ,—помолчавъ, заговорилъ Михайла:—въ тулупѣ новомъ, въ новыхъ валенкахъ, другую пару въ рукахъ держитъ.—«Все, говоритъ, Миша, ноги зябнутъ, никакъ не могу согрѣться»... Панихидку бы надо отслужить...

Михайла задумчиво поглядѣлъ вдаль, гдѣ медленно струился и переливался горячій воздухъ.

— Все поминy желаютъ родители, баринъ, а мы отощали!.. Э-эхъ!..—тяжело вздохнулъ онъ и сталъ раскуривать погасшую трубку.

Гудки смолкли одинъ за другимъ. Затихъ благовѣстъ. Только безчисленные жаворонки звенѣли и заливались въ яркомъ небѣ, и казалось, что это звенитъ само небо,—звенитъ однообразно, назойливо... Да и въ небѣ ли это звенитъ? Не звенитъ ли кровь въ разгоряченной головѣ?.. Ковыль волновался и сверкалъ подъ солнцемъ, какъ маленькіе клубы бѣлоснѣжнаго пара. По степи шныряли юркіе рыжіе овражки. Изъ рудничныхъ трубъ лѣниво валилъ дымъ и длинными, мутными полосами тянулся по горизонту.

Мимо сторожки прошелъ худощавый, бородатый шахтеръ въ синей блузѣ, съ кожаною сумкою за плечами. Замѣтивъ насъ, онъ въ нерѣшительности остановился и вдругъ круто повернулъ къ сторожкѣ.

— Дозвольте, господа, немножко посидѣть съ вами!—произнесъ онъ съ быстрой улыбкой,—Жарко, нѣтъ никакой возможности итти.

— Просимъ милости!—отвѣтилъ Михайла.

Я гдѣ-то ужъ видѣлъ это нервное лицо съ впалыми щеками и странно блестящими глазами, съ быстрой, нескладной улыбкой, видимо, очень рѣдко появлявшеюся на губахъ. Шахтеръ спустилъ съ плечъ сумку, прислонилъ ее къ облупившейся стѣнѣ сторожки и утеръ платкомъ потный лобъ.

— Никитинъ, да это вы!—вдругъ сказалъ я.

— Какъ же! Я самый.

Встрѣчался я съ Никитинымъ, и не одинъ разъ, на Мирмановскомъ рудникѣ, въ одномъ изъ «балагановъ», какъ здѣсь называютъ рабочія казармы. Зайдешь въ праздникъ въ балаганъ,—все пьяно, на нарахъ кипитъ игра въ карты и орлянку, въ воздухѣ одни только скверныя слова и слышны; а Никитинъ молчаливо сидитъ за столомъ, склонясь худымъ лицомъ надъ какими-то чертежами; вокругъ разложены краски, готовальня, линейки. Заговоришь съ нимъ,—онъ отвѣчаетъ очень вѣжливо, но односложно и сдержанно. Первое время я принималъ его за механика, но потомъ узналъ, что онъ простой шахтеръ.

Никитинъ присѣлъ на свою сумку и закурилъ папиросу.

— Вы куда же это направляетесь?—спросилъ я.

— На Карачевскіе рудники иду. Взялъ расчетъ у Мириманова.

— Что̀ такъ? Порядки тамошніе не нравятся?

— Нѣтъ, что же? Гдѣ ни работай, все одно... Дѣло у меня есть въ Карачевскихъ рудникахъ.

— Дѣло?

— Да... Кое-что надобно тамъ поразвѣдать, посмотрѣть...

— Т.-е. что̀ же именно?

Никитинъ уклончиво отвѣтилъ:

— Такъ... Свои различныя дѣла.

Ужъ и раньше нѣсколько разъ наши разговоры съ нимъ кончались такимъ образомъ. При прежнихъ встрѣчахъ мнѣ иногда казалось, что Никитину хочется поговорить со мною, а заговоришь, — онъ вспыхнетъ и отвѣчаетъ односложно и уклончиво. Но теперь, повидимому, Никитинъ рѣшился побороть свою застѣнчивость. Онъ покраснѣлъ, поправилъ подъ собою сумку и оглядѣлъ меня быстрымъ, испытующимъ взглядомъ.

— Позвольте васъ спросить, я ужъ давно все собираюсь, хорошо вотъ, что встрѣтился,—заговорилъ онъ, улыбнувшись своею нескладною улыбкою, причемъ лицо его покрылось странными морщинками.—Что̀ это, дорого сто̀итъ какія-нибудь изображенія отпечатать, вотъ какъ иконы для продажи печатаютъ, азбуки, царскіе портреты?

— Т.-е. картины, значитъ?

— Т.-е., значитъ... планты!—запнувшись, отвѣтилъ Никитинъ.

— Планы?.. Видите ли, хорошо я съ этимъ дѣломъ не знакомъ, но, кажется, это будетъ стоить не одну сотню рублей.

Никитинъ молчалъ, видимо, пораженный.

— Почему же царскіе портреты за двугривенный можно купить?—спросилъ онъ.

Я сталъ объяснять. Никитинъ слушалъ, задумчиво теребя рѣдкую бороду.

— Почему это васъ такъ интересуетъ?—спросилъ я.

Никитинъ встрепенулся, еще разъ быстро оглядѣлъ меня, откашлялся и началъ поспѣшно развязывать сумку.

— А вотъ позвольте васъ спросить, можетъ, вы мнѣ объясните, — сказалъ онъ и вытащилъ изъ сумки небольшую иллюстрированную азбучку.—Извольте смотрѣть! Все у насъ въ Россіи пропечатано: гуси... дѣвочки вотъ... коровы... солдаты... хомуты... Почему нѣту плантовъ?

— Какихъ плантовъ?

— А рудниковъ!

— Для чего же ихъ печатать?

Никитинъ удивился.

— Для нравоученія!

Мы молча уставились другъ на друга.

— Я васъ не понимаю. Какое же въ планахъ нравоученіе?

— Въ нихъ большое нравоученіе состоитъ!.. Вы вотъ въ рудникъ спускались, видали все; есть тамъ вентиляція, позвольте васъ спросить?

— Есть.

— Есть?.. Тамъ вентиляція такая, что есть ли она, нѣтъ ли,—все одно. Только для виду печи стоятъ. Почему это, позвольте спросить, если на поверхности работать, то работай, сколько хочешь, и ничего тебѣ не будетъ, а въ шахтѣ часъ посидишь,—и начнешь черной харковиной плевать? Тутъ причина вотъ какая: току воздуха дается неправильное направленіе, поэтому газамъ некуда уходить, они и идутъ въ середину къ человѣку. Я вамъ сейчасъ все это объясню.

Никитинъ досталъ изъ сумки толстый свертокъ и развязалъ его. Въ немъ оказалось около десятка большихъ, довольно

неумѣло начерченныхъ и раскрашенныхъ плановъ. Развертывая передо мною одинъ планъ за другимъ, Никитинъ сталъ объяснять мнѣ, въ чемъ заключаются недостатки вентиляціи въ шахтахъ. Я незнакомъ съ вопросомъ о рудничной вентиляціи, но чувствовалось мнѣ, что критика Никитина представляетъ собою что-то крайне нелѣпое. Впослѣдствіи я разсказывалъ о своемъ разговорѣ съ нимъ нѣсколькимъ инженерамъ, и всѣ они нашли, что указанія Никитина въ корнѣ игнорировали самыя элементарныя правила горнаго искусства.

— Вотъ въ чемъ все дѣло! — закончилъ Никитинъ свои объясненія. — Это все на плантахъ видно, всякій сразу бы понялъ, кабы пропечатать... Азбуки вотъ у насъ печатаютъ, ситцы печатаютъ,—отчего же не печатаютъ плантовъ?.. Двѣнадцать часовъ народъ въ шахтѣ сидитъ, а дышать ему нечѣмъ. Воротится шахтеръ домой и помретъ. Вы взрѣжьте его, посмотрите, — у него всѣ кишки пропитались газомъ... Вотъ отчего нашего народу рассейскаго такъ много помираетъ!

— До-овольно его, хватитъ!—съ усмѣшкою произнесъ Михайла.—Хлѣба нѣтъ, ѣсть нечего... Погляди, надѣлы-то какіе стали: курицѣ ступить некуда.

— «Хватитъ»!.. А вотъ помрешь,—дѣти останутся,—сдержанно возразилъ Никитинъ.

— Э, живы будутъ—и сыты будутъ, — сказалъ Михайла, махнувъ рукою.—Вырастутъ, сами работàть станутъ.

— Вы и въ Карачевскіе рудники для того поступаете, чтобъ планъ снять?—спросилъ я Никитина.

— Для этого самаго. Я уже разспрашивалъ ребятъ: много непорядковъ тамъ! Дождутся взрыва, какъ Равицкіе! Слыхали, въ Равицкомъ рудникѣ зимою взрывъ былъ? Двѣнадцать человѣкъ побило газомъ!.. Это чтò же такое? Должны бы они смотрѣть, или нѣтъ? Навесть хотѣли, — и навели, и сдѣлали дѣло... *Двѣнадцать человѣкъ* погубили!.. А все оттого, что вентиляціи нѣтъ.

— Развѣ отъ этого? А я слышалъ, — оттого, что работы производились безъ предохранительныхъ лампъ.

— Нѣтъ, тутъ дѣло не въ лампахъ! Лампы чтò!.. Тутъ штука вотъ какая: вентиляціи настоящей не было. Я вамъ сейчасъ все это правильно докажу.

Никитинъ порылся въ сверткѣ, досталъ планъ рудника Равицкихъ.

— Извольте смотрѣть: вотъ она нижняя продольная идетъ, вотъ она — верхняя. По *мòштабу* въ каждой пятьдесятъ саженъ длины. По нимъ какой вѣтеръ долженъ бы ходить? Чтобъ шапки срывалъ! А у нихъ народъ задыхается... По-

чему тутъ просѣка нѣтъ, позвольте спросить? Отъ бремсберга долженъ во всю длину просѣкъ итти къ вентиляціонной печи,—гдѣ онъ?—Никитинъ спрашивалъ отрывисто и строго, словно обращался къ невидимому подсудимому.—Почему воздушная шахта въ сторонѣ поставлена?.. Я имъ все это въ подробности объяснилъ, письмо послалъ. Недѣлю жду, другую,—не шлютъ отвѣта. Пошелъ самъ... «Получили письмо?»— При этомъ Никитинъ грозно нахмурилъ брови; затѣмъ откинулъ голову и, прищуривъ лѣвый глазъ, протянулъ медленно и высокомѣрно: — По-лу-чи-ли, но намъ нѣтъ надобности давать вамъ отвѣтъ. — «Поч-чему нѣтъ надобности?!» — Потому что это дѣло до васъ не касается.

Никитинъ замолчалъ и выжидательно взглянулъ на меня своими странно блестѣвшими глазами.

— Позвольте спросить: какъ это, принадлежно къ ихъ званію?

Я съ сожалѣніемъ пожалъ плечами.

— Разумѣется, этого и слѣдовало ожидать. Съ какой стати они вамъ будутъ давать отвѣтъ?

— Небось, какъ планты пропечатаютъ, такъ придется отвѣтъ дать!

— Да и тогда наврядъ ли придется.

Я сталъ доказывать Никитину совершенную безцѣльность и ненужность его предпріятія: плановъ его никто и покупать-то не станетъ, если же купитъ, то все равно ничего не пойметъ; о тяжеломъ положеніи шахтеровъ уже много писалось въ газетахъ, а дѣло все идетъ попрежнему; изданіемъ плановъ тутъ мало поможешь... Михайла сочувственно поддакивалъ. Никитинъ оживился; на самолюбивомъ лицѣ выступили красныя пятна, глаза враждебно заблестѣли.

— Какъ это вы можете говорить, что ничего понять нельзя? — возражалъ онъ. — Тутъ всякій можетъ понимать! Извольте смотрѣть.

И онъ разворачивалъ передо мною одинъ планъ за другимъ и взволнованно водилъ пальцемъ по желтымъ, краснымъ и сѣрымъ квадратикамъ, по непонятнымъ для меня надписямъ: «квершлагъ», «бремсбергъ», «капитальный просѣкъ» и т. п. Для Никитина эти планы, въ которые онъ вложилъ столько любви и труда, видимо, дышали жизнью; ему казалось, достаточно любому взглянуть на нихъ, чтобъ сразу получить яркое представленіе о тяжелой судьбѣ шахтера. Я видѣлъ, разубѣждать Никитина было безполезно: слишкомъ ужъ онъ сжился съ своимъ дѣломъ, чтобъ такъ легко отказаться отъ него.

— Ну, во всякомъ случаѣ, дай вамъ Богъ удачи!—сказалъ я.—Если обратятъ вниманіе на ваши планы, то вы сдѣлаете хорошее дѣло... Вы что же, сами собираетесь издать ихъ?

— Обязательно!—неумолимо отвѣтилъ Никитинъ, словно я просилъ его пощадить тѣхъ, для кого онъ готовилъ ударъ изданіемъ своихъ плановъ. — Развѣ всѣ эти безобразія возможно дозволять? Нѣ-ѣтъ!..

Онъ быстро свернулъ планы и молча, не глядя на меня, сталъ укладывать ихъ въ сумку; увязалъ сумку, надѣлъ на плечи.

Я спросилъ:

— Что это, вы ужъ итти собираетесь? Вѣдь жарко еще. Посидѣли бы, переждали, пока жаръ спадетъ.

— Время итти: и такъ дай Богъ къ ночи поспѣть... Просимъ прощенія!

Никитинъ угрюмо приподнялъ фуражку, поправилъ ремни на плечахъ и пошелъ къ рудникамъ.

— Тоже — планты печатать собрался!.. Землемѣръ!.. — Михайла иронически глядѣлъ ему вслѣдъ.—Вотъ какъ наладитъ его хозяинъ по шеямъ, чтобъ не въ свое дѣло не совался, такъ забудетъ о плантахъ думать!

Онъ выбилъ о порогъ выгорѣвшую трубку, сталъ набивать ее табакомъ. Никитинъ, миновавъ соломенный навѣсъ крестьянской шахты, быстро и нервно шагалъ по пыльной дорогѣ.

— Прошибешь ихъ плантами! Вонъ у нашего хозяина, — поди-ка, погляди, въ какихъ конурахъ народъ живетъ! Собаку въ такую землянку загнать совѣстно, а у него въ каждой по два семейства да по два нахлѣбника живетъ. Зайдешь въ землянку осенью, — грязь, слякоть, хлѣвъ настоящій, народу, что сноповъ въ скирдѣ... А на Солодиловкѣ вонъ огромадныя зданія пустыя стоятъ, чортъ ихъ душитъ!..

И опять полился потокъ суровыхъ обличеній. И вдругъ я опять почувствовалъ, какъ кругомъ жарко, душно и тоскливо... Солнце жгло безъ пощады и отдыха; нечѣмъ было дышать, воздухъ былъ горячій и влажный, какъ въ банѣ; ласточки низко носились надъ степью, задѣвая крыльями желтую траву. Никитинъ ужъ исчезъ изъ виду. Вдали, на дорогѣ, длинною полосою золотилась пыль, въ пыли двигался обозъ съ углемъ. Волы ступали, устало помахивая свѣтло-сѣрыми головами, хохлы-погонщики, понурившись, шли рядомъ. Все изнемогало отъ жары...

А Михайла, попыхивая трубкою, неутомимо разсказывалъ о безчисленныхъ злоупотребленіяхъ здѣшнихъ углепромышленниковъ,—и ропталъ, ропталъ безъ конца...

Кругомъ стало темнѣй. По степи пошла тѣнь. Воцарилась странная тишина.

Михайла прислушался и сказалъ:

— Никакъ гроза идетъ.

Я вышелъ въ степь. Съ запада медленно, словно подкрадываясь, ползли по небу тяжелыя грязно-желтыя и лиловыя тучи; чуть слышно погромыхивалъ громъ. Все вокругъ примолкло, вѣтеръ упалъ. А далеко на западѣ, по дорогѣ, вился и клубился огромный столбъ золотистой пыли; на глазъ этотъ столбъ двигался медленно, но чувствовалось, что онъ мчится съ страшною быстротою. Вотъ онъ захватилъ и окуталъ могилу у перекрестка... Вдругъ кругомъ все завыло и засвистѣло. Отъ крестьянской шахты взвилась туча черной пыли и смѣшалась съ набѣжавшимъ золотистымъ вихремъ. Трудно было стоять на ногахъ, пыль залѣпляла глаза, набивалась въ ротъ. Громадные клубы ея, словно спѣша куда-то, неслись между шахтой и сторожкой, перебѣгали наискосокъ рельсы и исчезали за балкой. Сквозь пыль едва видны были на дорогѣ тѣни обоза; хохлы стояли на фурахъ и, согнувшись, поспѣшно надѣвали развѣвавшіяся по вѣтру свиты; волы склонили свои красивыя рогатыя головы навстрѣчу вихрю. Вдругъ рѣзко блеснула молнія, по небу, съ запада на востокъ, съ оглушительнымъ, прерывистымъ трескомъ пронесся громъ, повернулъ обратно и съ глухимъ грохотомъ скатился за шахту. Хлынулъ дождь...

Дождь хлынулъ крупный, частый; онъ съ силою забилъ по землѣ, заволакивая ее мелкою водяною пылью. Даль замутилась, все небо стало ровнаго сѣраго цвѣта, и только на югѣ шевелились и быстро таяли мутные клочья тучъ. Свѣжій вѣтеръ мчался по степи, въ брызги разбивалъ сплошныя струи дождя, и, казалось, какія-то туманныя тѣни несутся подъ дождемъ въ сырую даль. Молніи то и дѣло сверкали малиновымъ свѣтомъ, громъ весело катался по небу изъ конца въ конецъ. Передъ сторожкою образовалась большая лужа; она росла, вздувалась и, обогнувъ полынные кусты, медленно поползла по дорогѣ, оставляя за собою грязный, пѣнистый слѣдъ.

Мы съ Михайлой сидѣли въ сѣнцахъ сторожки, — онъ на боченкѣ изъ-подъ кваса, я на скамейкѣ. Въ дверь тянуло бодрящею, влажною прохладою; грудь жадно дышала. Михайла оживился: его суровое, всегда нахмуренное лицо смотрѣло теперь мягко и радостно.

— Вотъ такъ дождичка Богъ послалъ! Гляди-ка, какъ теперь яровые подымутся!.. Гляди-ка, какъ пшеница зацвѣтетъ!..

Я слушалъ съ невольною улыбкою, и въ то же время сжималось сердце отъ жалости къ Михайлѣ: онъ сіялъ такимъ довольствомъ, такимъ торжествомъ, какъ будто и ему самому дождь сулилъ невѣсть какія выгоды; но я прекрасно зналъ, что ничего здѣсь у Михайлы нѣтъ, кромѣ тянущейся передъ нами ржавой, гнилой дороги, заросшей негоднымъ бурьяномъ.

На тропинкѣ показалась женщина въ выцвѣтшемъ голубомъ платочкѣ, съ котомкою за плечами. Она бѣжала, согнувшись и опустивъ голову, обливаемая дождемъ; вѣтеръ трепалъ мокрую юбку, липнувшую къ ногамъ. Путница черезъ лужи добѣжала до нашей сторожки и, охая, вошла въ сѣнцы.

— О, Господи-батюшка!.. Вотъ дождикъ-то полилъ!—проговорила она, тяжело дыша. — Ужъ и не чаяла добѣжать... Здравствуйте, господа честные!

— Экъ тебя промочило! — соболѣзнующе воскликнулъ Михайла.

— Да ужъ бѣжала, бѣжала... Вижу, тучки идутъ, а укрыться некуда. Спасибо, хатка ваша по дорогѣ встрѣлась.

Она спустила съ плечъ котомку, поставила въ уголъ и положила на нее свою бѣлую камышевую трость съ жестянымъ набалдачникомъ; потомъ подошла къ двери и стала выжимать мокрый, отрепанный подолъ юбки. Лицо у путницы было худое, почти черное отъ загара, и на немъ странно бѣлѣли бѣлки глазъ.

— Льетъ, льетъ дождикъ—не судомъ Божіимъ!..—усталымъ голосомъ произнесла она и сѣла на опрокинутый дощатый ящикъ.—Дорога-то эта на Таганрогъ идетъ, ай нѣтъ?

— На какой Таганрогъ! На Солодиловку дорога идетъ.

Путница огорченно покачала головою.

— То-то я все смотрю: что̀ это, словно... А мнѣ въ Ясиноватой сказали,—на Таганрогъ.

— Тутъ дальше Солодиловки-то и дороги нѣту... Какъ же это ты такъ? Спросила бы толкомъ, поразвѣдала.

— Такъ, видишь ты, спрашивала я; сказали,—сюда итти.

— На Константиновку надобно было тебѣ итти, вотъ куда.

— То-то на Костентиновку, значитъ! А мнѣ говорятъ,—сюда.

— Зачѣмъ сюда? Нѣтъ... На Таганрогъ здѣсь не пройти. Надобно было тебѣ толкомъ спросить,—всякій бы показалъ. Тутъ и малый ребенокъ не скажетъ плохо. Придется назадъ ворочаться тебѣ.

Путница вздохнула.

— Задаромъ сколько верстъ прошла! И такъ ужъ идешь-идешь, не знаешь, когда конецъ будетъ. Ноги опухли, язвы по нимъ пошли...

— А издалека идешь?

— Изъ Іерусалима.

— На богомолье ходила?

— На богомолье.

— Въ пути-то вамъ долгонько пришлось побыть!—сказалъ я.

— Да вотъ отъ Одессы никакъ седьмыя сутки иду. Еще спасибо кондуктору, подвезъ на машинѣ,—рубль и два двугривенныхъ взялъ... Тяжело теперь итти. Вышли мы осенью, тогда хорошо было, дожди шли. А теперь земля твердая,—силъ нѣтъ, жарко... А все-таки лучше, чѣмъ по морю. — прибавила она, помолчавъ.—Вотъ гдѣ мукъ-то натерпѣлись! Качаетъ пароходъ, народу много, скотъ тутъ же; всѣ на одну сторону сбиваются. Рвётъ всѣхъ, духота... Вспомнишь, тяжко становится!

— А въ Іерусалимѣ жарко было?

— Жарко... Мы тамъ больше отъ воды пропадали. Воды мало тамъ; и холодную и горячую турки продаютъ за деньги. Вода тяжелая, вредная. Много тамъ съ нея нашего народу померло.

— Тамъ что̀ же, турки все?—съ любопытствомъ спросилъ Михайла.

— Больше турки. Сурьезный народъ, все, знай, молчатъ. Ходятъ они бо̀сые; какіе ни будь острые камни, никогда не обуются. Скажи имъ: «хорошо—нѣтъ!»—это имъ пріятно.

— Ишь! Любятъ!—засмѣялся Михайла.

— Да...—улыбнулась богомолка.—Греки тоже есть. Они нашей вѣры, а только ничего не поймешь, что̀ они, прости Господи, лопочутъ: «ера̀сиха! ера̀сиха! ерасиха! Ера̀нь! ерань!» А то еще: «бе́рша! берша!» И патріархъ-батюшка то же самое, по-грецки. Погодите, вотъ я вамъ его сейчасъ въ панорамѣ покажу.

Она развязала котомку, достала плохонькій стереоскопъ и пачку фотографій. Мы перешли къ порогу, ближе къ свѣту. Теперь дождь моросилъ лѣниво и скупо, тучи уходили на востокъ, и перекаты грома доносились издалека.

Богомолка вынула изъ пачки двойную стереоскопическую фотографію іерусалимскаго патріарха.

— Вотъ онъ патріархъ-батюшка!.. Въ панорамѣ они двое въ одно пойдутъ. Дай-ка, я его вставлю. Шибко хорошо въ панорамѣ выходитъ! Къ свѣту только ладьте.

Стекла въ стереоскопѣ были пузырчатыя и мутныя, видно въ нихъ было плохо. Богомолка стала намъ показывать другія фотографіи, съ видами святыхъ мѣстъ. Мы смотрѣли въ стереоскопъ, а богомолка давала объясненія.

— Дубъ мамврійскій,—онъ въ панорамѣ большой оказы-

вается... А это будетъ градъ Виѳлеемъ, гдѣ Христосъ родился... Гробъ Господень изнутри... Въ этомъ самомъ гробѣ въ Христову пятницу благодатный огонь съ неба сходитъ.

— Мнѣ приходилось объ этомъ слышать, что огонь сходитъ. Скажите, вы сами не видѣли этого?—спросилъ я.

— Какъ же не видѣла?.. Вотъ придетъ Христова пятница, народу сойдется видимо-невидимо. Пріѣдетъ патріархъ,—видали его въ панорамѣ?.. Турки его сейчасъ раздѣнутъ до рубашки, осмотрятъ всего, обыщутъ, нѣтъ ли гдѣ спичекъ, и запираютъ въ гробъ Господень. Онъ стоитъ тамъ, молится, а мы ждемъ, не шелохнемся. Вдругъ въ дырочку ударяетъ съ неба молонья. Турки отпираютъ гробъ,—патріархъ выходитъ, а въ рукѣ у него свѣча горитъ. Тутъ у всѣхъ такой восторгъ подымается! Ревутъ, ревутъ, какъ ребятишки малые... Особенно арапы, нашей вѣры,—такихъ много; такъ тѣ смотрятъ, другъ дружкѣ на плечи позабираются... Колоколовъ тамъ мало, и они въ церкви самой висятъ; тоже въ доски такія бьютъ. Такъ вотъ, какъ выйдетъ патріархъ со свѣчой, сейчасъ—въ палки, въ доски, въ музыки эти!.. Арапы пляшутъ, въ ладоши щелкаютъ... Всѣ зажигаютъ себѣ свѣчи,—по тридцать три свѣчки у каждаго, вокругъ руки навязаны,—и начинается служеніе... И вѣдь какой, парни, огонь-то! Вотъ такъ водишь свѣчой (разсказчица быстро развязала узелъ головного платка и подняла загорѣлый подбородокъ, рѣзко отдѣлявшійся отъ бѣлой шеи), водишь, водишь, кажись, все спалило бы; а ничего не жжетъ!

— Не жжетъ?!—съ одушевленіемъ спросилъ Михайла.

— Ни капельки!.. Другой арапъ въ безуміе придетъ,—огнемъ этимъ въ животъ себя тыкаетъ, въ лицо,—и ничего... Отъ всякихъ болѣзней этотъ огонь помогаетъ.

На дворѣ начинало темнѣть. Дождь прекратился, но небо было покрыто окладными тучами; съ крыши капало. Кругомъ трещали сверчки, въ сосѣдней балкѣ слабо и неувѣренно щелкала камышевка, неумѣло подражая соловью.

— Однажды не захотѣли, чтобъ православнымъ огонь достался,—продолжала богомолка, помолчавъ.—Сговорились всѣ: не пускать! Вотъ стали они въ церкви, заперлись всѣ: турки, католики, армяне и четвертые... То ли скопцы, то ли, я ужъ не знаю, кто. Кажется, словно... Ко-оп... Нѣтъ, ужъ не знаю, не могу назвать.

— Копты?

— Да, да, копты! Стоятъ... А русскіе возлѣ церкви. Вдругъ съ неба молонья, всѣ свѣчи у русскихъ зажгла. А тѣ стояли-стояли, не дождались ничего. Выходятъ, а у русскихъ свѣчи горятъ. Съ той поры стали пускать.

— Пустишь, братъ, какъ безъ русскихъ ничего не сможешь сдѣлать!—негодующе сказалъ Михайла.—Они тоже—рады православнаго человѣка обидѣть! Вонъ землякъ у насъ съ войны воротился, сказывалъ; что̀ они тамъ дѣлали, турки эти,—не накажи, Господи! Православныхъ христіанъ, что̀ барановъ, свѣжевали; кишки имъ выпускали, на огнѣ жарили!

Богомолка задумчиво выслушала Михайлу, видимо носясь мыслью далеко.

— Ужъ чего-чего тамъ ни насмотришься! — снова заговорила она.—Ей-Богу, смотришь—и сама не знаешь, что̀ это съ тобою: и ужасно какъ-то и весело... Золотыя ворота тамъ есть, теперь ихъ турки камнями заклали; въ эти ворота Христосъ въѣзжалъ на ослѣ. Евреи Ему стлали по дорогѣ бархаты-шелки, а Онъ говоритъ: «Не поѣду по бархатамъ-шелкамъ, поѣду по вербамъ, что̀ мнѣ дѣти настлали». Евреи смотрятъ,—«зачѣмъ, говорятъ, Онъ по вербамъ ѣдетъ,—царь, что ли?..» Хотѣли дѣтей поразогнать... Только Христосъ имъ этого не дозволилъ, говоритъ: «Не препятствуйте имъ! Если, говоритъ, воспрепятствуете, то *аще камни возопіѐ!..*» И что̀ же, миленькіе вы мои? Такъ до сего времени всѣ тѣ камушки, разинувши рты, и лежатъ!..

Богомолка долго еще разсказывала. Много было страннаго и наивнаго, но она относилась ко всему съ такимъ глубокимъ благоговѣніемъ, что улыбка не шла на умъ. Лицо ея смотрѣло серьезно и успокоенно, какъ бываетъ у очень вѣрующихъ людей послѣ причастія. Видимо, изъ своего долгаго путешествія, полнаго тяжелыхъ лишеній, собесѣдница наша несла съ собою въ душѣ нѣчто новое, безконечно для нея дорогое, что̀ всю ея остальную жизнь заполнитъ тепломъ, счастьемъ и миромъ.

Я спросилъ ее:

— А довольны вы, что удалось вамъ побывать въ святой землѣ?

— Какъ же нѣтъ? Вѣдь все тамъ... всюду все осмотрѣла. На страшный-то судъ, небось, туда же потребуютъ, въ тѣ мѣстности.

— Развѣ туда?—удивился Михайла.

— А какъ же?.. Изъ пропасти подъ Давидовымъ домомъ сѣрный пламень забьетъ, по Асафатовой долинѣ огненныя рѣки потекутъ, трубы вострубятъ, мертвые воскреснутъ. Христосъ въ Золотыя ворота въѣдетъ и начнетъ судить.

Богомолка помолчала.

— Намъ тамъ говорилъ отецъ Парѳентій одинъ, святой жизни,—сказала она, понизивъ голосъ.—Богомъ взысканный... Мы у него на исповѣди были. Строго исповѣдуетъ! «Все,—говоритъ,—говори, не утаи чего передъ Господомъ-Богомъ...»

Ну, все ему и разсказываешь. Выслушаетъ, вздохнетъ. «Велики,—говоритъ,—грѣхи твои, поклонница Божія!..» Ничего больше не скажетъ, уйдетъ въ алтарь—и плачетъ, плачетъ, навозрыдъ рыдаетъ; въ грудь себя бье-етъ!.. Такъ вотъ онъ намъ говорилъ: «Рабы Божіе, поклонники и поклонницы! Жизнь наша недолга, концы къ концамъ приходятъ!..»

— Видишь ты!—воскликнулъ Михайла и широко раскрылъ глаза.

— Да-а... Недолго, значитъ, ждать будемъ. А тамъ ужъ каждый давай отвѣтъ, какъ слѣдуетъ: какъ жилъ? благочестиво ли? Тамъ ужъ все раскроется.

Всѣ замолчали.

— Теперь говоримъ: «трудно жить»... Трудно? А то ли еще тогда будетъ!—проговорила богомолка.

Михайла сокрушенно вздохнулъ.

Изъ-за тучъ выглянулъ мѣсяцъ. Степь тонула въ сумракѣ, только ковыль за дорогою бѣлѣлъ одинокими махрами и тихо, какъ живой, шевелился. На горизонтѣ дрожало зарево отъ доменныхъ печей завода, съ рудника доносился мѣрный стукъ подъемной машины.

1896.

ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА.

Воронецкій сидѣлъ на скамейкѣ въ боковой аллеѣ Александровскаго сада и читалъ «Новое Время». Солнце сильно клонилось къ западу, но въ воздухѣ было знойно и душно; пыльныя садовыя деревья не шевелились ни листикомъ; отъ Невскаго тянуло противнымъ запахомъ извести и масляной краски. Воронецкій опустилъ прочитанную газету на колѣни, взглянулъ на часы: было начало восьмого. Къ одиннадцати часамъ ему нужно было быть въ Лѣсномъ; чѣмъ наполнить эти остающіеся три часа?

Изъ знакомыхъ въ Петербургѣ нѣтъ ни души,—всѣ разъѣхались по дачамъ; къ себѣ же домой Воронецкаго не тянуло. Онъ хотя и любилъ свою изящно убранную, уютную холостую квартиру на Пушкинской, но просидѣть въ ней одному цѣлыхъ три часа, да еще вечеромъ, было слишкомъ скучно: что тамъ дѣлать? Правда, Воронецкій давно уже собирался познакомиться съ философіей и купилъ себѣ для этой цѣли «Исторію новой философіи» Фалькенберга, но дальше четвертой страницы введенія никакъ не могъ пойти; тамъ была одна фраза, на которой его раза два отвлекли отъ чтенія и съ которой онъ каждый разъ начиналъ читать снова; фраза эта очень надоѣла Воронецкому; прочтетъ ее, — и у него пропадаетъ охота читать дальше. И онъ отложитъ Фалькенберга въ сторону и возьмется за Мопассана или Армана Сильвестра... Скучны эти лѣтніе вечера въ Петербургѣ!

Воронецкій лѣниво поднялся, вышелъ изъ сада. На углу Гороховой, въ витринѣ, пестрѣли за проволочной сѣткой разноцвѣтныя афиши лѣтнихъ садовъ и театровъ. Онъ подошелъ и сталъ читать. Ярко-зеленая афиша сообщала, что въ саду «Амуровы Стрѣлы» идетъ сегодня на открытой лѣтней сценѣ «Прекрасная Елена» («Большой успѣхъ! Популярная оперетта!»). Въ дивертисментѣ обѣщалось участіе «знаменитой

куплетистки г-жи Лины Гиммельблау—звѣзды Вѣны и Берлина» (недѣлю назадъ, какъ помнилъ Воронецкій, она титуловалась звѣздою одной лишь Вѣны). Въ концѣ стояло:

«Ново!!! Оригинально!!!
Въ первый разъ въ мірѣ!
Дебютъ каскадной пѣвицы
г-жи Чернооковой».

Воронецкій усмѣхнулся, сѣлъ на извозчика и поѣхалъ въ «Амуровы Стрѣлы».

Въ Лѣсномъ, куда сегодня вечеромъ собирался Воронецкій, жилъ на дачѣ его университетскій товарищъ Можжеловъ, учитель математики, недавно переведенный изъ провинціи въ Петербургъ. Воронецкій искренно любилъ его, но не могъ безъ иронической улыбки представить себѣ его фигуру съ добродушною, обросшею волосами физіономіей, конфузливымъ смѣхомъ и быстрою, запинающеюся рѣчью. Можжеловъ остался совсѣмъ такимъ, какимъ былъ студентомъ: попрежнему въ каждомъ извозчикѣ и дворникѣ видѣлъ «брата», попрежнему горячо разсуждалъ о Спенсерѣ и Марксѣ, Михайловскомъ и Николаѣ—онѣ. Какъ ему все это не надоѣло, и къ чему они, эти разсужденія? Что для него, кромѣ чисто-теоретическаго, совершенно безплоднаго интереса, представляетъ вопросъ о томъ, какъ развивается личность, и въ какой закоулокъ грозитъ завести насъ нарождающійся капитализмъ? Жена Можжелова, Анна Сергѣевна,—молоденькая провинціалка съ прекрасными задумчивыми глазами и немножко застѣнчивая,—повидимому, порядкомъ-таки скучала, слушая безконечныя рѣчи мужа; и когда Воронецкій, остроумный и бывалый, начиналъ что-нибудь разсказывать или шутливо поддразнивать Анну Сергѣевну, она видимо оживлялась.

Однажды Воронецкій, разговаривая съ нею, поймалъ на себѣ ея долгій и пристальный, какой-то особенный взглядъ, давно уже знакомый ему въ женщинахъ; и у него вдругъ явилось желаніе обладать Анной Сергѣевной, и въ то же время у него пропало уваженіе къ ней. Все дальнѣйшее было давно и хорошо извѣстно Воронецкому: она будетъ бороться съ собой, будетъ мучиться, придется понемногу брать съ бою все, начиная съ поцѣлуя. Два раза ему уже удалось поцѣловать ее. Вчера Анна Сергѣевна нечаянно проговорилась, что ходитъ по вечерамъ въ паркъ, къ пруду, слушать соловьевъ. Воронецкій объявилъ, что онъ тоже очень любитъ соловьевъ и завтра въ одиннадцать часовъ вечера пріѣдетъ въ паркъ. Услышавъ это, Анна Сергѣевна поблѣднѣла и опустила глаза.

— Ну, смотрите же, приходите и вы! — властно шепнулъ Воронецкій, прощаясь съ нею. И онъ зналъ, что Анна Сергѣевна придетъ.

Воронецкій подъѣхалъ къ «Амуровымъ Стрѣламъ».

Когда онъ вошелъ въ садъ, первый актъ уже начался. Калхасъ, плѣшивый и краснорожій, осматривалъ подношенія богамъ и, разочарованно качая головою, говорилъ: «Слишкомъ много цвѣтовъ!..» Воронецкій пробрался къ своему мѣсту, отвѣчая высокомѣрнымъ взглядомъ на недовольныя ворчанія потревоженныхъ зрителей.

Дѣйствіе тянулось вяло. Елена, хорошенькая, полная блондинка съ подрисованными глазами, величественно закидывала голову и говорила неестественнымъ, театральнымъ голосомъ; Парисъ, съ непріятными чувственными губами подъ свѣтлыми усиками, то и дѣло растерянно поглядывалъ на публику. Остальные исполнители были не лучше. Сносенъ былъ только Менелай, полный, дряхлый старикъ, съ чрезвычайно доброю улыбкою, шамкающимъ голосомъ и землистымъ лицомъ, въ коронѣ и зеленоватой туникѣ. Зрителей на сидячихъ мѣстахъ было немного. Къ барьеру тѣснились безбилетные гуляющіе. Воронецкому бросились въ глаза два молодыхъ парня въ пиджакахъ и новыхъ картузикахъ: они жадными и удивленными глазами слѣдили за Еленой, машинально вытягивая головы каждый разъ, когда при поворотѣ сквозь боковой разрѣзъ туники мелькало ея розовое бедро.

Калхасъ объявилъ, что боги повелѣваютъ Менелаю ѣхать въ Критъ; на Менелая надѣли смѣшной капюшонъ, дали ему въ руки разноцвѣтный зонтикъ, чемоданъ, и Менелай сталъ прощаться. Первое дѣйствіе кончилось.

Воронецкій, недовольно кусая усы, вышелъ въ садъ; онъ любилъ оперетку, потому что она пріятно щекочетъ нервы, потому что она создаетъ вокругъ атмосферу чего-то остроумнаго и изящно-чувственнаго; здѣсь же актрисы были глупы, статистки, съ унылыми и некрасивыми лицами, не пикантны.

Воронецкій сѣлъ къ столику и спросилъ глинтвейну. Военный оркестръ игралъ «Тореадора и андалузку», кастаньеты щелкали. Немногочисленные посѣтители вяло бродили по дорожкамъ. Прошелъ высокій, изящно одѣтый молодой человѣкъ, ведя подъ руку стройную даму съ напудреннымъ лицомъ; важно прошли два парня, которыхъ Воронецкій видѣлъ у барьера,—прошли, ступая носками внутрь и чинно опираясь на зонтики; у парней были здоровыя и наивныя деревенскія лица; въ Воронецкомъ шевельнулось глухое раздраженіе, когда онъ вспомнилъ тотъ животный, плотоядный взглядъ,

какимъ они смотрѣли на сцену. Онъ нахмурился и, прихлебывая горячій глинтвейнъ, сталъ просматривать программу

Раздался звонокъ, призывавшій къ сценѣ. Воронецкій занялъ свое мѣсто. Занавѣсъ поднялся, по сценѣ снова заходили актеры и актрисы, жестикулируя и неестественно разговаривая. Елена, въ свѣтло-голубой шелковой туникѣ, вышла на авансцену и запѣла: «Всѣ говорятъ»...

Пѣла она значительно лучше, чѣмъ играла. Глаза ея вызывающе блестѣли, вся она вдругъ задышала чѣмъ-то порочнымъ и увлекательнымъ; изогнувшись красивымъ, полунагимъ тѣломъ, щурясь и лукаво улыбаясь, она пѣла:

Вотъ, напримѣръ, съ моей мамашей:
Когда къ ней лебедь подплывалъ,
Который былъ моимъ папашей, —
Кто бъ устоялъ?
Кто бъ устоялъ?

И, невинно поднявъ брови, Елена безпомощно разводила руками...

Воронецкимъ стало овладѣвать настроеніе, которое онъ такъ любилъ: голова слегка кружилась отъ выпитаго глинтвейна, женщины облеклись ореоломъ изящной и поэтической, зовущей къ себѣ красоты... И передъ нимъ всталъ темный паркъ въ Лѣсномъ съ соловьями, заливающимися надъ прудомъ, и замирающей отъ волненія Анной Сергѣевной, ждущей его у мостика. Теперь плохая игра перестала раздражать Воронецкаго: онъ улыбался, глядя, какъ Парисъ въ дуэтѣ съ Еленой, страстно обнимая ее, самъ косилъ глаза, внимательно и робко слѣдя за дирижерскою палочкой, какъ онъ началъ понемногу увлекать Елену къ кушеткѣ, причемъ оба они то и дѣло осторожно оглядывались, чтобы не споткнуться. Наконецъ Елена благополучно упала на кушетку, и Парисъ, ставъ на колѣно, припалъ къ Еленѣ долгимъ поцѣлуемъ.

Дверь открылась, и вошелъ Менелай, съ зонтикомъ и чемоданомъ, улыбаясь своею доброю старческою улыбкою. Воронецкаго странно поразила эта улыбка, вовсе не шедшая къ опереткѣ. Менелай увидѣлъ жену въ объятіяхъ Париса. Онъ отступилъ, съ ужасомъ вытаращилъ глаза, весь дрожа, и вдругъ глухимъ, дряхлымъ голосомъ, широко открывая беззубый ротъ, закричалъ:

— Кар-раулъ!!..

Два парня, стоявшіе у барьера недалеко отъ Воронецкаго, засмѣялись. Парисъ и Елена вскочили на ноги, Парисъ бросился къ Менелаю и сталъ убѣждать его не кричать. А Менелай, задыхаясь, метался по сценѣ, безсмысленными, стра-

дающими глазами глядѣлъ на уговаривавшаго его Париса и продолжалъ кричать: «караулъ!..» Такой игры Воронецкій никогда не видалъ въ «Еленѣ», и Менелай не былъ смѣшонъ...

Толпою вошли греческіе цари.

— Гдѣ моя честь?—проговорилъ Менелай, растерянно оглядываясь.

— Гдѣ твоя честь?—хоромъ запѣли цари, театрально поднявъ вверхъ правыя руки.

— Гдѣ моя... ч-честь? — повторилъ Менелай, губы его запрыгали, и онъ заплакалъ, жалко скосивъ лицо. — заплакалъ дряхлымъ, безсильнымъ плачемъ.

Это было удивительно. Въ убогомъ садикѣ, на убогой сценѣ, никому невѣдомый актеръ вдругъ перевернулъ все, и тамъ, гдѣ по ходу дѣйствія и по замыслу композитора нужно было смѣяться надъ рогоносцемъ, хотѣлось плакать надъ несчастнымъ старымъ человѣкомъ съ разбитой вѣрой въ женщину и въ правду...

Занавѣсъ опустился, толпа сквозь узкіе проходы повалила въ садъ. Воронецкій медленно прошелъ аллею. Сѣлъ на чугунную скамейку, закурилъ папиросу. На душѣ было тяжело и непріятно; онъ курилъ и наблюдалъ гуляющихъ, стараясь не замѣчать овладѣвшаго имъ непріятнаго чувства. Въ будкѣ военный оркестръ игралъ попурри изъ «Фауста». Корнетъ-а-пистонъ велъ арію Валентина, и въ вечернемъ воздухѣ мелодія звучала грустно и задушевно.

Богъ всесильный, Богъ любви,
О, услышь мою мольбу:
Я за сестру тебя молю,
Сжалься, сжалься Ты надъ ней!..

Надъ головою тихо шумѣли деревья, заря гасла, небо было чистое, нѣжное. Въ густой зелени серебристыхъ тополей заблестѣли электрическіе фонари. Воронецкій посмотрѣлъ на часы: половина одиннадцатаго; пора было ѣхать въ Лѣсной. Онъ вышелъ изъ сада и взялъ извозчика на Выборгскую, къ Лѣсной «конкѣ».

Была бѣлая ночь. Дворники, кутаясь въ сермяжные халаты, дремали у воротъ; улицы пустѣли; изрѣдка проѣзжалъ извозчикъ, или, какъ тѣнь, проносился велосипедистъ, давая на поворотахъ рѣзкіе, короткіе звонки.

Воронецкій проѣхалъ узкую Казанскую, безсонный Невскій, повернулъ на Литейный; подъ догоравшей зарей блеснула далекая гладь Невы. Буксирный пароходъ, мерцая зеленымъ фонаремъ, безшумно поворачивалъ къ берегу, оставляя за собою тускло сверкавшую струю. Воронецкій слѣдилъ за нимъ

угрюмымъ взглядомъ; пріятное настроеніе его исчезло и не возвращалось; прелесть предстоящаго свиданія потускнѣла.

Извозчикъ выѣхалъ на Самсоніевскій проспектъ. Паровая «конка» только-что отошла; гремя и плавно колыхаясь, поѣздъ быстро исчезалъ въ сумракѣ бѣлой ночи. Слѣдующій поѣздъ долженъ былъ итти черезъ полчаса.

— Прибавили бы, баринъ, полтинничекъ,—свезъ бы васъ въ Лѣсной,—сказалъ извозчикъ.

Воронецкій нѣкоторое время въ колебаніи смотрѣлъ въ даль Самсоніевскаго проспекта.

— Пошелъ на Пушкинскую!—вдругъ отрывисто сказалъ онъ.

Извозчикъ повернулъ обратно.

Воронецкій ѣхалъ, прикусивъ губу и сдерживая презрительную усмѣшку: онъ самъ себѣ былъ невыразимо смѣшонъ, что не поѣхалъ въ Лѣсной.

1896.

БЕЗЪ ДОРОГИ.

Повѣсть.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

20-го іюня 1892 г. С-цо Касаткино.

Теперь уже три часа ночи. Въ ушахъ звучатъ еще веселые дѣвическіе голоса, сдерживаемый смѣхъ, шопотъ.. Онѣ ушли, въ комнатѣ тихо, но самый воздухъ, кажется, еще дышитъ этимъ молодымъ, разжигающимъ весельемъ, и невольная улыбка просится на лицо. Я долго стоялъ у окна. Начинало свѣтать, въ темной, росистой чащѣ сада была глубокая тишина; гдѣ-то далеко, около риги, лаяли собаки... Дунулъ вѣтеръ, на вершинѣ липы обломился сухой сучокъ и, цѣпляясь за вѣтви, упалъ на дорожку аллеи; изъ-за сарая потянуло крѣпкимъ запахомъ мокраго орѣшника. Какъ хорошо! Я стою и не могу насмотрѣться; душа черезъ край переполнена какимъ-то тихимъ, безотчетнымъ счастьемъ.

И грудь вздыхаетъ радостнѣй и шире,
И вновь кого-то хочется обнять...

Кругомъ все такъ близко знакомо,—и очертанія деревьевъ, и соломенная крыша сарая, и отпряженная бочка съ водой подъ липами. Неужели я ужъ цѣлыхъ три года не былъ здѣсь? Я какъ будто видѣлъ все это только вчера. А между тѣмъ какъ долго шло время...

Да, мало что хорошаго вспомнишь за эти прожитые три года. Сидѣть въ своей раковинѣ, со страхомъ озираться вокругъ, видѣть опасность, и сознавать, что единственное спасеніе для тебя—уничтожиться, уничтожиться тѣломъ, душою, всѣмъ, чтобъ ничего отъ тебя не осталось... Можно ли съ

этимъ жить? Невесело сознаваться, но я именно въ такомъ настроеніи прожилъ всѣ эти три года.

«Зачѣмъ я отъ времени зависѣть буду? Пускай же лучше оно зависитъ отъ меня». Мнѣ часто вспоминаются эти гордыя слова Базарова. Вотъ были люди! Какъ они вѣрили въ себя! А я, кажется, настоящимъ образомъ въ одно только и вѣрю,— это именно въ неодолимую силу времени. «Зачѣмъ я отъ времени зависѣть буду»! Зачѣмъ? Оно не отвѣчаетъ; оно незамѣтно захватываетъ тебя и ведетъ, куда хочетъ: хорошо, если твой путь лежитъ туда же, а если нѣтъ? Сознавай тогда, что ты идешь не по своей волѣ, протестуй всѣмъ своимъ существомъ,—оно все-таки дѣлаетъ по-своему. Я въ такомъ положеніи и находился. Время тяжелое, глухое и сумрачное со всѣхъ сторонъ охватывало меня, и я со страхомъ видѣлъ, что оно посягаетъ на самое для меня дорогое, посягаетъ на мое міросозерцаніе, на всю мою душевную жизнь... Гартманъ говоритъ, что убѣжденія наши—плодъ «безсознательнаго», а умомъ мы къ нимъ лишь подыскиваемъ болѣе или менѣе подходящія основанія: я чувствовалъ, что тамъ гдѣ-то, въ этомъ неуловимомъ «безсознательномъ», шла тайная, предательская, невѣдомая мнѣ работа, и что въ одинъ прекрасный день я вдругъ окажусь во власти этого «безсознательнаго». Мысль эта наполняла меня ужасомъ: я слишкомъ ясно видѣлъ, что правда, жизнь—все въ *моемъ* міросозерцаніи, что, если я его потеряю, я потеряю все.

То, что происходило кругомъ, лишь укрѣпляло меня въ убѣжденіи, что страхъ мой не напрасенъ, что сила времени—сила страшная и не по плечу человѣку. Какимъ чудомъ могло случиться, что въ такой короткій срокъ все такъ измѣнилось? Самыя свѣтлыя имена вдругъ потускнѣли, слова самыя великія стали пошлыми и смѣшными: на смѣну вчерашнему поколѣнію явилось новое, и не вѣрилось, неужели *эти*—всего только младшіе братья вчерашнихъ? Въ литературѣ медленно, но непрерывно шло общее заворачиваніе фронта, и шло вовсе не во имя какихъ-либо новыхъ началъ,—о, нѣтъ! Дѣло было очень ясно: это было лишь ренегатство,—ренегатство общее, массовое и, что всего ужаснѣе, безсознательное. Литература тщательно оплевывала въ прошломъ все свѣтлое и сильное, но оплевывала наивно, сама того не замѣчая, воображая, что поддерживаетъ какіе-то «завѣты»; прежнее чистое знамя въ ея рукахъ давно уже обратилось въ грязную тряпку, а она съ гордостью несла эту опозоренную ею святыню и звала къ ней читателя; съ мертвымъ сердцемъ, безъ огня и безъ вѣры, говорила она что-то, чему никто не вѣрилъ...

Я съ пристальнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми этими перемѣнами; обидно становилось за человѣка, такъ покорно и безсознательно идущаго туда, куда его гонитъ время. Но при этомъ я не могъ не видѣть и всей чудовищной уродливости моего собственнаго положенія: отчаянно стараясь стать *выше времени* (какъ будто это возможно!), недовѣрчиво встрѣчая всякое новое вѣяніе, я обрекалъ себя на мертвую неподвижность; мнѣ грозила опасность обратиться въ совершенно «обезсмысленную щепку» когда-то «побѣдоноснаго корабля». Путаясь все больше въ этомъ безвыходномъ противорѣчіи, заглушая въ душѣ горькое презрѣніе къ себѣ, я пришелъ наконецъ къ результату, о которомъ говорилъ: уничтожиться, уничтожиться совершенно—единственное для меня спасеніе.

Я не бичую себя, потому что тогда непремѣнно начнешь лгать и преувеличивать; но въ этомъ-то нужно сознаться, что такое настроеніе мало способствуетъ уваженію къ себѣ. Заглянешь въ душу,—такъ тамъ холодно и темно, такъ гадко-жалокъ этотъ безсильный страхъ передъ окружающимъ! И кажется тебѣ, что никто никогда не переживалъ ничего подобнаго, что ты—какой-то странный уродъ, выброшенный на свѣтъ теперешнимъ страннымъ, неопредѣленнымъ временемъ... Тяжело жить такъ. Меня спасала только работа: а работы мнѣ, какъ земскому врачу, было много, особенно въ послѣдній годъ,—работы тяжелой и отвѣтственной. Этого мнѣ и нужно было: всѣмъ существомъ отдаться дѣлу, *наркотизироваться* имъ, совершенно забыть себя,—вотъ была моя цѣль.

Теперь служба моя кончилась. Кончилась она неожиданно и довольно характерно. Почти противъ воли я сталъ въ земствѣ какимъ-то enfant terrible; предсѣдатель управы не могъ равнодушно слышать моего имени. Подоспѣлъ голодный тифъ; я проработалъ на эпидеміи четыре мѣсяца и въ концѣ апрѣля свалился самъ, а когда поправился... то оказалось, что во мнѣ больше не нуждаются. Дѣло сложилось такъ, что я *долженъ* былъ уйти, если не хотѣлъ, чтобъ мнѣ плевали въ лицо... Э, да что̀ вспоминать! Я взялъ отставку и вотъ пріѣхалъ сюда. Забыть все это!..

Большая зала стариннаго помѣщичьяго дома, на столѣ кипитъ самоваръ; висячая лампа ярко освѣщаетъ накрытый ужинъ, дальше, по угламъ комнаты почти совсѣмъ темно; подъ потолкомъ сонно гудятъ и жужжатъ стаи мухъ. Всѣ окна раскрыты настежь, и теплая ночь смотритъ въ нихъ изъ сада, залитаго луннымъ свѣтомъ; съ рѣки слабо доносятся женскій смѣхъ и крики, плескъ воды.

Мы ходимъ съ дядей по залѣ. За эти три года онъ сильно

постарѣлъ и растолстѣлъ, покрякиваетъ послѣ каждой фразы, но радушенъ и говорливъ попрежнему; онъ разсказываетъ мнѣ о видахъ на урожай, о начавшемся покосѣ. Сильная, румяная дѣвка, съ платочкомъ на головѣ и босая, внесла шипящую на сковородкѣ яичницу; по дорогѣ она отстранила локтемъ полузакрытую дверь; стаи мухъ подъ потолкомъ всколыхнулись и загудѣли сильнѣе.

— А вотъ у насъ одно есть, чего у васъ нѣту, — сказалъ дядя, улыбаясь и смотря на меня своими выпуклыми, близорукими глазами.

— Что̀ это?—спросилъ я, сдерживая улыбку.

— Мухи!

Когда я еще студентомъ пріѣзжалъ сюда на лѣто, дядя каждый разъ слово въ слово дѣлалъ это же замѣчаніе.

Тетя Софья Алексѣевна воротилась съ купанья; еще за двѣ комнаты слышенъ ея громкій голосъ, отдающій приказанія:

— Палашка! возьми простыню, повѣсь на дверь въ спальнѣ! Да зовите мальчиковъ къ ужину, гдѣ они?.. Котлеты подавайте, варенецъ, сливки съ погреба... Скорѣй!.. Гдѣ Аринка? А, яичницу уже подали! — говоритъ она, торопливо входя и садясь къ самовару.—Ну, господа, чего же вы ждете? Хотите, чтобъ остыла яичница? Садитесь!

Софья Алексѣевна одѣта въ старую синюю блузу, ея лицо сильно загорѣло, и все-таки она всѣмъ своимъ обликомъ очень напоминаетъ французскую маркизу прошлаго столѣтія; ея посѣдѣвшіе волосы, пушистою каймою окружающіе круглое лицо, выглядятъ, какъ напудренные.

— А какъ же? развѣ безъ барышень можно?—спросилъ дядя.

— Можно, можно! Пускай не опаздываютъ!

— Нѣтъ, это нельзя. Какъ же ты насъ заставляешь нарушить рыцарскій кодексъ?

— Да ну, будетъ тебѣ! Вѣдь Митя голоденъ съ дороги. Тоже—рыцарь!—сказала Софья Алексѣевна съ чуть замѣтной усмѣшкой.

— Ну, нечего дѣлать: приказано, такъ надо слушаться. Что̀ жъ, сядемъ, Дмитрій? Вотъ выпьемъ водочки—и за яичницу примемся.

Онъ поставилъ рядомъ двѣ рюмки и сталъ наливать въ нихъ изъ графинчика полыновку.

— А какъ водка будетъ по латыни — aqua vitae? — спросилъ онъ.

— Да.

— Гм! «Вода жизни»... — Дядя нѣсколько времени въ раздумьѣ смотрѣлъ на наполненныя рюмки. — А вѣдь остроумно

придумано!—сказалъ онъ, вскидывая на меня глазами, и засмѣялся дребезжащимъ смѣхомъ.—Ну, будь здоровъ!

Мы чокнулись, выпили и принялись за ѣду.

— Гдѣ же однако барышни наши? — спросилъ дядя, съ аппетитомъ пережевывая яичницу.—Я безпокоюсь.

— Ѣшь яичницу и не безпокойся. Барышни наши ужъ выкупались,—отвѣтила тетя.

Въ саду подъ окнами раздались голоса, стеклянная дверь балкона звякнула и распахнулась.

— Ну, вотъ тебѣ и барышни наши: слава Богу, за полверсты слышно.

Онѣ шумно вошли въ залу. Лица ихъ послѣ купанья свѣжи и оживлены; темные волосы Наташи влажны, и она длиннымъ покрываломъ распустила ихъ по спинѣ. Дядя увидѣлъ это и пришелъ якобы въ негодованіе.

— Наташа, что̀ это значитъ, что у тебя волосы распущены?

— Я ныряла,—быстро отвѣтила она, садясь къ столу.

— Такъ что̀ жъ такое?

— Соня, передай ветчину... Ну, такъ вотъ нужно, чтобъ волосы просохли.

— Зачѣмъ это нужно? — изумленно спросилъ дядя и юмористически поднялъ брови.—Нѣтъ, взрослымъ дѣвицамъ вовсе не подобаетъ ходить съ распущенными волосами! — сказалъ онъ, качая головой.

Но поученіе его пропало даромъ: всѣ были заняты ѣдой и, удерживаясь отъ смѣха, трунили почему-то надъ Лидой. Лида краснѣла и хмурилась, но когда Соня, проговоривъ: «спасайся, кто можетъ!», вдругъ прорвалась хохотомъ, то и Лида разсмѣялась.

— Что̀ это вы, Лида, въ большой опасности находились?— вполголоса спросилъ я, невольно и самъ улыбаясь.

Наташа быстро взглянула на меня и незамѣтно повела взглядомъ на отца: значитъ, здѣсь тайна, которую мнѣ объяснятъ потомъ.

— А что̀ жъ ты, Дмитрій, макаронъ къ котлетамъ не взялъ?—спохватился дядя.—Дай, я тебѣ положу.

Онъ наложилъ мнѣ въ тарелку макаронъ.

— У итальянцевъ макароны — самое любимое кушанье, — сообщилъ онъ мнѣ.

Очень радушный хозяинъ дядя, но — признаться—скучновато сидѣть между «большими», и, право, я давно знаю, что итальянцы любятъ макароны.

Пришли и мальчики. Миша — пятнадцатилѣтній сильный парень съ мрачнымъ, насупленнымъ лицомъ — молча сѣлъ и

сейчасъ же принялся за яичницу. Петька двумя годами моложе его и на классъ старше; это крѣпышъ невысокаго роста, съ большой головой; онъ пришелъ съ книгой, сѣлъ къ столу и, подперевъ скулы кулаками, сталъ читать.

— Ну, Митечка, разсказывай же, что̀ ты это время подѣлывалъ, — сказала Софья Алексѣевна, кладя мнѣ руку на локоть.

Наташа подняла-было голову и въ ожиданіи устремила на меня глаза. Но мнѣ такъ не хотѣлось разсказывать...

— Ей-Богу, тетя, ничего нѣтъ интереснаго; служилъ, лѣчилъ—вотъ и все... А скажите, — я сейчасъ черезъ Шеметово ѣхалъ,—кто это тамъ за околицей новую мельницу поставилъ?

— Да это же Устинъ нашъ, развѣ ты не зналъ? Какъ же, какъ же! Ужъ второй годъ работаетъ мельница...

И начался длинный рядъ деревенскихъ новостей. Въ залѣ уютно, старинные, засиженные мухами часы мѣрно тикаютъ, въ окна свѣтитъ мѣсяцъ... Тихо и хорошо на душѣ. Всѣ эти дѣвчурки-подростки стали теперь взрослыми дѣвушками; какія у нихъ славныя лица! Что-то представляетъ собою моя прежняя «дѣвичья команда»? Такъ называла ихъ всѣхъ Софья Алексѣевна, когда я, студентомъ, пріѣзжалъ сюда на лѣто...

Съ конца стола донесся ярый ревъ, отъ котораго всѣ вздрогнули.

— Что̀ такое?—грозно крикнула тетя.—Кто это тамъ?

— Это—я!—торжественно объявилъ Петька.

— Ну, конечно, такъ и есть: кому же еще? Я тебѣ, дрянь-мальчишка!

— Это я читать кончилъ,—объяснилъ Петька.

Дядя поднялъ голову и, словно только-что проснулся, повелъ кругомъ глазами.

— Э... э... Что̀ это?—спросилъ онъ, покрякивая.—Должно-быть, Петька опять дикіе звуки испускаетъ, а?

Ему никто не отвѣтилъ. Онъ крякнулъ и подложилъ себѣ въ чай сахару. Петька сидѣлъ, развалясь на стулѣ, и широко ухмылялся.

— Крикъ могучій, крикъ пернатый... я въ своемъ сердцѣ ощутилъ... Крикъ ужасный, крикъ... неясный... я изъ себя испустилъ... Кхе-кхе-кхе! Какъ хорошо вышло!

И, совершенно довольный, Петька придвинулъ къ себѣ тарелку и сталъ накладывать творогу. Кругомъ смѣялись, а онъ старательно разминалъ ложкою творогъ съ сахаромъ, какъ будто не о немъ совсѣмъ шло дѣло.

Чай отпили.

— А что, Вѣра Николаевна, усладите вы сегодня нашъ слухъ своею музыкой?—спросилъ дядя.

Вѣра, племянница Софьи Алексѣевны,—стройная, худощавая блондинка съ матово-блѣднымъ лицомъ и добрыми глазами; она собирается осенью ѣхать въ консерваторію, и, говорятъ, у нея дѣйствительно есть талантъ.

— Да, да, Вѣра, — сказалъ я. — Сыграйте-ка что-нибудь послѣ ужина: я въ Пожарскѣ столько слышалъ о вашемъ талантѣ.

Вѣра встрепенулась.

— Ахъ, Господи! Митя, я вамъ напередъ говорю: если вы такія вещи говорить будете, я н-ни за что не стану играть!

— Да не безпокойтесь, пожалуйста, я вотъ сначала послушаю. Очень можетъ быть, что послѣ этого и не стану говорить.

Дядя засмѣялся и всталъ изъ-за стола.

— Ну, кажется, всѣ уже кончили. Докажите ему, Вѣра Николаевна, что и Пожарскъ можетъ собственныхъ Невтоновъ рождать!

Всѣ перешли въ гостиную. Вѣра сѣла за рояль, быстро пробѣжала рукой по клавишамъ и съ размаху сильно ударила пальцемъ въ серединѣ клавіатуры.

— Что же вамъ сыграть?—спросила она, повернувъ ко мнѣ голову.

— Это всегда такъ знаменитыя музыкантши начинаютъ!— почтительно произнесъ Петька и ткнулъ указательнымъ пальцемъ въ Вѣринъ палецъ, нажимавшій клавишу.

— Да ну, Петя, будетъ! — разсмѣялась она, стряхивая его руку.

Тетя отогнала Петьку отъ рояля.

Я попросилъ играть Бетховена. Наташа широко распахнула двери балкона. Изъ сада потянуло росой и запахомъ душистаго тополя; въ акаціи щелкалъ запоздалый соловей, и его пѣсня покрылась громкими, дико-оригинальными бетховенскими аккордами. Въ залѣ, при свѣтѣ маленькой лампочки, убирали чай. Дядя сопѣлъ на диванѣ и слушалъ, выкативъ глаза.

Я мало понимаю въ музыкѣ; я даже не могъ бы сказать, горе или радость выражены въ сонатѣ, которую играла Вѣра; но что-то накипаетъ на сердцѣ отъ этихъ чудныхъ, непонятныхъ звуковъ, и хорошо становится. Вспоминается прошлое; многое въ немъ кажется теперь чуждымъ и страннымъ, какъ будто это другой кто жилъ за тебя. Я мучился тѣмъ, что нѣтъ во мнѣ живого огня, я работалъ, горько смѣясь въ душѣ надъ самимъ собою... Да полно, правъ ли я былъ? Всѣ жили спо-

койно и счастливо, а я ушелъ туда, гдѣ много горя, много нужды и такъ мало поддержки и помощи; знаютъ ли они о тѣхъ лишеніяхъ, тѣхъ нравственныхъ мукахъ, которыя мнѣ приходилось тамъ терпѣть? А я для этого сознательно отказался отъ довольной и обезпеченной жизни... И принесъ я съ собою оттуда лишь одно,—неизлѣчимую болѣзнь, которая сведетъ меня въ могилу.

Вѣра играла. Ея блѣдное лицо смотрѣло сосредоточенно, только въ углахъ губъ дрожала лукавая улыбка; пальцы тонкихъ, красивыхъ рукъ быстро бѣгали по клавишамъ... О, да! теперь бы и я могъ увѣренно сказать: сколько задорнаго, молодого счастья въ этихъ звукахъ! Они знать не хотятъ никакого горя: чудно-хороша жизнь, вся она дышитъ красотою и радостью; къ чему же выдумывать себѣ какія-то муки?.. Вершины тополей, освѣщенныя мѣсяцемъ, каждымъ листикомъ вырисовывались въ прозрачномъ воздухѣ; за рѣкою, на склонѣ горы, темнѣли дубовые кусты, дальше тянулись поля, окутанныя серебристымъ сумракомъ. Хорошо тамъ теперь... Дядя попрежнему сопѣлъ, понуривъ голову. Дремлетъ ли онъ или слушаетъ?

Ко мнѣ неслышно подошла Наташа.

— Митя, пойдемъ мы сегодня гулять?—шопотомъ спросила она, близко наклонившись и блестя глазами

— Конечно!—тихо отвѣтилъ я.—А что, вамъ еще и теперь не позволяютъ гулять по вечерамъ?

Наташа съ улыбкой наклонила голову, указала взглядомъ на отца и отошла.

Пальцы Вѣры съ невозможною быстротой бѣгали по клавишамъ; бѣшено-веселые звуки крутились, захватывали и шаловливо уносили куда-то. Хотѣлось смѣяться, смѣяться безъ конца, и дурачиться, и радоваться тому, что и ты молодъ... Раздались громовые заключительные аккорды. Вѣра опустила крышку рояля и быстро встала.

— Славно, Вѣра, ей-Богу, славно!—воскликнулъ я, обѣими руками крѣпко пожимая ея руки и любуясь ея счастливо улыбавшимся лицомъ.

Дядя поднялся съ дивана и подошелъ къ намъ.

— Вѣра Николаевна своей музыкой, какъ Орфей въ аду.: укрощаетъ камни...—любезно сказалъ онъ.

— Именно, именно, камни укрощаетъ!—съ мальчишескимъ чувствомъ подхватилъ я.—За вашу музыку я васъ сегодня гулять съ собой возьму,—шутливо шепнулъ я ей.

— Благодарю!—отвѣтила она, улыбаясь.

Дядя зѣвнулъ и вынулъ часы.

— Ого! ужъ скоро одиннадцать!.. Пора и на боковую, какъ ты думаешь, Дмитрій? Въ деревнѣ всегда надо рано ложиться и рано вставать. Покойной ночи!.. Какъ это?.. э... э... Leben sie wohl, essen sie Kohl, trinken sie Bier, lieben sie mir!.. Ххе-хе-хе-хе?—Дядя засмѣялся и протянулъ мнѣ руку.—Нѣмцы безъ *бира* никогда не обойдутся!

Онъ простился и ушелъ. Я сталъ перелистывать лежавшую на столѣ «Ниву»; остальные тоже дѣлали видъ, что чѣмъ-то заняты. Тетя окинула всѣхъ насъ взглядомъ и засмѣялась.

— Ну, Митя, вы, я вижу, гулять собираетесь!—сказала она, лукаво грозя пальцемъ.

Я расхохотался и захлопнулъ «Ниву».

— Тетя, посмотрите, какая ночь!

— Да, Митечка, вѣдь ты же больше сутокъ въ дорогѣ былъ! Ну гдѣ тебѣ еще гулять?

— Рѣчь тутъ не обо мнѣ, тетя...

— Сталъ ты докторомъ, а, право, все такой же, какъ прежде...

— Ну, значитъ, позволяете!—заключилъ я.—А мальчиковъ можно съ собой взять?

— Э, да ужъ идите всѣ!—махнула она рукой.—Только, господа, потише, чтобъ папка не слышалъ, а то буря будетъ... Я велю вамъ въ залѣ крынку молока оставить: можетъ-быть, проголодаетесь... Прощайте! Счастливаго пути!

Мы спустились въ садъ.

— Ну что же, господа, на лодкѣ поѣдемъ?—шопотомъ спросилъ я.

— Конечно, на лодкѣ!.. Въ Грёково,—быстро сказала Наташа.—Ахъ, Митя, ночь какая! Прогуляемъ сегодня до утра?

Всѣ были какъ-то особенно оживлены,—даже полная, сонливая Соня, старшая сестра Наташи. Мы свернули въ темную боковую аллею; въ ней пахло сыростью, и свѣтъ мѣсяца еле пробивался сквозь густую листву акацій.

— Вотъ, Митя, потѣха была сегодня!—смѣясь, заговорила Наташа.—Выкупались мы передъ ужиномъ и переѣхали въ лодкѣ на ту сторону; возвратились назадъ,—я весла выбросила на берегъ, выпрыгнула сама и нечаянно ногою оттолкнула лодку. Лида сидѣла на кормѣ,—вдругъ какъ вскочитъ: «Ахъ, Господи-батюшки! Спасайся, кто можетъ!»—и какъ была, одѣтая,—въ воду!

— Я испугалась: какъ бы мы безъ веселъ къ берегу подъѣхали?—краснѣя, стала оправдываться Лида, сестра Вѣры.

Странная эта Лида: молчаливая и застѣнчивая, она краснѣетъ при самомъ незначительномъ, обращенномъ къ ней словѣ.

— И вся, вся замочилась, выше пояса! — хохотала Наташа.—Пришлось сбѣгать домой, принести ей сухое платье.

— «Спасайся, кто можетъ»! Ххо-ххо-ххо!—въ восторгѣ засмѣялся Петька и обѣими руками крѣпко обнялъ Лиду за талію.

— Да ну, Петька, пошелъ прочь! — съ досадой сказала Лида.—Вѣшается ко всѣмъ!

— Ахъ, Лида, Лида! за что ты меня ожесточаешь?—меланхолически произнесъ Петька.—Если бы ты могла знать чувства мужского сердца!

— Ну, Петька! шутъ!—лѣниво засмѣялась Соня.

Аллея кончалась калиточкой. За нею по косогору спускалась къ рѣкѣ узкая тропинка. Наташа неожиданно положила руки на плечи Вѣры и вмѣстѣ съ нею быстро побѣжала подъ гору.

— Ай!.. Ната-а-аша!!!—закричала Вѣра, испуганно смѣясь и стараясь остановиться. Петька помчался слѣдомъ за ними.

Когда мы сошли къ рѣкѣ, Вѣра, совершенно обезсилѣвшая отъ смѣха и усталости, сидѣла на лавочкѣ подъ черемухой и, свѣсивъ голову, громко, протяжно охала. Петька сидѣлъ рядомъ и тоже старательно охалъ.

— Да ну, Петя... Ради Бога!.. Охъ!—стонала она, хватаясь за грудь.—Будетъ!.. Охъ, не могу!.. О-о-охъ!

— О-о-охъ!—вторилъ Петька.

Вѣра морщилась и безсильно махала руками, и все-таки смѣялась.

— Ну, Вѣрка! размякла совсѣмъ!—презрительно сказала Наташа, стоя на кормѣ лодки.—Настоящая рыба!

— Господа! Вѣдь насъ не только въ домѣ, а и въ Санинѣ слышно,—запротестовалъ я.

— Ну, садитесь скорѣй въ лодку, а то мы одни уѣдемъ!—крикнула Наташа.

— О-охъ, Наташа, Наташа!—вздохнула Вѣра, поднимаясь и еле бредя къ лодкѣ.—Что̀ ты со мною дѣлаешь!

— Да ну же, садитесь скорѣй!—повторила Наташа, нетерпѣливо раскачивая лодку.

Мы съ Мишей сѣли за весла; Вѣра, Соня, Лида и Петька размѣстились въ серединѣ, Наташа у руля. Лодка, описавъ полукругъ, выплыла на середину неподвижной рѣки; купальня медленно отошла назадъ и скрылась за выступомъ. На горѣ темнѣлъ садъ, который теперь казался еще гуще, чѣмъ днемъ, а по ту сторону рѣки, надъ лугомъ, высоко въ небѣ стоялъ мѣсяцъ, окруженный нѣжно-синею каймою

Лодка шла быстро; вода журчала подъ носомъ; не хотѣлось говорить, отдавшись здоровому ощущенію мускульной работы

и тишинѣ ночи. Межъ деревьевъ всѣмъ широкимъ фасадомъ выглянулъ домъ съ бѣлыми колоннами балкона; окна вездѣ были темны: всѣ ужъ спятъ. Слѣва выдвинулись липы и снова скрыли домъ. Садъ исчезъ назади; по обѣ стороны тянулись луга; берегъ черною полосою отражался въ водѣ, а дальше по рѣкѣ игралъ мѣсяцъ.

— Ахъ, какая чудная луна!—томно вздохнула Вѣра.

Соня засмѣялась.

— Вотъ смотри, Митя, она всегда такая: просто не можетъ равнодушно видѣть мѣсяца. Разъ мы съ нею шли въ Пожарскѣ черезъ мостъ; на небѣ луна,—тусклая, ничего хорошаго; а Вѣра смотритъ: «ахъ, великолѣпная луна!..» Такая сентиментальная!

— Сентиментальная! А вотъ Наташа только-что говорила, что я—рыба. Развѣ рыбы бываютъ сентиментальныя?—спросила Вѣра съ своею медленною и доброю улыбкою.

— Отчего же нѣтъ? Высунула рыба носъ изъ воды, смотритъ на луну: «ахъ, ахъ!—великолѣпная луна!»

Соня сострила неожиданно для себя и залилась смѣхомъ. Я сложилъ весла и передохнулъ.

— Господа! давайте голоса ночи слушать,—предложила Наташа.—Миша, брось весла.

Лодка медленно проплыла нѣсколько аршинъ, постепенно заворачивая вбокъ, и наконецъ остановилась. Всѣ притихли. Двѣ волны ударились о берега, и поверхность рѣки замерла. Съ луга тянуло запахомъ влажнаго сѣна, въ Санинѣ лаяли собаки. Гдѣ-то далеко заржала лошадь въ ночномъ. Мѣсяцъ слабо дрожалъ въ синей водѣ, по поверхности рѣки расходились круги. Лодка повернула бокомъ и совсѣмъ приблизилась къ берегу. Дунулъ вѣтеръ и слабо зашелестѣлъ въ осокѣ; гдѣ-то въ травѣ вдругъ забилась муха.

Я закурилъ папиросу и сталъ держать горящую спичку надъ водой. Изъ черной глубины быстро вынырнула рыба, оторопѣло уставилась на огонь выпученными, глупыми глазами и, вильнувъ хвостомъ, юркнула назадъ. Всѣ разсмѣялись.

— Какъ Вѣра на луну!—сказала Лида, лукаво дрогнувъ бровью.

Всѣ засмѣялись сильнѣе, а Вѣра покраснѣла.

— Ну, господа, дальше можно ѣхать,—сумрачно проговорилъ Миша, все время зѣвавшій. Онъ снова взялся за весла.

Наташа перебралась съ кормы на середину лодки.

— Митя, разскажи, за что тебя со службы выгнали,—сказала она, съ дѣтскою ласкою заглядывая мнѣ въ глаза.

— За что выгнали? О, голубушка, это исторія долгая...

— Ну, все-таки разскажи!..

Я сталъ разсказывать. Всѣ тѣснѣе сдвинулись вокругъ. Между прочимъ разсказалъ я и о своей первой стычкѣ съ предсѣдателемъ, послѣ которой я изъ «преданнаго своему дѣлу врача» превратился въ «наглаго и неотесаннаго фрондера»; пріѣхавъ въ деревню, гдѣ былъ мой пунктъ, принципалъ прислалъ мнѣ слѣдующую *собственноручную* записку: «Предсѣдатель управы желаетъ видѣть земскаго врача Чеканова; обѣдаетъ у князя Серпуховскаго». Ну, я ему на обратной сторонѣ его записки отвѣтилъ: «Земскій врачъ Чекановъ не желаетъ видѣть предсѣдателя управы и обѣдаетъ у себя дома».

Всѣ разсмѣялись.

— Что же онъ?—быстро спросила Наташа.

— Да ничего. Отвѣта моего онъ никому не могъ показать, потому что тогда бы прочли и его письмо; ну, а такъ врачу не пишутъ.

— Я не понимаю, Митя, какъ можно было такъ отвѣтить,— сказала Вѣра.—Вѣдь онъ же вашъ начальникъ?

— Да ну, Вѣра! всегда вотъ такая!—нетерпѣливо повела Наташа плечами.—Такъ что жъ такое?

— Какъ—что жъ такое? Вотъ изъ-за этого Митя потерялъ мѣсто. Хорошо еще, что онъ неженатый человѣкъ.

— Голубушка Вѣра! И женатые отказывались отъ мѣстъ,— сказалъ я.—Читали вы въ газетахъ о саратовской исторіи? Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, отказались. А нужно знать, какіе это горькіе бѣдняки были, многіе съ семьями,—подумать жутко!

Мы нѣсколько времени плыли молча.

— Свобода вѣроисповѣданія...—задумчиво произнесъ Петька.

— Къ чему ты это сказалъ?—съ усмѣшкою спросила Соня.

Петька помолчалъ.

— Къ чему я это, правда, сказалъ?—проговорилъ онъ съ недоумѣвающей улыбкой.—А все-таки есть смыслъ.

— Какой же?

— Го-го!.. Какой!.. Свобода вѣроисповѣданія,—изъ-за нея въ средніе вѣка сколько войнъ происходило.

— Ну, такъ что жъ?

— Ну, такъ вотъ.

Я снова сѣлъ за весла. Лодка пошла быстрѣе. Наташа лихорадочно оживилась; она вдругъ охватила обѣими руками Вѣру и, хохоча, стала душить ее поцѣлуями. Вѣра вскрикнула. лодка накренилась и чуть не зачерпнула воды. Всѣ сердито напали на Наташу; она, смѣясь, сѣла къ кормѣ и взялась за руль.

— Господи, вотъ сумасшедшая дѣвчонка! Я такъ испугалась!—говорила Вѣра, оправляя прическу.

— Скорѣй, господа, скорѣй гребите! — говорила Наташа, откидывая свои распущенные волосы за спину.

Лодка вдругъ съ шуршащимъ шумомъ врѣзалась въ тростникъ; насъ обдало острымъ запахомъ аира, его початки закачались и раздались въ стороны.

— Сильнѣй гребите, сильнѣй!—смѣялась Наташа, нетерпѣливо топая ногами. Весла путались въ упругихъ корняхъ аира, лодка медленно двигалась впередъ, окруженная сплошною стѣною мясистыхъ, острыхъ, какъ иглы, стеблей. — Ну вотъ, пріѣхали! Вылѣзайте!

— Спорить трудно: дѣйствительно пріѣхали!—засмѣялся я.

Вѣра переглянулась съ Лидой.

— Одн-нако! Довольно-таки по-суворовски! — сказала она, поднимаясь.

— Ничего! Суворовъ былъ умный человѣкъ. Вылѣзай! Я васъ въ грёковской рощѣ ужиномъ накормлю.

— Да, если такъ, то... Ай, Наташа, осторожнѣе! Не качай лодку!

Мы вышли на берегъ. Спускъ весь заросъ лознякомъ и ракитникомъ. Приходилось прокладывать дорогу сквозь чащу. Миша и Соня недовольно ворчали на Наташу; Вѣра шла покорно и только охала, когда оступалась о пенекъ или тянувшуюся по землѣ вѣтку. Петька зато былъ совершенно доволенъ: онъ продирался сквозь кусты куда-то въ сторону, вдоль рѣки, съ величайшимъ удовольствіемъ падалъ, опять поднимался и уходилъ все дальше.

— Не стоните, тутъ сейчасъ тропинка должна быть,—сказала Наташа.

Она остановилась и, подобравши волосы, широкимъ узломъ заколола ихъ на затылкѣ.

— Ахъ, Митя, если бы ты зналъ, какъ я рада, что ты пріѣхалъ! — вдругъ вполголоса сказала она и съ быстрой, радостной улыбкой взглянула на меня изъ-подъ поднятой руки.

— Эй, вы... акаѳисты! — донесся изъ-за кустовъ голосъ Петьки.—Идите сюда: тропинка!

— Ну, слава Богу! — облегченно вздохнула Соня, и всѣ повернули на голосъ.

Мы поднялись по тропинкѣ вверхъ. Надъ обрывомъ высились три молодыхъ дубка, а дальше безъ конца тянулась во всѣ стороны созрѣвавшая рожь. Такъ и пахнуло въ лицо тепломъ и просторомъ. Внизу слабо дымилась неподвижная рѣка.

— Охъ, устала,—проговорила Вѣра, опускаясь на траву.—Господа, я не могу дальше итти, нужно отдохнуть... Охъ! Садитесь!..

— Фу ты, безобразіе! Какъ старуха, охаетъ!—сказала Наташа.—Сколько разъ ты сегодня охнула?

— Старость приходитъ, о-охъ!.. — вздохнула Вѣра и засмѣялась.

Опершись на локоть, она закинула голову кверху и стала смотрѣть въ небо. Мы всѣ тоже сѣли. Наташа стояла на самомъ краю обрыва и смотрѣла на рѣку.

Вѣтеръ слабо дулъ съ запада; кругомъ медленно, словно въ дремотѣ, съ чуть слышнымъ ропотомъ волновалась рожь. Наташа повернулась и подставила лицо навстрѣчу вѣтру.

— Господи!.. Наташа, смотри, гдѣ ты стоишь!—испуганно вскрикнула Вѣра.

Край обрыва надтреснулъ, и Наташа стояла на земляной глыбѣ, нависшей надъ берегомъ. Наташа медленно посмотрѣла подъ ноги, потомъ на Вѣру; задорный бѣсенокъ глянулъ изъ ея глазъ. Она качнулась, и глыба подъ нею дрогнула.

— Наташа, да сойди же сію минуту! — волновалась Вѣра.

— Ну, Вѣрка, не сентиментальничай! —засмѣялась Наташа,— раскачиваясь на колыхавшейся глыбѣ.

— Ахъ, Господи, бѣшеная дѣвчонка!.. Наташа, ну, ради Бо-ога!..

— Наташа, да ты вправду съ ума сошла! — воскликнулъ я, поднимаясь. Но въ это время глыба сорвалась, и Наташа вмѣстѣ съ нею рухнула внизъ. Вѣра и Соня истерически вскрикнули. Внизу затрещали кусты. Я бросился туда.

Наташа, оправляя платье, быстро выходила изъ кустовъ на тропинку. Одна щека ея разгорѣлась, глаза ярко блестѣли.

— Ну, можно ли, Наташа, такъ?!.. Что̀ ты, больно ушиблась?

— Да ничего же, Митя, что̀ ты!—отвѣтила она, вспыхнувъ.

— Не можетъ быть ничего: съ этакой высоты!.. Эхъ, Наташа! Если ушиблась, такъ скажи же.

— Ахъ, Митя, какой ты чудакъ! — разсмѣялась она. — Ну что̀ это—изъ-за каждаго пустяка такую тревогу подымать!

Она быстро стала подниматься по тропинкѣ наверхъ.

— Это Богъ знаетъ, что̀ такое! — сердито встрѣтила ее Соня.—Право, вѣдь всему есть мѣра. Этакая глупость!.. Недоставало, чтобы ты себѣ сломала ногу.

Наташа широко раскрыла глаза и медленно спросила:

— Кому до этого дѣло?

— Ахъ, Господи! — всплеснула Вѣра руками. — Вотъ меня всегда въ такихъ случаяхъ возмущаетъ Наташа!.. «Кому

дѣло»! Папѣ и мамѣ твоимъ дѣло, намъ всѣмъ дѣло!.. Какъ это такъ всегда, постоянно и постоянно о себѣ одной думать!..

— Всегда, постоянно и постоянно... — благоговѣйно повторилъ Петька и задумался, словно стараясь вникнуть въ глубокій смыслъ этихъ словъ.

— Ну, ну! *Просто*—постоянно!—улыбнулась Вѣра.

Петька захихикалъ.

— Всегда, постоянно и постоянно! Какъ хорошо выходитъ: всегда... постоянно... и постоянно!

— Ну, господа, довольно сидѣть! Идемъ дальше!—сказала Наташа. — Вотъ такъ, прямо черезъ рожь, всего полверсты будетъ до рощи.

— О, Петя, Петя! Всегда-то ты меня обижаешь! — вздохнула Вѣра, опираясь о его плечо и поднимаясь.

Мы пошли черезъ рожь по широкой межѣ, заросшей полынью и полевой рябинкой.

— Вотъ и дома тоже: когда я разсержусь, я начинаю говорить очень неправильно,—сказала Вѣра.—И мальчики сейчасъ этимъ пользуются.

— Вѣра, неужели вы тоже умѣете сердиться? — удивленно спросилъ я.

— О, да еще какъ! — улыбнулась она. — Только мальчики совсѣмъ не боятся. Я заговорюсь, скажу что-нибудь, — они сейчасъ подхватятъ, я и разсмѣюсь. Особенно Саша, — онъ такой остроумный; и у него совсѣмъ какой-то особенный юморъ.

Вѣра начала разсказывать о своихъ братьяхъ. Знала она ихъ удивительно: столько въ ея разсказахъ сказалось наблюдательности, столько любви и тонкаго психологическаго чутья, что я слушалъ съ дѣйствительнымъ интересомъ. Остальные довольно недвусмысленно выражали желаніе перемѣнить разговоръ.

— Ну, ну, я сейчасъ кончу!—торопливо возражала Вѣра и продолжала разсказывать безъ конца.

Вдругъ въ темнотѣ раздался звонкій подзатыльникъ, что-то охнуло, и Петька кубаремъ покатился въ рожь.

— Дуракъ!—послышалось изо ржи.

Миша гнѣвно крикнулъ:

— Я тебѣ еще не такъ влѣплю, дрянь!

Петька вышелъ на межу и сталъ счищать съ себя пыль.

— Думаетъ, что сильнѣе, старшій братецъ, такъ можетъ, что̀ хочетъ, дѣлать!—сердился онъ.

— Да въ чемъ дѣло? Миша, за что ты его? — спросила Соня.

— Чортъ знаетъ, что̀ такое! Иду, — вдругъ онъ меня за носъ хватаетъ!.. Попробуй-ка еще разъ!

— А я почемъ зналъ, что это твой носъ? Ты бы сказалъ. А то я вижу, морква какая-то торчитъ, — длинная, мокрая... Мнѣ, конечно, интересно.

— Глупо-съ, Петенька!—ядовито замѣтилъ Миша.

— Склизкая такая, холодная...

Кругомъ смѣялись. Петька былъ отомщенъ.

— Шутъ гороховый!—презрительно процѣдилъ Миша.

— Оо-о-хо-хо! — глубоко вздохнулъ Петька, поправилъ на себѣ брюки и оглядѣлся по сторонамъ. — У Наташи въ глазахъ двѣ курсистки сидятъ, — объявилъ онъ. — Въ каждомъ глазу по курсисткѣ: одна въ очкахъ, другая безъ очковъ.

— Ну, оставь, Петя!—недовольно остановила Наташа.

— А ты развѣ на курсы собираешься? — быстро спросилъ я.

— Н-нѣтъ... не знаю,—отвѣтила она и взглянула впередъ.— Вотъ она, грёковская роща!

Средь свѣтлой ржи, отлого тянувшейся внизъ, широкою, неправильною полосою вилась грёковская лощина; на склонѣ ея, вся залитая луннымъ свѣтомъ, темнѣла небольшая осиновая роща.

Лощинка была уже выкошена. Ручей, густо заросшій тростникомъ и рѣзикой, сонно журчалъ въ темнотѣ; подъ обрывомъ близъ омута что-то однообразно, чуть слышно пищало въ водѣ. Изъ глубины лощины тянуло влажнымъ, пахучимъ холодкомъ.

Мы перебрались черезъ ручей и вошли въ рощу. Въ серединѣ ея была сажалка, вся сплошь зацвѣтшая. Наташа спустилась къ самому ея берегу и изъ глубины развѣсистаго липоваго куста достала небольшой холстинковый мѣшечекъ.

— Господа, костеръ нужно будетъ разводить! Вотъ вамъ ужинъ,—съ торжествомъ заявила она.

Въ мѣшечкѣ оказалось десятка три сырыхъ картофелинъ, четыре ржаныхъ лепешки и соль. Всѣ расхохотались.

— Откуда это у тебя тутъ?

— Очень просто: я часто хожу сюда читать; проголодаюсь,— разведу костеръ, спеку картофелю и позавтракаю.

— Ге-ге-ге! это нужно впередъ знать, — сказалъ Петька, почесавъ за ухомъ.

Всѣ разсыпались по рощѣ, ломая для костра нижніе сухіе сучья осинъ. Роща огласилась трескомъ, говоромъ и смѣхомъ. Сучья стаскивались къ берегу сажалки, гдѣ Вѣра и Соня разводили костеръ. Огонь запрыгалъ по трещавшимъ сучьямъ,

освѣщая кусты и нижнія вѣтви ближайшихъ осинъ; между вершинами синѣло темное, звѣздное небо; съ костра вмѣстѣ съ дымомъ срывались искры и гасли далеко вверху. Вѣра отгребла въ сторону горячій уголь и положила въ него картофелины.

Сначала всѣ шутили и смѣялись, потомъ примолкли. Костеръ догоралъ, все было съѣдено. Петька, положивъ вихрастую голову на колѣни Вѣры, задремалъ; она съ материнскою заботливостью укутала его своимъ платкомъ и сидѣла, не шевелясь. И опять, какъ тогда за роялемъ, ея лицо стало красиво и одухотворенно.

Мы долго сидѣли у костра; подъ пепломъ бѣгали огненныя змѣйки, листья осинъ слабо шумѣли надъ головой. Я разсказывалъ о своей службѣ, о голодѣ и голодномъ тифѣ, о томъ, какъ жалко было при этомъ положеніе насъ, врачей: требовалось лишь одно—кормить, получше кормить здоровыхъ, чтобъ сдѣлать ихъ болѣе устойчивыми противъ зараженія; но пособій едва хватало на то, чтобъ не дать имъ умереть съ голоду. И вотъ одного за другимъ валила страшная болѣзнь, а мы безпомощно стояли передъ нею съ своими ненужными лѣкарствами... Вѣра сидѣла, задумчиво глядя на лицо спящаго Петьки; кажется, она мало слушала: мысли ея были далеко, въ Пожарскѣ, и она думала о своихъ братьяхъ.

Наконецъ мы собрались домой. Мѣсяцъ уже давно сѣлъ, на востокѣ появилась свѣтлая полоска; лощина тонула въ бѣломъ туманѣ, и становилось холодно. Было поздно, приходилось возвращаться домой по самой короткой дорогѣ; Наташа взялась сходить завтра утромъ за лодкой и пригнать ее домой. Мы поднялись на гору, прошли черезъ рожь, потомъ долго шли по пару и вышли наконецъ на торную дорогу; круто обогнувъ крестьянскіе овсы, она мимо березовой рощи спускалась внизъ къ Большому лугу. Весь лугъ былъ покрытъ густымъ туманомъ, и передъ нами какъ будто медленно колыхалось огромное озеро. Мы спустились въ это туманное озеро. Грудь тѣснило сыростью, тяжело было дышать: на травѣ по бокамъ дороги бѣлѣла роса. Мы шли, разсѣкая туманъ.

— Слушай! — сказала вдругъ Наташа, схвативъ меня за локоть.

Мы остановились. Тишина кругомъ была мертвая: и вдругъ близъ рощи, въ овсахъ, робко, неувѣренно зазвенѣлъ жаворонокъ... Его трель слабо оборвалась въ сыромъ воздухѣ, и опять все смолкло и стало еще тише.

Вдали начали вырисовываться въ туманѣ темные силуэты деревьевъ и крыши избъ; у околицы тявкнула собака. Мы под-

нялись по деревенской улицѣ и вошли во дворъ. Здѣсь тумана уже не было; крыша сарая рѣзко чернѣла на свѣтлѣвшемъ небѣ; отъ скотнаго двора несло тепломъ и запахомъ навоза, тамъ слышались мычаніе и глухой топотъ. Собаки спали вокругъ крыльца.

— Ну, господа, потише теперь, а то всѣхъ разбудимъ! — предупредилъ я.

Въ головѣ звенѣло, нервы были напряжены; у всѣхъ глаза странно блестѣли, и опять стало весело.

— Что жъ, Митя, будемъ мы молоко пить? — спросила Наташа.

— Ужъ лучше не надо: разбудимъ мы всѣхъ.

— А мы вотъ какъ сдѣлаемъ: мы къ тебѣ наверхъ молоко принесемъ и тамъ будемъ пить.

Мысль эту всѣ одобрили. Мы пробрались наверхъ. За молокомъ откомандировали, конечно, Наташу. Она принесла огромную кринку молока и цѣлый ситный хлѣбъ.

— Господа, извольте только все молоко выпить! — объявила она.

— Почему это?

— А то мама увидитъ, что не все выпили, и впередъ будетъ меньше оставлять.

— Эге! На этомъ основаніи, значитъ, каждый разъ придется все выпивать!

Однако черезъ четверть часа кувшинъ былъ уже пустъ. Теперь, когда шумѣть было нельзя, всѣми овладѣло веселье неудержимое; каждое замѣчаніе, каждое слово пріобрѣтало необыкновенно смѣшное значеніе; всѣ крѣпились, убѣждали другъ друга не смѣяться, закусывали губы,—и все-таки смѣялись безъ конца... Мнѣ съ трудомъ удалось ихъ выпроводить...

Однако засидѣлся же я! Солнце встало и косыми лучами скользитъ по кирпичной стѣнѣ сарая, росистый садъ полонъ стрекотаньемъ и чириканьемъ; старикъ Гаврила съ угрюмымъ, соннымъ лицомъ запрягаетъ въ бочку лошадь, чтобъ ѣхать за водою.

Спать!

21 іюня.

Проснулся я въ началѣ двѣнадцатаго и долго еще лежалъ въ постели. Въ комнатѣ полумракъ, яркое полуденное солнце пробивается сквозь занавѣски и играетъ на стеклѣ графина; тихо; снизу издалека доносятся звуки рояля... Чувствуешь себя здоровымъ и бодрымъ, на душѣ такъ хорошо, хочется улыбаться всему. Право, вовсе не трудно быть счастливымъ!

Миша и Петя пришли звать меня купаться. Я одѣлся, мы на перегонки сбѣжали къ рѣкѣ. Небо—синее и горячее, солнце жжетъ; тѣнистый садъ на горѣ, словно изнемогши отъ жары, неподвижно дремлетъ. Но вода еще свѣжа, она охватываетъ тѣло мягкою, нѣжною прохладою; плывешь, еле двигая руками и ногами, въ этой прозрачно-зеленой, далеко вглубь освѣщенной солнцемъ водѣ. Мы купались около часа, пока не зазвонили къ завтраку. Почти всѣ ужъ были въ сборѣ: на столѣ благодать: пирогъ, варенецъ, рубцы, редиска, ветчина, свѣжіе огурцы. Я опять сидѣлъ возлѣ дяди, и онъ любезно сообщилъ мнѣ нѣсколько очень новыхъ и интересныхъ свѣдѣній: что гречневая каша—національное русское блюдо, что есть даже пословица: «каша — мать наша», что нѣмцы предпочитаютъ пиво, а русскіе — водку, и т. п.

Вошла Наташа и сѣла къ столу.

— Что̀ жъ ты, Наташа, съ Митею не здороваешься?—сказала Софья Алексѣевна.—Вѣдь онъ съ твоими «принципами» незнакомъ и можетъ обидѣться.

По губамъ Наташи скользнула быстрая усмѣшка; она протянула мнѣ руку.

— У тебя какіе же на этотъ счетъ «принципы»? — спросилъ я.

Наташа засмѣялась.

— Я не знаю, о какихъ мама принципахъ говоритъ, — отвѣтила она, садясь рядомъ со мною. — А только... Смотри: мы восемь часовъ назадъ видѣлись; если люди днемъ восемь часовъ не видятся, то ничего, а если они эти восемь часовъ спали, то нужно цѣловаться или руку пожимать. Вѣдь, правда, смѣшно?

— Ничего смѣшного нѣтъ, — поучающе возразила Софья Алексѣевна.—Это извѣстное условіе между людьми, которое...

— Намъ все смѣшно, намъ все рѣшительно смѣшно! — вдругъ вскипятился дядя, враждебно глядя на Наташу.—Здороваться и прощаться — это предразсудокъ; вести себя, какъ прилично взрослой дѣвушкѣ, — предразсудокъ... А вотъ начитаться разныхъ книжонокъ и безъ критики, безъ разсужденія поступать по нимъ—это не предразсудокъ! Это идейно и благородно.

Наташа съ усмѣшкой наклонилась надъ своею чашкою и молчала. Видимо, между нею и отцомъ лежало что-то, не разъ уже вызывавшее ихъ на столкновенія.

Послѣ завтрака я узналъ отъ Вѣры о положеніи дѣла. Послѣдніе два года Наташа усердно готовилась по древнимъ языкамъ къ аттестату зрѣлости, который, какъ передавали

газеты, будетъ требоваться для поступленія въ проектируемый женскій медицинскій институтъ. Дядя былъ очень недоволенъ занятіями Наташи: двадцатилѣтней Сонѣ, повидимому, уже нечего было разсчитывать на замужество; Наташа была живѣе и красивѣе сестры, и дядя надѣялся хоть отъ нея дождаться внучатъ. Между тѣмъ Наташа съ головою ушла въ своихъ классиковъ; она въ Пожарскѣ никуда не выѣзжала и даже не выходила къ гостямъ, которые приглашались спеціально для нея. Чтобы совершенно избавиться отъ всѣхъ этихъ выѣздовъ и гостей, она прошлою осенью рѣшила остаться на всю зиму въ деревнѣ. Произошла очень тяжелая сцена съ дядей: подъ конецъ онъ объявилъ Наташѣ, что пусть она живетъ, гдѣ хочетъ, но пусть же и отъ него не ждетъ ни въ чемъ уступки. Наташа всю зиму прожила одна въ деревнѣ; по утрамъ она набирала въ залу деревенскихъ ребятъ и дѣвокъ, учила ихъ грамотѣ, читала имъ; по вечерамъ зубрила греческую грамматику Григоревскаго и переводила Гомера и Горація. Этою весною проектъ о женскомъ медицинскомъ институтѣ былъ возвращенъ государственнымъ совѣтомъ: рѣшеніе вопроса отодвинулось на неопредѣленное время. Наташа рѣшила ѣхать хоть на Рождественскіе курсы лѣкарскихъ помощницъ. Но для поступленія туда требуется родительское разрѣшеніе. Когда Наташа заговорила съ дядей о курсахъ, онъ желчно разсмѣялся и сказалъ, что просьба Наташи его очень удивляетъ: какъ это она, «такая самостоятельная», снисходитъ до просьбъ! Наташа возразила, что проситъ она у него только разрѣшенія, содержать же себя будетъ сама (у нея было накоплено съ уроковъ около трехсотъ рублей). Дядя отказалъ наотрѣзъ. За Наташу вступился докторъ Ликонскій, отецъ Вѣры и Лиды, единственный человѣкъ, имѣющій вліяніе на упрямаго и ограниченнаго дядю; но и его убѣжденія ничего не могли подѣлать. Дядя рѣшительно объявилъ, что боится отпустить Наташу съ ея характеромъ въ Петербургъ.

26 іюня.

Можетъ-быть, это — лишь слѣдствіе того подъема жизненныхъ силъ, который обыкновенно замѣчается послѣ благополучно перенесеннаго тифа,—что̀ до того? Я знаю только, что я глубоко счастливъ, счастливъ *такъ*, безъ всякой причины... Ясные дни, теплыя, душистыя ночи, музыка Вѣры, — чего мнѣ больше? Не замѣчаешь, идетъ ли время или стоитъ. Никакіе вопросы не мучатъ, на душѣ тихо и ясно. Я даже книгъ современныхъ теперь не читаю: дѣдъ дяди былъ очень

образованный человѣкъ и оставилъ послѣ себя огромную библіотеку; теперь она свалена въ верхней кладовой и служитъ пищею мышамъ. Я цѣлые часы провожу тамъ, разбираю и привожу въ порядокъ книги и бумаги. Мнѣ нравится съ головою уходить въ эту давно исчезнувшую жизнь, гдѣ Вольтеръ уживался съ житіями святыхъ, Руссо съ крѣпостнымъ правомъ, «Les liaisons dangereuses» съ Ѳомою Кемпійскимъ,— жизнь жестокую, наивную, сладострастную и сентиментальную.

Наташа навела ко мнѣ массу больныхъ. Всѣ въ деревнѣ ей знакомы и всѣ ей пріятели. Она сопутствуетъ мнѣ въ обходахъ, развѣшиваетъ лѣкарства. Странное что-то въ ея отношеніяхъ ко мнѣ: Наташа словно все время изучаетъ меня; она какъ будто не то ждетъ отъ меня чего-то, не то ищетъ, какъ самой подойти ко мнѣ. Можетъ-быть, впрочемъ, я ошибаюсь. Но какіе славные у нея глаза!

Отъ разговоровъ ея вѣетъ чѣмъ-то старымъ-старымъ, но такимъ хорошимъ; она хочетъ знать, какъ я смотрю на общину, какое значеніе придаю сектантству, считаю ли возможнымъ и желательнымъ развитіе въ Россіи капитализма. И въ разспросахъ ея сказывается предположеніе, что я непремѣнно долженъ интересоваться всѣмъ этимъ. Что̀ же? Я вѣдь дѣйствительно интересуюсь; однако, правду говоря, разговоры эти мнѣ крайне непріятны. Я съ величайшимъ удовольствіемъ прочту книгу, гдѣ дается что-нибудь новое по подобному вопросу, не прочь и поговорить о немъ; но пусть для моего собесѣдника, какъ и для меня, вопросъ этотъ будетъ холоднымъ теоретическимъ вопросомъ, въ родѣ вопроса о правильности теоріи фагоцитоза или о вѣроятности гипотезы Альтмана. Наташа же вноситъ въ дѣло слишкомъ много страстности, и мнѣ становится неловко. Я неохотно отвѣчаю ей и перевожу разговоръ на другое.

И еще въ одномъ отношеніи я часто испытываю неловкость въ разговорѣ съ нею: Наташа знаетъ, что я могъ остаться при университетѣ, имѣлъ возможность хорошо устроиться, — и вмѣсто этого пошелъ въ земскіе врачи. Она разспрашиваетъ меня о моей дѣятельности, объ отношеніяхъ къ мужикамъ, усматривая во всемъ этомъ глубокую идейную подкладку; въ разговорѣ ея проскальзываютъ слова: «долгъ народу», «дѣло», «идея». Мнѣ же эти слова рѣжутъ ухо, какъ визгъ стекла подъ острымъ шиломъ.

27 іюня.

Со станціи привезли газеты. Въ Баку — холера. Она медленно, но непрерывно поднимается вверхъ по Волгѣ.

28 іюня.

Писать, такъ ужъ все писать, хоть гадко и противно вспоминать. Послѣ завтрака мы съ Вѣрой, Соней и Наташей играли на дворѣ въ крокетъ. Разговоръ случайно зашелъ о тургеневской Еленѣ; Соня, перечитывавшая недавно «Наканунѣ», назвала Елену «самымъ свѣтлымъ и сильнымъ образомъ русской женщины». Я напалъ на такую незаслуженно-высокую оцѣнку Елены. Елена — это разновидность типа очень стараго: неопредѣленныя порыванія въ даль, игнорированіе окружающаго, исканіе чего-то эффектнаго, яркаго, необычнаго, — въ этомъ она вся. Инсарова она полюбила не за то, что онъ указалъ ей дѣло, а просто потому, что онъ окруженъ ореоломъ, что онъ—«замѣчательный человѣкъ»; для нея Инсаровъ совершенно заслоняетъ собою то дѣло, которому онъ служитъ. Конечно, выборъ Елены дѣлаетъ ей честь, но... право, полюбить, напримѣръ, героя Гарибальди — «не велика штука», какъ выражается Шубинъ; не велика штука и умереть за *Италію* изъ любви къ *Гарибальди*. Когда Инсаровъ опасно заболѣваетъ, Елена можетъ найти утѣшеніе лишь въ одной мысли: «если онъ умретъ, и меня не станетъ». Внѣ ея любви для нея ничего не существуетъ, и понятно, что послѣ смерти Инсарова она должна была поѣхать непремѣнно въ Болгарію... Нѣтъ, Елена вовсе не «самый свѣтлый образъ русской женщины». Неужели, дѣйствительно, все дѣло женщины заключается въ томъ, чтобъ отыскивать достойнаго ея любви мужчину-дѣятеля? Гдѣ же прямая потребность настоящаго дѣла? Пусть это дѣло темно и невидно, пусть оно несетъ съ собою одни лишенія безъ конца, пусть на служеніе ему уходятъ молодость, счастье, здоровье,—что̀ до того? Вѣдь это не забава и не фонъ для поэтическаго романа; это — тяжелый трудъ, красный лишь сознаніемъ, что живешь не напрасно. И у насъ много было и есть женщинъ, для которыхъ это сознаніе дороже самыхъ блестящихъ героевъ...

Ужъ тогда, когда я говорилъ, во мнѣ шевельнулось отвращеніе къ моему приподнятому тону; но меня подчинило себѣ то жадное вниманіе, съ какимъ слушала Наташа. Она не спускала съ меня радостно-недоумѣвающаго взгляда, и столько въ этомъ взглядѣ было страха, что я оборву себя, по обыкновенію замну разговоръ. Ну вотъ,—я не остановился, не свелъ разговора на другое... О, мерзость!

И напрасно я стараюсь убѣдить себя, что говорилъ я искренно, что есть что-то болѣзненное въ моей боязни къ «высокимъ словамъ»: на душѣ скверно и стыдно, какъ будто я, изъ же-

ланія пустить пыль въ глаза, нарядился въ богатое чужое платье.

11 час. веч.

Весь вечеръ я просидѣлъ наверху въ кладовой, разбирая книги. Солнце опустилось въ багровыя тучи, и нѣсколько разъ принимался накрапывать дождь. Дядя за ужиномъ былъ угрюмъ и молчаливъ: онъ собирался начать назавтра возку сѣна, а барометръ неожиданно сильно упалъ; на Выконкѣ сѣно не успѣли скопнить, и оно осталось на ночь въ кругахъ. Окна были раскрыты, въ темномъ саду тихо шумѣлъ дождь.

Наташа тоже была молчалива. Я нѣсколько разъ ловилъ на себѣ ея внимательный и нерѣшительный, словно выжидающій взглядъ. Послѣ ужина, когда я прощался съ нею, она, протягивая руку, вдругъ взглянула на меня и тихо проговорила:

— Митя, мнѣ такъ много хочется у тебя спросить.

И я—я не спросилъ, что̀ именно; я только серьезно кивнулъ головою и, не глядя на Наташу, отвѣтилъ, что я всегда къ ея услугамъ. Какъ будто я въ самомъ дѣлѣ не знаю, что̀ она хочетъ спросить...

30 іюня.

Все время я провожу въ кладовой за книгами. Небо обложено тучами, дождь моросить безъ конца; въ мутной, сырой дали тянутся черныя пашни, мокрыя галки кричатъ на крышѣ... Я напрасно стараюсь подавить въ себѣ безпричинное, глухое раздраженіе, не оставляющее меня ни на минуту. Раздражаетъ и надоѣдливый шумъ дождя по крышѣ, и эти ветхія окна, изъ щелей которыхъ дуетъ нестерпимо, и несущійся отъ книгъ противный запахъ мышей и прѣлой бумаги. Когда я вспоминаю о своемъ гаденькомъ виляньи передъ Наташей, меня злость беретъ: ужъ два дня прошло; какъ мальчикъ, шалость котораго открыта, я боюсь разговора съ нею и стараюсь избѣгать ея. И Наташа сразу замѣтила это. Она держится въ сторонѣ, но глаза ея смотрятъ печально и недоумѣвающе. Богъ вѣсть, какъ объясняетъ она мое поведеніе. Сегодня утромъ я случайно встрѣтился съ нею въ коридорѣ; она пугливо оглядѣла меня и молча прошла мимо.

Голова тяжела, въ груди тупая, ноющая боль, и опять появился кашель...

1 іюля.

Я легъ вчера спать еще до ужина. Сегодня проснулся рано. Отдернулъ занавѣски, раскрылъ окно. Небо чистое и синее, солнце горячимъ свѣтомъ заливаетъ еще мокрый отъ дождя

садъ; на липахъ распустились первые цвѣтки, и въ свѣжемъ вѣтеркѣ слабо чувствуется ихъ запахъ; все кругомъ весело поетъ и чирикаетъ... На душѣ ни слѣда вчерашняго. Грудь глубоко дышитъ, хочется напряженія, мускульной работы, чувствуешь себя бодрымъ и крѣпкимъ.

Я пошелъ въ конюшню и осѣдлалъ Бѣсенка. Онъ застоялся, мнѣ съ трудомъ удалось сѣсть на него. Бѣсенокъ сердито ржалъ и, весь дрожа отъ нетерпѣнія, рвался подо мною и впередъ и въ стороны. Я нарочно, чтобъ побороться съ нимъ, проѣхалъ тихимъ шагомъ деревенскую улицу и весь Большой лугъ. Отъ сѣдла пахло кожею, и этотъ запахъ мѣшался съ запахомъ влажной луговой травы.

Переѣхавъ плотину, я свернулъ на Опасовскую дорогу и пустилъ Бѣсенка вскачь. Онъ словно сорвался и понесся впередъ, какъ бѣшеный. Безумное веселье овладѣваетъ при такой ѣздѣ; трава по краямъ дороги сливалась въ одноцвѣтныя полосы, захватывало духъ, а я все подгонялъ Бѣсенка, и онъ мчался, словно убѣгая отъ смерти.

Слѣва надъ рожью затемнѣлъ Санинскій лѣсъ; я придержалъ Бѣсенка и вскорѣ остановился совсѣмъ. Рожь безъ конца тянулась во всѣ стороны, по ней медленно бѣжали золотистыя волны. Кругомъ была тишина; только въ синемъ небѣ звенѣли жаворонки. Бѣсенокъ, поднявъ голову и настороживъ уши, стоялъ и внимательно вглядывался въ даль. Теплый вѣтеръ ровно дулъ мнѣ въ лицо; я не могъ имъ надышаться...

Ясное небо, здоровье да воля,—
Здравствуй, раздолье широкаго поля!..

Ласточка быстро пронеслась мимо ногъ лошади и вдругъ, словно что̀ вспомнивъ назади, взмахнула крылышками, издала мелодическій звукъ и крутымъ полукругомъ вильнула обратно. Бѣсенокъ опустилъ голову и нетерпѣливо переступилъ ногами. Я повернулъ на дорогу, вившуюся среди ржи по направленію къ Санинскому лѣсу.

«Здоровье»... Здоровъ я не былъ: я чувствовалъ, что грудь моя больна; но мнѣ доставляло даже удовольствіе это совершенно безболѣзненное ощущеніе гнѣздящейся во мнѣ болѣзни, и весело было заглядывать ей прямо въ лицо: да, у меня легкія усѣяны тысячами тѣхъ предательскихъ желтенькихъ бугорковъ, къ которымъ я такъ приглядѣлся на вскрытіяхъ,— а я вотъ ѣду и дышу полною грудью, и все у меня въ душѣ смѣется, и я не боюсь думать, что боленъ я — чахоткою...

Вспомнился мнѣ профессоръ X., у котораго я два года работалъ,—хмурый старикъ съ грозными бровями и добрѣйшей

душой: вспомнились мнѣ его предостереженія, когда я сообщилъ ему, что поступаю въ земство.

— Да вы, батенька, знаете ли, что̀ такое земская служба?— говорилъ онъ, сердито сверкая на меня глазами.—Туда итти, такъ прежде всего здоровьемъ нужно запастись бычачьимъ: промокъ подъ дождемъ, попалъ въ полынью, — выбирайся да поѣзжай дальше: ничего! Вѣтромъ обдуетъ и обсушитъ, на постояломъ дворѣ выпьешь водочки, — и опять здоровъ. А вы посмотрите на себя, что̀ у васъ за грудь: выдуете ли вы хоть двѣ-то тысячи въ спирометръ? Ваше дѣло—клиника, лабораторія. Поѣдете,—въ первый же годъ чахотку наживете.

Я зналъ, что все это правда, и тѣмъ не менѣе поѣхалъ же; я и подъ дождемъ мокнулъ, и въ полыньи проваливался, спѣша въ весеннюю распутицу къ роженицѣ, корчащейся въ эклампти́ческихъ судорогахъ. Когда ночные поты и утренній кашель навели меня на подозрѣніе, и я нашелъ въ своей мокротѣ коховскія палочки,—именно сознаніе, что я добровольно шелъ на это, и не дало мнѣ пасть духомъ. И вотъ теперь я стыжусь... чего?—стыжусь говорить, что нужно жить не для себя одного! Передо мною встало поблѣднѣвшее личико Наташи съ большими, печальными глазами... Да неужели же я не имѣю права хоть настолько-то уважать себя, чтобъ не бояться разговора съ нею, не бояться того вопроса, съ которымъ она хочетъ ко мнѣ обратиться? А какъ я ее мучилъ!..

Рожь кончилась, дорога вилась среди орѣховыхъ и дубовыхъ кустовъ опушки и терялась въ тѣнистой чащѣ лѣса. Меня отовсюду охватило свѣжимъ запахомъ дуба и лѣсной травы; высоко вверхъ взбѣгали кругомъ сѣрые стволы осинъ, сквозь ихъ жидкую листву нѣжно синѣло небо. Дорога была заброшенная и наполовину заросшая, вѣтви липовыхъ и кленовыхъ кустовъ низко наклонялись надъ нею; въ травѣ виднѣлись оранжевыя шляпки подосиновиковъ, ярко зеленѣла костеника; запахло папоротникомъ... Угомонившійся Бѣсенокъ шелъ щеголеватымъ шагомъ, изогнувъ свою красивую черную шею; вдругъ онъ поднялъ голову и, взглянувъ впередъ, громко заржалъ. На поворотѣ дороги, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, показалась Наташа верхомъ на своемъ буланомъ Мальчикѣ.

Увидѣвъ меня, она отшатнулась на сѣдлѣ и, нахмурившись, затянула поводья; лошадь прижала уши и, осѣдая на заднія ноги, подалась назадъ.

— Наташа! ты какимъ образомъ здѣсь?—радостно крикнулъ я и поспѣшилъ ей навстрѣчу. — Здравствуй, голубушка! — Я перегнулся съ сѣдла и крѣпко пожалъ ея руку

Наташа слабо вспыхнула и оглядѣла меня быстрымъ, робкимъ взглядомъ.

— Вотъ хорошо, что мы съ тобою встрѣтились! Если бы я зналъ, я бы нарочно именно сюда поѣхалъ. Посмотри, утро какое: ѣдешь и не надышишься... Неужели ты уже домой? Поѣдемъ дальше, хочешь?

Я говорилъ, а самъ не отрывалъ глазъ отъ ея милаго, радостно-смущеннаго лица. Я видѣлъ, какъ она рада происшедшей во мнѣ перемѣнѣ и даже не старается скрыть этого, и мнѣ неловко и стыдно было въ душѣ, и хотѣлось яснѣе показать ей, какъ она мнѣ дорога.

— Поѣдемъ, мнѣ все равно,—въ замѣшательствѣ отвѣтила Наташа, поворачивая Мальчика.

— Ну, вотъ спасибо!.. И какъ это мы съ тобою именно здѣсь съѣхались? Какъ хорошо,—правда? Голубушка, поѣдемъ куда-нибудь... Хочешь въ Заклятую лощину?

Я съ трудомъ удерживалъ Бѣсенка, онъ косился и грозно ржалъ на шедшаго бокъ о бокъ Мальчика. Дорога была узкая, мокрыя вѣтви осинокъ то и дѣло обдавали насъ брызгами, и мы ѣхали совсѣмъ близко другъ отъ друга.

— Я тамъ была сейчасъ,—сказала Наташа:—ручей разлился и весь обратился въ трясину; пробовала проѣхать, — нельзя.

Я взглянулъ на Наташу: она была тамъ!.. Заклятая лощина—это глухая трущоба, которая, говорятъ, кишитъ волками; ее и днемъ стараются обходить подальше. А эта дѣвчурка ѣдетъ туда одна раннимъ утромъ, такъ себѣ, для прогулки!.. Не знаю, настроеніе ли было такое, но въ эту минуту меня все привлекало въ Наташѣ: и ея свободная, красивая посадка на лошади, и сіявшее счастьемъ, смущенное лицо, и вся, вся она, такая славная и простая.

— Ну, какъ хочешь, а я тебя сегодня не скоро пущу домой,—засмѣялся я.—Попалась, такъ ужъ такая судьба твоя! Поѣдемъ хоть куда-нибудь.

Мы свернули на широкую дорогу, пересѣкавшую лѣсъ. Прямая, какъ стрѣла, она бѣжала въ зеленой, залитой солнцемъ просѣкѣ.

— Вотъ дорога, какъ разъ для скачекъ,—сказалъ я и съ улыбкою взглянулъ на Наташу.

Наташа встрепенулась.

— А ну, давай опять перегоняться!—предложила она, поправляясь на сѣдлѣ.—Теперь наши лошади одинаково устали.

Мы какъ-то ужъ перегонялись съ Наташей, и обогнала она; но я передъ тѣмъ проѣхалъ на Бѣсенкѣ десять верстъ.

— Ну, ну, посмотримъ!

Мы пустили лошадей вскачь. Но только-что онѣ разскакались и мой Бѣсенокъ началъ наддавать, все больше опережая Мальчика, какъ явилось довольно неожиданное препятствіе. На краю дороги бродили въ кустахъ два большихъ поросенка, безмятежно взрывая рылами землю. Завидѣвъ насъ, они испуганно шарахнулись изъ кустовъ, хрюкнули и пустились улепетывать по дорогѣ. Мы ждали, конечно, что они сейчасъ свернутъ вбокъ, и скакали попрежнему; но поросята неуклюже все мчались передъ нами, всхрюкивая и отчаянно махая коротенькими, тонкими хвостиками.

— Они теперь все время такъ бѣжать будутъ, ни за что не свернутъ!—крикнула Наташа, смѣясь. Мы стали задерживать разогнавшихся лошадей. Поросята побѣжали медленнѣе, взволнованно хрюкая и трясь боками другъ о друга.

Мы попытались осторожно объѣхать ихъ; поросята взвизгнули и опять, какъ угорѣлые, бросились впередъ. Мы переглянулись и расхохотались.

— Вотъ такъ задача!—сказалъ я.

Наташа сдерживала, смѣясь, рвавшагося впередъ Мальчика. Теперь послѣдняя неловкость между нами исчезла, Наташа оживилась, и было неудержимо-весело.

— Ничего, все равно поѣдемъ! — сказала Наташа. — Это Дениса свиньи, лѣсника; ихъ и безъ того слѣдовало пригнать домой: вонъ куда онѣ забрели, ихъ еще волки съѣдятъ! Поѣдемъ къ Денису, онъ насъ молокомъ напоитъ. Его сторожка сейчасъ тамъ, на полянкѣ.

Мы поѣхали шагомъ, предшествуемые поросятами.

— Ты еще не видѣлъ этого Дениса, онъ всего два года здѣсь лѣсникомъ. Такой потѣшный старичокъ,—маленькій, худенькій... Какъ-то, когда онъ только-что поступилъ, мама случайно заѣхала сюда; увидала его: «Голубчикъ мой, да что же ты за сторожъ? Вѣдь тебя всякій обидитъ!» А онъ отвѣчаетъ: «Ничего, барыня, меня не найдутъ...»

Никогда еще я не видѣлъ Наташу такою; ея лицо такъ и дышало дѣтскою, беззавѣтною радостью... Я не могъ оторвать отъ нея глазъ.

Лѣсная сторожка стояла въ глубинѣ широкой, недавно выкошенной поляны. Денисъ, въ бѣлой холщевой рубахѣ и лаптяхъ, вышелъ намъ навстрѣчу.

— Денисъ, голубчикъ, здравствуй! Къ тебѣ мы! — сказала Наташа, соскакивая съ лошади.

— А-а, барышня касаткинская!—воскликнулъ Денисъ, щурясь. — Просимъ милости, пожалуйте. — Сунувъ шапку подъ мышку, онъ взялъ за повода нашихъ лошадей.

— Голубчикъ, надѣнь шапку!.. И привяжемъ мы сами... А ужъ если хочешь быть другомъ, напой насъ молочкомъ... Ѣдемъ мы сюда,—вотъ онъ говоритъ: не дастъ намъ Денисъ молока! Кто, я говорю, Денисъ-то не дастъ?

— Г-осподи! Да неужто жъ мы какіе-нибудь? Слава Богу, найдется молочко, будьте покойны. Пожалуйте въ горницу. Дѣвка-то моя на деревню побѣжала, такъ ужъ самъ услужу вамъ.

Было въ Денисѣ что-то чрезвычайно комичное: онъ то и дѣло самымъ степеннымъ образомъ гладилъ свою жидкую бороденку, серьезно хмурилъ брови, и все-таки ни слѣда степенности не было въ его сморщенномъ въ кулачокъ личикѣ и всей его миніатюрной фигуркѣ; получалось впечатлѣніе, будто маленькій ребенокъ старается изобразить изъ себя почтеннаго, разсудительнаго старичка.

Мы вошли въ избу. Денисъ поставилъ передъ нами двѣ чашки и кринку парного молока, нарѣзалъ ситнику. Наташа слѣдила за нимъ радостно-смѣющимися глазами и болтала безъ умолку.

— А чтой-то я вотъ барина этого раньше не видалъ никогда? — сказалъ Денисъ. — Смотрю, смотрю, — нѣтъ, чтой-то словно...

— Онъ недавно только пріѣхалъ.

Денисъ поглядѣлъ на Наташу.

— Они что же, барышня,—ужъ не обезсудьте на вопросѣ,— не женишкомъ ли вамъ приходятся?

— Ну да же, конечно, женихомъ!

— То-то я все смотрю... Чтой-то, думаю, — съ чего такая радость?

— Да какъ же, Денисъ, не радоваться? Вѣдь самъ знаешь, въ нынѣшнія времена жениха найти — дѣло не легкое. Не найдешь ихъ нигдѣ, словно вымерли всѣ.

Денисъ развелъ руками.

— Да вѣдь... О томъ и толкъ, барышня! Куда, молъ, подѣвались всѣ?—неизвѣстно!

— Вотъ-вотъ. Ну, а я вотъ нашла себѣ.

— Ну, дай вамъ Богъ счастливо!.. Они что же, по акцизной части служатъ?

Наташа расхохоталась.

— Голубчикъ Денисъ, да почему же ты думаешь, что именно по акцизной?!

— Ну, ну, Господь съ тобой, матушка... Хе-хе-хе! — разсмѣялся и Денисъ, глядя на нее.

Узнавъ, что я докторъ, онъ придалъ своему лицу страдаль-

ческое выраженіе и сталъ сообщать мнѣ о своихъ многочисленныхъ болѣзняхъ.

Мы просидѣли у него съ полчаса. Попытался я ему заплатить за молоко, но Денисъ обидѣлся и отказался наотрѣзъ.

Отъ него мы поѣхали на Громучіе колодцы, оттуда въ Богучаровскую рощу. Въ Богучаровѣ, у земскаго врача Троицкаго, пили чай... Домой воротились мы только къ обѣду.

2 іюля, 10 час. утра.

Перечиталъ я написанное вчера... Меня опьянили яркое утро, запахъ лѣса, это радостное, молодое лицо: я смотрѣлъ вчера на Наташу и думалъ: такъ будетъ выглядѣть она, когда полюбитъ. Тутъ была теперь не любовь, тутъ было нѣчто другое; но мнѣ не хотѣлось объ этомъ думать, мнѣ только хотѣлось, чтобъ подольше на меня смотрѣли такъ эти сіявшіе счастьемъ глаза. Теперь мнѣ досадно, и злость беретъ: къ чему все это было? Я одного лишь хочу здѣсь, — отдохнуть, ни о чемъ не думать. А Наташа стоитъ передо мною,—вѣрящая, ожидающая...

11 час. вечера.

Ну, произошелъ, наконецъ, разговоръ... Послѣ ужина Вѣра съ Лидой играли въ четыре руки какой-то испанскій танецъ Сарасате. Я сидѣлъ въ гостиной, потомъ вышелъ на балконъ. Наташа стояла, прислонясь къ рѣшеткѣ, и смотрѣла въ садъ. Ночь была безлунная и звѣздная, изъ темной чащи несло росою. Я остановился въ дверяхъ и закурилъ папиросу.

Наташа обернулась на свѣтъ спички.

— Ахъ, это ты, Митя!—тихо сказала она, выпрямляясь.— Хочешь, пойдемъ въ садъ?.. Посмотри, какъ... хорошо...

Голосъ ея обрывался, и она взволнованно теребила кружево на своемъ рукавѣ.

Мы спустились въ цвѣтникъ и пошли по аллеѣ.

— Помнишь, Митя, — вдругъ рѣшительно заговорила Наташа:—помнишь, ты говорилъ недавно о сознаніи, что живешь не напрасно, — что это самое главное въ жизни... Я и прежде, до тебя, много думала объ этомъ... Вѣдь это ужасно:— жить и ничего не видѣть впереди: кому ты нужна? Вѣдь это сознаніе, о которомъ ты говорилъ, — вѣдь это самое большое счастье...

Я молча шелъ, кусая губы. Въ душѣ у меня поднималось злобное, враждебное чувство къ Наташѣ; должна же бы она, наконецъ, понять, что для меня этотъ разговоръ тяжелъ и непріятенъ, что его безполезно затѣвать; должна бы она хоть

немного пожалѣть меня. И меня еще больше настраивало противъ нея, что мнѣ приходится ждать сожалѣнія и пощады отъ этого почти ребенка.

Наташа замолчала.

— Я слышалъ, что ты прошлую зиму занималась здѣсь съ деревенскими ребятами,—проговорилъ я.—Ну, какъ ты, съ охотою занималась, нравится тебѣ это дѣло?

— Д-да,—сказала Наташа, запнувшись.

— Ну, вотъ тебѣ и дѣло. Если хочешь совершенно отдаться ему, поступи въ сельскія учительницы. Тогда ты будешь близко стоять къ народу, можешь сойтись съ нимъ, вліять на него...

Я говорилъ, какъ плохой актеръ говоритъ заученный монологъ, и мерзко было на душѣ... Мнѣ вдругъ пришла въ голову мысль: а что бы я сказалъ ей, если бы не было этой спасительной сельской учительницы, альфы и омеги «настоящаго» дѣла?

Наташа шла, опустивъ голову.

— Голубушка, это дѣло мелко, что говорить, — сказалъ я, помолчавъ.—Но гдѣ теперь блестящія, великія дѣла? Да не по нимъ и узнаётся человѣкъ. Это дѣло мелко, но оно даетъ великіе результаты...

Я почти физически страдалъ: какъ все фальшиво и фразисто! Мнѣ казалось, теперь Наташа видитъ меня насквозь; и казалось мнѣ еще, что и самъ я только теперь увидѣлъ себя въ настоящемъ свѣтѣ, увидѣлъ, какая безнадежная пустота во мнѣ...

— Вотъ это прелестно!—раздался въ темнотѣ голосъ Вѣры.— Мы съ Лидой играемъ для нихъ, стараемся, а они себѣ ушли и гуляютъ здѣсь! Стоитъ вамъ играть послѣ этого! Никогда не стану больше!

Вѣра, Лида и Соня подошли къ намъ. Я былъ радъ, что кончился разговоръ.

3 іюля.

Привезли газеты. На меня вдругъ пахнуло совсѣмъ изъ другого міра. Холера расходится все шире, какъ степной пожаръ, и захватываетъ одну губернію за другою: люди въ стихійномъ ужасѣ бѣгутъ отъ нея, въ народѣ ходятъ зловѣщіе слухи. А наши медики дружно и весело идутъ въ самый огонь навстрѣчу грозной гостьѣ. Столько силы чуется, столько молодости и отваги. Хорошо становится на душѣ... Завтра я уѣзжаю въ Пожарскъ.

4 іюля.

Я въ Пожарскѣ. Пріѣхалъ я на лошадяхъ вмѣстѣ съ Наташею, которой нужно сдѣлать въ городѣ какія-то покупки. Мы остановились у Николая Ивановича Ликонскаго, отца Вѣры и Лиды. Онъ врачъ и имѣетъ въ городѣ обширную практику. Теперь, лѣтомъ, онъ живетъ совсѣмъ одинъ въ своемъ большомъ домѣ; жена его съ младшими дѣтьми гоститъ тоже гдѣ-то въ деревнѣ. Николай Ивановичъ—славный старикъ съ интеллигентнымъ лицомъ и до сихъ поръ интересуется наукой; каждую свободную минуту онъ проводитъ въ своей лабораторіи.

Пріѣхали мы вечеромъ, къ ужину. Я разспрашивалъ Николая Ивановича о холерѣ. Она серпомъ окружила нашу губернію, и кое-гдѣ были уже единичные случаи заболѣванія. Въ самомъ Пожарскѣ во врачахъ не нуждаются, но въ уѣздахъ недостатокъ; въ уѣздномъ городѣ Слесарскѣ не могутъ найти врача для зарѣченской стороны, Чемеровки, заселенной мастеровщиной. Завтра пошлю туда заявленіе.

5 іюля. Воскресенье.

На заборахъ и фонарныхъ столбахъ расклеены объявленія, приглашающія жителей города Пожарска принять участіе въ имѣющемъ произойти сегодня въ соборѣ «молебствіи объ избавленіи отъ болѣзни, называемой холерой, за коимъ послѣдуетъ торжественный крестный ходъ по всему городу». Я былъ на молебнѣ. На улицахъ словно все вымерло: огромная соборная площадь была покрыта несмѣтной толпой; пробраться въ самый соборъ нечего было и думать. Ласточки со звономъ кружили вокругъ колоколенъ; солнце играло на золотѣ прислоненныхъ къ стѣнамъ хоругвей; изъ церкви чуть слышно доносилось пѣніе. Я стоялъ и смотрѣлъ на толпу. Можетъ-быть, вотъ эта блѣдная, красивая дѣвушка, такъ благоговѣйно-гордо держащая образъ Тихвинской Божіей Матери, этотъ маленькій человѣчекъ съ курчавою головою и въ пиджакѣ, этотъ нищій,—всѣхъ ихъ черезъ недѣлю свалитъ холера.

Кругомъ говорили о недавней смерти мѣстнаго архіерея, о томъ, по какимъ улицамъ пойдетъ ходъ; о самомъ предметѣ молебна — ни слова; развѣ только какой-нибудь веселый мастеровой подмигнетъ сосѣду на проходящую дряхлую старушонку съ трясущеюся головою и сострить:

— Собрались холеру отмаливать, а холера вонъ она идетъ!

Слоняясь въ толпѣ, я столкнулся съ Викторомъ Сергѣевичемъ Гастевымъ. Онъ служитъ акцизнымъ въ Слесарскѣ и

пріѣхалъ въ Пожарскъ на какой-то акцизный съѣздъ. Разговорились. Я ему сообщилъ, что послалъ заявленіе къ нимъ въ Слесарскъ.

Онъ вытаращилъ на меня глаза.

— Въ Слесарскъ?! Ну, батенька, посылайте телеграмму, что отказываетесь.

— Съ какой стати?

— Да не слыхали вы, что ли, что̀ такое мастеровщина наша зарѣченская? Укокошатъ васъ тамъ черезъ три дня, и оглядѣться не дадутъ.

— Развѣ такъ народъ возбужденъ?

Викторъ Сергѣевичъ вскинулъ плечами и молча сталъ закуривать сигару. Потомъ, таинственно поднявъ брови, наклонился ко мнѣ и зашепталъ:

— Туда бы, батенька, теперь полкъ солдатъ впору поставить да на руки имъ боевые патроны раздать, чтобъ каждую минуту были готовы къ дѣлу. А у насъ, вы вѣдь знаете, какъ дѣлается: пока громъ не грянетъ, никто не перекрестится; а тамъ и пойдутъ телеграммами губернатора бомбардировать: «войска давайте!..» И холеры-то пока, слава Богу, у насъ нѣтъ никакой, а посмотрите-ка, какіе уже слухи ходятъ: пьяныхъ, говорятъ, таскаютъ въ больницы и тамъ заливаютъ известкой, колодцы въ городѣ всѣ отравлены, и доктора только одинъ чистый оставили для себя; многіе уже своими глазами видѣли, какъ здоровыхъ людей среди бѣла дня захватывали крючьями и увозили въ больницу... Они и не скрываютъ ничего, прямо говорятъ: если у насъ холера объявится, мы всѣхъ докторовъ перебьемъ. Шутки, батюшка мой, плохія! Да чего жъ вамъ лучше? Изъ мѣстныхъ врачей въ Чемеровку никто не хочетъ итти.

На паперти показались священники въ золотыхъ ризахъ; пѣніе вдругъ стало громче. Народъ заволновался и закрестился, надъ головами заколыхались хоругви. Облѣзлая собачонка, отчаянно визжа, промчалась на трехъ ногахъ среди толпы; всякій, мимо котораго она бѣжала, считалъ долгомъ пхнуть ее сапогомъ; собачонка катилась въ сторону, поднималась и съ визгомъ мчалась дальше. Ходъ потянулся къ кремлевскимъ воротамъ.

— Ну, пойдемъ и мы слѣдомъ!—сказалъ Викторъ Сергѣевичъ.—А какъ у васъ тамъ всѣ въ деревнѣ поживаютъ? Черезъ недѣльку поѣду въ отпускъ въ Смоленскъ, заѣду къ вамъ крестницу свою провѣдать. (Онъ крестный отецъ Сони).

Прощаясь, Викторъ Сергѣевичъ еще разъ настоятельно посовѣтовалъ мнѣ заблаговременно взять свое заявленіе назадъ.

6 іюля.

Я воротился въ Касаткино, такъ какъ, можетъ-быть, придется ждать больше недѣли.

Вчера вечеромъ, передъ отъѣздомъ изъ Пожарска, мы пили у Николая Ивановича чай. Наташа разливала. Николай Ивановичъ разсказывалъ мнѣ о своихъ изслѣдованіяхъ надъ вопросомъ объ обмѣнѣ веществъ у подагриковъ. Вошла горничная и доложила ему, что его хочетъ видѣть «одинъ человѣкъ».

— Чего ему? Скажи, чтобъ сюда вошелъ! — сказалъ Николай Ивановичъ.

Въ дверяхъ залы показался высокій человѣкъ въ мѣщанскомъ пиджачкѣ и стоптанныхъ сапогахъ. Онъ поклонился и смиренно остановился у порога.

— Чего тебѣ, братецъ?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Вотъ карточка къ вамъ отъ Владимира Владимировича.

Николай Ивановичъ пробѣжалъ нѣсколько строкъ, написанныхъ на оборотной сторонѣ визитной карточки, слегка покраснѣлъ и нахмурился.

— Ахъ, виноватъ! Очень пріятно познакомиться! — И онъ протянулъ вошедшему руку. — Пожалуйста, садитесь! Не хотите ли чаю? Г-нъ Гавриловъ!—отрекомендовалъ онъ его намъ.

На тонкихъ губахъ вошедшаго мелькнула чуть замѣтная усмѣшка. Онъ поклонился и такъ же смиренно сѣлъ къ столу на кончикъ стула. Это былъ худощавый человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, съ жиденькой бородкой и остриженный въ скобку; выглядѣлъ онъ мелкимъ торгашомъ-краснорядцемъ или прасоломъ, но лобъ у него былъ интеллигентный.

Николай Ивановичъ еще разъ прочелъ карточку и спросилъ:

— Вы чего же собственно хотите?

— Въ этомъ году, какъ вы изволите знать,—началъ Гавриловъ съ тою же чуть замѣтною усмѣшкою: — Россію посѣтилъ голодъ, какого давно уже не бывало. Народъ питается глиною и соломою, сотнями мретъ отъ цынги и голоднаго тифа. Общество, живущее трудомъ этого народа, показало, какъ вамъ извѣстно, свою полную нравственную несостоятельность. Даже при этомъ всенародномъ бѣдствіи оно не сумѣло возвыситься до идеи, не сумѣло слиться съ народомъ и прійти къ нему на помощь, какъ братъ къ брату. Оно отдѣлывалось пустяками, чтобъ только усыпить свою совѣсть: танцовало въ пользу умирающихъ, объѣдалось въ пользу голодныхъ, жертвовало какихъ-нибудь полпроцента съ жалованья. Да и эти

крохи оно давало народу, какъ подачку, и только развращало его, потому что всякая милостыня есть развратъ. Въ настоящее время народъ еще не оправился отъ бѣды, во многихъ губерніяхъ вторичный неурожай, а идетъ новая, еще худшая бѣда — холера...

Николай Ивановичъ слушалъ, забравъ въ горсть свою длинную сѣдую бороду, и смотрѣлъ въ окно.

— Общество, разумѣется, попрежнему остается достойнымъ себя,—продолжалъ Гавриловъ. — Въ этой новой бѣдѣ, которая грозитъ ужъ и ему самому, оно забыло обо всемъ и бѣжитъ спасаться, куда попало. Въ народѣ остались только медики, а этого слишкомъ мало. Народъ нуждается въ матеріальной помощи, а еще больше въ духовной. Ни того ни другого нѣтъ...

Николай Ивановичъ положилъ голову на руку и сталъ смотрѣть на кончикъ своего сапога.

— Общество должно наконецъ прійти въ себя. Оно всѣмъ обязано народу и ничего не отдаетъ ему. «Другіе трудились, а вы вошли въ трудъ ихъ»,—говоритъ Іисусъ...

— Извините, пожалуйста,—прервалъ его Николай Ивановичъ.—Я вотъ все слушаю васъ... и мнѣ все-таки неясно, чего вы собственно отъ меня желаете?

— Я обратился къ вамъ, потому что мнѣ Владимиръ Владимировичъ сказалъ, что вы хорошій человѣкъ. Въ настоящее время на такихъ только людей и надежда.

— Вы хотите, чтобъ я... пожертвовалъ въ пользу голодающихъ? — медленно спросилъ Николай Ивановичъ, поднявъ брови.

— Намъ нужны ваше сердце, вашъ умъ,—сказалъ Гавриловъ, чуть улыбнувшись на небрежный вопросъ Николая Ивановича.—Деньги—это послѣднее; *только* деньги намъ не нужны. И во всякомъ случаѣ я пришелъ просить у васъ не денегъ.

— А чего же-съ?

— Вашего нравственнаго содѣйствія, активной работы въ пользу несчастныхъ.

— Вотъ какъ!.. Однако работа-то работой, а вѣдь согласитесь,—прежде всего для этого все-таки нужны деньги.

— Міромъ управляютъ идеи, а не деньги. *Прежде всего* нужна любовь.

— Ну, а послѣ нея—деньги? Вѣдь за хлѣбъ купцу нужно заплатить деньгами, а не любовью.

— За деньгами дѣло не станетъ, ихъ всегда легко собрать. То и горе у насъ, что отъ всякаго дѣла люди откупаются деньгами.

— Вы думаете? Ну, такъ я вамъ вотъ что̀ скажу: у меня тутъ три четверти города знакомыхъ, а я много собрать не возьмусь.

Гавриловъ пожалъ плечами.

— Странно! Я здѣсь никого не знаю, всего только три дня назадъ пріѣхалъ, а берусь вамъ собрать въ мѣсяцъ пятьсотъ рублей.

— Ну, исполать вамъ!..—засмѣялся Николай Ивановичъ.— Я разскажу вамъ одинъ случай. Былъ у насъ тутъ въ городѣ студентъ-юристъ; кончаетъ курсъ, а средствъ никакихъ; выгоняютъ за невзносъ платы. Ну, вотъ я и вздумалъ устроить сборъ. Заѣзжаю, между прочимъ, въ одну богатую купеческую семью, въ которой состою врачомъ около пятнадцати лѣтъ. Барышни сидятъ—въ брильянтахъ, въ кружевахъ. Говорю имъ. Онѣ поморщились. «Посмотримъ, говорятъ, можетъ-быть, что-нибудь найдемъ». Я къ брату ихъ: «Тамъ съ ними не сговоришься; вы, Платонъ Степанычъ, энергичный человѣкъ,—возьмитесь за дѣло, какъ слѣдуетъ, вѣдь сами понимаете, нужно помочь!..» И знаете, какой изъ этого вышелъ результатъ?

— Какой же вышелъ результатъ?

— Ну, какъ вы думаете?

— Ну-съ?

— Съ тѣхъ поръ меня перестали приглашать въ этотъ домъ! — отрѣзалъ Николай Ивановичъ и сталъ закуривать папиросу.

Гавриловъ внимательно смотрѣлъ на него.

— Зачѣмъ вы лѣчите такихъ? — спросилъ онъ, чуть дрогнувъ бровью.

Николай Ивановичъ запнулся отъ неожиданности вопроса и пожалъ плечами.

— Странное дѣло! Врачъ обязанъ лѣчить всякаго.

Гавриловъ продолжалъ лукаво смотрѣть на него и беззвучно смѣялся.

— Какого же рода «активной работы» желаете вы отъ меня?—спросилъ Николай Ивановичъ, нахмурившись.—Прикажете итти въ деревню, въ народъ?

— Народъ не только въ деревнѣ, а и въ городахъ, вездѣ,— и вездѣ онъ нуждается въ помощи. Нужно только одно: чтобъ не господа благодѣтельствовали мужичью, а братья помогали братьямъ. Когда погорѣлецъ приходитъ къ мужику, мужикъ сажаетъ его за столъ, кормитъ обѣдомъ и даетъ копейку, — погорѣлецъ знаетъ, что онъ—товарищъ, потерпѣвшій несчастіе. Когда погорѣлецъ приходитъ къ барину, баринъ высылаетъ

ему черезъ горничную пятачокъ, — погорѣлецъ — нищій и получаетъ милостыню. А милостыня есть худшій изъ всѣхъ развратовъ, потому что она одинаково деморализуетъ и дающаго и берущаго. Господа съѣзжаются съ разныхъ концовъ города и съ увлеченіемъ спорятъ о шансахъ Гладстона на избирательную побѣду или объ исполнимости проектовъ Генри Джорджа; а тутъ же въ подвалѣ идетъ не менѣе ожесточенный споръ о томъ, какая Божья Матерь добрѣе, Ахтырская или Казанская, и на сколькихъ китахъ стоитъ земля. Это— два различныхъ міра, не имѣющихъ между собою ничего общаго...

Николай Ивановичъ нетерпѣливо закачалъ ногою. Гавриловъ со смиренною улыбкою спросилъ:

— Извините, можетъ-быть, я вамъ наскучилъ?

— Нѣтъ, что̀ же-съ? Сдѣлайте одолженіе. Но только... Я вотъ все время очень внимательно слушаю васъ и все-таки никакъ не могу понять, что̀ же я... обязанъ дѣлать.

— Ближе стать къ братьямъ, больше ничего; помогать имъ, а не благодѣтельствовать; не беречь для себя знаній, которыя должны быть достояніемъ всѣхъ..

— Да-съ?—выжидательно сказалъ Николай Ивановичъ.

— Приближается холера. Народъ голодаетъ, — это лучшая почва для нея; народъ невѣжественъ, — и это отнимаетъ у него послѣднія средства защиты. Пора же сознать, что, когда люди кругомъ умираютъ, стыдно роскошествовать (Гавриловъ бѣглымъ взглядомъ оглядѣлъ столъ съ стоявшими на немъ закусками). Я всего три дня здѣсь, но ужъ видѣлъ прямо ужасающія картины нищеты,—нищеты стыдливой и робкой, боящейся просить. Люди десятками ютятся въ зловонныхъ конурахъ, а мы занимаемъ по пяти-шести комнатъ; люди рады, если раздобудутся къ обѣду парою картофелинъ, а мы наѣдаемся такъ, что не можемъ шевельнуться. И если такіе люди приходятъ къ намъ, мы смотримъ на нихъ не со стыдомъ, а съ пренебреженіемъ, и не пускаемъ ихъ дальше передней. Выходъ только одинъ: сознать, что *нечестный человѣкъ* тотъ, кто не хочетъ понять этого, братски раздѣлить съ обиженными свой домъ, столъ, все; доказать, что мы дѣйствительно хотимъ помочь, а не убаюкать только свою совѣсть.

— Если я васъ понялъ,—проговорилъ Николай Ивановичъ, сдерживая подъ усами улыбку:—вы мнѣ предлагаете пригласить къ себѣ въ домъ три-четыре нищихъ семьи, поселить ихъ здѣсь, кормить, поить и обучать... Такъ?

— Да-съ! — отвѣтилъ Гавриловъ, и по губамъ его снова пробѣжала чуть замѣтная усмѣшка.

Николай Ивановичъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на своего гостя. Наташа, подперевъ рукою подбородокъ и нахмурившись, также не спускала глазъ съ Гаврилова.

— Ну, скажите, г. Гавриловъ, — увѣщавающимъ тономъ заговорилъ Николай Ивановичъ: — неужели же вамъ не стыдно говорить такой вздоръ?

— Почему вы полагаете, что это вздоръ? — спросилъ Гавриловъ съ своею быстрою усмѣшкою, нисколько не обидѣвшись.

— Мнѣ бы еще было понятно ваше предложеніе, если бы дѣло шло просто о какой-нибудь опредѣленной семьѣ, которой нужна помощь. Но вы, насколько я васъ понимаю, видите во всемъ этомъ прямо какое-то универсальное средство!

— Если вы одинъ такъ поступите, то этого, разумѣется, будетъ мало. Но важна идея, примѣръ. Вы—одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ людей въ городѣ; вашъ починъ сначала, можетъ-быть, вызоветъ недоумѣніе, но затѣмъ найдетъ подражателей. Потому и не удается у насъ ничего, что всѣ руководствуются лживою, но очень удобною пословицею: «одинъ въ полѣ не воинъ».

— Д-да, картина, во всякомъ случаѣ, довольно умилительная: мы работаемъ, выбиваясь изъ силъ, втрое больше прежняго, а «братья»-постояльцы бьютъ себѣ баклуши на готовыхъ хлѣбахъ... Воображаю, какую массу «братьевъ» мы расплодимъ по городу!

— Они вовсе не должны бить баклуши, они должны работать. Дайте имъ работу.

— Гдѣ мнѣ ее прикажете взять?

— Работа всегда найдется. Пусть они чистятъ у васъ садъ, подметаютъ дворъ, колютъ дрова. Они сами будутъ рады.

Николай Ивановичъ съ усмѣшкой махнулъ рукою.

— Ну, хорошо! Допустимъ, что все это легко исполнимо, что имъ найдется работа, что они сами будутъ рады; допустимъ, что этимъ путемъ мы въ состояніи обновить міръ. Но что̀ прикажете въ такомъ случаѣ дѣлать всѣмъ съ собственными семьями? — И онъ въ комическомъ недоумѣніи развелъ руками.

— Семьи можно бы въ настоящее время и не имѣть, — сказалъ Гавриловъ, понизивъ голосъ.

Николай Ивановичъ быстро поднялъ голову и пристально посмотрѣлъ на Гаврилова.

— А-а!—расхохотался онъ, вставая.—Теперь, батенька, я васъ узналъ!.. Это — извѣстная Zweikindersystem, или, еще лучше, «Крейцерова соната»! Только, батюшка, вы немножко

опоздали: ужъ и въ Западной Европѣ давно доказана вздорность всего этого. Вы—толстовецъ!

Гавриловъ чуть замѣтно улыбнулся.

— Я не слыхалъ, чтобъ «все это» давно было опровергнуто въ Западной Европѣ, а Zweikindersystem тутъ ни при чемъ. Это—старая истина, которая *не можетъ* быть опровергнута. «Я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцомъ его, и дочь съ матерью ея. *И враги человѣку—домашніе его*»,—сказалъ Іисусъ...

— Извините, пожалуйста! — рѣзко прервалъ его Николай Ивановичъ. — Я не знаю, что̀ это за Іисусъ, я знаю только Іисуса Христа.

— Виноватъ!—почтительно отвѣтилъ Гавриловъ.—Я хочу сказать, что въ настоящее время, когда все общество построено на крайне ненормальныхъ отношеніяхъ, явленія, сами по себѣ нормальныя, становятся противоестественными и грѣховными. На человѣкѣ лежитъ слишкомъ много обязанностей, чтобъ онъ могъ позволить себѣ имѣть семью.

Гавриловъ сталъ говорить о ненормальности строя теперешняго общества, о раздѣленіи труда и проистекающихъ отсюда бѣдствіяхъ, объ аристократизмѣ науки и искусства, о церкви, о государствѣ. Говорилъ онъ, поднявъ голову и блестя глазами, голосомъ проповѣдника-фанатика. Николай Ивановичъ слабо зѣвнулъ и вынулъ часы.

— Господа, однако ужъ восьмой часъ!—обратился онъ къ намъ.—Нужно велѣть подавать лошадей, а то вамъ придется ѣхать совсѣмъ въ темнотѣ.

Гавриловъ поднялся съ мѣста.

— Я, кажется, слишкомъ долго засидѣлся, — сказалъ онъ съ смущенной улыбкой. — Извините меня. Честь имѣю кланяться. Такъ на васъ, значитъ, мы разсчитывать не можемъ?

— Мы? — переспросилъ Николай Ивановичъ и поднялъ брови.—У васъ что̀ же, партія цѣлая есть?

— Да, «партія» людей, которые думаютъ, что общее благо должно ставить выше личнаго.

Когда Гавриловъ ушелъ, Николай Ивановичъ облегченно вздохнулъ.

— Господи, Боже ты мой! — воскликнулъ онъ, оглядывая насъ. — Сколько чуши можно нагородить въ какіе-нибудь короткіе полчаса!

Наташа сумрачно взглянула на него и молча наклонилась надъ чашкой. Мнѣ было неловко: правда, нелѣпостей было сказано достаточно, но... мнѣ вдругъ глубоко антипатиченъ сталъ Николай Ивановичъ, и я не думалъ раньше, чтобъ онъ былъ такимъ буржуа.

Подали лошадей. Мы простились и уѣхали. Городъ остался назади... Мы долго молчали.

— Да, этотъ человѣкъ, по крайней мѣрѣ, знаетъ, чего хочетъ, и вѣритъ въ это,—сказалъ я наконецъ.

Наташа быстро подняла голову, взглянула на меня и снова начала смотрѣть на тянувшіяся по сторонамъ поля.

— И все-таки онъ лучше всѣхъ, которые тамъ были, — процѣдила она сквозь зубы, съ злымъ, угрюмымъ выраженіемъ на лицѣ.

Всю остальную дорогу мы лишь изрѣдка перекидывались незначащими замѣчаніями. Наташа упорно смотрѣла въ сторону, и съ ея нахмуреннаго лица не сходило это злое, жесткое выраженіе. Мнѣ тоже не хотѣлось говорить. Солнце сѣло, теплый вечеръ спускался на поля; на горизонтѣ вспыхивали зарницы. Тоскливо было на сердцѣ...

7 іюля.

Довольно было этой случайной встрѣчи, чтобы все такъ долго созидаемое душевное спокойствіе разлетѣлось прахомъ, — и вотъ я опять не знаю, куда дѣваться отъ тоски. Мнѣ вспоминается страстная рѣчь этого человѣка, вспоминается жадное вниманіе, съ какимъ его слушала Наташа; я вижу, какъ карикатурно-убога его программа, и все-таки чувствую себя передъ нимъ такимъ мелкимъ и жалкимъ. И передо мною опять и опять встаетъ вопросъ: ну, а я-то, *чѣмъ же я живу?*

Время идетъ, — день за днемъ, годъ за годомъ... Что же, такъ всегда и жить, — жить, боясь заглянуть въ себя, боясь прямого отвѣта на вопросъ? Вѣдь у меня *ничего* нѣтъ. Къ чему мое честное и гордое міросозерцаніе, что оно мнѣ даетъ? Оно ужъ давно мертво; это не любимая женщина, съ которою я живу одною жизнью, это лишь ея трупъ; и я страстно обнимаю этотъ прекрасный трупъ и не могу, не хочу вѣрить, что онъ нѣмъ и безжизненно-холоденъ; однако обмануть себя я не въ состояніи... Но почему же, почему нѣтъ въ немъ жизни?!.

Не потому ли, что все мое внутреннее содержаніе — лишь красивыя слова, въ которыя я самъ не вѣрю? Но развѣ же можно бояться словъ больше, чѣмъ я боюсь, развѣ можно больше вѣрить, чѣмъ я вѣрю? И я не «лишній человѣкъ». Я ненависть чувствую ко всѣмъ этимъ тунеядцамъ, начиная съ темнаго Чулкатурина и кончая блестящимъ Плошовскимъ; я не могу простить нашей чуткой славянской литературѣ, что она благоуханными цвѣтами поэзіи увѣнчала людей, заслужи-

вающихъ лишь сатирическаго бича. Меня не пугаетъ нужда, не пугаетъ трудъ; я съ радостью пойду на жертву; я работаю упорно, не глядя по сторонамъ и живя душою только въ этомъ трудѣ. И все-таки... все-таки мнѣ постоянно приходится повторять себѣ это, и я ношусь съ своею чахоткою, какъ молодой чиновникъ съ первымъ орденомъ. Пусто и мертво въ сердцѣ; кругомъ посмотришь,—жизнь молчитъ, какъ могила...

8 іюля.

Сегодня послѣ ужина Вѣра съ Лидой играли въ четыре руки пятую симфонію Бетховена. Страшная это музыка: глубоко-тоскующіе звуки растутъ, перебиваютъ другъ друга и обрываются, рыдая; столько тяжелаго отчаянія въ нихъ... Я слушалъ и думалъ о себѣ.

Наташа стояла на балконѣ, облокотясь о рѣшетку, и неподвижно смотрѣла въ темный садъ. Да, и ей не легко... Въ рѣчахъ этого Гаврилова на нее пахнуло изъ другого міра, далекаго и свѣтлаго, — міра, въ которомъ нѣтъ сомнѣній, въ которомъ все живо и сильно. Но гдѣ путь туда? Я смотрѣлъ на Наташу, и у меня сжималось сердце: какъ грустно опущена ея голова, сколько затаеннаго страданія во всей ея фигурѣ... Почему такъ дорога стала мнѣ эта дѣвушка? Мнѣ хотѣлось подойти къ ней, крѣпко пожать ея руку. Но что я скажу ей, и на что ей мое сожалѣніе? Она его отвергнетъ.

А звуки попрежнему горько плакали. Чище и глубже становилось отъ нихъ горе. И мнѣ казалось, я найду, что сказать...

Я вышелъ на балконъ. Недавно былъ дождь, въ влажномъ саду стояла тишина, и крѣпко пахло душистымъ тополемъ; межъ вершинъ елей свѣтился заходящій мѣсяцъ, надъ нимъ тянулись темныя тучи съ серебристыми краями; наверху сквозь бѣлесоватыя облака мигали рѣдкія звѣзды.

— Хочешь, Наташа, на лодкѣ ѣхать? — спросилъ я, помолчавъ.

Наташа очнулась и оглядѣла меня недоумѣвающимъ, отчужденнымъ взглядомъ.

— Пойдемъ,—сказала она.

Мы спустились по влажной тропинкѣ къ рѣкѣ.

— Какъ рѣка прибыла! — тихо сказала Наташа, видимо, чтобъ только сказать что-нибудь.

— Да. И посмотри, какая тишина кругомъ: голосовъ ночи совсѣмъ нѣтъ. Это такъ всегда послѣ дождя.

— А ну!—Наташа остановилась и стала слушать. Потомъ пошла дальше.

Теперь я видѣлъ, что обманулся въ себѣ: я не зналъ, какъ начать и о чемъ говорить.

Мы сѣли въ лодку и отплыли. Мѣсяцъ скрылся за тучами, стало темнѣй; въ лощинкѣ за дубками болѣзненно и прерывисто закричала цапля, словно ее душили. Мы долго плыли молча. Наташа сидѣла, попрежнему опустивъ голову. Изъ-за темныхъ деревьевъ показался фасадъ дома; окна были ярко освѣщены, и торжествующая музыка гремѣла и разливалась надъ молчаливымъ садомъ: это была послѣдняя, заключительная часть симфоніи, — побѣда вѣрящей въ себя жизни надъ смертью, торжество правды и красоты и счастья безконечнаго.

Наташа вдругъ подняла голову.

— Митя! Помнишь, мы разъ съ тобою шли по саду, я тебя спрашивала, что̀ мнѣ дѣлать? Ты говорилъ тогда про сельскую учительницу... Скажи мнѣ правду: ты вѣрилъ въ то, что̀ говорилъ?

Я нѣсколько времени молчалъ; я не ожидалъ, что она такъ прямо, ребромъ поставитъ вопросъ.

— Что̀ тебѣ сказать на это? — отвѣтилъ я наконецъ. — Вѣрилъ ли я? Да, Наташа, я вѣрилъ. Но... Ты хочешь правды. Я видѣлъ, какъ ты смотрѣла на меня, когда я сюда пріѣхалъ, видѣлъ, что ты чего-то ждала отъ меня. Меня это очень мучило, но что̀ я могъ сдѣлать?.. Ты отъ *меня* ожидала разрѣшенія своихъ вопросовъ! Голубушка, ты ошиблась. Разсказывать ли тебѣ, какъ я прожилъ эти три года? Я только обманывалъ себя «дѣломъ»; въ душѣ все время какой-то настойчивый голосъ твердилъ, что это не то, что есть что-то гораздо болѣе важное и необходимое; но гдѣ оно? Я потерялъ надежду найти. Боже мой, какъ это тяжело! Жить—и ничего не видѣть впереди; блуждать въ темнотѣ, горько упрекать себя за то, что нѣтъ у тебя сильнаго ума, который бы вывелъ на дорогу, какъ будто ты въ этомъ виноватъ. А между тѣмъ идетъ время...

Есть силы,—Боже, гибнутъ силы!
Есть пламень честный,—гаснетъ онъ!

Ты подозрѣваешь, что я самъ не вѣрю... Не вѣрю? Наташа, голубушка, я вѣрю, всею силою души вѣрю, — это ты ошибаешься. Люби ближняго твоего, какъ самого себя, — нѣтъ больше этой заповѣди. Если бы ея не было, мнѣ страшно, что̀ бы было со мною. И ты повѣришь, что я не фразы говорю. Но тебѣ нужно другое. Жить для другихъ, работать для другихъ... Все это слишкомъ обще. Ты хочешь идеи, ко-

торая бы наполнила всю жизнь, которая бы захватила цѣликомъ и упорно вела къ опредѣленной цѣли; ты хочешь, чтобъ я вручилъ тебѣ знамя и сказалъ: «вотъ тебѣ знамя,—борись и умирай за него»... Я больше тебя читалъ, больше видѣлъ жизнь, но со мною то же, что съ тобой: *я не знаю!*—въ этомъ вся мука.

Наташа сидѣла, подперевъ подбородокъ рукою, и сумрачно слушала. Какъ не похожа была она теперь на ту Наташу, которая двѣ недѣли назадъ въ этой же лодкѣ съ жаднымъ вниманіемъ слушала мои разсказы о службѣ въ земствѣ! И чего бы я ни далъ, чтобъ эти глаза взглянули на меня съ прежнею ласкою. Но тогда она ждала отъ меня того, что дастъ жизнь, а теперь я говорилъ о смерти, о смерти самой страшной,—смерти духа. И позоръ мнѣ, что я не остановился, что я продолжалъ говорить...

Я говорилъ ей, что я не одинъ такой; что все теперешнее поколѣніе переживаетъ то же, что я; у него *ничего* нѣтъ,—въ этомъ его ужасъ и проклятіе. Безъ дороги, безъ путеводной звѣзды, оно гибнетъ невидно и безповоротно... Пусть она посмотритъ на теперешнюю литературу,—развѣ это не литература мертвецовъ, отъ которыхъ ничего уже нельзя ждать? Безвременье придавило всѣхъ, и напрасны отчаянныя попытки выбиться изъ-подъ его власти.

Наташа все время не выронила ни слова. Она взялась за руль и повернула лодку. Назадъ мы плыли молча. Мѣсяцъ закатился, черныя тучи ползли по небу; было темно и сыро; деревья сада глухо шумѣли. Мы подплыли къ купальнѣ. Я вышелъ на мостки и сталъ привязывать цѣпь лодки къ столбу. Наташа неподвижно остановилась на носу.

— Я все-таки думаю, что ты ошибаешься,—тихо сказала она, глядя вдоль рѣки, тускло сверкавшей въ темнотѣ.—Неужели же вправду необходимо быть такимъ рабомъ времени? Мнѣ кажется, ты перенесъ на всѣхъ то, что только самъ переживаешь.

Я съ усмѣшкой пожалъ плечомъ.

— Дай Богъ!

Я вышелъ на берегъ. Наташа попрежнему неподвижно стояла въ лодкѣ.

— Ты еще не пойдешь домой?—спросилъ я.

— Нѣтъ,—коротко отвѣтила она.

Я сталъ подниматься по крутой, скользкой тропинкѣ. Когда я былъ уже въ саду, я услышалъ внизу, по рѣкѣ, ровный стукъ веселъ: Наташа снова поѣхала на лодкѣ.

И вотъ уже часъ прошелъ, а я все сижу у стола,—безъ

мысли, безъ движенія; въ головѣ пустота. На дворѣ идетъ дождь, черный садъ шумитъ отъ вѣтра, тоскливо и однообразно журчитъ вода въ дождевомъ желобѣ... Наташа еще не возвращалась.

10 іюля.

Наташа всѣ эти дни избѣгаетъ меня. Мы сходимся только за обѣдомъ и ужиномъ. Когда наши взгляды встрѣчаются, въ ея глазахъ мелькаетъ жесткое презрѣніе... Богъ съ нею! Она шла ко мнѣ, страстно прося хлѣба, а я — я положилъ въ ея руку камень; что̀ другое могла она ко мнѣ почувствовать, видя, что самъ я еще болѣе нищій, чѣмъ она?.. И кругомъ все такъ тоскливо! Холодный вѣтеръ дуетъ не переставая, небо хмуро и своими слезами орошаетъ безсчастныхъ людей.

9 час. веч.

Сейчасъ нарочный привезъ мнѣ со станціи телеграмму изъ Слесарска: городская управа увѣдомляетъ, что я принятъ на службу, и проситъ пріѣхать немедленно. Слава Богу! Ѣду завтра вечеромъ.

11 іюля. 12 час. ночи.

Я въ Слесарскѣ; пріѣхалъ я всего полчаса назадъ. Ну, и городишко! Гостиницъ нѣтъ, пришлось остановиться на постояломъ дворѣ. Мнѣ отвели узенькую комнату съ однимъ окномъ. Синіе потрескавшіеся обои; подъ тусклымъ зеркальцемъ—столъ, покрытый грязною скатертью съ розовыми разводами; щели деревянной кровати усѣяны очень подозрительными пятнышками. Кругомъ все глубоко спитъ, пальмовая свѣча слабо освѣщаетъ стѣны; потухающій самоваръ тянетъ тонкую-тонкую нотку; замолкнетъ на минутку, словно прислушиваясь къ чему-то, поворчитъ—и опять принимается тянуть свою нотку. Спать еще не хочется; буду вспоминать сегодняшній день.

Къ обѣду пріѣхалъ въ Касаткино Викторъ Сергѣевичъ Гастевъ. Я укладывался у себя наверху и сошелъ внизъ, когда всѣ уже сидѣли за столомъ.

— А-а, докторъ! Здравствуйте! — встрѣтилъ меня Викторъ Сергѣевичъ, высоко поднялъ руку и мягко опустилъ ее мнѣ въ ладонь.—Все ли въ добромъ здоровьѣ?

— Вотъ, Викторъ Сергѣевичъ, — сказалъ дядя, съ тѣмъ юмористическимъ выраженіемъ на лицѣ, которое у него всегда является при гостяхъ:—сей молодой человѣкъ, не желая спасать отъ холеры насъ, уѣзжаетъ на войну съ холерными запятыми въ вашъ Слесарскъ.

Викторъ Сергѣевичъ поднялъ брови.

— Вы таки-ѣдете въ Слесарскъ? — недовѣрчиво спросилъ онъ.

— Разумѣется,—отвѣтилъ я, невольно улыбнувшись.

Онъ взялъ стоявшую передъ нимъ рюмку съ водкой и взглянулъ въ нее на свѣтъ.

— А вы что же, Викторъ Сергѣевичъ, развѣ не сочувствуете сему геройскому подвигу? — спросилъ дядя тѣмъ же тономъ.

Викторъ Сергѣевичъ опрокинулъ рюмку въ ротъ и закусилъ селедкой.

— Отчего не сочувствовать? — равнодушно произнесъ онъ, вытирая салфеткою усы.—Убьютъ его тамъ черезъ недѣлю,— ну, такъ вѣдь это пустяки: онъ человѣкъ одинокій.

Тетя замахала руками.

— Да ну, Викторъ Сергѣевичъ! Типунъ вамъ на языкъ! Что это такое — «убьютъ»!

— Да очень просто! Вы не знаете, что такое наша слесарская мастеровщина, а я знаю хорошо. Вы вотъ раньше спросите-ка, что это за народъ.

Онъ заткнулъ себѣ салфетку за жилетъ и принялся за борщъ.

— Что же это за народъ, Викторъ Сергѣевичъ? — спросила Соня.

Наташа, поднявъ голову, съ ожиданіемъ смотрѣла на него.

— Да вотъ, душенька, какой народъ. Недѣли двѣ назадъ позвали за рѣку доктора Чубарова къ старухѣ одной; оказалась дизентерія. Онъ прописалъ ей лѣкарство, а кромѣ того— карболки, чтобъ вылить въ отхожее мѣсто. Старушка-то святая и разсуди: зачѣмъ «лѣкарствіе» въ такое мѣсто выливать? Да стаканчикъ раствору и хватила. Ну, къ вечеру, разумѣется, и лежала подъ образами. Назавтра пріѣзжаетъ докторъ; собрался народъ, окружилъ его и началъ расправу; били его, били,—насилу полиція отняла. И теперь еще больной лежитъ. Розыски пошли, разслѣдованія... Четверыхъ арестовали.

— О, Боже ты мой! — въ ужасѣ воскликнула тетя. — Ну, слава Богу еще, что этого такъ не оставили: все-таки на нихъ теперь страхъ будетъ.

— Страхъ?—расхохотался Викторъ Сергѣевичъ.—Д-да-а... Черезъ два дня послѣ этого вдругъ въ чистомъ полѣ загорѣлся баракъ; весь сгорѣлъ, до послѣдней щепочки. Теперь уже новый строятъ, кончаютъ. Опять полиція нагрянула, опять аресты, розыски... Народъ возбужденъ и озлобленъ до

крайности. И не скрываетъ никто, прямо говорятъ: пусть къ намъ доктора пришлютъ, мы съ нимъ раздѣлаемся. А слухи, слухи идутъ,—одинъ другого нелѣпѣе. Недавно разсказываетъ мнѣ горничная: доктора съ полиціей вломились къ одному сапожнику, у котораго болѣла голова; самого его уволокли въ больницу, а инструменты его, товаръ, — все пожгли; теперь сапожника выпустили, но онъ совершенно разоренъ и сталъ нищимъ... Торговки на базарѣ громко разсказываютъ: дескать, выписываютъ къ намъ трехъ докторовъ, чтобъ народъ травить. Вчера еще приходитъ ко мнѣ моя прачка, плачетъ. «Горе, говоритъ, мнѣ, баринъ, съ сыновьями моими! Пришли они намедни съ фабрики, разсказываютъ: ребята сговорились,—если докторовъ въ Зарѣчье пришлютъ, всѣхъ ихъ разнести. Мы, говорятъ, тоже пойдемъ. Никакихъ моихъ уговоровъ не слушаютъ, погубятъ свои головы»... Вѣдь это ужъ сознательный заговоръ!—закончилъ Викторъ Сергѣевичъ, значительно мигнувъ бровями, и снова принялся за борщъ.—И вѣдь говорилъ я все это Дмитрію Васильевичу, предупреждалъ его въ Пожарскѣ, — нѣтъ! Пришла охота на ножъ лѣзть!

Наташа быстро и пристально взглянула на меня; встрѣтившись съ моимъ взглядомъ, она отвела глаза въ сторону, но я успѣлъ въ нихъ прочесть что-то странное: Наташа словно была удивлена тѣмъ, что я, посылая заявленіе изъ Пожарска, ужъ зналъ обо всемъ этомъ.

— Не такъ это, Викторъ Сергѣевичъ, страшно все, какъ издали кажется, — неохотно замѣтилъ я.

— Да?—разсмѣялся онъ.—А читали вы, что̀ въ Астрахани и Саратовѣ дѣлается?

— Нѣтъ. А что̀ такое? (Послѣднія газеты были только-что привезены со станціи, и я ихъ еще не просматривалъ).

Викторъ Сергѣевичъ сталъ разсказывать о разразившихся на Поволжьѣ безпорядкахъ, гдѣ толпа, обезумѣвъ отъ горя и ужаса, разбивала больницы и въ клочки терзала людей, шедшихъ къ ней на помощь.

— Ну, вотъ видите! — закончилъ онъ. — Если тамъ такія вещи происходятъ, то у насъ и подавно произойдутъ, за это я вамъ ручаюсь. Помочь вы все равно ничего не поможете,— никто къ вамъ и не обратится,—а погибнете совершенно напрасно. Пользы отъ этого никому вѣдь не будетъ, не такъ ли?.. Ну, во-отъ!.. — И онъ добродушно захохоталъ.

— Да нѣтъ, Митечка, это ты вправду въ такомъ случаѣ лучше не поѣзжай!—взволнованно сказала тетя.

Наташа встрепенулась.

— Ну, мама!..

— Да какъ же, душечка! Вѣдь они и въ самомъ дѣлѣ убьютъ его тамъ: онъ даже и пользы никакой не принесетъ... А ну ихъ совсѣмъ, не нужно и жалованья ихъ въ полтораста рублей!

— Да ужъ поздно теперь, тетя!—засмѣялся я. — Не отказываться же, разъ поступилъ!

Разговоръ перешелъ на другое.

Послѣ обѣда подали кофе. На дворѣ ужъ запрягали тарантасъ. Мнѣ было какъ-то особенно весело, и я съ любовью приглядывался къ окружавшимъ лицамъ. Завязался общій разговоръ; шутили, смѣялись. Я вступилъ съ Вѣрою въ яростный споръ о Шопенѣ, въ которомъ, какъ и вообще въ музыкѣ, ничего не понимаю, но который, дѣйствительно, возбуждаетъ во мнѣ безотчетную антипатію. Я любовался Вѣрою, какъ она волновалась и въ ужасѣ всплескивала руками, когда я называлъ классика Шопена «салоннымъ композиторомъ».

Наташа все время молчала; мы съ нею не перемолвились ни словомъ. Но иногда, случайно обернувшись, я ловилъ на себѣ ея взглядъ, быстрый и пристальный,—и у меня въ душѣ все начинало смѣяться.

Лошадей подали. Всѣ вышли провожать меня на крыльцо. Пошло прощаніе. Тетя три раза перекрестила меня и, обнимая, тихо всхлипнула.

Послѣ всѣхъ я подошелъ къ Наташѣ. Она растерялась и робко подняла на меня глаза — дѣтски-восторженные, любящіе... Я обнялъ ее. Наташа вдругъ охватила мою шею руками и крѣпко, горячо поцѣловала меня. А всегда она цѣлуетъ неохотно и отрывисто, словно кусаетъ...

Я ѣхалъ въ вагонѣ, высунувшись изъ окна, смотрѣлъ, какъ по ночному небу тянулись тучи, какъ на горизонтѣ вспыхивали зарницы, и улыбался въ темноту.

3 часа ночи.

Легъ-было спать, но заснуть не удалось. Тысячи голодныхъ клоповъ такъ и облѣпили тѣло. Проворочался два часа. Все равно, не заснешь. Свѣтаетъ, въ окно видна широкая, пустынная улица; маленькіе домики спятъ безпробудно...

Я хочу искренно отвѣтить себѣ на вопросъ: боюсь ли я? Нѣтъ, и мнѣ это очень странно. Раньше я не представлялъ себѣ, какъ можно жить, окруженнымъ всеобщею ненавистью; когда я видѣлъ раненыхъ и изувѣченныхъ, мнѣ порою приходила въ голову мысль: неужели и со *мною* можетъ когда-

нибудь случиться подобное? Теперь же я представляю себѣ все это очень ясно—и только улыбаюсь. Какъ будто я теперь совсѣмъ другимъ сталъ. На душѣ свѣтло и бодро, кругомъ все такъ необычно-хорошо, хочется борьбы и дѣла.

Вотъ оно, въ холодномъ утреннемъ туманѣ тянется Зарѣчье... Покорю ли я его, или оно меня раздавитъ?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

15 іюля.

Я ужъ три дня въ Чемеровкѣ. Вотъ оно, это грозное Зарѣчье!.. Черезъ горки и овраги бѣгутъ улицы, заросшія веселой муравкой. Сады безъ конца. Въ тѣни кленовъ и ловинъ ютятся вросшіе въ землю трехъоконные домики, крытые почернѣлымъ тесомъ. Днемъ на улицахъ тишина мертвая, солнце жжетъ; изъ раскрытыхъ оконъ доносится стукъ токарныхъ станковъ и лязгъ стали; подъ заборами босые ребята играютъ въ ладыжки. Изрѣдка пробредетъ къ рѣкѣ, съ простынею подъ мышкой, отставной чиновникъ или семинаристъ.

Къ вечеру улицы оживляются. Кустари заканчиваютъ работы, съ фабрикъ возвращается народъ. Поужинавъ, всѣ высыпаютъ за ворота. Вдали, окутанный синимъ туманомъ, глухо шумитъ городъ; подъ лучами заходящаго солнца бѣлѣютъ колокольни, блестятъ кресты церквей. Сумерки сгущаются. Я люблю въ это время бродить по Чемеровкѣ. У покосившихся воротъ, подъ нависшею ивою, стоитъ дѣвушка и, кутаясь въ платокъ, слушаетъ говорящаго ей что-то мастерового; мнѣ нравится ея открытая русая головка, нравится счастливый, смѣющійся взглядъ исподлобья, который она порою бросаетъ на собесѣдника. Гдѣ-то мычитъ корова, изъ чащи сада несется заунывная пѣсня... Гаснетъ заря, яркія звѣзды зажигаются въ небѣ; темно на улицахъ, но въ темнотѣ чувствуется жизнь, слышенъ говоръ, сдержанный женскій смѣхъ... Къ одиннадцати часамъ все смолкаетъ; ни огонька во всемъ Зарѣчьѣ, вездѣ спятъ, и только собаки безшумно снуютъ по пустыннымъ улицамъ.

Я нанялъ квартиру на концѣ Зарѣчья у мѣщанина, содержащаго фруктовый садъ; весь домикъ въ три комнаты я занимаю одинъ. Крыльцо и окна пріемной выходятъ на улицу, изъ спальни виденъ садъ съ яблонями и длинными рядами кустовъ черной смородины, крыжовника, барбариса.

Баракъ стоитъ за городомъ, на лугу, рядомъ съ обугленными развалинами прежняго барака. Въ немъ уютно и весело, пахнетъ свѣжимъ деревомъ. При баракѣ — фельдшеръ-хохолъ Харлампій Алексѣевичъ Прищепенко. Говоритъ онъ медленно и почтительно, высоко поднимая брови и припечатывая каждую фразу словомъ «да!». Разспрашивалъ я фельдшера о настроеніи зарѣченцевъ, о пожарѣ барака; онъ разсказывалъ обо всемъ обстоятельно и спокойно, какъ о чемъ-то вполнѣ обычномъ; потомъ перешелъ къ тому, что нужно бы сдѣлать кое-какія закупки для барака.. Признаться, совѣстно мнѣ стало за мое повышенное настроеніе духа.

Все бы хорошо въ баракѣ, но низшій персоналъ!.. Интересно, откуда къ намъ набрали такихъ. Одинъ служитель, Павелъ—маленькій человѣкъ съ мутными, блудливыми глазами, которыми никогда не смотритъ въ лицо; одѣтъ онъ въ пиджакъ и штаны на выпускъ; по всему видно, — прощелыга, прельстившійся высокой платой. Сегодня подъ моимъ руководствомъ онъ приготовлялъ сѣрно-карболовый растворъ. Когда я сказалъ ему, чтобъ онъ поосторожнѣе обращался съ сѣрной кислотой,—на руку попадетъ, такъ всю руку разъѣстъ, — въ глазахъ Павла мелькнуло что-то, что̀ трудно описать; но я голову даю на отсѣченіе, что поступилъ онъ къ намъ въ баракъ, какъ поступилъ бы... въ шайку разбойниковъ. Другой служитель, Ѳедоръ — неповоротливый деревенскій парень съ сонным и глуповатымъ лицомъ. И вотъ весь нашъ, съ позволенія сказать, «санитарный отрядъ».

17 іюля.

Я уже нѣсколько дней назадъ вывѣсилъ на дверяхъ объявленіе о безплатномъ пріемѣ больныхъ; до сихъ поръ, однако, у меня былъ только одинъ старикъ-эмфизематикъ да двѣ женщины приносили своихъ грудныхъ дѣтей съ лѣтнимъ поносомъ. Но всѣ въ Чемеровкѣ уже знаютъ меня въ лицо и знаютъ, что я докторъ. Когда я иду по улицѣ, зарѣченцы провожаютъ меня угрюмыми, сумрачными взглядами. Мнѣ теперь каждый разъ стоитъ борьбы выйти изъ дому; какъ сквозь строй, идешь подъ этими взглядами, не поднимая глазъ.

18 іюля.

Все вокругъ какъ будто спокойно, но что-то зловѣщее носится въ воздухѣ, нервы напряжены. Черезъ фельдшера, черезъ кухарку, отовсюду до меня доходятъ странные слухи: меня будто видѣли ночью у молчановскаго колодца, видѣли,

что я сыпалъ въ него какой-то порошокъ; молотобойцы изъ кузницы погнались за мною, но я перепрыгнулъ черезъ заборъ въ баташовскій садъ и скрылся. Другіе видѣли, какъ ночью провезли въ баракъ цѣлый обозъ гробовъ и крючьевъ. Собираются, будто, вторично поджечь баракъ, перебить полицію и медицинскій персоналъ. Я стараюсь увѣрить себя, что не боюсь, но при каждой пьяной пѣснѣ на улицѣ, при каждомъ стукѣ сердце непріятно вздрагиваетъ.

19 іюля. Воскресенье.

Сегодня вечеромъ я получилъ по почтѣ безграмотное письмо. Какой-то анонимный доброжелатель предварялъ меня, что этою ночью «ребята» собираются разгромить мою квартиру. Когда я читалъ письмо, за мною прислали отъ покровскаго священника, съ дочерью котораго случился припадокъ. Возвращался я домой по Ключарной улицѣ. Было темно; тучи низко нависли надъ городомъ; накрапывалъ дождь. Дверь кабака раскрылась, тусклая полоса свѣта легла на дорогу и отразилась въ лужѣ. Двѣ тѣни неслышно перешли улицу и скрылись около пустыря. Мнѣ приходилось итти мимо. Оборванный, босой мужчина въ широкихъ штанахъ прятался въ углубленіи калитки, молча и внимательно слѣдя за мною взглядомъ: я невольно выпрямился и, проходя, сжалъ въ рукѣ палку. Сзади опять появились двѣ тѣни; до меня донеслось слово: «докторъ». Я свернулъ на Мотякинскую улицу, потомъ на Серебрянку. Тѣни слѣдовали за мною по ту сторону улицы, прячась у заборовъ.

Воротился я домой. Перепуганная кухарка сообщила, что сейчасъ приходила кучка пьяныхъ чемеровцевъ и спрашивала меня. Ея увѣреніямъ, что меня нѣтъ дома, они не повѣрили и начали ломиться въ дверь. Какой-то прохожій сказалъ имъ, что только-что видѣлъ меня у церкви Николы-на-Ржавцахъ. Они всѣ двинулись туда по Ямской улицѣ.

— Вы бы, баринъ, до завтраго уѣхали бы въ городъ, — посовѣтовала кухарка. — Долго ли до грѣха? Народъ пьяный, въ головѣ Богъ знаетъ что̀...

— Эхъ, Авдотьюшка, не такъ все это страшно! — засмѣялся я, потрепавъ ее по плечу. — Что̀ они мнѣ сдѣлаютъ? И здѣсь переночуемъ, не велика бѣда.

Уѣхать въ городъ... Не захватить ли мнѣ съ собою кстати и фельдшера съ служителями, чтобы въ случаѣ заболѣванія никого изъ насъ не могли найти?

Авдотья улеглась спать. Мнѣ не спится, и я сижу за письменнымъ столомъ.

Что̀ скрываться передъ собою? Мнѣ тяжело и страшно. Страшно этой темноты, страшно того, что нельзя защищаться. Когда я подумаю: вотъ сейчасъ ворвутся сюда эти люди, — безумный ужасъ овладѣваетъ мною, и я не могу примириться съ мыслью: да какъ это возможно?! За что?

Дождь тихо капаетъ по листьямъ, въ темномъ саду слышатся смутные шорохи. И я тутъ одинъ...

21 іюля.

Я легъ вчера спать въ первомъ часу ночи. Только-что задремалъ, какъ въ комнату раздался стукъ. Авдотья просунула голову въ дверь и доложила, что пришелъ фельдшеръ. У меня въ предчувствіи ёкнуло сердце; я велѣлъ позвать его и зажегъ свѣчу.

Въ комнату медленно и неслышно вошелъ Харлампій Алексѣевичъ, блѣдный, съ широко раскрытыми глазами. Гробовымъ голосомъ онъ объявилъ:

— Дмитрій Васильевичъ, у насъ въ Зарѣчьѣ холера!

— Да ну?!

— Настоящая: съ рвотой, съ судорогами... На Ключарной улицѣ. Слесарь Черкасовъ.

— Что̀, вы сами видѣли? Были вы ужъ тамъ?

— Былъ-съ. За мною въ баракъ присылали. Я велѣлъ воду грѣть и вотъ къ вамъ пришелъ.

Я сталъ торопливо одѣваться. По груди и спинѣ бѣгала мелкая, частая дрожь, во рту было сухо; я выпилъ воды. «Нужно бы поѣсть чего-нибудь,—мелькнула у меня мысль.— На тощій желудокъ нельзя выходить... Впрочемъ, нѣтъ: я всего полтора часа назадъ ужиналъ». Я одѣлся и суетливо сталъ пристегивать къ жилеткѣ цѣпочку часовъ.

Харлампій Алексѣевичъ стоялъ, поднявъ брови и неподвижно уставясь глазами въ одну точку. Взглянулъ я на его растерянное лицо, — мнѣ стало смѣшно, и я сразу овладѣлъ собою.

— Ну, вотъ и практика у насъ съ вами появилась!—сказалъ я съ улыбкой.—Вы все захватили, что̀ нужно?

— Все есть. Павелъ тамъ на крыльцѣ стоитъ, у него.

Мы вышли на улицу. Передо мною, отлого спускаясь къ рѣкѣ, широко раскинулось Зарѣчье; въ двухъ-трехъ мѣстахъ мерцали огоньки, вдали лаяли собаки. Все спало тихо и безмятежно, а въ темнотѣ вставалъ надъ городомъ призракъ грозной гостьи...

На Ключарной улицѣ мы вошли въ убогій, покосившійся домикъ. Въ комнатѣ тускло горѣла керосинка. Молодая жен-

щина съ красивымъ, испуганнымъ лицомъ, держа на рукахъ ребенка, подкладывала у печки щепки подъ таганокъ, на которомъ кипѣлъ большой жестяной чайникъ. Въ углу, за печкой, лежалъ на дощатой кровати крѣпкій мужчина лѣтъ тридцати,—блѣдный, съ полузакрытыми глазами; закинувъ руки подъ голову, онъ слабо стоналъ.

— Добрый вечеръ!—сказалъ я, снимая пальто.

— Здравствуйте! — отвѣтила молодая женщина, взглянувъ на меня, и сейчасъ же снова повернулась къ печкѣ.

Я подошелъ къ больному и пощупалъ пульсъ. Рука была холодная, но пульсъ прекрасный и полный.

— Давно его схватило?—спросилъ я молодую женщину.

— Послѣ обѣда сегодня, — отвѣтила она, не глядя на меня. — Пришелъ съ работы, пообѣдалъ, черезъ часъ и схватило.

Говорила она неохотно, словно старалась отвязаться отъ тѣхъ пустяковъ, съ которыми я къ ней приставалъ. И вообще держалась она со мною такъ, какъ будто я былъ случайно зашедшій съ улицы человѣкъ, только мѣшавшій ей въ ея важномъ дѣлѣ.

— Ну что, Черкасовъ, какъ вы себя чувствуете? — спросилъ я больного.

— Нутро жжетъ, ваше благородіе, мочи нѣтъ; тошно на сердцѣ.

— Хотите воды со льдомъ?

Фельдшеръ подалъ ему ковшъ. Онъ припалъ губами къ краю, жадно глотая воду.

— Съ чего это случилось съ вами?—спросилъ я.—Не поѣли ли вы сегодня тяжелаго?

Черкасовъ снова легъ на спину.

— Съ молока это, ваше благородіе: пришелъ я съ работы уставши, поѣлъ щей, а потомъ сейчасъ двѣ чашки молока выпилъ.

Онъ замолчалъ и закрылъ глаза. Фельдшеръ готовилъ горчичникъ. Я вынулъ изъ кармана порошокъ каломеля.

— Ну, Черкасовъ, примите вотъ порошокъ!—сказалъ я.

Его жена быстро подошла ко мнѣ и остановилась, слѣдя за каждымъ моимъ движеніемъ. Черкасовъ рѣшительно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, ваше благородіе, это вы оставьте: не стану я порошковъ принимать!

Я сдерживалъ улыбку.

— Вы думаете, я васъ отравить хочу? Ну, вотъ вамъ два порошка, выбирайте одинъ; другой я самъ приму.

Черкасовъ поколебался, однако взялъ порошокъ; другой я высыпалъ себѣ въ ротъ. Жена Черкасова, нахмуривъ брови, продолжала пристально слѣдить за мною. Вдругъ Черкасовъ дернулся, быстро поднялся на постели, и рвота широкою струею хлынула на земляной полъ. Я еле успѣлъ отскочить. Черкасовъ, свѣсивъ голову съ кровати, тяжело стоналъ въ рвотныхъ потугахъ. Я подалъ ему воды. Онъ выпилъ и снова легъ.

— Ну, Черкасовъ, примите же порошокъ!

— А ну, выпейте-ка допрежь того воды вашей,—проговорила жена Черкасова, враждебно глядя на меня.

— Ты, матушка, слишкомъ-то ужъ не дури! — строго прикрикнулъ фельдшеръ. — Съ чего это докторъ вашу воду пить станетъ?

— Вода наша, я знаю, а ледъ-то вашъ!

Я улыбнулся и взглянулъ на фельдшера.

— Ну, что̀ ты съ нею станешь дѣлать? Давайте вашу воду.

У меня смутно шевелилась надежда, что воду она мнѣ дастъ въ чистой посудѣ. Жена Черкасова взяла ковшъ, стоявшій у постели мужа, и протянула его мнѣ. У меня упало сердце.

«Да вѣдь отсюда только сейчасъ холерный пилъ!» — со страхомъ подумалъ я, поднося ковшъ къ губамъ. Мнѣ ясно помнится этотъ желѣзный, погнутый край ковша и слабый металлическій запахъ отъ него. Я сдѣлалъ нѣсколько глотковъ и поставилъ ковшъ на столъ.

Черкасовъ принялъ порошокъ. Фельдшеръ положилъ ему на животъ горчичникъ. Стало тихо. Больной лежалъ, неподвижно вытянувшись. Керосинка, коптя и мигая, слабо освѣщала комнату. Молодая женщина укачивала плакавшаго ребенка.

— Вы скажите, Черкасовъ, когда горчичникъ станетъ жечь,—сказалъ я.

— Ничего, ваше благородіе, оно жжетъ, только пріятно,— тихо отвѣтилъ онъ.

Я сидѣлъ на табуреткѣ, свѣсивъ голову. Теперь у меня въ желудкѣ тысячи холерныхъ бациллъ; есть тамъ еще соляная кислота или нѣтъ? Въ животѣ слабо бурчало и переливалось.

— Опять ревматизмъ появился въ ногахъ! — быстро проговорилъ Черкасовъ, начиная ёжиться и двигаться на постели.—Аксинья! Три, ради Бога!.. Три скорѣй!

Я пощупалъ подъ одѣяломъ его ноги: мускулы икръ судорожно сокращались и были тверды, какъ камень.

— О-ооо!.. О-ооо!—протяжно стоналъ больной, дрожа и вы-

тягиваясь во весь ростъ. Мы стали оттирать его горячими бутылками и камфорнымъ спиртомъ.

Судороги постепенно слабѣли. Черкасовъ закинулъ за голову мускулистыя руки и лежалъ съ полуоткрытыми глазами, изрѣдка тяжело вздыхая. Павелъ подавалъ ему воду, и онъ жадно пилъ ее цѣлыми ковшами.

Въ комнату вошла толстая, немолодая женщина съ бойкимъ лицомъ и черными бровями.

— Здравствуйте, господинъ докторъ!.. Ну, что̀, сосѣдушка, какъ муженекъ?

— Да лежитъ вотъ!

— Говорите-ка вотъ съ ними, господинъ докторъ!.. Ни за что за вами не хотѣли посылать: пройдетъ, говорятъ, и такъ. А я смотрю, ужъ кончается человѣкъ, на ладанъ дышитъ. Что̀ ты, я говорю, Аксиньюшка, али ты своему мужу не жена? Тутъ только одинъ докторъ и можетъ понимать.

— Чѣмъ раньше будете за мною посылать, тѣмъ лучше,— сказалъ я.—Вѣдь это такая болѣзнь: захватишь въ началѣ,— пустяками отдѣлаешься. А у васъ какъ? «Пройдетъ» да «пройдетъ», а какъ ужъ плохо дѣло, такъ за докторомъ. Послѣ обѣда схватило, сейчасъ бы и послали. Давно бы здоровъ былъ.

— Да вѣдь... миленькій! Ну какъ же иначе? Вонъ, говорятъ, кругомъ болѣзнь ходитъ. Доктора учатся, они понимаютъ. А что пустяки-то разные болтаютъ въ народѣ, такъ нешто все переслушаешь?

Больной пошевелился на постели.

— Ужъ больно жжетъ горчичникъ, прикажите снять, ваше благородіе!

Вскорѣ опять началась рвота. Больной слабѣлъ, глаза его тускнѣли, судороги чаще сводили ноги и руки, но пульсъ все время былъ прекрасный. Мы втроемъ растирали Черкасова. Сосѣдка ушла. Аксинья сидѣла въ углу и съ тупымъ вниманіемъ глядѣла на насъ.

Свѣтало. Я сполоснулъ руки сулемою и вышелъ наружу покурить. На улицѣ было безлюдно; въ березахъ сосѣдняго сада чирикали воробьи. Аксинья тоже вышла.

— Вотъ что̀, голубушка,—сказалъ я:—вы всю эту посуду, изъ которой пилъ больной, отставьте въ сторонку и не пейте изъ нея сами, а то заразитесь. И одѣяло и пальто, которымъ онъ покрытъ, отложите. Нужно будетъ все это въ горячей водѣ прокипятить.

— Намъ что̀ жъ? Кипятите.

Аксинья помолчала.

— Ему вѣсть была дана,—проговорила она, глядя вдаль.

— Какая вѣсть?

— Утромъ вчера шелъ черезъ мостъ, его ласточка крыломъ задѣла. Пришелъ къ обѣду, сказывалъ.

— Ну, пустяки! Какая тамъ вѣсть! Богъ дастъ, выздоровѣетъ.

Я воротился въ комнату. Больной затихъ и лежалъ спокойно, закрывъ глаза и держа въ рукахъ горячую бутылку; иногда только судороги схватывали его ноги, и лицо болѣзненно перекашивалось.

Блѣдное утро смотрѣло въ окна. Фельдшеръ, понуривъ голову, дремалъ на табуреткѣ; больной, укутанный тремя одѣялами, также задремалъ. Стало тихо. Въ низкой комнатѣ было темно и душно, несмотря на открытыя окна; керосинка тускло освѣщала грязную, промасленную поверхность стола и выступъ печи; пахло тараканами и керосиномъ. Я сидѣлъ на постели Черкасова и подъ одѣяломъ водилъ горячею бутылкою по его ногамъ. Въ люлькѣ лежалъ подъ кучею красныхъ тряпокъ грязный, блѣдный ребенокъ съ огромными ушами. Онъ не спалъ; поднявъ безволосыя брови, онъ молча и пристально смотрѣлъ на меня, изрѣдка двигая по одѣялу худыми, какъ спички, ручонками. Я тоже смотрѣлъ на него... Для чего любовь этихъ двухъ сильныхъ, красивыхъ людей, дающая въ результатѣ такихъ жалкихъ, рахитическихъ уродцевъ? И для чего вообще они трудятся, что̀ поддерживаетъ ихъ въ ихъ тяжелой работѣ? Неужели забота объ этомъ смрадномъ углѣ?..

Черкасовъ началъ тихонько всхрапывать. Я велѣлъ фельдшеру полить сулемою полъ, а самъ съ Аксиньей и Павломъ вышелъ изъ комнаты, чтобъ дезинфицировать отхожее мѣсто. Увы! Его не оказалось, и пришлось полить чуть не весь дворикъ.

Когда мы воротились, больной попрежнему тихо спалъ. Фельдшеръ, сидя на табуреткѣ, въ сонливой задумчивости смотрѣлъ въ одну точку и клевалъ носомъ. Я отпустилъ его съ Павломъ домой и остался одинъ. Аксинья прикурнула на сундукѣ и тоже задремала. Я еще съ часъ просидѣлъ на завалинкѣ, куря и любуясь восходомъ солнца. Черкасовъ крѣпко спалъ. Онъ былъ внѣ опасности. Дезинфекцію приходилось отложить, чтобы дать больному выспаться. Я разбудилъ Аксинью, еще разъ повторилъ ей, чтобъ посуду, бѣлье, одежду она не трогала до нашего прихода, и отправился домой.

Въ девять часовъ утра мы явились произвести дезинфекцію. Черкасовъ, въ чистой, топорщившейся ситцевой рубахѣ и

блестящихъ сапогахъ, стоялъ у воротъ, держа на рукахъ ребенка.

— Вотъ ужъ какъ! — съ радостнымъ удивленіемъ воскликнулъ я.—Вы ли это, Черкасовъ? Ну, молодецъ!.. Здравствуйте!

Любовно глядя на меня, Черкасовъ поклонился.

— Здравствуйте, ваше благородіе!

— Какъ вы себя чувствуете?

— Да какъ есть здоровъ. Спасибо, ваше благородіе, что отходили. А намедни такъ ужъ и думалъ, что помирать пора пришла.

— Ну, такъ вотъ же что̀, Черкасовъ: вы теперь будьте поосторожнѣе съ ѣдою, не ѣшьте зелени и ничего тяжелаго. Лучше всего съѣшьте сегодня яичко всмятку, да чаю выпейте съ коньякомъ, я вамъ дамъ.

— Слушаю-съ! Да вы пожалуйте въ горницу.

Я вошелъ въ комнату и невольно остановился. Боже мой, что̀ я увидѣлъ! Земляной полъ былъ подтертъ чисто-начисто, посуда, вся перемытая, стояла на полкѣ, а Аксинья, засучивъ рукава, мѣсила тѣсто на скамейкѣ, стоявшей вчера у изголовья больного. У меня опустились руки.

— Ну, скажите, пожалуйста, Аксинья, что̀ вы такое сдѣлали?—спросилъ я, черезъ силу сдерживаясь.

— Что̀ я такое сдѣлала?

— Вѣдь я же вамъ сегодня утромъ нѣсколько разъ говорилъ: не подтирайте пола, отставьте всю посуду въ сторону...

— Да что̀ жъ ей грязной стоять?

— А то вотъ, что вы теперь по всему дому заразу разнесли! Понимаете вы это?.. Эхъ!..

Я махнулъ рукою и обратился къ Черкасову:

— Ну, вотъ что̀, Черкасовъ: все-таки нужно будетъ комнату отъ заразы очистить. Всѣ подушки, одѣяло, которымъ вы вчера покрывались, дайте намъ; мы ихъ вамъ завтра отдадимъ. И комнату нужно будетъ хорошенько полить и обрызгать.

Фельдшеръ взялъ въ руки бутыль съ сулемой. Глаза Черкасова враждебно засвѣтились, и онъ быстро сказалъ:

— Ну нѣтъ, ваше благородіе, это вы велите оставить!

— Вотъ-те разъ!.. Да вы знаете ли, Черкасовъ, что̀ у васъ было? Вѣдь у васъ *холера* была, заразительная болѣзнь; если не полить комнату, такъ зараза во всѣ стороны поползетъ, по всему Зарѣчью пойдетъ.

— Да окончательно сказать, у меня одни пустяки были: поѣлъ вчера щей съ молокомъ, только и всего. Нешто это холера?

— Скажите, Черкасовъ, а вы видали когда-нибудь холеру?

— Н-нѣтъ, не видалъ.

— А я видалъ, и говорю вамъ, что это холера. Вѣдь нельзя же такъ объ одномъ себѣ думать! Не убьешь заразы, она пойдетъ дальше; и сосѣдей всѣхъ заразите и жену. Подумайте сами,—ну развѣ же можно такъ?

Въ комнату вошла приходившая ночью сосѣдка Черкасовыхъ и остановилась у дверей.

— Да ни за что не дамъ поливать! — сказала Аксинья. — Польете карбовкой, вонь пойдетъ...

— Какая карболка? Сулема это, а не карболка! Понюхайте,— развѣ есть вонь?

Я протянулъ ей бутыль. Аксинья понюхала.

— Конечно, есть!

— Ну, да понюхайте же хорошенько! Вѣдь ничѣмъ не пахнетъ, какъ вода. Мы же ночью этимъ самымъ поливали.

— У меня вонь дѣти и такъ еле дышатъ, — сказалъ Черкасовъ.—Польете карболкой, всѣ перемрутъ.

— Да, Иванъ Андреевичъ, отъ карбовки вреда нѣту, — вмѣшалась сосѣдка. — Вотъ у меня на Всѣхъ-Святыхъ дитё умерло отъ горла; все карбовкой полили,—отлично! Это заразу убиваетъ.

— Э, все это отъ Бога!—сказала Аксинья.—Богъ не захочетъ, ничего не будетъ.

— Отъ Бога?.. Скажите, Аксинья, зачѣмъ же вы меня ночью позвали? — спросилъ я. — Богъ-то Богомъ, а я вамъ говорю: если бы не позвали меня, вашъ мужъ теперь въ гробу лежалъ бы, знаете вы это? Вѣдь онъ ужъ кончался, когда я пришелъ.

— Кончался, какъ есть кончался!—подтвердила сосѣдка.— Прихожу я,—ужъ холодать началъ, и глаза закатилъ...

— За это я вамъ по гробъ своей жизни благодаренъ, — сказалъ Черкасовъ, поклонившись.

— Да что̀ мнѣ отъ вашей благодарности! Какъ самому плохо, такъ доктора поскорѣе звать, а какъ дѣло до другихъ, такъ сейчасъ: «все отъ Бога»... И вамъ не стыдно, Черкасовъ? Вѣдь вы не въ полѣ живете, кругомъ люди! Если теперь кто поблизости заболѣетъ, вы знаете, кто будетъ виноватъ? Вы одинъ, и больше никто!.. О себѣ позаботился, а сосѣди пускай заражаются?

— Да вѣдь я все только насчетъ дѣтей, — сказалъ Черкасовъ, понизивъ голосъ.

— Ну, послушайте, Черкасовъ,—подумайте немножко, хоть что-нибудь-то можете вы сообразить? Я надъ вами всю ночь

сидѣлъ, отходилъ васъ,—хочу я вамъ зла, или нѣтъ? Что мнѣ за прибыль вашихъ дѣтей морить? А заразу нужно же убить, вѣдь вы больны были заразительною болѣзнью. Я не говорю ужъ о сосѣдяхъ, — и жена ваша и дѣти могутъ заразиться. Сами тогда ко мнѣ прибѣжите.

— Ну, ну, Иванъ, чего ты, въ самомъ дѣлѣ? — сказалъ фельдшеръ.—Словно баба какая, ничего не понимаешь!

Онъ взялъ бутылку и сталъ поливать полъ.

— Да не дамъ я поливать!—крикнула Аксинья и бросилась къ нему. Черкасовъ стоялъ, угрюмо и злобно закусивъ губу.

— Ну, матушка, ты здѣсь не слишкомъ-то бунтуй!—сказалъ фельдшеръ.—А то мы полицію позовемъ.

— Дѣло не въ полиціи,—прервалъ я его, нахмурившись.— Полиціи я звать не стану. Но скажите же, Черкасовъ, объясните мнѣ, отчего вы не хотите дать полить?

— Такъ, ваше благородіе, нѣтъ моего согласу на это.

— Да отчего же?

— Да окончательно сказать, не нужно это. Богъ дастъ, и такъ всѣ живы будемъ.

— Вотъ на Пасху у машиниста то же самое было,—сказала Аксинья. — Никакой карбовкой не поливали, всѣ живы остались. А то карбовкой все обрызгаете... Вѣдь мы какъ живемъ? И сами у сосѣдей то-другое занимаемъ и имъ даемъ. А тогда нешто кто намъ дастъ?

— Экъ вамъ эта карболка далась! Да понюхайте же, господа, развѣ это пахнетъ карболкой?

Черкасовъ махнулъ рукою.

— Нѣтъ, ваше благородіе, что разговаривать? Не дамъ я поливать!

— Ну, какъ хотите. Заставлять я васъ не стану. Но только помните, Черкасовъ: если теперь кто поблизости заболѣетъ, *вы* будете виноваты! Прощайте!

Фельдшеръ удивленно вскинулъ на меня глазами и покорно послѣдовалъ за мною.

И вотъ мой первый дебютъ. Скверно и тяжело на душѣ, мучитъ совѣсть: произвести дезинфекцію было необходимо, но что же я могъ сдѣлать? Оставалось только прибѣгнуть къ помощи полиціи; дезинфекцію мы бы произвели, а дальше? Если изъ *ничего* создалась легенда о сапожникѣ, разоренномъ врачами и полиціей, то какіе слухи пошли бы теперь? Холерные скрывались бы до послѣдней возможности, зараженныя ими вещи прятались бы подальше и разносили заразу все шире... И все-таки я знаю, что на Ключарной улицѣ, въ томъ маленькомъ домикѣ, гнѣздится очагъ заразы, она, можетъ-

быть, расползется по всему городу; я, врачъ, знаю это и ничего не предпринимаю... Боже мой, какъ все скверно!

23 іюля.

Амбулаторія у меня полна больными. Выздоровленіе Черкасова, повидимому, произвело эффектъ. Зарѣченцы, какъ передавала мнѣ кухарка, довольны, что имъ прислали «настоящаго» доктора. Съ каждымъ больнымъ я завожу длинный разговоръ и свожу его къ холерѣ, настоятельно совѣтую быть поосторожнѣе съ ѣдою и при малѣйшемъ разстройствѣ желудка обращаться ко мнѣ за помощью.

25 іюля.

Холера, повидимому, водворилась въ Зарѣчьѣ: было еще три случая заболѣванія (подтверждено бактеріоскопически). Но начинается она мягко и слабо, не справляясь съ книжками, по которымъ именно въ началѣ она должна быть наиболѣе жестокой: всѣ трое заболѣвшихъ уже поправляются. Одинъ изъ нихъ, сторожъ грызловскаго огорода, когда мы явились къ нему, самъ попросился въ баракъ; это—деревенскій парень лѣтъ двадцати пяти, звать его Степанъ Бондаревъ. Мы ухаживали за нимъ всю ночь, и теперь онъ поправляется, хотя еще очень слабъ. Разумѣется, всѣмъ, желавшимъ провѣдать его, я давалъ свободный доступъ въ баракъ, что̀ опять-таки сильно смутило фельдшера. Но благодаря этому зарѣченцы увидѣли, что баракъ ничуть не страшнѣе обыкновенной больницы. Когда на слѣдующій день «схватило» жестянщика Андрея Снѣткова, то мнѣ не стоило большого труда уговорить его лечь въ баракъ. Острый приступъ у него прошелъ, но поносы продолжаются, онъ сильно исхудалъ и глядитъ апатично и вяло.

Оба они лежатъ рядомъ. Степанъ, стройный парень съ низкимъ лбомъ и свѣтлыми усиками, старается разговорами расшевелить неподвижно-задумчиваго Андрея. Когда имъ приносятъ обѣдать, Степанъ, уплетая самъ свой бульонъ или яйцо всмятку, увѣщаваетъ сосѣда:

— Чего не ѣшь? И такъ вонъ какъ отощалъ, — гляди, помрешь! Не хочется ѣсть,—ѣшь поверхъ своей силы-мочи... Чудакъ-человѣкъ!

Каждый день къ Андрею приходитъ его братъ, низенькій человѣкъ съ рѣдкою бороденкою, съ огромнымъ багрово-синимъ рубцомъ на щекѣ. Всхлипывая и утирая рукавомъ глаза, онъ суетъ въ руку Андрею гривенникъ.

— Небось, кисленькаго хочется тебѣ; купи огурчиковъ или чего такого... Эхъ, Андрюша, Андрюша!

— Чего же ты плачешь?—спрашиваетъ Степанъ Бондаревъ, съ любопытствомъ и какъ-то недовѣрчиво глядя на него.

— Да вѣдь одинъ у меня братъ-то, какъ же не плакать? Кабы много было... Ужъ вылѣчите его, господинъ докторъ! Вы люди ученые!—обращается онъ ко мнѣ и низко кланяется.

Андрей лежитъ, подперевъ голову рукою, и съ безучастною улыбкою слѣдитъ за братомъ...

Вчера я получилъ письмо отъ Наташи. Вотъ оно: «Митя! Ты зналъ, какіе ужасы происходятъ въ Зарѣчьѣ, и все-таки отправился туда. Какъ хорошо, что ты такъ поступилъ! Я этому очень рада. Я знаю, что ты поѣхалъ туда не шутки шутить, я очень хорошо знаю, чему ты себя подвергаешь, и все-таки я рада. Какая это жизнь, если постоянно заботиться только о своей безопасности! Пусть будетъ, что̀ будетъ, но тамъ ты дѣлаешь дѣло, настоящее дѣло. Въ какомъ настроеніи ты пріѣхалъ туда? Что̀ тебя тамъ встрѣтило? Какія твои первыя сношенія съ зарѣченцами? Какъ ты себя чувствуешь между ними? Пиши мнѣ, пожалуйста, Митя! Зарѣченцы эти грубы и дики, какъ звѣри, но развѣ они въ этомъ виноваты? Пиши, пожалуйста; пожалуйста, пиши мнѣ! Вѣдь не трудно же тебѣ написать нѣсколько строкъ. Буду ждать».

27 іюля.

Вчера послѣ обѣда въ баракъ привезли новаго больного. Фельдшеръ отправился произвести дезинфекцію въ его квартирѣ и взялъ съ собою Ѳедора. Я остался при больномъ. Это былъ старикъ громаднаго роста и плотный, мѣдникъ-литухъ Иванъ Рыковъ. Его неудержимо рвало и слабило, судороги то и дѣло схватывали его ноги. Онъ стоналъ и метался по постели. Я послалъ Павла готовить ванну.

— Дайте мнѣ походить!—слабымъ голосомъ сказалъ больной.—Сводитъ ноги, мочи нѣтъ.

Я хотѣлъ помочь ему встать. Рыковъ своимъ тяжелымъ тѣломъ оперся на меня и, не устоявъ, снова сѣлъ на постель. Онъ вздохнулъ и покачалъ головою.

— Нѣтъ, баринъ, не сдержишь меня одинъ!

Я это и самъ видѣлъ... Ужъ теперь, когда больныхъ было еще мало, то и дѣло приходилось ощущать недостатокъ въ людяхъ; а прибудь сейчасъ въ баракъ хоть двое новыхъ больныхъ,—и мы остались бы совершенно безъ рукъ. Я отправился въ отдѣленіе для выздоравливающихъ и предложилъ Степану Бондареву поступить къ намъ въ служители; онъ ужъ

поправился и собирался выписаться изъ больницы. Степанъ согласился.

Ванна была готова. Я велѣлъ посадить въ нее стонавшаго Рыкова. Судороги прекратились, больной замолкъ и опустилъ голову на грудь. Черезъ четверть часа онъ попросился въ постель; его уложили и окутали одѣялами.

— О-о, Господи-батюшка! — тяжело вздохнулъ Рыковъ и прижался головою къ краю подушки.

— Ай томно тебѣ?—съ любопытствомъ спросилъ Степанъ, словно провѣряя на немъ пережитыя имъ самимъ ощущенія.

— То-омно!..

— Подъ сердцемъ горитъ?

— Горитъ, парень, силъ нѣту... Смерть пришла.

Степанъ увѣренно сказалъ:

— Съ чего помирать? Не помрешь!

Рыковъ закрылъ глаза и вытянулся. Вскорѣ его опять стало рвать, потомъ начались судороги... Степанъ пощупалъ подъ одѣяломъ сведенныя икры Рыкова.

— Ишь, словно яблоки!—сказалъ онъ про себя.

— Охъ, и гдѣ же это вѣтерокъ?! Душно мнѣ! — съ тоскою проговорилъ Рыковъ.—Дайте мнѣ походить... Помоги, Степа!

Степанъ и Павелъ взяли его подъ-руки и стали водить по комнатѣ. Походивъ, онъ снова сѣлъ въ ванну.

— Воды погорячѣй!—отрывисто сказалъ онъ.

Я велѣлъ подлить кипятку.

— Хорошо такъ?

— Лейте, ради Бога!—нетерпѣливо произнесъ Рыковъ.

Сначала покорный и за все благодарный, онъ становился все капризнѣе и требовательнѣе.

— Нельзя ли ванну подлиннѣе?—сердито ворчалъ онъ, ворочаясь и поджимая ноги.

Вечерѣло. Рыкову становилось хуже. Пріѣхалъ священникъ и исповѣдалъ его. Рвота и поносъ не прекращались; больной на глазахъ спадался и худѣлъ; изъ-подъ полузакрытыхъ вѣкъ тускло свѣтились зрачки, лобъ былъ клейкій и холодный; пульсъ трудно было нащупать. Меня удивило, какъ часто Рыковъ просился въ ванну: сидитъ въ ней съ полчаса, затѣмъ походитъ по комнатѣ, полежитъ — и опять въ ванну; и все проситъ воды погорячѣй. Степанъ не отходилъ отъ него; онъ изрѣдка переговаривался съ Рыковымъ сиплымъ, грубоватымъ голосомъ, и что-то такое братски-заботливое сквозило въ его короткихъ замѣчаніяхъ, во всемъ его обращеніи.

Въ часъ ночи меня смѣнилъ выспавшійся тѣмъ временемъ фельдшеръ. Я сдѣлалъ нужныя распоряженія, сказалъ, чтобъ

ваннъ больному давали, сколько бы онъ ихъ ни просилъ, а самъ отправился домой.

Въ пятомъ часу утра я проснулся, словно меня что̀ толкнуло. Шелъ мелкій дождь; сквозь окладныя тучи слабо брезжилъ утренній свѣтъ. Я одѣлся и пошелъ къ бараку. Онъ глянулъ на меня изъ сырой дали—намокшій, молчаливый. Въ окнахъ еще горѣлъ свѣтъ; у лозинки подъ большимъ котломъ мигалъ и дымился потухавшій огонь. Я вошелъ въ баракъ; въ немъ было тихо и сумрачно; Рыковъ неподвижно сидѣлъ въ ваннѣ, низко и безсильно свѣсивъ голову; Степанъ, согнувшись, поддерживалъ его сзади подъ мышки.

— Ну, какъ больной?—спросилъ я.

Степанъ поднялъ на меня блѣдное, усталое лицо, медленно выпрямился и повелъ плечами.

— Ничего,—коротко отвѣтилъ онъ.—Блюетъ все, да воды погорячѣй проситъ.

За эти нѣсколько часовъ Рыковъ измѣнился неузнаваемо: лицо осунулось и стало синеватымъ, глаза глубоко ввалились; орбиты зіяли въ полумракѣ большими, черными ямами, какъ на пустомъ черепѣ.

— Ну что̀, Иванъ, какъ?—спросилъ я.

Рыковъ чуть повелъ головою, не поднимая вѣкъ.

— Говори дюжѣй, не слышу! — сказалъ онъ сиплымъ, еле слышнымъ голосомъ.

— Какъ дѣла?—громче повторилъ я.

Больной помолчалъ.

— Воды погорячѣй!—пробормоталъ онъ и тяжело переворотился въ ваннѣ на другой бокъ. Пульса у него уже не было.

Я спросилъ Степана:

— Гдѣ же фельдшеръ?

— Онъ ушелъ: его къ больному позвали.

— Давно?

— Часа три будетъ.

— Отчего же онъ за мною не послалъ?

— Пожалѣлъ: говоритъ, вы и такъ мало спали.

Оказывается, вскорѣ послѣ моего ухода фельдшера позвали къ холерному больному; онъ взялъ съ собою Ѳедора, а при Рыковѣ оставилъ Степана и только-что было-улегшагося спать Павла. Какъ я могъ догадаться изъ неохотныхъ отвѣтовъ Степана, Павелъ сейчасъ же по уходѣ фельдшера снова легъ спать, а съ больнымъ остался одинъ Степанъ. Самъ еле оправившійся, онъ *три часа* на вѣсу продержалъ въ ваннѣ обезсилѣвшаго Рыкова! Уложить больного въ постель, подольетъ

въ ванну горячей воды, поправитъ огонь подъ котломъ и опять сажаетъ Рыкова въ ванну.

Я пошелъ и разбудилъ Павла. Онъ вскочилъ, поспѣшно оправляясь и откашливаясь.

— Кто это васъ, Павелъ, отпустилъ спать?

— Я сейчасъ только... гм! гм!.. на минуту прилегъ...—Онъ продолжалъ откашливаться и избѣгалъ моего взгляда.

— Послушайте, не врите вы!—повысилъ я голосъ.

— Не сутки же цѣлыя мнѣ не спать! — проворчалъ онъ, скользнувъ взглядомъ въ уголъ.

— Человѣкъ умираетъ, а вы его безъ помощи бросаете! Вы и двое сутокъ должны не спать, если понадобится.

— Это я не согласенъ.

— Ну, такъ вы сегодня же получите расчетъ.

Лицо Павла сразу приняло независимое и холодное выраженіе. Онъ поднялъ голову и, прищурившись, взглянулъ мнѣ въ глаза.

Я прикусилъ губу.

— А если вы сейчасъ не пойдете въ баракъ, вы ни копейки не получите изъ жалованья.

Павелъ закашлялъ и снова забѣгалъ взглядомъ по сторонамъ.

— Съ чего же не итти-то?—пробормоталъ онъ, обдергивая рукава на пиджакѣ.—Сейчасъ иду.

Я воротился въ баракъ. Рыковъ попрежнему сидѣлъ въ ваннѣ. Степанъ пошелъ подлить воды въ котелъ и передалъ больного Павлу. Павелъ, виновато улыбаясь, почтительно взялъ громаднаго Рыкова подъ мышки и сталъ его поддерживать.

Тяжело и непріятно было на душѣ: какъ все не устроено, не организовано! Нужно еще отыскать надежныхъ людей, воспитать ихъ, внушить имъ правильное пониманіе своихъ обязанностей; а дѣло тѣмъ временемъ идетъ черезъ пень-колоду, положиться не на кого...

Часы шли. Рыковъ почти не выходилъ изъ ванны. Я опасался, чтобы такое продолжительное пребываніе въ горячей водѣ не отозвалось на больномъ неблагопріятно, и нѣсколько разъ укладывалъ его въ постель. Но Рыковъ тотчасъ же начиналъ безпокойно метаться и требовалъ, чтобъ его посадили обратно въ ванну. Пульсъ снова появился и постепенно становился все лучше. Въ одиннадцатомъ часу больной попросился въ постель и заснулъ; пульсъ былъ полный и твердый...

Около четырнадцати часовъ Рыковъ, почти не выходя, просидѣлъ въ ваннѣ, — и я вынесъ впечатлѣніе, что спасла его именно ванна.

29 іюля.

Не знаю, испытываютъ ли это другіе: все, что̀ мы дѣлаемъ, все это безполезно и ненужно, всѣмъ этимъ мы лишь обманываемъ себя. Какая, напримѣръ, польза отъ нашей дезинфекціи? Развѣ не ясно, что она лишь тогда имѣетъ смыслъ, когда само населеніе глубоко вѣритъ въ ея пользу? Если же этого нѣтъ, то единственный выходъ—введеніе какого-то прямо осаднаго положенія: пусть всюду рыскаютъ всевидящіе сыщики, пусть царствуетъ доносъ, пусть дезинфекція вламывается въ подозрительныя жилища и ставитъ все вверхъ дномъ, пусть грозный ропотъ недовольства смолкаетъ при видѣ штыковъ и казацкихъ нагаекъ... Да и такимъ-то путемъ многаго ли достигнешь?

И вотъ приходится играть комедію, въ которую самъ не вѣришь. Обрызгивать сулемою мѣсто, гдѣ лежалъ больной, отбирать пару кафтановъ и одѣялъ, которыми онъ покрывался. Я знаю, нужно бы всѣхъ выселить изъ зараженнаго дома, забрать всѣ вещи, основательно продезинфицировать отхожее мѣсто и все жилище... Да, но куда выселить, во что одѣть выселенныхъ? Главное, какъ заставить ихъ убѣдиться въ пользѣ того, что̀ для нихъ дѣлаешь? Какъ дезинфицировать отхожее мѣсто, если его нѣтъ и зараза безпрепятственно сѣялась по всему двору и подъ всѣми заборами улицы? А между тѣмъ видишь, что будь только со стороны жителей желаніе,—и дѣло бы шло на ладъ, и можно бы принести существенную пользу... Тонешь и задыхаешься въ массѣ мелочей, съ которыми ты не въ состояніи ничего подѣлать; жаль, что не чувствуешь себя способнымъ оказать: «Э, моя ли въ томъ вина? Я сдѣлалъ, что̀ могъ!»—и спокойно дѣлать, «что̀ можешь». Медленно, медленно подвигается впередъ все,—сознаніе собственной пользы, довѣріе ко мнѣ; медленно составляется надежный санитарный отрядъ, на который можно бы положиться.

1 августа.

Эпидемія разгорается. Ужъ не одинъ заболѣвшій умеръ. Вчера послѣ обѣда меня позвали на домъ къ слесарю-замочнику Жигалеву. За нимъ ухаживала вмѣстѣ съ нами его сестра—молодая дѣвушка съ большими, прекрасными глазами. Къ ночи заболѣла и она сама, а утромъ оба они уже лежали въ гробу. Передо мною, какъ живое, стоитъ убитое лицо ихъ старухи-матери. Я сказалъ ей, что нужно произвести дезинфекцію. Она махнула рукою.

— Да что? Вы вотъ известку льете, льете, а мы все мремъ... Лейте, что жъ!

3 августа.

Весело жить! Работа кипитъ, все идетъ гладко, нигдѣ ни зацѣпки. Мнѣ удалось наконецъ подобрать отрядъ желаемаго состава, и на этотъ десятокъ полуграмотныхъ мастеровыхъ и мужиковъ я могу положиться, какъ на самого себя; лучшихъ помощниковъ трудно и желать.

Не говорю уже о Степанѣ Бондаревѣ: глядя на него, я часто дивлюсь, откуда въ этомъ ординарнѣйшемъ на видъ парнѣ столько мягкой, чисто-женской заботливости и нѣжности къ больнымъ. Но вотъ, напримѣръ, Василій Горловъ; это мускулистый молодецъ съ свѣтло-голубыми, разбойничьими глазами; говорятъ, онъ бьетъ свою мать, побоями вогналъ въ гробъ жену. И этотъ самый Горловъ держится со мною, какъ кроткая овечка, и работаетъ, какъ волъ. Онъ дезинфекторъ. Съ какимъ апломбомъ является онъ въ жилище холернаго, съ какимъ авторитетнымъ и снисходительнымъ видомъ объясняетъ родственникамъ заболѣвшаго суть заразы и дезинфекціи! И его презрѣніе къ ихъ невѣжеству дѣйствуетъ на нихъ сильнѣе, чѣмъ всѣ мои убѣжденія.

Андрей Снѣтковъ выздоровѣлъ и также служитъ у насъ въ санитарахъ. Для женскаго отдѣленія у меня есть двѣ служительницы; одна изъ нихъ—сосѣдка Черкасовыхъ, которая въ ту ночь заходила къ нимъ провѣдать больного.

Всѣмъ своимъ санитарамъ я говорю «вы» и держусь съ ними совершенно какъ съ равными. Мы нерѣдко сидимъ вмѣстѣ на порогѣ барака, куримъ и разговариваемъ; входя въ комнату, я здороваюсь съ ними первый. И дисциплина отъ этого нисколько не колеблется, а нравственная связь становится крѣпче.

Однажды, въ минуту откровенности, Василій Горловъ заявилъ мнѣ:

— Ей-Богу, Дмитрій Васильевичъ, я васъ такъ полюбилъ! Для васъ все равно, что благородный, что простой, — вы со всѣми равно. Съ вами говорить не опасно, не то, что другіе,— серьезные такіе... Конечно, по ученію вы... и опять же таки, напримѣръ, по дворянству... А все-таки я къ вамъ, какъ къ брату родному... Имѣйте въ виду.

Я чувствую, что съ каждымъ днемъ становлюсь въ ихъ глазахъ все выше. Работать я заставляю всѣхъ много и въ требованіяхъ своихъ безпощаденъ. И все-таки я убѣжденъ, что никто изъ нихъ не откажется изъ-за этого отъ службы

какъ Павелъ; чѣмъ я горжусь всего болѣе, это тѣмъ, что ихъ дѣло стало для нихъ высокимъ и благороднымъ, имъ стыдно было бы взглянуть на него съ коммерческой точки зрѣнія.

— Дим-митрій Васильевичъ! — говоритъ мнѣ Горловъ. — А позвольте васъ спросить: вѣдь вотъ начальство за вами не смотритъ,—зачѣмъ вы такъ ужъ себя утомляете?

— Голубчикъ мой, да развѣ же это для начальства дѣлается? Ну, судите по самому себѣ: вы вотъ пришли къ заболѣвшему, все обрызгали, дезинфицировали; безъ этого, можетъ-быть, и другіе бы заболѣли, а теперь, благодаря вамъ, останутся живы. Развѣ вамъ это не пріятно?

И Горлову начинаетъ казаться, что ему это, дѣйствительно, чрезвычайно пріятно.

Въ Зарѣчьѣ обо мнѣ говорятъ съ любовью и благодарностью. Когда я вспоминаю чувство, съ какимъ въ первое по пріѣздѣ утро смотрѣлъ на разстилавшееся передо мною Зарѣчье, мнѣ смѣшно становится; я скорѣе двадцать разъ умру отъ холеры, чѣмъ хоть волосъ на моей головѣ тронетъ кто-нибудь изъ чемеровцевъ.

Да, весело жить! Весело видѣть, какъ вокругъ тебя кипитъ живое дѣло, какъ самого тебя это дѣло захватываетъ цѣликомъ, весело видѣть, что не даромъ тратятся силы, и сознавать,—я не хочу стѣсняться,—сознавать, что ты не лишній человѣкъ и умѣешь работать.

4 августа.

Все это такъ: обо мнѣ говорятъ въ Зарѣчьѣ съ любовью и благодарностью, меня слушаются... Но могу ли я сказать, что мнѣ довѣряютъ? Если мои совѣты и исполняются, то все-таки исполняющій глубоко убѣжденъ въ ихъ полной безполезности. Онъ дѣлаетъ одолженіе мнѣ лично, потому что я «хорошій человѣкъ», мои же совѣты и всю мою «господскую» науку онъ не ставитъ ни въ грошъ. Я указываю ему на факты, значенія которыхъ онъ не можетъ не понимать, — факты, ясные десятилѣтнему ребенку; онъ принужденъ согласиться со мною; но согласіе остается внѣшнимъ, оно не въ силахъ ни на волосъ пошатнуть того глубокаго, слѣпого недовѣрія къ намъ, которое насквозь проникаетъ душу зарѣченца.

А скажи ему то же самое прохожая богомолка или отставной солдатъ,—и онъ съ полною вѣрою станетъ исполнять все, ими сказанное, онъ не станетъ притворяться фаталистомъ и говорить: «Богъ не захочетъ, ничего не будетъ». Вотъ про бараки ему давно уже наговорили всевозможныхъ ужасовъ идущіе съ Волги рабочіе,—и онъ старательно обходитъ нашъ баракъ за сотню саженъ.

6 августа.

Вчера вечеромъ я воротился домой очень усталый. Предыдущую ночь всю напролетъ пришлось провести въ баракѣ, днемъ тоже не удалось отдохнуть: послѣ пріема больныхъ нужно было посѣтить кой-кого на дому, затѣмъ навѣдаться въ баракъ. Послѣ обѣда позвали на роды. Освободился я только къ девяти часамъ вечера. Поужиналъ и напился чаю, раздѣваюсь, съ наслажденіемъ поглядывая на постланную постель, — вдругъ звонокъ: въ баракъ привезли новаго, очень труднаго больного. Нечего дѣлать, пошелъ...

Фельдшеръ съ санитарами суетился вокругъ койки; на койкѣ лежалъ плотный мужикъ лѣтъ сорока, съ русой бородой и наивнымъ, дѣтскимъ лицомъ. Это былъ ломовой извозчикъ, по имени Игнатъ Ракитскій. «Схватило» его на базарѣ всего три часа назадъ, но производилъ онъ очень плохое впечатлѣніе, и пульсъ уже трудно было нащупать. Работы предстояло много. Не менѣе меня утомленнаго фельдшера я послалъ спать и сказалъ, что разбужу его на смѣну въ два часа ночи, а самъ остался при больномъ.

Покорный и робкій, Игнатъ безпрекословно подчинялся всему. Онъ принялъ лѣкарство, далъ поставить высокую клизму; не пошевельнулся, когда я впрыскивалъ ему подъ кожу камфору; впрочемъ, онъ все время былъ въ полубезсознательномъ состояніи.

Я сѣлъ на табуретку. Въ ушахъ звенѣло, голова была словно налита свинцомъ. Игнатъ лежалъ на спинѣ, полузакрывъ глаза, и быстро, тяжело дышалъ. Вдругъ онъ вздрогнулъ и поспѣшно приподнялъ голову съ подушки. Степанъ, сидѣвшій у изголовья, подставилъ ему горшокъ для рвоты. Но голова Игната снова безсильно упала на подушку.

— Что̀ же не блюешь? Аль не хочешь блевать? Гм!—Степанъ вздохнулъ и опустилъ горшокъ.

Игнатъ зашевелился на постели, сталъ подниматься на карачки.

— Что̀ же это животъ не унимается? Дюже болитъ животъ!—выкрикнулъ онъ и снова свалился на бокъ.

Я подошелъ къ нему.

— Дайте помочи!.. Печетъ подъ сердцемъ...—пробормоталъ онъ въ промежуткѣ между вздохами, вдругъ задрожалъ, стиснулъ зубы и сталъ подтягивать сводимыя судорогами ноги. Степанъ и Андрей схватились за горячія бутылки. Игнатъ смотрѣлъ въ потолокъ мутящимися отъ боли глазами. Его посадили въ ванну.

Степанъ шепнулъ мнѣ:

— Сегодня утромъ шесть арбузовъ съѣлъ натощакъ, товарищи его сказывали; къ обѣду еще совсѣмъ здоровъ былъ, надъ докторами смѣялся.

— Пап-питься!..—съ трудомъ выкрикнулъ больной, не поднимая понуренной головы.

Степанъ осторожно приподнялъ его голову и сталъ подносить кружку съ ледяной водой. Игнатъ дернулся всѣмъ тѣломъ, и рвота широкою струею хлынула въ ванну. Его снова перенесли на постель и окутали нѣсколькими одѣялами.

Часъ шелъ за часомъ,—медленно, медленно... У меня слипались глаза. Стоило страшнаго напряженія воли, чтобъ держать голову прямо и итти, не волоча ногъ. Начинало тошнить... Минутами сознаніе какъ будто совсѣмъ исчезало, все въ глазахъ заволакивалось туманомъ; только тускло свѣтился огонь лампы, и слышались тяжелыя отхаркиванія Игната. Я поднимался и начиналъ ходить по комнатѣ.

Игнатъ выкрикивалъ хриплымъ, неестественнымъ голосомъ:

— Пузо болитъ!

«Пузо... Такъ только въ псевдо-народныхъ разсказахъ мужики говорятъ, — подумалъ я съ накипавшимъ враждебнымъ чувствомъ къ Игнату.—Половина второго... Скоро можно будетъ разбудить фельдшера».

Я снова поставилъ больному клизму и вышелъ наружу. Въ темной дали спало Зарѣчье, нигдѣ не видно было огонька. Тишина была полная, только собаки лаяли, да гдѣ-то стучала трещетка ночного сторожа. А надъ головою безчисленными звѣздами сіяло чистое, синее небо; Большая Медвѣдица ярко выдѣлялась на западѣ... Въ темнотѣ показалась черная фигура.

— Эй, почтенный, гдѣ тутъ доктора найтить? Нельзя ли помочи скорѣй? Дѣвку схватило, помираетъ.

«Господи, еще!»—съ отчаяніемъ подумалъ я.

Разбудили фельдшера. Онъ вышелъ блѣдный, широко пяля заспанные глаза.

— Пойдите, пожалуйста, посмотрите, что̀ тамъ такое,—сказалъ я ему.—Если что̀ серьезное, пришлите за мною.

Фельдшеръ почтительно возразилъ:

— Дмитрій Васильевичъ, да вы идите спать. Я одинъ управлюсь; вѣдь вы и всю прошлую ночь не спали...

— Э, да идите ужъ!—нетерпѣливо оборвалъ я его и пошелъ въ баракъ.

Игнатъ сидѣлъ въ ваннѣ. Степанъ поддерживалъ его подъ мышки и грубовато-нѣжно переговаривался съ нимъ; прикладывалъ ему ледъ къ головѣ, давалъ пить. Игнатъ безпокойно

ворочался въ ваннѣ и принималъ самыя неудобныя позы, то и дѣло грозя захлебнуться.

Черезъ минуту онъ снова попросился въ постель. Степанъ и Андрей взяли его подъ мышки и приподняли. Онъ хотѣлъ перешагнуть черезъ край ванны, занесъ-было ногу, — она упала назадъ, и Игнатъ съ вывернувшимися плечами мѣшкомъ повисъ на рукахъ санитаровъ. Я взялъ его за ноги, мы понесли больного на постель. Все время его продолжало непроизвольно слабить; теперь это была какая-то красноватая каша съ отвратительнымъ, кислымъ запахомъ.

— Ишь, арбузы пошли!—кивнулъ Степанъ.

Это, дѣйствительно, были арбузы; Игнатъ ѣлъ ихъ съ зернышками, съ зеленью... И сколько онъ ихъ съѣлъ! Лилось, лилось безъ конца, почти ведрами... Мы уложили его въ постель.

Я ходилъ по комнатѣ и давилъ въ себѣ неистовую ненависть къ Игнату: вѣдь онъ зналъ, что не должно ѣсть арбузовъ, и все-таки ѣлъ, смѣясь надъ докторами... Самъ теперь виноватъ! И какъ все кругомъ отвратительно и мерзко, и какъ тяжело въ головѣ...

Игнату становилось хуже. Съ сѣро-синимъ лицомъ, съ тусклыми, какъ у мертвеца, глазами, онъ лежалъ, ежеминутно дѣлая короткія рвотныя движенія. Степанъ подставлялъ ему горшокъ, больной отворачивалъ голову и выплевывалъ красную рвоту на одѣяло. Время отъ времени Игнатъ приподнимался, съ силою опирался о постель и, шатаясь, становился на карачки.

Степанъ осторожно поддерживалъ его.

— Дядя Игнатъ! Ляжь, какъ слѣдоваетъ!

— Пузо дюже болитъ!—быстрымъ, шелестящимъ шопотомъ произносилъ больной, и слѣдовалъ глубокій вздохъ, подводившій животъ далеко подъ ребра.

Вѣдь вотъ на постели можетъ же онъ подниматься, какъ хочетъ; а изъ ванны вынимать,—виситъ мѣшкомъ, ноги поднять не хочетъ. И зачѣмъ онъ плюетъ на одѣяло, когда ему подставляютъ горшокъ?

Свѣтало. Въ баракѣ было тихо, и только слышно было, какъ порывисто дышалъ Игнатъ. Лицо его стало сѣро-свинцоваго цвѣта, сухія губы чернѣли подъ рѣдкими усами. Иногда онъ быстро приподнималъ голову съ подушки и вдругъ устремлялъ на меня блеснувшіе глаза — большіе, грозные и испуганные... Пульса у него давно уже не было.

Мнѣ вдругъ показалось, что кровать съ Игнатомъ взвилась подъ потолокъ, окна комнаты завертѣлись. Я схватился за

столъ, чтобъ не упасть. Еще разъ сдѣлавъ надъ собою усиліе, я впрыснулъ больному камфору и вышелъ наружу.

Туманъ клубами поднимался съ сосѣдняго болота, было сыро и холодно. Я присѣлъ на лавку и закурилъ папиросу. На сердцѣ было одно чувство,—тупое, безконечное отвращеніе и къ этому больному и ко всей окружающей мерзости, рвотѣ, грязи. Все вздоръ,—вся эта дѣятельность для другихъ, все... Одно хорошо: прійти домой, выпить стаканъ горячаго чаю съ коньякомъ, лечь въ чистую, уютную постель и сладко заснуть... «И почему я не дѣлаю этого?—со злостью подумалъ я.—Вѣдь я врачъ, а исполняю роль сестры милосердія. Моя ли вина, что я не могу добиться отъ управы помощника-врача или студента, что я все одинъ и одинъ? Буду утромъ и вечеромъ посѣщать баракъ,—чего еще можно отъ меня требовать? Такъ всѣ и дѣлаютъ. У врача голова должна быть свѣжа, а у меня...» Я сталъ высчитывать, сколько времени я не спалъ: сорокъ четыре часа, почти двое сутокъ.

У околицы залаяли собаки. Я съ надеждою сталъ вглядываться въ туманъ: можетъ-быть, фельдшеръ идетъ. Нѣтъ, прошла баба какая-то... Вдали поютъ пѣтухи, изъ барака доносятся глухія отхаркиванья Игната. Я замѣтилъ, что сижу какъ-то особенно грузно, и что голова совсѣмъ уже лежитъ на плечѣ. Я всталъ и снова вошелъ въ баракъ.

Игнатъ неподвижно лежалъ на спинѣ, закинувъ голову. Между черными, запекшимися губами бѣлѣли зубы. Тусклые глаза, не моргая, смотрѣли изъ глубокихъ впадинъ. Иногда рвотныя движенія дергали его грудь, но Игнатъ ужъ не выплевывалъ... Онъ начиналъ дышать все слабѣе и короче. Вдругъ зашевелилъ ногами, горло нѣсколько разъ высоко поднялось подъ самый подбородокъ, Игнатъ вытянулся и замеръ; по его лицу быстро пробѣжала неуловимая тѣнь... Онъ умеръ.

Я стоялъ, прикусивъ губу, и неподвижно смотрѣлъ на Игната. Лицо его съ свѣтлою, русою бородою стало еще наивнѣе. Какъ будто маленькій ребенокъ увидалъ неслыханное диво, ахнулъ, да такъ и застылъ съ разинутымъ ртомъ и широко раскрытыми глазами. Я велѣлъ дезинфицировать трупъ и перенести въ мертвецкую, а самъ побрелъ домой.

И вотъ прошло всего какихъ-нибудь полсутокъ. Я выспался и всталъ бодрый, свѣжій. Меня позвали на домъ къ новому больному. Какую я чувствовалъ любовь къ нему, какъ мнѣ хотѣлось его отстоять! Ничего не было противно. Я ухаживалъ за нимъ, и мягкое, любовное чувство овладѣвало мною. И я думалъ объ этой возмутительной и смѣшной зависимости

«нетлѣннаго духа» отъ тѣла: тѣло бодро, — и духъ твой совсѣмъ измѣнился; ты любишь, готовъ всего себя отдать...

14 августа.

Я ужъ давно не писалъ здѣсь ничего. Не до того теперь. Чуть свободная минута, думаешь объ одномъ; лечь спать, чтобъ хоть немного отдохнуть. Холера гуляетъ по Чемеровкѣ и валитъ по десяти человѣкъ въ день. Боже мой, какъ я усталъ! Голова болитъ, желудокъ разстроенъ, всѣ члены словно деревянные. Ходишь и работаешь, какъ машина. Спать приходится часа по три въ сутки, и сонъ какой-то безпокойный, болѣзненный; встаешь такимъ же разбитымъ, какъ легъ.

Кругомъ десятками умираютъ люди, смерть самому тебѣ заглядываетъ въ лицо, — и ко всему этому относишься совершенно равнодушно: чего они боятся умирать? Вѣдь это такіе пустяки и вовсе не страшно.

18 августа.

Буду разсказывать по порядку.

Это произошло на Успеніе. Пообѣдавъ, я отпустилъ Авдотью со двора, а самъ легъ спать. Спалъ я крѣпко и долго. Въ передней вдругъ раздался сильный звонокъ; я слышалъ его, но мнѣ не хотѣлось просыпаться: въ постели было тепло и уютно, мнѣ вспоминалось далекое дѣтство, когда мы съ братомъ спали рядомъ въ маленькихъ кроваткахъ... Сердце сладко сжималось, къ глазамъ подступали слезы. И вотъ нужно просыпаться, нужно опять итти туда, гдѣ кругомъ тебя только муки и стоны...

Колокольчикъ зазвенѣлъ сильнѣе и окончательно разбудилъ меня. Я всталъ и пошелъ отпереть. Въ окно прихожей видно было, что звонится Степанъ Бондаревъ. Онъ былъ безъ шапки, и лицо его глядѣло странно.

Я отперъ дверь. Степанъ медленно шагнулъ въ прихожую, слабо пошатнувшись на порогѣ.

— Дмитрій Васильевичъ, къ вамъ!

Онъ коротко и глухо всхлипнулъ. Лицо его было въ кровоподтекахъ, глаза красны, рубаха разодрана и залита кровью.

— Степанъ, что̀ съ вами?!

— Къ вамъ вотъ пришелъ. Ребята убить грозятся; ты, говорятъ, холерный... Молъ, товарищей своихъ продалъ... съ докторами связался...

Онъ опять глухо всхлипнулъ и отеръ рукавомъ кровь съ губы.

— Да въ чемъ дѣло? Какіе ребята? Войдите, Степанъ, успокойтесь!

Я ввелъ его въ комнату, усадилъ, далъ напиться. Степанъ машинально сѣлъ, машинально выпилъ воду. Онъ ничего не замѣчалъ вокругъ, весь замерши въ горькомъ, недоумѣвающемъ испугѣ.

— Ну, разсказывайте, что̀ такое случилось съ вами.

Неподвижно глядя, Степанъ медленно заговорилъ:

— Говорятъ: холерный, молъ, ты!.. Это зашелъ я сейчасъ въ харчевню къ Расторгуеву, спросилъ стаканчикъ. Народу много, пьяные всѣ...—«А, говорятъ, вонъ онъ холерный пришелъ!» Я молчу, выпилъ стаканчикъ свой, закусываю... Подходитъ Ванька Ермолаевъ, токарь по металлу:—«А что̀, почтенный, нельзя ли, говоритъ, вашихъ докторей-фершаловъ пообезпокоить?»—На что они, говорю, тебѣ?—«А на то, чтобъ ихъ не было. Нельзя ли?»—Что̀ жъ, говорю, пускай докторъ разсудитъ, это не мое дѣло.—«Мы, говоритъ, твоего доктора сейчасъ бить идемъ, вотъ для куражу выпиваемъ».—За что̀?—«А такая ужъ теперь мода вышла,—докторей-фершаловъ бить».—Что̀ жъ, говорю, въ чемъ сила? Сила большая ваша... Какъ знаете...

Я дрожалъ крупною, частою дрожью. Мнѣ досадно было на эту дрожь, но подавить ее я не могъ. И я самъ не зналъ, отъ волненія ли она или отъ холода: я былъ въ одной рубашкѣ, безъ пиджака и жилета.

— Какъ холодно!—сказалъ я и накинулъ пальто.

Степанъ, не понимая, взглянулъ на меня.

— «Ишь, говорятъ, тоже—фершалъ выискался!—продолжалъ онъ.—Иди, иди, говорятъ, а то мы тебя замуздаемъ по рылу!»—Что̀ жъ? говорю, я пойду! Повернулся,—вдругъ меня кто-то сзади по шеѣ. Бросились на меня, зачали бить... Я вырвался, ударился бѣжать. Добѣжалъ до Серебрянки, остановился: куда итти? Никого у меня нѣту... Я пошелъ и заплакалъ. Думаю: пойду къ доктору. Скучно мнѣ стало, скучно: за что?..

Онъ замолчалъ, глухо и прерывисто всхлипывая. У меня самого рыданія подступили къ горлу. Да, за *что?*

Ясный августовскій вечеръ смотрѣлъ въ окно, солнце красными лучами скользило по обоямъ. Степанъ сидѣлъ, понуривъ голову, съ вздрагивавшею отъ рыданій грудью. Узоръ его закапанной кровью рубашки былъ мнѣ такъ знакомъ! Сѣрая, истасканная штанина поднялась, изъ-подъ нея выглядывала голая нога въ стоптанномъ штиблетѣ.... Я вспомнилъ, какъ двѣ недѣли назадъ этотъ самый Степанъ, весь забрызганный холерною рвотою, три часа подъ-рядъ на вѣсу продержалъ въ ваннѣ умиравшаго больного. А *тѣ* боялись даже пройти мимо барака...

И вотъ теперь, отвергнутый, избитый ими, онъ шелъ за защитою ко мнѣ: я сдѣлалъ его нашимъ «сообщникомъ», изъ-за меня онъ сталъ чуждъ своимъ.

Степанъ заговорилъ снова:

— «Завелись, говорятъ, доктора у насъ, такъ и холера пошла». Я говорю: вы подумайте въ своей башкѣ, дайте развитіе, — за что? Вѣдь у насъ вонъ сколько народу выздоравливаетъ; иной ужъ въ гробъ глядитъ, и то мы его отходимъ. Развѣ мы что дѣлали, развѣ съ нами какой вышелъ конфузъ?..

Въ комнату неслышно вошелъ высокій парень въ пиджакѣ и красной рубашкѣ, въ новыхъ, блестящихъ сапогахъ. Онъ остановился у порога и медленно оглядѣлъ Степана. Я поблѣднѣлъ.

— Что вамъ нужно?

Онъ еще разъ окинулъ взглядомъ Степана, не отвѣчая, повернулся и вышелъ. Я тогда забылъ запереть дверь, и онъ вошелъ незамѣченнымъ.

Я закинулъ крючокъ на наружную дверь и воротился въ комнату. Сердце билось медленно и такъ сильно, что я слышалъ его стукъ въ груди. Задыхаясь, я спросилъ:

— Что это, изъ *тѣхъ* кто-нибудь?

— Ванька Ермолаевъ и есть. Сейчасъ всѣ здѣсь будутъ.

Что было дѣлать? Бѣжать?.. Но одна мысль о такомъ униженіи бросала меня въ краску: выскочить въ окно, подобно вору пробираться задами... Да и куда было бѣжать?

Я молча ходилъ по комнатѣ. Ноги ступали нетвердо, по спинѣ непрерывно бѣгала мелкая, быстрая дрожь. Мнѣ вдругъ во всѣхъ подробностяхъ вспомнилась смерть доктора Молчанова, недавно убитаго толпою въ Хвалынскѣ... Безпричинность и неожиданность случившагося не удивляли меня теперь: мнѣ казалось, что въ глубинѣ души я давно уже ждалъ чего-то подобнаго... На сердцѣ было страшно тоскливо. Но рядомъ съ этимъ гордо-увѣренное, радостное чувство поднималось во мнѣ: я не зналъ еще, что буду дѣлать, но я зналъ, что заслоню и защищу Степана.

Случайно я увидѣлъ въ зеркалѣ свое отраженіе: блѣдное, искаженное страхомъ лицо глянуло на меня холодно и странно, какъ чужое. Мнѣ стало стыдно Степана и досадно, что онъ видитъ меня въ такомъ состояніи... Ну, да теперь ужъ все равно...

Я остановился у окна. Надъ садомъ въ дымчато-голубой дали блестѣли кресты городскихъ церквей; солнце садилось, небо было синее, глубокое... Какъ тамъ спокойно и тихо!.. И опять эта непріятная дрожь побѣжала по спинѣ. Я повелъ плечами, засунулъ руки въ карманы и снова началъ ходить.

Въ наружную дверь раздался сильный ударъ, въ то же время оглушительно зазвенѣлъ звонокъ—разъ, другой, и колокольчикъ оборвался.

— Они!—апатично сказалъ Степанъ.

Въ дверь посыпались удары.

Со мною произошло то, что̀ всегда бывало, когда я шелъ на что-нибудь страшное: во мнѣ вдругъ все словно замерло, и я сдѣлался спокоенъ. Но что-то странное въ этомъ спокойствіи: какъ будто другой кто увѣренно и находчиво дѣйствуетъ во мнѣ, а самъ я со страхомъ слѣжу со стороны за этимъ другимъ.

— Оставайтесь здѣсь!—сказалъ я Степану, вышелъ въ прихожую и заперъ комнату на ключъ. Ключъ я положилъ себѣ въ карманъ.

Наружная дверь трещала отъ ударовъ, за нею слышенъ былъ гулъ большой толпы. Я скинулъ крючокъ и вышелъ на крыльцо.

Какъ взрывъ, раздался злобно-радостный ревъ. Я быстро спустился съ крыльца и вошелъ въ середину толпы.

— Что̀ это, господа, чего вы?

— Фершала давай своего!

Серьезно и озабоченно я спросилъ:

— Фельдшера? Зачѣмъ онъ вамъ?

Маленькій, худощавый старикъ съ красными глазками, торопливо засучивая рукавъ, протискивался ко мнѣ сквозь толпу.

— Зачѣмъ?.. Зачѣмъ?.. — безсмысленно повторялъ онъ и рвался ко мнѣ, наталкиваясь на плечи и спины.

Я шагнулъ навстрѣчу.

— Ну, вотъ онъ мнѣ объяснитъ, погодите кричать... Пропустите же его, дайте дорогу!.. Вотъ... Ну, въ чемъ дѣло?—коротко и рѣшительно обратился я къ старику.

Мы очутились другъ противъ друга. Старикъ опѣшилъ и неподвижно смотрѣлъ на меня.

— Что̀ такое случилось?

Онъ быстро и оторопѣло пробормоталъ:

— Вы чего народъ морите?

Я удивленно поднялъ голову.

— Что̀ такое? Мы—народъ моримъ?! Откуда это ты, старикъ, выдумалъ? Народу у меня въ больницѣ лежало много,—что̀ же, изъ нихъ кто-нибудь это сказалъ тебѣ?.. Не можетъ быть! Спросить многихъ можно,—мало ли у насъ выздоровѣло! Рыковъ Иванъ, Артюшинъ, Кенановъ, Филипповъ... Всѣ у меня въ больницѣ лежали. Ты отъ нихъ это слышалъ, это они говорили тебѣ?—настойчиво спросилъ я.

Старикъ странно морщился и дергалъ головою.

— Мы, господинъ, знаемъ... Мы все-е знаемъ!..

— Ну, нѣтъ, братъ, погоди! Дѣло тутъ серьезное. Если знаешь, то толкомъ и говори. Гдѣ мы народъ морили, когда?.. Господа, можетъ-быть, изъ васъ мнѣ кто-нибудь это скажетъ?— обратился я къ окружающимъ.

Никто не отвѣтилъ. Отовсюду смотрѣли чуждые, враждебно выжидающіе глаза. Сзади вытягивались головы съ нетерпѣливо хмурившимися лицами. Ванька Ермолаевъ, закусивъ губу, съ насмѣшливымъ любопытствомъ слѣдилъ за мною.

— Ну, хорошо, вотъ что̀! — рѣшительно произнесъ я.— Пойдемте сейчасъ всѣ вмѣстѣ въ баракъ, спросимъ тѣхъ, кто тамъ лежитъ, что̀ они скажутъ: дѣлаемъ мы имъ какое худо или нѣтъ. Если что̀ скажутъ противъ меня,—я въ отвѣтѣ.

— Да пойдемъ, чего тамъ! Думаешь, боимся барака твоего?— быстро сказалъ Ванька Ермолаевъ и двинулся съ мѣста.

— Пойдемте!

Толпа колыхнулась, и мы направились къ бараку.

Я закурилъ папиросу и заговорилъ:

— Вѣдь вотъ, господа, пришли вы сюда, шумите... А изъ-за чего? Вы говорите, народъ помираетъ. Ну, а разсудите сами, кто въ этомъ виноватъ. Говорилъ я вамъ сколько разъ: поосторожнѣе будьте съ зеленью, не пейте сырой воды. Вѣдь кругомъ ходитъ зараза. Разореніе вамъ какое, что ли, воду прокипятить? А поди ты вотъ, не хотите. А какъ схватитъ человѣка, — доктора виноваты. Вотъ у меня недавно одинъ умеръ: шесть арбузовъ натощакъ съѣлъ! Ну, скажите, кто тутъ виноватъ? Или вотъ съ водкой: говорилъ я вамъ, не пейте водки, отъ нея слабѣетъ желудокъ...

— Нѣтъ, господинъ, водка не вредитъ!—вмѣшался шедшій рядомъ мастеровой.—Она эту самую заразу убиваетъ, она въ пользу.

— Въ пользу? А вотъ приходите-ка въ больницу послѣ праздника: какъ настанетъ праздникъ, выпьетъ народъ, такъ на другой день сразу вдвое больше больныхъ; и эти всего легче помираютъ: вечеромъ принесутъ его, а утромъ онъ ужъ Богу душу отдаетъ.

— И опохмелиться не поспѣвши, го-го!—засмѣялись въ толпѣ.

— Чего смѣетесь? Дурье!—строго остановилъ Ванька Ермолаевъ.

Вдали виднѣлся баракъ. Чтобъ не безпокоить больныхъ, я рѣшилъ взять съ собою только двухъ-трехъ человѣкъ, а остальныхъ оставить ждать у барака.

Вдругъ изъ-за угла мелочной лавки показался приземистый

фабричный въ длинной синей чуйкѣ. Онъ, видимо, искалъ насъ и, завидѣвъ толпу, побѣжалъ навстрѣчу. Я живо помню его блѣдное лицо съ низкимъ лбомъ и огромною нижнею челюстью... Все произошло такъ быстро, какъ будто сверкнула молнія. Толпа раздалась. Человѣкъ въ чуйкѣ молча скользнулъ по мнѣ взглядомъ и вдругъ, коротко и страшно сильно размахнувшись, ударилъ меня кулакомъ въ лицо. У меня замутилось въ глазахъ, я отшатнулся и схватился за голову. Въ ту же минуту второй ударъ обрушился мнѣ на шею.

— Го-о... Бе-ей!!—неистово завопилъ говорившій со мною старикъ и ринулся на меня, и все кругомъ всколыхнулось.

Отъ толчка въ спину я пробѣжалъ нѣсколько шаговъ; падая, ударился лицомъ о чье-то колѣно; это колѣно съ силою отшвырнуло меня въ сторону. Помню, какъ, вскочивъ на ноги и въ безумномъ ужасѣ цѣпляясь за чей-то рвавшійся отъ меня рукавъ, я кричалъ: «Братцы!.. голубчики!..» Помню пьяный ревъ толпы, помню мелькавшія передо мною красныя, потныя лица, сжатые кулаки... Вдругъ тупой, тяжелый ударъ въ грудь захватилъ мнѣ дыханіе, и, давясь хлынувшею изъ груди кровью, я безъ сознанія упалъ на землю.

19 августа.

Я ужъ третій день лежу въ больницѣ. У меня открылось сильное кровохарканье, которое еле остановили; дѣло плохо. Меня два раза навѣстилъ губернаторъ, навѣстили еще какія-то важныя лица. Всѣ они говорятъ мнѣ что-то очень любезное, крѣпко жмутъ руку. Я смотрю на нихъ, но мало понимаю изъ того, что̀ они говорятъ. Гвоздемъ сидитъ у меня въ головѣ воспоминаніе о случившемся, и сердце ноетъ нестерпимо. И я все спрашиваю себя: да неужели же вправду это было?.. И однако это такъ: я лежу въ больницѣ, изувѣченный и умирающій; передо мною, какъ живыя, стоятъ перекошенныя злобой лица, мнѣ слышится крикъ: «бей его!..». И они меня *били, били!* Били за то, что я пришелъ къ нимъ на помощь, что я несъ имъ свои силы, свои знанія,—все... Господи, Господи! Что̀ же это, — сонъ ли тяжелый, невѣроятный, или голая правда?.. Не стыдно признаваться,—я и въ эту минуту, когда пишу, плачу, какъ мальчикъ. Да, теперь только вижу я, какъ любилъ я народъ, и какъ мучительно горька обида...

Нужно умирать. Не смерть страшна мнѣ: жизнь холодная и тусклая, полная безплодныхъ угрызеній,—Богъ съ нею! Я объ ней не жалѣю. Но *такъ* умирать!.. За что ты боролся, во имя чего умеръ? Чего ты достигъ своею смертью? Ты

только *жертва*, жертва безсмысленная, никому ненужная... И напрасно все твое существо протестуетъ противъ обидной ненужности этой жертвы: такъ и должно было быть...

20 августа.

Мнѣ не спится по ночамъ. Вытягивающая повязка на ногѣ мѣшаетъ шевельнуться, воспоминаніе опять и опять рисуетъ недавнюю картину. За стѣною, въ общей палатѣ, слышенъ чей-то глухой кашель, изъ рукомойника звонко и мѣрно капаетъ вода въ тазъ. Я лежу на спинѣ, смотрю, какъ по потолку ходятъ тѣни отъ мерцающаго ночника,—и хочется горько плакать. Были силы, была любовь. А жизнь прошла даромъ, и смерть приближается,—такая же безсмысленная и безплодная... Да, но какое я *право* имѣлъ ждать лучшей и болѣе славной смерти?

Они били меня, какъ забѣжавшую бѣшеную собаку,—меня, противъ котораго ничего не могли имѣть. Пять недѣль работая среди нихъ, каждымъ шагомъ доказывая свою готовность помогать и служить имъ, я не смогъ добиться съ ихъ стороны простого довѣрія; я *принуждалъ* ихъ вѣрить себѣ, но довольно было рюмки водки, чтобъ все исчезло и проснулось обычное стихійное чувство. Пять недѣль!.. Я въ пять недѣль думалъ уничтожить то, что̀ создавалось долгими годами. Съ какихъ это поръ привыкли они встрѣчать въ насъ друзей, когда видѣли они себѣ пользу отъ нашихъ знаній, отъ всего, что̀ ставило насъ выше ихъ? Мы всегда были имъ чужды и далеки, ихъ *ничего* не связывало съ нами. Для нихъ мы были людьми другого міра, брезгливо сторонящимися отъ нихъ и не хотящими ихъ знать. И развѣ это не правда? Развѣ иначе была бы возможна та до ужаса глубокая пропасть, которая отдѣляетъ насъ отъ нихъ?

Я знаю: то, что̀ я здѣсь пишу, избито и старо; мнѣ бы самому въ другое время показалось это фальшивымъ и фразистымъ. Но почему же теперь въ этихъ избитыхъ фразахъ чувствуется мнѣ столько мучительной, тяжелой правды, почему такъ жалко-ничтожною кажется мнѣ моя прошлая жизнь, моя дѣятельность и любовь? Я перечитывалъ дневникъ: жалобы на себя, на время, на все... Этимъ жалобамъ не было бы мѣста, если бы я тогда видѣлъ и чувствовалъ то, что̀ такъ ярко и такъ больно бьетъ мнѣ теперь въ глаза...

23 августа.

Трудно писать, рука плохо слушается. Процессъ въ легкихъ идетъ быстро, и жить остается немного. Я не знаю, почему

теперь, когда все кончено, у меня такъ свѣтло и радостно на душѣ. Часто слезы безграничнаго счастья подступаютъ къ горлу, и мнѣ хочется сладко, вольно плакать.

Я часто впадаю въ забытье. И когда я открываю глаза, я вижу сидящую у моихъ ногъ молчаливую, понурую фигуру Степана. Какъ онъ сюда попалъ? Я вскорѣ узналъ: онъ пришелъ къ главному врачу больницы, поклонился ему въ ноги и не вставалъ съ колѣнъ, пока тотъ не позволилъ ему оставаться при мнѣ безотлучно. Я не знаю, когда онъ спитъ: днемъ ли проснешься, ночью,—Степанъ все сидитъ на своей табуреткѣ,—молчаливый, неподвижный... И я смотрю на этого дважды спасеннаго мною человѣка, и мнѣ хочется крѣпко пожать его руку. Я пошевельнусь,—онъ встаетъ и поправляетъ сбившуюся подо мною подушку, даетъ мнѣ пить. И я опять забываюсь...

Передо мною стоитъ Наташа. Она горько плачетъ, закрывъ глаза рукою. Мнѣ странно, — неужели Наташа тоже умѣетъ плакать? Я тихо глажу ея трепещущую отъ рыданій руку и не могу оторвать отъ нея глазъ. И я говорю ей, чтобъ она любила людей, любила народъ; что не нужно отчаиваться, нужно много и упорно работать, нужно искать дорогу, потому что работы страшно много... И теперь мнѣ не стыдно говорить эти «высокія» слова. Она жадно слушаетъ и не замѣчаетъ, какъ слезы льются по ея лицу. А я смотрю на нее, и тихая радость овладѣваетъ мною; и я думаю о томъ, какая она славная дѣвушка, и какъ много въ жизни хорошаго, и... и какъ хорошо умирать...

1894.

ПОВѢТРІЕ *).

Эпилогъ.

I.

Богучаровскій земскій врачъ Сергѣй Андреевичъ Троицкій только-что произвелъ горлосѣченіе задыхавшейся отъ крупа дѣвочкѣ. Онъ накладывалъ швы на разрѣзъ раны, а фельдшерица Ольга Петровна, съ сухимъ, желтоватымъ лицомъ, въ бѣломъ фартукѣ, придерживала вставленную въ трахею трубочку.

Больная еще не проснулась отъ хлороформа; она лежала неподвижно, изрѣдка дѣлая глубокія, свободныя вдыханія; только когда Ольга Петровна шевелила трубочку, ребенокъ начиналъ кашлять, и тогда изъ отверстія трубочки съ дующимъ шумомъ вылетали брызги кровавой слизи, а Сергѣй Андреевичъ и Ольга Петровна отшатывались въ стороны.

— Чуть-чуть мнѣ сейчасъ въ глазъ не попало! — сказала Ольга Петровна, жмуря лѣвый глазъ и ощупывая мизинцемъ щеку, на которой повисли двѣ алыхъ капельки.

— Эка штука! — съ шутливымъ пренебреженіемъ произнесъ Сергѣй Андреевичъ.

Ольга Петровна обиженно протянула:

— Да-а!... Я вовсе не хочу ослѣпнуть.

---

*) Разсказъ этотъ въ свое время вызвалъ со стороны критики немало нареканій за то, что лишенъ дѣйствія и состоитъ изъ однихъ разговоровъ. Нареканія были вполнѣ законны. Но показать представителей молодого поколѣнія *въ дѣйствіи* было по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ совершенно немыслимо. Даже въ предлагаемомъ видѣ разсказъ могъ появиться въ свѣтъ только послѣ долгихъ мытарствъ.—Время дѣйствія относится къ лѣту 1886 г., когда въ Петербургѣ вспыхнула знаменитая іюньская стачка ткачей, отмѣтившая собою нарожденіе у насъ организованнаго рабочаго движенія.

— Съ чего вамъ, Ольга Петровна, слѣпнуть? Мы съ вами люди привычные: насъ никакая зараза не смѣетъ тронуть.

Ольга Петровна, скрывая улыбку, отвернулась, чтобы достать баночку съ іодоформомъ; она дивилась, что̀ такое сталось съ Сергѣемъ Андреевичемъ: всегда сумрачный и молчаливый, онъ сегодня все время шутилъ и болталъ безъ умолку.

Больная медленно раскрыла большіе, отуманенные глаза.

— Ну, Дунька, какъ дѣла? — спросилъ Сергѣй Андреевичъ, наклонился и ласково потрепалъ ее по пухлой, загорѣлой щекѣ.

Дѣвочка вздохнула и, отвернувъ голову, молча закрыла глаза. Сидѣлка взяла ее на руки и понесла изъ операціонной. Сергѣй Андреевичъ тщательно вымылъ сулемою лицо и руки, простился съ Ольгой Петровной и пошелъ изъ больницы домой.

Черезъ дорогу, за канавою, засаженною лозинами, желтѣла зрѣющая рожь. Горизонтъ надъ рожью былъ свинцоваго цвѣта, сѣрыя тучи сплошь покрывали небо. Но тучи эти не грозили дождемъ, и отъ нихъ только чувствовалось уютнѣе и ближе къ землѣ. Съ востока слабо дулъ прохладный, бодрящій вѣтеръ.

Сергѣй Андреевичъ шелъ по дорогѣ вдоль заросшей канавы, растиралъ между руками цвѣтки полыни и съ счастливымъ, жизнерадостнымъ чувствомъ дышалъ навстрѣчу вѣтру.

Сегодня у Сергѣя Андреевича былъ большой праздникъ: ему предстояло провести вечеръ съ двумя гостями, какихъ онъ рѣдко видѣлъ въ своей глуши. Мысль объ этихъ гостяхъ разсѣяла въ Сергѣѣ Андреевичѣ обычныя его заботы и горести, онъ чувствовалъ себя бодро, молодо и радостно.

Одинъ изъ гостей уже со вчерашняго вечера находился у Сергѣя Андреевича и теперь ожидалъ его дома. Гость этотъ былъ его старый университетскій товарищъ Киселевъ, знаменитый организаторъ артелей. О немъ въ послѣднее время много писали въ газетахъ. Съ нижегородской выставки, гдѣ онъ экспонировалъ издѣлія своихъ кустарей, Киселевъ по дорогѣ заѣхалъ на сутки къ Сергѣю Андреевичу и сегодня вечеромъ уѣзжалъ. Сергѣй Андреевичъ проговорилъ съ нимъ до поздней ночи и все утро послѣ амбулаторнаго пріема; онъ не могъ наговориться съ нимъ; глядя на этого человѣка, всю свою жизнь положившаго на общее дѣло, Сергѣй Андреевичъ преисполнялся горделивою радостью за свое поколѣніе, которое дало жизни такихъ дѣятелей.

Другой гость, котораго сегодня ждалъ Сергѣй Андреевичъ, была дочь сосѣдняго помѣщика, Наталья Александровна Че-

канова. Сергѣй Андреевичъ не видѣлъ ея четыре года. Въ то время Наташа только-что кончила въ гимназіи и готовилась къ аттестату зрѣлости для поступленія на медицинскіе курсы; это была дѣвушка сорви-голова, съ бродившими въ душѣ смутными, широкими запросами, вся—порывъ, вся—безпокойное исканіе. Осенью, противъ воли отца, она неожиданно уѣхала въ Швейцарію и съ тѣхъ поръ какъ въ воду канула; дошли слухи, что черезъ два года она переѣхала въ Петербургъ. Отецъ надѣялся, что безъ денегъ Наташа долго не выдержитъ и сама воротится домой, но наконецъ потерялъ надежду; этою весною онъ написалъ ей въ Петербургъ и приглашалъ пріѣхать на лѣто въ деревню. Наташа отвѣтила, что очень занята, и что наврядъ ли ей удастся скоро пріѣхать. Тѣмъ не менѣе въ началѣ іюля она совершенно неожиданно явилась домой, не успѣвъ даже предупредить о пріѣздѣ. По пути со станціи она заѣхала къ Сергѣю Андреевичу. Когда онъ увидѣлъ Наташу, у него сжалось сердце отъ жалости; видимо, за эти четыре года ей пришлось пережить немало: она сильно похудѣла и поблѣднѣла, выглядѣла нервной; но зато отъ нея такъ и повѣяло на Сергѣя Андреевича бодростью, энергіей и счастьемъ. Онъ съ горячимъ интересомъ слушалъ торопливые, оживленные разсказы Наташи, наблюдалъ ее и думалъ: «она нашла дорогу и вѣритъ въ жизнь». Наташа пробыла у него не долѣе получаса, и Сергѣй Андреевичъ не успѣлъ поговорить съ нею, какъ слѣдуетъ. Вчера онъ извѣстилъ ее о пребываніи у него Киселева, и Наташа обѣщала пріѣхать.

«Что-то стало изъ нея?»—съ любопытствомъ думалъ Сергѣй Андреевичъ, потирая руки.

И онъ улыбался при мысли о сегодняшнемъ вечерѣ и радовался случаю освѣжиться и встряхнуться, вздохнуть чистымъ воздухомъ того міра, гдѣ не личныя заботы и печали томятъ людей.

Сергѣй Андреевичъ подошелъ къ стоявшему противъ церкви ветхому домику. Изъ-подъ обросшей мохомъ тесовой крыши, словно исподлобья, смотрѣли на церковь пять маленькихъ оконъ. Вокругъ дома тѣснились старыя березы. У церковной ограды сынъ Сергѣя Андреевича, гимназистъ Володя, игралъ въ городки съ деревенскими ребятами.

Вдоль боковой стѣны дома тянулась широкая, потемнѣвшая отъ дождей терраса съ покосившимися столбиками и подгнившими перилами. На террасѣ блестѣлъ самоваръ. Дочь Сергѣя Андреевича, Люба, разливала чай. За столомъ сидѣли Киселевъ и сынъ богучаровскаго дьячка, студентъ-технологъ Даевъ.

II.

Когда Сергѣй Андреевичъ взошелъ на террасу, между Киселевымъ и Даевымъ кипѣлъ ярый споръ, и на него почти не обратили вниманія.

— Ну-ка, Любушка, плесни-ка и мнѣ чайку! — обратился Сергѣй Андреевичъ къ дочери.

Онъ взялъ налитый стаканъ чаю, положилъ въ него лимонъ и со стаканомъ въ рукахъ подсѣлъ къ спорившимъ.

Киселевъ былъ плотный и приземистый человѣкъ лѣтъ за сорокъ, съ широкимъ лицомъ и окладистою русою бородою; изъ-подъ высокаго и очень крутого лба внимательно смотрѣли маленькіе глазки, въ которыхъ была странная смѣсь наивности и хитрой практической сметки. Всѣмъ своимъ видомъ Киселевъ сильно напоминалъ ярославца-цѣловальника, но только практическую сметку свою онъ употреблялъ не на «объегориваніе» и спаиванье мужиковъ, а на дѣло широкой помощи имъ.

Взволнованно барабаня толстыми пальцами по скатерти, Киселевъ внимательно слушалъ студента.

— Что̀ спорить? Сама по себѣ артель, разумѣется, дѣло хорошее,—говорилъ Даевъ, стройный парень съ черною бородкою и презрительно-надменною складкою между тонкими бровями.—Я не сомнѣваюсь, что этимъ путемъ вамъ удастся поднять на нѣкоторое время благосостояніе нѣсколькихъ десятковъ кустарей. Но всѣ силы, всю свою душу положить на такое безнадежное дѣло, какъ поддержка кустарной промышленности,—по-моему, пустая трата силъ и времени.

— Почему же это кустарная промышленность—такое безнадежное дѣло?—спросилъ Киселевъ.

— Потому что существуетъ болѣе совершенная форма производства, съ которою не нашему кустарю бороться. Вы посмотрите, онъ уже по всей линіи отступаетъ передъ фабрикою, и вовсе не по какимъ-нибудь случайнымъ причинамъ: машина съ неотвратимою послѣдовательностью вырываетъ изъ его рукъ одинъ инструментъ за другимъ, и если кустарь покамѣстъ хоть кое-какъ еще конкурируетъ съ нею, то только благодаря своей пресловутой «связи съ землей», которая позволяетъ ему цѣнить свой трудъ въ грошъ.

— Такъ что, значитъ, и пускай себѣ машина вырываетъ у него «одинъ инструментъ за другимъ», пускай себѣ развивается фабрика? Такъ съ этимъ и нужно примириться?—спросилъ Киселевъ, юмористически поднявъ брови.

— Миритесь, не миритесь, а фабрика все равно задавитъ кустаря.

— Возмутительно!—Киселевъ ударилъ кулакомъ по столу.— Для васъ это—теорія, а для меня это трупомъ пахнетъ!

— Полноте, какая тутъ теорія! Нужно быть слѣпымъ, чтобъ не видѣть умиранія кустарничества, и,—вы меня извините,— нужно не знать азбуки политической экономіи, чтобъ думать, что артель способна его оживить.

Сергѣй Андреевичъ, наклонившись надъ стаканомъ и помѣшивая ложечкою чай, угрюмо и недоброжелательно слушалъ Даева. То, что̀ онъ говорилъ, не было для Сергѣя Андреевича новостью: и раньше онъ ужъ не разъ слышалъ отъ Даева подобные взгляды, и по журнальной полемикѣ былъ знакомъ съ этимъ недавно народившимся у насъ безобразнымъ, доктринерскимъ ученіемъ, привѣтствующимъ развитіе въ Россіи капитализма и на мѣсто живой, дѣятельной личности кладущимъ въ основу исторіи слѣпую экономическую необходимость.

Слушая теперь Даева, Сергѣй Андреевичъ начиналъ раздражаться все сильнѣе. Но ему хотѣлось удержать свое тихое и радостное настроеніе, и онъ постарался прекратить споръ.

— Эхъ, Иванъ Ивановичъ, ну что̀ ты съ нимъ связываешься?—обратился онъ къ Киселеву, обнявъ его за плечи, и шутливо махнулъ рукою въ сторону Даева. — Эти новые люди—народъ отпѣтый, съ ними, братъ, не столкуешься. Намъ ихъ съ тобою и не понять, — всѣхъ этихъ декадентовъ, символистовъ, марксистовъ, велосипедистовъ... Ну, а вотъ она наконецъ и Наталья Александровна!

Сергѣй Андреевичъ всталъ и шумно отодвинулъ стулъ.

III.

Къ калиткѣ, верхомъ на буланой лошади, подъѣхала дѣвушка въ соломенной шляпѣ и розовой кофточкѣ, перехваченной на таліи широкимъ кожанымъ поясомъ. Она соскочила на землю и стала привязывать лошадь къ плетню.

Сергѣй Андреевичъ радостно пошелъ навстрѣчу.

— Наталья Александровна!.. Наконецъ-то!.. Здравствуйте!

Наташа съ быстрою, немного сконфуженною усмѣшкою отвѣтила на его пожатіе и взошла на террасу. Отъ кофточки падалъ розовый отблескъ на блѣдное лицо, и отъ этого Наташа казалась свѣжѣе и здоровѣе, чѣмъ тогда, когда Сергѣй Андреевичъ видѣлъ ее въ первый разъ. Она поцѣловалась съ Любой, Сергѣй Андреевичъ представилъ ей Киселева и Даева.

— Какая вы ужъ большая стали! — сказала Наташа, съ улыбкою оглядывая Любу.—Вы въ какомъ теперь классѣ?

— Перешла въ восьмой,—краснѣя, отвѣтила Люба и стала наливать ей чай.

На минуту всѣ замолчали.

— Ну вотъ, Наталья Александровна, опять вы въ нашихъ краяхъ, — заговорилъ Сергѣй Андреевичъ, съ отеческою любовью глядя на нее. — А намъ тутъ Иванъ Ивановичъ разсказывалъ объ организованныхъ имъ артеляхъ; я вамъ вчера писалъ о немъ.

— Вы давно уже ведете это дѣло? — спросила Наташа, украдкою приглядываясь къ Киселеву.

— Четыре года веду, — неохотно отвѣтилъ Киселевъ, еще полный впечатлѣній отъ разговора съ Даевымъ.

Наташа нерѣшительно сказала:

— Вамъ, вѣроятно, ужъ надоѣло разсказывать?

— Да разсказывать-то нечего... Вотъ, если хотите, посмотрите нашъ артельный уставъ, тамъ все сказано.

Онъ досталъ изъ бумажника сложенный вчетверо листъ бумаги и передалъ Наташѣ. Наташа быстро развернула листъ и съ любопытствомъ стала читать.

— Здѣсь сказано, что члены артели должны жить между собою «по Божьей правдѣ». А какъ поступаетъ артель съ членомъ, если онъ перестанетъ жить по правдѣ? — спросила она.

— Разно бываетъ. Чаще всего урезонишь его,—мужикъ и одумается, самъ пойметъ, что не дѣло затѣялъ. Ну, случается, конечно, что иного ничѣмъ не проймешь,—такого приходится исключить: шелудивая овца все стадо портитъ.

Наташа стала разспрашивать, какъ часты у нихъ вообще случаи исключенія участниковъ, на какихъ условіяхъ принимаются новые члены, насколько сильна въ артеляхъ самодѣятельность. Киселевъ мало-по-малу оживился и началъ разсказывать. Онъ разсказывалъ долго и подробно.

Сергѣй Андреевичъ слушалъ съ наслажденіемъ. Ему ужъ было извѣстно все, что̀ разсказывалъ Киселевъ, но онъ былъ готовъ слушать еще и еще безъ конца. На душѣ у него опять стало тихо, хорошо и радостно. Вечерѣло, небо попрежнему было покрыто тучами; на западѣ, надъ прудомъ, тянулись золотистыя облака фантастическихъ очертаній. Теплый вѣтеръ слабо шумѣлъ въ березахъ.

— Да, господа, это дѣло — живое и плодотворное дѣло, — закончилъ Киселевъ.—Оно доставляетъ столько нравственнаго удовлетворенія, даетъ такіе осязательные результаты, такъ много обѣщаетъ въ будущемъ, что я всякому скажу: если хотите хорошаго счастья, если хотите съ пользою употребить

свои силы, то идите къ намъ, и вы не раскаетесь... хотя вотъ г. Даевъ и не согласенъ съ этимъ.

Наташа быстро и внимательно взглянула на Даева.

— Я съ этимъ тоже несогласна,—сказала она, опустивъ глаза.

Сергѣй Андреевичъ насторожился.

— Почему?

— Это дѣло хорошее, но мнѣ не вѣрится, чтобъ оно много обѣщало въ будущемъ. Изъ разсказовъ самого же Ивана Ивановича видно, что все держится только его личнымъ вліяніемъ: устранись Иванъ Ивановичъ,—и его артели немедленно распадутся, какъ было уже столько разъ.

— Почему же бы это имъ непремѣнно распасться?—спросилъ Киселевъ.

— Потому что вы слишкомъ многаго требуете отъ человѣка. Ваши артельщики должны жить «по Божьей правдѣ»; конечно, на почвѣ мелкаго производства единеніе только при такомъ условіи и возможно; но вѣдь это значитъ совершенно не считаться съ природою человѣка: «по Божьей правдѣ» способны жить подвижники, а не обыкновенные люди.

— Вотъ какъ! — протянулъ Сергѣй Андреевичъ и широко раскрылъ глаза. — «При мелкомъ производствѣ единеніе невозможно»... Наталья Александровна, да ужъ не собираетесь ли и вы по этому случаю выварить нашего кустаря въ фабричномъ котлѣ?

— Ни у меня ни у кого нѣтъ столько силъ, чтобы сдѣлать это,—неохотно отвѣтила Наташа.—А что историческій ходъ вещей его выварить,—въ этомъ, разумѣется, не можетъ быть сомнѣнія.

— Опять этотъ «историческій ходъ вещей»!—воскликнулъ Киселевъ. — Господа, да постыдитесь же хоть немного! Вы почтительно преклоняетесь передъ всякою мерзостью, которую готовъ сдѣлать вашъ «историческій ходъ вещей». Если онъ обѣщаетъ расплодить у насъ фабрики, задавить кустаря, то и пускай будетъ такъ, пускай кустарь погибаетъ?

Вмѣшался Даевъ.

— Сейчасъ, Иванъ Ивановичъ, вопросъ не о мерзостяхъ, которыя продѣлываетъ историческій ходъ вещей. Вопросъ о томъ,—что можете вы дать вашимъ кустарямъ? Въ лучшемъ случаѣ вамъ удастся поставить на ноги два-три десятка бѣдняковъ, и ничего больше. Это будетъ очень хорошимъ, добрымъ дѣломъ. Но какое же это можетъ имѣть серьезное общественное значеніе?

Киселевъ переставилъ сливочникъ съ мѣста на мѣсто и смахнулъ со скатерти хлѣбныя крошки.

— Вы, господа, смотрите на жизнь черезъ книгу, вы настоящей, живой жизни не хотите знать! — съ негодованіемъ сказалъ онъ.—Повелъ бы я васъ къ нашимъ кустарямъ, посмотрѣли бы вы, какъ они живутъ, — языкъ бы у васъ не повернулся сказать, что работа на нихъ не имѣетъ общественнаго значенія!.. Мало жить головою, нужно, господа, и сердцемъ жить, а у васъ сердце атрофировалось!

— Но вѣдь сердечность и въ томъ, — возразилъ Даевъ: — чтобы, скажемъ, накормить нищаго, ухаживать за больнымъ человѣкомъ? Если я устрою ночлежный домъ или богадѣльню, это вѣдь тоже будетъ очень хорошимъ, сердечнымъ дѣломъ, не такъ ли?

— Я вовсе не такъ близорукъ, какъ вы думаете,—сказалъ Киселевъ и торжествующе взглянулъ на Даева.

— Все это важно. Филантропія — вещь необходимая, потому что на землѣ слишкомъ много горя. Но *причинъ* этого горя филантропія, по самому своему существу, не можетъ уничтожить.

— Къ чему вы мнѣ все это говорите? Я это давно знаю.

— Вотъ къ чему. Очень возможно, что ваши артели поднимутъ благосостояніе артельщиковъ, улучшатъ на нѣкоторое время ихъ положеніе,—противъ этого никто не станетъ спорить. Но вы при этомъ поможете *только даннымъ лицамъ*, вслѣдствіе вашей помощи *имъ* станетъ хорошо, и больше никому. А это и есть то, что̀ называется филантропіей.

— Да!.. Да!.. — поддакивалъ Киселевъ, барабаня пальцами по столу и блуждая взглядомъ по потолку.

Онъ, видимо, не слушалъ, что̀ говорилъ Даевъ, а просто ждалъ, чтобъ можно было сказать свое.

— Господа! Они гибнутъ отъ голода!—воскликнулъ онъ.— У нихъ нѣтъ лошаденки, чтобъ вспахать свою полосу, они задыхаются въ когтяхъ скупщиковъ, а вы говорите: «туда не зачѣмъ итти, наше дѣло не будетъ тамъ имѣть серьезнаго общественнаго значенія»... Неужели же вамъ не стыдно?!

Даевъ устало провелъ ладонью по лбу и молча сталъ прихлебывать изъ стакана чай. Наташа, подперевъ подбородокъ рукою и чуть замѣтно улыбаясь, сочувственнымъ взглядомъ слѣдила за Киселевымъ.

— Иванъ Ивановичъ, вѣдь вы идете къ кустарямъ не просто потому, что они умираютъ съ голоду,—сказала она.— Тогда бы никто вамъ и не возражалъ. Но вы увѣрены, что ваша помощь тамъ будетъ имѣть не минутное значеніе, что дѣло ваше «много обѣщаетъ въ будущемъ». Вотъ это-то именно и сомнительно, потому что вы совершенно не считаетесь съ

жизнью: вы разсчитываете достигнуть широкаго и прочнаго единенія кустарей въ то время, какъ всѣ условія производства ведутъ ихъ какъ разъ къ противоположному.

— Къ чему же ведутъ ихъ условія производства? — рѣзко спросилъ Сергѣй Андреевичъ, все время мрачно молчавшій.

— Не къ единенію, а къ раздѣленію на два прямо враждебныхъ класса, между которыми не можетъ быть ничего общаго.

— Позвольте! Что̀ же это такія за «условія производства»? — съ улыбкою спросилъ Киселевъ. — «Условія производства»... Вѣдь люди создаютъ эти условія, не такъ ли? Ну, мы видимъ, что условія эти ведутъ къ худу. Что̀ же нужно дѣлать? Вотъ и нужно убѣдить людей перемѣнить ихъ, ясное дѣло.

Наташа и Даевъ разсмѣялись.

— Ясно-то ясно, — отвѣтила Наташа: — но только условія производства будутъ, пожалуй, посильнѣе всѣхъ уговоровъ и убѣжденій; вамъ не удастся убѣдить людей перемѣнить эти условія, если къ измѣненію не ведетъ самый ходъ экономическаго развитія.

Киселевъ, посмѣиваясь, переглянулся съ Сергѣемъ Андреевичемъ и развелъ руками.

— Ну, вы извините меня, я этого не могу понять.

— Ваши же артели, Иванъ Ивановичъ, очень скоро заставятъ васъ понять это самымъ яснымъ образомъ,—снова заговорилъ Даевъ.—Вы вотъ «убѣждаете» людей соединяться въ артели, чтобы бороться съ капитализмомъ; но такъ какъ экономическій ходъ вещей не за васъ, то результатомъ вашихъ «убѣжденій» будетъ лишь еще большее развитіе именно той формы производства, противъ которой вы боретесь. Скажемъ, все у вашихъ артелей пойдетъ, какъ по маслу: онѣ обзаведутся крупными машинами, станутъ получать массу заказовъ, дѣло ихъ широко разовьется; въ такомъ случаѣ понадобятся еще рабочіе, не правда ли? Ясно, что новаго рабочаго артельщики не введутъ въ дѣло полноправнымъ членомъ, а *наймутъ* его. Разъ же появится наемникъ, то разсудите сами,— что̀ же это будетъ за борьба съ капитализмомъ? А нанять-то они его навѣрное наймутъ: согласитесь, вѣдь это имъ гораздо выгоднѣе.

— Не всегда люди дѣлаютъ то, что̀ выгоднѣе!—возразилъ Киселевъ, значительно поднявъ брови.

— Но, къ сожалѣнію, весьма и весьма часто, какъ показываетъ опытъ съ тѣми же артелями. Ваше предпріятіе имѣло бы серьезное значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы

люди *никогда* не дѣлали того, «что̀ выгоднѣе». А этого, я думаю, даже и вы не рѣшитесь утверждать... Прочнымъ единеніе трудящихся можетъ быть лишь въ томъ случаѣ, если опирается не на нравственныя чувства, а на самыя условія производства, которыя объединяютъ людей силою необходимости и воспитываютъ ихъ въ единеніи. Это-то вотъ и дѣлаетъ тотъ зловредный капитализмъ, бороться съ которымъ вы считаете такою настоятельною необходимостью.

Сергѣй Андреевичъ почти съ ненавистью слушалъ Даева. Даевъ говорилъ пренебрежительно-учительскимъ тономъ, словно и не надѣясь на понятливость Киселева, и Сергѣю Андреевичу было досадно, что тотъ совершенно не замѣчаетъ ни тона Даева ни его рѣзкостей.

Киселевъ глубоко вздохнулъ и поднялся съ мѣста.

— Я вижу только одно, господа,—сказалъ онъ:—вы не любите человѣка и не вѣрите въ него. Ну, скажите, неужели же вправду такъ-таки невозможно понять, что дружная работа выгоднѣе работы врозь, что лучше быть братьями, чѣмъ врагами? Вы злорадно указываете на неудачи... Что̀ жъ? Да, онѣ есть! Но вы знаете ли, въ какихъ условіяхъ приходится жить мужику? Могутъ ли широко развиться при нихъ тѣ задатки любви и отзывчивости, которые заложены въ его душѣ? А задатки въ немъ заложены богатые, смѣю васъ увѣрить! Вы смѣетесь надъ этимъ. Но меня вотъ что̀ удивляетъ: вы молоды, жизни не знаете, знакомы съ нею только изъ книгъ,—и въ рабочихъ людяхъ видите звѣрей. Я знаю ихъ, живу среди нихъ вотъ уже пятнадцать лѣтъ,—и говорю вамъ, что это—*люди*, хорошіе, честные люди!—горячо воскликнулъ онъ.

— И я могу подтвердить это!—торжественно произнесъ Сергѣй Андреевичъ.

— Люба! Не знаешь ты, который теперь часъ?—вдругъ громко спросилъ Володя.

Онъ ужъ съ десять минутъ стоялъ на террасѣ, нетерпѣливо и выразительно поглядывалъ на отца, но тотъ, занятый споромъ, не замѣчалъ его.

Киселевъ поспѣшно вынулъ часы.

— Ого, ужъ восьмой часъ! Пора, Сергѣй Андреевичъ, лошадь запрягать, а то я къ поѣзду не поспѣю.

— Папа, Нежданчика запрячь?—быстро спросилъ просіявшій Володя.

Всѣ засмѣялись.

— Э, братъ, у тебя тутъ, я вижу, тонкая политика была!—протянулъ Даевъ, схвативъ Володю сзади подъ мышки.—То-то его вдругъ заинтересовало, который теперь часъ!

— Папа, Степану нужно на ночное ѣхать! —крикнулъ Володя.

— Да ужъ придется тебѣ отвезти Ивана Ивановича,—отвѣтилъ Сергѣй Андреевичъ.—Пускай только Степанъ лошадь запряжетъ.

— Ни одного вѣдь словца, разбойникъ, безъ политики не скажетъ!—проговорилъ Даевъ, щекоча Володю.—Бить, братъ, тебя некому, вотъ что̀!

— А вамъ?—возразилъ Володя, ежась и стараясь поймать пальцы Даева.

— Да вѣдь ты же не даешься, злодѣй!

— Ну, напримѣръ, за что вы меня щекочете?

— Скажи ты мнѣ, къ какой, собственно, мысли этотъ твой «примѣръ» служитъ иллюстраціей?

Володя вывернулся изъ рукъ Даева и взобрался на перила.

— Никакой я вашей балюстраціи не понимаю!

Онъ спустился на землю и черезъ куртины помчался въ конюшню.

Даевъ взялъ свой пустой стаканъ и подошелъ къ Любѣ.

IV.

Сергѣй Андреевичъ ревниво поглядывалъ на Даева. Онъ видѣлъ, какъ радостно вспыхнула Люба, когда Даевъ заговорилъ съ нею: неужели онъ и его взгляды не возмущаютъ ее?.. Даевъ сѣлъ на концѣ стола возлѣ Любы и вступилъ съ нею въ разговоръ.

— Какъ для васъ, господа, всѣ эти вопросы съ высоты теоріи легко рѣшаются!—говорилъ между тѣмъ Киселевъ.—Для васъ кустарь, мужикъ, фабричный,—все это отвлеченныя понятія, а между тѣмъ они—люди, живые люди съ кровью, нервами и мозгомъ. Они тоже страдаютъ, радуются, имъ тоже хочется ѣсть, не глядя на то, разрѣшаетъ ли имъ это «историческій ходъ вещей»... Вотъ я въ Нижнемъ получилъ отъ моихъ палашковскихъ артельщиковъ письмо...

Киселевъ досталъ изъ бумажника грязную, исписанную каракулями бумагу, медленно надѣлъ на носъ пенснэ и, откинувъ голову, сталъ читать:

— «Дражайшему благодѣтелю нашему Ивану Ивановичу Киселеву отъ Ерофея Тукалина, Ивана Егорова и т. д. письмо»... Письмо!—съ улыбкою повторилъ онъ, мигнувъ бровями.—«Писали мы вамъ, что Косяковъ Пётра продалъ кузницу цѣною за 81 р. сер. и хочетъ, чтобъ взять деньги въ свою пользу. То поэтому, Иванъ Ивановичъ, какъ хотите, такъ и дѣлайте съ нимъ. Но мы же онымъ не нуждаемся, по-

тому что мы въ той кузнѣ еще не работали и не нуждаемся оной, а вы, какъ знаете, такъ дѣлайте распоряженіе»... Ну, и такъ дальше... «И еще кланяемся вамъ съ благодарностью и просимъ не оставлять насъ, за это будемъ объ васъ Бога молить за ваши благодѣтельства насъ, бѣдныхъ людей»... Подписано: «братья артели» такіе-то... Да, господа, и что̀ вы тамъ ни говорите, а я ихъ не оставлю!—произнесъ онъ прерывающимся голосомъ, снимая пенснэ.

— Какое письмо славное!—сказала Наташа съ заблестѣвшими глазами.

— Ну во-отъ! Не правда ли?—просіялъ Киселевъ.—Вѣдь невозможно, господа, такъ относиться! Книжки вамъ говорятъ, что по политической экономіи артелями ничего нельзя достигнуть,—вамъ и довольно. А вѣдь это все живые люди; можно ли такъ разсуждать?.. Мнѣ и не то еще приходилось слышать: переселенія, напр., тоже вещь нежелательная, ихъ не зачѣмъ поощрять, потому что, видите ли, въ такомъ случаѣ у насъ останется мало безземельныхъ работниковъ.

— Ну, это вы слышали отъ какого-нибудь молодца съ Страстного бульвара!—съ улыбкою сказала Наташа.

Въ глазахъ Киселева мелькнулъ лукавый огонекъ.

— Нѣтъ, я это полчаса назадъ за этимъ столомъ слышалъ,—медленно произнесъ онъ, вѣжливо улыбаясь.

Наташа вспыхнула и въ замѣшательствѣ наклонилась надъ чашкою.

— На очную ставку готовъ стать съ господиномъ Даевымъ,—прибавилъ Киселевъ.

— Я въ этомъ отношеніи не согласна съ Даевымъ.—Наташа выпрямилась и глядѣла въ глаза Киселеву, съ неуспѣвшею еще сойти съ лица краскою.—По-моему, переселенія прямо *желательны*, потому что они повысятъ благосостояніе и переселенцевъ и остающихся; а это поведетъ къ расширенію внутренняго рынка.

Киселевъ слушалъ съ чуть замѣтною усмѣшкою.—«Не хочетъ раскрыть картъ!»—думалъ онъ. Сергѣй Андреевичъ откинулся на спинку стула и съ безпощаднымъ, вызывающимъ ожиданіемъ глядѣлъ на Наташу.

— Ну-съ, и что̀ же дальше? Для васъ это—только маленькое «разногласіе» съ господиномъ Даевымъ?.. Странно!—Онъ усмѣхнулся и пожалъ плечами.—Сейчасъ только сами же вы признали его взгляды достойными Страстного бульвара, а теперь вдругъ выходитъ, что это для васъ—такъ себѣ, лишь незначительное разногласіе!.. Гм! Ну, теперь мнѣ совершенно ясно, почему именно на этомъ-то бульварѣ вы и встрѣтили самое горячее сочувствіе!

Даевъ, со стаканомъ въ рукахъ, подошелъ и остановился, помѣшивая ложечкою въ стаканѣ.

— Скажите, пожалуйста, Василій Семеновичъ, какъ вы относитесь къ переселенческому вопросу? обратился къ нему Сергѣй Андреевичъ. Спросилъ онъ самымъ невиннымъ голосомъ, но глаза его смотрѣли мрачно и враждебно.

— Слава Богу, у насъ, оказывается, и переселяться-то некуда, — отвѣтилъ Даевъ, видимо, забавляясь негодованіемъ Сергѣя Андреевича.—Можно ли серьезно говорить у насъ о перенаселеніи? Культура земли самая первобытная, три четверти населенія околачивается вокругъ земли; этакъ намъ скоро и всего земного шара не хватитъ. Выходъ отсюда для насъ тотъ же, что̀ былъ и для Западной Европы,—развитіе промышленности, а вовсе не бѣгство въ Сибирь.

Наташа стала возражать.

Сергѣй Андреевичъ слушалъ, горя негодованіемъ. По такому существенному вопросу они спорили неохотно, съ готовностью дѣлали другъ другу уступки,—видимо, чтобъ только поскорѣе столковаться и прійти къ концу.

— Къ чему вы, Наталья Александровна, упоминаете о «живыхъ людяхъ», что̀ они для васъ?—воскликнулъ Сергѣй Андреевичъ.—Будьте ужъ откровенны до конца: говорите о вашей промышленности и оставьте живыхъ людей въ покоѣ. Если бы они грозили остановить развитіе вашего капитализма, то развѣ вы стали бы съ ними считаться? Что̀ значитъ для васъ эта сотня тысячъ какихъ-то «живыхъ людей», умирающихъ съ голоду!

И сейчасъ же оба они соединились противъ него, доказывая, что *если бы* кто-нибудь могъ остановить развитіе капитализма, то и разговоръ былъ бы другой, при данныхъ же условіяхъ ничто остановить его не въ силахъ.

Сергѣй Андреевичъ сталъ яро возражать, но положеніе его въ спорѣ было довольно неблагопріятное: въ экономическихъ вопросахъ онъ былъ очень несиленъ и только помнилъ что-то о рынкахъ, отсутствіе которыхъ дѣлаетъ развитіе русскаго капитализма невозможнымъ. Противники же его, видимо, именно экономическими-то вопросами преимущественно и интересовались, и засыпали его доказательствами. Сергѣй Андреевичъ чувствовалъ, что они видятъ слабость его позиціи, и его одинаково раздражалъ и снисходительный тонъ возраженій Даева, и сожалѣніе къ нему, свѣтившееся въ глазахъ Наташи.

Къ спорящимъ присоединился и Киселевъ. Споръ тянулся долго,—горячій, но утомительно-безплодный, потому что спорящіе стояли на слишкомъ различныхъ точкахъ зрѣнія. Для Сергѣя Андреевича и Киселева взгляды ихъ противниковъ

были полны непримиримыхъ противорѣчій, и они были убѣждены, что тѣ не хотятъ видѣть этихъ противорѣчій только изъ упрямства: Даевъ и Наташа объявляли себя врагами капитализма—и въ то же время радовались его процвѣтанію и усиленію; говорили, что для широкаго развитія капитализма необходимы извѣстныя общественно-политическія формы,—и въ то же время утверждали, что самъ же капитализмъ эти формы и создаетъ; историческая жизнь, по ихъ мнѣнію, направлялась не подчиняющимися человѣческой волѣ экономическими законами, итти противъ которыхъ было нелѣпо,—но отсюда для нихъ не вытекалъ выводъ, что при такомъ взглядѣ человѣкъ долженъ сидѣть, сложа руки.

— Развѣ все это не ясныя до очевидности противорѣчія?—спрашивали Сергѣй Андреевичъ и Киселевъ.

Даевъ и Наташа въ отвѣтъ пожимали плечами, удивляясь, какъ можно такъ плоско понимать вещи.

Впрочемъ, серьезно спорить и доказывать продолжала только Наташа: Даевъ больше забавлялся, наблюдая, какую нелѣпо-уродливую форму принимали ихъ взгляды въ пониманіи Сергѣя Андреевича и Киселева.

Сергѣй Андреевичъ молча прошелся по террасѣ.

— Нѣтъ, господа, чтобъ до такой можно было дойти узости, до такой чудовищной черствости и безсердечія,—этого я не ожидалъ! Ну и времечко же теперь, нечего сказать,—довелось мнѣ дожить!

— На время грѣхъ жаловаться,—серьезно возразилъ Даевъ:—время хорошее и чрезвычайно интересное. Великолѣпное время. А что̀ касается вашихъ упрековъ въ безсердечіи, то, увѣряю васъ, Сергѣй Андреевичъ, убѣдить ими кого-нибудь очень трудно. Мы утверждаемъ, что Россія вступила на извѣстный путь развитія, и что заставить ее свернуть съ этого пути ничто не въ состояніи; *докажите*, что мы ошибаемся; но вы вмѣсто этого на всѣ лады стараетесь намъ втолковать, что нашъ взглядъ «возмутителенъ». Странное отношеніе къ дѣйствительности! Пора бы ужъ перестать судить о ея явленіяхъ съ точки зрѣнія нашихъ идеаловъ.

Сергѣй Андреевичъ съ любопытствомъ спросилъ:

— Вы полагаете, что пора?

— Да, я думаю, давно уже пора. Жизнь развивается по своимъ законамъ, не справляясь съ вашими идеалами; нечего и приставать къ ней съ этими идеалами; нужно принять тѣ, которые диктуетъ сама дѣйствительность.

— Боже мой, Боже мой! И это—молодежь, надежда страны!..—воскликнулъ Сергѣй Андреевичъ.

Онъ схватился за голову и взволнованно зашагалъ по террасѣ.

Наташа съ неопредѣленною улыбкою смотрѣла на скатерть. Даевъ слѣдилъ за Сергѣемъ Андреевичемъ съ нескрываемою ироніею.

— Если объ этомъ говорить, то... Не завидую я странѣ, которой приходится довольствоваться надеждою на молодежь,— сказалъ онъ.—Слава Богу, наша страна въ этой надеждѣ ужъ не нуждается.

— Да не на васъ же, конечно, ей разсчитывать...

Голосъ Сергѣя Андреевича сорвался. Онъ махнулъ рукою и отошелъ къ концу террасы.

Облака на западѣ сіяли ослѣпительнымъ золотымъ свѣтомъ, весь западъ горѣлъ золотомъ. Казалось, будто тамъ раскинулись какія-то широкія, необъятныя равнины; длинные золотые лучи пронизали ихъ, расходясь до половины неба, на сѣверѣ кучились и громоздились тяжелыя облака съ бронзовымъ оттѣнкомъ. Зелень орѣшниковъ и кленовъ стала странно-яркаго цвѣта, золотой отблескъ легъ на далекія нивы и деревни.

Сергѣй Андреевичъ, угрюмо прикусивъ губу, смотрѣлъ на торжествующе горѣвшее небо. Слезы душили его: такъ вотъ что̀ стало изъ Наташи, вотъ въ чемъ нашла она выходъ и успокоеніе!.. На Даева Сергѣй Андреевичъ давно ужъ махнулъ рукою. Прежде онъ недоумѣвалъ, какъ могла боевая натура Даева примириться съ такимъ апоѳеозомъ квіетизма, потомъ однако рѣшилъ, что жестокость этого ученія вполнѣ соотвѣтствовала черствому и недоброму характеру Даева. Но Наташа!..

Сергѣй Андреевичъ вспомнилъ, какъ однажды, четыре года назадъ, она заѣхала къ нему съ прогулки верхомъ вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ, докторомъ Чекановымъ. Столько въ ея глазахъ было тогда жизни и счастья, столько молодости, радостно рвущейся на просторъ, отзывчивой и любящей! Сергѣй Андреевичъ самъ весь тотъ день чувствовалъ себя какъ бы помолодѣвшимъ. Потомъ онъ увидѣлъ Наташу два мѣсяца спустя. Она только-что воротилась изъ Слесарска, гдѣ на ея рукахъ умеръ докторъ Чекановъ, на смерть избитый толпою во время холерныхъ безпорядковъ. Измѣнилась она страшно: глаза ея горѣли глубокимъ, сосредоточеннымъ огнемъ, всѣми помыслами, всѣмъ своимъ существомъ она какъ бы ушла въ одно желаніе,—желаніе страданія и жертвы. Въ то время Наташа часто бывала у Сергѣя Андреевича и настойчиво разспрашивала его, что̀ теперь всего нужнѣе дѣлать, на что отдать свои силы. Онъ полюбилъ ее, какъ дочь, и жизнь для

него стала свѣтлѣе: никогда онъ не работалъ столько, какъ въ то время, и работалъ радостно, безъ обычнаго раздраженія и ворчаній. Вскорѣ Наташа уѣхала на югъ сестрою милосердія, затѣмъ, по окончаніи холеры, за границу... И вотъ что теперь стало изъ нея!

А между тѣмъ попрежнему она была симпатична Сергѣю Андреевичу... Что же это за проклятая зараза, откуда забрала она столько всепокоряющей силы?!

Изъ-за сарая выѣхалъ на шарабанѣ Володя. Онъ нахлестывалъ кнутомъ Нежданчика, поглядывая на балконъ, не слѣдитъ ли за нимъ отецъ, и лихо подкатилъ къ калиткѣ. У стола раздался шумъ отодвигаемыхъ стульевъ. Сергѣй Андреевичъ воротился къ гостямъ.

Киселевъ застегивалъ пальто и надѣвалъ дорожную сумку.

— Ну, прощайте, господа!—сказалъ онъ, протягивая свою широкую руку Наташѣ и Даеву.—Желаю вамъ всего хорошаго. Дѣлайте ваше «историческое» дѣло, — открывайте фабрики, старайтесь обезземелить крестьянъ, разрушить артель и кустарные промыслы,—можетъ-быть, вамъ когда-нибудь и станетъ стыдно за это. А мы,—мы съ нашими «братьями-артельщиками» не боимся васъ... Вы не обижайтесь на меня!..—быстро прибавилъ онъ, добродушно улыбаясь и крѣпко пожимая обѣими руками руку Даева.—Сердца у васъ хорошія, только теорія васъ душитъ, вотъ въ чемъ горе!

Даевъ разсмѣялся и горячо пожалъ въ отвѣтъ руку Киселева.

— А мнѣ позвольте *совершенно искренно* пожелать вамъ возможно большаго успѣха.

Киселевъ спустился съ террасы. Сергѣй Андреевичъ послѣ всего происшедшаго чувствовалъ къ нему приливъ особенной любви и нѣжности; онъ не спускалъ съ Киселева мягкаго, любовнаго взгляда.

Киселевъ, ощупывая наполненные карманы пальто, остановился передъ шарабаномъ.

— Доѣдетъ молодой человѣкъ?—спросилъ онъ, оглядывая маленькую фигурку Володи.

Володя покраснѣлъ и съ обиженною улыбкою быстро взглянулъ на отца.

— Ничего, доѣдетъ... Только, братъ, вотъ что,—сурово обратился Сергѣй Андреевичъ къ Володѣ:—кнутъ пускай въ дѣло порѣже и назадъ возвращайся черезъ Басово, а не черезъ Игнашкинъ-Яръ.

Лицо Киселева внезапно стало серьезнымъ.

— Ну, Сергѣй Андреевичъ, оставайся здоровымъ!—вздох-

нулъ онъ и раскрылъ объятія.—Богъ вѣсть, когда теперь свидимся.

Они крѣпко поцѣловались три раза накрестъ. Потомъ Сергѣй Андреевичъ еще разъ прижалъ къ себѣ Киселева и долго, горячо поцѣловалъ его, какъ бы желая этимъ поцѣлуемъ выразить всю силу своего уваженія и любви къ нему.

Киселевъ ступилъ на подножку шарабана, тяжело накренившагося подъ нимъ, усѣлся и еще разъ ощупалъ карманы. Володя тронулъ Нежданчика.

V.

Сергѣй Андреевичъ воротился на террасу. Въ душѣ у него кипѣло. Его мучило, что на всѣ его упреки Наташа и Даевъ отвѣчали только пожиманіемъ плечъ и сдержанной улыбкой; и ему хотѣлось хоть въ чемъ-нибудь пристыдить ихъ.

Наташа, Люба и Даевъ сидѣли у самовара и разговаривали. Сергѣй Андреевичъ, насупившись, нѣсколько разъ прошелся по террасѣ.

— Извините, господа,—сказалъ онъ.—Ну можно ли было завязывать съ Иваномъ Ивановичемъ такой споръ? Неужели вы не чувствовали, до чего это было грубо и безтактно?

— Почему?—спросилъ Даевъ, удивленно поднявъ брови.

— Какая была у васъ цѣль? Неужели—убѣдить Ивана Ивановича, что дѣло всей его жизни—пустяки, что отъ него надо отказаться?

— Я рѣшительно не могу понять такого страха передъ свободнымъ обсужденіемъ. Тогда и я васъ упрекну: зачѣмъ вы съ нами спорите? Можетъ-быть, и вы насъ убѣдите отказаться отъ нашей дѣятельности. А относительно Киселева вы напрасно безпокоитесь: онъ настолько вѣритъ въ свое дѣло и настолько тупъ, что его никто не переубѣдитъ. И вы меня извините, Сергѣй Андреевичъ,—я думаю, что возраженія наши больше огорчили не его, а васъ, потому что вы въ душѣ и сами не слишкомъ-то вѣрите въ чудеса артели.

— Никто о чудесахъ и не говорилъ,—устало произнесъ Сергѣй Андреевичъ.—Но дѣло это во всякомъ случаѣ хорошее, и къ нему непозволительно относиться такъ свысока, какъ вы дѣлаете.

— Позвольте, Сергѣй Андреевичъ: Иванъ Ивановичъ говорилъ именно о чудесахъ,—возразила Наташа.—Но мнѣ хотѣлось бы знать вотъ что: вы все время возражали намъ, защищали Киселева; какъ же, однако, сами вы смотрите хоть бы на ту же общину или артель? Мнѣ это осталось неяснымъ.

Представляетъ ли, по-вашему, наша община благопріятную почву для развитія братскихъ чувствъ общинниковъ, могутъ ли кустари на почвѣ артелей объединиться, побить фабрику и искоренить въ Россіи капитализмъ?

— Если я вамъ даже дамъ на все это отрицательный отвѣтъ, то что же отсюда слѣдуетъ? Можно, Наталья Александровна, не закрывать глазъ на темныя стороны общины, можно не видѣть въ артеляхъ радикальнаго средства—и все-таки быть очень далекимъ отъ тѣхъ звѣрскихъ выводовъ, которые вы изъ этого дѣлаете.

— Какіе же выводы дѣлаете вы? Допустимъ, что мы сознали «звѣрство» нашихъ выводовъ и готовы отъ нихъ отречься. И вотъ мы обращаемся къ вамъ: гдѣ въ современной дѣйствительности тѣ живые ключи, изъ которыхъ бьетъ новая жизнь? Что несетъ съ собою эта жизнь, какимъ путемъ пойдетъ развитіе Россіи?

— Не знаю, Наталья Александровна! Это только для васъ будущее ясно, какъ на ладони; по-моему, жизнь сложнѣе всякихъ схемъ, и никто, относящійся къ ней сколько-нибудь добросовѣстно, не возьмется вамъ отвѣчать

— Но вѣдь выдвигаетъ же эта жизнь какія-нибудь историческія задачи? Во что же вѣрить, какимъ путемъ итти? Что нужно дѣлать?

Это были тѣ же вопросы, которые Сергѣй Андреевичъ слышалъ отъ Наташи и четыре года назадъ. Тогда она съ тоскою ждала отъ него, чтобъ онъ далъ ей вѣру въ жизнь и указалъ дорогу,— и ему было тяжело, что онъ не можетъ дать ей этой вѣры, и что для него самого дорога неясна. Теперь, когда Наташа вѣрила и стояла на дорогѣ, Сергѣя Андреевича приводила въ негодованіе самая возможность тѣхъ вопросовъ, которые она ему задавала.

Волнуясь и раздражаясь, онъ сталъ доказывать, что жизнь предъявляетъ много разнообразныхъ запросовъ, и удовлетвореніе всѣхъ ихъ одинаково необходимо, а будущее само ужъ должно рѣшить, «историческою» ли была данная задача, или нѣтъ: что нельзя гоняться за какими-то отвлеченными историческими задачами, когда кругомъ такъ много насущнаго дѣла и такъ мало работниковъ.

— Ну да, то же самое я слышала отъ васъ и четыре года назадъ,—сказала Наташа:—«не знаю»—и поэтому всякое дѣло одинаково хорошо и важно: только тогда вы не думали, что иначе и не можетъ быть...

Наташа быстро прошлась по террасѣ.

— Какъ можете вы съ этимъ жить! —произнесла она и съ

дрожью повела плечами. — Киселевъ наивенъ и живетъ внѣ времени, но онъ, по крайней мѣрѣ, вѣритъ въ свое дѣло; а во что вѣрите вы? Въ окружающей жизни идетъ коренная, давно невиданая ломка, въ этой ломкѣ падаетъ и гибнетъ одно, незамѣтно нарождается другое, жизнь перестраивается на совершенно новый ладъ, выдвигаются совершенно новыя задачи. И вы стоите передъ этимъ хаосомъ, потерявъ подъ ногами всякую почву; старое вы бы рады удержать, но понимаете, что оно гибнетъ безповоротно; къ нарождающемуся новому не испытываете ничего, кромѣ недовѣрія и ненависти. Гдѣ же для васъ выходъ? На все вы можете дать только одинъ отвѣтъ: «не знаю!». Вѣдь передъ вами такая пустота, такой кромѣшный мракъ, что подумать жутко!.. И во имя этой-то пустоты вы вооружаетесь противъ насъ и готовы обвинить чуть не въ ренегатствѣ всѣхъ, кто покидаетъ вашъ лагерь! Да оставаться въ вашемъ лагерѣ невозможно ужъ по одному тому, что это значитъ прямо обречь себя на духовную смерть.

— И не оставайтесь, Наталья Александровна, ищите дорогу! Когда вы ее найдете, мы первые же съ радостью пойдемъ за вами. Но вмѣсто того, чтобъ искать, вы зажмуриваете глаза, самоувѣренно объявляете: «мы знаемъ!»—тамъ, гдѣ знать ничего не можете, и съ легкимъ сердцемъ готовы губить все, что̀ не подходитъ подъ вашу схему. Развѣ это значитъ найти дорогу?.. Нѣтъ, Наталья Александровна, колоссальный успѣхъ вашей, съ позволенія сказать, «программы» я могу лишь объяснить совсѣмъ другимъ, — тѣмъ всеобщимъ одичаніемъ, которое вызвано теперешнимъ безвременьемъ.

— Я думаю, успѣхъ ея объясняется тѣмъ, что сама жизнь слишкомъ неопровержимо доказала ея правильность. Если бы вы видѣли, какіе радостные, кипучіе родники борьбы и жизни бьютъ тамъ, куда пошли мы!.. А за все то, что̀ мы будто бы собираемся губить, вы можете быть совершенно спокойны: какъ можемъ мы что-нибудь губить? Мы никакой силы собою не представляемъ.

Сергѣй Андреевичъ молча оглядѣлъ Наташу и ѣдко усмѣхнулся.

— Да, резюме, во всякомъ случаѣ, получается весьма поучительное,—и ужъ, конечно, гдѣ жъ тутъ можетъ быть рѣчь о «духовной смерти»! *Мы силы никакой не представляемъ. Идеалы наши подчиняемъ дѣйствительности. Нигдѣ никому помочь не можемъ...*

Наташа хотѣла возразить, нервно пожала плечами и замолчала. Даевъ, посмѣиваясь, слѣдилъ за нею.

— Я думаю, споръ давно ужъ пора кончить, — сказалъ онъ:—ясно, что мы говоримъ на разныхъ языкахъ и никогда не столкуемся.

— Дѣйствительно, пора кончить: мнѣ ужъ давно время ѣхать.—Наташа быстро встала.

— Вотъ-те разъ! Наталья Александровна, полноте, куда это вамъ?—всполошился Сергѣй Андреевичъ.—Сейчасъ ужинъ готовъ. Много ли вамъ ѣхать-то, всего пять верстъ!

Наташа улыбнулась.

— Нѣтъ, не пять, а тридцать пять. Я въ городъ ѣду, къ вамъ по дорогѣ заѣхала.

— Въ такомъ случаѣ ѣхать ужъ слишкомъ поздно. Когда вы теперь въ городъ пріѣдете,—завтра на зарѣ! Вѣдь вы не мужчина, Наталья Александровна: мало ли что можетъ случиться по дорогѣ! Ночи теперь темныя. Оставайтесь-ка лучше у насъ ночевать. Переночуете съ Любой, а завтра утромъ напьетесь себѣ чаю и поѣдете.

— Вотъ еще!—разсмѣялась Наташа.—Какая, подумаешь, опасная дорога! У меня въ городѣ дѣло есть, завтра утромъ непремѣнно нужно быть; да и жарко ѣхать днемъ.

Сергѣй Андреевичъ помолчалъ.

— Ну, Господь съ вами!

Наташа спустилась съ лѣсенки и стала отвязывать отъ загородки лошадь. Сергѣй Андреевичъ, задумчиво теребя бороду, молча смотрѣлъ, какъ Наташа взнуздывала лошадь, какъ Даевъ подтягивалъ на сѣдлѣ подпруги. Наташа перекинула поводья на луку.

— Спасибо вамъ, Наталья Александровна, что заѣхали,— медленно произнесъ Сергѣй Андреевичъ. — Но долженъ сознаться, — съ горечью прибавилъ онъ: — не *такою* думалъ я васъ увидѣть.

— Какая есть! — отвѣтила Наташа съ своею быстрою усмѣшкою.

Сергѣй Андреевичъ нахмурился и молча пожалъ ея протянутую руку.

VI.

Наташа уѣхала. Сергѣй Андреевичъ постоялъ, засунувъ руки въ карманы, надѣлъ фуражку и медленно пошелъ по деревенской улицѣ.

Западъ ужъ не горѣлъ золотомъ. Онъ былъ покрытъ ярко-розовыми, клочковатыми облаками, выглядѣвшими, какъ вспаханное поле. По дорогѣ гнали стадо; среди сплошного блея-

нья овецъ слышалось протяжное мычанье коровъ и хлопанье кнута. Мужики, верхомъ, на устало шагавшихъ лошадяхъ, съ запрокинутыми сохами возвращались съ пахоты.

Сергѣй Андреевичъ свернулъ въ переулокъ и черезъ обсаженные ивами коноплянники вышелъ въ поле. Онъ долго шелъ по дорогѣ, понурившись и хмуро глядя въ землю. На душѣ у него было тяжело и смутно.

Дорога мимо полосъ крестьянской ржи сворачивала къ Тормину. Сергѣй Андреевичъ присѣлъ на высокую межу, заросшую ивотникомъ и полевою рябинкою. Заря гасла, розовый цвѣтъ держался только на краяхъ облаковъ и наконецъ исчезъ. Облака стали скучнаго свинцово-сѣраго цвѣта. По широкой равнинѣ мягко темнѣли среди хлѣбовъ деревни, въ дубовыхъ кустахъ Игнашкина-Яра замигалъ костеръ. Мужикъ, съ полнымъ мѣшкомъ за плечами, шелъ по тропинкѣ черезъ рожь. Попрежнему было тепло и чувствовалась близость къ землѣ, и попрежнему медленно двигались въ небѣ сѣрыя тучи, не угрожавшія дождемъ.

Мужикъ съ мѣшкомъ вышелъ на дорогу и повернулъ по направленію къ Тормину.

— Прогуляться вышелъ по холодочку?—ласково обратился онъ къ Сергѣю Андреевичу, поровнявшись съ нимъ.

— Это ты, Капитонъ! Добрый вечеръ! Откуда Богъ несетъ?

Капитонъ спустилъ мѣшокъ на землю и досталъ изъ кармана кисетъ.

— Ходилъ къ мельничихѣ, вотъ мучицы забралъ до новины...

Онъ набилъ табакомъ трубку и спряталъ кисетъ.

— Ну, дай, посижу съ тобою, передохну маленько, — сказалъ онъ, садясь на межу рядомъ съ Сергѣемъ Андреевичемъ, и сталъ закуривать.

— Какъ старуха твоя поживаетъ? — спросилъ Сергѣй Андреевичъ.

— Опухъ въ ногахъ уничтожился, слава Богу. Подъ сердце нѣтъ-нѣтъ, да и подкатитъ, а только работаетъ нынче хорошо, дай Богъ тебѣ здоровья.

Они помолчали.

— Вотъ рожь-то какая уродилась! И косить нечего будетъ.—сказалъ Сергѣй Андреевичъ и кивнулъ на тянувшуюся передъ ними полосу; рѣдкіе, чахлые колосья ржи совершенно тонули въ морѣ густыхъ васильковъ и полыни.

Капитонъ поглядѣлъ на полосу и неохотно отвѣтилъ:

— Скосишь, братъ, и такую. Моя вотъ полоска такая же точно.

— Посѣялся поздно, что ли?

— А то съ чего же?.. Пріѣли къ Филиппову дню хлѣбушко, ну, и набралъ по четверти, — у мельничихи, у Кузьмича, у санинскаго барина. Отдать-то отдай четверть, а отработать за нее надо, ай нѣтъ? Тамъ скоси десятинку, тамъ скоси, — анъ свой сѣвъ-то и ушелъ. Вотъ и коси теперь васильки... А тутъ еще конь палъ у меня на Аграфенинъ день,—прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Ну, братъ, плохо твое дѣло! Какъ же ты теперь жить будешь?

— Да ужъ... какъ хошь, такъ и живи,—медленно отвѣтилъ Капитонъ и развелъ руками.

Сергѣй Андреевичъ угрюмо возразилъ:

— «Какъ хошь»... Вѣдь какъ-нибудь надо же прожить!

— Какъ же не надо? Знамо дѣло,—надо.

— Такъ какъ же ты проживешь?

— Какъ! Н-ну...—Капитонъ подумалъ.—Кабы сынъ былъ у меня, въ люди бы его отдалъ: все кой-что домой бы принесъ.

— Такъ вѣдь нѣтъ же сына у тебя!

— То-то, что нѣтъ! Вотъ я же тебѣ и объясняю: какъ хошь, молъ, такъ и живи.

Сергѣй Андреевичъ замолчалъ. Капитонъ тоже молчалъ и задумчиво попыхивалъ трубкою.

— Жизнь томная, это что̀ говорить. То-омная жизнь! — произнесъ онъ словно про себя.

Сергѣй Андреевичъ, угрюмо сдвинувъ брови, смотрѣлъ вдаль. Онъ припоминалъ сегодняшній споръ и думалъ о томъ, что̀ бы испытывали Наташа и Даевъ, слушая Капитона. Сергѣй Андреевичъ былъ убѣжденъ, что они ликовали бы въ душѣ, глядя на этого горькаго пролетарія, котораго даже по недоразумѣнію никто бы не назвалъ самостоятельнымъ хозяиномъ.

Капитонъ докурилъ трубку, простился съ Сергѣемъ Андреевичемъ и пошелъ своею дорогою.

Равнина темнѣла, въ деревняхъ засвѣтились огоньки. По дорогѣ между овсами проскакалъ на ночное запоздавшій парень въ рваномъ зипунѣ. Послѣдній отблескъ зари гасъ на тучахъ. Трудовой день кончился, надвигалась теплая и темная, облачная ночь.

Сергѣй Андреевичъ стоялъ, оглядывая даль; онъ чувствовалъ, какъ дорога и близка ему эта окружающая его бѣдная, тихая жизнь, сколько удовлетворенія испытывалъ онъ, отдавая на служеніе ей свои силы. И онъ думалъ о Киселевѣ, думалъ о сотняхъ разсѣянныхъ по широкой русской землѣ безвѣстныхъ работниковъ, дѣлающихъ въ глуши свое трудное, полез-

ное и невидное дѣло... Да, ими всѣми уже сдѣлано кое-что, они съ гордостью могутъ указать на плоды своего дѣла. *Тѣ*, узкіе и черствые, относятся къ этому дѣлу свысока... Что-то сами они сдѣлаютъ? И тяжелая злоба къ нимъ шевельнулась въ Сергѣѣ Андреевичѣ, и онъ почувствовалъ, что никогда не примирится съ ними, никогда не протянетъ имъ руки...

Черезъ всю свою жизнь, полную ударовъ и разочарованій, онъ пронесъ нетронутымъ одно,—горячую любовь къ народу и его душѣ, облагороженной и просвѣтленной великою властью земли. И эта любовь, и его тоска передъ тѣмъ, что такъ чужда ему народная душа, — все это для *нихъ* смѣшно и непонятно. Имъ смѣшны сомнѣніе и раздумье надъ путями, какими пойдетъ выбивающаяся изъ колеи народная жизнь. Къ чему раздумывать и искать, къ чему бороться? Слѣпая историческая необходимость — для нихъ высшій судъ, и они съ трезвенною покорностью склоняютъ передъ нею головы...

— Да, что-то они сдѣлаютъ?—повторялъ Сергѣй Андреевичъ, мрачно глядя въ темноту.

1897.

НА ЭСТРАДѢ.

Большая зала была ярко освѣщена. На широкой эстрадѣ, за столикомъ съ двумя свѣчами, сидѣлъ писатель Осокинъ и, напрягая слабый голосъ, читалъ по книгѣ отрывокъ изъ своего разсказа. Зала была переполнена публикою, но въ ней было тихо, какъ въ безвѣтреную сентябрьскую ночь въ полѣ. Когда Осокинъ отводилъ взглядъ отъ книги, онъ видѣлъ внизу смутное море головъ и сотни внимательныхъ глазъ, устремленныхъ на него...

Осокинъ былъ блѣденъ. Читалъ онъ неразборчиво и плохо, и на душѣ у него было странно: онъ читалъ самое задушевное и дорогое для него изъ всего, имъ написаннаго; передъ нимъ живьемъ находился тотъ невидимый, далекій читатель, котораго ему такъ всегда хотѣлось увидѣть; а между тѣмъ то, что̀ читалъ Осокинъ, въ его собственныхъ ушахъ звучало чуждо и фальшиво, а слушатели казались совсѣмъ не тѣми читателями, для которыхъ онъ писалъ.

Ему все больше хотѣлось поскорѣе кончить. Онъ сталъ пропускать однѣ фразы, комкать другія. Вотъ наконецъ абзацъ, отчеркнутый синимъ карандашомъ... Конецъ!

Осокинъ закрылъ книгу и всталъ. Море головъ сразу всколыхнулось, со стѣнъ и съ потолка съ оглушительнымъ трескомъ, какъ будто посыпалась штукатурка: это загремѣли рукоплесканія. Осокинъ неуклюже поклонился и, кусая губы, съ блѣднымъ, злымъ лицомъ, вышелъ черезъ маленькую дверцу въ «артистическую».

Изъ залы неслись рукоплесканія. Передъ зеркаломъ молодая декольтированная дама, которой предстояло пѣть послѣ Осокина, дрожащими отъ волненія руками оправляла прическу. Отыгравшая уже толстая дама-піанистка внимательно смотрѣла на Осокина. За столомъ съ закусками распорядители угощали и занимали артистовъ и артистокъ.

Господинъ среднихъ лѣтъ, съ черною бородкою и въ золотомъ пенснэ, подхватилъ Осокина подъ руку и, оживленно говоря что-то, сѣлъ съ нимъ на диванъ. Осокинъ не зналъ, гдѣ и когда познакомился съ господиномъ, но тотъ держался съ нимъ, какъ хорошій знакомый.

— Съ успѣхомъ!.. Вотъ это такъ успѣхъ!—говорилъ господинъ.—Слышите, какъ бѣснуются? Никому такъ не хлопали!.. Нужно выйти, раскланяться.

— Ну ихъ къ чорту!—сердито отвѣтилъ Осокинъ.

— Нельзя, Сергѣй Васильевичъ, нельзя!—произнесъ господинъ съ улыбкою, съ какою обращаются къ милымъ, но ничего не понимающимъ дѣтямъ. — Какъ-никакъ, а нужно уважать публику.

Въ артистическую вбѣжалъ распорядитель съ розеткою въ петлицѣ.

— Все васъ зовутъ, кричатъ! — съ почтительною улыбкою обратился онъ къ Осокину.

— Пускай! Я не пойду! — упрашивающе сказалъ Осокинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Нельзя, никакъ нельзя! — неумолимо воскликнулъ господинъ въ пенснэ, шутливо взялъ Осокина подъ руку и заставилъ его встать.

Распорядитель пріятно и почтительно улыбался.

— Барышни всю воду распили по глоткамъ изъ стакана, изъ котораго вы отхлебнули во время чтенія, — сказалъ онъ.

— Вотъ бабье!—презрительно усмѣхнулся Осокинъ, и углы его губъ самодовольно задрожали.

Онъ вздохнулъ и пошелъ на эстраду. Зала загремѣла и заревѣла. Публика покинула мѣста, тѣснилась вокругъ эстрады и на самой эстрадѣ. При входѣ Осокина толпа раздалась. Онъ видѣлъ вокругъ свѣжія дѣвическія лица съ устремленными на него блестящими, восторженными глазами.

— Осо-о-окинъ! Bis!! — зычнымъ басомъ кричалъ высокій студентъ, старательно и оглушительно-громко хлопая въ ладоши.

— Bis! Bis! Осокинъ!—звенѣли женскіе голоса, и дѣвушки хлопали, стараясь хлопать громче.

Осокинъ съ сдержанною улыбкою неуклюже кланялся. Когда онъ повернулся, чтобъ уйти, дѣвушки загородили ему дорогу и, смѣясь, продолжали хлопать и кричать «bis!». Распорядитель высунулся и протянулъ Осокину книгу.

— Браво! Браво! Bi-i-i-is!!—радостно и еще сильнѣе закричали кругомъ.

Осокинъ, улыбаясь, развелъ руками и покорно раскрылъ книгу.

— Шш-шш-шш...—понеслось по залѣ.

Онъ помолчалъ, сдѣлалъ серьезное лицо и сталъ читать изъ книги другой отрывокъ. Теперь то дорогое ему и задушевное, что̀ было имъ написано, казалось Осокину красивымъ и эффектнымъ, и онъ гордился, что могъ такъ написать; публика стала близкою и милою, и въ то же время онъ испытывалъ къ ней снисходительно-презрительное чувство.

Оваціи и вызовы тянулись долго. Осокинъ читалъ еще три раза и наконецъ объявилъ, что у него нѣтъ больше голоса. Только тогда публика стала понемногу утихать.

На эстраду вышла декольтированная пѣвица, съ трубочкою нотъ въ рукахъ, въ сопровожденіи аккомпаніатора во фракѣ.

Dans le printemps de mes années
Je meure, victime de l'amour...

запѣла она. Осокинъ вмѣстѣ съ господиномъ въ золотомъ пенснэ прошелъ черезъ значительно обезлюдѣвшую залу въ буфетъ. Здѣсь было людно и шумно.

— Что̀ жъ, чайку, что ли, выпьемъ? сказалъ Осокинъ.— Займите мѣстечко, а я пойду чай добывать. Тутъ лакеевъ не полагается.

Вокругъ длиннаго стола тѣснилась толпа; столъ былъ заставленъ стаканами и тарелками съ бутербродами; за самоваромъ двѣ распорядительницы разливали чай. Осокинъ вмѣшался въ толпу и сталъ осторожно протискиваться къ столу. Окружающіе почтительно косились на него и давали дорогу; Осокинъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ обращенныхъ на него взглядовъ, и старался держаться такъ, какъ будто и не подозрѣвалъ, что кто-нибудь изъ окружающихъ знаетъ его.

— Виноватъ!—съ особенно предупредительною и извиняющеюся улыбкою говорилъ онъ, если задѣвалъ кого локтемъ или загораживалъ дорогу выбирающемуся изъ толпы.

Наконецъ Осокинъ добрался до стола и попросилъ два стакана чаю. Стоявшая рядомъ дѣвушка въ голубой кофточкѣ, перетянутой широкимъ кожанымъ поясомъ, обернулась на звукъ его голоса, узнала Осокина и, сдѣлавъ безразличное лицо, быстро отвернулась. Распорядительница налила два стакана; Осокинъ потянулся къ нимъ мимо своей сосѣдки. Съ тѣмъ же неестественно-безразличнымъ лицомъ дѣвушка взяла стаканы и передала ихъ Осокину, своими озабоченно нахмуренными бровями показывая, что ей до него нѣтъ рѣшительно никакого дѣла. И вдругъ, въ послѣдній моментъ, когда Осокинъ бралъ изъ ея рукъ стаканы, дѣвушка вспыхнула, въ ея дѣтски-ясныхъ глазахъ мелькнуло радостное смущеніе, и она быстро опустила глаза.

Осокинъ, скрывая улыбку, сѣлъ со стаканами къ столику, гдѣ уже занялъ два мѣста господинъ въ пенснэ. Подошли знакомые. Осокинъ разговаривалъ, чувствуя устремленные на себя со всѣхъ сторонъ внимательные взгляды. Эти взгляды совершенно парализовали всѣ его обычныя, естественныя движенія; тѣло стало пружиннымъ, какъ у автомата. Осокинъ наблюдалъ за собою и съ отвращеніемъ прислушивался къ счастливому, довольному смѣху, дрожавшему въ глубинѣ его груди.

Напившись чаю, они пошли въ залу послушать балалаечниковъ. Осокинъ переходилъ изъ рукъ въ руки, съ нимъ знакомились наперерывъ. Господинъ въ пенснэ сообщилъ ему, что съ нимъ желаетъ познакомиться графиня Энтведеръ-Одеръ. Онъ подвелъ къ ней Осокина. Графиня усадила его рядомъ съ собою и, играя лорнетомъ, заявила, что она «большая поклонница его прелестныхъ произведеній» и что давно искала случая познакомиться съ нимъ.

Часы шли. Осокинъ ходилъ по заламъ съ скромно-привѣтливымъ видомъ принца, соблюдающаго всѣмъ извѣстное инкогнито. Онъ чувствовалъ этотъ свой скромно-гордый видъ, и отвращеніе все больше охватывало его. Но овладѣть собою онъ не могъ, и ноги противъ воли ступали по паркету съ какою-то нелѣпою торжественностью. А кругомъ все попрежнему—эти сотни устремленныхъ на него почтительно-внимательныхъ, любопытствующихъ взглядовъ.

На Осокина вдругъ нашло странное настроеніе, которое иногда въ людныхъ мѣстахъ неожиданно находило на него. Какъ будто что-то спало съ его глазъ, и всѣ люди, даже близко знакомые, вдругъ стали новыми, съ какими-то странно-чуждыми и все выдающими лицами. И онъ съ удивленіемъ приглядывался къ этимъ лицамъ и видѣлъ ярко отпечатанный на нихъ душевный холодъ и безпросвѣтное довольство собою. Что тянетъ этихъ людей къ нему, и кто это самъ онъ—этотъ мелкій, тщеславный человѣчекъ, гордящійся красотою и увлекательностью своего припечатаннаго къ бумагѣ чувства?.. Осокинъ все сильнѣе чувствовалъ, что между нимъ и окружающими есть какая-то крѣпкая, тайная связь, есть безмолвное соглашеніе, которое каждый держалъ про себя и ни за что не высказалъ бы другому.

Вечеръ кончился. Толпа густымъ потокомъ повалила къ выходу.

Осокинъ спускался въ толпѣ по лѣстницѣ. Вдругъ наверху, около перилъ, какой-то молодой, сильный мужской голосъ крикнулъ на всю лѣстницу:

— Осо-окинъ!.. Ура!

Словно искра пробѣжала по всей вереницѣ; раздался взрывъ оглушительныхъ рукоплесканій.

— Осо-окинъ!.. Осокинъ!..

Осокинъ, блѣдный и растерянный, остановился на площадкѣ лѣстницы. Со всѣхъ сторонъ кричали:

— Спасибо!.. Спасибо вамъ!

Закусивъ губу и тяжело дыша, онъ молча смотрѣлъ на рукоплескавшихъ и слушалъ обращенные къ нему крики.

Рукоплесканія становились гуще, сильнѣе и настойчивѣе. Толпа, спускавшаяся съ площадки дальше по лѣстницѣ, остановилась и оборотилась къ Осокину, загораживая ему дорогу. Всѣ какъ будто ждали, чтобъ Осокинъ сказалъ что-нибудь.

Осокинъ все больше блѣднѣлъ и молча, не кланяясь, смотрѣлъ на кричавшихъ. Что̀ ему было сказать? Онъ зналъ, что̀ въ такихъ случаяхъ слѣдовало говорить: дрожащимъ отъ волненія голосомъ онъ долженъ былъ объявить, что эта минута— лучшая въ его жизни, что она составляетъ самую высшую награду за его трудъ. Но Осокинъ чувствовалъ, напротивъ, что эта минута — нѣчто ужасное, что она болѣзненно-ярко освѣтила передъ нимъ всѣ тѣ сомнѣнія и колебанія, которыя давно уже нарастали въ душѣ.

Глаза его блеснули. Онъ вскочилъ на подоконникъ и сталъ говорить.

— Шш-шш-шш!..—нетерпѣливо понеслось по лѣстницѣ. Вокругъ стихло.

— Господа!.. — началъ Осокинъ, задыхаясь. — Я вижу, я всѣмъ вамъ очень чѣмъ-то угодилъ. Мнѣ хотѣлось бы выяснить, чѣмъ именно заслужилъ я тѣ восторги и оваціи, которыми вы сегодня такъ щедро осыпали меня... Идетъ великая рать бойцовъ на великое освободительное дѣло. Я — рядовой этой рати, ну, можетъ-быть, одинъ изъ ея... барабанщиковъ. что ли? Но развѣ такія почести, какія вы сегодня воздали мнѣ, выпадаютъ на долю простымъ барабанщикамъ? Нѣтъ, дѣло тутъ въ чемъ-то другомъ... За что же вы благодарите меня? За «чудные звуки», за наслажденіе, которое я даю вамъ своими... «прелестными произведеніями»? Въ такомъ случаѣ, господа, вы ошиблись адресомъ. Идите къ тѣмъ, для кого эти «чудные звуки» составляютъ цѣль и высшую правду: для меня же они — высшая ложь, самое ужасное *проклятіе* искусства, и благодарить меня за доставляемое наслажденіе — это злая насмѣшка или обиднее признаніе моего безсилія. Я вовсе не хотѣлъ доставлять вамъ наслажденіе,—я хотѣлъ васъ мучить, терзать... Но нѣтъ, вы и не скажете, что благодарите

меня за доставляемое наслажденіе, — по крайней мѣрѣ, большинство изъ васъ. Вы благодарите меня, конечно, за тѣ «чувства добрыя», которыя я пробудилъ въ васъ великою силою искусства.

«Да, сила искусства велика, но сила его — вовсе не въ способности пробуждать «добрыя чувства». Проклятая и развращающая сила искусства состоитъ въ томъ, что оно самымъ невѣроятнымъ образомъ перерождаетъ и уродуетъ всякое чувство, всякое душевное движеніе, вызываемое дѣйствительностью. Художникъ замахивается на жизнь бичомъ, но въ моментъ удара бичъ его превращается въ мягкую гирлянду душистыхъ ландышей. Онъ подноситъ къ людскимъ сердцамъ огонь, способный зажечь и двинуть камень, а людскія сердца въ отвѣтъ начинаютъ тлѣть чуть теплымъ огонькомъ мягкой и бездѣятельной душевной потрясенности. Подобно буферу вагона, искусство даетъ человѣку возможность легко и пріятно переживать всѣ самые тяжелые душевные толчки. И вотъ за это-то буферное дѣйствіе искусства вы, въ дѣйствительности, такъ горячо и благодарите насъ... Господа, будемъ говорить начистоту! Конечно, васъ привлекаетъ и захватываетъ въ насъ не красота. Что̀ красота! Мы вамъ даемъ возможность переживать чувства посильнѣе и попріятнѣе чисто-эстетическихъ. Вы переживаете съ нами два самыхъ высшихъ счастья, какія только знаетъ жизнь, — счастье борьбы и счастье всезахватывающей любви къ человѣку. И какъ дешево можно отъ насъ получить это счастье — для этого не нужно ни бороться ни любить! Притомъ счастье это, обработанное нашими руками, такъ гладко, тепло и комфортабельно! Въ жизни оно гораздо болѣе шероховато и болѣе жгуче. Раненый боецъ, увѣряю васъ, совершенно не замѣчаетъ своей красивой позы, а только ощущаетъ ужасно непріятную боль въ ранѣ; когда человѣкъ гибнетъ въ правой борьбѣ, онъ вовсе не окруженъ тѣмъ всеобщимъ сочувствіемъ, которое возбуждается къ нему въ читателяхъ нашимъ изображеніемъ этой борьбы.

«О, счастье ихъ велико, — счастье побѣжденныхъ и измученныхъ, но горячо вѣрящихъ въ грядущую побѣду... Но это счастье отличается отъ вашего счастья больше, чѣмъ лѣсной пожаръ отъ потрескивающаго въ каминѣ мирнаго огонька. Есть они, есть эти люди, суровые и бодрые, но — неужели это случайность? — какъ разъ для нихъ-то мы совершенно ненужны и въ лучшемъ случаѣ представляемъ лишь пріятный десертъ. А за десертъ кто же станетъ такъ восторженно благодарить! Такъ благодарятъ лишь за хлѣбъ, дающій жизнь... И вы благодарите насъ именно за даваемую вамъ жизнь, которой

нѣтъ въ вашихъ собственныхъ душахъ, за ту сытость, которую вы испытываете благодаря намъ. Но вѣдь эта сытость— язва, на смерть убивающая душу, и получать за нее благодарности — самое тяжкое оскорбленіе!.. Что̀ можете вы еще пережить въ жизни? Художники—начиная съ Толстого, Гюго, Достоевскаго и кончая нами, малыми—дали вамъ легко и пріятно пережить всѣ самыя тяжелыя душевныя катастрофы. И вы ими пресытились. Вы устали бороться, не боровшись, вы устали любить, не любивши. Вы все пережили бездѣятельнымъ чувствомъ,—и что̀ же дивиться, что въ суровой жизни вы скисаетесь быстрѣе, чѣмъ молоко во время грозы?

«Все это жестоко и несправедливо, — скажете вы. — Мы чувствуемъ свѣтлыя искры, зароненныя въ наши сердца, и за эти-то искры и благодаримъ»... Но въ такомъ случаѣ позвольте, господа! Въ чемъ же проявились эти возженныя искры? Чѣмъ заслужили вы право благодарить за нихъ и... и чѣмъ заслужилъ я право принимать ваши благодарности? Это-то послѣднее, можетъ-быть, самое важное изъ всего; самое важное то, что здѣсь мы съ вами тѣсные союзники. Жизнь вызываетъ въ насъ порывъ броситься въ битву, а мы этотъ порывъ претворяемъ въ красивый крикъ и несемъ его къ вамъ... Давно сказано: «слово писателя есть его дѣло». Можетъ-быть! Но суть-то въ томъ, что дѣло это все-таки остается лишь словомъ, и въ душѣ мы съ вами прекрасно понимаемъ всю чудовищную неестественность этого дѣла-слова. Понимаемъ и молчимъ, потому что такъ выгоднѣе и пріятнѣе. Тамъ внизу дико бурлитъ и грохочетъ громадная жизнь. Наши арфы отзываются на этотъ грохотъ слабымъ, меланхолическимъ стономъ и будятъ гармоническій откликъ въ струнахъ вашихъ душъ. Получается нѣжная, прекрасная музыка, и на душѣ становится тепло и уютно. Но неужели же вы не чувствуете, сколько душевнаго разврата въ этой музыкѣ, неужели вы не чувствуете, что принимать за нее благодарности стыдно? Нѣтъ, господа, простите, — я не совсѣмъ еще потерялъ стыдъ, и вашей благодарности я не принимаю!..»

1900.

ЗАПИСКИ ВРАЧА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

> **Пасторъ.** Неужели въ вашемъ материнскомъ сердцѣ нѣтъ голоса, который бы запрещалъ вамъ разрушать идеалы вашего сына?
>
> **Г-жа Альвингъ.** Что̀ же тогда будетъ съ правдой?
>
> **Пасторъ.** Что̀ же тогда будетъ съ идеалами?
>
> **Г-жа Альвингъ.** Ахъ, идеалы, идеалы!..
>
> *Г. Ибсенъ. «Привидѣнія».*

Предлагаемыя „Записки“ вызвали противъ меня среди нѣкоторой части читателей бурю негодованія: какъ могъ я рѣшиться въ общей печати, передъ профанами, съ полною откровенностью разсказывать все, что̀ переживаетъ врачъ,—какую цѣль я при этомъ преслѣдовалъ? Я долженъ былъ знать, что въ публикѣ и безъ того распространено сильное недовѣріе къ медицинѣ и врачамъ, разоблаченія же, подобныя моимъ „Запискамъ“, могутъ только усилить это недовѣріе; уличныя газеты, постоянно травящія врачей, съ радостью ухватятся за сообщаемый мною матеріалъ, чтобы использовать его для своихъ темныхъ цѣлей; слухи могутъ дойти до низшихъ слоевъ общества, до невѣжественнаго народа, и оттолкнуть его отъ медицины, въ помощи которой онъ такъ нуждается. Авторъ, будучи самъ врачомъ, долженъ бы понимать, что̀ онъ дѣлаетъ, подрывая въ публикѣ довѣріе къ врачамъ и медицинѣ.

Негодованіе это представляется мнѣ очень знаменательнымъ. Мы такъ боимся во всемъ правды, такъ мало сознаёмъ ея необходимость, что стоитъ открыть хоть маленькій ея уголокъ,—и люди начинаютъ чувствовать себя неловко: для чего? какая отъ этого польза? что̀ скажутъ люди непосвященные, какъ поймутъ они преподносимую правду?

Съ самаго поступленія моего на медицинскій факультетъ, и еще больше—послѣ выступленія въ практику, передо мною шагъ за шагомъ стали подниматься вопросы, одинъ другого сложнѣе и тяжелѣе. Я искалъ ихъ разрѣшенія во врачебныхъ журналахъ, въ книгахъ, — и нигдѣ не находилъ. Врачебная этика тщательно и педантически разрабатывала крохотный кругъ вопросцевъ, касающихся непосредственныхъ отношеній врача къ паціенту и врачей между собою; всѣ тѣ вопросы, которые стояли передо мною, для нея почти совсѣмъ не существовали. Почему?.. Смѣшно сказать,—неужели, дѣйствительно, нужна была какая-то особенная проницательность или чуткость, чтобы замѣтить и поднять тѣ вопросы, которыхъ я касаюсь въ „Запискахъ"? Вѣдь эти вопросы бьютъ въ глаза каждому врачу, ими мучится каждый врачъ, не совсѣмъ еще застывшій въ карьерномъ благополучіи. Но почему же, тѣмъ не менѣе, о нихъ не говорятъ, почему разрѣшенія ихъ каждый принужденъ искать въ одиночку?

Мнѣ кажется, тутъ возможно лишь одно объясненіе: всѣ боятся, что если поднимать и обсуждать подобные вопросы, то это можетъ „подорвать довѣріе къ врачамъ". И вотъ на самые серьезные и жгучіе вопросы врачебнаго дѣла набрасывается непроницаемое покрывало, и о нихъ молчатъ, какъ будто ихъ совсѣмъ не существуетъ. А между тѣмъ это систематическое замалчиваніе сдѣлало и продолжаетъ дѣлать очень недоброе дѣло: благодаря ему нѣтъ самаго главнаго,—нѣтъ той общей атмосферы, которая была бы полна сознаніемъ неразрѣшенности этихъ вопросовъ и сознаніемъ насущной, неотложной надобности ихъ разрѣшенія. Вопросы рѣшаются въ одиночку и втихомолку, вкривь и вкось, а чаще всего заглушаются безъ всякаго разрѣшенія. По поводу моихъ „Записокъ" мнѣ приходилось слышать отъ врачей возраженія, которыя я положительно не рѣшаюсь привести,—до того они дики и профессіонально-эгоистичны; а слышать ихъ мнѣ приходилось отъ многихъ. Я думаю, подобныя возраженія могутъ выплывать лишь изъ того непрогляднаго, безгласнаго мрака, въ которомъ мысль начинаетъ шевелиться, лишь вплотную натолкнувшись на вопросъ; и трудно ждать, чтобы при такихъ условіяхъ вопросъ былъ охваченъ сколько-нибудь широко.

Мнѣ говорятъ: если вы считали необходимымъ поднять ваши вопросы, то почему вы не прибѣгли къ спеціальной врачебной печати, зачѣмъ вы обратились съ этими вопросами къ профанамъ? Разрѣшить ихъ профаны все равно не въ состояніи, и имъ совсѣмъ даже не слѣдуетъ знать о существованіи этихъ вопросовъ.

Въ средніе вѣка одинъ вормсскій врачъ, Ресслинъ, издалъ свой медицинскій трудъ не на латинскомъ языкѣ, какъ тогда было въ обычаѣ, а на нѣмецкомъ; вполнѣ сознавая всю возмутительность такой „профанаціи" своей науки, онъ въ предисловіи извинялся въ этомъ передъ читателями и убѣдительно просилъ ихъ получше прятать эту книгу,

„чтобъ она не попала въ руки непосвященнымъ, и чтобъ такимъ образомъ бисеръ не метался передъ свиньями“.

Времена эти давно миновали; специальная печать пользуется теперь исключительно роднымъ языкомъ, доступнымъ и понятнымъ всякому „непосвященному“. Напиши я свои „Записки“ хотя бы и менѣе популярно, опубликуй я ихъ въ специальномъ изданіи, — все равно, общая пресса извлекла бы изъ нихъ на вольный свѣтъ все „интересное“; разница была бы только та, что она придала бы фактамъ свое собственное освѣщеніе,—можетъ-быть, невѣрное и невѣжественное.

Впрочемъ, суть дѣла не въ этомъ; суть вотъ въ чемъ: почему профанамъ не слѣдуетъ знать о существованіи указываемыхъ вопросовъ? Кто далъ кому право опекать профановъ? Пускай публикуютъ свои „записки“ судья, учитель, литераторъ, адвокатъ, путеецъ, полицейскій приставъ. Если мнѣ скажутъ, что мнѣ, какъ профану, вредно знать изнанку всѣхъ этихъ профессій, то я отвѣчу, что я не ребенокъ и что я самъ въ правѣ судить, что̀ для меня вредно.

Узнавъ правду, профаны могутъ потерять довѣріе къ врачамъ и медицинѣ... Какой это старый-старый, негодный и все-таки всѣми признаваемый способъ—предписывать молчаніе изъ боязни, чтобъ правда не поколебала авторитета! Какъ будто есть такой крѣпкій ящикъ, въ которомъ можно наглухо запереть правду! Какими обручами ни оковывай ящикъ, онъ неудержимо разъѣдется по всѣмъ скрѣпамъ, и правда поползетъ изъ щелей, — обезображенная, отрывочная, раздражающая своею неполнотою и заставляющая предполагать все самое худшее. Врачи тщательно оберегаютъ публику отъ всего, что̀ могло бы поколебать въ ней вѣру въ медицину. Ну, и что̀ же? Сильна въ публикѣ вѣра въ медицину? Не подхватываетъ она всякую самую чудовищную сплетню о врачахъ, не предъявляетъ она къ врачамъ самыхъ нелѣпыхъ обвиненій и требованій?

Для пользы *даннаго момента* иногда по необходимости приходится обманывать тяжелаго больного; но общество въ цѣломъ — не тяжелый больной, и минутную ложь нельзя возводить въ постоянное правило. Одно изъ двухъ: либо правда можетъ уменьшить вѣру въ медицину и врачей потому, что медицина по самой своей сути не заслуживаетъ подобной вѣры, — въ такомъ случаѣ правда полезна: ничего нѣтъ вреднѣе и ничего не несетъ съ собою столько разочарованій, какъ преувеличенная вѣра во что-нибудь: либо, во-вторыхъ, правда можетъ колебать вѣру во врачей потому, что указываетъ на устранимыя, но не устраняемыя темныя стороны врачебнаго дѣла, — въ такомъ случаѣ правда *необходима:* если темныя стороны будутъ устранены, то вѣра опять появится; пока же онѣ не устранены, то полной вѣры и не должно быть. Повторю здѣсь то, что̀ я говорю въ „Запискахъ“: я лично не обращусь за помощью къ только-что кончившему врачу, не лягу подъ ножъ хирурга, дѣлающаго свою первую операцію, не позволю дать

своему ребенку новаго, мало-испытаннаго средства, не позволю привить ему сифилисъ. Думаю, ни на что это не согласится и ни одинъ изъ врачей. Разъ же это такъ, то какъ можно скрывать все это отъ „непосвященныхъ“, какъ можно предоставлять имъ итти на то, отъ чего всякій „посвященный“ благоразумно уклонится?

Что профаны не въ состояніи разрѣшить поднимаемыхъ вопросовъ,— это совершенно вѣрно. Но профаны въ правѣ требовать разрѣшенія этихъ вопросовъ и интересоваться ихъ разрѣшеніемъ: дѣло слишкомъ близко касается ихъ. Даже больше, — гласное обсужденіе всѣхъ этихъ вопросовъ, по-моему, представляетъ единственную гарантію удовлетворительности ихъ рѣшенія; если рѣшать будутъ одни врачи, то они легко могутъ впасть въ бо́льшую или меньшую односторонность.

Мнѣ предъявляютъ еще другое обвиненіе. Одна распространенная врачебная газета утверждаетъ, что я „непозволительно обобщаю единичные факты изъ врачебной практики“, что я, „неизвѣстно ради чего“, позволяю себѣ „несомнѣнныя преувеличенія и чрезмѣрное сгущеніе красокъ“. Съ такимъ обвиненіемъ приходится, разумѣется, считаться самымъ серьезнымъ образомъ; къ сожалѣнію, оно высказано совершенно голословно, такъ что возражать на него довольно трудно. Возможность подобныхъ обвиненій я предвидѣлъ съ самаго начала и, въ прямой ущербъ изложенію, обильно уснастилъ свои „Записки“ цитатами, какъ мнѣ кажется, достаточно характерными и убѣдительными. Въ общей печати мнѣ даже пришлось встрѣтить упрекъ, что я „вдаюсь въ черезчуръ большія подробности“, и что „Записки“ мои „смахиваютъ временами на спеціальную статью въ медицинскомъ журналѣ“. Если я не привожу еще больше подтвержденій правильности моихъ „обобщеній“, то, во всякомъ случаѣ, никакъ уже не за недостаткомъ такихъ подтвержденій.

Я кончилъ курсъ на медицинскомъ факультетѣ семь лѣтъ назадъ. Изъ этого читатель можетъ видѣть, чего онъ въ правѣ ждать отъ моихъ записокъ. Записки мои — это не записки стараго, опытнаго врача, подводящаго итоги своимъ долгимъ наблюденіямъ и размышленіямъ, выработавшаго опредѣленные отвѣты на всѣ сложные вопросы врачебной науки, этики и профессіи; это также не записки врача-философа, глубоко проникшаго въ суть науки и вполнѣ овладѣвшаго ею. Я — обыкновеннѣйшій средній врачъ, съ среднимъ умомъ и средними знаніями; я самъ путаюсь въ противорѣчіяхъ, я рѣшительно не въ силахъ разрѣшить многіе изъ тѣхъ тяжелыхъ, настоятельно требующихъ рѣшенія вопросовъ, которые возникаютъ предо мною на каждомъ шагу. Единственное мое преимущество, — что я еще не успѣлъ стать человѣкомъ профессіи, и что для меня еще ярки и сильны тѣ впечатлѣнія, къ которымъ со временемъ невольно привыкаешь. Я буду писать о томъ, что̀ я испытывалъ, знакомясь съ медициной, чего я ждалъ отъ нея и что̀ она мнѣ дала, буду писать о своихъ первыхъ самостоятельныхъ шагахъ на врачебномъ поприщѣ и о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ мною изъ моей практики. Постараюсь писать *все*, ничего не утаивая, и постараюсь писать искренно.

I.

Я учился въ гимназіи хорошо, но, какъ и большинство моихъ товарищей, науку гимназическую презиралъ до глубины души. Наука эта была для меня тяжелою и непріятною повинностью, которую для чего-то необходимо было отбыть, но которая сама по себѣ не представляла для меня рѣшительно никакого интереса: что̀ мнѣ было до того, въ какомъ вѣкѣ на-

писано «Слово Даніила Заточника», чей сынъ былъ Оттонъ Великій, и какъ будетъ страдательный залогъ отъ «persuadeo tibi»? Развитіе мое шло помимо школы, помимо школы пріобрѣтались и интересовавшія меня знанія.

Все это рѣзко измѣнилось, когда я поступилъ въ университетъ. На первыхъ двухъ курсахъ медицинскаго факультета читаются теоретическіе естественно-научные предметы, — химія, физика, ботаника, зоологія, анатомія, физіологія. Эти науки давали знаніе, настолько для меня новое и настолько важное, что совершенно завладѣли мною: все вокругъ меня и во мнѣ самомъ, на что я раньше смотрѣлъ глазами дикаря, теперь становилось яснымъ и понятнымъ; и меня удивляло, какъ могъ я дожить до двадцати лѣтъ, ничѣмъ этимъ не интересуясь и ничего не зная. Каждый день, каждая лекція несли съ собою новыя для меня «открытія»: я былъ пораженъ, узнавъ, что мясо, то самое мясо, которое я ѣмъ въ видѣ бифштекса и котлетъ, и есть тѣ таинственные «мускулы», которые мнѣ представлялись въ видѣ какихъ-то клубковъ сѣроватыхъ нитей; я раньше думалъ, что изъ желудка твердая пища идетъ въ кишки, а жидкая — въ почки; мнѣ казалось, что грудь при дыханіи расширяется *оттого*, что въ нее какою-то непонятною силою вводится воздухъ; я зналъ о законахъ сохраненія матеріи и энергіи, но въ душѣ совершенно не вѣрилъ въ нихъ. Впослѣдствіи мнѣ пришлось убѣдиться, что и большинство такъ называемыхъ образованныхъ людей имѣетъ не менѣе младенческія представленія обо всемъ, что̀ находится предъ ихъ глазами, и это ихъ не тяготитъ. Они покраснѣютъ отъ стыда, если не сумѣютъ отвѣтить, въ какомъ вѣкѣ жилъ Людовикъ XIV, но легко сознаются въ незнаніи того, что̀ такое угаръ, и отчего свѣтится въ темнотѣ фосфоръ.

Что̀ касается анатоміи, то часто приходится слышать, какою тяжелою и непріятною стороною ея изученія является необходимость препарировать трупы. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ товарищей довольно долго не могли привыкнуть къ виду анатомическаго театра, наполненнаго ободранными трупами съ мутными глазами, оскаленными зубами и скрюченными пальцами; одному товарищу пришлось даже перейти изъ-за этого на другой факультетъ: онъ сталъ страдать галлюцинаціями, и ему казалось по ночамъ, что изъ всѣхъ угловъ комнаты къ нему ползутъ окровавленныя руки, ноги и головы. Но лично я привыкъ къ трупамъ довольно скоро и съ увлеченіемъ просиживалъ цѣлые часы за препаровкою, раскрывавшею предо мною всѣ тайны человѣческаго тѣла; въ теченіе семи-восьми мѣсяцевъ я ревностно занимался анатоміей,

цѣликомъ отдавшись ей,—и на это время взглядъ мой на человѣка какъ-то удивительно упростился. Я шелъ по улицѣ, слѣдя за идущимъ предо мною прохожимъ, и онъ былъ для меня не болѣе, какъ живымъ трупомъ: вотъ теперь у него сократился glutaeus maximus, теперь—quadriceps femoris; эта выпуклость на шеѣ обусловлена мускуломъ sternocleidomastoideus; онъ наклонился, чтобъ поднять упавшую тросточку, — это сократились musculi recti abdominis и потянули къ тазу грудную клѣтку. Близкіе, дорогіе мнѣ люди стали въ моихъ глазахъ какъ-то двоиться; эта дѣвушка,—въ ней столько оригинальнаго и славнаго, отъ ея присутствія на душѣ становится хорошо и свѣтло, а между тѣмъ все, составляющее ее, мнѣ хорошо извѣстно, и ничего въ ней нѣтъ особеннаго: на ея мозгѣ тѣ же извилины, что̀ и на сотняхъ видѣнныхъ мною мозговъ, мускулы ея такъ же насквозь пропитаны жиромъ, который дѣлаетъ столь непріятнымъ препарированіе женскихъ труповъ, и вообще въ ней нѣтъ рѣшительно ничего привлекательнаго и поэтическаго.

Еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ предлагаемыя знанія, произвелъ на меня методъ, царившій въ этихъ знаніяхъ. Онъ велъ впередъ осторожно и неуклонно, не оставляя безъ тщательной провѣрки самой ничтожной мелочи, строго контролируя каждый шагъ опытомъ и наблюденіемъ; и то, что̀ въ этомъ пути было пройдено, было пройдено окончательно, возможности не было, что придется воротиться назадъ. Методъ этотъ такъ обаятельно дѣйствовалъ на умъ потому, что являлся не въ видѣ школьныхъ правилъ отвлеченной логики, а съ необходимостью вытекалъ изъ самой сути дѣла: каждый фактъ, каждое объясненіе факта какъ будто сами собою твердили золотыя слова Бэкона: «non fingendum aut excogitandum, sed inveniendum, quid natura faciat aut ferat, — не выдумывать, не измышлять, а искать, что̀ дѣлаетъ и несетъ съ собою природа». Можно было не знать даже о существованіи логики, — сама наука заставила бы усвоить свой методъ успѣшнѣе, чѣмъ самый обстоятельный трактатъ о методахъ; она настолько воспитывала умъ, что всякое уклоненіе отъ прямого пути въ ней же самой, — въ родѣ «непрерывной зародышевой плазмы» Вейсмана или теорій зрѣнія,—прямо рѣзало глаза своею ненаучностью.

На второмъ курсѣ подготовительные, теоретическіе предметы закончились. Я сдалъ полулѣкарскій экзаменъ. Начались занятія въ клиникахъ.

Здѣсь характеръ получаемыхъ знаній рѣзко измѣнился. Вмѣсто отвлеченной науки, на первый планъ выдвинулся жи-

вой человѣкъ; теоріи воспаленія, микроскопическіе препараты опухолей и бактерій смѣнились подлинными язвами и ранами. Больные, искалѣченные, страдающіе люди безконечною вереницею потянулись передъ глазами; легкихъ больныхъ въ клиники не принимаютъ, — все это были страданія тяжелыя, серьезныя. Ихъ обиліе и разнообразіе произвели на меня ошеломляющее дѣйствіе; меня поразило, какая существуетъ масса страданій, какое разнообразіе самыхъ утонченныхъ, невѣроятныхъ мукъ заготовила намъ природа, — мукъ, при одномъ взглядѣ на которыя на душѣ становилось жутко.

Вскорѣ послѣ начала клиническихъ занятій въ клинику старшихъ курсовъ былъ положенъ огородникъ, заболѣвшій столбнякомъ. Мы ходили смотрѣть его. Въ палатѣ стояла тишина. Больной былъ мужикъ громаднаго роста, плотный и мускулистый, съ загорѣлымъ лицомъ; весь облитый потомъ, съ губами, перекошенными отъ безумной боли, онъ лежалъ на спинѣ, ворочая глазами; при малѣйшемъ шумѣ, при звонкѣ конки на улицѣ или стукѣ двери внизу, больной начиналъ медленно выгибаться: затылокъ его сводило назадъ, челюсти судорожно впивались одна въ другую, такъ что зубы трещали, и страшная, длительная судорога спинныхъ мышцъ приподнимала его тѣло съ постели; отъ головы во всѣ стороны расходилось по подушкѣ мокрое пятно отъ пота. Двѣ недѣли назадъ больной работалъ босикомъ на огородѣ и занозилъ себѣ большой палецъ ноги; эта пустячная заноза вызвала то, что я теперь видѣлъ.

Ужасно было не только то, что существуютъ подобныя муки; еще ужаснѣе было то, какъ *легко* онѣ пріобрѣтаются, какъ мало гарантированъ отъ нихъ самый здоровый человѣкъ. Двѣ недѣли назадъ всякій бы позавидовалъ богатырскому здоровью этого самаго огородника... Шелъ по двору крѣпкій парень-конюхъ, поскользнулся и ударился спиною о корыто, — и вотъ онъ уже шестой годъ лежитъ у насъ въ клиникѣ; ноги его висятъ, какъ плети, больной ими не можетъ двинуть, онъ мочится и ходитъ подъ себя; безпомощный, какъ грудной ребенокъ, онъ лежитъ такъ дни, мѣсяцы, годы, лежитъ до пролежней, и нѣтъ надежды, что когда-нибудь воротится прежнее... Вотъ акцизный чиновникъ съ воспаленіемъ сѣдалищнаго нерва, доведенный страданіями до бѣшенства, кричитъ профессору:

— Подлецы вы всѣ, шарлатаны! Да убейте же вы меня, ради Создателя, — одного только я у васъ прошу!

Въ хорошій лѣтній вечеръ онъ посидѣлъ на росистой травѣ...

Каждую минуту, на каждомъ шагу насъ подстерегаютъ опасности; защититься отъ нихъ невозможно, потому что онѣ слишкомъ разнообразны, бѣжать некуда, потому что онѣ вездѣ. Само здоровье наше — это не спокойное состояніе организма; при глотаніи, при дыханіи въ насъ ежеминутно проникаютъ миріады бактерій, внутри нашего тѣла непрерывно образуются самые сильные яды; незамѣтно для насъ, всѣ силы нашего организма ведутъ отчаянную борьбу съ вредными веществами и вліяніями, и мы никогда не можемъ считать себя обезпеченными отъ того, что, можетъ-быть, вотъ въ эту самую минуту силъ организма не хватило, и наше дѣло проиграно. И тогда изъ небольшой царапины развивается рожа, флегмона или гнилокровіе, незначительный ушибъ ведетъ къ образованію рака или саркомы, легкій бронхитъ отъ открытой форточки переходитъ въ чахотку...

Нужны какія-то идеальныя, для нашей жизни совершенно необычныя условія, чтобы болѣзнь стала дѣйствительно «случайностью»; при настоящихъ же условіяхъ болѣютъ всѣ: бѣдные болѣютъ отъ нужды, богатые — отъ довольства; работающіе — отъ напряженія, бездѣльники — отъ праздности; неосторожные — отъ неосторожности, осторожные — отъ осторожности. Во всѣхъ людяхъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ гнѣздится разрушеніе, организмъ начинаетъ разлагаться, даже не успѣвъ еще развиться. Въ Бостонѣ были изслѣдованы зубы у четырехъ тысячъ школьниковъ, и оказалось, что здоровые зубы, особенно у дѣтей старше десяти лѣтъ, *составляютъ исключеніе*; въ Баваріи среди пятисотъ учениковъ народныхъ школъ было найдено лишь *трое* съ совершенно здоровыми зубами. Д-ръ Бабесъ вскрылъ въ будапештской больницѣ сто дѣтскихъ труповъ, и у семидесяти четырехъ изъ нихъ онъ нашелъ въ бронхіальныхъ железахъ туберкулезныя палочки; а всѣ эти сто дѣтей умерли отъ различныхъ нетуберкулезныхъ болѣзней... Ужъ дѣти встаютъ послѣ сна съ «заспанными», гноящимися глазами; уже ребенкомъ каждый страдаетъ хроническимъ насморкомъ и не можетъ обойтись безъ носового платка,—всѣхъ прямо удивила бы мысль, что здоровому человѣку носовой платокъ совершенно не нуженъ. Что же касается достигшихъ зрѣлости женщинъ, то онѣ уже нормально, физіологически осуждены каждый мѣсяцъ болѣть въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Съ новымъ и страннымъ чувствомъ я приглядывался къ окружавшимъ меня людямъ, и меня все больше поражало, какъ мало среди нихъ здоровыхъ; почти каждый чѣмъ-нибудь, да былъ боленъ. Міръ начиналъ казаться мнѣ одною громад-

ною, сплошною больницею. Да, это становилось все несомнѣннѣе: нормальный человѣкъ — это человѣкъ больной; здоровый представляетъ собою лишь счастливое уродство, рѣзкое уклоненіе отъ нормы.

Когда я въ первый разъ приступилъ къ изученію теоретическаго акушерства, я, раскрывъ книгу, просидѣлъ за нею всю ночь напролетъ; я не могъ отъ нея оторваться; подобный тяжелому, горячечному кошмару, развертывался предо мною «нормальный», «физіологическій» процессъ родовъ. Брюшные органы, скомканные и придавленные беременною маткою, типически-болѣзненныя родовыя потуги, весь этотъ ужасный путь, который ребенокъ проходитъ при родахъ, это невѣроятное несоотвѣтствіе размѣровъ,—все здѣсь было чудовищно-ненормально, вплоть до тѣхъ рубцовъ на животѣ, по которымъ узнаётся хоть разъ рожавшая женщина... Помню хорошо, какъ сегодня, и первые роды, на которыхъ я присутствовалъ. Роженица была молодая женщина, жена мелкаго почтоваго чиновника, второродящая. Она лежала на спинѣ, съ обнаженнымъ громаднымъ животомъ, безпомощно уронивъ руки, съ выступившими на лбу капельками пота; когда ее схватывали потуги, она сгибала колѣни и стискивала зубы, стараясь сдерживать стоны, и все-таки стонала.

— Ну, ну, сударыня, потерпите немножко! — невозмутимо-спокойнымъ голосомъ уговаривалъ ее ассистентъ.

Ночь была безконечно длинна. Роженица ужъ перестала сдерживаться; она стонала на всю палату, всхлипывая, дрожа и заламывая пальцы; стоны отдавались въ коридорѣ и замирали гдѣ-то далеко подъ сводами. Послѣ одного особенно сильнаго приступа потугъ больная схватила ассистента за руку; блѣдная, съ измученнымъ лицомъ, она смотрѣла на него жалкимъ, умоляющимъ взглядомъ.

— Докторъ, скажите, я не умру?—спрашивала она съ тоскою.

Утромъ въ клинику пришелъ навѣдаться о состояніи роженицы ея мужъ, взволнованный и растерянный. Я присматривался къ нему съ тяжелымъ, непріязненнымъ чувствомъ; это былъ у нихъ второй ребенокъ,— значитъ, онъ *зналъ*, что женѣ его предстоятъ всѣ эти муки, и все-таки пошелъ на это... Только поздно вечеромъ роды стали приходить къ концу. Показалась головка, все тѣло роженицы стало судорожно сводиться въ отчаянныхъ усиліяхъ вытолкнуть изъ себя ребенка; ребенокъ наконецъ вышелъ; онъ вышелъ съ громадною кровяною опухолью на лѣвой сторонѣ затылка, съ изуродованнымъ, длиннымъ черепомъ. Роженица лежала въ забытьѣ, съ надорванною промежностью, плавая въ крови.

— Роды были легкіе и мало-интересные,—сказалъ ассистентъ.

Это все тоже было «нормально»!.. И дѣло тутъ не въ томъ, что «цивилизація» сдѣлала роды труднѣе: въ тяжелыхъ мукахъ женщины рожали всегда, и ужъ древній человѣкъ былъ пораженъ этою странностью и не могъ объяснить ее иначе, какъ проклятіемъ Бога.

Описанныя впечатлѣнія ложились на душу одно за другимъ, безъ перерыва, все усиливая густоту красокъ.

Однажды ночью я проснулся. Мнѣ снилось, что я шелъ по какому-то узкому, темному переулку; на меня наѣхала карета, ударила дышломъ въ бокъ, и у меня образовался pneumothorax. Я сѣлъ на постели. Блѣдная ночь смотрѣла въ окно; вентиляторъ, перетершій смазку, наполнялъ тишину яростнымъ, прерывистымъ хрипомъ; въ кухнѣ плакалъ больной ребенокъ квартирной хозяйки. Все видѣнное и передуманное въ послѣднее время вдругъ стало предо мною, и я ужаснулся, до чего человѣкъ не защищенъ отъ случайностей, на какомъ тонкомъ волоскѣ виситъ всегда его здоровье. Только бы его, здоровья,— съ нимъ ничего не страшно, никакія испытанія; его потерять—значитъ потерять все; безъ него нѣтъ свободы, нѣтъ независимости, человѣкъ становится рабомъ окружающихъ людей и обстановки; оно — высшее и необходимѣйшее благо, а между тѣмъ удержать его такъ трудно! Пришлось бы *всю жизнь*, всѣ свои силы положить на это; но вѣдь обидно же и смѣшно ставить себѣ это цѣлью жизни. Притомъ, все равно, ничего не достигнешь даже въ томъ случаѣ, если только для этого и жить. Беречься? Но этимъ теряешь приспособляемость; птица безнаказанно спитъ подъ дождемъ, мокрая до послѣдняго перышка, — мы бы при такихъ условіяхъ получили смертельную простуду. Да и какъ беречься? Мы *ничего* не знаемъ, отъ чего происходитъ ракъ, саркома, масса нервныхъ страданій, сахарная болѣзнь, большинство мучительныхъ кожныхъ болѣзней. Какъ ни берегись, а, можетъ-быть, черезъ годъ въ это время я уже буду лежать, пораженный pemphigo foliaceo; вся кожа при этой болѣзни покрывается вялыми пузырями; пузыри лопаются и обнажаютъ подкожный слой, который больше не зарастаетъ; и человѣкъ, лишенный кожи, не знаетъ, какъ сѣсть, какъ лечь, потому что самое легкое прикосновеніе къ тѣлу вызываетъ жгучія боли. Объ этомъ смѣшно думать? Но вѣдь и тотъ больной съ pemphigus'омъ, котораго я на-дняхъ видѣлъ въ клиникѣ, полгода назадъ тоже былъ совершенно здоровъ и не ждалъ бѣды. Ни одинъ часъ здоровья намъ не гарантированъ. Между тѣмъ хочется жить, жить и быть счастливымъ, а это невозможно...

И для чего любовь со всею поэзіею и счастьемъ? Для чего любовь, если отъ нея столько мукъ? Да неужели же «любовь» является не насмѣшкою надъ любовью, если человѣкъ рѣшается причинять любимой женщинѣ тѣ муки, которыя я видѣлъ въ акушерской клиникѣ? Страданье, страданье безъ конца, страданье во всевозможныхъ видахъ и формахъ, — вотъ въ чемъ вся суть и вся жизнь человѣческаго организма.

Вскорѣ это страданье стало предо мною въ реальной формѣ. У меня на лѣвой рукѣ подъ мышкою находится небольшая родинка; ни съ того ни съ сего она вдругъ начала расти, стала болѣзненной; я боялся вѣрить глазамъ, но она съ каждымъ днемъ увеличивалась и становилась все болѣзненнѣе; опухоль достигла величины лѣсного орѣха. Сомнѣнія быть не могло: изъ родинки у меня развивалась саркома, та страшная меланосаркома, которая обыкновенно и развивается изъ невинныхъ родинокъ. Какъ на эшафотъ, пошелъ я на пріемъ къ нашему профессору-хирургу.

— Профессоръ, у меня, кажется... саркома на рукѣ,—сказалъ я обрывающимся голосомъ.

Профессоръ внимательно посмотрѣлъ на меня.

— Вы медикъ третьяго курса?—спросилъ онъ.

— Да.

— Покажите вашу саркому.

Я раздѣлся. Профессоръ срѣзалъ ножницами тонкую ножку, на которой держалась опухоль.

— Вы себѣ натерли родинку рукавомъ, — больше ничего. Возьмите себѣ на память вашу саркому,—добродушно улыбнулся онъ, подавая мнѣ маленькій мясистый комочекъ.

Я ушелъ, сконфуженный и радостный, и стыдно мнѣ было за мою ребяческую мнительность. Но спустя нѣкоторое время я сталъ замѣчать, что со мною творится что-то неладное: появилась общая вялость и отвращеніе къ труду, аппетитъ былъ плохъ, меня мучила постоянная жажда; я началъ худѣть; по тѣлу то тамъ, то здѣсь стали образовываться нарывы; мочеотдѣленіе было очень обильное; я изслѣдовалъ мочу на сахаръ,— сахара не оказалось. Всѣ симптомы весьма подходили къ несахарному мочеизнуренію (diabetes insipidus). Съ тяжелымъ чувствомъ перечитывалъ я главу объ этой болѣзни въ учебникѣ Штрюмпеля: «Причины несахарнаго мочеизнуренія еще совершенно темны... Большинство больныхъ принадлежитъ къ юношескому и среднему возрасту; мужчины подвержены этой болѣзни нѣсколько чаще женщинъ... Родство этой болѣзни съ сахарною болѣзнью очевидно; иногда одна изъ нихъ перехо-

дитъ въ другую... Болѣзнь можетъ тянуться годы и даже десятки лѣтъ; исцѣленія крайне рѣдки»...

Я пошелъ къ профессору-терапевту. Не высказывая своихъ подозрѣній, я просто разсказалъ ему все, что со мною дѣлается. По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, профессоръ все больше хмурился.

— Вы полагаете, что у васъ diabetes insipidus, — рѣзко сказалъ онъ.—Это очень хорошо, что вы такъ прилежно изучаете Штрюмпеля: вы не забыли рѣшительно ни одного симптома. Желаю вамъ такъ же хорошо отвѣтить о діабетѣ на экзаменѣ. Поменьше курите, больше ѣшьте и двигайтесь, и бросьте думать о діабетѣ.

II.

Предметомъ нашего изученія сталъ живой, страдающій человѣкъ. На эти страданія было тяжело смотрѣть; но вначалѣ еще тяжелѣе было то, что именно эти-то страданія и нужно было изучать. У больного съ вывихомъ плеча—порокъ сердца: хлороформировать нельзя, и вывихъ вправляютъ безъ наркоза; фельдшера крѣпко вцѣпились въ больного, онъ бьется и вопитъ отъ боли, а нужно внимательно слѣдить за пріемами профессора, вправляющаго вывихъ; нужно быть глухимъ къ воплямъ оперируемаго, не видѣть корчащагося отъ боли тѣла, душить въ себѣ жалость и волненіе. Съ непривычки это было очень трудно, и вниманіе постоянно двоилось; приходилось убѣждать себя, что вѣдь это *не мнѣ* больно, что вѣдь я совершенно здоровъ, а больно *другому*. Потоки крови при хирургическихъ операціяхъ, стоны роженицъ, судороги столбнячнаго больного — все это вначалѣ сильно дѣйствовало на нервы и мѣшало изученію; ко всему этому нужно было привыкнуть.

Впрочемъ, привычка эта вырабатывается скорѣе, чѣмъ можно бы думать, и я не знаю случая, чтобы медикъ, одолѣвшій препаровку труповъ, отказался отъ врачебной дороги вслѣдствіе неспособности привыкнуть къ стонамъ и крови. И слава Богу, разумѣется, потому что такое относительное «очерствѣніе» не только необходимо, но прямо желательно; объ этомъ не можетъ быть и спора. Но въ изученіи медицины на больныхъ есть другая сторона, несравненно болѣе тяжелая и сложная, въ которой далеко не все столь же безспорно.

Мы учимся на больныхъ; съ этою цѣлью больные и принимаются въ клиники; если кто изъ нихъ не захочетъ показываться и давать себя изслѣдовать студентамъ, то его немедленно, безъ всякихъ разговоровъ, удаляютъ изъ клиники.

Между тѣмъ такъ ли для больного безразличны всѣ эти изслѣдованія и демонстраціи?

Разумѣется, больного при этомъ стараются по возможности щадить. Но, прежде всего, это не всегда выполнимо: по необходимости приходится переступать границу, если, напримѣръ, больной страдаетъ рѣдкою, поучительною болѣзнью, или если въ клиникѣ мало матеріала; послѣднее же случается не только въ маленькихъ университетскихъ городахъ, но и въ столичныхъ; такъ, вотъ что мы узнаёмъ изъ рапорта профессора Эйхвальда въ конференцію Медико-Хирургической Академіи: въ 70-хъ годахъ первое терапевтическое отдѣленіе клиническаго госпиталя одновременно служило матеріаломъ для упражненій студентовъ третьяго курса, пятаго и учащихся женщинъ, «что, конечно, было очень обременительно для больныхъ. Послѣдніе не только жаловались неоднократно на эти упражненія, приписывая имъ ухудшеніе своего состоянія, но даже нерѣдко требовали на этомъ основаніи выписки изъ клиники».

Въ общемъ однако должно признать, что подобные случаи представляютъ исключеніе; обыкновенно при учебныхъ изслѣдованіяхъ больного строго соблюдается правило, чтобы эти изслѣдованія не причиняли ему ни малѣйшаго вреда. Но дѣло тутъ не въ одномъ только непосредственномъ вредѣ. Передо мною встаетъ полутемная палата во время вечерняго обхода; мы стоимъ съ стетоскопами въ рукахъ вокругъ ассистента, который демонстрируетъ намъ на больномъ амфорическое дыханіе. Больной, — рабочій бумагопрядильной фабрики, — въ послѣдней стадіи чахотки; его молодое, страшно исхудалое лицо слегка синюшно; онъ дышитъ быстро и поверхностно; въ глазахъ, устремленныхъ въ потолокъ, сосредоточенное, ушедшее въ себя страданіе.

— Если вы приставите стетоскопъ къ груди больного, — объясняетъ ассистентъ: — и въ то же время будете постукивать рядомъ ручкою молоточка по плессиметру, то услышите ясный, металлическій, такъ называемый «амфорическій» звукъ... Пожалуйста, коллега! — обращается онъ къ студенту, указывая на больного. — Ну-ка, голубчикъ, повернись на бокъ!.. Поднимись, сядь!..

И рѣжущимъ глаза контрастомъ представляется это одинокое страданіе, служащее предметомъ равнодушныхъ объясненій и упражненій; кто другой, а самъ больной чувствуетъ этотъ контрастъ очень сильно.

На тяжелыхъ больныхъ, въ учебномъ отношеніи какъ разъ особенно цѣнныхъ, всякое изслѣдованіе не въ цѣляхъ лѣченія дѣйствуетъ крайне угнетающимъ образомъ. Насколько сильно

въ нихъ отвращеніе къ такого рода изслѣдованіямъ, лучше всего показываетъ то обстоятельство, что сколько-нибудь состоятельные люди именно по этой причинѣ не ложатся въ клиники, хотя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ въ клиникѣ они найдутъ больше удобствъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ 1878 году при Медико-Хирургической Академіи была образована комиссія для изысканія средствъ къ увеличенію больничнаго матеріала въ клиническомъ госпиталѣ. Комиссія предложила, между прочимъ, увеличить въ госпиталѣ число безплатныхъ мѣстъ; «учрежденіе платныхъ мѣстъ,—заявила она:—непрактично, ибо люди состоятельные не идутъ въ клиники изъ опасенія, что изслѣдованія и упражненія учащихся причинятъ имъ безпокойство». Въ 1880 году конференція возбудила новое ходатайство объ увеличеніи числа безплатныхъ гражданскихъ мѣстъ, ссылаясь на то, что «платныя мѣста остаются почти весь годъ незанятыми».

Безплатныя мѣста, разумѣется, никогда не останутся незанятыми, — объ этомъ ужъ позаботится всемогущая царица-нужда... Говорятъ: больному всѣ эти изслѣдованія и упражненія, можетъ-быть, и непріятны, но зато онъ даромъ лѣчится въ клиникѣ и пользуется образцовымъ уходомъ. Совершенно вѣрно; но состоятельные люди пользуются образцовымъ уходомъ *безъ этого;* и у меня не разъ возникалъ вопросъ — что̀ стало бы съ медицинскою школою, если бы всѣ были состоятельны? Вѣроятно, ей пришлось бы очень круто; по крайней мѣрѣ, ужъ и въ настоящее время замѣчаются попытки огражденія больныхъ отъ изслѣдованія ихъ съ учебными цѣлями. Такъ, напримѣръ, въ 1893 году въ Берлинѣ произошла стачка рабочихъ кассъ противъ больницы Charité; въ числѣ требованій, выставленныхъ стачечниками, было такое: «больнымъ должна быть предоставлена полная свобода соглашаться или не соглашаться на пользованіе ими для цѣлей преподаванія». Если бы больнымъ была вездѣ предоставлена такая свобода, то многіе и многіе изъ нихъ отвѣтили бы намъ: «Оставьте меня въ покоѣ; я понимаю, что для науки это нужно, но мнѣ слишкомъ тяжело, и мнѣ не до науки».

Но вотъ больной умираетъ. Тѣ же правила, которыя требуютъ отъ больныхъ, чтобы они безпрекословно давали себя изслѣдовать учащимся, предписываютъ также обязательное вскрытіе всякаго, умершаго въ университетской больницѣ.

Каждый день по утрамъ въ прихожей и у подъѣзда клиники можно видѣть просительницъ, цѣлыми часами поджидающихъ ассистента. Когда ассистентъ проходитъ, онѣ останавливаютъ его и упрашиваютъ отдать имъ безъ вскрытія

умершаго ребенка, мужа, мать. Здѣсь иногда приходится видѣть очень тяжелыя сцены... Разумѣется, на всѣ просьбы слѣдуетъ категорическій отказъ. Не добившись ничего отъ ассистента, просительница идетъ дальше, мечется по всѣмъ начальствамъ, добирается до самого профессора и падаетъ ему въ ноги, умоляя не вскрывать умершаго:

— Вѣдь болѣзнь у него извѣстная,—что̀ жъ его еще послѣ смерти терзать?

И здѣсь, конечно, она встрѣчаетъ тотъ же отказъ: вскрыть умершаго необходимо, — безъ этого клиническое преподаваніе теряетъ всякій смыслъ. Но для матери вскрытіе ея ребенка часто составляетъ не меньшее горе, чѣмъ сама его смерть; даже интеллигентныя лица большею частью крайне неохотно соглашаются на вскрытіе близкаго человѣка, для невѣжественнаго же бѣдняка оно кажется чѣмъ-то прямо ужаснымъ; я не разъ видѣлъ, какъ фабричная, зарабатывающая по сорокъ копеекъ въ день, совала ассистенту трехрублевку, пытаясь взяткою спасти своего умершаго ребенка отъ «поруганія». Конечно, такой взглядъ на вскрытіе — предразсудокъ, но горе матери отъ этого не легче. Вспомните вопль некрасовской Тимоѳеевны надъ умершимъ Демушкой:

Я не ропщу,
Что Богъ прибралъ младенчика,
А больно то, зачѣмъ они
Ругалися надъ нимъ?
Зачѣмъ, какъ черны вороны,
На части тѣло бѣлое
Терзали?.. Неужли
Ни Богъ ни царь не вступятся?..

Однажды лѣтомъ я былъ на вскрытіи дѣвочки, умершей отъ крупознаго воспаленія легкихъ. Большинство товарищей разъѣхалось на каникулы,—присутствовали только ординаторъ и я. Служитель огромнаго роста, съ черной бородой, вскрылъ трупъ и вынулъ о̀рганы. Умершая лежала съ запрокинутою назадъ головою, широко зіяя окровавленною грудо-брюшною полостью; на бѣломъ мраморѣ стола, въ лужахъ алой крови, темнѣли внутренности. Прозекторъ разрѣзывалъ на деревянной дощечкѣ правое легкое.

— Вы что̀ тутъ дѣлаете, а? — вдругъ раздался въ дверяхъ задыхающійся голосъ.

На порогѣ стоялъ человѣкъ въ пиджакѣ, съ рыжею бородкою; лицо его было смертельно-блѣдно и искажено ужасомъ. Это былъ мѣщанинъ-сапожникъ, отецъ умершей дѣвочки; онъ шелъ въ покойницкую узнать, когда можно одѣвать умершую, ошибся дверью и попалъ въ секціонную.

— Что̀ вы тутъ дѣлаете, разбойники?! — завопилъ онъ, трясясь и уставясь на насъ широко раскрытыми глазами.

У прозектора замеръ ножъ въ рукѣ.

— Ну, ну, чего тебѣ тутъ? Ступай!—сказалъ поблѣднѣвшій служитель, идя навстрѣчу мѣщанину.

— Ребятъ здѣсь свѣжуете, а?!—кричалъ тотъ съ какимъ-то плачущимъ воемъ, судорожно топаясь на мѣстѣ и тряся сжатыми кулаками.—Вы что̀ съ моей дѣвочкой исдѣлали?

Онъ рванулся впередъ. Служитель схватилъ его сзади подъ мышки и потащилъ вонъ; мѣщанинъ уцѣпился руками за косякъ двери и закричалъ: «Караулъ!..»

Служителю удалось наконецъ вытолкать его въ коридоръ и запереть дверь на ключъ. Мѣщанинъ долго еще ломился въ дверь и кричалъ «караулъ», пока прозекторъ не крикнулъ въ окно сторожей, которые увели его.

Если у этого человѣка заболѣетъ другой ребенокъ, то онъ разорится на лѣченіе, предоставитъ ребенку умереть безъ помощи, но въ клинику его не повезетъ: для отца это поруганіе дорогого ему трупа—слишкомъ высокая плата за лѣченіе.

Сказать кстати, право вскрывать умершихъ больныхъ присвоили себѣ, помимо клиникъ, и вообще всѣ больницы,—присвоили совершенно самовольно, потому что законъ имъ такого права не даетъ; обязательныя вскрытія производятся по закону только въ судебно-медицинскихъ цѣляхъ. Но я не знаю ни одной больницы, гдѣ бы по желанію родственниковъ умершій выдавался имъ безъ вскрытія; сами же родственники и не подозрѣваютъ, что они имѣютъ право *требовать* этого. Вскрытіе каждаго больного, хотя бы умершаго отъ самой «обыкновенной» болѣзни, чрезвычайно важно для врача: оно указываетъ ему его ошибки и способы избѣжать ихъ, пріучаетъ къ болѣе внимательному и всестороннему изслѣдованію больного, даетъ ему возможность уяснить себѣ во всѣхъ деталяхъ анатомическую картину каждой болѣзни; безъ вскрытій не можетъ выработаться хорошій врачъ, безъ вскрытій не можетъ развиваться и совершенствоваться врачебная наука. Необходимо, чтобы всѣ это понимали какъ можно яснѣе и добровольно соглашались на вскрытіе близкихъ. Но покамѣстъ этого нѣтъ; и вотъ больницы достигаютъ своего тѣмъ, что вскрываютъ умершихъ помимо согласія родственниковъ; послѣдніе унижаются, становятся передъ врачами на колѣни, суютъ имъ взятки, — все напрасно; изъ боязни вскрытія, близкіе нерѣдко всѣми мѣрами противятся помѣщенію больного въ больницу, и онъ гибнетъ дома вслѣдствіе плохой обстановки и неразумнаго ухода... Въ больницѣ, гдѣ я впослѣдствіи работалъ, произошелъ однажды

такой случай: лежалъ у насъ мальчикъ лѣтъ пяти съ брюшнымъ тифомъ; у него появились признаки прободенія кишечника; въ такихъ случаяхъ прежде всего необходимъ абсолютный покой больного. Вдругъ мать потребовала у дежурнаго врача немедленной выписки ребенка; никакихъ уговоровъ она не хотѣла слушать: «все равно ему помирать, а дома помретъ, такъ хоть не будутъ анатомировать». Дежурный врачъ былъ принужденъ выписать мальчика; по дорогѣ домой онъ умеръ... Это происшествіе вызвало среди врачей нашей больницы много толковъ; говорили, разумѣется, о дикости и жестокости русскаго народа, обсуждали вопросъ, имѣлъ ли право дежурный врачъ выписать больного, виноватъ ли онъ въ смерти ребенка нравственно или юридически, и т. п. Но вѣдь тутъ интересенъ и другой вопросъ: насколько долженъ былъ быть силенъ страхъ матери передъ вскрытіемъ, если для избѣжанія его она рѣшилась поставить на карту даже жизнь своего ребенка! Дежурный врачъ, конечно, былъ человѣкъ не «дикій» и не «жестокій»; но характерно, что ему и въ голову не пришелъ самый, казалось бы, естественный выходъ: обязаться передъ матерью, въ случаѣ смерти ребенка, не вскрывать его.

Но кому особенно приходится терпѣть изъ-за того, что мы принуждены изучать медицину на людяхъ,—это лѣчащимся въ клиникѣ женщинамъ. Тяжело вспоминать, потому что приходится краснѣть за себя; но я сказалъ, что буду писать *все*.

Пропедевтическая клиника. На эстраду къ профессору, въ сопровожденіи двухъ студентовъ-кураторовъ, взошла молодая женщина, больная плевритомъ. Прочитавъ анамнезъ, студентъ подошелъ къ больной и дотронулся до закутывавшаго ея плечи платка, показывая жестомъ, что нужно раздѣться. Мнѣ кровь бросилась въ лицо: это былъ первый случай, когда передъ нами вывели молодую паціентку. Больная сняла платокъ, кофточку и опустила до пояса рубашку; лицо ея было спокойно и гордо. Ее начали выстукивать, выслушивать. Я сидѣлъ весь красный, стараясь не смотрѣть на больную; мнѣ казалось, что взгляды всѣхъ товарищей устремлены на меня; когда я поднималъ глаза, передо мною было все то же гордое, холодное, прекрасное лицо, склоненное надъ блѣдною грудью: какъ будто совсѣмъ не ея тѣло ощупывали эти чужія мужскія руки. Наконецъ лекція кончилась. Вставая, я встрѣтился взглядомъ съ сосѣдомъ-студентомъ, мнѣ почти незнакомымъ; какъ-то вдругъ мы прочли другъ у друга въ глазахъ одно и то же, враждебно переглянулись и быстро отвели взгляды въ сторону.

Было ли во мнѣ какое-нибудь сладострастное чувство въ то время, когда больная обнажалась на нашихъ глазахъ? Было,

но очень мало; главное, что̀ было,—это *страхъ* его. Но потомъ, дома, воспоминаніе о происшедшемъ приняло тонко-сладострастный оттѣнокъ, и я съ тайнымъ удовольствіемъ думалъ о томъ, что впереди предстоитъ еще много подобныхъ случаевъ.

И случаевъ, разумѣется, было очень много. Особенно помнится мнѣ одна больная, Анна Грачева, поразительно хорошенькая дѣвушка лѣтъ восемнадцати. У нея былъ порокъ сердца съ очень характернымъ предсистолическимъ шумомъ; профессоръ рекомендовалъ намъ почаще выслушивать ее. Подойдешь къ ней,—она послушно и спокойно скидываетъ рубашку и сидитъ на постели, обнаженная до пояса, пока мы одинъ за другимъ выслушиваемъ ее. Я старался смотрѣть на нее глазами врача, но я не могъ не видѣть, что у нея красивыя плечи и грудь, я не могъ не видѣть, что и товарищи мои что-то ужъ слишкомъ интересуются предсистолическимъ шумомъ,—и мнѣ было стыдно этого. И именно потому, что я чувствовалъ нечистоту нашихъ взглядовъ, мнѣ особенно больно становилось за эту дѣвушку: какая сила заставляетъ ее обнажаться передъ нами? пройдетъ ли для нея все это даромъ? И я старался прочесть на ея красивомъ, почти еще дѣтскомъ лицѣ всю исторію ея пребыванія въ нашей клиникѣ, — какъ возмутилась она, когда впервые была принуждена предстать передъ всѣми нагою, и какъ ей пришлось примириться съ этимъ, потому что дома нѣтъ средствъ лѣчиться, и какъ постепенно она привыкла...

На амбулаторный пріемъ нашего профессора-сифилидолога пришла молодая женщина съ запискою отъ врача, который просилъ профессора опредѣлить, не сифилитическаго ли происхожденія сыпь у больной.

— Гдѣ у васъ сыпь?—спросилъ профессоръ больную.

На рукѣ.

— Ну, это пустяки. Бывшіе фурункулы. Еще гдѣ?

— На груди, — запнувшись, отвѣтила больная. — Но тамъ совсѣмъ то же самое.

— Покажите!

— Да тамъ то же самое, нечего показывать, — возразила больная, краснѣя.

— Ну, а вы намъ все-таки покажите: мы о-чень любопытны!—съ юмористическою улыбкою произнесъ профессоръ.

Послѣ долгаго сопротивленія больная наконецъ сняла кофточку.

— Ну, это тоже пустяки, — сказалъ профессоръ. — Больше нигдѣ нѣтъ? Скажите вашему доктору, что у васъ нѣтъ ничего серьезнаго.

Тѣмъ временемъ ассистентъ, оттянувъ у больной сзади рубашку, осмотрѣлъ ея спину.

— Сергѣй Ивановичъ, вотъ еще!—вполголоса произнесъ онъ.

Профессоръ заглянулъ больной за рубашку.

— А-а, это дѣло другое! — сказалъ онъ. — Раздѣньтесь совсѣмъ,—пойдите за ширмочку... Слѣдующая!

Больная медленно ушла за ширму. Профессоръ осмотрѣлъ нѣсколько другихъ больныхъ.

— Ну, а что̀ та наша больная? Раздѣлась она? — спросилъ онъ.

Ассистентъ побѣжалъ за ширму. Больная стояла одѣтая и плакала. Онъ заставилъ ее раздѣться до рубашки. Больную положили на кушетку и, раздвинувъ ноги, стали осматривать; ее осматривали долго,—осматривали мерзко, гнусно...

— Одѣвайтесь! — сказалъ наконецъ профессоръ. — Трудно еще, господа, сказать что-нибудь опредѣленное,—обратился онъ къ намъ, вымывъ руки и вытирая ихъ полотенцемъ.—Вотъ что̀, голубушка,—приходите-ка къ намъ еще разъ черезъ недѣлю.

Больная уже одѣлась. Она стояла, тяжело дыша и неподвижно глядя въ полъ широко открытыми глазами.

— Нѣтъ, я больше не приду! — отвѣтила она дрожащимъ голосомъ и, быстро повернувшись, ушла.

— Чего это она?—съ недоумѣніемъ спросилъ профессоръ, оглядывая насъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, ко мнѣ зашла одна знакомая курсистка. Я разсказалъ ей описанный случай.

— Да, тяжело!—сказала она.—Но, въ концѣ концовъ, что̀ же дѣлать? Иначе учиться нельзя,—приходится мириться съ этимъ.

— Совершенно вѣрно. Но отвѣтьте мнѣ вотъ на что: если бы *вамъ* предстояло нѣчто подобное,—только представьте себѣ это ясно,—пошли ли бы вы къ намъ?

Она помолчала.

— Не пошла бы... Ни за что!—виновато улыбнулась она, съ дрожью поведя плечами.—Лучше бы умерла!

А вѣдь она глубоко уважала науку и понимала, что «иначе учиться нельзя». Та же ничего этого не понимала; она только знала, что ей нечѣмъ заплатить частному доктору, и что у нея трое дѣтей.

Эта-то нужда и гонитъ бѣдняковъ въ клиники на пользу науки и школы. Они не могутъ заплатить за лѣченіе деньгами, и имъ приходится платить за него своимъ тѣломъ. Но такая плата для многихъ слишкомъ тяжела, и они предпочитаютъ умирать безъ помощи. Вотъ что̀, напримѣръ, говоритъ извѣстный нѣмецкій гинекологъ, профессоръ Гофмейеръ: «Препода-

ваніе въ женскихъ клиникахъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, затруднено естественною стыдливостью женщинъ и вполнѣ понятнымъ отвращеніемъ ихъ къ демонстраціямъ передъ студентами. На основаніи своего опыта я думаю, что въ маленькихъ городкахъ вообще едва ли было бы возможно вести гинекологическую клинику, если бы всѣ безъ исключенія паціентки не хлороформировались для цѣлей изслѣдованія. Притомъ изслѣдованіе, особенно производимое неопытною рукою, часто крайне чувствительно, а изслѣдованіе большимъ количествомъ студентовъ въ высшей степени непріятно. На этомъ основаніи въ большинствѣ женскихъ клиникъ паціентки демонстрируются и изслѣдуются подъ хлороформомъ... Менѣе всего непосредственно примѣнима для преподаванія гинекологическая амбулаторія, по крайней мѣрѣ въ маленькихъ городкахъ. Кто хочетъ получить отъ нея дѣйствительную пользу, долженъ самъ изслѣдовать больныхъ. А именно это особенно непріятно для больныхъ. *Страхъ передъ подобными изслѣдованіями въ присутствіи студентовъ или даже самими студентами,* — у насъ, по крайней мѣрѣ,—*часто превозмогаетъ у паціентокъ потребность въ помощи*».

Если разсуждать отвлеченно, то такая щепетильность должна казаться безсмысленною: вѣдь студенты—тѣ же врачи, а врачей стѣсняться нечего. Но дѣло сразу мѣняется, когда ставишь самого себя въ положеніе этихъ больныхъ. Мы, мужчины, менѣе стыдливы, чѣмъ женщины; тѣмъ не менѣе, по крайней мѣрѣ я лично ни за что не согласился бы, чтобы меня, совершенно обнаженнаго, вывели на глаза сотни женщинъ, чтобы меня женщины ощупывали, изслѣдовали, разспрашивали *обо всемъ*, ни передъ чѣмъ не останавливаясь. Тутъ мнѣ ясно, что, если щепетильность эта и безсмысленна, то считаться съ нею все-таки очень слѣдуетъ.

И тѣмъ не менѣе—«иначе учиться нельзя», это несомнѣнно. Въ средніе вѣка медицинское преподаваніе ограничивалось однѣми теоретическими лекціями, на которыхъ комментировались сочиненія арабскихъ и древнихъ врачей; практическая подготовка учащихся не входила въ задачи университета. Еще въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія въ нѣкоторыхъ захолустныхъ университетахъ, по свидѣтельству Пирогова, «учили дѣлать кровопусканіе на кускахъ мыла и ампутаціи — на брюквѣ». Къ счастью медицины и больныхъ, времена эти миновали безвозвратно, и жалѣть объ этомъ преступно: нигдѣ отсутствіе практической подготовки не можетъ принести столько вреда, какъ во врачебномъ дѣлѣ. А практическая подготовка невозможна безъ всего описаннаго.

Здѣсь мы наталкиваемся на одно изъ тѣхъ противорѣчій, которыя еще такъ часто будутъ встрѣчаться намъ впослѣдствіи: существованіе медицинской школы—школы гуманнѣйшей изъ всѣхъ наукъ—немыслимо безъ попранія самой элементарной гуманности. Пользуясь невозможностью бѣдняковъ лѣчиться на собственныя средства, наша школа обращаетъ больныхъ въ манекены для упражненій, топчетъ безъ пощады стыдливость женщины, увеличиваетъ и безъ того немалое горе матери, подвергая жестокому «поруганію» ея умершаго ребенка; но не дѣлать этого школа не можетъ: по доброй волѣ мало кто изъ больныхъ согласился бы служить наукѣ.

Какой изъ этого возможенъ выходъ, я рѣшительно не знаю; я знаю только, что медицина необходима, и иначе учиться нельзя; но я знаю также, что если бы нужда заставила *мою* жену или сестру очутиться въ положеніи той больной у сифилидолога, то я сказалъ бы, что мнѣ нѣтъ дѣла до медицинской школы, и что нельзя такъ топтать личность человѣка только потому, что онъ бѣденъ.

III.

На третьемъ курсѣ, недѣли черезъ двѣ послѣ начала занятій, я въ первый разъ былъ на вскрытіи. На мраморномъ столѣ лежалъ худой, какъ скелетъ, трупъ женщины лѣтъ за сорокъ. Профессоръ патологической анатоміи, въ кожаномъ фартукѣ, надѣвалъ, балагуря, гуттаперчевыя перчатки; рядомъ съ нимъ, въ бѣломъ халатѣ, стоялъ профессоръ-хирургъ, въ клиникѣ котораго умерла женщина. На скамьяхъ, окружавшихъ амфитеатромъ секціонный столъ, тѣснились студенты.

Хирургъ замѣтно волновался; онъ нервно крутилъ усы и притворно-скучающимъ взглядомъ блуждалъ по рядамъ студентовъ; когда профессоръ-патологъ отпускалъ какую-нибудь шуточку, онъ спѣшилъ предупредительно улыбнуться; вообще въ его отношеніи къ патологу было что-то заискивающее, какъ у школьника передъ экзаменаторомъ. Я смотрѣлъ на него, и мнѣ странно было подумать,—неужели это тотъ самый грозный NN., который такимъ величественнымъ олимпійцемъ глядитъ въ своей клиникѣ?

— Отъ перитонита умерла?—коротко спросилъ патологъ.

— Да.

— Оперирована?

— Оперирована.

— Угу! — промычалъ патологъ, чуть дрогнувъ бровью, и приступилъ къ вскрытію.

Ассистентъ-прозекторъ сдѣлалъ на трупѣ длинный кожный разрѣзъ отъ подбородка до лоннаго сращенія. Патологъ осторожно вскрылъ брюшную полость и сталъ осматривать воспаленную брюшину и склеившіяся кишечныя петли... Хирургъ ужъ наканунѣ высказалъ намъ въ клиникѣ предполагаемую имъ причину смерти больной: опухоль, которую онъ хотѣлъ вырѣзать, оказалась сильно сращенною съ внутренностями; вѣроятно, при удаленіи этихъ сращеній былъ незамѣтно пораненъ кишечникъ, и это повело къ гнилостному воспаленію брюшины. Вскрытіе подтвердило его предположеніе. Патологъ отыскалъ пораненное мѣсто и, вырѣзавъ кусокъ кишки съ ранкою, послалъ его на тарелкѣ студентамъ. Студенты съ любопытствомъ разсматривали маленькую зловѣщую ранку, окруженную гнойнымъ налетомъ; хирургъ хмурился и крутилъ усы. Я съ пристальнымъ, злораднымъ вниманіемъ слѣдилъ за нимъ: вотъ онъ судъ, гдѣ безпощадно раскрываются и казнятся всѣ ихъ грѣхи и ошибки! Эта женщина пришла къ нему за помощью и именно благодаря его помощи лежала теперь передъ нами; интересно, знаютъ ли это близкіе умершей, объяснилъ ли имъ операторъ причину ея смерти?..

Вскрытіе кончилось. Въ своемъ эпикризѣ патологъ заявилъ, что перитонитъ былъ несомнѣнно вызванъ пораненіемъ кишечника, но что при той массѣ сращеній и перемычекъ, которыми изобиловала опухоль, замѣтить такое пораненіе было очень нелегко, и въ столь тяжелыхъ операціяхъ ни одинъ самый лучшій хирургъ не можетъ быть гарантированъ отъ несчастныхъ случайностей.

Профессора любезно пожали другъ другу руки и ушли. Студенты повалили къ выходу.

Странное и тяжелое впечатлѣніе произвело на меня это первое видѣнное мною вскрытіе. «Перитонитъ былъ вызванъ пораненіемъ кишечника; такое пораненіе трудно замѣтить; несчастныя случайности бываютъ у лучшихъ хирурговъ»... Какъ все это просто! Какъ будто рѣчь идетъ о неудавшемся химическомъ опытѣ, гдѣ вся суть только въ самой неудачѣ! Причины этой неудачи констатируются вполнѣ спокойно; виновникъ ея, если и волнуется, то волнуется лишь вслѣдствіе самолюбія... А между тѣмъ дѣло идетъ ни больше ни меньше, какъ о погубленной человѣческой жизни, о чемъ-то безмѣрно-страшномъ, гдѣ неизбѣжно долженъ стать вопросъ: смѣетъ ли подобный операторъ продолжать заниматься медициной? Врачъ, цѣлитель, убивающій больного! Вѣдь это такое вопіющее противорѣчіе, которое допустить прямо немыслимо. А между тѣмъ никто этого противорѣчія какъ будто и не замѣчалъ.

Я испытывалъ такое ощущеніе, какъ будто попалъ въ школу къ авгурамъ. Мы — тѣ же будущіе авгуры, насъ стѣсняться нечего,—и вотъ насъ посвящали въ изнанку дѣла; профаны могутъ возмущаться существованіемъ этой изнанки и ея рѣзкимъ отличіемъ отъ лицевой стороны, мы же должны пріучаться смотрѣть на дѣло «шире»...

Чѣмъ дальше шло теперь мое знакомство съ медициной, тѣмъ все больше усиливалось у меня то впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ перваго вскрытія. Въ клиникахъ, на теоретическихъ лекціяхъ, на вскрытіяхъ, въ учебникахъ,—вездѣ было то же самое. Рядомъ съ тою парадною медициною, которая лѣчитъ и воскрешаетъ и для которой я сюда поступилъ, передо мною все шире развертывалась другая медицина, — немощная, безсильная, ошибающаяся и лживая, берущаяся лѣчить болѣзни, которыхъ не можетъ опредѣлить, старательно опредѣляющая болѣзни, которыхъ завѣдомо не можетъ вылѣчить. Въ руководствахъ я встрѣчалъ описанія болѣзней, которыя оканчивались замѣчаніемъ: «діагнозъ этой болѣзни возможенъ лишь на секціонномъ столѣ», — какъ будто такой своевременный діагнозъ кому-нибудь нуженъ! Передъ нами выводили ребенка съ туберкулезнымъ pyo-pneumothorax'омъ; худой и изсохшій, съ торчащими костями и синюшнымъ лицомъ, онъ сидѣлъ, быстро и часто дыша; когда его клали на спину, онъ начиналъ кашлять такъ, что казалось, сейчасъ вывернутся всѣ его внутренности. Профессоръ съ серьезнымъ видомъ, какъ будто совершалъ что-то очень важное, опредѣлялъ у него границы тупости, степень смѣщенія средостѣнія и т. п. Я слѣдилъ за профессоромъ, затаивая усмѣшку: сколько трудовъ кладетъ онъ на изслѣдованіе, и все это лишь для того, чтобы въ концѣ концовъ сказать намъ, что больной безнадеженъ, и что вылѣчить его мы не въ состояніи! Какой въ такомъ случаѣ смыслъ въ самомъ діагнозѣ? Какъ этотъ діагнозъ ни будь тонокъ, все-таки по существу дѣла онъ сводится лишь къ мольеровскому: «они вамъ скажутъ по-латыни, что ваша дочь больна». Все это было жалко и смѣшно. Мнѣ вспомнилось опредѣленіе сути медицины, данное Мефистофелемъ:

Der Geist der Medizin ist leicht zu fassen:
Ihr durchstudirt die gross und kleine Welt,
Um es am Ende gehn zu lassen,
Wie's Gott gefällt *).

---

*) «Духъ медицины понять нетрудно: вы тщательно изучаете и большой и малый міръ, чтобы въ концѣ концовъ предоставить всему итти, какъ угодно Богу».

Въ лѣченіи болѣзней меня поражала чрезвычайная шаткость и неопредѣленность показаній, обиліе предлагаемыхъ противъ каждой болѣзни средствъ—и рядомъ съ этимъ крайняя неувѣренность въ дѣйствительности этихъ средствъ. «Лѣченіе аневризма аорты, — говорится, напримѣръ, въ руководствѣ Штрюмпеля: — до сихъ поръ даетъ еще очень сомнительные результаты; тѣмъ не менѣе въ каждомъ данномъ случаѣ мы въ правѣ испробовать тотъ или другой изъ рекомендованныхъ способовъ». «Чтобы предотвратить повтореніе припадковъ грудной жабы,—говорится тамъ же:—рекомендовано очень много средствъ: мышьякъ, сѣрнокислый цинкъ, азотнокислое серебро, бромистый калій, хининъ и другія. Попробовать какое-либо изъ этихъ средствъ не мѣшаетъ, но вѣрнаго успѣха обѣщать себѣ не слѣдуетъ». И такъ безъ конца. «Можно попробовать то-то», «нѣкоторые очень довольны тѣмъ-то», «не мѣшаетъ испытать то-то»... Я пришелъ сюда, чтобъ меня научили, какъ вылѣчить больного, а мнѣ предлагаютъ «пробовать», да еще безъ всякаго ручательства за успѣхъ!

То и дѣло мнѣ теперь приходилось узнавать вещи, которыя все больше колебали во мнѣ уваженіе и довѣріе къ медицинѣ. Фармакологія знакомила насъ съ цѣлымъ рядомъ средствъ, *завѣдомо* совершенно недѣйствительныхъ, и тѣмъ не менѣе рекомендовала намъ употреблять ихъ. Положимъ, намъ неясна болѣзнь паціента, и нужно выждать ея выясненія, или болѣзнь неизлѣчима, а симптоматическихъ показаній нѣтъ; «но вѣдь вы не можете оставить больного безъ лѣкарства», — и вотъ въ этихъ случаяхъ и слѣдовало назначать «безразличныя» средства; для подобныхъ назначеній въ медицинѣ существуетъ даже спеціальный терминъ: «прописать лѣкарство, *ut aliquid fiat*» (сокращенное вмѣсто «ut aliquid fieri videatur,—чтобы больному казалось, будто для него что-то дѣлаютъ»). И опять-таки профессоръ сообщалъ намъ все это съ самымъ серьезнымъ и невозмутимымъ видомъ; я смотрѣлъ ему въ глаза, смѣясь въ душѣ, и думалъ: «Ну, развѣ же ты не авгуръ? И развѣ мы съ тобой не разсмѣялись бы, подобно авгурамъ, если бы увидѣли, какъ нашъ больной поглядываетъ на часы, чтобъ не опоздать на десять минутъ съ пріемомъ назначенной ему жиденькой кислоты съ сиропомъ?..» Вообще, какъ я видѣлъ, въ медицинѣ существуетъ немало довольно-таки поучительныхъ «спеціальныхъ терминовъ»; есть, напримѣръ, терминъ: «ставить діагнозъ *ex juvantibus*, — на основаніи того, что̀ помогаетъ»: больному назначается извѣстное лѣченіе, и, если данное средство помогаетъ, значитъ, больной боленъ такою-то болѣзнью; второй шагъ дѣлается

раньше перваго, и вся медицина ставится вверхъ ногами: не зная болѣзни, больного лѣчатъ, чтобы на основаніи результатовъ лѣченія опредѣлить, отъ этой ли болѣзни слѣдовало его лѣчить!

Я начиналъ все больше проникаться полнѣйшимъ медицинскимъ нигилизмомъ, — тѣмъ нигилизмомъ, который такъ характеренъ для всѣхъ полузнаекъ. Мнѣ казалось, что я теперь понялъ всю суть медицины, понялъ, что въ ея владѣніи находится два-три дѣйствительныхъ средства, а все остальное—лишь «латинская кухня», «ut aliquid fiat», что съ своими жалкими и несовершенными средствами діагностики она блуждаетъ въ темнотѣ и только притворяется, будто что-нибудь знаетъ. Разговаривая о медицинѣ съ не-медиками, я многозначительно улыбался и говорилъ, что, сознаваясь откровенно, «вся наша медицина»—одно лишь шарлатанство.

Какимъ образомъ изъ всего, только-что описаннаго, могъ я сдѣлать такое рѣзкое и рѣшительное заключеніе? Мнѣ кажется, основаніемъ этому мнѣ послужило то очень распространенное мнѣніе, которое безсознательно раздѣлялъ и я: «ты — врачъ, значитъ, ты долженъ умѣть узнать и вылѣчить всякую болѣзнь; если же ты этого не умѣешь, то ты — шарлатанъ». Я закрывалъ глаза на средства и предѣлы науки, на то, что̀ она дѣлаетъ, и смѣялся надъ нею за то, что она не дѣлаетъ *всего*. Такъ именно и относится къ медицинѣ большинство недумающихъ людей... Въ 1893 году на петербургской гигіенической выставкѣ, въ числѣ другихъ патолого-анатомическихъ препаратовъ, былъ выставленъ «сердечный полипъ, случайно найденный при вскрытіи». Полипъ этотъ чрезвычайно разсмѣшилъ фельетониста одной большой петербургской газеты: вотъ, дескать, такъ эскулапы наши! Хорошія у нихъ бываютъ «случайныя» находки!.. Та же гигіеническая выставка, такъ много показавшая, что̀ даетъ медицина, для г. фельетониста не существуетъ: изъ всей выставки онъ видитъ только этотъ «случайно найденный полипъ» и обливаетъ за него презрѣніемъ врачей и медицину, даже не интересуясь узнать, *возможно* ли при жизни открыть такой полипъ. Для врачей не должно быть ничего невозможнаго, — вотъ точка зрѣнія, съ которой судитъ большинство: съ этой же точки зрѣнія судилъ и я.

Одинъ случай произвелъ во мнѣ полный переворотъ. Въ нашу хирургическую клинику поступила женщина лѣтъ подъ пятьдесятъ съ большою опухолью въ лѣвой сторонѣ живота. Кураторомъ къ этой больной былъ назначенъ я. На обязанности студента-куратора лежитъ изслѣдовать даннаго ему

больного, опредѣлить его болѣзнь и слѣдить за ея теченіемъ; когда больного демонстрируютъ студентамъ, кураторъ излагаетъ передъ аудиторіей исторію его болѣзни, сообщаетъ, что онъ нашелъ у него при изслѣдованіи, и высказываетъ свой діагнозъ; послѣ этого профессоръ указываетъ куратору на его промахи и недосмотры, подробно изслѣдуетъ больного и ставитъ свое распознаваніе. Опухоль у моей больной занимала всю лѣвую половину живота, отъ подреберья до подвздошной кости. Что это была за опухоль, изъ какого органа она исходила? Ни разспросъ больной ни изслѣдованіе ея не давали на это никакихъ, хоть сколько-нибудь ясныхъ указаній; съ совершенно одинаковою вѣроятностью можно было предположить кистому яичника, саркому забрюшинныхъ железъ, эхинококкъ селезенки, гидронефрозъ, ракъ поджелудочной железы. Я рылся во всевозможныхъ руководствахъ, и вотъ что находилъ въ нихъ:

Съ гидронефрозомъ очень легко смѣшать эхинококкъ почки; мы много разъ видѣли также мягкія саркоматозныя опухоли почекъ, относительно которыхъ мы были увѣрены, что имѣли дѣло съ гидронефрозомъ („Частная хирургія“ Тильманса).

Ракъ почки нерѣдко принимался за забрюшинныя опухоли железъ, опухоли яичника, селезенки, большіе подпоясничные нарывы и т. п. (Штрюмпель).

При кистахъ яичника встрѣчаются очень непріятныя діагностическія ошибки... Дифференціальное распознаваніе кисты яичника отъ гидронефроза оказывается наиболѣе опаснымъ подводнымъ камнемъ, такъ какъ гидронефрозъ, если онъ великъ, представляетъ при наружномъ изслѣдованіи совершенно такую же картину; поэтому подобнаго рода діагностическія ошибки очень нерѣдки („Гинекологія“ Шредера).

Клиническіе симптомы рака поджелудочной железы почти никогда не бываютъ настолько ясны, чтобъ можно было поставить вѣрный діагнозъ (Штрюмпель).

Скептически и враждебно настроенный къ медицинѣ, я съ презрительной улыбкой перечитывалъ эти признанія въ ея безсиліи и неумѣлости. Я какъ будто даже былъ доволенъ тѣмъ, что не могу оріентироваться въ моемъ случаѣ: моя ли вина, что наша, съ позволенія сказать, «наука» не даетъ мнѣ для этого никакой надежной руководящей нити? У моей больной опухоль живота,—вотъ все, что я могу сказать, если хочу отнестись къ дѣлу сколько-нибудь добросовѣстно; вырабатывать же изъ себя шарлатана я не имѣю никакого желанія и не стану «увѣренно» объявлять, что имѣю дѣло съ гидронефрозомъ, зная, что это легко можетъ оказаться и саркомой, и эхинококкомъ, и чѣмъ угодно.

Пришло время демонстрировать мою больную. Ее внесли на носилкахъ въ аудиторію. Меня вызвали къ ней. Я про-

челъ анамнезъ больной и изложилъ, что̀ нашелъ у ней при изслѣдованіи.

— Какой же вашъ діагнозъ?—спросилъ профессоръ.

— Не знаю,—отвѣтилъ я, насупившись.

— Ну, приблизительно?

Я молча пожалъ плечами.

— Случай, положимъ, дѣйствительно не изъ легкихъ,—сказалъ профессоръ и приступилъ самъ къ разспросу больной.

Сначала онъ предоставилъ самой больной разсказать объ ея болѣзни. Для меня ея разсказъ послужилъ основою всему моему изслѣдованію; профессоръ же придалъ этому разсказу очень мало значенія. Выслушавъ больную, онъ сталъ тщательно и подробно разспрашивать ее о состояніи ея здоровья до настоящей болѣзни, о началѣ заболѣванія, о всѣхъ отправленіяхъ больной въ теченіе болѣзни; и ужъ отъ одного этого умѣлаго разспроса картина получилась совершенно другая, чѣмъ у меня: передъ нами развернулся не рядъ безсвязныхъ симптомовъ, а совокупная жизнь больного организма во всѣхъ его отличіяхъ отъ здороваго. Послѣ этого профессоръ перешелъ къ изслѣдованію больной; онъ обратилъ наше вниманіе на консистенцію опухоли, на то, смѣщается ли она при дыханіи больной, находится ли въ связи съ маткою, какое положеніе она занимаетъ относительно нисходящей толстой кишки и т. д., и т. д. Наконецъ профессоръ приступилъ къ выводамъ. Онъ шелъ къ нимъ медленно и осторожно, какъ слѣпой, идущій по обрывистой горной тропинкѣ; ни одного самаго мелкаго признака онъ не оставилъ безъ строгаго и внимательнаго обсужденія; чтобъ объяснить какой-нибудь ничтожный симптомъ, на который я и вниманія-то не обратилъ, онъ ставилъ вверхъ дномъ весь огромный арсеналъ анатоміи, физіологіи и патологіи; онъ самъ шелъ навстрѣчу всѣмъ противорѣчіямъ и неясностямъ и отходилъ отъ нихъ, лишь добившись полнаго ихъ объясненія... И въ концѣ концовъ, когда, сопоставивъ добытыя данныя, профессоръ пришелъ къ діагнозу: «ракъ-мозговикъ лѣвой почки», — то это само собою вытекло изъ всего предыдущаго.

Я слушалъ, пораженный и восхищенный; такими жалкими и ребяческими казались мнѣ теперь и мое изслѣдованіе и весь мой скептицизмъ!.. Спутанная и неясная картина, въ которой, по-моему, было *невозможно* разобраться, стала совершенно ясной и понятной; и это было достигнуто на основаніи такихъ ничтожныхъ данныхъ, что смѣшно было подумать...

Черезъ недѣлю больная умерла. Опять, какъ тогда, на сек-

ціонномъ столѣ лежалъ трупъ, опять вокругъ двухъ профессоровъ тѣснились студенты, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за вскрытіемъ. Профессоръ-патологъ извлекъ изъ живота умершей опухоль величиною съ человѣческую голову, тщательно изслѣдовалъ ее и объявилъ, что передъ нами — *ракъ-мозговикъ лѣвой почки*... Мнѣ трудно передать то чувство восторженной гордости за науку, которое овладѣло мною, когда я услышалъ это. Я разсматривалъ лежавшую на деревянномъ блюдѣ мягкую, окровавленную опухоль, и вдругъ мнѣ припомнился нашъ деревенскій староста Власъ, ярый ненавистникъ медицины и врачей. «Какъ доктора могутъ знать, что̀ у меня въ нутрѣ дѣлается? Нешто они могутъ видѣть насквозь?»—спрашивалъ онъ съ презрительной усмѣшкой. Да, тутъ видѣли именно насквозь...

Отношеніе мое къ медицинѣ рѣзко измѣнилось. Приступая къ ея изученію, я ждалъ отъ нея *всего*; увидѣвъ, что всего медицина дѣлать не можетъ, я заключилъ, что она не можетъ дѣлать *ничего*; теперь я видѣлъ, какъ *много* все-таки можетъ она, и это «многое» преисполняло меня довѣріемъ и уваженіемъ къ наукѣ, которую я такъ еще недавно презиралъ до глубины души.

Вотъ передо мною больной; онъ лихорадитъ и жалуется на боли въ боку; я выстукиваю бокъ: притупленіе звука показываетъ, что въ этомъ мѣстѣ грудной клѣтки легочный воздухъ замѣненъ болѣзненнымъ выдѣленіемъ; но гдѣ именно находится это выдѣленіе,—въ легкомъ или въ полости плевры? Я прикладываю руку къ боку больного и заставляю его громко произнести: «разъ, два, три!». Голосовая вибрація грудной клѣтки на больной сторонѣ оказывается ослабленною; это обстоятельство съ такою же вѣрностью, какъ если бы я видѣлъ все собственными глазами, говоритъ мнѣ, что выпотъ находится не въ легкихъ, а въ полости плевры.—У больного парализована лѣвая нога; я ударяю ему молоточкомъ по колѣнному сухожилію,—нога высоко вскидывается; это указываетъ на то, что пораженіе лежитъ не въ периферическихъ нервахъ, а гдѣ-нибудь выше ихъ выхода изъ спинного мозга; но гдѣ именно? Я тщательно изслѣдую, сохранила ли кожа свою чувствительность, поражены ли другія конечности, правильно ли функціонируютъ головные нервы и пр.,—и могу наконецъ съ полною увѣренностью сказать: пораженіе, вызвавшее въ данномъ случаѣ параличъ лѣвой ноги, находится въ корѣ центральной извилины праваго мозгового полушарія, недалеко отъ темени... Какая громадная, многовѣковая подготовительная работа была нужна для того, чтобъ выработать такіе на видъ простые пріемы изслѣдованія, сколько для этого требовалось наблюда-

тельности, генія, труда и знанія! И какія большія области уже завоеваны наукою! Выслушивая сердце, можно съ точностью опредѣлить, какой именно изъ его четырехъ клапановъ дѣйствуетъ неправильно, и въ чемъ заключается причина этой неправильности, — въ сращеніи клапана или его недостаточности; соотвѣтственными зеркалами мы въ состояніи осмотрѣть внутренность глаза, носо-глоточное пространство, гортань, влагалище, даже мочевой пузырь и желудокъ; невидимая, загадочная и непонятная «зараза» разгадана; мы можемъ теперь приготовлять ее въ чистомъ видѣ въ пробиркѣ и разсматривать подъ микроскопомъ. При акушерствѣ съ почти математическою точностью изученъ весь сложный механизмъ родовъ, опредѣлены всѣ факторы, обусловливающіе тотъ или иной поворотъ младенца, и искусственные пріемы помощи строго согласуются съ этимъ сложнымъ естественнымъ движеніемъ... Ребенку выжигаютъ раскаленнымъ желѣзомъ носовыя раковины, предварительно смазавъ ихъ кокаиномъ: живое тѣло шипитъ, кругомъ пахнетъ горѣлымъ мясомъ, а ребенокъ сидитъ, улыбаясь и спокойно выдыхая изъ ноздрей дымъ...

Но всего не перечислить. Конечно, многое, еще очень многое не достигнуто, но все это лишь вопросъ времени, и намъ трудно себѣ даже представить, какъ далеко пойдетъ наука. Вѣдь еще нѣсколько лѣтъ назадъ показалась бы нелѣпостью самая мыслѣ о томъ, что человѣческое тѣло возможно въ буквальномъ смыслѣ видѣть насквозь; теперь же, благодаря Рентгену, эта нелѣпость стала дѣйствительностью. Сорокъ лѣтъ назадъ у хирурговъ *три четверти* оперированныхъ умирало отъ гнойнаго зараженія; гнойное зараженіе было проклятіемъ хирургіи, о которое разбивалось все искусство оператора. «Я ничего положительнаго не знаю сказать объ этой страшной казни хирургической практики,—съ отчаяніемъ писалъ Пироговъ въ 1854 году.—Въ ней все загадочно: и происхожденіе и образъ развитія. До сихъ поръ она въ такой же степени неизлѣчима, какъ ракъ».—«Если я оглянусь на кладбища,— пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ: — гдѣ схоронены зараженные въ госпиталяхъ, то не знаю, чему болѣе удивляться: стоицизму ли хирурговъ, занимающихся еще изобрѣтеніемъ новыхъ операцій, или довѣрію, которымъ продолжаютъ еще пользоваться госпитали у общества»... Явился Листеръ, ввелъ антисептику, она смѣнилась еще болѣе совершенною асептикою, и хирурги изъ безсильныхъ рабовъ гнойнаго зараженія стали его господами; въ настоящее время, если оперированный умираетъ отъ гнойнаго зараженія, то въ большинствѣ случаевъ виновата въ этомъ ужъ не наука, а операторъ.

Если ужъ въ настоящее время сдѣлано такъ много, то что же дастъ наука въ будущемъ! Передо мною раскрывались такія свѣтлыя перспективы, что становилось весело за жизнь и за человѣка. Истинная дорога найдена, и свернуть съ нея ужъ невозможно. Natura parendo vincitur,—природу побѣждаетъ тотъ, кто ей повинуется; будутъ поняты всѣ ея законы, и человѣкъ станетъ надъ нею неограниченнымъ властелиномъ. Тогда исчезнетъ и теперешнее одностороннее лѣченіе и искусственное предупрежденіе болѣзней: человѣкъ научится развивать и дѣлать непобѣдимыми цѣлебныя силы своего собственнаго организма, ему не будутъ страшны ни зараза ни простуда, не будутъ нужны ни очки ни пломбировка зубовъ, не будутъ извѣстны ни мигрени ни неврастеніи. Будутъ сильные, счастливые и здоровые люди, и они будутъ рождаться отъ сильныхъ и здоровыхъ женщинъ, которыя не будутъ знать ни акушерскихъ щипцовъ, ни хлороформа, ни спорыньи.

Чѣмъ дальше шло теперь мое знакомство съ медициной, тѣмъ больше она привлекала меня къ себѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ меня все больше поражало, какой колоссальный кругъ наукъ включаетъ въ себя ея изученіе; это обстоятельство сильно смущало меня. Каждый день приносилъ съ собою такую массу новыхъ, совершенно разнородныхъ, но одинаково необходимыхъ знаній, что голова шла кругомъ; заняты мы были съ утра до вечера, не было времени читать не только что-либо постороннее, но даже по той же медицинѣ. Это была какая-то горячка, какое-то лихорадочное метаніе изъ клиники въ клинику, съ лекціи на лекцію, съ курса на курсъ; какъ въ быстро поворачиваемомъ калейдоскопѣ, передъ нами смѣнялись самыя разнообразныя вещи: резекція колѣна, лекція о свойствахъ наперстянки, безумныя рѣчи паралитика, наложеніе акушерскихъ щипцовъ, значеніе Сиденгама въ медицинѣ, зондированіе слезныхъ каналовъ, способы окрашиванія леффлеровыхъ бациллъ, мѣстонахожденіе подключичной артеріи, массажъ, признаки смерти отъ задушенія, стригущій лишай, системы вентиляціи, теоріи блѣдной немочи, законы о домахъ терпимости и т. д., и т. д. Все это приходилось воспринимать совершенно механически; желаніе продумать воспринятое, остановиться на томъ или другомъ падало подъ напоромъ сыпавшихся все новыхъ и новыхъ знаній; и эти новыя знанія приходилось складывать въ себѣ такъ же механически и утѣшаться мыслью: «потомъ, когда у меня будетъ больше времени, я все это обдумаю и приведу въ порядокъ». А между тѣмъ полученныя впечатлѣнія постепенно блѣднѣли, поднявшіеся

вопросы забывались и утрачивали интересъ, усвоеніе становилось поверхностнымъ и ученическимъ.

Думать и дѣйствовать самостоятельно намъ въ теченіе всего нашего курса почти не приходилось. Профессора на нашихъ глазахъ искусно справлялись съ самыми трудными операціями, систематически рѣшали сложныя загадки, именуемыя больными людьми, а мы... мы слушали и смотрѣли; все казалось простымъ, стройнымъ и очевиднымъ. Но если мнѣ случайно попадался больной на сторонѣ, то каждый разъ оказывалось что-нибудь, что̀ ставило меня въ совершенный тупикъ. Вначалѣ меня это не огорчало: вѣдь я еще студентъ, многаго еще не знаю,—узна̀ю я это впереди. Но время шло, знанія мои пріумножались; былъ оконченъ пятый курсъ, ужъ начались выпускные экзамены, а я чувствовалъ себя попрежнему безпомощнымъ и неумѣлымъ, неспособнымъ ни на какой сколько-нибудь самостоятельный шагъ. Между тѣмъ я видѣлъ, что стою ничуть не ниже моихъ товарищей; напротивъ, я стоялъ выше большинства... Что̀ же выйдетъ изъ насъ?

Выпускные экзамены тянулись около четырехъ мѣсяцевъ. На медицинскомъ факультетѣ экзамены эти особенно трудны вслѣдствіе подавляющей массы предметовъ. Въ теченіе курса я занимался много и обладаю хорошими способностями; тѣмъ не менѣе мнѣ приходилось во время экзаменовъ работать по десяти-двѣнадцати часовъ въ сутки. Знанія требовались громадныя, и по крайней мѣрѣ три четверти изъ нихъ представляли совершенно ненужный балластъ, который по сдачѣ экзамена немедленно выбрасывался изъ памяти. Для большинства профессоровъ ихъ спеціальность заслоняетъ собою все остальное, и они отдѣляютъ въ ней важное отъ неважнаго, не поднимаясь выше своей спеціальности. Одинъ мой товарищъ «провалился» по анатоміи, потому что не зналъ, одѣта ли поджелудочная железа брюшиною, — вопросъ, для анатома очень интересный, но для врача не имѣющій рѣшительно никакого значенія. Нужно было знать, что лейцинъ есть параоксифениламидобензойная кислота, нужно было умѣть перечислить названія нѣсколькихъ десятковъ суррогатовъ молока, при чемъ каждое изъ этихъ названій было для насъ пустымъ звукомъ; нужно было знать всѣ химическія реакціи на атропинъ,—реакціи, изъ которыхъ сами мы не продѣлали ни одной.

Еще важнѣе было знать коньки каждаго экзаменатора, — коньки, часто удивительно-безсмысленные. Тотъ, кто не зналъ этихъ коньковъ, проваливался навѣрняка. Любимымъ вопросомъ одного профессора былъ слѣдующій: «у какого животнаго,

если ему поставить клизму, вода пойдетъ черезъ ротъ?» Профессоръ общей терапіи задалъ мнѣ на экзаменѣ вопросъ: «какая разница въ томъ, примете ли вы ложку холодной воды внутрь, или выльете ее себѣ на голову?» Тотъ, кто говорилъ профессору-дерматологу, что проказа заразительна, получалъ неудовлетворительную отмѣтку; у профессора общей хирургіи неудовлетворительную отмѣтку получалъ тотъ, кто говорилъ, что проказа не заразительна. Вообще исходъ экзамена вполнѣ зависѣлъ отъ личности и характера экзаменатора: «добрый» профессоръ пропускалъ во врачи студента, который трехмѣсячному ребенку назначалъ пять капель опійной настойки,— строгій проваливалъ студента, который не зналъ, какими дѣйствіями обладаетъ нарцеинъ,—совершенно ничтожная составная часть того же опія.

Такая чисто-школьная постановка дѣла превращаетъ экзамены въ уродливую и очень неумную комедію; вмѣсто дѣйствительныхъ знаній, которыми долженъ обладать всякій врачъ, на экзаменахъ требуется невообразимая мѣшанина, помнить которую возможно только для экзамена. Когда-то Вирховъ мечталъ о томъ, чтобъ всѣ врачи черезъ опредѣленные промежутки лѣтъ подвергались повторнымъ экзаменамъ; при настоящемъ положеніи дѣла проектъ этотъ, самъ по себѣ чрезвычайно разумный, совершенно неосуществимъ: вездѣ у насъ экзамены поставлены такъ, что сдать ихъ могутъ только юнцы съ молодою памятью, хотя бы они при этомъ не обладали никакою врачебною опытностью и никакими сколько-нибудь основательными врачебными знаніями

Особенно рѣзко обстоятельство это бросается въ глаза при экзаменахъ на доктора медицины; на этихъ экзаменахъ требуется то же, что и на врачебныхъ, только въ еще большемъ объемѣ. Получается странное явленіе: я знаю одного стараго врача, выдающагося практика, въ то же время хорошо извѣстнаго и въ наукѣ своими учеными трудами; чтобы получить мѣсто главнаго врача больницы, ему нужно имѣть степень доктора: но онъ уже неспособенъ на зазубриваніе всѣхъ школьныхъ премудростей, требуемыхъ для экзамена, и остается «лѣкаремъ». Между тѣмъ многіе изъ моихъ товарищей,— люди научно-необразованные и совершенно неопытные,—сейчасъ же послѣ лѣкарскихъ экзаменовъ, на свѣжую память, приступили къ докторскимъ — и легко получили «ученую степень» доктора. Такая профанація ученой степени существуетъ у насъ только по отношенію къ медицинѣ: докторъ исторіи или математики, не бросившій своего предмета, въ любой моментъ сможетъ сдать экзаменъ по своей спеціальности; вся-

кій выдающійся ученый по исторіи или мамематикѣ легко сможетъ, если захочетъ, получить ученую степень. Докторъ же медицины, если его экспромптомъ поставить черезъ пять лѣтъ снова на экзаменъ, долженъ будетъ лишиться своей степени; съ другой стороны, ни одинъ выдающійся врачъ не сможетъ безъ долгой подготовки сдать экзамена на ученую степень,— развѣ только экзаменаторы, во вниманіе къ его заслугамъ, отнесутся къ нему «снисходительно», т.-е. будутъ требовать отъ него дѣйствительнаго пониманія медицины, а не знанія на-зубокъ ни на что ненужныхъ мелочей.

IV.

Выпускные экзамены кончились. Насъ пригласили въ актовую залу; мы подписали врачебную клятву и получили дипломы. Въ дипломахъ этихъ, украшенныхъ государственнымъ гербомъ и большою университетскою печатью, удостовѣрялось, что мы съ успѣхомъ сдали всѣ испытанія, какъ теоретическія, такъ и практическія, и что медицинскій факультетъ призналъ насъ достойными степени лѣкаря, «со всѣми правами и преимуществами, сопряженными по закону съ этимъ званіемъ».

Съ тяжелымъ и нерадостнымъ чувствомъ покидалъ я нашу alma mater. То, что̀ въ теченіе послѣдняго курса я начиналъ сознавать все яснѣе, теперь встало предо мной во всей своей наготѣ: я, обладающій какими-то отрывочными, совершенно неусвоенными и непереваренными знаніями, привыкшій только смотрѣть и слушать, а отнюдь не дѣйствовать, не знающій, какъ подступиться къ больному, я—врачъ, къ которому больные станутъ обращаться за помощью! Да что̀ буду я въ состояніи дать имъ?.. Всѣ мои товарищи испытывали то же самое, что̀ я. Мы съ горькою завистью смотрѣли на тѣхъ счастливцевъ, которые были оставлены ординаторами при клиникахъ: они могли продолжать учиться, имъ предстояло работать не на свой страхъ, а подъ руководствомъ опытныхъ и умѣлыхъ профессоровъ. Мы же, всѣ остальные, — мы должны были итти въ жизнь самостоятельными врачами, не только съ «правами и преимуществами», но и съ *обязанностями*, «сопряженными по закону съ этимъ званіемъ»...

Нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей посчастливилось попасть въ больницы; другіе поступили въ земство; третьимъ, въ томъ числѣ и мнѣ, пристроиться никуда не удалось, и намъ осталось одно—попытаться жить частной практикой.

Я поселился въ небольшомъ губернскомъ городѣ средней Россіи. Пріѣхалъ я туда въ исключительно-благопріятный мо-

ментъ: незадолго передъ тѣмъ умеръ жившій на окраинѣ города врачъ, имѣвшій довольно большую практику. Я нанялъ квартиру въ той же мѣстности, вывѣсилъ на дверяхъ дощечку: «докторъ такой-то», и сталъ ждать больныхъ.

Я ждалъ ихъ — и въ то же время больше всего боялся именно того, чтобы они не явились. Каждый звонокъ заставлялъ испуганно биться мое сердце, и я съ облегченіемъ вздыхалъ, узнавъ, что звонился не больной. Сумѣю ли я поставить діагнозъ, сумѣю ли назначить лѣченіе? Знанія мои были далеко не настолько прочны, чтобы я чувствовалъ себя способнымъ пользоваться ими экспромптомъ. Хорошо, если у больного окажется такая болѣзнь, при которой можно будетъ ждать: тогда я пропишу что-нибудь безразличное и потомъ справлюсь дома, что̀ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ дѣлать. Но если меня позовутъ къ больному, которому нужна немедленная помощь? Вѣдь къ такимъ-то именно больнымъ начинающихъ врачей обыкновенно и зовутъ... Что̀ я тогда стану дѣлать?

Есть книга д-ра Луи Блау: «Діагностика и терапія при угрожающихъ опасностью болѣзненныхъ симптомахъ». Я купилъ эту книгу и всю ее проконспектировалъ въ свою записную книжку, дополнивъ конспектъ кое-чѣмъ изъ учебниковъ. Всякая болѣзнь была по симптомамъ подведена мною подъ рубрики, въ такомъ, напримѣръ, родѣ: *Сильная одышка*, — 1) крупъ, 2) ложный крупъ, 3) отекъ гортани, 4) спазмъ гортани, 5) бронхіальная астма, 6) отекъ легкихъ, 7) крупозная пнеймонія, 8) уремическая астма, 9) плевритъ 10) пнеймотораксъ. При каждой изъ болѣзней были перечислены ея симптомы и указано соотвѣтственное лѣченіе. Этотъ конспектъ сослужилъ мнѣ большую службу, и я долго еще, года два, не могъ обходиться безъ его помощи. Когда меня звали къ больному съ сильною одышкою, я, подъ предлогомъ записи больного, раскрывалъ записную книжку, смотрѣлъ, подъ какую изъ перечисленныхъ болѣзней подходитъ его болѣзнь, и назначалъ соотвѣтственное лѣченіе.

Въ той мѣстности, гдѣ я поселился, по близости врачей не было; понемногу больные стали обращаться ко мнѣ; вскорѣ среди мѣстныхъ обывателей у меня образовалась практика, для начинающаго врача сравнительно недурная.

Между прочимъ, я лѣчилъ жену одного сапожника, женщину лѣтъ тридцати; у нея была дизентерія. Дѣло шло хорошо, и больная уже поправлялась, какъ вдругъ однажды утромъ у нея появились сильнѣйшія боли въ правой сторонѣ живота. Мужъ немедленно побѣжалъ за мною. Я изслѣдовалъ больную: весь животъ былъ при давленіи болѣзненъ, область же печени

была болѣзненна до того, что до нея нельзя было дотронуться; желудокъ, легкія и сердце находились въ порядкѣ, температура была нормальна. Что это могло быть? Я перебиралъ въ памяти всевозможныя заболѣванія печени и не могъ остановиться ни на одномъ; всего естественнѣе было поставить новое заболѣваніе въ связь съ существовавшею уже болѣзнью; при дизентеріи иногда встрѣчаются нарывы печени; но противъ нарыва говорила нормальная температура. Впрыснувъ больной морфій, я ушелъ въ полномъ недоумѣніи. Къ вечеру температура съ потрясающимъ ознобомъ поднялась до 40°, у больной появилась легкая одышка, а боли въ печени стали еще сильнѣе. Теперь для меня не было сомнѣнія: какъ слѣдствіе дизентеріи, у больной образуется нарывъ печени; опухшая печень давитъ на легкое, и этимъ объясняется одышка. Я былъ очень доволенъ тонкостью своего діагноза.

Но разъ у больной нарывъ печени, то необходима операція (въ клиникѣ это такъ легко сказать!). Я сталъ уговаривать мужа помѣстить жену въ больницу; я говорилъ ему, что положеніе крайне серьезно, что у больной—нарывъ во внутренностяхъ, и что, если онъ вскроется въ брюшную полость, то смерть неминуема. Мужъ долго колебался, но наконецъ внялъ моимъ убѣжденіямъ и свезъ жену въ больницу.

Черезъ два дня я пошелъ справиться о состояніи больной. Прихожу въ больницу, вызываю палатнаго ординатора. Оказывается, у моей больной... *крупозное воспаленіе легкихъ!* Я не вѣрилъ ушамъ. Ординаторъ провелъ меня въ палату и показалъ больную... Я вспомнилъ, что даже не догадался спросить ее о кашлѣ, даже не изслѣдовалъ вторично ея легкихъ, такъ я обрадовался ознобу, и такъ ясно показался онъ мнѣ говорящимъ за мой діагнозъ; правда, мнѣ приходила въ голову мысль, что легкія не мѣшало бы изслѣдовать еще разъ; но больная такъ кричала при каждомъ движеніи, что я прямо не рѣшался поднять ее, чтобы какъ слѣдуетъ выслушать.

— Но вѣдь у нея сильно болѣзненны печень и весь животъ,—въ смущеніи сказалъ я.

— Да, печень немного болѣзненна,—отвѣтилъ врачъ:—хотя болѣе болѣзненна правая плевра.

— Да и весь животъ болѣзненъ.

Я чуть дотронулся до ея живота,—больная вскрикнула. Ординаторъ вступилъ съ нею въ разговоръ, сталъ разспрашивать, какъ она провела ночь, и постепенно всю руку погрузилъ въ ея животъ, такъ что больная даже не замѣтила.

— Ну-ка, матушка, сядь,—сказалъ онъ.

— Охъ, не могу!

— Ну-ну, пустяки! Садись!

И она сѣла. И ее можно было выстукать, выслушать, и я увидѣлъ типическую крупозную пнеймонію, типичнѣе которой ничего не могло быть...

Какъ могъ я такъ поверхностно и небрежно произвести изслѣдованіе? Вѣдь необходимо каждаго больного, на что бы онъ ни жаловался, изслѣдовать съ головы до ногъ,—это намъ не уставали твердить всѣ наши профессора. Да, они намъ твердили это достаточно, и на экзаменѣ я сумѣлъ бы привести массу примѣровъ, самымъ неопровержимымъ образомъ доказывающихъ необходимость слѣдовать этому правилу. Но теорія—одно, а практика—другое: на дѣлѣ мнѣ было прямо смѣшно начать изслѣдовать носъ, глаза и пятки у больного, который жаловался, напримѣръ, на разстройство желудка. Правила, подобныя указанному, усваиваются лишь однимъ путемъ,—когда не теорія, а собственный опытъ заставитъ почувствовать и сознать всю ихъ практическую важность. Собственный же опытъ былъ намъ въ клиникахъ совершенно недоступенъ.

Характерно также то, что въ своемъ распознаваніи я остановился на самой рѣдкой изъ всѣхъ болѣзней, которыя можно было предположить. И въ моей практикѣ это было не единичнымъ случаемъ: кишечныя колики я принималъ за начинающійся перитонитъ; гдѣ былъ геморрой, я открывалъ ракъ прямой кишки, и т. п. Я былъ очень мало знакомъ съ обыкновенными болѣзнями,—мнѣ прежде всего приходила въ голову мысль о видѣнныхъ мною въ клиникахъ самыхъ тяжелыхъ, рѣдкихъ и «интересныхъ» случаяхъ.

Тѣмъ не менѣе при распознаваніи болѣзней я все-таки еще хоть сколько-нибудь могъ чувствовать подъ ногами почву: діагнозы ставились въ клиникахъ на нашихъ глазахъ, и если сами мы принимали въ ихъ постановкѣ очень незначительное участіе, то, по крайней мѣрѣ, *видѣли* достаточно. Но что̀ было для меня ужъ совершенно невѣдомою областью, это—теченіе болѣзней и дѣйствіе на нихъ различныхъ лѣчебныхъ средствъ; съ тѣмъ и другимъ я былъ знакомъ исключительно изъ книгъ; если одного и того же больного за время его болѣзни намъ демонстрировали четыре-пять разъ, то это было ужъ хорошо. Въ теченіе всего моего студенчества систематически слѣдить за ходомъ болѣзни я имѣлъ возможность только у тѣхъ десяти-пятнадцати больныхъ, при которыхъ состоялъ кураторомъ; а это все равно, что ничего.

Однажды, мѣсяца черезъ два послѣ начала моей практики, я получилъ приглашеніе пріѣхать къ женѣ одного суконнаго фабриканта; это былъ первый случай, когда меня позвали въ

богатый домъ: до того времени практика моя ограничивалась ремесленниками, мелкими торговцами, офицерскими вдовами и т. п.

— Вы, докторъ, давно кончили курсъ?—былъ первый вопросъ, съ которымъ ко мнѣ обратилась больная,—молодая и интеллигентная дама лѣтъ подъ тридцать.

Мнѣ очень хотѣлось сказать: «два года», но было неловко, я я сказалъ правду.

— Ну, вотъ, я очень рада!—удовлетворенно произнесла больная.—Вы, значитъ, стоите на высотѣ науки; откровенно говоря, я гораздо больше вѣрю молодымъ врачамъ, чѣмъ всѣмъ этимъ «извѣстностямъ»: тѣ все перезабыли и только стараются гипнотизировать насъ своею извѣстностью.

У больной оказался острый сочленовный ревматизмъ, какъ разъ такая болѣзнь, противъ которой медицина имѣетъ вѣрное, специфическое средство въ видѣ салициловой кислоты. Для начала практики нельзя было желать случая, болѣе благопріятнаго.

— Долго, докторъ, протянется ея болѣзнь?—спросилъ меня въ передней мужъ больной.

— Нѣ-ѣтъ,—отвѣтилъ я.—Теперь съ каждымъ днемъ боли будутъ меньше, состояніе будетъ улучшаться. Только слѣдите за тѣмъ, чтобъ лѣкарство принималось аккуратно.

Черезъ два дня я получилъ отъ него записку: «Милостивый государь! Женѣ моей не только не стало лучше, но ей совсѣмъ плохо. Будьте добры пріѣхать».

Я пріѣхалъ. У больной раньше были поражены правое колѣно и лѣвая ступня; теперь къ этому присоединились боли въ лѣвомъ плечевомъ суставѣ и лѣвомъ колѣнѣ. Больная встрѣтила меня холоднымъ и враждебнымъ взглядомъ.

— Вотъ, докторъ, вы говорили, что скоро все пройдетъ,—сказала она.—У меня вовсе не проходитъ, а, напротивъ, становится все хуже. Такія страшныя боли,—Господи! Я и не думала, что возможны такія страданія!

Вотъ тебѣ и салициловый натръ,—специфическое средство...: Я молча сталъ снимать вату съ пораженныхъ суставовъ, смазанныхъ мазью изъ хлороформа и вазелина.

— Что это, мазь ли пахнетъ мертвечиной, или ужъ я начинаю заживо разлагаться?—ворчала больная.—Умирать, такъ умирать, мнѣ все равно, но только почему это такъ мучительно?

— Полноте, сударыня, ну можно ли такъ падать духомъ!—сказалъ я.—Тутъ никакой и рѣчи не можетъ быть о смерти,—скоро вы будете совершенно здоровы.

— Ну да, вы мнѣ это говорите для того, чтобы меня утѣшить... А долго я, въ такомъ случаѣ, буду еще мучиться?

Я далъ неопредѣленный отвѣтъ и обѣщался прійти завтра.

Назавтра боли значительно уменьшились, температура опустилась, больная смотрѣла бодро и весело. Она горячо пожала мнѣ руку.

— Ну, кажется, наконецъ начинаю поправляться! — сказала она. — Ужъ надоѣла же я вамъ, докторъ,—признайтесь! Такая нетерпѣливая, просто срамъ! Ужъ меня мужъ и то стыдитъ... Скажите, теперь можно надѣяться, что пойдетъ на выздоровленіе?

— Безусловно!.. Вы хотѣли, чтобы салициловый натръ подѣйствовалъ моментально, — это невозможно. Такъ быстро, какъ вы желали, онъ не дѣйствуетъ, но зато дѣйствуетъ вѣрно. Только пока, во всякомъ случаѣ, продолжайте еще принимать его.

— Я очень потѣю отъ него, — ночью пришлось смѣнить три рубашки.

— А звону въ ушахъ нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ продолжайте, если не хотите, чтобъ процессъ снова обострился.

— Ой, нѣтъ, нѣтъ, не хочу!—засмѣялась она.—Лучше готова смѣнить хоть десять рубашекъ.

Пріѣзжаю на слѣдующій день, вхожу къ больной. Она даже не пошевельнулась при моемъ приходѣ; наконецъ неохотно повернула ко мнѣ голову; лицо ея спалось, подъ глазами были синіе круги.

— А у меня, докторъ, боли появились въ правомъ плечѣ!— медленно произнесла она, съ ненавистью глядя на меня. — Всю ночь не могла заснуть отъ боли, хотя очень аккуратно принимала вашу салицилку. Для васъ это, не правда ли, очень неожиданно?

Увы, совершенно вѣрно! Для меня это было очень неожиданно... Я, можетъ-быть, поступилъ легкомысленно, обѣщавъ съ самаго начала быстрое излѣченіе: учебники мои оговаривались, что иногда салициловый натръ остается при ревматизмѣ недѣйствительнымъ; но чтобъ, разъ начавшись, дѣйствіе его ни съ того ни съ сего способно было прекратиться,—этого я совершенно не предполагалъ. Книги не могли излагать дѣла иначе, какъ схематически, но могъ ли и я, руководствовавшійся исключительно книгами, быть не схематичнымъ?

При прощаніи меня больше не просили приходить. Какъ это ни было для меня оскорбительно, но въ душѣ я былъ радъ, что отдѣлался отъ своей паціентки: измучила она меня чрезвычайно.

Впрочемъ, мало радостей давала мнѣ и вообще моя практика. Я теперь постоянно находился въ страшно нервномъ состояніи. Какъ ни низко цѣнилъ я свои врачебныя знанія, но, когда дошло до дѣла, мнѣ пришлось убѣдиться, что я оцѣнивалъ ихъ все-таки слишкомъ высоко. Почти каждый случай съ такою наглядностью раскрывалъ передо мною все съ новыхъ и новыхъ сторонъ всю глубину моего невѣжества и неподготовленности, что у меня опускались руки. Полученныя мною въ университетѣ знанія представляли собою хаотическую груду, въ которой я не могъ оріентироваться и передъ которою стоялъ въ полнѣйшей безпомощности. Моя книжная, отвлеченная наука, не провѣренная мною въ жизни, постоянно обманывала меня; въ ея твердыя и неподвижныя формы никакъ не могла уложиться живая жизнь, а сдѣлать эти формы эластичными и подвижными я не умѣлъ. Въ своихъ діагнозахъ и предсказаніяхъ насчетъ дальнѣйшаго теченія болѣзни я то и дѣло ошибался такъ, что боялся показаться паціентамъ на глаза. Когда меня спрашивали, какого вкуса будетъ прописываемое мною лѣкарство, я не зналъ, что̀ отвѣтить, потому что самъ не только никогда не пробовалъ его, но даже и не видалъ. Я приходилъ въ ужасъ при одной мысли, — что̀, если меня позовутъ на роды? За время моего пребыванія въ университетѣ я видѣлъ всего лишь пятеро родовъ, и единственное, что̀ я въ акушерствѣ зналъ твердо, — это то, съ какими опасностями сопряжено веденіе родовъ неопытною рукою... Жизнь больного человѣка, его душа были мнѣ совершенно неизвѣстны; мы баричами посѣщали клиники, проводя у постели больного по десяти-пятнадцати минутъ; мы съ грѣхомъ пополамъ изучали *болѣзни*, но о больномъ *человѣкѣ* не имѣли даже самаго отдаленнаго представленія.

Но что̀ ужъ говорить о такихъ тонкостяхъ, какъ психологія больного человѣка. Мнѣ то и дѣло приходилось становиться втупикъ передъ самыми простыми вещами, я не зналъ и не умѣлъ дѣлать того, что̀ знаетъ любая больничная сидѣлка. Я говорилъ окружавшимъ: «Поставьте больному клизму, положите припарку», и боялся, чтобъ меня не вздумали спросить: «А какъ это нужно сдѣлать?» Такихъ «мелочей» намъ не показывали; вѣдь это—дѣло фельдшеровъ, сидѣлокъ, а врачъ долженъ только отдать соотвѣтственное приказаніе. Но въ моемъ распоряженіи не было ни фельдшеровъ ни сидѣлокъ, а окружавшіе обращались за указаніями ко мнѣ... Пришлось отложить въ сторону большія, «серьезныя» руководства и взяться за книги въ родѣ «Ухода за больными» Бильрота,—

учебника, предназначеннаго для сестеръ милосердія. И я, на выпускномъ экзаменѣ артистически сдѣлавшій на трупѣ ампутацію колѣна по Сабанѣеву, — я теперь старательно изучалъ, какъ нужно поднять слабаго больного и какъ поставить мушку.

Недалеко отъ меня жилъ на покоѣ отказавшійся отъ практики старикъ-докторъ Иванъ Семеновичъ N. Если до него случайно дойдутъ эти строки, то пусть онъ лишній разъ приметъ отъ меня горячую благодарность за участіе, которое онъ проявлялъ ко мнѣ въ то тяжелое для меня время. Я откровенно разсказывалъ ему о своихъ недоумѣніяхъ и ошибкахъ, совѣтовался обо всемъ, чего не понималъ, даже таскалъ его къ своимъ паціентамъ; съ чисто-отеческою отзывчивостью Иванъ Семеновичъ всегда былъ готовъ прійти ко мнѣ на помощь и своими знаніями, и опытностью, и всѣмъ, чѣмъ могъ. И каждый разъ, когда мы съ нимъ стояли у постели больного, онъ — спокойный, находчивый и увѣренный въ себѣ, и я—безпомощный и робкій, мнѣ казалось вопіющей безсмыслицей, что оба мы съ нимъ—равноправные товарищи, имѣющіе одинаковые дипломы.

Я лѣчилъ одного мелочного лавочника. У него былъ очень тяжелый сыпной тифъ, осложнившійся правостороннимъ паротитомъ (воспаленіемъ околоушной железы). Однажды, рано утромъ, жена лавочника прислала ко мнѣ мальчика съ просьбою прійти немедленно: мужу ея за ночь стало очень худо, и онъ задыхается. Я пришелъ. Больной былъ въ полубессознательномъ состояніи, онъ дышалъ тяжело и хрипло, какъ будто ему что-то сдавило горло; при каждомъ вдохѣ подреберья втягивались глубоко внутрь; засохшая слизь коричневою пленкою покрывала его зубы и края губъ; пульсъ былъ очень слабъ. Опухоль железы мѣшала больному раскрыть, какъ слѣдуетъ, ротъ, и мнѣ не удалось осмотрѣть полости рта и зѣва. Я поспѣшилъ домой, яко бы за шприцемъ, чтобы впрыснуть больному камфору, и сталъ просматривать въ учебникѣ главу о тифѣ. Что̀ можетъ при тифѣ вызвать затрудненное дыханіе? Единственное, на что указывалъ учебникъ, былъ отекъ гортани вслѣдствіе воспаленія черпаловидныхъ хрящей. Въ этомъ случаѣ моя записная книжка указывала слѣдующее лѣченіе: «энергическія слабительныя, глотать кусочки льда; если ничего не помогаетъ, немедленно трахеотомія». Я воротился къ больному, впрыснулъ ему подъ кожу камфору, назначилъ ледъ и одно изъ самыхъ энергическихъ слабительныхъ — колоквинту.

Черезъ нѣсколько часовъ я пришелъ снова. Колоквинта по-

дѣйствовала, но дыханіе больного стало еще болѣе затрудненымъ. Оставался одинъ исходъ—трахеотомія. Я отправился къ Ивану Семеновичу. Онъ внимательно выслушалъ меня, покачалъ головою и поѣхалъ со мною.

Осмотрѣвъ больного, Иванъ Семеновичъ заставилъ его сѣсть, набралъ въ гуттаперчевый баллонъ теплой воды и, введя наконечникъ между зубами больного, проспринцовалъ ему ротъ; вышла масса вязкой, тягучей слизи. Больной сидѣлъ, кашляя и перхая, а Иванъ Семеновичъ продолжалъ энергично спринцовать: какъ онъ не боялся, что больной захлебнется?.. Съ каждымъ новымъ спринцованіемъ слизь выдѣлялась снова и снова; я былъ пораженъ, что такое невѣроятное количество слизи могло умѣститься во рту человѣка.

— Ну, ну, откашляйтесь, плюньте!—громко и властно повторялъ Иванъ Семеновичъ. И больной пришелъ въ себя и плевалъ...

Дыханіе его стало совершенно свободнымъ.

— А я ему колоквинту назначилъ, — сконфуженно произнесъ я, когда мы вышли отъ больного.

— Ай-ай-ай! — сказалъ Иванъ Семеновичъ, покачавъ головою. — Такому слабому! Этакъ не долго и убить человѣка!.. Да и какое могло быть къ ней показаніе? Просто, человѣкъ безъ сознанія, глотаетъ плохо,—понятно, во рту разная дрянь и накопилась.

Въ книгахъ не было указанія на возможность подобнаго «осложненія» при тифѣ; но развѣ книги могутъ предвидѣть всѣ мелочи? Я былъ въ отчаяніи: я такъ глупъ и несообразителенъ, что не гожусь во врачи; я только способенъ дѣйствовать по-фельдшерски, по готовому шаблону. Теперь мнѣ смѣшно вспомнить объ этомъ отчаяніи: студентамъ очень много твердятъ о необходимости индивидуализировать каждый случай, но *умѣніе* индивидуализировать достигается только опытомъ.

Съ каждымъ днемъ моей практики предо мною все настойчивѣе вставалъ вопросъ: по какому-то невѣроятному недоразумѣнію я сталъ обладателемъ врачебнаго диплома, — имѣю ли я на этомъ основаніи право считать себя врачомъ? И жизнь съ каждымъ разомъ все убѣдительнѣе отвѣчала мнѣ: нѣтъ, не имѣю!

Наконецъ произошелъ одинъ случай. И теперь еще, когда я вспоминаю о немъ, мною овладѣваютъ тоска и ужасъ. Но разсказывать, такъ ужъ все разсказывать.

На самомъ краю города, въ убогой лачугѣ, жила вдова-прачка съ тремя дѣтьми. Двое изъ нихъ умерли отъ скарла-

тины въ больницѣ; вскорѣ послѣ ихъ смерти заболѣлъ и послѣдній,—худой, некрасивый мальчикъ, лѣтъ восьми. Мать ни за что не хотѣла отвезти его также въ больницу и рѣшила лѣчить дома. Она обратилась ко мнѣ. У мальчика была скарлатина въ очень тяжелой формѣ; онъ бредилъ и метался, температура была 41°, пульсъ почти не прощупывался. Осмотрѣвъ больного, я сказалъ матери, что наврядъ ли и онъ выживетъ. Прачка упала передо мною на колѣни.

— Батюшка, спасите его!.. Послѣдній онъ у меня остался! Растила его, кормильца, на старость... Сколько могу, заплачу вамъ, вѣкъ на васъ даромъ стирать буду!

Жизнь мальчика около недѣли висѣла на волоскѣ. Наконецъ температура понемногу опустилась, сынъ поблѣднѣла; больной началъ приходить въ себя. Явилась надежда на благопріятный исходъ. Мнѣ дорогъ сталъ этотъ чахлый, некрасивый мальчикъ съ лупившейся на лицѣ кожей и апатичнымъ взглядомъ. Счастливая мать восторженно благодарила меня.

Спустя нѣсколько дней у больного снова появилась лихорадка, а правыя подчелюстныя железы опухли и стали болѣзненны. Опухоль съ каждымъ днемъ увеличивалась. Само по себѣ это не представляло большой опасности: въ худшемъ случаѣ железы нагноились бы, и образовался бы нарывъ. Но для меня такое осложненіе было крайне непріятно. Если образуется нарывъ, то его нужно будетъ прорѣзать; разрѣзъ придется дѣлать на шеѣ, въ которой находится такая масса артерій и венъ. Что̀, если я порѣжу какой-нибудь крупный сосудъ,—сумѣю ли я справиться съ кровотеченіемъ? Я до сихъ поръ еще *ни разу* не касался ножомъ живого тѣла; видѣть—я видѣлъ всѣ самыя сложныя и трудныя операціи, но теперь, предоставленный самому себѣ, боялся прорѣзать простой нарывъ.

Въ начальной стадіи воспаленія железъ очень хорошо дѣйствуютъ втиранія сѣрой ртутной мази; примѣненныя во̀-время, эти втиранія нерѣдко обрываютъ воспаленіе, не доводя его до нагноенія. Я рѣшилъ втереть моему больному сѣрую мазь. Опухоль была очень болѣзненна, и поэтому на первый разъ я втеръ мазь не сильно. На слѣдующій день мальчикъ глядѣлъ бодрѣе, пересталъ ныть, температура понизилась; онъ улыбался и просилъ ѣсть. Железы были значительно менѣе болѣзненны. Я вторично втеръ въ опухоль мазь, на этотъ разъ сильнѣе. Мать почти молилась на меня и горько жалѣла, что не позвала меня къ двумъ умершимъ дѣтямъ; тогда бы и тѣ остались живы.

Когда я на завтра пришелъ къ больному, я нашелъ въ его

состояніи рѣзкую перемѣну. Мальчикъ лежалъ на спинѣ, поворотивъ голову на бокъ, и непрерывно стоналъ; въ правой надключичной ямкѣ, ниже первоначальной опухоли, краснѣла большая новая опухоль. Я поблѣднѣлъ и съ бьющимся сердцемъ сталъ изслѣдовать больного. Температура была 39,5°; правый локтевой суставъ распухъ и былъ такъ болѣзненъ, что до руки нельзя было дотронуться. Мать, хотя сильно обезпокоенная, съ довѣріемъ и надеждою слѣдила за мною... Я вышелъ, какъ убитый; дѣло было ясно: своими втираніями я разогналъ изъ железы гной по всему тѣлу, и у мальчика начиналось общее гноекровіе, отъ котораго спасенія нѣтъ.

Весь день я въ тупомъ оцѣпенѣніи пробродилъ по улицамъ; я ни о чемъ не думалъ и только весь былъ охваченъ ужасомъ и отчаяніемъ. Иногда въ сознаніи вдругъ ярко вставала мысль: *«да вѣдь я убилъ человѣка!»*. И тутъ нельзя было ничѣмъ обмануть себя: дѣло не было бы яснѣе, если бы я прямо перерѣзалъ мальчику горло.

Больной прожилъ еще полторы недѣли; каждый день у него появлялись все новые и новые нарывы, — въ суставахъ, въ печени, въ почкахъ... Мучился онъ безмѣрно, и единственное, что̀ оставалось дѣлать, это впрыскивать ему морфій. Я посѣщалъ больного по нѣскольку разъ въ день. При входѣ меня вотрѣчали страдальческіе глаза ребенка на его осунувшемся, потемнѣвшемъ лицѣ; стиснувъ зубы, онъ все время слабо и протяжно стоналъ. Мать уже знала, что надежды нѣтъ.

Наконецъ однажды, — это было подъ вечеръ, — войдя въ лачугу прачки, я увидѣлъ своего паціента на столѣ. Все кончилось... Съ острымъ и мучительнымъ любопытствомъ я подошелъ къ трупу. Заходящее солнце освѣщало восковое, исхудалое лицо мальчика; онъ лежалъ, наморщивъ брови, какъ будто скорбно думая о чемъ-то, — а я, его убійца, смотрѣлъ на него... Осиротѣвшая мать рыдала въ углу. По голымъ стѣнамъ лачуги висѣла пыльная паутина, отъ грязнаго земляного пола несло сыростью, было холодно-холодно и пусто. Рыданія сдавили мнѣ горло. Я подошелъ къ матери и сталъ ее утѣшать.

Черезъ полчаса я собрался уходить. Прачка вдругъ засуетилась, торопливо полѣзла въ сундукъ и протянула мнѣ засаленную трехрублевку.

— Примите, батюшка... за труды... — сказала она. — Ужъ какъ вы старались, спаси васъ Царица Небесная!

Я отказался. Мы стояли съ нею въ полутемныхъ сѣнцахъ.

— Не судилъ, видно, Богъ! — проговорилъ я, стараясь не смотрѣть въ глаза прачки.

— Его святая воля... Онъ лучше знаетъ,—отвѣтила прачка, и губы ея снова запрыгали отъ рыданій. — Батюшка мой, спасибо тебѣ, что жалѣлъ мальчика!..

И она, плача, упала передо мною на колѣни и старалась поцѣловать мнѣ руку, благодаря меня за мою ласковость и доброту...

Нѣтъ! Все бросить, отъ всего отказаться и ѣхать въ Петербургъ учиться, хотя бы тамъ пришлось умереть съ голоду!

V.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я записался на курсы въ Еленинскомъ Клиническомъ Институтѣ; этотъ институтъ основанъ спеціально для желающихъ усовершенствоваться врачей. Но, походивъ туда нѣкоторое время, я убѣдился, что курсы эти немного дадутъ мнѣ; дѣло велось тамъ совсѣмъ такъ же, какъ въ университетѣ: мы опять смотрѣли, смотрѣли—и только; а смотрѣлъ я ужъ и безъ того достаточно. Эти курсы очень полезны для врачей, уже практиковавшихъ, у которыхъ въ ихъ практикѣ назрѣло много вопросовъ, требующихъ разрѣшенія; для насъ же, начинающихъ, они имѣютъ мало значенія: главное, что̀ намъ нужно, — это больницы, въ которыхъ бы мы могли работать подъ контролемъ опытныхъ руководителей.

Я сталъ искать себѣ мѣста хотя бы за самое ничтожное вознагражденіе, чтобъ только можно было быть сытымъ и не ночевать на улицѣ: средствъ у меня не было никакихъ. Я исходилъ всѣ больницы, былъ у всѣхъ главныхъ врачей: они выслушивали меня съ холодно-любезнымъ, скучающимъ видомъ и отвѣчали, что мѣстъ нѣтъ, и что вообще я напрасно думаю, будто можно гдѣ-нибудь попасть въ больницу сразу на платное мѣсто. Вскорѣ я и самъ убѣдился, какъ наивны были такія мечты. Въ каждой больницѣ работаютъ даромъ десятки врачей; тѣ изъ нихъ, которые хотятъ получать нищенское содержаніе штатнаго ординатора, должны дожидаться этого по пяти, по десяти лѣтъ; большинство же на это вовсе и не разсчитываетъ, а работаетъ только для пріобрѣтенія того, что̀ имъ должна была дать, но не дала школа.

Учрежденія, особенно городъ, широко пользуются у насъ такимъ положеніемъ вещей и эксплоатируютъ трудъ врача въ невѣроятныхъ размѣрахъ. Въ Копенгагенѣ городъ служитъ

дѣлу медицинскаго образованія, щедро давая въ своемъ госпиталѣ мѣста молодымъ врачамъ, причемъ ограничиваетъ ихъ службу двумя годами, чтобы затѣмъ очистить мѣсто для новыхъ врачей; во Франціи той же цѣли служатъ городскія больницы всѣхъ городовъ. У насъ же въ 1894 году въ петербургской думѣ однимъ изъ гласныхъ было внесено предложеніе *совсѣмъ уничтожить жалованіе больничнымъ врачамъ*, такъ какъ всегда найдется достаточно врачей и даровыхъ. «Врачи,— заявилъ онъ: — должны быть ужъ тому рады, что ихъ допускаютъ въ больницы...»

Я махнулъ рукою на надежду пристроиться и опредѣлился въ больницу «сверхштатнымъ». Нуждаться приходилось сильно: по вечерамъ я подстригалъ «бахромки» на своихъ брюкахъ и зашивалъ черными нитками расползавшіеся штиблеты; прописывая больнымъ порціи, я съ завистью перечитывалъ ихъ, потому что самъ питался чайною колбасою. Въ это крутое для меня время я испыталъ и понялъ явленіе, казавшееся мнѣ прежде совершенно непонятнымъ,—какъ можно пьянствовать съ голоду. Теперь, когда я проходилъ мимо трактира, меня такъ и тянуло въ него; мнѣ казалось высшимъ блаженствомъ подойти къ ярко-освѣщенной стойкѣ, уставленной вкусными закусками, и выпить рюмку-другую водки; странно, что меня, полуголоднаго и вовсе не алкоголика, главнымъ образомъ привлекала именно водка, а не закуски. Когда у меня заводился въ карманѣ рубль, я не могъ побороть искушенія и напивался пьянымъ. Ни до этого времени ни послѣ, когда я питался, какъ слѣдуетъ, водка совершенно не тянула меня къ себѣ.

Работать въ больницѣ приходилось много. При этомъ я видѣлъ, что трудъ мой прямо нуженъ больницѣ, и что любезность, съ которою мнѣ «позволяли» въ ней работать, была любезностью предпринимателя, «дающаго хлѣбъ» своимъ рабочимъ; разница была только та, что за мою работу мнѣ платили не хлѣбомъ, а однимъ лишь позволеніемъ работать. Когда, усталый и разбитый, я возвращался домой послѣ безсоннаго дежурства и ломалъ себѣ голову, что̀ бы попитательнѣе купить себѣ на восемь копеекъ для обѣда, меня охватывали злоба и отчаяніе: неужели за весь свой трудъ я не имѣю права быть хоть сытымъ?

И я начиналъ жалѣть, что бросилъ свою практику и пріѣхалъ въ Петербургъ. Бильротъ говоритъ: «Только врачъ, не имѣющій ни капли совѣсти, можетъ позволить себѣ самостоятельно пользоваться тѣми правами, которыя ему даетъ его дипломъ». А кто въ этомъ виноватъ? Не мы! Сами устран-

ваютъ такъ, что намъ нѣтъ другого выхода,—пускай сами же и платятся!..

Кромѣ своей больницы, я продолжалъ посѣщать нѣкоторые курсы въ Клиническомъ Институтѣ, а также работалъ и въ другихъ больницахъ. И вездѣ я воочію убѣждался, какъ мало значенія придаютъ въ медицинскомъ мірѣ нашему врачебному диплому, «со всѣми правами и преимуществами, сопряженными по закону съ этимъ званіемъ». У насъ въ больницѣ долгое время каждое мое назначеніе, каждый діагнозъ строго контролировались старшимъ ординаторомъ; гдѣ я ни работалъ, меня допускали къ лѣченію больныхъ, а тѣмъ болѣе къ операціямъ, лишь убѣдившись на дѣлѣ, а не на основаніи моего диплома, что я способенъ дѣйствовать самостоятельно. Въ Надеждинскомъ родовспомогательномъ заведеніи врачъ, желающій научиться акушерству, въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ имѣетъ право только изслѣдовать роженицъ и смотрѣть на операціи; по истеченіи трехъ мѣсяцевъ онъ сдаетъ colloquium, и лишь послѣ этого его допускаютъ къ операціямъ подъ руководствомъ старшаго дежурнаго ассистента... Можетъ ли пренебреженіе къ нашимъ «правамъ» итти дальше? Дипломъ признаётъ меня полноправнымъ врачомъ, законъ, подъ угрозою суроваго наказанія, *обязываетъ* меня являться по вызову акушерки на трудные роды, а здѣсь мнѣ не позволяютъ провести самостоятельно даже самыхъ легкихъ родовъ, и поступаютъ, разумѣется, вполнѣ основательно.

«Я требую, — писалъ въ 1874 году извѣстный нѣмецкій хирургъ Лангенбекъ: — чтобы всякій врачъ, призванный на поле сраженія, обладалъ оперативною техникою настолько же въ совершенствѣ, насколько боевые солдаты владѣютъ военнымъ оружіемъ»... Кому, дѣйствительно, можетъ прійти въ голову послать въ битву солдатъ, которые никогда не держали въ рукахъ ружья, а только видѣли, какъ стрѣляютъ другіе? А между тѣмъ врачи повсюду идутъ не только на поле сраженія, а и вообще въ жизнь неловкими рекрутами, не знающими, какъ взяться за ружье.

Медицинская печать всѣхъ странъ истощается въ усиліяхъ добиться устраненія этой вопіющей несообразности, но всѣ ея усилія остаются тщетными. Почему?.. Я рѣшительно не въ состояніи объяснить этого... Кому невыгодно понять необходимость практической подготовленности врача? Не обществу, конечно, — но вѣдь и не самимъ же врачамъ, которые все время не устаютъ твердить этому обществу: «вѣдь мы учимся на *васъ*, мы пріобрѣтаемъ опытность цѣною *вашей* жизни и здоровья!..»

VI.

Я усердно работалъ въ нашей больницѣ и, руководимый старшими товарищами-врачами, понемногу пріобрѣталъ опытность.

Поскольку въ этомъ отношеніи дѣло касалось разнаго рода назначеній, то все шло легко и просто; я дѣлалъ назначенія, и, если они оказывались неразумными, старшій товарищъ указывалъ мнѣ на это, и я исправлялъ свои ошибки. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло тамъ, гдѣ приходилось усваивать извѣстные техническіе, оперативные пріемы. Однихъ указаній здѣсь мало; какъ бы мой руководитель ни былъ опытенъ, но главное все-таки я долженъ пріобрѣсти самъ; оперировать твердо и увѣренно можетъ только тотъ, кто имѣетъ навыкъ, а какъ получить этотъ навыкъ, если предварительно не оперировать,— хотя бы рукою нетвердою и неувѣренною?

Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ американецъ О'Двайеръ изобрѣлъ новый способъ лѣченія угрожающихъ суженій гортани у дѣтей, преимущественно при крупѣ. Раньше при такихъ суженіяхъ прибѣгали къ трахеотоміи: больному вскрывали спереди дыхательное горло и въ разрѣзъ вставляли трубку. Вмѣсто этой кровавой операціи, страшной для близкихъ больного, требующей хлороформа и ассистированія нѣсколькихъ врачей, О'Двайеръ предложилъ свой способъ, который заключается въ слѣдующемъ: операторъ вводитъ въ ротъ ребенка лѣвый указательный палецъ и захватываетъ имъ надгортанный хрящъ, а правою рукою посредствомъ особаго инструмента вводитъ по этому пальцу въ гортань ребенка металлическую трубочку съ утолщенной головкой. Трубка оставляется въ гортани; утолщенная головка ея, лежащая на гортанныхъ связкахъ, мѣшаетъ трубкѣ проскользнуть въ дыхательное горло; когда надобность минуетъ, трубка извлекается изъ гортани. Операція эта, которая называется *интубаціей*, часто достигаетъ удивительныхъ результатовъ и моментально устраняетъ удушье. Въ настоящее время она все больше вытѣсняетъ при дифтеритѣ трахеотомію, которая остается только для тѣхъ, сравнительно рѣдкихъ случаевъ, гдѣ интубація не помогаетъ.

Операція эта достигаетъ удивительныхъ результатовъ, проста и безболѣзненна, но... но лишь въ томъ случаѣ, если производится опытною рукою. Нуженъ большой навыкъ, чтобъ легко и безъ зацѣпки ввести трубочку въ больную гортань кричащаго и испуганнаго ребенка.

Въ дифтеритномъ отдѣленіи я работалъ подъ руководствомъ товарища, по фамиліи Стратоновъ. Я не одинъ десятокъ разъ присутствовалъ при томъ, какъ онъ дѣлалъ интубацію, не одинъ десятокъ разъ самъ продѣлывалъ ее на фантомѣ и на трупѣ. Наконецъ Стратоновъ предоставилъ мнѣ сдѣлать операцію на живомъ ребенкѣ. Это былъ мальчуганъ лѣтъ трехъ, съ пухлыми щеками и славными синими глазенками. Онъ дышалъ тяжело и хрипло, порывисто метаясь по постели, съ блѣдно-синеватымъ лицомъ, съ втягивающимися межреберьями. Его перенесли въ операціонную, положили на кушетку и забинтовали руки. Стратоновъ вставилъ ему въ ротъ расширитель; сестра милосердія держала мальчику голову. Я сталъ вводить инструментъ. Маленькая, мягкая гортань ребенка билась и прыгала подъ моимъ пальцемъ, и я никакъ не могъ въ ней оріентироваться. Наконецъ мнѣ показалось, что я нащупалъ входъ въ гортань; я началъ вводить трубку; но она уперлась концомъ во что-то и не шла дальше. Я надавилъ сильнѣе, но трубка не шла.

— Да не нажимайте,—силою вы тутъ ничего не сдѣлаете,—замѣтилъ Стратоновъ.—Поднимайте рукоятку кверху и вводите совершенно безъ всякаго насилія.

Я вытащилъ интубаторъ и сталъ вводить его снова; долго тыкалъ я концомъ трубки въ гортань; наконецъ трубка вошла, и я извлекъ проводникъ. Ребенокъ,—задыхающійся, измученный,—тотчасъ же выплюнулъ трубку вмѣстѣ съ кровавою слюною.

— Вы въ пищеводъ трубку ввели, а не въ гортань,—сказалъ Стратоновъ.—Нащупайте предварительно надгортанникъ и сильно отдавите его впередъ, фиксируйте его такимъ образомъ, и вводите трубку во время вдоха. Главное же—никакого насилія.

Красный и потный, я передохнулъ и снова приступилъ къ операціи, стараясь не смотрѣть на выпученные, страдающіе глаза ребенка. Гортань его опухла, и теперь было еще труднѣе оріентироваться. Конецъ трубки все упирался во что-то, и я никакъ не могъ побороть себя, чтобъ не попытаться преодолѣть препятствія силою.

— Нѣтъ, не могу!—наконецъ объявилъ я, нахмурившись, и вынулъ проводникъ.

Стратоновъ взялъ интубаторъ и быстро ввелъ его въ ротъ ребенка; мальчикъ забился, вытаращилъ глаза, дыханіе его на секунду остановилось; Стратоновъ нажалъ винтикъ и ловко вытащилъ проводникъ. Послышался характерный дующій шумъ дыханія черезъ трубку; ребенокъ закашлялъ, стараясь выхаркнуть трубку.

— Нѣтъ, разбойникъ, не выкашляешь!—усмѣхнулся Стратоновъ, трепля его по щекѣ.

Черезъ пять минутъ мальчикъ спокойно спалъ, дыша ровно и свободно.

Началось тяжелое время. Научиться интубировать было необходимо; между тѣмъ всѣ указанія и объясненія нисколько мнѣ не помогали, а мои предшествовавшія упражненія на фантомѣ и трупѣ оказывались очень мало приложимыми. Только недѣли черезъ полторы мнѣ въ первый разъ удалось наконецъ ввести трубку въ гортань. Но еще долго и послѣ этого, приступая къ интубаціи, я далеко не былъ увѣренъ, удастся ли она мнѣ. Иногда случалось, что, истерзавъ ребенка и истерзавшись самъ, я долженъ былъ посылать за ассистентомъ, который и вставлялъ трубку.

Все это страшно тяжело, но какъ же иначе быть? Операція такъ полезна, такъ наглядно спасаетъ жизнь... Это особенно ясно я чувствую теперь, когда все тяжелое осталось назади, и когда я возьмусь интубировать при какихъ угодно условіяхъ. Недавно ночью, на дежурствѣ, мнѣ пришлось дѣлать интубацію пятилѣтней дѣвочкѣ; наканунѣ ей ужъ была вставлена трубочка, но черезъ сутки она выкашляла ее. Больную внесли въ операціонную; я сталъ приготовлять инструменты. Дѣвочка сидѣла на колѣняхъ у сидѣлки,—блѣдная, съ капельками пота на лбу, съ выраженіемъ той страшной тоски, какая бываетъ только у задыхающихся людей. При видѣ инструментовъ ея помутнѣвшіе глаза слабо блеснули; она сама раскрыла ротъ и сидѣла такъ, съ робкой, ожидающей надеждой слѣдя за мною. У меня сладко сжалось сердце. Быстро и легко, самъ наслаждаясь своею ловкостью, я ввелъ ей въ гортань трубку.

Дѣвочка поднялась на кушеткѣ и сѣла, жадно, всею грудью вдыхая воздухъ; щеки ея порозовѣли, глазенки счастливо блестѣли.

— Что̀, легко дышать теперь?—спросилъ я.

Она молча кивнула головою.

— Ну, благодари доктора, скажи: «спасибо!»—улыбнулась сестра милосердія, наклоняя ея голову.

— Спа-си-бо!—прошептала дѣвочка, съ тихой лаской глядя на меня изъ-подъ поднятыхъ бровей.

Я воротился въ дежурную, легъ спать, но заснуть долго не могъ; я, улыбаясь, смотрѣлъ въ темноту, и передо мною вставало счастливое дѣтское личико и слышался слабый шопотъ: «спа-си-бо!..»

Да, такія минуты смягчаютъ воспоминаніе о пройденномъ пути и до нѣкоторой степени примиряютъ съ нимъ: иначе

нельзя, а не было бы перваго, не было бы и второго. Но все-таки *тѣ-то*, первые,—что̀ имъ до чужого благополучія, купленнаго цѣною ихъ собственныхъ мукъ? А сколько такихъ мукъ, сколько загубленныхъ жизней лежитъ на пути каждаго врача! «Наши успѣхи идутъ черезъ горы труповъ»,—съ грустью сознаётся Бильротъ въ одномъ частномъ письмѣ.

Мнѣ особенно ярко вспоминается моя первая трахеотомія; это воспоминаніе кошмаромъ будетъ стоять передо мною всю жизнь. Я много разъ ассистировалъ при трахеотоміяхъ товарищамъ, много разъ самъ продѣлалъ операцію на трупѣ. Наконецъ однажды мнѣ предоставили сдѣлать ее на живой дѣвочкѣ, которой интубація перестала помогать. Одинъ врачъ хлороформировалъ больную, другой—Стратоновъ—ассистировалъ мнѣ, каждую минуту готовый прійти на помощь.

Съ первымъ же разрѣзомъ, который я провелъ по бѣлому, пухлому горлу дѣвочки, я почувствовалъ, что не въ силахъ подавить охватившаго меня волненія; руки мои слегка дрожали.

— Не волнуйтесь, все идетъ хорошо,—спокойно говорилъ Стратоновъ, осторожно захватывая окровавленную фасцію своимъ пинцетомъ рядомъ съ моимъ.—Крючки!.. Вотъ она, щитовидная железа, отдѣлите фасцію!.. Тупымъ путемъ идите!.. Такъ, хорошо!..

Я наконецъ добрался зондомъ до трахеи, торопливо разрывая имъ рыхлую клѣтчатку и отстраняя черныя, набухшія вены.

— Осторожнѣе, не нажимайте такъ,—сказалъ Стратоновъ.—Вѣдь этакъ вы всѣ кольца трахеи поломаете! Не спѣшите!

Гладкія, хрящеватыя кольца трахеи ровно двигались подъ моимъ пальцемъ вмѣстѣ съ дыханіемъ дѣвочки; я фиксировалъ трахею крючкомъ и сдѣлалъ въ ней разрѣзъ; изъ разрѣза слабо засвистѣлъ воздухъ.

— Расширитель!

Я ввелъ въ разрѣзъ расширитель... Слава Богу, сейчасъ конецъ! Но изъ-подъ расширителя не было слышно того характернаго шипящаго шума, который говоритъ о свободномъ выходѣ воздуха изъ трахеи.

— Вы мимо ввели расширитель, въ средостѣніе!—вдругъ нервно крикнулъ Стратоновъ.

Я вытащилъ расширитель и дрожащими отъ волненія руками ввелъ его вторично,—но опять не туда. Я все больше терялся. Глубокая воронка раны то и дѣло заливалась кровью, которую сестра милосердія быстро вытирала ватнымъ шарикомъ; на днѣ воронки кровь пѣнилась отъ воздуха, выходившаго изъ разрѣзанной трахеи; сама рана была безобразная и неровная, внизу ея зіялъ ходъ, проложенный моимъ рас-

ширителемъ. Сестра милосердія стояла съ страдающимъ лицомъ, прикусивъ губу; сидѣлка, державшая ноги дѣвочки, низко опустила голову, чтобъ не видѣть...

Стратоновъ взялъ у меня расширитель и сталъ вводить его самъ. Но онъ долго не могъ найти разрѣза. Съ большимъ трудомъ ему наконецъ удалось ввести расширитель; раздался шипящій шумъ, изъ трахеи съ кашлемъ полетѣли брызги кровавой слизи. Стратоновъ ввелъ канюлю, наклонился и сталъ трубочкой высасывать изъ трахеи кровь.

— Коллега, вѣдь это нечего же объяснять, это само собою понятно,—сказалъ онъ по окончаніи операціи:—разрѣзъ нужно дѣлать въ самой серединѣ трахеи, а вы какимъ-то образомъ ухитрились сдѣлать его сбоку; и зачѣмъ вы сдѣлали такой большой разрѣзъ?

«Зачѣмъ»! На трупѣ у меня и разрѣзы были нужной длины, и лежали они точно въ серединѣ трахеи...

У оперированной образовался дифтерить раны. Повязку приходилось мѣнять два раза въ день, температура все время была около сорока. Въ громадной гноящейся воронкѣ раны трубка не могла держаться плотно; приходилось туго тампонировать вокругъ нея марлею, и тѣмъ не менѣе трубка держалась плохо. Перевязки дѣлалъ Стратоновъ.

Однажды, раскрывъ рану, мы увидѣли, что часть трахеи омертвѣла. Это еще больше осложнило дѣло. Лишенная опоры трубочка теперь, при введеніи въ разрѣзъ, упиралась просвѣтомъ въ переднюю стѣнку трахеи, и дѣвочка начинала задыхаться. Стратоновъ установилъ трубочку, какъ слѣдуетъ, и сталъ тщательно обкладывать ее ватой и марлей. Дѣвочка лежала, выкативъ страдающіе глаза, отчаянно топоча ножками и стараясь вырваться изъ рукъ державшей ее сидѣлки; лицо ея косилось отъ плача, но плача не было слышно: у трахеотомированныхъ воздухъ идетъ изъ легкихъ въ трубку, минуя голосовую щель, и они не могутъ издать ни звука. Перевязка была очень болѣзненна, но сердце у дѣвочки работало слишкомъ плохо, чтобы ее можно было хлороформировать.

Наконецъ Стратоновъ наложилъ повязку; дѣвочка сѣла; Стратоновъ испытующе взглянулъ на нее.

— Дышитъ все-таки скверно!—сказалъ онъ, нахмурившись, и снова сталъ поправлять трубочку.

Лицо дѣвочки перестало морщиться; она сидѣла спокойно и, словно задумавшись, неподвижно смотрѣла въ даль поверхъ нашихъ головъ. Вдругъ послышался какой-то странный, слабый, прерывистый трескъ... Крѣпко стиснувъ челюсти, дѣвочка скрипѣла зубами.

— Ну, Нюша, потерпи немножко, — сейчасъ не будетъ больно!—страдающимъ голосомъ произнесъ Стратоновъ, нѣжно гладя ее по щекѣ.

Дѣвочка широко открытыми, неподвижными глазами смотрѣла въ дверь и продолжала быстро скрипѣть зубами; у нея все во рту трещало, какъ будто она торопливо разгрызала карамель; это былъ ужасный звукъ; мнѣ казалось, что она въ крошки разгрызла собственные зубы, и ротъ ея полонъ кашицы изъ раздробленныхъ зубовъ...

Черезъ три дня больная умерла. Я далъ себѣ слово никогда больше не дѣлать трахеотомій.

Но чего же я этимъ достигъ? Товарищи, начавшіе работать одновременно со мною, но менѣе мягкосердечные, могутъ теперь спасти человѣку жизнь тамъ, гдѣ я стою, безпомощно опустивъ руки. Года черезъ полтора послѣ моей первой и послѣдней трахеотоміи, въ нашу больницу во время моего дежурства привезли рабочаго изъ Колпина съ сифилитическимъ суженіемъ гортани; суженіе развивалось постепенно въ теченіе мѣсяца, и ужъ двое сутокъ больной почти совсѣмъ не могъ дышать. Исхудалый, съ торчащими вихрами рѣдкихъ волосъ, съ синевато-землистымъ лицомъ, онъ сидѣлъ, схватившись руками за грудь, дыша съ тяжелымъ хрипящимъ шумомъ. Я послалъ за товарищемъ, ассистентомъ-хирургомъ, и велѣлъ отвести больного въ операціонную.

Ассистентъ осмотрѣлъ его.

— Придется операцію сдѣлать тебѣ, горло разрѣзать,—сказалъ онъ.

— Да, да, хорошо! Поскорѣе, ради Бога!—въ смертной тоскѣ произнесъ больной, закивавъ головою.

Пока приготовляли инструменты, больному дали вдыхать кислородъ.

— Ну, ложись,—сказалъ товарищъ.

Больной положилъ на себя широкій крестъ и, поддерживаемый служителями, полѣзъ на операціонный столъ. Пока мы мыли ему шею, онъ все время продолжалъ дышать кислородомъ. Я хотѣлъ взять у него трубку,—онъ умоляюще ухватился за нее руками.

— Еще немножко, еще воздухомъ дайте подышать!—сипло прошепталъ онъ.

— Довольно, довольно! Сейчасъ тебѣ легко будетъ!—сказалъ товарищъ.—Закрой глаза.

Больной еще разъ широко перекрестился и зажмурился.

Операція производилась подъ кокаиномъ. Одинъ-другой разрѣзъ, я развелъ крючками края раны, товарищъ вскрылъ

перстневидный хрящъ,—и брызги кровавой слизи съ кашлемъ полетѣли изъ разрѣза. Товарищъ ввелъ трубку и наложилъ повязку.

— Готово!—сказалъ онъ.

Больной поднялся, жадно и глубоко вбирая въ грудь воздухъ; онъ улыбался безконечно-радостною, недоумѣвающею улыбкою и въ удивленіи крутилъ головою.

— Что̀, братъ, ловко распатронили?—засмѣялся товарищъ.

И всѣ кругомъ смѣялись; смѣялись сестры, сидѣлки, служители... А больной попрежнему радостно-изумленно улыбался и, беззвучно шепча что-то, крутилъ головою, пораженный чудеснымъ могуществомъ нашей науки.

Назавтра я зашелъ въ палату взглянуть на него. Больной встрѣтилъ меня тою же радостно-недоумѣвающею улыбкою.

— Какъ дѣла?—спросилъ я.

Онъ закивалъ головою и развелъ руками, показывая, какъ ему хорошо... Я вышелъ съ тяжелымъ чувствомъ: *я* не могъ бы спасти его; если бы не было подъ рукою товарища, больной бы погибъ.

И я думалъ: нѣтъ, вздоръ всѣ мои клятвы! Что̀ же дѣлать? Правъ Бильротъ,—«наши успѣхи идутъ черезъ горы труповъ». Другого пути нѣтъ. Нужно учиться, нечего смущаться неудачами... Но въ моихъ ушахъ раздавался скрежетъ погубленной мною дѣвочки, и я съ отчаяніемъ чувствовалъ, что я не могу, не могу, что у меня не поднимется рука на новую операцію.

Какъ же въ данномъ случаѣ слѣдуетъ поступать? Вѣдь я не рѣшилъ вопроса,—я просто убѣжалъ отъ него. Лично я могъ это сдѣлать, но что̀ было бы, если бы такъ поступали всѣ? Одинъ старый врачъ, завѣдующій хирургическимъ отдѣленіемъ N—ской больницы, разсказывалъ мнѣ о тѣхъ терзаніяхъ, которыя ему приходится переживать, когда онъ даетъ оперировать молодому врачу.—«Нельзя не дать,—нужно же и имъ учиться; но какъ могу я смотрѣть спокойно, когда онъ, того и гляди, заѣдетъ ножомъ чортъ знаетъ куда?!.»

И онъ отбираетъ ножъ у оператора и оканчиваетъ операцію самъ. Это очень добросовѣстно, но... но со стороны, отъ работавшихъ у него врачей, я слышалъ, что поступать въ его отдѣленіе не стоитъ: хирургъ онъ хорошій, но у него ничему не научишься. И это понятно. Хирургъ, который такъ щепетильно относится къ своимъ паціентамъ, не можетъ быть хорошимъ учителемъ. Вотъ что̀, напр., разсказываетъ одинъ русскій врачъ-путешественникъ о знаменитомъ Листерѣ, творцѣ антисептики: «Листеръ слишкомъ близко принимаетъ къ сердцу интересы своего больного и слишкомъ высоко ставитъ свою

нравственную отвѣтственность передъ каждымъ оперируемымъ. Вотъ почему Листеръ рѣдко довѣряетъ своимъ ассистентамъ перевязку артерій, и вообще всѣ манипуляціи, касающіяся непосредственно оперируемаго, онъ выполняетъ собственноручно. Поэтому его молодые ассистенты не обладаютъ достаточною оперативною ловкостью».

Если думать только о каждомъ данномъ больномъ, то иное отношеніе къ дѣлу и невозможно. Тотъ же путешественникъ,— проф. А. С. Тауберъ,—разсказывая о нѣмецкихъ клиникахъ, замѣчаетъ: «Громадная разница въ теченіи ранъ наблюдается въ клиникахъ между ампутаціями, произведенными молодыми ассистентами, и таковыми, сдѣланными ловкой и опытной рукой профессора: первыя нерѣдко ушибаютъ ткани, разминаютъ нервы, слишкомъ коротко урѣзываютъ мышцы или высоко обнажаютъ артеріальные сосуды отъ ихъ влагалищъ,—все это моменты, неблагопріятные для скораго заживленія ампутаціонной раны».

Но нужно ли приводить еще ссылки въ доказательство истины, что, не имѣя опыта, нельзя стать опытнымъ операторомъ? Гдѣ же тутъ выходъ? Съ точки зрѣнія врача можно еще примириться съ этимъ: «все равно, ничего не подѣлаешь». Но когда я воображаю себя паціентомъ, ложащимся подъ ножъ хирурга, дѣлающаго свою первую операцію,—я не могу удовлетвориться такимъ рѣшеніемъ, я сознаю, что *долженъ* быть другой выходъ, во что бы то ни стало.

На одинъ изъ такихъ выходовъ указалъ еще въ тридцатыхъ годахъ извѣстный французскій физіологъ Мажанди. «Хорошій хирургъ анатомическаго театра, — говоритъ онъ: — не всегда будетъ хорошимъ госпитальнымъ хирургомъ. Онъ каждую минуту долженъ ждать тяжелыхъ ошибокъ, прежде чѣмъ пріобрѣтетъ способность оперировать съ увѣренностью. Способность эту будетъ въ состояніи дать ему только долгая практика, тогда какъ онъ долженъ былъ бы пріобрѣсти ее съ самаго начала, если бы его образованіе было лучше направлено. Больше всего въ этомъ виноватъ способъ обученія, который и до настоящаго времени практикуется въ нашихъ школахъ. Учащіеся переходятъ непосредственно отъ мертвой природы къ живой, они принуждены пріобрѣтать опытность на счетъ гуманности, на счетъ жизни себѣ подобныхъ. Господа! Прежде чѣмъ обращаться къ человѣку,—развѣ у насъ нѣтъ существъ, которыя должны имѣть въ нашихъ глазахъ меньше цѣны и на которыхъ позволительно примѣнять свои первыя попытки? Я бы хотѣлъ, чтобъ въ дополненіе къ медицинскому образованію у насъ требовалось умѣнье оперировать на живыхъ жи-

вотныхъ. Кто привыкъ къ такого рода операціямъ, тотъ смѣется надъ трудностями, передъ которыми безпомощно останавливается столько хирурговъ».

Этотъ совѣтъ Мажанди очень легко исполнимъ; тѣмъ не менѣе и до настоящаго времени онъ нигдѣ не примѣняется. Изобрѣтая какую-либо *новую* операцію, хирургъ большею частью продѣлываетъ ее предварительно надъ животными. Но, сколько я знаю, нигдѣ въ мірѣ нѣтъ обычая, чтобы молодой хирургъ допускался къ операціи на живомъ человѣкѣ лишь послѣ того, какъ пріобрѣтетъ достаточно опытности въ упражненіяхъ надъ живыми животными. Да и гдѣ ужъ требовать этого, когда далеко не всегда операціямъ на живомъ человѣкѣ предшествуетъ достаточная подготовка даже въ операціяхъ на трупѣ. Въ тридцатыхъ годахъ хирургъ, занимавшійся анатоміей, вызывалъ пренебрежительный смѣхъ. Вотъ какъ, напр., отзывался профессоръ хирургіи Диффенбахъ о молодомъ французскомъ хирургѣ Вельпо: «это какой-то анатомическій хирургъ». «По мнѣнію Диффенбаха, — говоритъ Пироговъ: — это была самая плохая рекомендація для хирурга».

Такъ было въ тридцатыхъ годахъ,—а вотъ что̀ сообщаетъ о современныхъ хирургахъ уже упомянутый выше профессоръ А. С. Тауберъ: «Въ Германіи обыкновенно молодые ассистенты хирургическихъ клиникъ учатся оперировать не на мертвомъ тѣлѣ, а на живомъ. Никто не станетъ отрицать того, что живая кровь, струящаяся подъ ударомъ ножа, или содроганіе живыхъ мышцъ во время оперированія развиваютъ въ молодомъ операторѣ смѣлость, находчивость и увѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ; но, съ другой стороны, я думаю, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что такое упражненіе неопытной руки въ операціяхъ на живомъ—негуманно и несогласно съ задачами врача вообще».

Мнѣ думается, что только самое строгое и систематическое проведеніе въ жизнь правила, рекомендуемаго Мажанди, могло бы хоть до извѣстной степени спасти больныхъ отъ необходимости платить своею кровью и жизнью за образованіе искусныхъ хирурговъ. Но все-таки это лишь до извѣстной степени. Когда можно признать хирурга «достаточно» опытнымъ? Гдѣ для этого граница?

Въ 1873 году, на вершинѣ своей славы и опытности, Бильротъ писалъ одной своей старой знакомой: «У меня много оперированныхъ и еще больше такихъ, которыхъ предстоитъ оперировать; они занимаютъ всѣ мои мысли; изъ года въ годъ увеличивается ихъ число, бремя становится все тяжелѣе и тяжелѣе. Часъ назадъ я ушелъ отъ одной славной женщины,

которую я вчера оперировалъ,—страшная операція... Какимъ взглядомъ смотрѣла она на меня сегодня вечеромъ! «Останусь я жива?» Я надѣюсь, она останется жива, но наше искусство такъ несовершенно! Столѣтіе все увеличивающагося знанія и опытности хотѣлъ бы я имѣть за собою,—тогда, можетъ-быть, я могъ бы кое-что сдѣлать. Но такъ, какъ теперь, — успѣхи наши подвигаются довольно медленно, и то немногое, чего достигаетъ одинъ, такъ трудно передать другимъ! Получающій долженъ самое важное сдѣлать самъ».

Хирургія есть искусство и, какъ таковое, она болѣе всего требуетъ творчества и менѣе всего мирится съ шаблономъ. Гдѣ шаблонъ — тамъ ошибокъ нѣтъ, гдѣ творчество — тамъ каждую минуту возможна ошибка. Долгимъ путемъ такихъ ошибокъ и промаховъ и вырабатывается мастеръ, а путь этотъ лежитъ опять-таки черезъ «горы труповъ»... Тотъ же Бильротъ, молодымъ доцентомъ хирургіи, писалъ своему учителю Бауму объ одномъ больномъ, которому Бильротъ произвелъ три раза въ теченіе одной недѣли насильственное вытяженіе ноги, не подозрѣвая, что головка бедра переломлена. «Дѣйствіе вытяженія на воспаленныя части оказалось, понятно, чрезвычайно гибельнымъ: наступила гангрена и смерть... Случай былъ для меня очень поучителенъ, потому что онъ, какъ и многіе другіе, научилъ меня, *чего не должно дѣлать*. Но это, разумѣется, entre nous».

Англійскій хирургъ Педжетъ разсказываетъ изъ своей практики такой случай: «У молодого человѣка я удалилъ изъ глубокихъ частей бедра опухоль; по окончаніи операціи, вокругъ бедра мною была наложена полоска липкаго пластыря, окружавшая со всѣхъ сторонъ оперированную конечность, а сверхъ пластыря для большей прочности наложена была еще повязка. На другой день вся конечность сильно опухла, а на четвертыя сутки уже развилось острое воспаленіе всей клѣтчатки, окружающей рану. Затѣмъ открылось кровотеченіе, отъ чего оперированный ослабѣлъ и умеръ. Прямою причиною его смерти была полоска пластыря, которая была наложена вокругъ его конечности и въ теченіе двухъ дней не снималась. Съ этой минуты, я увѣренъ, никто не видалъ болѣе, чтобы я накладывалъ пластырь вокругъ конечности иначе, какъ спирально. Какъ ни казалось малымъ это обстоятельство, тѣмъ не менѣе оно стоило жизни этому человѣку».

Яркую картину процесса выработки опытности далъ Пироговъ въ своихъ нашумѣвшихъ «Анналахъ Дерптской Хирургической Клиники», изданныхъ на нѣмецкомъ языкѣ въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Съ откровенностью генія онъ разсказалъ

въ этой «исповѣди практическаго врача» о всѣхъ своихъ ошибкахъ и промахахъ, которые онъ совершилъ во время завѣдыванія клиникою. То, о чемъ другіе рѣшались сообщать лишь въ частныхъ письмахъ, «entre nous», — Пироговъ, ко всеобщему смущенію и соблазну, оповѣстилъ на весь міръ. Картина, нарисованная имъ, получилась потрясающая.

Да, это все ужъ совершенно неизбѣжно, и никакого выхода отсюда нѣтъ. Такъ оно и останется: передъ неизбѣжностью этого должны замолкнуть даже терзанія совѣсти. И все-таки— самъ я ни за что не согласился бы быть жертвой этой неизбѣжности, и никто изъ жертвъ не хочетъ быть жертвами... И сколько такихъ проклятыхъ вопросовъ въ этой страшной наукѣ, гдѣ шагу нельзя ступить, не натолкнувшись на живого человѣка!

VII.

Въ 1888 году бухарестскій профессоръ Петреску предложилъ лѣчить крупозное воспаленіе легкихъ большими (разъ въ десять больше принятыхъ) дозами наперстянки. По его многолѣтнимъ наблюденіямъ, смертность при такомъ лѣченіи съ 20—30% понижалась до 3%, болѣзнь обрывалась и исчезала, «какъ по мановенію волшебнаго жезла». Докладъ Петреску объ его способѣ, сдѣланный имъ въ Парижской Медицинской Академіи, обратилъ на себя общее вниманіе,— сообщенные имъ результаты, дѣйствительно, были поразительны. Способъ стали примѣнять другіе врачи — и въ большинствѣ случаевъ остались имъ очень довольны.

Я завѣдывалъ въ то время палатою, гдѣ лежали больные крупозною пнеймоніей. Прельщенный упомянутыми сообщеніями, я, съ согласія старшаго ординатора, рѣшилъ испробовать способъ Петреску. Только-что передъ этимъ я прочелъ въ «Больничной Газетѣ Боткина» статью д-ра Рехтзамера объ этомъ способѣ. Хотя онъ и находилъ надежды Петреску нѣсколько преувеличенными, но не отрицалъ, что нѣкоторые изъ его больныхъ выздоровѣли именно только благодаря примѣненному имъ способу Петреску; по мнѣнію автора, способъ этотъ можно бы рекомендовать, какъ послѣднее средство, въ тяжелыхъ случаяхъ у алкоголиковъ и стариковъ. «Ни въ одномъ изъ моихъ случаевъ,—прибавлялъ д-ръ Рехтзамеръ:— я не могъ констатировать смерти больного въ зависимости отъ отравленія наперстянкой».

Въ мою палату былъ положенъ на второй день болѣзни старикъ-штукатуръ; все его правое легкое было поражено

сплошь; онъ дышалъ очень часто, стоналъ и метался; жена его сообщила, что онъ съ дѣтства сильно пьетъ. Случай былъ подходящій, и я назначилъ больному наперстянку по Петреску.

Подписывая свой рецептъ, я невольно остановился, — такъ поразилъ онъ меня своею необычностью. На немъ стояло:

«Rp. Inf. fol. Digitalis ex 8,0 (!): 200,0.
DS. Черезъ часъ (!) по столовой ложкѣ».

Это значитъ: настой двухсотъ граммовъ воды на восьми граммахъ наперстянки, а восклицательные знаки, по требованію закона, предназначены для аптекаря: высшее количество листьевъ наперстянки, которое можно въ теченіе сутокъ безъ вреда дать человѣку, опредѣляется въ 0,6 грамма; такъ вотъ, восклицательные знаки и увѣдомляютъ аптекаря, что, прописавъ мою чудовищную дозу, я не описался, а дѣйствовалъ вполнѣ сознательно... Я перечитывалъ свой рецептъ,— и эти восклицательные знаки смотрѣли на меня задорно и вызывающе, словно говорили: «да, давать человѣку больше шести десятыхъ грамма наперстянки нельзя, если не хочешь отравить его, — а ты назначаешь количество, въ тринадцать разъ болѣе дозволеннаго!»

Я вышелъ изъ больницы, а восклицательные знаки моего рецепта неотступно стояли передъ моими глазами. Мнѣ вспоминались слова д-ра Рехтзамера: «ни въ одномъ изъ моихъ случаевъ я не могъ констатировать смерти больного въ зависимости отъ отравленія наперстянкой»... Ну, а если на мою долю выпадетъ печальная необходимость «констатировать смерть отъ отравленія наперстянкой»,—наперстянкой, выписывая которую, я самъ ставилъ такіе краснорѣчивые восклицательные знаки?

На слѣдующій день больному стало хуже; онъ тупо смотрѣлъ на меня потускнѣвшими глазами, кончикъ его носа посинѣлъ, пульсъ былъ попрежнему частый, и появились перебои. Отчего это все,—отъ наперстянки или несмотря на нее? У больного сердце было слабое, и явленія могли обусловливаться естественнымъ процессомъ, съ которымъ наперстянка еще не успѣла справиться.

«А если это отъ наперстянки?»—мелькнула у меня мысль.

Я подавилъ въ себѣ эту мысль: вѣдь ужъ многіе испытывали способъ и нашли, что онъ дѣйствуетъ хорошо. Я снова выписалъ больному наперстянку.

Черезъ два дня старикъ умеръ при все усиливавшейся сердечной слабости и оглушеніи. У воротъ больницы я встрѣтилъ его жену; она шла изъ покойницкой, низко надвинувъ

платокъ на опухшіе глаза, и что-то глухо говорила себѣ подъ-носъ. Съ смутнымъ чувствомъ стыда и страха перечитывалъ я скорбный листъ умершаго: подробное, изо дня въ день, описаніе теченія все ухудшающейся болѣзни, рецепты, усѣянные восклицательными знаками, и въ концѣ—лаконическая приписка дежурнаго врача: «Въ два часа ночи больной скончался»... Мнѣ было странно,—въ какомъ бреду дѣйствовалъ я, назначая свое лѣченіе,—непровѣренное, дерзкое? Можетъ-быть, старикъ все равно бы умеръ, но могу ли я поручиться, что смерть вызвана не тѣмъ чудовищнымъ количествомъ сильно дѣйствующей наперстянки, которое я ввелъ въ его кровь? И это въ то время, когда для борьбы съ болѣзнью и безъ того требовались всѣ силы организма... Вскорѣ я прочелъ во «Врачѣ» статью д-ра Рубеля, который, тщательно разобравъ свои собственные опыты, опыты Петреску, его учениковъ и сторонниковъ, неопровержимо доказалъ, что «способъ Петреску причиняетъ во многихъ случаяхъ явный, иногда даже угрожающій жизни вредъ, и можно только посовѣтовать возможно скорѣе предать его полному забвенію».

Я рѣшилъ примѣнять впредь на своихъ больныхъ только средства, уже достаточно провѣренныя и несомнѣнныя. Чѣмъ больше я теперь знакомился съ текущею медицинскою литературою, тѣмъ все больше утверждался въ своемъ рѣшеніи. Передо мною раскрылось нѣчто ужасающее. Каждый номеръ врачебной газеты содержалъ въ себѣ сообщенія о десяткахъ новыхъ средствъ, и такъ изъ недѣли въ недѣлю, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ; это былъ какой-то громадный, бѣшеный, безконечный потокъ, при взглядѣ на который разбѣгались глаза: новыя лѣкарства, новыя дозы, новые способы введенія ихъ, новыя операціи, и тутъ же—десятки и сотни... загубленныхъ человѣческихъ здоровій и жизней.

Одни изъ нововведеній, какъ пузыри пѣны на потокѣ, вскакивали и тотчасъ же лопались, оставляя за собою одинъ-другой трупъ. Такъ, напримѣръ, въ 1888 году д-ръ Розенбушъ выступилъ со статьею, гдѣ горячо рекомендовалъ впрыскивать чахоточнымъ растворъ креозота въ ткань легкихъ, отъ чего, по его словамъ, самъ онъ получилъ прекрасные результаты. Д-ръ Стахевичъ попробовалъ примѣнить этотъ способъ къ двумъ своимъ больнымъ — и получилъ вотъ что: «У перваго больного кашель послѣ впрыскиванія сталъ сильнѣе, а разрушеніе верхушки праваго легкаго, въ которую было произведено впрыскиваніе, пошло гораздо быстрѣе. У другого больного послѣ впрыскиванія тотчасъ же появилась примѣсь

крови въ мокротѣ, а на слѣдующій день наступило кровохарканіе»... И впрыскиванія креозота исчезли со сцены.

Проф. Мерингъ, заставляя животныхъ вдыхать пенталъ, нашелъ, что вещество это представляетъ собою очень хорошее усыпляющее средство. Послѣ этого д-ръ Голлендеръ испыталъ пенталъ на своихъ больныхъ и получилъ блестящіе результаты. На съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ Галле, въ сентябрѣ 1891 года, онъ далъ о пенталѣ самый восторженный отзывъ. «Въ настоящее время, — заявилъ Голлендеръ: — пенталъ по вѣрности дѣйствія и по поразительно хорошему самочувствію послѣ наркоза представляетъ наилучшее обезболивающее для кратковременныхъ операцій: онъ не производитъ дурныхъ послѣдствій, и примѣненіе его не представляетъ никакой опасности; онъ не оказываетъ никакого вреднаго дѣйствія ни на сердце ни на дыханіе»... Широкою рукою стали испытывать пенталъ. Черезъ полгода д-ръ Геглеръ сообщилъ, что у одного крѣпкаго мужчины пенталъ вызвалъ одышку съ синюхою и въ заключеніе остановку дыханія; его удалось спасти только благодаря принятымъ энергичнымъ мѣрамъ оживленія. Черезъ два мѣсяца послѣ этого въ Ольмюцѣ умерла отъ вдыханій пентала дама, у которой собирались выдернуть зубъ. Около этого же времени «Англійскій Зубоврачебный Журналъ» сообщилъ, что послѣ вдыханія десяти капель пентала умерла 33-хъ-лѣтняя женщина, страдавшая зубною болью. Д-ръ Брейеръ чуть не потерялъ одну здоровую дѣвочку, у которой послѣ вдыханія пентала исчезли пульсъ и дыханіе. У д-ра Зика умерли отъ пентала двое, — здоровый, крѣпкій мужчина и молодая дѣвушка съ пораженіемъ тазо-бедреннаго сустава, но въ остальномъ крѣпкая и здоровая... Прошло всего полтора года послѣ сообщенія Голлендера. На съѣздѣ нѣмецкихъ хирурговъ профессоръ Гурльтъ выступилъ съ докладомъ о сравнительной смертности при различныхъ обезболивающихъ средствахъ. Опираясь на громадный статистическій матеріалъ, онъ показалъ, что въ то время, какъ эѳиръ, закись азота, бромистый этилъ и хлороформъ даютъ одну смерть на тысячи и десятки тысячъ случаевъ, пенталъ даетъ одну смерть *на 199 случаевъ*. «Отъ наркоза пенталомъ, — вполнѣ основательно заключилъ профессоръ Гурльтъ:—по имѣющимся до сихъ поръ даннымъ, слѣдуетъ *прямо предостеречь*». И пенталъ безслѣдно исчезъ изъ практики...

А кто не помнитъ побѣднаго шествія и позорнаго крушенія коховскаго туберкулина? Тысячамъ туберкулезныхъ широкою рукою впрыскивался этотъ прославленный туберкулинъ, и че-

резъ два года выяснилось съ несомнѣнностью, что онъ ничего не приноситъ, кромѣ вреда.

Такова была исторія тѣхъ изъ предлагавшихся новыхъ средствъ, которыя по испытаніи оказывались негодными. Судьба другихъ новыхъ средствъ была иная: они выходили изъ испытанія окрѣпшими и признанными, съ точно установленными показаніями и противопоказаніями; и все-таки путь ихъ шелъ черезъ тѣ же загубленныя здоровья и жизни людей.

Среди жителей многихъ гористыхъ мѣстностей распространена своеобразная болѣзнь—зобъ, заключающаяся въ опуханіи лежащей надъ нижнею частью горла щитовидной железы. Въ числѣ различныхъ способовъ лѣченія зоба было, между прочимъ, предложено полное удаленіе всей щитовидной железы. Результаты этой операціи оказались очень хорошими: больные выписывались здоровыми, лишеніе щитовидной железы (назначеніе которой совершенно неизвѣстно), повидимому, не вызывало никакихъ вредныхъ послѣдствій. Но вотъ въ 1883 году бернскій профессоръ Кохеръ опубликовалъ статью, гдѣ сообщилъ слѣдующее. Онъ произвелъ тридцать четыре полныхъ изсѣченія зоба и былъ очень доволенъ результатами; но однажды одинъ его знакомый врачъ разсказалъ ему, что онъ пользуетъ дѣвушку, которой девять лѣтъ назадъ Кохеръ вырѣзалъ зобъ; врачъ этотъ рекомендовалъ Кохеру посмотрѣть больную теперь. И вотъ что̀ увидѣлъ Кохеръ. У больной была младшая сестра; девять лѣтъ назадъ обѣ онѣ были такъ похожи другъ на друга, что ихъ часто принимали одну за другую. «За эти девять лѣтъ,—разсказываетъ Кохеръ: — младшая сестра превратилась въ цвѣтущую, хорошенькую дѣвушку, оперированная же осталась маленькою и являетъ отвратительный видъ полуидіотки». Тогда Кохеръ рѣшилъ навести справки о судьбѣ всѣхъ оперированныхъ имъ зобатыхъ. Всѣ 28 человѣкъ, у которыхъ было сдѣлано лишь частичное вырѣзываніе щитовидной железы, были найдены совершенно здоровыми; изъ восемнадцати же человѣкъ, у которыхъ была вырѣзана вся железа, здоровыми оказались только двое; остальные представляли своеобразный комплексъ симптомовъ, который Кохеръ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: «задержаніе роста, большая голова, шишковатый носъ, толстыя губы, неуклюжее тѣло, неповоротливость мысли и языка при сильной мускулатурѣ, — все это съ несомнѣнностью указываетъ на близкое родство описываемаго страданія съ идіотизмомъ и кретинизмомъ». Между тѣмъ нѣкоторымъ изъ оперированныхъ зобъ доставлялъ очень незначительныя неудобства, и операція была

предпринята почти лишь съ косметическою цѣлью; а результатъ—идіотизмъ... Впослѣдствіи мнѣніе Кохера о связи указанныхъ симптомовъ съ удаленіемъ щитовидной железы вызвало возраженія, но тѣмъ не менѣе въ настоящее время ни одинъ хирургъ ужъ не рѣшится произвести полнаго вылущенія щитовидной железы, если ея заболѣваніе непосредственно не грозитъ больному неминуемою смертью.

Въ 1884 году Коллеръ ввелъ во всеобщее употребленіе одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ врачебныхъ средствъ, — кокаинъ, который вызываетъ прямо идеальное мѣстное обезболиваніе. Черезъ два года петербургскій профессоръ Коломнинъ, собираясь сдѣлать одной женщинѣ операцію, ввелъ ей въ прямую кишку растворъ кокаина. Вдругъ больная посинѣла, у нея появились судороги, и черезъ полчаса она умерла при явленіяхъ отравленія кокаиномъ. Проф. Коломнинъ пріѣхалъ домой, заперся у себя въ кабинетѣ и застрѣлился... Въ настоящее время, перечитывая сообщенія о кокаинѣ за первые годы послѣ его введенія, поражаешься, въ какихъ большихъ дозахъ его назначали; проф. Коломнинъ, напр., ввелъ своей больной около полутора граммовъ кокаина; и такія дозы въ то время были не въ рѣдкость; Гуземанъ полагалъ, что смертельная доза кокаина для взрослаго человѣка должна быть «очень велика». Горькій опытъ Коломнина и другихъ научилъ насъ, что доза эта, напротивъ, очень невелика, что нельзя вводить въ организмъ человѣка больше шести сотыхъ грамма кокаина; эта доза *въ двадцать пять разъ* меньше той, которую назначилъ своей больной несчастный Коломнинъ.

Выводъ изъ всего этого былъ для меня ясенъ: я буду впредь употреблять только тѣ средства, которыя безусловно испытаны и не грозятъ моимъ больнымъ никакимъ вредомъ.

Года три тому назадъ я лѣчилъ одну учительницу, больную чахоткою. Въ то время появились извѣстія, что Робертъ Кохъ, продолжавшій работать надъ своимъ опозорившимся туберкулиномъ, усовершенствовалъ его и примѣняетъ снова. Больная обратилась ко мнѣ за совѣтомъ, не подвергнуться ли ей впрыскиваніямъ этого «очищеннаго» туберкулина.

— Подождите лучше, — отвѣтилъ я. — Пускай раньше выяснится, дѣйствительно ли онъ много лучше стараго.

Я поступилъ вполнѣ добросовѣстно. Но у меня возникъ вопросъ: на комъ же это должно выясниться? Гдѣ-то *тамъ*, за моими глазами, дѣло выяснится на тѣхъ же больныхъ, и, если средство окажется хорошимъ... я благополучно стану примѣнять его къ своимъ больнымъ, какъ примѣняю теперь такое цѣнное, незамѣнимое средство, какъ кокаинъ. Но что

было бы, если бы всѣ врачи смотрѣли на дѣло такъ же, какъ я?

Мы еще очень мало знаемъ человѣческій организмъ и управляющіе имъ законы. Примѣняя новое средство, врачъ можетъ заранѣе лишь съ большею или меньшею вѣроятностью предвидѣть, какъ это средство будетъ дѣйствовать; можетъ-быть, оно окажется полезнымъ; но если оно и ничего не принесетъ, кромѣ вреда, то все же дивиться будетъ нечему; игра идетъ въ темную, и нужно быть готовымъ на всѣ неожиданности. До извѣстной степени, возможность такихъ неожиданностей уменьшается тѣмъ, что средства предварительно испытываются на животныхъ; это громадная поддержка; но организмы животныхъ и человѣка все-таки слишкомъ различны, и безошибочно заключать отъ первыхъ ко вторымъ нельзя. И вотъ къ человѣку подходятъ только съ извѣстною *возможностью*, что примѣняемое средство поможетъ ему или не повредитъ; тутъ всегда большій или меньшій рискъ; расчеты могутъ не оправдаться, и притомъ это не всегда сразу дѣлается очевиднымъ: клиническое наблюденіе трудно и сложно; часто бываетъ, что средство долго производитъ благопріятное впечатлѣніе, а затѣмъ оказывается, что это было лишь результатомъ самовнушенія.

Путемъ этого постояннаго и непрерывнаго риска, блуждая въ темнотѣ, ошибаясь и отрекаясь отъ своихъ заблужденій, медицина и добыла большинство изъ того, чѣмъ она теперь по праву гордится. Не было бы риска, не было бы и прогресса; это свидѣтельствуетъ вся исторія врачебной науки.

Въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка опухоли яичниковъ у женщинъ лѣчились внутренними средствами; попытки удалять опухоли оперативнымъ путемъ посредствомъ вскрытія живота (оваріотомія) кончались такъ печально, что, пиши я свои записки полвѣка назадъ, я привелъ бы эти попытки въ видѣ примѣра непростительнаго врачебнаго экспериментированія на людяхъ. Въ то время въ Англіи жилъ молодой хирургъ Спенсеръ Уэльсъ. Ему случалось ассистировать при оваріотоміяхъ, и онъ вынесъ впечатлѣніе, что операція эта прямо непозволительна. Вскорѣ затѣмъ ему пришлось въ качествѣ хирурга участвовать въ Крымской кампаніи; тамъ онъ видѣлъ много ранъ живота, много наблюдалъ ихъ теченіе. Воротившись въ 1856 году въ Лондонъ, Спенсеръ Уэльсъ чувствовалъ уже значительно меньшій страхъ къ такимъ ранамъ. Теперь ему казалось, что, при умѣломъ оперированіи, оваріотомія можетъ давать хорошіе результаты. Между тѣмъ она внушала всѣмъ такое недовѣріе, что врачи называли ее «убій-

ственною» операціею, а судебные прокуроры прямо заявляли о необходимости привлекать подобныхъ операторовъ къ суду. Несмотря на это, Спенсеръ Уэльсъ рѣшилъ при первомъ удобномъ случаѣ рискнуть на операцію. Случай вскорѣ представился. Уэльсъ произвелъ оваріотомію... Оперированная умерла.

«Я думаю,—разсказываетъ Спенсеръ Уэльсъ:—трудно представить себѣ положеніе болѣе обезкураживающее, чѣмъ то, въ какомъ я находился. Первая моя попытка потерпѣла полную неудачу; не только у другихъ, но и во мнѣ самомъ она усиливала опасеніе, что я иду по дорогѣ къ довольно-таки незавидной извѣстности. Рѣшительно все было противъ меня. Врачебная пресса громила операцію самымъ энергичнымъ образомъ, въ медицинскихъ обществахъ ее рѣшительно порицали люди самаго высокаго авторитета». Тѣмъ не менѣе Спенсеръ Уэльсъ продолжалъ оперировать, и все болѣе удачно. Отношеніе къ операціи мало-по-малу стало измѣняться. «Уже въ 1864 году оваріотомія была повсюду признана вполнѣ законной операціей, а еще немного спустя она была уже объявлена тріумфомъ современной хирургіи»...

Такъ разсказывалъ въ восьмидесятыхъ годахъ покрытый всемірною славою Спенсеръ Уэльсъ, одинъ изъ благодѣтелей человѣчества, благодаря операціи котораго была спасена жизнь десяткамъ тысячъ женщинъ. Кто упрекнетъ его за его смѣлость? Побѣдителя не судятъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда Берингъ ввелъ въ употребленіе свою противодифтерійную сыворотку, профессоръ Пурьежъ, указывая на ненаучность постановки его опытовъ, отмѣчалъ, между прочимъ, ту смѣлость и то «опасеніе совѣсти», съ которыми Берингъ долженъ былъ впрыскивать дѣтямъ противоядіе дифтеріи, не зная въ точности, какія отъ этого получатся послѣдствія. Но сыворотка оказалась полезною (или, по крайней мѣрѣ, кажется пока таковою),—и Берингa можно только благодарить, и никто не спроситъ: рѣшился ли бы Берингъ подвергнуть впрыскиванію сыворотки первымъ своего собственнаго ребенка?

Когда у Пирогова подъ старость образовался ракъ верхней челюсти, лѣчившій его д-ръ Выводцевъ обратился къ Бильроту съ предложеніемъ сдѣлать Пирогову операцію. Бильротъ, ознакомившись съ положеніемъ дѣла, не рѣшился на операцію. «Я теперь ужъ не тотъ безстрашный и смѣлый операторъ, какимъ вы меня знали въ Цюрихѣ, — писалъ онъ Выводцеву. — Теперь при показаніи къ операціи я всегда ставлю себѣ вопросъ: *допущу ли я на себѣ сдѣлать операцію, которую хочу сдѣлать на больномъ?*»... Значитъ, раньше Бильротъ дѣлалъ на больныхъ операціи, которыхъ на

себѣ не позволилъ бы сдѣлать? Конечно. Иначе мы не имѣли бы ряда тѣхъ новыхъ блестящихъ операцій, которыми мы обязаны Бильроту.

Выходъ оказывается вовсе не такимъ простымъ и яснымъ, какъ мнѣ казалось. «Употреблять только испытанное»... Пока я ставлю это правиломъ лишь для самого себя, я нахожу его хорошимъ и единственно возможнымъ; но когда я представляю себѣ, что правилу этому станутъ слѣдовать всѣ, я вижу, что такой образъ дѣйствій ведетъ не только къ гибели медицины, но и къ полнѣйшей безсмыслицѣ. «Вы говорите, — писалъ недавно умершій знаменитый французскій хирургъ Пэанъ:—вы говорите, что къ людямъ можно примѣнять только тѣ средства, которыя были предварительно испытаны на людяхъ; но вѣдь это—положеніе, опровергающее само себя; если бы, къ своему несчастію, медицина вздумала слѣдовать ему, то она осудила бы себя на самый прямолинейный эмпиризмъ, на самую догматическую традицію. Опыты на животныхъ служили бы только для спекулятивныхъ разысканій; ветеринарная медицина, конечно, извлекала бы изъ этихъ опытовъ много пользы, но медицинѣ человѣческой съ ними нечего было бы дѣлать».

И дѣйствительно, во что бы тогда превратилась медицина? Новыхъ, еще не испытанныхъ средствъ примѣнять нельзя; отказываться отъ средствъ уже признанныхъ тоже нельзя: тотъ врачъ, который не сталъ бы лѣчить сифилиса ртутью, оказался бы, съ этой точки зрѣнія, не менѣе виновнымъ, чѣмъ тотъ, который сталъ бы лѣчить упомянутую болѣзнь какимъ-либо неизвѣданнымъ средствомъ; чтобы отказаться отъ стараго, нужна не меньшая дерзость, чѣмъ для того, чтобы ввести новое; между тѣмъ исторія медицины показываетъ, что теперешняя наука наша, несмотря на всѣ ея блестящія положительныя пріобрѣтенія, все-таки больше всего, пользуясь выраженіемъ Мажанди, обогатилась именно своими потерями. И въ результатѣ получилось бы вотъ что̀: практическая медицина впала бы въ полное окоченѣніе вплоть до того далекаго времени, когда человѣческій организмъ будетъ совершенно познанъ наукою, и когда дѣйствіе примѣняемаго новаго средства будетъ заранѣе предвидѣться во всѣхъ его подробностяхъ. А между тѣмъ со всѣхъ сторонъ люди взываютъ къ медицинѣ: «Помоги же! Отчего ты такъ мало помогаешь?»

Мое положеніе оказывается въ высшей степени страннымъ. Я все время хочу лишь одного, — не вредить больному, который обращается ко мнѣ за помощью: правило это, казалось бы, настолько элементарно и обязательно, что противъ него

нельзя и спорить; между тѣмъ соблюденіе его систематически обрекаетъ меня во всемъ на полную неумѣлость и полный застой. Каждую дорогу мнѣ загораживаетъ живой человѣкъ; я вижу его—и поворачиваю назадъ. Душевное спокойствіе свое я этимъ, разумѣется, спасаю, но вопросъ остается попрежнему нерѣшеннымъ.

Такъ и съ разбираемымъ вопросомъ. Гдѣ выходъ? Гдѣ граница допустимаго? Я не знаю. А между тѣмъ именно настоящее время дѣлаетъ эти вопросы особенно настоятельными. Созданіемъ бактеріологіи закончилась великая эпоха капитальныхъ открытій въ области медицины, и наступило временное затишье. И, какъ всегда въ такія времена, голову поднимаетъ эмпирія, и практика наводняется цѣлымъ моремъ всевозможныхъ новыхъ средствъ: безъ конца и безъ перерыва предлагаются все новыя и новыя химическія вещества,—анезинъ, косаприпъ, голоканнъ, кріофинъ, мидролъ, фезинъ и тысячи другихъ; больнымъ впрыскиваютъ самые разнообразные бактерійные токсины и антитоксины, вытяжки изъ всѣхъ мыслимыхъ животныхъ органовъ; изобрѣтаются различнѣйшія операціи, кровавыя и некровавыя. Можетъ-быть, отъ всего этого урагана для насъ останется много цѣнныхъ средствъ; но ужасъ беретъ, когда подумаешь, какою цѣною это будетъ куплено, и жутко становится за больныхъ, которые, какъ бабочки на огонь, неудержимо, часто вопреки убѣжденію врачей, стремятся навстрѣчу этому урагану.

Однажды, вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, мнѣ пришлось быть у одной моей старушки-тетушки, генеральши. Она стала мнѣ разсказывать о своихъ многочисленныхъ болѣзняхъ, — сердцебіеніяхъ, боляхъ подъ ложечкой, нервныхъ тикахъ и мучительныхъ безсонницахъ.

— Мнѣ мой докторъ прописалъ отъ безсонницы новое средство... *Самое новое!* Ты его, должно-быть, и не знаешь еще... Какъ его? Хло-ра-лозъ... Не хлоралъ-гидратъ, — онъ дѣйствуетъ на сердце,—а этотъ совершенно безвредный: усовершенствованный хлоралъ-гидратъ.

И она принесла изящную коробочку съ облатками, прописанными ей моднымъ докторомъ, и съ торжествомъ показала мнѣ рецептъ...

«Бѣдная ты, бѣдная!» — подумалъ я.

VIII.

Отъ вопросовъ спутанныхъ и тяжелыхъ, на которые не знаешь, какъ отвѣтить, передъ которыми останавливаешься

въ полной безпомощности, мнѣ приходится теперь перейти къ вопросу, на который возможенъ только одинъ, совершенно опредѣленный отвѣтъ. Здѣсь грубо и сознательно не хотятъ вѣдаться съ человѣкомъ, приносимымъ въ жертву наукѣ, —

Во имя грядущаго льется здѣсь кровь,
Здѣсь нѣтъ настоящаго, — къ чорту любовь!

Съ тяжелымъ чувствомъ приступаю я къ этой главѣ, но что̀ дѣлать? Изъ пѣсни слова не выкинешь.

«Нѣкій д-ръ Кохъ,—читаемъ мы въ газетѣ «Врачъ»:—напечаталъ брошюру: «Aerztliche Versuche an lebenden Menschen (Врачебные опыты на живыхъ людяхъ)», которая какъ нельзя лучше будетъ содѣйствовать дальнѣйшему подрыву довѣрія и уваженія къ врачамъ со стороны неврачебной публики. Авторъ доказываетъ, будто бы «живосѣченія уже давно переступили черезъ порогъ нашихъ больницъ»,—другими словами, будто бы въ современныхъ больницахъ дѣлаются опыты надъ живыми людьми, похожіе на лабораторныя живосѣченія низшихъ животныхъ... Какъ и слѣдовало ожидать, за книгу Коха не замедлили ухватиться разные фельетонисты и хроникеры общей печати. Желательно, чтобъ германскіе товарищи не оставили безъ подробнаго разъясненія ни одного изъ «фактовъ» д-ра Коха, ибо только этимъ путемъ можно уничтожить значеніе его книги» («Врачъ», 1893, стр. 906).

Я не читалъ упоминаемой брошюры и не знаю, насколько «факты» д-ра Коха заслуживаютъ тѣхъ ироническихъ кавычекъ, въ которыя ихъ помѣщаетъ редакція «Врача». Но въ самомъ заявленіи Коха, къ сожалѣнію, много глубоко-вѣрнаго. Въ доказательство этого можно привести очень длинный рядъ фактовъ, и притомъ фактовъ, которые нельзя заключить въ кавычки, потому что факты эти документально засвидѣтельствованы самими ихъ виновниками.

Въ послѣдующемъ изложеніи я по возможности точно буду указывать на первоисточники, чтобы читатель самъ могъ провѣрить сообщаемыя мною данныя. Я ограничусь при этомъ одною лишь областью венерическихъ болѣзней; несмотря на щекотливость предмета, мнѣ приходится остановиться именно на этой области, потому что она особенно богата такого рода фактами: дѣло въ томъ, что венерическія болѣзни составляютъ спеціальный удѣлъ людей, и ни одна изъ нихъ не прививается животнымъ; поэтому многіе вопросы, которые въ другихъ отрасляхъ медицины рѣшаются животными прививками, въ венерологіи могутъ быть рѣшены только прививкою людямъ. И венерологи не остановились передъ этимъ;

буквально каждый шагъ впередъ въ ихъ наукѣ запятнанъ преступленіемъ.

Существуетъ, какъ извѣстно, три венерическихъ болѣзни: гоноррея, мягкая язва и сифилисъ. Начну съ первой.

Специфическій микроорганизмъ, обусловливающій гоноррею, былъ открытъ Нейсеромъ въ 1879 году. Его образцово поставленные опыты доказывали съ большою вѣроятностью, что открытый имъ «гонококкъ» и есть специфическій возбудитель гонорреи. Но съ полною убѣдительностью доказать специфичность какого-нибудь микроорганизма возможно въ бактеріологіи только путемъ прививки: если, прививая животному чистую разводку микроорганизма, мы получаемъ извѣстную болѣзнь, то этотъ микроорганизмъ и есть возбудитель данной болѣзни. Къ сожалѣнію, ни одно изъ животныхъ, какъ мы знаемъ, не воспріимчиво къ гонорреѣ. Приходилось либо оставить открытіе подъ сомнѣніемъ, либо прибѣгнуть къ прививкамъ людямъ. Самъ Нейсеръ предпочелъ первое.

Послѣдователи его оказались не такъ щепетильны. Первымъ, прививавшимъ гонококка человѣку, былъ д-ръ *Максъ Бокгартъ*, ассистентъ профессора Ринекера. «Господинъ тайный совѣтникъ фонъ-Ринекеръ, — пишетъ Бокгартъ: — всегда держался того взгляда, что раскрытіе причинъ венерическихъ болѣзней можетъ быть достигнуто лишь путемъ прививокъ людямъ» *). По предложенію своего патрона, Бокгартъ привилъ чистую культуру гонококка одному больному, страдавшему прогрессивнымъ параличомъ и находившемуся въ послѣдней стадіи болѣзни: у него уже нѣсколько мѣсяцевъ назадъ исчезла чувствительность, пролежни увеличивались съ каждымъ днемъ, и въ скоромъ времени можно было ждать смертельнаго исхода. Прививка удалась, но отдѣленіе гноя было очень незначительно. Чтобы усилить отдѣленіе, больному было дано полъ-литра пива. «Успѣхъ получился блестящій, — пишетъ Бокгартъ. — Гноеотдѣленіе стало очень обильнымъ... Черезъ десять дней послѣ прививки больной умеръ въ паралитическомъ припадкѣ. Вскрытіе показало, между прочимъ, острое гонорройное воспаленіе мочевого канала и пузыря съ начинающимся омертвѣніемъ послѣдняго и большое количество нарывовъ въ правой почкѣ; въ гноѣ этихъ нарывовъ найдены многочисленные гонококки» **).

Способъ чистой разводки, употребленный Бокгартомъ, былъ очень несовершенный, и его опытъ большого научнаго значенія

---

*) Beitrag zur Actiologie des Harnröhrentrippers. *Vierteljahrschr. für Dermatol. und Syphilis.* 1883, p. 7.

**) *Ibid.*, pp. 7—10.

не имѣлъ. Первая несомнѣнно чистая культура гонококка была получена д-ръ *Эрнстомъ Буммомъ* *). Чтобы доказать ея специфичность, Буммъ уткомъ платиновой проволоки привилъ культуру на мочевой каналъ женщины, мочеполовые пути которой при повторномъ изслѣдованіи были найдены нормальными. Развился типическій уретритъ, потребовавшій для своего лѣченія шесть недѣль (о. с., р. 147). Изслѣдуя различныя особенности своихъ разводокъ, Буммъ такимъ же образомъ привилъ гонококка еще другой женщинѣ. Результатъ получился тотъ же, что̀ и въ первомъ случаѣ (р. 150).

Замѣтимъ, что уже болѣе двадцати пяти лѣтъ назадъ Неггератъ доказалъ, къ какимъ тяжелымъ и серьезнымъ послѣдствіямъ, особенно у женщинъ, ведетъ та «невинная» гоноррея, о которой невѣжды и до сихъ поръ еще говорятъ съ улыбкой; въ наукѣ на этотъ счетъ разногласій давно уже нѣтъ. Вотъ что̀, напр., говоритъ такой авторитетный спеціалистъ по данному предмету, какъ уже упомянутый нами Нейсеръ: «*Я не колеблясь заявляю, что по своимъ послѣдствіямъ гоноррея есть болѣзнь, несравненно болѣе опасная (ungleich schlimmere), чѣмъ сифилисъ*, и думаю, что въ этомъ со мною согласятся особенно всѣ гинекологи» **). Впрочемъ, и самъ Буммъ въ предисловіи къ своей работѣ заявляетъ, что «гонорройное зараженіе составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ причинъ тяжелыхъ заболѣваній половыхъ органовъ» ***),—что̀ не помѣшало ему, однако, подвергнуть опасности такого заболѣванія двухъ своихъ паціентокъ. Правда, по словамъ Бумма, въ его опытахъ «были приняты всѣ (?) мѣры предосторожности противъ зараженія половыхъ органовъ», но дѣло въ томъ, что эти «всѣ» мѣры крайне ненадежны. Притомъ къ очень тяжелымъ послѣдствіямъ можетъ повести гонорройное заболѣваніе и однихъ мочевыхъ путей.

Дальнѣйшій шагъ впередъ въ культивировкѣ гонококка былъ сдѣланъ д-ромъ *Эрнстомъ Вертгеймомъ* ****), которому удалось получить чистую культуру на пластинкахъ. «Для вѣрности доказательства того,—пишетъ Вертгеймъ:—что растущія на пластинкахъ колоніи дѣйствительно представляютъ собою

---

*) *E. Bumm*, Der Mikroorganismus der gonorrhoischen Schleimhauterkrankungen. 2 Ausg. Wiesbaden. 1887.

**) *Prof. Al. Neisser*, Ueber die Nothwendigkeit von Spezialkliniken für Haut- und venerische Kranke. *Klinisches Jahrbuch*. Bd. II, p. 199.

***) O. c. p. IV.

****) Предварительное сообщеніе въ *Deutsche med. Wochenschrift*, 1891, № 50 («Reinzüchtung des Gonococcus Neisser mittels des Plattenverfahrens»). Подробная статья въ *Archiv für Gynäkologie*. Bd. 42 (1892) («Die ascendirende Gonorrhoe beim Weibe»).

колоніи нейсерова гонококка, естественно, должно было сдѣлать прививку на мочевой каналъ человѣка» *). Вертгеймъ привилъ свои культуры четыремъ больнымъ-паралитикамъ и одному идіоту, тридцатидвухлѣтнему III. У идіота III. «довольно сильное гноетеченіе» замѣчалось еще по прошествіи двухъ мѣсяцевъ со времени прививки **). Дальнѣйшихъ опытовъ Вертгеймъ не дѣлалъ, «за недостаткомъ въ соотвѣтственномъ матеріалѣ» ***).

Способъ Вертгейма былъ провѣренъ другими изслѣдователями. *Гебгардъ* ****) съ успѣхомъ прививалъ культуры Вертгейма людямъ (подробностей Гебгардъ въ своей работѣ не приводитъ). Положительный результатъ дали также опыты *Карла Менге:* онъ привилъ гонококка женщинѣ, страдавшей раковымъ пузырно-влагалищнымъ свищомъ; онъ же привилъ гонорреею другой женщинѣ съ опухолью мозга, за два дня до ея смерти °).

На особенно широкую ногу были поставлены опыты *Фингера, Гона и Шлангенауфера* °°). Они сдѣлали прививки четырнадцати тяжелымъ больнымъ, большею частью страдавшимъ чахоткою и умершимъ черезъ 3 — 8 дней послѣ прививки. «Чрезвычайно цѣнный гистологическій матеріалъ» доставилъ больной Ф. Д., 21 года, умершій черезъ трое сутокъ послѣ прививки. «Принимая во вниманіе,—говорятъ авторы:— кратковременность процесса, продолжавшагося всего трое сутокъ, должно удивляться интенсивности процесса, поведшаго къ такимъ глубокимъ гистологическимъ измѣненіямъ».

Гонорея является одною изъ самыхъ частыхъ причинъ гнойнаго воспаленія глазъ новорожденныхъ. Вопросомъ объ отношеніи гонококка къ болѣзнямъ глазъ новорожденныхъ занимались многіе изслѣдователи. *Е. Френкель* привилъ воспалительныя отдѣленія больныхъ на глаза тремъ дѣтямъ, долженствовавшимъ вскорѣ умереть. Одинъ изъ нихъ жилъ послѣ прививки еще десять дней, и у него развилось типическое гнойное воспаленіе глазъ °°°). *Тишендорфъ* прививалъ гонор-

---

*) *D. med. Woch.*

**) *Archiv*, pp. 17, 28, 33—34, 37, 39.

***) Замѣчу, что этотъ же Вертгеймъ два раза впрыснулъ *себѣ* подъ кожу чистыя разводки гонококковъ,—оба раза съ положительнымъ результатомъ.

****) Der Gonococcus-Neisser auf der Platte und in Reincultur. *Berlin. klin. Woch.* 1892, № 11, p. 238.

°) Ein Beitrag zur Kultur des Gonococcus. *Centralblatt für Gynäcologie,* 1893, № 8.

°°) Zur Biologie des Gonococcus. *Archiv für Dermatologie und Syphilis.* Bd. 28, 1894, pp. 304—306, 317—324.

°°°) Bericht über eine bei Kindern beobachtete Endemie infectiöser Kolpitis. *Virchow's Archiv.* Bd. 99, Heft 2 (1885), pp. 263—264.

ройное отдѣленіе больныхъ дѣвочекъ на глаза атрофическимъ дѣтямъ, у которыхъ получалось гнойное воспаленіе глазъ съ характеристическими гонококками *). *Кроперъ* привилъ слизисто-гнойныя, свободныя отъ гонококковъ отдѣленія беременныхъ и рожениць на глаза шестерымъ взрослымъ слѣпцамъ (съ отрицательнымъ результатомъ **).

Такова *далеко еще не полная* исторія гонорреи съ интересующей насъ точки зрѣнія. Теперь мнѣ слѣдовало бы перейти къ прививкамъ мягкой язвы; но на нихъ я останавливаться не буду; во-первыхъ, прививки эти по своимъ послѣдствіямъ сравнительно невинны; изслѣдователь привьетъ больному язву на плечо, бедро или животъ, и черезъ недѣлю залѣчитъ; это вѣдь для больного совершенные «пустяки», а между тѣмъ живая человѣческая кожа — «самая естественная питательная среда» для микроорганизма мягкой язвы, какъ выражается д-ръ Спичка ***). Во-вторыхъ, прививки мягкой язвы такъ многочисленны, что описанію ихъ пришлось бы посвятить нѣсколько печатныхъ листовъ; такія прививки дѣлали Гунтеръ, Рикоръ, Ролле, Бюзене, Надо, Кюллерье, Линдвурмъ, де-Лука, Маннино, В. Бекъ, Штраусъ, Гюббенетъ, Бэренпрунгъ, Дюкрэ, Крефтингъ, Спичка и многіе, многіе другіе.

Перейдемъ къ сифилису. Не заходя далеко въ старину, я изложу его исторію лишь со времени знаменитаго французскаго сифилидолога Филиппа Рикора. Рикоръ разрѣшилъ многіе темные вопросы своей науки и совершенно перестроилъ все зданіе венерологіи. Но и у него, конечно, не обошлось безъ ошибокъ. Одною изъ такихъ весьма прискорбныхъ ошибокъ было утвержденіе Рикора, что сифилисъ въ своей вторичной стадіи незаразителенъ. Причиною этой ошибки было то, что Рикоръ, совершившій безчисленное количество прививокъ *венерическимъ больнымъ*, не рѣшался экспериментировать надъ здоровыми ****). Исторіей опроверженія этой ошибки Рикора мы теперь и займемся.

Однимъ изъ первыхъ высказался за заразительность вто-

---

*) Verhandlungen der 57 Versammlung deutscher Naturforscher und Aerzte in Magdeburg 1884. *Archiv für Gynäkologie*. Bd. 25, 1885, p. 114.

**) Ibid., p. 113.

***) Zur Aetiologie des Schankerbubo. *Archiv für Dermat. und Syphilis*. 1894, Bd. 28, p. 32.

****) По этому поводу совершенно справедливо замѣчаетъ Рипкеръ: «Непонятно, почему Рикоръ съ такимъ безусловнымъ порицаніемъ относится къ прививкамъ здоровымъ людямъ; при массѣ его опытовъ не могло же ему остаться неизвѣстнымъ, что и прививки больнымъ не особенно рѣдко опасны для нихъ». Въ общей сложности Рикоръ совершилъ до *семисотъ* прививокъ гонорреи, мягкой язвы и сифилиса.

ричныхъ явленій сифилиса дублинскій врачъ *Вильямъ Уоллесъ* въ своихъ замѣчательныхъ «Клиническихъ лекціяхъ о венерическихъ болѣзняхъ». Лекціи эти замѣчательны по тому классическому безстыдству, съ какимъ Уоллесъ разсказываетъ о своихъ разбойничьихъ опытахъ прививки сифилиса здоровымъ людямъ. «Операцію прививки,—говоритъ онъ:—я совершаю однимъ изъ трехъ способовъ: либо я дѣлаю уколъ ланцетомъ и наношу на ранку отдѣленіе язвы или кондиломы; либо поднимаю кожицу нарывнымъ пластыремъ и покрываю обнаженную поверхность корпіей, смоченной гноемъ; либо, наконецъ, удаляю кожицу треніемъ пальца, обернутаго въ полотенце, и на обнаженную поверхность наношу гной. Результаты при всѣхъ трехъ способахъ были одинаковые» *).

Въ дальнѣйшихъ лекціяхъ Уоллесъ подробно разсказываетъ о прививкахъ, сдѣланныхъ имъ пяти здоровымъ людямъ, въ возрастѣ отъ 19 до 35 лѣтъ. У всѣхъ развился характерный сифилисъ **). «Приводимые факты, — говоритъ Уоллесъ въ двадцать второй лекціи: — составляютъ только часть, и притомъ чрезвычайно незначительную часть фактовъ, которые я былъ бы въ состояніи вамъ привести» ***). Въ двадцать третьей лекціи онъ еще разъ повторяетъ, что изложенные имъ опыты составляютъ лишь очень небольшую часть произведенныхъ имъ ****).

«Позволительно ли еще,—писалъ по поводу этихъ опытовъ Шпенфъ *****):—ждать болѣе убѣдительныхъ доказательствъ заразительности вторичныхъ явленій сифилиса? Не нужно новыхъ опытовъ на здоровыхъ людяхъ: опыты Уоллеса дѣлаютъ ихъ совершенно безполезными. Дѣло рѣшено, наука не хочетъ новыхъ жертвъ; тѣмъ хуже для тѣхъ, кто закрываетъ глаза передъ свѣтомъ».

Но оргія только еще начиналась...

Въ 1851 году были опубликованы «замѣчательные», «дѣлающіе эпоху» опыты *Валлера*. Вотъ какъ описываетъ онъ свои опыты:

«Первый опытъ. Дурстъ, мальчикъ 12-ти лѣтъ, № скорбнаго листа 1396, въ теченіе многихъ лѣтъ страдаетъ паршами

---

*) *W. Wallace.* Lectures on cutaneous and venereal diseases. *The Lancet* for 1835—36. Vol. II, p. 132.

**) Clinical lectures on venereal diseases. *The Lancet* for 1836—37. Vol. II, pp. 535, 536, 538, 620, 621.

***) Clinical lectures on venereal diseases, p. 539.

****) *Ibid.*, p. 615.

*****) De la contagion des accidents consecutifs de la syphilis. *Annales des maladies de la peau et de la syphilis,* publ. par. *A. Cazenave,* Vol. IV, 1851—52, p. 41.

головы. Въ остальномъ онъ совершенно здоровъ, никогда не страдалъ ни сыпью ни золотухой. Такъ какъ по роду болѣзни ему предстояло пробыть въ больницѣ нѣсколько мѣсяцевъ, и такъ какъ онъ раньше не страдалъ сифилисомъ, то я призналъ его весьма годнымъ для прививки, которая и была совершена 6-го августа. На кожѣ праваго бедра были сдѣланы насѣчки, и въ свѣжія, слегка кровоточащія ранки введенъ гной, взятый съ сифилитика. Этотъ гной я втеръ шпателемъ въ ранки, затѣмъ корпіей, пропитанной тѣмъ же гноемъ, растеръ скарифицированное мѣсто и, покрывъ послѣднее этою же корпіею, наложилъ повязку»... Въ началѣ октября у ребенка появилась характерная сифилитическая сыпь *).

«Второй опытъ. Фридрихъ, 15-ти лѣтъ, № скорбнаго листа 5676, въ теченіе семи лѣтъ страдаетъ волчанкою правой щеки и подбородка. Больной до сихъ поръ еще не страдалъ сифилисомъ и такимъ образомъ годился для прививки. Она была совершена 27-го іюля. Въ свѣжіе надрѣзы на лѣвомъ бедрѣ я ввелъ кровь женщины, страдавшей сифилисомъ, и затѣмъ перевязалъ ранки корпіей, пропитанной тою же кровью». Въ началѣ октября успѣхъ прививки былъ внѣ всякаго сомнѣнія **).

«Обоихъ больныхъ,—прибавляетъ Валлеръ:—я нарочно показалъ г. директору больницы Ридлю, всѣмъ гг. старшимъ врачамъ больницы (Бему и др.), многимъ врачамъ города, нѣсколькимъ профессорамъ (Якшу, Кубику, Оппольцеру, Дитриху и др.), почти всѣмъ госпитальнымъ врачамъ и многимъ иностраннымъ. Единогласно подтвердили всѣ правильность діагноза сифилитической сыпи и выразили готовность въ случаѣ нужды выступить свидѣтелями истинности результатовъ моихъ прививокъ».

Не правда ли, какой полный и точный... судебный протоколъ? Сообщены всѣ подробности «дѣянія», точно указаны пострадавшіе, поименно перечислены всѣ свидѣтели... Если бы прокуроры заглядывали въ эту область, то работы имъ было бы здѣсь немного.

Опыты Валлера послужили сигналомъ для повсемѣстной провѣрки вопроса о заразительности вторичнаго сифилиса.

Въ мартѣ 1852 года *проф. Ринекеръ* привилъ гной сифилитика двѣнадцатилѣтнему мальчику, лежавшему въ больницѣ вслѣдствіе неизлѣчимой пляски св. Витта. Черезъ мѣсяцъ на

---

*) *Waller.* Die Contagiosität der secundären Syphilis. *Vierteljahrschr für d. prakt. Heilkunde.* Prag 1851. Bd. I (XXIX), pp. 124—126.
**) *Ibid.*, pp. 126—128.

мѣстѣ прививки развилась инфильтрація и затвердѣніе. Конституціональныхъ симптомовъ въ этомъ случаѣ не послѣдовало *).

Въ 1855 году, въ одномъ изъ засѣданій Общества пфальцскихъ врачей, во время преній о заразительности вторичнаго сифилиса (по поводу опытовъ Валлера), секретарь Общества познакомилъ собраніе съ содержаніемъ сообщенія, присланнаго ему однимъ отсутствующимъ товарищемъ. «Особое стеченіе обстоятельствъ доставило упомянутому товарищу возможность, безъ нарушенія законовъ гуманности, произвести опыты по вопросу о заразительности вторичнаго сифилиса». Опыты эти заключались въ слѣдующемъ: 1) Гной плоскихъ мокнущихъ кондиломъ и отдѣленіе трещинъ одной сифилитички были привиты одиннадцати человѣкамъ,—тремъ женщинамъ 17, 20 и 25-ти лѣтъ и восьми мужчинамъ въ возрастѣ отъ 18 до 28-ти лѣтъ. У всѣхъ развился сифилисъ. 2) Гной сифилитическихъ язвъ былъ привитъ тремъ женщинамъ 24, 26 и 35-ти лѣтъ. Всѣ три получили сифилисъ. 3) Кровью сифилитика были смазаны ножныя язвы шестерыхъ больныхъ; у троихъ развился сифилисъ. 4) Кровь сифилитика была введена въ ранки отъ кровавыхъ банокъ тремъ лицамъ. Безъ результата **).

Итакъ, прививка была произведена *двадцати тремъ* лицамъ, *семнадцать* изъ нихъ получили сифилисъ,—и все это оказалось возможнымъ совершить «безъ нарушенія законовъ гуманности»! Вотъ поистинѣ удивительное «стеченіе обстоятельствъ»! Ниже мы увидимъ, что подобныя «стеченія обстоятельствъ» нерѣдки въ сифилидологіи... Кто былъ авторъ приведенныхъ опытовъ, такъ и осталось неизвѣстнымъ; онъ счелъ за лучшее навсегда скрыть отъ свѣта свое позорное имя, и въ наукѣ онъ до сихъ поръ извѣстенъ подъ названіемъ «Пфальцскаго Анонима».

Все тотъ же вопросъ о заразительности вторичнаго сифилиса былъ предметомъ изслѣдованія кіевскаго профессора *Х. фонъ-Гюббенета.* Имъ были произведены, между прочимъ, слѣдующіе опыты:

1) «И. Сузиковъ, фельдшеръ, 20 лѣтъ отъ роду, подвергся въ февралѣ 1852 года прививкѣ слизистаго прыща сифилитика,

---

*) Ueber die Ansteckungsfähigkeit der constitutionellen Syphilis. *Verhandlungen der phys. medic. Gesellschaft in Würzburg.* Bd. III, 1852, p. 391. Въ клиникѣ того же проф. Ринекера два врача, д-ръ Варнери изъ Лозанны и д-ръ В. Р., согласились подвергнуться прививкѣ, и оба получили сифилисъ *(ibid.).*

**) Auszüge aus den Protocollen des Vereines pfälzischer Aerzte vom Jahre 1855. *Aerztliches Intelligenz-Blatt*, 1856, № 35, pp. 425—426.

находясь въ цвѣтущемъ здоровьѣ... Я поставилъ мушку на лѣвомъ бедрѣ и, удаливъ такимъ образомъ кожицу, шпателемъ перенесъ на обнаженное мѣсто матерію слизистыхъ прыщей и потомъ наложилъ корпію, пропитанную тѣмъ же самымъ отдѣленіемъ... На пятой недѣлѣ обнаружилась roseola на груди и животѣ. Съ этихъ поръ сифилитическое страданіе стало быстро возрастать. Я продержалъ больного въ этомъ положеніи еще цѣлую недѣлю, для того, чтобы показать его по возможности большему числу врачей и дать имъ возможность удостовѣриться въ дѣйствительности факта. Наконецъ я обратился къ ртутному лѣченію, и больной выздоровѣлъ черезъ три мѣсяца».

2) «Солдатъ Тимоѳей Максимовъ, отъ роду 33 лѣтъ, 13 января 1858 года поступилъ въ хирургическую клинику съ застарѣлой фистулой мочевого канала. Такъ какъ больной по всѣмъ соображеніямъ долженъ былъ пробыть въ госпиталѣ довольно долго, и времени, слѣдовательно, имѣлось въ виду достаточно для того, чтобы выждать результатъ, то мнѣ этотъ случай показался удобнымъ для опыта. Марта 14-го привита матерія, взятая съ покрытыхъ слизистыми прыщами и изъязвленныхъ миндалей солдата Нестерова... Къ 22-му мая характерная roseola... 2-го іюня начато ртутное лѣченіе, и черезъ шесть недѣль больной выздоровѣлъ» *).

«Читая эти два описанія, — говоритъ проф. В. А. Манассеинъ:—не знаешь, чему болѣе дивиться: тому ли хладнокровію, съ которымъ экспериментаторъ даетъ сифилису развиться порѣзче для большей ясности картины и «чтобы показать больного большему числу врачей», или же той начальнической логикѣ, въ силу которой подчиненнаго можно подвергнуть тяжкой, иногда смертельной болѣзни, даже не спросивъ его согласія. Желалъ бы я знать, привилъ ли бы проф. Гюббенетъ сифилисъ своему сыну, даже если бы тотъ и согласился!» **).

Свою статью проф. Гюббенетъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Считаю нужнымъ замѣтить, что, произведя множество неудачныхъ опытовъ надъ больными, я былъ вполнѣ убѣжденъ, что встрѣчу ту же самую неудачу въ отношеніи здоровыхъ; только на основаніи этого убѣжденія я и могъ себѣ позволить произвести опасные опыты». (Не будемъ ужъ говорить о томъ, что профессоръ-спеціалистъ не могъ не знать объ удачныхъ

---

*) *Проф. Х. фонъ-Гюббенетъ*, Наблюденіе и опытъ въ сифилисѣ. *Военно-Медиц. Журналъ*. Ч. 77. 1860, стр. 423—427.

**) Лекціи общей терапіи. Ч. I. Спб. 1879, стр. 66.

прививкахъ хотя бы Валлера; но и самимъ проф. Гюббенетомъ первая удачная прививка была произведена въ 1852 г., послѣдняя же въ 1858. Неужели и въ 1858 году профессоръ приступалъ къ прививкѣ, тоже «вполнѣ убѣжденный»?). «Обнародованіе этихъ наблюденій, — продолжаетъ Гюббенетъ: — можетъ-быть, удержитъ людей даже съ такой скептической натурой, какъ и моя, отъ производства дальнѣйшихъ опытовъ, могущихъ повести къ совершенному разстройству здоровья лицъ, имъ подвергающихся. Я бы еще нѣсколько успокоился относительно судьбы жертвъ, если бы опыты эти распространили въ публикѣ убѣжденіе въ заразительности вторичныхъ припадковъ... Если опыты эти могутъ раскрыть истину въ столь важномъ дѣлѣ, то страданіемъ нѣсколькихъ лицъ человѣчество еще не очень дорого заплатитъ за истинно-полезный и практическій результатъ».

Непонятно, почему въ такомъ случаѣ проф. Гюббенетъ не привилъ сифилиса *себѣ?* Или, можетъ-быть, это было бы слишкомъ «дорого» даже и для человѣчества?

Въ 1858 году французское правительство обратилось къ Парижской Медицинской Академіи за разрѣшеніемъ все еще остававшагося спорнымъ вопроса, заразителенъ ли вторичный сифилисъ. Была назначена комиссія, и докладчикомъ этой комиссіи выступилъ въ академіи д-ръ *Жиберъ*. Между прочимъ, онъ сообщилъ, что съ цѣлью выясненія предложеннаго вопроса д-ръ *Озіасъ-Тюренъ* привилъ отдѣленіе сифилитика двумъ взрослымъ больнымъ, страдавшимъ волчанкою, и у обоихъ развился сифилисъ. Самъ докладчикъ сдѣлалъ прививки двумъ другимъ больнымъ, также страдавшимъ волчанкою, и также въ обоихъ случаяхъ получилъ сифилисъ *).

Докладъ Жибера вызвалъ въ академіи бурныя и продолжительныя пренія; въ нихъ горячее участіе принялъ Рикоръ, который упрямо, несмотря на всю очевидность, отрицалъ до тѣхъ поръ заразительность вторичнаго сифилиса; въ концѣ концовъ Рикоръ былъ принужденъ сознаться, что ошибался, и присоединился къ мнѣнію о заразительности вторичнаго сифилиса.

Самый сильный и авторитетный противникъ новыхъ взглядовъ былъ побѣжденъ. Но, несмотря на это, опыты, теперь ужъ даже безцѣльные, все продолжались и продолжались... Въ 1859 году *Гюсно* привилъ отдѣленіе сифилитическихъ слизистыхъ бляшекъ 10-лѣтнему мальчику I. Б.-Б., страда-

---

*) *Bulletin de l'Academie imperiale de médecine.* Tome XXIV. Paris. 1858—1859, p. 888—890.

вшему паршами головы, и получилъ у него сифилисъ *). Въ томъ же 1859 году *проф. Бэренштрунгъ* съ успѣхомъ привилъ сифилитическій гной восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ Бертѣ Б. Онъ же отдѣленіемъ твердаго шанкра привилъ сифилисъ двадцатитрехлѣтней проституткѣ Маріи Г. **) *Проф. Линдвурмъ* въ 1860—1861 гг. привилъ сифилисъ пяти лежавшимъ въ его больницѣ женщинамъ 18, 19, 30, 45-ти и 71 года. Вотъ описаніе послѣдняго изъ этихъ опытовъ: «Марія Е., 71 года, въ теченіе многихъ лѣтъ страдаетъ большою, глубокою язвою лба. Обѣ лобныя пазухи вслѣдствіе разрушенія переднихъ стѣнокъ открыты; дно язвы густо покрыто грануляціями, между которыми зондъ легко доходитъ до кости, а кое-гдѣ проходитъ и въ кость... 27-го мая 1861 года больной была впрыснута подъ кожу между лопатками кровь сифилитички». Больная получила сифилисъ ***).

Какъ сообщаетъ Цейсль, д-ромъ *Рознеромъ,* по порученію проф. *Гебры*, были произведены слѣдующіе опыты: 1) «Отдѣленіе плоскаго кондилома, сидѣвшаго на груди одной кормилицы, было привито 50-лѣтнему больному, страдавшему чрезвычайно сильно развитымъ зудомъ». Сифилисъ. 2) «Гной шанкра былъ привитъ на предплечіе кормилицѣ, страдавшей пятнистымъ сифилидомъ. Уколы у этой пропитанной сифилисомъ женщины принялись и развились въ характеристическія пустулы. Гной этихъ-то послѣднихъ былъ снова привитъ одному прокаженному больному, не страдавшему прежде сифилисомъ... Эта прививка также принялась» ****).

Докторъ *Пюшъ* привилъ на животъ больному, лежавшему въ Hôpital du Midi, отдѣленіе твердой язвы сифилитика. Прививка не удалась. Черезъ три недѣли Пюшъ привилъ этому больному отдѣленіе другого сифилитика. На этотъ разъ опытъ увѣнчался успѣхомъ: больной получилъ сифилисъ *****).

Съ цѣлью выясненія вопроса, заражается ли сифилисомъ человѣкъ, однажды уже перенесшій сифилисъ, проф. *Видаль-де-Касси* произвелъ слѣдующій опытъ:

---

*) Nouveau fait d'inoculation d'accidents syphil. secondaires. *Gaz. hebdomad. de méd. et de chirurgie.* 1859, № 15. Гюено за свой опытъ понесъ страшное наказаніе: ліонскій исправительный трибуналъ приговорилъ его... къ *ста* франкамъ штрафа!

**) Mittheilungen aus der Klinik für syphil. Kranke. *Annalen des Charité-Krankenhauses.* Bd. IX, Heft I, 1860, p. 167—168.

***) Ueber die Verschiedenheit der syphilitischen Krankheiten. *Würzburger Medicinische Zeitschrift.* 1862, Bd. III, pp. 146—148, 174.

****) *Германъ Цейсль,* Руководство къ изученію общаго сифилиса. Спб. 1866. стр. 29.

*****) *Henri Lee,* Hunterian lectures on syphilis. *The Lancet,* 1875, vol. II, p. 122.

«М., 37 лѣтъ отъ роду». (Перенесъ сифилисъ, поступилъ въ больницу съ параличомъ нижнихъ конечностей; раньше работалъ въ сыромятномъ заведеніи, потомъ былъ сторожемъ). «Больной началъ выздоравливать, но пожелалъ остаться еще на нѣкоторое время въ госпиталѣ, въ ожиданіи казеннаго мѣста служенія. Въ январѣ 1852 года ему было приставлено по маленькой мушкѣ на каждое бедро, вслѣдствіе недѣятельности мочевого пузыря; послѣ снятія кожицы *раны были перевязаны корпіею, пропитанною въ гноѣ, снятомъ съ слизистыхъ прыщей, которыми страдалъ другой больной.* Но отъ этой прививки не было никакихъ послѣдствій. Я предложилъ впослѣдствіи повторить этотъ опытъ. 12-го апрѣля 1852 года, когда больной началъ жаловаться на трудность дыханія, ему была приставлена мушка на верхней части рукъ, которая 13-го апрѣля была перевязана корпіей, пропитанной гноемъ слизистыхъ прыщей другого больного. 15-го апрѣля: рана на каждой рукѣ покрылась сѣроватою перепонкою, нагноеніе очень обильно и отвратительнаго запаха; на эти раны вновь была наложена корпія, пропитанная тѣмъ же гноемъ» и т. д. *). Видаль очень недоволенъ щепетильностью ученыхъ, не рѣшающихся на подобные опыты. «Къ несчастью, — говоритъ онъ: — самые дѣльные изъ сифилографовъ, которые по своей логикѣ и навыку къ клиническимъ наблюденіямъ могли бы принести огромную пользу, считаютъ опытъ за средство безнравственное и пренебрегаютъ имъ» **).

Заразителенъ ли сифилисъ въ третичномъ періодѣ? Большинство опытовъ говоритъ за незаразительность. *Дидэ* прививалъ безъ результата здоровымъ людямъ кровь сифилитиковъ въ третичной стадіи ***); *Фингеръ* сдѣлалъ болѣе тридцати отрицательныхъ прививокъ отдѣленіемъ гуммозныхъ язвъ и періоститовъ десяти «здоровымъ, т.-е. не сифилитическимъ субъектамъ» ****).

Цѣлый рядъ опытовъ былъ произведенъ различными изслѣдователями по вопросу о томъ, заразительны ли во вторичной стадіи сифилиса всевозможныя нормальныя и патологическія, но *не* специфическія отдѣленія больного. Такъ, *Бассэ* прививалъ гонорройный гной, взятый съ сифилитика, на кожу

---

*) *Проф. А. Видаль*, О венерическихъ болѣзняхъ. Пер. съ фр. Спб. 1857, стр. 560—561.

**) *Ibid.*, стр. 31.

***) *Gaz. méd. de Paris*, 1846. Цит. по *Ланссро*, Ученіе о сифилисѣ, стр. 607.

****) *E. Finger*, Die Syphilis und die vener. Krankheiten. Wien. 1886, p. 7.

здороваго человѣка и получилъ отрицательный результатъ *.) Проф. *В. М. Тарновскій* былъ счастливѣе. «Зимою 1863 года, въ Калинкинской больницѣ, — разсказываетъ онъ: — послѣ восемнадцати (!) попытокъ мнѣ удалось привить женщинѣ, имѣвшей бородавчатые наросты и никогда не страдавшей сифилисомъ, слизисто-гнойное отдѣленіе другой больной» (сифилитички). Развился характерный сифилисъ **). Въ той же Калинкинской больницѣ проф. Тарновскій сдѣлалъ рядъ опытовъ для провѣрки утвержденія Кюллерье, что на цѣльную оболочку мягкая язва не прививается. «Мало того, — пишетъ профессоръ:—въ теченіе прошлаго 1868—1869 учебнаго года я рѣшился сдѣлать тотъ же опытъ съ отдѣляемымъ твердаго шанкра и послѣдовательныхъ явленій сифилиса. Двумъ больнымъ, никогда не имѣвшимъ сифилиса и не представлявшимъ во влагалищѣ и наружныхъ частяхъ ни малѣйшихъ ссадинъ, было введено въ рукавъ одной — отдѣляемое твердаго шанкра, другой — слизистыхъ папулъ». Сифилиса не послѣдовало ***). Тотъ же проф. Тарновскій, испытывая предохранительную жидкость Ланглебера, произвелъ, между прочимъ, слѣдующіе два опыта: «Отдѣляемое твердаго шанкра въ одномъ случаѣ и мокнущихъ слизистыхъ папулъ въ другомъ было положено мною на внутреннюю поверхность плеча здороваго субъекта, гдѣ помощью ланцета предварительно была соскоблена кожица. Заразительная матерія оставлена въ соприкосновеніи съ обнаженнымъ мѣстомъ отъ пяти до десяти минутъ, затѣмъ послѣднее натерто предохранительною жидкостью. Въ обоихъ случаяхъ развитія сифилитическихъ явленій не послѣдовало» ****).

Весною 1897 года проф. Тарновскій покинулъ за выслугою лѣтъ каѳедру Военно-Медицинской Академіи. Его прощальная лекція была посвящена... врачебной этикѣ. Повидимому, въ этой лекціи г-номъ профессоромъ были высказаны очень возвышенныя и благородныя мысли: молодежь устроила ему шумную овацію.

Можно ли передать сифилисъ отдѣляемымъ мягкой язвы сифилитика? Этотъ вопросъ пытался рѣшить экспериментальнымъ путемъ доцентъ (нынѣ проф. Казанскаго университета)

---

*) Рѣчь *Ролле* на Ліонскомъ конгрессѣ 1864 г. *Gaz. hebdomad.* 1864, p. 706.

**) *В. М. Тарновскій*, Курсъ венерическихъ болѣзней. Спб. 1870, стр. 67.

***) *Ibid.*, стр. 64.

****) *Э. Лансеро*, Ученіе о сифилисѣ. Пер. подъ ред. проф. *В. М. Тарновскаго*. Спб. 1876, стр. 669, примѣч. редактора.

А. Г. Ге. «Опытъ былъ произведенъ надъ женщиною, страдающей норвежскою проказою, никогда не имѣвшей сифилиса и *давшей на опытъ свое согласіе* (sic!)». Результатъ получился отрицательный *). Отрицательный результатъ дали также четыре прививки *Ригера*, произведенныя имъ въ клиникѣ Рипекера **). Болѣе успѣшными оказались опыты *Биденкапа*... Впрочемъ, виноватъ: опытовъ Биденкапъ не производилъ; къ нему на помощь пришло одно изъ тѣхъ волшебныхъ «стеченій обстоятельствъ», которыя въ обыденной жизни совершенно невѣроятны, но которыя въ сифилидологіи, какъ мы уже знаемъ, иногда случаются.

«Первый случай. Дѣвушка, принятая 9-го октября 1862 года съ бленорреей влагалища и мочевого канала, *изъ баловства* привила себѣ иглой шанкерный ядъ изъ искусственныхъ язвъ одной больной, которая была пользуема сифилизаціей... Образовались двѣ язвы, которыя не сопровождались конституціональнымъ сифилисомъ».

«Второй случай. Дѣвушка съ экземой предплечій, но никогда не страдавшая венерическими пораженіями, привила себѣ *изъ шалости, подобно предыдущей больной*, 18 (восемнадцать!) шанкровъ; къ нимъ прибавилось 12 другихъ отъ пробныхъ прививаній гноемъ первоначально образовавшихся пустулъ, такъ какъ способъ ихъ происхожденія вначалѣ не былъ извѣстенъ». Больная получила сифилисъ ***).

Съ цѣлью рѣшенія вопроса, заразительно ли молоко женщинъ, больныхъ сифилисомъ, *Падова* привилъ четыремъ здоровымъ кормилицамъ молоко, взятое отъ сифилитички; результатъ во всѣхъ случаяхъ получился отрицательный ****). Этимъ же вопросомъ занимался д-ръ *Р. Фоссъ;* онъ привилъ въ Калинкинской больницѣ молоко сифилитической женщины тремъ проституткамъ, *«давшимъ на опытъ свое согласіе»*.

Опытъ первый. Пелагея А—ва, *тринадцати* лѣтъ, крестьянка Новгородской губерніи; имѣла сифилисъ, вылѣчилась. 25-го сентября 1875 года ей впрыснуто въ спину молоко сифилитички. Получился только нарывъ величиною «съ небольшой кулакъ».

Опытъ второй. Наталья К—ва, 15 лѣтъ, проституціей стала заниматься недавно. Поступила съ уретритомъ и вагинитомъ. Впрыснуто молоко сифилитички. Безъ результата.

---

*) *Дневникъ Казанскаго Общества врачей*, 1881, стр. 12.

**) См. *Bäumler*, Сифилисъ, въ Руков. къ частн. патол. и терапіи *Цимсена*, т. III, ч. I. Харьковъ. 1886, стр. 84.

***) *Bäumler.*

****) *Лансеро*, стр. 614.

Опытъ третій. Любовь Ю—нъ, 16 лѣтъ, проститутка; поступила въ больницу съ уретритомъ; сифилиса никогда не имѣла. 27-го сентября ей впрыснутъ подъ лѣвую лопатку полный правацовскій шприцъ молока сифилитички. *Дѣвушка получила сифилисъ* *).

Докторъ Фоссъ, какъ и проф. Ге, увѣряетъ, что его жертвы дали на опытъ свое согласіе. Что̀ это, насмѣшка? Самой старшей изъ дѣвушекъ было всего *шестнадцать* лѣтъ! Если согласіе даже дѣйствительно было дано, то знали ли эти дѣти, *на что* они соглашались, можно ли было придавать какое-нибудь значеніе ихъ согласію?

Довольно. Я привелъ далеко не всѣ имѣющіеся въ моемъ распоряженіи факты прививки сифилиса людямъ. Но ужъ и приведенные, мнѣ кажется, съ достаточною убѣдительностью говорятъ за то, что опыты эти не представляютъ собою чего-то исключительнаго и случайнаго: они производятся систематически, о нихъ сообщаютъ спокойно, не боясь суда ни общественной совѣсти, ни своей — сообщаютъ такъ, какъ будто рѣчь идетъ о кроликахъ или собакахъ. Я только приведу еще нѣсколько подобныхъ же опытовъ изъ другихъ областей медицины; хотя тамъ они сравнительно и рѣже (благодаря возможности производить опыты надъ животными), но безотносительно встрѣчаются все-таки въ слишкомъ достаточномъ количествѣ.

Изслѣдуя способы зараженія человѣка глистами, *проф. Грасси* и *д-ръ Каландруччіо* дали семилѣтнему мальчику, до тѣхъ поръ не страдавшему глистами, пилюлю съ зародышами глистовъ-струнцовъ (аскаридъ); черезъ три мѣсяца у ребенка выдѣлилось 143 глиста длиною въ 18—23 ст. каждый **). На съѣздѣ врачей въ Галле проф. *Эпштейнъ* сообщилъ о своихъ опытахъ подобнаго же рода: зародыши глистовъ-струнцовъ онъ далъ въ пищѣ тремъ дѣтямъ, и черезъ три мѣсяца въ ихъ испражненіяхъ были уже яйца струнца ***).

Желая ознакомиться съ измѣненіями, происходящими въ печени при сахарной болѣзни, проф. *Фрерикъ* и *Эрлихъ* вкалывали въ печень больнымъ сахарною болѣзнью троакаръ. «По удаленіи стилета въ трубкѣ троакара оказывалось нѣсколько

---

*) Ist die Syphilisd urch Milch übertragbar? *St.-Petersburger Med. Wochenschrift.* 1876, № 23. Въ оригиналѣ всѣ три дѣвушки названы полными фамиліями.

**) *Prof. B. Grassi*, Trichocephalus und Ascarisentwickelung. *Centralbl. f. Bakteriol. u. Paras.* 1887. Bd. I, p. 131.

***) *Врачъ*, 1891, стр. 972.

капель крови, обыкновенно съ печеночными клѣтками, иногда же и болѣе значительный, колбасообразный кусокъ печени» *).

Д-ръ *Фелейзенъ*, открывшій микроорганизмъ рожи, привилъ разводку своихъ рожистыхъ стрептококковъ 58-лѣтней старухѣ съ множественною фибросаркомою кожи. Рожа привилась. «На шестой день послѣ прививки у больной появился угрожающій упадокъ силъ, который потребовалъ примѣненія возбуждающихъ средствъ» **). Послѣ этого Фелейзенъ привилъ рожу еще шести больнымъ, страдавшимъ волчанкою и разнаго рода опухолями ***).

Въ мартѣ 1887 года къ берлинскому хирургу *Евг. Гану* обратилась за помощью женщина съ ракомъ грудной железы. Произвести операцію было уже невозможно. «Чтобы отказомъ отъ операціи не открыть больной безнадежность ея состоянія и чтобы доставить ей облегченіе и успокоеніе психическимъ впечатлѣніемъ произведенной операціи», д-ръ Ганъ вырѣзалъ изъ пораженной груди кусочекъ опухоли и... привилъ его на другую, здоровую грудь своей паціентки; прививка удалась ****). Такимъ образомъ былъ установленъ очень важный фактъ прививаемости рака. Опытъ Гана былъ впослѣдствіи съ успѣхомъ повторенъ *проф. Бергманомъ* и неизвѣстнымъ хирургомъ, анонимно приславшимъ свое сообщеніе парижскому профессору Корнилю.

Д-ръ *Н. А. Финнъ* изслѣдовалъ въ одномъ изъ кавказскихъ военныхъ госпиталей вопросъ о заразительности пятнистаго тифа. По его предложенію, ординаторъ *Артемовичъ* впрыснулъ подъ кожу семнадцати здоровымъ солдатамъ кровь больныхъ пятнистымъ тифомъ. Ни одинъ изъ привитыхъ не заболѣлъ, «только у двухъ сдѣлались простые нарывы на мѣстѣ уколовъ». Кромѣ того, двадцать восемь здоровыхъ молодыхъ сол-

---

*) *Fr. Th. v. Frerichs*, Ueber den Diabetes. Berlin. 1884, p. 272.

**) *Dr. Fehleisen*, Die Aethiologie des Erysipels. Berlin. 1883, pp. 21—23.

***) O. c. p. 29. Въ оправданіе своихъ опытовъ д-ръ Фелейзенъ ссылается на отмѣченное нѣкоторыми наблюдателями цѣлебное дѣйствіе рожи на злокачественныя опухоли и волчанку. Но вотъ исторія одного изъ больныхъ, которымъ Фелейзенъ привилъ рожу: «Двадцатилѣтній мужчина, послѣднія двѣнадцать лѣтъ страдаетъ волчанкою и *много разъ перенесъ рожу*». Какое основаніе имѣлъ Фелейзенъ ждать, что привитая имъ рожа исцѣлитъ больного, который ужъ много разъ безъ всякой пользы для себя перенесъ рожу? Восьмилѣтней дѣвочкѣ съ саркомою глаза, послѣ удавшейся прививки, Фелейзенъ вторично привилъ рожу, «съ цѣлью узнать, остается ли соотвѣтственный индивидуумъ послѣ перенесенной рожи на нѣкоторое время невоспріимчивымъ къ рожѣ».

****) *E. Hahn*, Ueber Transplantation der carcin. Haut. *Berl. Klin. Woch.* 1888, № 21.

дать было положено д-ромъ Финномъ въ одну палату съ пятнисто-тифозными больными. Они пролежали съ больными «въ теченіе 4 — 5 дней, при плотно сдвинутыхъ кроватяхъ, а иногда покрывались одѣялами тифозныхъ больныхъ *).

Въ декабрѣ 1887 года д-ръ *Штиклеръ* прочелъ въ Нью-Іоркской Медицинской Академіи докладъ о предохранительныхъ прививкахъ скарлатины. Онъ сдѣлалъ наблюденіе, что лица, заразившіяся отъ животныхъ копытною и другими родственными болѣзнями, по перенесеніи этихъ болѣзней становятся невоспріимчивыми къ скарлатинѣ. Чтобъ провѣрить свое наблюденіе, Штиклеръ сталъ прививать дѣтямъ кровь больныхъ лошадей и содержимое пузырьковъ больныхъ коровъ. Послѣ этого онъ клалъ дѣтей на подушки, бывшія въ употребленіи у скарлатинозныхъ больныхъ, а также заставлялъ ихъ дышать воздухомъ, выдыхаемымъ этими больными; такихъ дѣтей счетомъ было двадцать; кромѣ того, двѣнадцати дѣтямъ Штиклеръ впрыснулъ подъ кожу кровь, взятую у лихорадившихъ скарлатинозныхъ больныхъ. Изъ всѣхъ этихъ дѣтей одни совсѣмъ не заболѣли скарлатиною, другія получили скарлатину, но въ легкой формѣ; тяжелыхъ заболѣваній не было **).

Проф. *Робертсъ Бартоло* изъ Огіо пользовалъ больную, у которой вслѣдствіе рака черепныхъ покрововъ была обнажена задняя доля большого мозга. Профессоръ воспользовался рѣдкимъ случаемъ и продѣлалъ надъ своею паціенткою рядъ опытовъ электрическаго раздраженія мозга. Гальваническое раздраженіе твердой мозговой оболочки оказалось безболѣзненнымъ, фарадическое—вызвало сокращеніе мускуловъ на всей противоположной половинѣ тѣла. Послѣ этого «изолированная игла одного электрода была воткнута въ лѣвую долю мозга, а другой электродъ приставленъ къ твердой мозговой оболочкѣ; когда былъ замкнутъ токъ, послѣдовали мускульныя сокращенія въ правой рукѣ, ногѣ и въ лѣвыхъ глазныхъ мышцахъ, а лѣвый зрачокъ расширился. Несмотря на весьма очевидную боль, которую это доставляло больной, на лицѣ ея появилась улыбка, какъ будто это было ей очень пріятно». Тотъ же опытъ былъ повторенъ и надъ правой мозговой долей. «Когда игла входила въ вещество мозга, больная испытала острую

*) *Протоколы засѣд. Имп. Кавк. Мед. Об-ва* за 1878—1879 г. № 8, стр. 167. Д-ра Финнъ и Артемовичъ впрыснули кровь пятнисто-тифозныхъ больныхъ также и *себѣ*.

**) Реферируя докладъ Штиклера изъ одного американскаго журнала, *Centralblatt für Bacteriologie und Parasitenkunde* (Bd. IV, 1888, p. 369) замѣчаетъ: «Полученные результаты во всякомъ случаѣ достаточно важны для того, чтобы побудить къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ въ этомъ направленіи».

боль въ затылкѣ. Съ цѣлью достигнуть болѣе ясно выраженныхъ реакцій, сила тока была увеличена; послѣ того, какъ токъ былъ замкнутъ, лицо больной выразило ужасъ, и она начала громко кричать; ея глаза, съ сильно расширенными зрачками, стали неподвижными, губы посинѣли, и на губахъ показалась пѣна; она потеряла сознаніе, и въ лѣвой половинѣ тѣла появились сильныя конвульсіи. Конвульсіи продолжались пять минутъ и смѣнились глубокимъ обморочнымъ состояніемъ; сознаніе воротилось къ больной черезъ двадцать минутъ послѣ начала опыта». Черезъ нѣкоторое время опытъ былъ снова повторенъ съ болѣе слабымъ токомъ, а три дня спустя «состояніе больной значительно ухудшилось. Вечеромъ явился приступъ судорогъ, продолжавшійся около пяти минутъ, послѣ этого больная впала въ глубокій обморокъ, и у нея развился полный параличъ правой стороны тѣла». Несчастная вскорѣ умерла. По мнѣнію профессора Бартоло, смерть ея послѣдовала отъ основной болѣзни *).

«Вотъ какъ относятся врачи къ больнымъ, ввѣряющимъ въ ихъ руки свое здоровье!»—скажетъ иной читатель, прочитавъ эту главу. Такое заключеніе будетъ совершенно невѣрно. Сотня-другая врачей, видящихъ въ больныхъ людяхъ лишь объекты для своихъ опытовъ, не даетъ еще права клеймить цѣлое сословіе, къ которому принадлежатъ эти врачи. Параллельно можно привести ничуть не меньшее количество фактовъ, гдѣ врачи производили самые опасные опыты *надъ самими собою*. Такъ, у всѣхъ еще въ памяти опыты Петтенкофера и Эммериха, принявшихъ внутрь чистыя разводки холерныхъ бациллъ, причемъ соляная кислота желудка была предварительно нейтра-

---

*) *British Med. Journ.* 1871, vol. I, p. 687. Реферируя это сообщеніе изъ одного американскаго изданія, цитированный журналъ выразилъ порицаніе автору за его опыты. Бартоло прислалъ въ редакцію письмо, гдѣ въ свое оправданіе ссылается на то, что больной все равно предстоялъ скорый конецъ, что она согласилась на опыты, и что, по его мнѣнію, опыты эти не грозили никакою опасностью. «Я былъ вполнѣ увѣренъ,—пишетъ онъ:—что тонкія иголки электродовъ могутъ быть безъ всякаго вреда введены въ вещество мозга, но я вижу теперь, что ошибся. Повторять подобные опыты, зная, насколько они вредны, было бы въ высшей степени преступно. Я могу только выразить сожалѣніе, что факты, которые, какъ я надѣялся, должны были способствовать прогрессу науки, были получены путемъ причиненія нѣкотораго вреда паціенткѣ» (p. 727). По мнѣнію журнала, письмо это «способно обезоружить всякую дальнѣйшую критику»; редакція находитъ письмо искреннимъ, вполнѣ достойнымъ профессіи автора и даже... гуманнымъ! (p. 723). И это безъ всякой ироніи.—Въ общемъ опыты Бартоло вызвали, впрочемъ, дружное негодованіе врачебной печати.

лизована содою. То же самое продѣлали надъ собою проф. И. И. Мечниковъ, д-ра Гастерликъ и Латапи. Сифилисъ привили себѣ д-ра Борджіони *), Варнери **), Линдеманъ ***) и многіе, многіе другіе; молодые и здоровые, они для науки пошли на опыты, которые искалѣчили всю ихъ жизнь. Отъ сотни-другой этихъ героевъ заключать о геройствѣ врачебнаго сословія *вообще* столь же несправедливо, какъ изъ вышеприведенныхъ опытовъ надъ больными дѣлать заключеніе, что такъ относятся къ своимъ больнымъ врачи вообще.

Но что̀ безусловно вытекаетъ изъ приведенныхъ опытовъ и чему не можетъ быть оправданія,—это то позорное равнодушіе, какое встрѣчаютъ описанныя звѣрства во врачебной средѣ. Вѣдь приведенный мною мартирологъ больныхъ, принесенныхъ въ жертву наукѣ, добытъ мною не путемъ какихъ-нибудь тайныхъ розысковъ,—сами виновники этихъ опытовъ печатно, во всеуслышаніе, сообщаютъ о нихъ! Казалось бы, опубликованіе перваго же такого опыта должно бы сдѣлать совершенно невозможнымъ ихъ повтореніе; первый же такой экспериментаторъ долженъ бы быть съ позоромъ выброшенъ навсегда изъ врачебной среды. Но этого нѣтъ. Гордо поднявъ головы, шествуютъ эти своеобразные служители науки, не встрѣчая сколько-нибудь дѣятельнаго отпора ни со стороны товарищей-

---

*) 6 февраля 1862 г. проф. Пеллицари привилъ кровь сифилитической больной д-рамъ Борджіони, Рози и Пассильи, «которые мужественно обрекли себя на опыты, несмотря на отговариванія профессора». У д-ра Борджіони прививка удалась; черезъ два мѣсяца послѣ прививки появились ночныя головныя боли, общая сыпь, опуханіе железъ; десять дней спустя первичная язва на рукѣ стала заживать; лишь тогда д-ръ Борджіони приступилъ къ ртутному лѣченію (*Gaz. hebdom.*, 1862, № 22, p. 349—350).

**) *Verhandlungen der phys. med. Gesellschaft in Würzburg.* Bd. III, 1852, p. 391. Ст. проф. Ринекера.

***) Интересуясь различными вопросами сифилидологіи, д-ръ Линдеманъ произвелъ надъ собою слѣдующіе опыты. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ черезъ каждые пять дней онъ прививалъ себѣ на руки мягкія язвы; черезъ три мѣсяца послѣ этого онъ привилъ себѣ отдѣленіе сифилитика и получилъ сифилисъ. Черезъ семнадцать дней послѣ появленія общей высыпи папулъ Линдеманъ снова сталъ прививать себѣ мягкіе шанкры различной вредоносности. Комиссія, назначенная Парижской Медицинской Академіей, изслѣдовала д-ра Линдемана, и вотъ какъ описываетъ она его состояніе устами своего докладчика Бэгена: «Обѣ руки (отъ плечъ до ладоней) покрыты язвами; многія язвы слились; вокругъ нихъ острое и болѣзненное воспаленіе; нагноеніе очень обильно; дно большинства язвъ сѣроватаго цвѣта; въ общности всѣ эти поврежденія, говоря языкомъ хирургіи, имѣютъ очень дурной видъ. По всему тѣлу — обильная высыпь сифилитическихъ папулъ. — Д-ръ Л. исполненъ мужества и довѣрія и выразилъ намѣреніе прибѣгнуть наконецъ къ правильному лѣченію своей болѣзни, ставшей уже застарѣлою и серьезною» (*Bulletin de l'Academie Nation. de médecine.* Tome XVII. Paris. 1851—1852, pp. 879—885).

врачей, ни со стороны врачебной печати. Изъ всѣхъ органовъ послѣдней мнѣ извѣстенъ только одинъ, упорно и энергично протестовавшій противъ каждой попытки экспериментировать надъ живыми людьми,—это русская газета «Врачъ», выходившая подъ редакціей недавно умершаго проф. В. А. Манассеина. Страницы этой газеты такъ и пестрятъ замѣтками редакціи въ такомъ родѣ: «Опять непозволительные опыты!», «Мы рѣшительно не понимаемъ, какъ врачи могутъ позволять себѣ подобные опыты!», «Не ждать же, въ самомъ дѣлѣ, чтобы прокуроры взяли на себя трудъ разъяснить, гдѣ кончаются опыты позволительные и начинаются уже преступные!», «Не пора ли врачамъ сообща возстать противъ подобныхъ опытовъ, какъ бы поучительны сами по себѣ они ни были?».

О, да, пора, пора! Но пора ужъ и обществу перестать ждать, когда врачи наконецъ выйдутъ изъ своего бездѣйствія, и принять собственныя мѣры къ огражденію своихъ членовъ отъ ревнителей науки, забывшихъ о различіи между людьми и морскими свинками.

IX.

Кончая въ университетѣ, я восхищался медициною и горячо вѣрилъ въ нее. Научныя пріобрѣтенія ея громадны, очень многое въ человѣческомъ организмѣ намъ доступно и понятно; со временемъ же для насъ не будетъ въ немъ никакихъ тайнъ, и путь къ этому вѣренъ. Съ такимъ, совершенно опредѣленнымъ отношеніемъ къ медицинѣ я приступилъ къ практикѣ. Но тутъ я опять натолкнулся на живого человѣка, и всѣ мои установившіеся взгляды зашатались и заколебались. «Значенія этого органа мы еще не знаемъ», «дѣйствіе такого-то средства намъ пока совершенно непонятно», «причины происхожденія такой-то болѣзни неизвѣстны»... Пускай наукою завоевана громадная область, но что̀ до этого, если кругомъ раскидываются такіе необъятные горизонты, гдѣ все еще темно и непонятно? Что̀, въ сущности, понимаю я въ больномъ человѣкѣ, если не понимаю *всего*, какъ могу я къ нему подступиться? Часовой механизмъ неизмѣримо проще человѣческаго организма; а между тѣмъ могу ли я взяться за починку часовъ, если не знаю назначенія хотя бы одного, самаго ничтожнаго колесика въ часахъ?

Такъ же, какъ при первомъ моемъ знакомствѣ съ медициной, меня теперь опять поразило безконечное несовершенство ея діагностики, чрезвычайная шаткость и неувѣренность всѣхъ ея показаній. Только раньше я преисполнялся глубокимъ пре-

зрѣніемъ къ кому-то «имъ», которые создали такую плохую науку; теперь же ея несовершенство встало передо мною естественнымъ и неизбѣжнымъ фактомъ, но еще болѣе тяжелымъ, чѣмъ прежде, потому что онъ наталкивался на жизнь.

Вотъ передо мною этотъ загадочный, недоступный мнѣ живой организмъ, въ которомъ я такъ мало понимаю. Какія силы управляютъ имъ, каковы тѣ тончайшіе процессы, которые непрерывно совершаются въ немъ? Въ чемъ суть дѣйствія вводимыхъ въ него лѣкарствъ, въ чемъ тайна зарожденія и развитія болѣзни? Коховская палочка вызываетъ въ организмѣ чахотку, леффлерова, которая на видъ такъ мало разнится отъ коховской, вызываетъ дифтеритъ, — почему? Я впрыскиваю больному подъ кожу растворъ апоморфина,—онъ циркулируетъ по всему тѣлу индифферентно, а соприкасаясь съ рвотнымъ центромъ, возбуждаетъ его; у меня даже намека нѣтъ на пониманіе того, какія химическія особенности опредѣленныхъ нервныхъ клѣтокъ и апоморфина обусловливаютъ это взаимоотношеніе.

Ко мнѣ обращается за помощью дѣвушка, страдающая мигренями. Въ чемъ суть этой мигрени? Во время припадка лобъ у больной становится холоднымъ, а зрачокъ расширяется; дѣвушка малокровна; все это указываетъ на то, что причиною мигрени въ данномъ случаѣ является раздраженіе симпатическаго нерва, вызванное общимъ малокровіемъ. Хорошее объясненіе! Но какимъ образомъ и почему малокровіе вызвало въ этомъ случаѣ раздраженіе симпатическаго нерва? Гдѣ и каковы тѣ цѣлительныя силы организма, которыя борются съ происшедшимъ разстройствомъ и которыя я долженъ поддержать? Какъ дѣйствуетъ на спазмъ симпатическаго нерва тотъ фенацетинъ съ коффеиномъ, на малокровіе—то желѣзо, которые я прописываю? И вотъ больная стоитъ передо мною, и я берусь ей помочь, и, можетъ-быть, даже помогу,—и въ то же время *ничего* не понимаю, что̀ съ нею, почему и какъ поможетъ ей то, что̀ я назначаю.

Я не имѣю даже отдаленнаго представленія о типическихъ процессахъ, общихъ всѣмъ человѣческимъ организмамъ; а между тѣмъ каждый больной предстаетъ передо мною во всемъ богатствѣ и разнообразіи своихъ индивидуальныхъ особенностей и отклоненій отъ средней нормы. Что̀ могу я знать объ нихъ? Двое на видъ совершенно одинаково здоровыхъ людей промочили себѣ ноги; одинъ получилъ насморкъ, другой—острый суставный ревматизмъ; почему?.. Высшая доза морфія—три сантиграмма; взрослой, совсѣмъ не слабой больной впрыснули подъ кожу пять *милли*граммовъ морфія, — и она

умерла; для объясненія такихъ фактовъ въ медицинѣ существуетъ спеціальное слово—«идіосинкразія», но это слово не даетъ мнѣ никакихъ указаній на то, когда я долженъ ждать чего-либо подобнаго... Высшій суточный пріемъ хлоралъ-гидрата — пять граммовъ; недавно д-ръ Дэвисъ сообщилъ объ одномъ больномъ, который, страдая зубною болью, въ теченіе трехъ сутокъ безъ всякаго вреда для себя принялъ шестьдесять граммовъ хлорала, т.-е. по двадцать граммовъ въ сутки; у меня нѣтъ никакихъ основаній отрицать возможность этого. Если бы авторъ вмѣсто 60 поставилъ 160, я тоже съ увѣренностью не могъ бы отрицать, — такъ мало мы знаемъ человѣка въ его особенностяхъ.

И какія средства даетъ мнѣ наука проникнуть въ живой организмъ, узнать его болѣзнь? Кое-что она мнѣ, конечно, даетъ. Передо мною, напр., больной: онъ лихорадитъ, жалуется на ломоту въ суставахъ, селезенка и печень его увеличены. Я беру у него каплю крови и смотрю подъ микроскопомъ: среди кровяныхъ тѣлецъ быстро извиваются тонкія спиральныя существа; это спириллы возвратнаго тифа, и я съ полною увѣренностью говорю: у больного — возвратный тифъ. Если бы наука давала мнѣ столь же вѣрныя средства для познанія всѣхъ болѣзней и всѣхъ особенностей каждаго организма, то я могъ бы чувствовать подъ ногами почву. Но въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ этого нѣтъ. На основаніи совершенно ничтожныхъ данныхъ я долженъ строить выводы, такіе важные для жизни и здоровья моего больного...

Я былъ однажды приглашенъ къ одной старой дѣвушкѣ лѣтъ подъ пятьдесятъ, владѣтельницѣ небольшого дома на Петербургской Сторонѣ; она жила въ трехъ маленькихъ, низкихъ комнатахъ, уставленныхъ кіотами съ лампадками, вмѣстѣ съ своей подругой дѣтства, такою же желтою и худою, какъ она. Больная, на видъ очень нервная и истеричная, жаловалась на сердцебіеніе и боли въ груди; днемъ, часовъ около пяти, у нея являлось сильное стѣсненіе дыханія и какъ будто затрудненное глотаніе.

— Нѣтъ у васъ такого ощущенія, какъ будто при глотаніи въ горлѣ у васъ появляется шаръ? — спросилъ я, имѣя въ виду извѣстный признакъ истеріи—globus hystericus.

— Да, да, именно!—обрадовалась больная.

Сердце и легкія ея при самомъ тщательномъ изслѣдованіи оказались здоровыми; ясное дѣло, у больной была истерія. Я назначилъ соотвѣтственное лѣченіе.

— А что̀, докторъ, не могу я вдругъ сразу помереть?— спросила больная.

Она сообщила мнѣ, что хотѣла бы завѣщать свой домъ подругѣ, безъ завѣщанія же все перейдетъ къ ея единственному законному наслѣднику—брату, выжигѣ и плуту, который взялъ у нея по-родственному, безъ расписки, всѣ ея деньги, около шести тысячъ, и потомъ отказался возвратить.

— Странное дѣло, что̀ же вамъ мѣшаетъ составить завѣщаніе? — сказалъ я. — Непосредственной опасности нѣтъ, но мало ли что̀ можетъ случиться! Пойдете по улицѣ, — васъ конка задавитъ. Всегда лучше сдѣлать завѣщаніе заблаговременно.

— Вѣрно, вѣрно!—въ раздумьѣ произнесла больная.—Вотъ только поправлюсь, сейчасъ же схожу къ нотаріусу.

Это было въ три часа. А въ пять, черезъ два часа, ко мнѣ прибѣжала подруга больной и, рыдая, объявила, что больная умерла: встала отъ обѣда, вдругъ пошатнулась, поблѣднѣла, изъ рта ея хлынула кровь, и она упала мертвая.

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы, докторъ, не сказали!? — твердила женщина, плача и захлебываясь, безумно стуча себѣ кулакомъ по бедру.—Вѣдь мнѣ теперь по міру итти, злодѣй меня на улицу выгонитъ!

И теперь я понялъ: очевидно, у больной была аневризма; затрудненное глотаніе подъ вечеръ (послѣ обѣда!), которое я объяснилъ себѣ, какъ globus hystericus, вызывалось набуханіемъ аневризмы подъ вліяніемъ увеличеннаго кровяного давленія послѣ ѣды... Но что̀ кому пользы отъ этого поздняго діагноза?

Въ такихъ случаяхъ меня охватывали ярость и отчаяніе: да что̀ же это за наука моя, которая оставляетъ меня такимъ слѣпымъ и безпомощнымъ?! Вѣдь я, какъ преступникъ, не могу взглянуть теперь въ глаза этой пущенной мною по міру женщинѣ, а чѣмъ же я виноватъ?

И чѣмъ дальше, тѣмъ чаще приходилось мнѣ испытывать такое чувство. Даже тамъ, гдѣ, какъ въ описанномъ случаѣ, діагнозъ казался мнѣ яснымъ, дѣйствительность то и дѣло опровергала меня; часто же я стоялъ передъ больнымъ въ полномъ недоумѣніи: какія-то жалкія, ничего не говорящія данныя, — строй изъ нихъ что-нибудь! И я ночи напролетъ расхаживалъ по комнатѣ, обдумывая и сопоставляя эти данныя, и ни къ чему опредѣленному не могъ прійти; если же я наконецъ и ставилъ діагнозъ, то меня все-таки все время грызла неотгонимая мысль: «А если моя догадка невѣрна? Какая у меня возможность провѣрить ея правильность?» И всю жизнь жить и дѣйствовать подъ непрерывнымъ гнетомъ такой неувѣренности!..

Но, скажемъ, діагнозъ болѣзни я поставилъ правильно. Мнѣ нужно ее лѣчить. Какія гарантіи даетъ мнѣ наука въ цѣлесообразности и дѣйствительности рекомендуемыхъ ею средствъ? Суть дѣйствія большинства изъ этихъ средствъ для насъ еще крайне неясна, и показанія къ ихъ употребленію наука устанавливаетъ эмпирически, путемъ клиническаго наблюденія. Но мы уже знаемъ, какъ непрочно и обманчиво клиническое наблюденіе. Данное средство, по единогласнымъ свидѣтельствамъ всѣхъ наблюдателей, дѣйствуетъ превосходно, а черезъ годъ-другой оно уже выбрасывается за бортъ, какъ безполезное или даже вредное. Два года царилъ туберкулинъ Коха, — и вѣдь видѣли, видѣли собственными глазами, какое «блестящее» дѣйствіе онъ оказывалъ на туберкулезъ! Въ томъ безконечно сложномъ и непонятномъ процессѣ, который представляетъ собою жизнь больного организма, переплетаются тысячи вліяній,—безчисленные способы вредоноснаго дѣйствія данной болѣзни и окружающей среды, безчисленные способы цѣлебнаго противодѣйствія силъ организма и той же окружающей среды,—и вотъ тысяча первымъ вліяніемъ является наше средство. Какъ опредѣлить, что̀ именно въ этомъ сложномъ дѣлѣ вызвано имъ? Древне-греческій врачъ Хризиппъ запрещалъ лихорадящимъ больнымъ ѣсть, Діоксиппъ — пить, Сильвій заставлялъ ихъ потѣть, Бруссэ пускалъ имъ кровь до обморока, Керри сажалъ ихъ въ холодныя ванны,—и каждый видѣлъ пользу именно отъ своего способа. Средневѣковые врачи съ большимъ, по ихъ мнѣнію, успѣхомъ примѣняли противъ рака... мазь изъ человѣческихъ испражненій. Въ прошломъ вѣкѣ, чтобы «помочь» прорѣзыванію зубовъ, дѣтямъ дѣлали по десяти и двадцати разъ разрѣзы десенъ, дѣлали это даже десятидневнымъ дѣтямъ; еще въ 1842 году Ундервудъ совѣтовалъ при этомъ разрѣзать десны на протяженіи цѣлыхъ челюстей, и притомъ рѣзать поглубже, до самыхъ зубовъ, «поврежденія которыхъ нечего опасаться»... И все это, по мнѣнію наблюдателей, помогало!..

Я вступилъ въ практику съ опредѣленнымъ запасомъ терапевтическихъ знаній, данныхъ мнѣ школою. Какъ было относиться къ этимъ знаніямъ? Естественное дѣло, — спокойно и увѣренно примѣнять ихъ къ жизни. Но только я попробовалъ такъ дѣйствовать, какъ тотчасъ же натолкнулся на разочарованіе. Отваръ сенеги рекомендуютъ назначать для возбужденія кашля въ тѣхъ случаяхъ, когда легкія наполнены жидкою, легко отдѣляющеюся мокротою. Я назначалъ сенегу и приглядывался, — и ни въ одномъ случаѣ не могъ съ увѣренностью сказать, что моя сенега дѣйствительно удалила изъ

легкихъ больного хоть одну лишнюю каплю мокроты... Я назначалъ желѣзо при малокровіи, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда больной поправлялся, ни разу не могъ поручиться за то, что это произошло хоть сколько-нибудь благодаря желѣзу.

Выходило такъ, что я долженъ вѣрить на слово въ то, что эти и многія другія средства дѣйствуютъ именно указываемымъ образомъ. Но такая вѣра была прямо невозможна,—сама же наука непрерывно подрывала и колебала эту вѣру. Однимъ изъ наичаще рекомендуемыхъ средствъ противъ чахотки является креозотъ и его производныя; а между тѣмъ все громче раздаются голоса, заявляющіе, что креозотъ нисколько не помогаетъ противъ чахотки, и что онъ—только, такъ сказать, лѣкарственный ярлыкъ, наклеиваемый на чахоточнаго. Основное правило діэтетики брюшного тифа требуетъ кормить больного только жидкою пищею; и опять противъ этого идетъ все усиливающееся теченіе, утверждающее, что такимъ образомъ мы только замариваемъ больного голодомъ. Мышьякъ признаётся незамѣнимымъ средствомъ при многихъ кожныхъ болѣзняхъ, малокровіи, маляріи, — и вдругъ распространенная, солидная медицинская газета приводитъ о немъ такой отзывъ: «Самое замѣчательное въ исторіи мышьяка—это то, что онъ неизмѣнно пользовался любовью врачей, убійцъ и барышниковъ... Врачамъ слѣдовало бы понять, что мышьякъ даетъ слишкомъ мало, чтобы пользоваться вѣчнымъ почтеніемъ. Преданіе о мышьякѣ—позоръ нашей терапіи».

Первое время такіе неожиданные отзывы прямо ошеломляли меня: да чему же, наконецъ, вѣрить! И я все больше убѣждался, что вѣрить я не долженъ ничему и ничего не долженъ принимать, какъ ученикъ; все заподозрѣть, все отвергнуть — и затѣмъ принять обратно лишь то, въ дѣйствительности чего убѣдился собственнымъ опытомъ. Но въ такомъ случаѣ для чего же весь многовѣковой опытъ врачебной науки, какая ему цѣна?

Одинъ молодой врачъ спросилъ знаменитаго Сиденгама, «англійскаго Гиппократа», какія книги нужно прочесть, чтобы стать хорошимъ врачомъ.

— Читайте, мой другъ, «Донъ-Кихота», — отвѣтилъ Сиденгамъ. — Это очень хорошая книга, я и теперь часто перечитываю ее.

Но вѣдь это же ужасно! Это значитъ — никакой традиціи, никакой преемственности наблюденія; учись безъ предвзятости наблюдать живую жизнь, и каждый начинай все сначала.

Съ тѣхъ поръ прошло больше двухъ вѣковъ, медицина сдѣлала впередъ гигантскій шагъ, во многомъ она стала наукой;

и все-таки какая еще громадная область остается въ ней, гдѣ и въ настоящее время самыми лучшими учителями являются Сервантесъ, Шекспиръ и Толстой, никакого отношенія къ медицинѣ не имѣющіе!

Но разъ я поставленъ въ необходимость не вѣрить чужому опыту, то какъ могу я вѣрить и своему собственному? Скажемъ, я личнымъ опытомъ убѣдился въ цѣлебности извѣстнаго средства; но *какъ* же, *какъ* оно дѣйствуетъ, *почему?* Пока мнѣ неясенъ способъ его дѣйствія, я ничѣмъ не гарантированъ отъ того, что и мое личное впечатлѣніе — лишь оптическій обманъ. Вся моя предыдущая естественно-научная подготовка протестуетъ противъ такого грубо-эмпирическаго образа дѣйствій, противъ такого блужданія ощупью, съ закрытыми глазами. И я особенно сильно чувствую всю тяжесть этого состоянія, когда съ зыбкой и въ то же время вязкой почвы эмпиріи перехожу на твердый путь науки: я вскрываю полость живота, гдѣ очень легко можетъ произойти гнилостное зараженіе брюшины; но я знаю, что̀ дѣлать для избѣжанія этого; если я приступлю къ операціи съ прокипяченными инструментами, съ тщательно дезинфицированными руками, то зараженія *не должно* быть. Если больной страдаетъ близорукостью, то соотвѣтственное вогнутое стекло *должно* помочь ему. Вывихъ локтя, если нѣтъ осложненій, при соотвѣтственныхъ манипуляціяхъ *долженъ* вправиться. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ необходима преемственность, здѣсь, кромѣ «Донъ-Кихота», нужно знать и читать еще кое-что. Конечно, и ошибки и прогрессъ возможны и въ этой области; но ошибки будутъ обусловливаться моею неподготовленностью и неопытностью, прогрессъ будетъ совершаться путемъ улучшенія прежняго, а не путемъ его отрицанія.

Будущее нашей науки блестяще и несомнѣнно. То, что̀ уже добыто ею, ясно рисуетъ, чѣмъ станетъ она въ будущемъ: полное пониманіе здороваго и больного организма, всѣхъ индивидуальныхъ особенностей каждаго изъ нихъ, полное пониманіе дѣйствія всѣхъ примѣняемыхъ средствъ,—вотъ что̀ ляжетъ въ ея основу. «Когда физіологія,—говоритъ Клодъ Бернаръ:— дастъ все, чего мы въ правѣ отъ нея ждать, то она превратится въ медицину, ставшую теоретическою наукою; и изъ этой теоріи будутъ выводиться, какъ и въ другихъ наукахъ, необходимыя примѣненія, т.-е. прикладная, практическая медицина».

Но какъ еще неизмѣримо далеко до этого!.. И мнѣ все чаще стала приходить въ голову мысль: пока этого нѣтъ, какой смыслъ можетъ имѣть врачебная дѣятельность? Для чего эта игра въ жмурки, для чего обманъ общества, думающаго, что

у насъ есть какая-то «медицинская наука»? Пусть этимъ занимаются гомеопаты и подобные имъ мудрецы, которые съ легкимъ сердцемъ все безконечное разнообразіе жизненныхъ процесссовъ втискиваютъ въ пару догматическихъ формулъ. Для насъ же задача можетъ быть только одна—работать для будущаго, стремиться познать и покорить себѣ жизнь во всей ея широтѣ и сложности. А относительно настоящаго можно лишь повторить то, что̀ сказалъ когда-то средневѣковый арабскій писатель Аверроесъ: «Честному человѣку можетъ доставлять наслажденіе теорія врачебнаго искусства, но его совѣсть никогда не позволитъ ему переходить къ врачебной практикѣ, какъ бы обширны ни были его познанія».

За эту мысль я хватался каждый разъ, когда ужъ слишкомъ жутко становилось отъ той непроглядной тьмы, дѣйствовать въ которой я былъ обреченъ несовершенствомъ своей науки. Я самъ понималъ, что мысль эта нелѣпа: теперешняя безсистемная, сомнѣвающаяся научная медицина, конечно, несовершенна, но она все-таки неизмѣримо полезнѣе всѣхъ выдуманныхъ изъ головы системъ и грубыхъ эмпирическихъ обобщеній; именно совѣсть врача и не позволила бы ему гнать больныхъ въ руки гомеопатовъ, пасторовъ Кнейпповъ и Кузьмичей. Но этою мыслью о жизненной непригодности теперешней науки я старался скрыть и затемнить отъ себя другую, слишкомъ страшную для меня мысль: я начиналъ все больше убѣждаться, что самъ я лично совершенно негоденъ къ выбранному мною дѣлу, и что, рѣшая отдаться медицинѣ, я не имѣлъ самаго отдаленнаго представленія о тѣхъ требованіяхъ, которымъ долженъ удовлетворять врачъ.

При теперешнемъ несовершенствѣ теоретической медицины, медицина практическая можетъ быть только искусствомъ, а не наукой. Нужно на себѣ почувствовать всю тяжесть вытекающихъ отсюда послѣдствій, чтобы ясно понять, что̀ это значитъ. Ту больную съ аневризмой, о которой я разсказывалъ, я изслѣдовалъ вполнѣ добросовѣстно, примѣнилъ къ этому изслѣдованію все, что̀ требуется наукой, и тѣмъ не менѣе грубо ошибся. Будь на моемъ мѣстѣ *настоящій* врачъ, онъ могъ бы поставить правильный діагнозъ: его совершенно особенная, творческая наблюдательность уцѣпилась бы за массу неуловимыхъ признаковъ, которые ускользнули отъ меня, безсознательнымъ вдохновеніемъ онъ возмѣстилъ бы отсутствіе ясныхъ симптомовъ и почуялъ бы то, чего не въ силахъ познать. Но такимъ настоящимъ врачомъ можетъ быть только талантъ, какъ только талантъ можетъ быть настоящимъ поэтомъ, художникомъ или музыкантомъ.

А я, поступая на медицинскій факультетъ, думалъ, что медицинѣ можно научиться... Я думалъ, что для этого нуженъ только извѣстный уровень знаній и извѣстная степень умственнаго развитія; съ этимъ я научусь медицинѣ такъ же, какъ всякой другой прикладной наукѣ, напр., химическому анализу. Когда медицина станетъ наукой, — единой, всеобщей и безгрѣшной, то оно такъ и будетъ; тогда обыкновенный средній человѣкъ сможетъ быть врачомъ. Въ настоящее же время «научиться» медицинѣ, т.-е. врачебному искусству, такъ же невозможно, какъ научиться поэзіи или искусству сценическому. И есть много превосходныхъ теоретиковъ, истинно «научныхъ» медиковъ, которые въ практическомъ отношеніи не стòятъ ни гроша.

Но почему я ничего этого не зналъ, поступая на медицинскій факультетъ? Почему вообще я имѣлъ такое смутное и превратное представленіе о томъ, чтò ждетъ меня въ будущемъ?.. Какъ все это просто произошло! Мы представили свои аттестаты зрѣлости, были приняты на медицинскій факультетъ, и профессора начали читать лекціи. И никто изъ нихъ не раскрылъ намъ глазъ на будущее, никто не объяснилъ, чтò ждетъ насъ въ нашей дѣятельности. А намъ самимъ эта дѣятельность казалась такой несложной и ясной! Изслѣдовалъ больного,—и говоришь: больной боленъ тѣмъ-то, онъ долженъ дѣлать то-то и принимать то-то. Теперь я видѣлъ, что это не такъ, но на то, чтобы убѣдиться въ этомъ, я долженъ былъ убить семь лучшихъ лѣтъ молодости.

Я совершенно упалъ духомъ. Кое-какъ я несъ свои обязанности, горько смѣясь въ душѣ надъ больными, которые имѣли наивность обращаться ко мнѣ за помощью: они, какъ и я раньше, думаютъ, что тотъ, кто прошелъ медицинскій факультетъ, есть уже врачъ, они не знаютъ, что врачей на свѣтѣ такъ же мало, какъ и поэтовъ, что врачъ-ординарный человѣкъ при теперешнемъ состояніи науки—безсмыслица. И для чего мнѣ продолжать служить этой безсмыслицѣ? Уйти, взяться за какое ни на есть другое дѣло, но только не оставаться въ этомъ ложномъ и преступномъ положеніи самозванца!

Такъ тянулось около двухъ лѣтъ. Потомъ постепенно пришло смиреніе.

Да, наука даетъ мнѣ не такъ много, какъ я ждалъ, и я не талантъ. Но правъ ли я, отказываясь отъ своего диплома? Если въ искусствѣ въ данный моментъ нѣтъ Толстого или Бетховена, то можно обойтись и безъ нихъ; но больные люди не могутъ ждать, и для того, чтобъ всѣхъ ихъ удовлетворить, нужны десятки тысячъ медицинскихъ Толстыхъ и Бетховеновъ.

Это невозможно. А въ такомъ случаѣ такъ ли ужъ безполезны мы, ординарные врачи? Все-таки, беря безотносительно, наукою отвоевана отъ искусства ужъ очень большая область, которая съ каждымъ годомъ все увеличивается. Эта область въ нашихъ рукахъ. Но и въ остальной медицинѣ мы можемъ быть полезны и дѣлать очень много. Нужно только строго и неуклонно слѣдовать старому правилу: «primum non nocere,— прежде всего не вредить». Это должно главенствовать надъ всѣмъ. Нужно, далѣе, разъ навсегда отказаться отъ представленія, что дѣятельность наша состоитъ въ спокойномъ и беззаботномъ исполненіи указаній науки. Понять всю тяжесть и сложность дѣла, къ каждому новому больному относиться съ неослабѣвающимъ сознаніемъ новизны и непознанности его болѣзни, непрерывно и напряженно искать и работать надъ собою, ничему не довѣрять, никогда не успокоиваться. Все это страшно тяжело, и подъ бременемъ этимъ можно изнемочь; но, пока я буду честно нести его, я имѣю право не уходить.

X.

Въ эту пору сомнѣній и разочарованій я съ особенною охотою сталъ уходить въ научныя занятія. Здѣсь, въ чистой наукѣ, можно было работать не ощупью, можно было точно контролировать и провѣрять каждый свой шагъ; здѣсь полновластно царили тѣ строгіе естественно-научные методы, надъ которыми такъ зло насмѣхалась врачебная практика. И мнѣ казалось,—лучше положить хоть одинъ самый маленькій кирпичъ въ зданіе великой медицинской науки будущаго, чѣмъ толочь воду въ ступѣ, дѣлая то, чего не понимаешь.

Между прочимъ, я работалъ надъ вопросомъ о роли селезенки въ борьбѣ организма съ различными инфекціонными заболѣваніями. Для прививокъ возвратнаго тифа въ нашу лабораторію были пріобрѣтены двѣ обезьянки макаки. За три недѣли, которыя онѣ пробыли у насъ до начала опытовъ, я успѣлъ сильно привязаться къ нимъ. Это были удивительно милые звѣрки, особенно одинъ изъ нихъ, самецъ, котораго звали Степкой. Войдешь въ лабораторію,—они бросаются къ передней стѣнкѣ своей большой клѣтки, ожидая сахару. Одѣлишь ихъ сахаромъ и выпускаешь на волю. Самка, Джильда, болѣе робка; она бѣжитъ по полу, неуклюже поджимая задъ и трусливо поглядывая на меня; я чуть пошевельнусь, — она поворачивается и, сломя голову, мчится обратно въ клѣтку. Степка же держится со мною совершенно по-пріятельски. Я сяду на стулъ,—онъ немедленно взбирается ко мнѣ на колѣни

и начинаетъ шарить по карманамъ; брови его подняты, близко поставленные большіе глаза смотрятъ съ комичною серьезностью. Онъ вытаскиваетъ изъ моего бокового кармана перкуссіонный молоточекъ.

— У-у!! — изумленно произноситъ онъ, широко раскрывъ глаза, и начинаетъ съ любопытствомъ разсматривать блестящій молоточекъ.

Насмотрѣвшись, Степка бросаетъ молоточекъ на полъ и съ тою же меланхолическою серьезностью, словно исполняя нужное, но очень надоѣвшее дѣло, продолжаетъ меня обыскивать; онъ осторожно беретъ меня своими тонкими коричневыми пальчиками за бороду, снимаетъ пенснэ... Но вскорѣ ему это надоѣдаетъ. Степка взбирается мнѣ на плечо, вздохнувъ, оглядывается—и вдругъ стрѣлою перескакиваетъ на столъ: онъ примѣтилъ на немъ закупоренную пробкою склянку, а его любимое дѣло—раскупоривать склянки. Степка быстро и ловко вытаскиваетъ пробку, запихиваетъ ее за щеку и спѣшитъ удрать по шнурку шторы подъ потолокъ: онъ знаетъ, что я стану отнимать пробку. Я хватаю его на полпути.

— Цци-ци-ци-ци! — недовольно визжитъ онъ, втягивая голову въ плечи, жмуря глаза и стараясь вырваться отъ меня.

Я отнимаю пробку. Степка огорченно оглядывается. Но вотъ глаза его оживились: онъ вскакиваетъ на подоконникъ и издаетъ свое изумленное: «у-у!». На улицѣ стоитъ извозчикъ; Степка, вытянувъ голову, съ жаднымъ любопытствомъ таращитъ глаза на лошадь. Я поглажу его, — онъ нетерпѣливо отведетъ ручонкой мою руку, поправится на подоконникѣ и продолжаетъ глазѣть на лошадь. Пробѣжитъ по улицѣ собака. Степка весь встрепенется, волосы на шеѣ и спинѣ взъерошатся, глаза безпокойно забѣгаютъ.

— У-у! у-у!..—повторяетъ онъ, страшно волнуясь и суетливо засматривая то въ одно, то въ другое стекло окна.

Собака бѣжитъ дальше. Степка, съ серьезными, испуганными глазами, мчится по столу, опрокидывая склянки, къ другому окну и, вытянувъ голову, слѣдитъ за убѣгающею собакою.

Съ этимъ веселымъ шельмецомъ можно было проводить, не скучая, цѣлые часы. Сидя съ нимъ, я чувствовалъ, что между нами установилась какая-то связь, и что мы уже многое понимаемъ другъ въ другѣ.

Мнѣ было непріятно самому вырѣзать у него селезенку, и за меня сдѣлалъ это товарищъ. По заживленіи раны я привилъ Степкѣ возвратный тифъ. Теперь, когда я входилъ въ лабораторію, Степка ужъ не бросался къ рѣшеткѣ; слабый и взъерошенный, онъ сидѣлъ въ клѣткѣ, глядя на меня потемнѣ-

вшими, чуждыми глазами; съ каждымъ днемъ ему становилось хуже; когда онъ пытался вскарабкаться на перекладину, руки его не выдерживали, Степка срывался и падалъ на дно клѣтки. Наконецъ онъ ужъ совсѣмъ не могъ подниматься; исхудалый, онъ неподвижно лежалъ, оскаливъ зубы, и хрипло стоналъ. На моихъ глазахъ Степка и околѣлъ.

Безвѣстный мученикъ науки, онъ лежалъ передо мною трупомъ. Я смотрѣлъ на этотъ жалкій трупикъ, на эту милую, наивную рожицу, съ которой даже смертная агонія не смогла стереть обычнаго комично-серьезнаго выраженія... На душѣ у меня было непріятно и немножко стыдно. Мнѣ вспоминалось изумленное «у-у!», съ какимъ Степка разсматривалъ мой молоточекъ, вспоминались его оживленные глаза, которые онъ таращилъ на лошадь, совсѣмъ какъ ребенокъ,—и у меня шевелилась мысль: настолько ли ужъ неизмѣримо меньше совершенное мною преступленіе, чѣмъ если бы я все это продѣлалъ надъ ребенкомъ?.. Такая сентиментальность по отношенію къ низшимъ животнымъ смѣшна? Но такъ ли ужъ прочны и неизмѣнны критеріи сентиментальности? Двѣ тысячи лѣтъ назадъ, какъ разсмѣялся бы римскій патрицій надъ сентиментальнымъ человѣкомъ, который бы возмутился его приказаніемъ бросить на съѣденіе муренамъ раба, разбившаго вазу! Для него рабъ былъ тоже «низшимъ животнымъ».

Декартъ смотрѣлъ на животныхъ, какъ на простые автоматы,—оживленныя, но не одушевленныя тѣла; по его мнѣнію, у нихъ существуетъ исключительно тѣлесное, совершенно безсознательное проявленіе того, что̀ мы называемъ душевными движеніями. Такого же мнѣнія былъ и Мальбраншъ. «Животныя,—говоритъ онъ:—ѣдятъ безъ удовольствія, кричатъ, не испытывая страданія, они ничего не желаютъ, ничего не знаютъ».

Можно ли въ настоящее время согласиться съ этимъ? Не говоря ужъ о простомъ ежедневномъ наблюденіи, которое вопіетъ противъ такой безглазой теоретичности,—какъ можемъ согласиться съ этимъ мы, естественники-трансформисты? Тутъ возможно только одно рѣшеніе вопроса, — то, которое дастъ, напр., Гексли. «Великое ученіе о непрерывности, — говоритъ онъ:—не позволяетъ намъ предположить, чтобы что-нибудь могло явиться въ природѣ неожиданно и безъ предшественниковъ, безъ постепеннаго перехода; неоспоримо, что низшія позвоночныя животныя обладаютъ, хотя и въ менѣе развитомъ видѣ, тою частью мозга, которую мы имѣемъ всѣ основанія считать у себя самихъ органомъ сознанія. Поэтому мнѣ кажется очень вѣроятнымъ, что низшія животныя обладаютъ сознаніемъ въ мѣрѣ, пропорціональной степени развитія органа

этого сознанія, и что они переживаютъ, въ болѣе или менѣе опредѣленной формѣ, тѣ же чувства, которыя переживаемъ и мы».

Разъ же это такъ, разъ вѣрно то, что между нами и ими нѣтъ такой рѣзкой границы, какъ когда-то воображали, то такъ ли ужъ смѣшна эта сентиментальность, такъ ли ложны тѣ покалыванія совѣсти, которыя испытываешь, нанося имъ мученія? А испытываемое при этомъ чувство есть нѣчто, очень похожее именно на покалыванія совѣсти. Одинъ мой товарищъ-хирургъ работаетъ надъ вопросомъ объ огнестрѣльныхъ ранахъ живота,—полезнѣе ли держаться при нихъ выжидательнаго образа дѣйствій или немедленно приступать къ операціи. Онъ привязываетъ собакъ къ доскѣ и на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ стрѣляетъ имъ въ животъ изъ револьвера; затѣмъ однѣмъ собакамъ онъ немедленно производитъ чревосѣченіе, другихъ оставляетъ безъ операціи. Войдешь къ нему въ лабораторію,—въ комнатѣ стоятъ стоны, вой, визгъ; однѣ собаки мечутся, околѣвая, другія лежатъ неподвижно и только слабо визжатъ. При взглядѣ на нихъ мнѣ не просто тяжело, какъ было тяжело, напримѣръ, смотрѣть первое время на страданія оперируемаго человѣка; мнѣ именно *стыдно*, *неловко* смотрѣть въ эти облагороженные страданіемъ, почти человѣческіе глаза умирающихъ собакъ. И въ такія минуты мнѣ становится понятнымъ настроеніе старика Пирогова.

«Въ молодости,—разсказываетъ онъ въ своихъ посмертныхъ запискахъ:—я былъ безжалостенъ къ страданіямъ. Однажды, я помню, это равнодушіе мое къ мукамъ животныхъ при вивисекціяхъ поразило меня самого такъ, что я, съ ножомъ въ рукахъ, обратившись къ ассистировавшему мнѣ товарищу, невольно воскликнулъ:

«— Вѣдь такъ, пожалуй, можно зарѣзать и человѣка!

«Да, о вивисекціяхъ можно многое сказать и за и противъ. Несомнѣнно, онѣ—важное подспорье въ наукѣ... Но наука не восполняетъ всецѣло жизни человѣка: проходитъ юношескій пылъ и мужская зрѣлость, наступаетъ другая пора жизни и съ нею потребность углубляться въ самого себя; тогда воспоминаніе о причиненномъ насиліи, мукахъ, страданіяхъ другому существу начинаетъ щемить невольно сердце. Такъ было, кажется, и съ великимъ Галлеромъ; такъ, признаюсь, случилось и со мною, и въ послѣдніе годы я ни за что бы не рѣшился на тѣ жестокіе опыты надъ животными, которые я нѣкогда производилъ такъ усердно и равнодушно».

Все это такъ. Но какъ быть иначе, гдѣ выходъ? Отказаться отъ живосѣченія—это значитъ поставить на карту все будущее медицины, навѣки обречь ее на невѣрный и безплодный путь

клиническаго наблюденія. Нужно ясно сознать все громадное значеніе вивисекцій для науки, чтобы понять, что выходъ тутъ все-таки одинъ—задушить въ себѣ укоры совѣсти, подавить жалость и гнать отъ себя мысль о томъ, что за страдающими глазами пытаемыхъ животныхъ таится живое страданіе.

Въ Западной Европѣ уже нѣсколько десятилѣтій ведется усиленная агитація противъ живосѣченій; въ послѣдніе годы эта агитація появилась и у насъ въ Россіи. Въ основу своей проповѣди противники живосѣченій кладутъ положеніе, какъ разъ противоположное тому, которое было мною сейчасъ указано,—именно, они утверждаютъ, что *живосѣченія совершенно не нужны наукѣ.*

Но кто же сами эти люди, берущіеся доказывать такое положеніе? Священники, свѣтскія дамы, чиновники,—лица, совершенно непричастныя къ наукѣ; и возражаютъ они Вирхову, Клоду Бернару, Пастеру, Роберту Коху и прочимъ гигантамъ, на своихъ плечахъ несущимъ науку впередъ. Но вѣдь это же невозможная безсмыслица! Методы и пути науки составляютъ въ каждой наукѣ самую ея трудную часть; какъ могутъ браться судить объ нихъ профаны? Они и сами не могутъ не сознавать этого, и понятно, съ какою радостью должны они привѣтствовать тѣхъ изъ людей науки, которые высказываются въ ихъ духѣ. Въ настоящее время противники живосѣченій носятся съ Лаусонъ-Тэтомъ, очень извѣстнымъ *практическимъ* хирургомъ, и съ совершенно ужъ ни въ какомъ отношеніи неизвѣстнымъ «медикомъ-хирургомъ» Белль-Тайлоромъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ рѣчь этого Белль-Тайлора противъ живосѣченій (въ весьма безграмотномъ переводѣ) была разослана нашими антививисекціонистами въ видѣ приложенія къ «Новому Времени». Когда читаешь эту рѣчь, оторопь беретъ отъ той груды лжи и подтасовокъ, которыми она полна, и невольно задаешь себѣ вопросъ: можетъ ли быть жизненнымъ ученіе, которому приходится прибѣгать къ такому беззастѣнчивому обману публики? Опираясь на свой авторитетъ спеціалиста, въ расчетѣ на круглое невѣжество слушателей, Белль-Тайлоръ не останавливается рѣшительно ни передъ чѣмъ.

«Ложно то,—объявляетъ онъ, напр.:—будто бы Гарвей дозналъ законъ кровообращенія посредствомъ вивисекціи. Совсѣмъ нѣтъ! Единственно посредствомъ наблюденія надъ мертвымъ человѣческимъ тѣломъ Гарвей открылъ тотъ фактъ, что клапаны жилъ дозволяютъ крови течь только въ извѣстномъ направленіи»... (Нужно замѣтить, что знаменитый трактатъ Гарвея о кровообращеніи *почти сплошь состоитъ изъ описаній опытовъ, произведенныхъ Гарвеемъ надъ живыми живот-*

ными; вотъ заглавія нѣсколькихъ главъ трактата: Cap. II.— «*Ex vivorum dissectione* qualis sit cordis motus» (движеніе сердца по даннымъ, добытымъ путемъ живосѣченій). Cap. III.— «Arteriarum motus quâlis ex vivorum dissectione». Cap. IV.— «Motus cordis et auriculorum qualis ex vivorum dissectione» и т. д. *).

«Неправда и то,—продолжаетъ Белль-Тайлоръ:—что будто бы черезъ вивисекцію Кохъ нашелъ средство отъ чахотки; напротивъ, его прививанія причиняли сперва лихорадку, а потомъ смерть». (Рѣчь свою ораторъ произнесъ въ концѣ 1893 года, когда почти никто ужъ и не защищалъ коховскаго туберкулина; но о томъ, что путемъ живосѣченій тотъ же Кохъ открылъ туберкулезную палочку, что путемъ живосѣченій создалась вся бактеріологія,—Белль-Тайлоръ благоразумно умалчиваетъ).

И такъ дальше безъ конца; что̀ ни утвержденіе, то — либо прямая ложь, либо извращеніе дѣйствительности. Въ подстрочномъ примѣчаніи читатель найдетъ еще нѣсколько образчиковъ антививисекціонистской литературы; образчики эти взяты мною изъ новѣйшихъ англійскихъ летучихъ листковъ, тысячами распространяемыхъ въ народѣ антививисекціонистами **).

Живосѣченія для медицинской науки *необходимы*,—противъ

---

*) См. Exercitatio anatomica de motu cordis et sanguinis in animalibus Auctore Gulielmo Harweo. Lugduni Batavorum. 1737.

**) «Каковы практическіе результаты вивисекціи?—спрашиваетъ, напр., д-ръ Стефенъ Смисъ.—Они очень велики! Такъ, одинъ американскій врачъ сбрилъ у нѣсколькихъ животныхъ шерсть и выставилъ ихъ на морозъ. Животныя простудились. Изъ этого мы заключаемъ, что зимою слѣдуетъ носить теплую одежду. Лягушки были посажены въ кипящую воду; онѣ старались выпрыгнуть, ясно выказывая боль. Отсюда слѣдуетъ, что нужно избѣгать купаній въ кипящей водѣ. Но этимъ, сколько я могъ узнать, и исчерпываются практическіе результаты вивисекціи» (Vivisection. An independent medical view. 1899, p. 9). Агитаторы-не-врачи доказываютъ ненужность вивисекцій другимъ путемъ. «Вивисекція,—заявляетъ мистриссъ Мона Кэрдъ:—есть главный врагъ науки, которая всегда учила, что законы природы гармоничны и не терпятъ противорѣчій; но если эти законы не терпятъ противорѣчій, то какъ возможно, чтобъ то, что̀ въ нравственномъ отношеніи несправедливо, было въ научномъ отношеніи справедливо, чтобъ то, что̀ жестоко и неправедно, могло насъ вести къ миру и здоровью?» (The sanctuary of mercy. 1899, p. 6). И это говорится въ странѣ Дарвина!.. Иногда на мѣсто природы подставляется Богъ. «Я думаю,—говоритъ миссъ Коббъ:—что великій Устроитель всего сущаго есть справедливый, святой, милосердный Богъ; и совершенно немыслимо, чтобъ такой Богъ могъ создать Свой міръ такимъ образомъ, чтобъ человѣкъ былъ принужденъ искать средствъ противъ своихъ болѣзней путемъ причиненія мукъ низшимъ животнымъ. Мысль, что таково Божіе опредѣленіе,—по-моему, богохульство» (Vivisection explained. 1898, p. 6).

этого могутъ спорить только очень невѣжественные или очень недобросовѣстные люди. Изъ предыдущихъ главъ этихъ записокъ ужъ можно было видѣть, какъ многообразна въ нашей наукѣ необходимость живосѣченій. Предварительные опыты на животныхъ представляютъ хоть нѣкоторую гарантію въ томъ, что новое средство не будетъ дано человѣку въ убійственной дозѣ, и что хирургъ не приступитъ къ операціи совершенно неопытнымъ. Не простою случайностью является далѣе то обстоятельство, что преступные опыты надъ людьми особенно многочисленны именно въ области венерическихъ болѣзней, къ которымъ животныя совершенно невосприимчивы. Но самое важное — это то, что безъ живосѣченій мы рѣшительно не въ состояніи познать и понять живой организмъ. Какую область физіологіи или патологіи ни взять, мы вездѣ увидимъ, что почти все существенное было открыто путемъ опытовъ надъ животными. Въ 1883 году прусское правительство, подъ вліяніемъ агитаціи антививисекціонистовъ, обратилось къ медицинскимъ факультетамъ съ запросомъ о степени необходимости живосѣченій; одинъ выдающійся нѣмецкій физіологъ вмѣсто отвѣта прислалъ въ министерство «Руководство къ физіологіи» Германа, причемъ въ руководствѣ этомъ онъ вычеркнулъ всѣ тѣ факты, которыхъ безъ живосѣченій было бы невозможно установить; по сообщенію нѣмецкихъ газетъ, «книга Германа вслѣдствіе такихъ отмѣтокъ походила на русскую газету, прошедшую сквозь цензуру: зачеркнутыхъ мѣстъ было больше, чѣмъ незачеркнутыхъ».

Безъ живосѣченій познать и понять живой организмъ невозможно; а безъ полнаго и всесторонняго пониманія его и высшая цѣль медицины, лѣченіе—невѣрно и ненадежно. Въ 1895 году извѣстный физіологъ проф. И. П. Павловъ демонстрировалъ въ одномъ изъ петербургскихъ медицинскихъ обществъ собаку съ перерѣзанными блуждающими нервами; опытами надъ этой собакой ему удалось разрѣшить нѣкоторые очень важные вопросы въ области физіологіи пищеваренія. Фельетонистъ «Новаго Времени», Житель, рѣзко обрушился за эти опыты на проф. Павлова.

Кому и зачѣмъ это нужно—перерѣзать блуждающіе нервы? — спрашивала газета.—Бывали ли въ жизни такіе случаи, которые наводили людей науки на эту мысль? Это одинъ изъ печальнѣйшихъ результатовъ вивисекторскаго виртуозничества, самаго плохого и ненаучнаго свойства... Это, такъ сказать, наука для науки... Когда видишь эти утонченныя ухищренія напряженной, неестественной выдумки гг. вивисекторовъ и сопоставишь ихъ съ тѣмъ простымъ, общимъ фактомъ, что большинство людей умираетъ отъ простой простуды, и гг. врачи не умѣютъ ее вылѣчить, то торжества ученыхъ собраній по поводу опыта

съ блуждающими нервами принимаютъ значеніе сарказма... Самыхъ вѣрныхъ болѣзней не умѣютъ лѣчить и понимать, и въ то же время увлеченіе вивисекторовъ принимаетъ угрожающіе размѣры и не можетъ не возмущать печальнымъ скудоуміемъ и безсердечіемъ ученыхъ живорѣзовъ.

Вотъ типическое разсужденіе улицы. Для чего изучать организмъ во всѣхъ его отправленіяхъ, если не можешь вылѣчить «простой простуды»? Да именно для того, чтобъ быть въ состояніи вылѣчить хотя бы ту же самую «простую простуду» (которая, говоря мимоходомъ, очень не проста). «Это—наука для науки»... Наука тогда только и наука, когда она не регулируетъ и не связываетъ себя вопросомъ о непосредственной пользѣ. Электричество долгое время было только «курьезнымъ» явленіемъ природы, не имѣющимъ никакого практическаго значенія; если бы Грэй, Гальвани, Фарадей и прочіе его изслѣдователи не руководствовались правиломъ: «наука для науки», то мы не имѣли бы теперь ни телеграфа, ни телефона, ни рентгеновскихъ лучей, ни электромоторовъ. Химикъ Шеврёль изъ чисто-научной любознательности открылъ составъ жировъ, а слѣдствіемъ этого явилась фабрикація стеариновыхъ свѣчей.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что далеко не всѣ антививисекціонисты исходятъ при рѣшеніи вопроса изъ такихъ грубыхъ и невѣжественныхъ предпосылокъ, какъ мы сейчасъ видѣли. Нѣкоторые изъ нихъ пытаются поставить вопросъ на принципіальную почву: таковъ, напримѣръ, англійскій антививисекціонистъ Генри Солтъ, авторъ сочиненія: «Права животныхъ въ ихъ отношеніи къ соціальному прогрессу». «Допустимъ,—говоритъ онъ:—что прогрессъ врачебной науки невозможенъ безъ живосѣченій. Что же изъ того? Заключать отсюда о законности живосѣченій — слишкомъ поспѣшно: мудрый человѣкъ долженъ принять въ расчетъ и другую, моральную сторону дѣла—гнусную несправедливость причиненія мукъ невиннымъ животнымъ». Вотъ единственно правильная постановка вопроса для антививисекціониста: можетъ ли наука обойтись безъ живосѣченій или нѣтъ,—но животныя мучаются, и этимъ все рѣшается. Вопросъ поставленъ ясно и недвусмысленно. Повторяю, смѣяться надъ противниками живосѣченій нельзя, мученія животныхъ при вивисекціяхъ, дѣйствительно, ужасны, и сочувствіе этимъ мукамъ—не сентиментальность; но нужно помнить, что мимо живосѣченій нѣтъ пути къ созданію научной медицины, которая будетъ излѣчивать людей.

На Западѣ противники живосѣченій уже добились нѣкоторыхъ, довольно существенныхъ ограниченій свободы вивисек-

ціи. Самымъ крупнымъ изъ такихъ ограниченій является англійскій парламентскій актъ 1876 года «о жестокости къ животнымъ». По этому акту, производить опыты надъ живыми животными имѣютъ право лишь лица, получившія на то спеціальное разрѣшеніе (которое, къ тому же, во всякое время можетъ быть взято обратно). Въ Австріи министръ народнаго просвѣщенія издалъ въ 1885 году предписаніе, по которому «опыты на живыхъ животныхъ могутъ быть производимы только ради серьезныхъ изслѣдованій и лишь въ видѣ исключенія, въ случаяхъ необходимости». Въ Даніи для производства живосѣченій требуется разрѣшеніе министра юстиціи (!). Всѣ подобныя распоряженія производятъ очень странное впечатлѣніе. Кому, напр., будутъ выдаваться разрѣшенія? Очевидно, извѣстнымъ ученымъ. Но вотъ въ семидесятыхъ годахъ, въ глухомъ нѣмецкомъ городкѣ Вольштейнѣ, никому невѣдомый молодой врачъ Робертъ Кохъ путемъ опытовъ надъ животными подробнѣйшимъ образомъ изучаетъ біологію сибиреязвенной палочки и этимъ своимъ изслѣдованіемъ прокладываетъ широкіе пути въ только-что народившейся чрезвычайно важной наукѣ — бактеріологіи. Наврядъ ли бы дано было разрѣшеніе на опыты этому неизвѣстному провинціальному врачу... Кто, далѣе, будетъ рѣшать, какіе опыты «необходимы» для науки? Въ самомъ дѣлѣ, министры юстиціи? Но вѣдь это смѣшно. Ученые факультеты? Но кто же не знаетъ, что академическая ученость почти всегда является носительницею рутины? Когда Гельмгольцъ открылъ свой законъ сохраненія энергіи, то академія наукъ, какъ самъ онъ разсказываетъ, признала его работу «безсмысленными и пустыми умствованіями». Его изслѣдованія о скорости проведенія нервнаго тока также встрѣтили лишь улыбку со стороны лицъ, стоявшихъ тогда во главѣ физіологіи.

Имѣетъ ли антививисекціонистская агитація и въ будущемъ шансы на успѣхъ? Я думаю, что успѣхи ея всецѣло основаны на невѣжествѣ публики, и что, по мѣрѣ уменьшенія невѣжества, ея успѣхи будутъ все больше падать.

Билль «о жестокости къ животнымъ» былъ принятъ англійскимъ парламентомъ въ августѣ 1876 года. Дата знаменательная: какъ разъ въ это время въ Болгаріи свирѣпствовали турки, поощряемые дружественнымъ невмѣшательствомъ Англіи. Неужели пытаемыя въ лабораторіяхъ лягушки были англійскимъ депутатамъ ближе и дороже, чѣмъ болгарскія дѣвушки и дѣти, насилуемыя и избиваемыя башибузуками? Конечно, нѣтъ. Дѣло гораздо проще: парламентъ понималъ, что вмѣшательство въ болгарскія дѣла *невыгодно* для Англіи,

невыгоды же ограниченія живосѣченій онъ не понималъ. А тамъ, гдѣ человѣкъ не видитъ угрозы своей выгодѣ, онъ легко способенъ быть и честнымъ и гуманнымъ. Въ сентябрѣ 1899 года англичане тысячами подписывались подъ адресомъ осужденному въ Реннѣ Дрейфусу; въ то же время тѣ же англичане шиканіемъ и криками зажимали на митингѣ ротъ Джону Морлею, протестовавшему противъ разбойничьяго отношенія Англіи къ Трансваалю. Русская жизнь представляетъ еще болѣе яркіе примѣры такой кажущейся непослѣдовательности.

Когда люди поймутъ, чѣмъ они жертвуютъ, отнимая у науки право живосѣченій, агитація антививисекціонистовъ будетъ обречена на полное безплодіе. На одномъ собраніи противниковъ живосѣченій манчестерскій епископъ Мургаусъ заявилъ, что онъ предпочитаетъ сто разъ умереть, чѣмъ спасти свою жизнь цѣною тѣхъ адскихъ мукъ, которыя причиняются животнымъ при живосѣченіяхъ. Сознательно итти на такое самопожертвованіе способно лишь очень ничтожное меньшинство.

XI.

Наша врачебная наука въ теперешнемъ ея состояніи очень несовершенна; мы многаго не знаемъ и не понимаемъ, во многомъ принуждены блуждать ощупью. А дѣло приходится имѣть съ здоровьемъ и жизнью человѣка... Ужъ на послѣднихъ курсахъ университета мнѣ понемногу стало выясняться, на какой тяжелый, скользкій и опасный путь обрекаетъ насъ несовершенство нашей науки. Однажды нашъ профессоръ-гинекологъ пришелъ въ аудиторію хмурый и разстроенный.

— Милостивые государи! — объявилъ онъ. — Вы помните женщину съ эндометритомъ, которую я вамъ демонстрировалъ полторы недѣли назадъ и которой я тогда же сдѣлалъ при васъ выскабливаніе матки. Вчера она умерла отъ зараженія брюшины...

Профессоръ подробно изложилъ намъ ходъ болѣзни и результаты вскрытія умершей. Кромѣ разращеній слизистой оболочки, ради которыхъ было произведено выскабливаніе, у больной оказалась въ толщѣ матки мускульная опухоль — міома. Выскабливаніе матки при міомахъ сопряжено съ большою опасностью, потому что міомы легко могутъ омертвѣть и подвергнуться гнилостному разложенію. Въ данномъ случаѣ самое тщательное изслѣдованіе матки не дало никакихъ указаній на присутствіе міомы: выскабливаніе было произведено, а слѣдствіемъ этого явилось разложеніе міомы и смерть больной.

— Такимъ образомъ, милостивые государи, — продолжалъ профессоръ:—смерть больной, несомнѣнно, была вызвана нашею операціею; не будь операціи, больная, хотя и не безъ страданій, могла бы прожить еще десятки лѣтъ... Къ сожалѣнію, наша наука не всесильна. Такія несчастныя случайности предвидѣть очень трудно, и къ нимъ всегда нужно быть готовымъ. Для избѣжанія подобной ошибки Шультце предлагаетъ...

Профессоръ говорилъ еще долго, но я его уже не слушалъ. Сообщеніе его какъ бы столкнуло меня съ неба, на которое меня вознесли мои тогдашніе восторги передъ успѣхами медицины. Я думалъ: нашъ профессоръ—европейски-извѣстный спеціалистъ, всѣми признанный талантъ, тѣмъ не менѣе даже и онъ не гарантированъ отъ такихъ страшныхъ ошибокъ; что же ждетъ въ будущемъ меня, ординарнѣйшаго, ничѣмъ не выдающагося человѣка?

И въ первый разъ это будущее глянуло на меня зловѣще и мрачно. Нѣкоторое время я ходилъ совершенно растерянный, подавленный громадностью той отвѣтственности, которая ждала меня въ будущемъ. И вездѣ я теперь находилъ свидѣтельства того, какъ во всѣхъ отношеніяхъ велика эта отвѣтственность. Случайно мнѣ попался номеръ «Новостей Терапіи», и въ немъ я прочелъ слѣдующее:

Бинцъ сообщаетъ случай выкидыша послѣ пріемовъ салициловаго натра по одному грамму. Врачъ, назначившій это средство, былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности, но былъ оправданъ, *въ виду того, что подобные случаи до сихъ поръ еще не опубликованы,* несмотря на то, что примѣненіе салициловаго натра, какъ извѣстно, практикуется въ весьма широкихъ размѣрахъ.

Замѣтка эта случайно попалась мнѣ на глаза; я легко могъ ее и не прочесть, а между тѣмъ, если бы въ будущемъ нѣчто подобное произошло со мною, то мнѣ уже не было бы оправданія: теперь такой случай опубликованъ... Я долженъ все знать, все помнить, все умѣть,—но развѣ же это по силамъ человѣку?!

Вскорѣ мое мрачное настроеніе понемногу разсѣялось: пока я былъ въ университетѣ, мнѣ самому ни въ чемъ не приходилось нести отвѣтственности. Но, когда я врачомъ приступилъ къ практикѣ, когда я на дѣлѣ увидѣлъ все несовершенство нашей науки, я почувствовалъ себя въ положеніи проводника, которому нужно ночью вести людей по скользкому и обрывистому краю пропасти: они вѣрятъ мнѣ и даже не подозрѣваютъ, что идутъ надъ пропастью, а я каждую минуту жду, что вотъ-вотъ кто-нибудь изъ нихъ рухнетъ внизъ.

Часто, опредѣливъ болѣзнь, я положительно не рѣшался взяться за ея лѣченіе и уклонялся подъ первымъ предлогомъ. Въ началѣ моей практики ко мнѣ обратилась за помощью женщина, страдавшая солитеромъ. Самое лучшее и вѣрное средство противъ солитера—вытяжка мужского папоротника; Справляюсь въ книгахъ, какъ его назначить, и читаю: «Средство много потеряло изъ своей славы, потому что его давали въ слишкомъ малыхъ дозахъ... Но съ назначеніемъ его нужно быть осторожнымъ: въ большихъ дозахъ оно производитъ отравленіе»... Въ единственно-дѣйствительныхъ не «слишкомъ малыхъ» дозахъ я долженъ быть «очень остороженъ». Какъ возможно при такомъ условіи соблюсти осторожность?.. Я заявилъ больной, что не могу ее лѣчить, и чтобъ она обратилась къ другому доктору.

Больная широко раскрыла глаза.

— Я вамъ заплачу,—сказала она.

— Да нѣтъ, дѣло не въ томъ... Видите ли... За это нужно взяться, какъ слѣдуетъ, а у меня теперь нѣтъ времени...

Женщина пожала плечами и ушла.

Первое время я испытывалъ такой страхъ чуть не передъ половиною всѣхъ моихъ больныхъ; и страхъ этотъ еще усиливался сознаніемъ моей дѣйствительной неопытности; чего стоилъ одинъ тотъ случай съ сыномъ прачки, о которомъ я уже разсказывалъ.

Потомъ мало-по-малу явилась привычка; я пересталъ всего бояться, больше сталъ вѣрить въ себя; каждое дѣйствіе надъ больнымъ ужъ не сопровождалось безплодными терзаніями и мыслями о всѣхъ возможныхъ осложненіяхъ. Но все-таки висящій надъ головою дамокловъ мечъ «несчастнаго случая» и до сихъ поръ непрерывно держитъ меня въ состояніи какой-то нервной приподнятости.

Никогда напередъ не знаешь, когда и откуда онъ придетъ, этотъ грозный «несчастный случай». Разъ, я помню, у насъ въ больницѣ дѣлали шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ резекцію локтя. Мнѣ поручили хлороформировать больную. И только я поднесъ къ ея лицу маску съ хлороформомъ, только она вдохнула его,—одинъ единственный разъ,—и лицо ея посинѣло, глаза остановились, и пульсъ исчезъ; самыя энергичныя мѣры оживленія не повели ни къ чему; минуту назадъ она говорила, волновалась, глаза блестѣли страхомъ и жизнью,—и уже трупъ!.. По требованію родителей было произведено судебно-медицинское вскрытіе умершей; всѣ ея внутренніе органы оказались совершенно нормальными, какъ я и нашелъ ихъ при изслѣдованіи больной передъ хлороформированіемъ; и тѣмъ не менѣе—

смерть отъ этой ужасной идіосинкразіи, которую невозможно предвидѣть. И родители увезли трупъ, осыпавъ насъ проклятіями.

Прошлымъ лѣтомъ я жилъ въ глухой деревушкѣ средней Россіи. Однажды ко мнѣ присылаютъ отъ сосѣдняго помѣщика съ просьбою пріѣхать. Я рѣшительно отказался: усталый и изнервничавшійся, я хотѣлъ тутъ лишь одного—отдохнуть, не видѣть страдающихъ лицъ, не испытывать этого постояннаго нервнаго подъема: слишкомъ довольно было ужъ и однихъ крестьянъ, отказывать которымъ положительно не поворачивался языкъ. Но, въ концѣ концовъ, конечно, пришлось-таки поѣхать. Больной былъ тихій и славный старикъ, отставной подполковникъ, съ сѣдыми, прокопченными табакомъ усами; у него былъ циррозъ печени съ водянкой живота.

— Я, докторъ, вылѣчиться не разсчитываю,—тянулъ старикъ своимъ медленнымъ и басистымъ, словно ворчащимъ голосомъ.— Пора помирать, нужно и честь знать. А только ужъ очень воды много набралось въ животѣ; видите животъ,—настоящая конна, не продохнешь. Мнѣ мой докторъ каждый мѣсяцъ выпускаетъ воду, а сейчасъ онъ въ отпускѣ... Вотъ я васъ и побезпокоилъ. Инструменты, все это у меня есть.

Жидкость въ такихъ случаяхъ выпускается посредствомъ особаго инструмента, троакара, состоящаго изъ тонкой, прямой металлической трубки, въ которую вложенъ остроконечный стилетъ; троакаромъ прокалываютъ стѣнку живота, извлекаютъ стилетъ, и жидкость вытекаетъ черезъ трубку. Операція эта совершенно безопасна: если вводить стилетъ должнымъ образомъ, онъ никогда не поранитъ кишечника. Я выпустилъ больному жидкость.

Черезъ мѣсяцъ старикъ прислалъ за мною снова. Я вторично сдѣлалъ проколъ; на этотъ разъ вытекавшая жидкость была слабо окрашена кровью; вѣроятно, стилетъ поранилъ небольшую вѣнку. На всякій случай я остался при больномъ еще часа на два, но ничего угрожающаго не замѣтилъ. На слѣдующій день рано утромъ за мною присылаютъ отъ больного и просятъ какъ можно скорѣе пріѣхать. За ночь въ старикѣ произошла рѣзкая перемѣна: онъ неподвижно лежалъ на кровати, — мертвенно - блѣдный, съ восковымъ лицомъ, безъ пульса. Были ясны симптомы сильнаго внутренняго кровотеченія. Пока я приготовлялъ физіологическій растворъ соли для подкожнаго вливанія, больной умеръ. Въ чемъ тутъ было дѣло, трудно сказать: вскрыть умершаго мнѣ не позволили; самое вѣроятное,—что острее троакара поранило ненормально развитую и старчески-перерожденную вѣтку надчревной артеріи,

шедшую тамъ, гдѣ ея совсѣмъ нельзя было предполагать, а ночью какое-нибудь рѣзкое движеніе больного или приступъ кашля усилили первоначально слабое кровотеченіе.

Родственники приписали смерть старика естественному ходу болѣзни. Мнѣ было противно молчать, хотѣлось сказать имъ правду и объяснить все,—но къ чему бы это послужило?.. Я ѣхалъ назадъ. Надъ росистыми полями лежало тихое, радостное утро, небо звенѣло трелями жаворонковъ, въ нѣжно-зеленой тѣни рощи бѣлѣли стволы березъ,—такіе чистые и спокойные... Неужели мнѣ нигдѣ и никогда не суждено уже испытывать этотъ радостный, ничѣмъ не смущаемый покой?

Англійскій хирургъ Джемсъ Педжетъ говоритъ въ своей лекціи «о несчастіяхъ въ хирургіи»: «Нѣтъ хирурга, которому не пришлось бы въ теченіе своей жизни одинъ или нѣсколько разъ сократить жизнь больнымъ, въ то время, какъ онъ стремился продолжить ее. И такія приключенія бываютъ не при однѣхъ только важныхъ операціяхъ. Если бы вы могли пробѣжать полный списокъ операцій, считаемыхъ «малыми», вы нашли бы, что каждый опытный хирургъ или имѣлъ въ своей собственной практикѣ, или видѣлъ у другихъ одинъ или нѣсколько смертельныхъ исходовъ при всякой изъ этихъ операцій. Если хирургъ удалитъ ножомъ сто атеромъ на волосистой части головы, то,—я осмѣливаюсь утверждать,—одинъ или двое изъ его оперируемыхъ умрутъ. Всякій, кто подъ-рядъ наложитъ такое же число разъ лигатуру на геморроидальныя шишки, получитъ одинъ или два смертельныхъ исхода».

И отъ этого нѣтъ спасенія. Каждую минуту можетъ разразиться несчастье и смять тебя навсегда. Въ 1884 году вѣнскій врачъ Шпитцеръ пользовалъ четырнадцатилѣтнюю дѣвочку, страдавшую ознобленіемъ пальцевъ; онъ прописалъ ей іодистаго коллодія и велѣлъ мазать имъ отмороженныя мѣста; у дѣвочки образовалось омертвѣніе мизинца, и палецъ пришлось ампутировать. Мать больной подала на д-ра Шпитцера въ судъ. Судъ приговорилъ его къ уплатѣ истицѣ 650 гульденовъ, къ штрафу въ 200 гульденовъ и къ лишенію права практики. Газеты яростно напали на Шпитцера, осыпая его насмѣшками и издѣвательствами. Во врачебномъ мірѣ случай этотъ вызвалъ большое волненіе; Шпитцеръ не могъ имѣть никакихъ основаній ждать, чтобы смазыванія пальца невиннымъ іодистымъ коллодіемъ способны были произвести такое разрушительное дѣйствіе. Осужденный апеллировалъ въ сенатъ. Было затребовано мнѣніе медицинскаго факультета. По докладу извѣстнаго хирурга проф. Альберта, факультетъ единогласно далъ слѣдующее заключеніе: «Примѣненныя докторомъ Шпит-

церомъ смазыванія іодистымъ коллодіемъ не повели къ гангренѣ въ рядѣ опытовъ, спеціально произведенныхъ факультетомъ съ этою цѣлью. Въ литературѣ и наукѣ не имѣется указаній на опасность примѣненія упомянутаго средства вообще и въ случаяхъ, подобныхъ происшедшему, въ частности. Поэтому нѣтъ основанія обвинять д-ра Шпитцера въ невѣжествѣ». Но Шпитцеръ ужъ не нуждался въ оправданіи. Въ тотъ день, когда было опубликовано факультетское заключеніе, трупъ Шпитцера былъ вытащенъ изъ Дуная: онъ не вынесъ тяжести всеобщихъ осужденій и утопился.

Да, ужъ пощады въ подобныхъ случаяхъ не жди ни отъ кого! Врачъ долженъ быть богомъ, не ошибающимся, не вѣдающимъ сомнѣній, для котораго все ясно и все возможно. И горе ему, если это не такъ, если онъ ошибся, хотя бы не ошибиться было невозможно... Лѣтъ пятнадцать назадъ фельетонистъ «Петербургской Газеты» г. Амикусъ огласилъ одинъ «возмутительный» случай, происшедшій въ хирургической клиникѣ проф. Коломнина. Мальчикъ Харитоновъ, «съ болью въ тазо-бедренномъ суставѣ», былъ привезенъ родителями въ клинику; при изслѣдованіи мальчика ассистентомъ клиники, д-ромъ Т. (названа полная фамилія), произошло вотъ что:

Т. проситъ, чтобъ Харитоновъ прыгнулъ на больную ногу; тотъ, конечно, отказывается, завѣряя почтеннаго эскулапа, что онъ не можетъ стоять на больной ногѣ. Но эскулапъ не слушаетъ завѣреній несчастнаго юноши и съ помощью присутствующихъ заставляетъ прыгнуть. Тотъ прыгнулъ. Раздался страшный крикъ, и несчастный мальчикъ упалъ на руки своихъ палачей: отъ прыжка нога сломилась у самаго бедра. У больного „съ ужасающею быстротою“ развилась саркома, и онъ умеръ по винѣ своихъ мучителей.

Д-ръ Т. въ письмѣ въ редакцію газеты объяснилъ, какъ было дѣло. Мальчикъ жаловался на боли въ суставѣ, но никакихъ наружныхъ признаковъ пораженія въ суставѣ не замѣчалось; были основанія подозрѣвать туберкулезъ тазо-бедреннаго сустава (кокситъ). Стоять на больной ногѣ Харитоновъ могъ. «Я предложилъ больному стать на больную ногу и слегка подпрыгнуть. При такой пробѣ у кокситиковъ при самомъ началѣ болѣзни, когда всѣ другіе признаки отсутствуютъ, болѣзнь выдаетъ себя легкою болью въ суставѣ». Послѣдовалъ переломъ. Такіе переломы относятся къ числу такъ называемымъ *самородныхъ переломовъ*: у мальчика, какъ впослѣдствіи оказалось, была центральная костномозговая саркома; она разъѣла изнутри кость и уничтожила ея обычную твердость; достаточно было перваго сильнаго движенія, чтобы случился переломъ; тотъ же самый переломъ самъ собою сдѣлался бы у больного или въ клиникѣ, или на возвратномъ пути домой.

«Узнать навѣрное такую болѣзнь, когда еще нельзя найти самой опухоли, въ высокой степени трудно, иногда положительно *невозможно*». Къ этому нужно еще прибавить, что упомянутая болѣзнь вообще принадлежитъ къ числу очень рѣдкихъ, въ противоположность кокситу, болѣзни очень распространенной.

Объясненіе д-ра Т. вызвало новыя глумленія фельетониста.

Не правда ли, поразительно!—писалъ г. Амикусъ.—Самодѣйствующій переломъ!.. Это ли еще не есть верхъ несчастной случайности, въ особенности для насъ, профановъ, впервые слышащихъ о самородныхъ, самодѣйствующихъ, автоматическихъ переломахъ рукъ и ногъ. Только въ такихъ необычайныхъ случаяхъ можно вполнѣ оцѣнить, что̀ значитъ наука, и горько всплакнуть надъ своимъ невѣжествомъ... Что̀ же остается дѣлать профану? Не спорить же съ наукой! Остается только пристыженно понурить голову передъ сіяніемъ ослѣпляющей науки и немедленно испробовать съ тревожнымъ чувствомъ (посредствомъ ударовъ о твердые предметы), не подкрался ли къ нему самому этотъ предательскій самородный переломъ.

Послѣ этого еще цѣлую недѣлю по газетамъ трепали и высмѣивали д-ра Т.

Со стороны возмущаться подобными ошибками врачей легко. Но въ томъ-то и трагизмъ нашего положенія, что, представься на завтра врачу другой такой же случай, — и врачъ *обязанъ* былъ бы поступить совершенно такъ же, какъ поступилъ въ первомъ случаѣ. Конечно, для него было бы гораздо спокойнѣе поступить иначе: наружныхъ признаковъ пораженія сустава не замѣчается; есть способъ узнать, не туберкулезъ ли это; но вдругъ болѣзнь окажется костной саркомой, и тоже послѣдуетъ переломъ! Правда, костныя саркомы такъ рѣдки, что за всю свою практику врачъ встрѣтитъ ихъ всего два-три раза; правда, если теперь же взяться за лѣченіе туберкулезнаго сустава, то можно надѣяться на полное и прочное излѣченіе его, а все-таки... лучше подальше отъ грѣха; лучше пусть больной отправляется домой и представится снова тогда, когда уже появятся несомнѣнные наружные признаки... Тотъ трусъ, который поступилъ бы такъ, былъ бы недостоинъ имени врача.

Общество живетъ слишкомъ невѣрными представленіями о медицинѣ, и это—главная причина его несправедливаго отношенія къ врачамъ; оно должно узнать силы и средства врачебной науки и не винить врачей въ томъ, въ чемъ виновато несовершенство науки. Тогда и требовательность къ врачамъ понизилась бы до разумнаго уровня.

А впрочемъ,—понизилась ли бы она и тогда?.. Чувство не знаетъ и не хочетъ знать логики. Недавно я испыталъ это на самомъ себѣ. У моей жены роды были очень трудные, по-

требовалась операція. И передо мною зловѣще-ярко встали всѣ возможныя при этомъ несчастія.

— Нужно сдѣлать операцію, — спокойно и хладнокровно сказалъ мнѣ врачъ-акушеръ.

Какъ могъ онъ говорить объ этомъ такъ спокойно?! Вѣдь онъ знаетъ, какія многочисленныя случайности грозятъ роженицѣ при подобной операціи; пусть случайности эти рѣдки, но все-таки же онѣ существуютъ и возможны. А онъ долженъ ясно понять, что̀ значитъ для меня потерять Наташу, онъ *навѣрное* долженъ сдѣлать операцію удачно, въ противномъ случаѣ это будетъ ужасно, и ему не можетъ быть извиненія,— ни ему ни наукѣ; не *смѣетъ* онъ ни въ чемъ погрѣшить!.. И передъ этимъ, охватившимъ меня чувствомъ стали блѣдны и безсильны всѣ доводы моего разума и знанія.

XII.

Въ обществѣ къ медицинѣ и врачамъ распространено сильное недовѣріе. Врачи издавна служатъ излюбленнымъ предметомъ карикатуръ, эпиграммъ и анекдотовъ. Здоровые люди говорятъ о медицинѣ и врачахъ съ усмѣшкою, больные, которымъ медицина не помогла, говорятъ о ней съ ярою ненавистью.

Эти насмѣшки и это недовѣріе вначалѣ сильно конфузили меня. Я чувствовалъ, что въ основѣ своей они справедливы, что въ наукѣ нашей, дѣйствительно, есть многое, чего мы должны конфузиться. Чувствуя это, я иногда не прочь былъ и самъ въ откровенную минуту выказать свое пренебрежительное и насмѣшливое отношеніе къ медицинѣ. Однажды въ деревнѣ мы возвращались вечеромъ съ прогулки. Ко мнѣ подошла баба съ просьбою осмотрѣть и полѣчить ее. Я зашелъ къ ней въ избу вмѣстѣ съ своей двоюродной сестрой. Баба жаловалась, что ей «подпираетъ корешки» и схватываетъ подъ ложечкой, что, когда она наклоняется, у нея сильно кружится голова. Я изслѣдовалъ ее и сказалъ, чтобъ она зашла ко мнѣ за каплями.

— Что̀ у нея?—спросила сестра, когда мы вышли.

— А я почемъ знаю!—съ усмѣшкою отвѣтилъ я. — Подпираетъ корешки какіе-то.

Сестра удивленно подняла брови.

— Вотъ странно! Ты такъ увѣренно держался,—я думала, для тебя все совершенно ясно.

— Дня черезъ два изслѣдую ее еще разъ, — можетъ-быть, выяснится.

— Ну, и наука же ваша!

— Наука — что̀ говорить! Наука, можно сказать, — точная!

И я сталъ разсказывать ей случаи, показывавшіе, какъ «точна» наша наука, и какъ наивно смотрятъ на врачей больные.

Мнѣ не разъ случалось такимъ тономъ говорить о медицинѣ; все, что̀ я разсказывалъ, была правда, но всегда послѣ подобныхъ разговоровъ мнѣ становилось совѣстно: эту правду я оцѣнивалъ, становясь на точку зрѣнія своихъ слушателей, въ душѣ же у меня, несмотря на все, отношеніе къ медицинѣ было серьезное и полное уваженія.

Очевидно, во всемъ этомъ крылось какое-то глубокое недоразумѣніе. Медицина не оправдываетъ ожиданій, которыя на нее возлагаются, — надъ нею смѣются и въ нее не вѣрятъ. Но правильны ли и законны ли самыя эти ожиданія? Есть наука объ излѣченіи болѣзней, которая называется медициной; человѣкъ, обучившійся этой наукѣ, долженъ безошибочно узнавать и вылѣчивать болѣзни; если онъ этого не умѣетъ, то либо самъ онъ плохъ, либо его наука никуда не годится.

Такой взглядъ былъ совершенно естественъ, но въ то же время совершенно неправиленъ. Не существуетъ хоть сколько-нибудь законченной науки объ излѣченіи болѣзней; передъ медициною стоитъ живой человѣческій организмъ съ безконечно-сложною и запутанною жизнью; многое въ этой жизни уже понято, но каждое новое открытіе въ то же время раскрываетъ все бо̀льшую чудесную ея сложность; темнымъ и малопонятнымъ путемъ развиваются въ организмѣ многія болѣзни, неясны и неуловимы борющіяся съ ними силы организма, нѣтъ средствъ поддержать эти силы; есть другія болѣзни, сами по себѣ болѣе или менѣе понятныя; но сплошь да рядомъ онѣ протекаютъ такъ скрыто, что всѣ средства науки безсильны для ихъ опредѣленія.

Это значитъ, что врачи не нужны, а ихъ наука никуда не годится? Но вѣдь есть многое другое, что̀ наукѣ уже понятно и доступно, во многомъ врачъ можетъ оказать существенную помощь. Во многомъ онъ и безсиленъ, но въ чемъ именно онъ безсиленъ, можетъ опредѣлить только самъ врачъ, а не больной; даже и въ этихъ случаяхъ врачъ незамѣнимъ, хотя бы по одному тому, что онъ понимаетъ всю сложность происходящаго передъ нимъ болѣзненнаго процесса, а больной и его окружающіе не понимаютъ.

Люди не имѣютъ даже самаго отдаленнаго представленія ни о жизни своего тѣла, ни о силахъ и средствахъ врачебной науки. Въ этомъ — источникъ большинства недоразумѣній, въ

этомъ — причина какъ слѣпой вѣры во всемогущество медицины, такъ и слѣпого невѣрія въ нее. А то и другое одинаково даетъ знать о себѣ очень тяжелыми послѣдствіями.

Въ публикѣ сильно распространены всевозможные «общедоступные лѣчебники» и популярныя брошюры о лѣченіи; въ мало-мальски интеллигентной семьѣ всегда есть домашняя аптечка, и, раньше чѣмъ позвать врача, на больномъ испробуютъ и касторку, и хининъ, и салициловый натръ, и валеріанку; недавно въ Петербургѣ даже основалось цѣлое общество «самопомощи въ болѣзняхъ». Ничего подобнаго не было бы возможно, если бы у людей, вмѣсто слѣпой вѣры въ простую и нехитрую медицинскую науку, было разумное пониманіе этой науки. Люди знали бы, что каждый новый больной представляетъ собою новую, неповторяющуюся болѣзнь, чрезвычайно сложную и запутанную, разобраться въ которой далеко не всегда можетъ и врачъ со всѣми его знаніями. У больного запоръ,—нужно ему дать касторки; рѣшился ли бы кто-нибудь приступить къ такому лѣченію, если бы хоть подозрѣвалъ о томъ, что иногда этимъ можно убить человѣка, что иногда, какъ, напр., при свинцовой коликѣ, запоръ можно устранить не касторкой, а только... опіемъ?

На невѣжественной вѣрѣ во всесиліе медицины основываются тѣ преувеличенныя требованія къ ней, которыя являются для врача проклятіемъ и связываютъ его по рукамъ и ногамъ. Больной съ брюшнымъ тифомъ сильно лихорадитъ, у него болитъ голова, онъ потѣетъ по ночамъ, его мучитъ тяжелый бредъ; бороться съ этимъ нужно очень осторожно, и преимущественно физическими средствами; но попробуй, скажи паціенту: «страдай, обливайся потомъ, изнывай отъ кошмаровъ!» Онъ отвернется отъ тебя и обратится къ врачу, который не будетъ жалѣть хинина, фенацетина и хлоралъ-гидрата: что это за врачъ, который не дастъ облегченія! Пусть это облегченіе идетъ на счетъ силъ больного, пусть оно навсегда расшатаетъ его организмъ, пусть совершенно отучитъ отъ способности самостоятельно бороться съ болѣзнью,—облегченіе получено, и довольно. Самыми несчастными паціентами въ этомъ отношеніи являются разнаго сорта «высокія особы»,—нетерпѣливыя, избалованныя, которыя самую наличность неустраненнаго, хотя бы легкаго страданія ставятъ въ вину лѣчащему ихъ врачу. Вотъ почему, между прочимъ, въ публикѣ громкимъ успѣхомъ пользуются врачи, о которыхъ понимающіе дѣло товарищи отзываются съ презрѣніемъ и къ помощи которыхъ ни одинъ изъ врачей не станетъ обращаться.

Врачъ на то и врачъ, чтобы легко и увѣренно устранять

страданія и излѣчивать болѣзни. Дѣйствительность на каждомъ шагу опровергаетъ такое представленіе о врачахъ, и люди отъ слѣпой вѣры въ медицину переходятъ къ ея полному отрицанію. У больного болѣзнь излѣчимая, но требующая лѣченія долгаго и систематическаго; недѣля-другая лѣченія не дала помощи, и больной машетъ рукою на врача и обращается къ знахарю. Есть болѣзни затяжныя, противъ которыхъ мы не имѣемъ дѣйствительныхъ средствъ,—напр., коклюшъ; врачъ, котораго въ первый разъ пригласятъ въ семью для лѣченія коклюша, можетъ быть увѣренъ, что въ эту семью его никогда ужъ больше не позовутъ: нужно громадное, испытанное довѣріе къ врачу или полное пониманіе дѣла, чтобы примириться съ ролью врача въ этомъ случаѣ, — слѣдить за гигіеничностью обстановки и принимать мѣры противъ появляющихся осложненій.

Особенно богатый матеріалъ для отрицанія медицины даютъ ошибки врачей. Врачъ опредѣлилъ у больного брюшной тифъ, а на вскрытіи оказалось, что у него была общая бугорчатка,— позоръ врачамъ, хотя клиническія картины той и другой болѣзни часто совершенно тожественны. У меня есть одинъ знакомый; три года у него сильно болитъ правое колѣно; одинъ врачъ опредѣлилъ туберкулезъ, другой — сифилисъ, третій—подагру; и облегченія ни отъ кого нѣтъ. Отсюда выводъ можетъ быть только одинъ: иногда болѣзни проявляются въ такихъ темныхъ и неясныхъ формахъ, что правильный діагнозъ возможно поставить только случайно. Но каждый человѣкъ судитъ по тому, что̀ испытываетъ на себѣ; и знакомый мой говоритъ: «Ваше занятіе для общества—то же, что̀ для человѣка галстукъ; галстукъ совершенно безполезенъ, но ходить безъ него цивилизованному человѣку неприлично; и онъ покорно платитъ за галстукъ деньги, и люди, приготовляющіе галстуки, думаютъ, что дѣлаютъ что-то нужное»...

— Должна вамъ, докторъ, сознаться, — я совершенно не вѣрю въ вашу медицину,—сказала мнѣ недавно одна дама.

Она не вѣритъ... Но вѣдь она ея совершенно не знаетъ! Какъ же можно вѣрить или не вѣрить въ значеніе того, чего не знаешь?

Многое изъ того, что̀ мною разсказано въ предыдущихъ главахъ, можетъ у людей, слѣпо вѣрующихъ въ медицину, вызвать недовѣріе къ ней. Я и самъ пережилъ это недовѣріе. Но вотъ теперь, зная все, я все-таки съ искреннимъ чувствомъ говорю: *я вѣрю въ медицину*, — вѣрю, хотя она во многомъ безсильна, во многомъ опасна, многаго не знаетъ. И могу ли я не вѣрить, когда то и дѣло вижу, какъ она

даетъ мнѣ возможность спасать людей, какъ губятъ сами себя тѣ, кто отрицаетъ ее?

«Я не вѣрю въ вашу медицину», — говоритъ дама. Во что же, собственно, она не вѣритъ? Въ то, что возможно въ два дня «перервать» коклюшъ, или въ то, что при нѣкоторыхъ глазныхъ болѣзняхъ своевременнымъ примѣненіемъ атропина можно спасти человѣка отъ слѣпоты? Ни въ два дня ни въ три недѣли невозможно перервать коклюша, но нѣсколькими каплями атропина можно сохранить человѣку зрѣніе, и тотъ, кто не «вѣритъ» въ это, подобенъ скептику, не вѣрящему, чтобъ гдѣ-нибудь на свѣтѣ мужики говорили по-французски.

Человѣкъ долгіе годы страдаетъ удушьемъ: я прижигаю ему носовыя раковины, — и онъ становится здоровымъ и счастливымъ отъ своего здоровья; мальчикъ тупъ, невнимателенъ и безпамятенъ: я вырѣзаю ему гипертрофированныя миндалины, — и онъ умственно совершенно перерождается; ребенокъ истощенъ поносами: я безъ всякихъ лѣкарствъ, однимъ регулированіемъ діэты и времени пріема пищи достигаю того, что онъ становится полнымъ и веселымъ. Мое знаніе часто даетъ мнѣ возможность самымъ незначительнымъ пріемомъ или назначеніемъ предотвратить тяжелую болѣзнь, и чѣмъ невѣжественнѣе люди, тѣмъ ярче бросается въ глаза все значеніе моего знанія. Въ трудныхъ, запутанныхъ случаяхъ, потребовавшихъ много умственныхъ и нервныхъ затратъ, особенно сильно и побѣдно чувствуешь свое торжество, и смѣшно подумать, что̀ можно было бы сдѣлать здѣсь безъ знанія... Нѣтъ, я — я вѣрю въ медицину, и мнѣ глубоко жаль тѣхъ, кто въ нее не вѣритъ.

Я вѣрю въ медицину. Насмѣшки надъ нею истекаютъ изъ незнанія смѣющихся. Тѣмъ не менѣе, во многомъ мы вѣдь, дѣйствительно, безсильны, невѣжественны и опасны; вина въ этомъ не наша, но это именно и даетъ пищу невѣрію въ нашу науку и насмѣшкамъ надъ нами. И передо мною все настойчивѣе насталъ вставать вопросъ: это невѣріе и эти насмѣшки я признаю неосновательными, имъ не должно быть мѣста по отношенію ко мнѣ и къ моей наукѣ, — какъ же мнѣ для этого держаться съ паціентомъ?

Прежде всего нужно быть съ нимъ честнымъ. Именно потому, что сами мы скрываемъ отъ людей истинные размѣры доступнаго намъ знанія, къ намъ и возможно то враждебно-ироническое чувство, которое мы повсюду возбуждаемъ къ себѣ. Одно изъ главныхъ достоинствъ Льва Толстого, какъ художника, заключается въ поразительно-человѣчномъ и серьезномъ отношеніи къ каждому изъ рисуемыхъ имъ лицъ; *один-*

ственное исключеніе онъ дѣлаетъ для врачей: ихъ Толстой не можетъ выводить безъ раздраженія и почти тургеневскаго подмигиванія читателю. Есть же, значитъ, что-то, что̀ такъ возстановляетъ всѣхъ противъ насъ. И мнѣ казалось, что это «что-то» есть именно окутываніе себя туманомъ и возбужденіе къ себѣ преувеличеннаго довѣрія и ожиданій. Этого не должно быть.

Но практика немедленно опровергла меня; напротивъ, иначе, чѣмъ есть, и не можетъ быть. Я лѣчилъ одного чиновника, больного брюшнымъ тифомъ; его крѣпило, животъ былъ сильно вздутъ; я назначилъ ему каломель въ обычной слабительной дозѣ, со всѣми обычными предосторожностями.

— У мужа, докторъ, явилось во рту какое-то осложненіе,— сообщила мнѣ жена больного при слѣдующемъ моемъ визитѣ.

Больной жаловался на сильное слюнотеченіе, десны покраснѣли и распухли, изо рту несло отвратительнымъ запахомъ; это была типическая картина легкаго отравленія ртутью, вызваннаго назначеннымъ мною каломелемъ; обвинить себя я ни въ чемъ не могъ,—я принялъ рѣшительно всѣ предупредительныя мѣры.

Что̀ мнѣ было сказать? Что это — слѣдствіе назначеннаго мною лѣченія? Глупѣе поступить было бы невозможно. Я совершенно безцѣльно подорвалъ бы довѣріе ко мнѣ больного и заставилъ бы его ждать всякихъ бѣдъ отъ каждаго моего назначенія. И я молча, стараясь не встрѣтиться со взглядомъ жены больного, выслушалъ ея рѣчи объ удивительномъ разнообразіи осложненій при тифѣ.

Меня пригласили къ больному ребенку; онъ лихорадилъ, никакихъ опредѣленныхъ жалобъ и симптомовъ не было; приходилось подождать выясненія болѣзни. Я не хотѣлъ прописывать «ut aliquid fiat», я сказалъ матери, что слѣдуетъ принять такія-то гигіеническія мѣры, а лѣкарствъ пока не нужно. У ребенка развилось воспаленіе мозговыхъ оболочекъ, онъ умеръ. И мать стала горько клясть меня въ его смерти, потому что я не поспѣшилъ во̀-время «перервать» его болѣзнь.

А какъ я могу держаться «честно» съ неизлѣчимыми больными? Съ ними все время приходится лицемѣрить и лгать, приходится пускаться на самыя разнообразныя выдумки, чтобы вновь и вновь поддержать падающую надежду. Больной, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени, всегда сознаётъ эту ложь, негодуетъ на врача и готовъ проклинать медицину. Какъ же держаться? Древне-индійская медицина была въ этомъ отношеніи пряма и жестоко-искренна: она имѣла дѣло только съ излѣчимыми больными, неизлѣчимый не имѣлъ права лѣ-

читься; родственники отводили его на берегъ Ганга, забивали ему носъ и ротъ священнымъ иломъ и бросали въ рѣку... Больной сердится, когда врачъ не говоритъ ему правды; о, онъ хочетъ одной только правды! Вначалѣ я былъ настолько наивенъ и молодо-прямолинеенъ, что при настойчивомъ требованіи говорилъ больному правду; только постепенно я понялъ, что̀ въ дѣйствительности значитъ, когда больной хочетъ правды, увѣряя, что не боится смерти; это значитъ: «если надежды нѣтъ, то лги мнѣ такъ, чтобъ я ни на секунду не усомнился, что ты говоришь правду».

Вездѣ, на каждомъ шагу приходится быть актеромъ; особенно это необходимо потому, что болѣзнь излѣчивается не только лѣкарствами и назначеніями, но и душою самого больного; его бодрая и вѣрящая душа—громадная сила въ борьбѣ съ болѣзнью, и нельзя достаточно высоко оцѣнить эту силу; меня первое время удивляло, насколько успѣшнѣе оказывается мое лѣченіе по отношенію къ постояннымъ моимъ паціентамъ, горячо вѣрящимъ въ меня и посылающимъ за мною съ другого конца города, чѣмъ по отношенію къ паціентамъ, обращающимся ко мнѣ въ первый разъ; я видѣлъ въ этомъ довольно комичную игру случая; постепенно только я убѣдился, что это вовсе не случайность, что мнѣ, дѣйствительно, могучую поддержку оказываетъ завоеванная мною вѣра, удивительно поднимающая энергію больного и его окружающихъ. Больной страшно нуждается въ этой вѣрѣ и чутко ловитъ въ голосѣ врача всякую ноту колебанія и сомнѣнія... И я сталъ привыкать держаться при больномъ самоувѣренно, дѣлать назначенія самымъ докторальнымъ и безапелляціоннымъ тономъ, хотя бы въ душѣ въ это время поднимались тысячи сомнѣній.

— Не лучше ли, докторъ, сдѣлать то-то? — спрашиваетъ скептическій больной.

— Я васъ попрошу безпрекословно исполнять, что̀ я назначаю, — категорически заявляю я. — Только въ такомъ случаѣ я и могу вести лѣченіе.

И весь мой тонъ говоритъ, что я обладаю полною истиною, сомнѣніе въ которой можетъ быть только оскорбительнымъ.

И вѣру въ себя недостаточно завоевать разъ; приходится все время завоевывать ее непрерывно. У больного болѣзнь затягивается; необходимо зорко слѣдить за душевнымъ состояніемъ его и его окружающихъ; какъ только они начинаютъ падать духомъ, слѣдуетъ, хотя бы наружно, перемѣнить лѣченіе, назначить другое средство, другой пріемъ; нужно цѣпляться за тысячи мелочей, напрягая всю силу фан-

тазіи, тонко считаясь съ характеромъ и степенью развитія больного и его близкихъ.

Все это такъ далеко отъ того простого исполненія предписаній медицины, въ которомъ, какъ я раньше думалъ, и заключается все наше дѣло! Турецкій знахарь — ходжа назначаетъ больному лѣченіе, обвѣшиваетъ его амулетами и подъ конецъ дуетъ на него; въ послѣднемъ вся суть: хорошо излѣчивать людей способенъ только ходжа «съ хорошимъ дыханіемъ». Такое же «хорошее дыханіе» требуется и отъ настоящаго врача. Онъ можетъ обладать громаднымъ распознавательнымъ талантомъ, умѣть улавливать самыя тонкія детали дѣйствія своихъ назначеній, — и все это останется безплоднымъ, если у него нѣтъ способности покорять и подчинять себѣ душу больного. Есть, правда, истинно-интеллигентные больные, которымъ не нужно полушарлатанское «хорошее дыханіе», которымъ болѣе дороги талантъ и знаніе, не желающіе скрывать голой правды. Но такіе больные такъ же рѣдки среди людей, какъ рѣдки среди нихъ сами талантъ и знаніе.

XIII.

Прошло много времени, прежде чѣмъ я свыкся съ силами медицины и смирился передъ ихъ ограниченностью. Мнѣ было стыдно и тоскливо смотрѣть въ глаза больному, которому я былъ не въ силахъ помочь; онъ, угрюмый и отчаявшійся, стоялъ передо мною тяжкимъ укоромъ той наукѣ, которой представителемъ я являлся, и въ душѣ опять и опять шевелилось проклятье этой немощной наукѣ.

Was hab' ich, —Что есть у меня,
Wenn ich nicht alles habe? Если у меня нѣтъ всего?

Этому я могу помочь, этому нѣтъ; а всѣ они идутъ ко мнѣ, всѣ одинаково хотятъ быть здоровыми и всѣ одинаково въ правѣ ждать отъ меня спасенія. И такъ становятся понятными тѣ вопли отчаянной тоски и паденія вѣры въ свое дѣло, которыми полны интимныя письма сильнѣйшихъ представителей нашей науки. И чѣмъ кто изъ нихъ сильнѣе, тѣмъ ярче осужденъ чувствовать свое безсиліе.

«Изъ всей моей дѣятельности лекціи — это единственное, что меня занимаетъ и живитъ,—писалъ Боткинъ своему другу, д-ру Бѣлоголовому:—остальное тянешь, какъ лямку, прописывая массу ни къ чему не ведущихъ лѣкарствъ. Это не фраза и даетъ тебѣ понять, почему практическая дѣятельность въ моей поликлиникѣ такъ тяготитъ меня. Имѣя громадный матеріалъ хрониковъ, я начинаю вырабатывать грустное убѣжде-

ніе о безсиліи нашихъ терапевтическихъ средствъ. Рѣдкая поликлиника пройдетъ мимо безъ горькой мысли: за что я взялъ съ большей половины народа деньги, да заставилъ ее потратиться на одно изъ нашихъ аптечныхъ средствъ, которое, давши облегченіе на 24 часа, ничего существеннаго не измѣнитъ? Прости меня за хандру, но нынче у меня былъ домашній пріемъ, и я еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого безплоднаго труда».

У Бильрота есть одно стихотвореніе; оно было послано имъ его другу, извѣстному композитору Брамсу, и не предназначалось для печати. Въ переводѣ трудно передать всю силу и поэзію этого стихотворенія. Вотъ оно:

...Ich kann's nicht mehr ertragen,
Wie mich die Menschen täglich, stündlich quälen,
Wie sie unmögliches von mir begehren!
Weil ich einwenig tiefer wohl als Andere
In der Natur geheimstes Wesen drang,
So meinen sie, ich könnte gleich den Göttern
Durch Wunder Leiden nehmen, Glück erzaubern,
Und bin doch nur ein Mensch wie Andere mehr.
Ach, wüsstet ihr, wie's in mir wallet, siedet,
Und wie mein Herz den Schlag zurücke hält,
Wenn ich statt Heilung mit unsicheren Worten
Kaum Trost kann spenden den Verlorenen...
...Was soll denn aus mir werden?
Aus mir, dem viel bewunderten, hilflosen Mann? *).

Но передъ такимъ своимъ безсиліемъ постепенно пришлось смириться: полная неизбѣжность всегда несетъ въ себѣ нѣчто примиряющее съ собою. Все-таки наука дастъ намъ много силы, и съ этою силою можно сдѣлать многое. Но съ чѣмъ невозможно было примириться, что̀ все больше подтачивало во мнѣ удовлетвореніе своею дѣятельностью, — это то, что имѣющаяся въ нашемъ распоряженіи сила на дѣлѣ оказывалась совершенно призрачною.

Медицина есть наука о лѣченіи людей. Такъ оно выходило по книгамъ, такъ выходило и по тому, что̀ мы видѣли въ университетскихъ клиникахъ. Но въ жизни оказывалось, что

*) «Я не въ силахъ больше выносить, какъ люди ежедневно, ежечасно мучатъ меня, какъ они требуютъ отъ меня невозможнаго! Изъ того, что я немного глубже другихъ проникъ въ сокровеннѣйшую суть природы, они заключаютъ, что я, подобно богамъ, способенъ чудомъ избавлять отъ страданій, давать счастье, а я — я такой же человѣкъ, какъ и другіе. Ахъ, если бы вы знали, какъ все волнуется и кипитъ во мнѣ, и какъ сердце замедляетъ свои удары, когда я вмѣсто спасенія едва могу въ неувѣренныхъ словахъ предложить погибшимъ утѣшеніе... Что̀ же будетъ со мною? Со мною, окруженнымъ всеобщимъ удивленіемъ, безпомощнымъ человѣкомъ?»

медицина есть наука о лѣченіи однихъ лишь богатыхъ и свободныхъ людей. По отношенію ко всѣмъ остальнымъ она являлась лишь теоретическою наукою о томъ, какъ *можно было бы* вылѣчить ихъ, если бы они были богаты и свободны; а то, что̀ за отсутствіемъ послѣдняго приходилось имъ предлагать на дѣлѣ, было не чѣмъ инымъ, какъ самымъ безстыднымъ поруганіемъ медицины.

Изрѣдка по праздникамъ ко мнѣ приходитъ на пріемъ мальчишка-сапожникъ изъ сосѣдней сапожной мастерской. Лицо его зеленовато-блѣдно, какъ заплѣсневѣлая штукатурка; онъ страдаетъ головокруженіями и обмороками. Мнѣ часто случается проходить мимо мастерской, гдѣ онъ работаетъ,— окна ея выходятъ на улицу. И въ шесть часовъ утра и въ одиннадцать часовъ ночи я вижу въ окошко склоненную надъ сапогомъ стриженую голову Васьки, а кругомъ него—такихъ же зеленыхъ и худыхъ мальчиковъ и подмастерьевъ; маленькая керосиновая лампа тускло горитъ надъ ихъ головами, изъ окна тянетъ на улицу густою, прѣлою вонью, отъ которой мутитъ въ груди. И вотъ мнѣ нужно лѣчить Ваську. Какъ его лѣчить? Нужно прійти, вырвать его изъ этого темнаго, вонючаго угла, пустить бѣгать въ поле, подъ горячее солнце, на вольный вѣтеръ, и легкія его развернутся, сердце окрѣпнетъ, кровь станетъ алою и горячею. Между тѣмъ даже пыльную петербургскую улицу онъ видитъ лишь тогда, когда хозяинъ посылаетъ его съ товаромъ къ заказчику; даже по праздникамъ онъ не можетъ размяться, потому что хозяинъ, чтобы мальчики не баловались, запираетъ ихъ на весь день въ мастерской... И единственное, что̀ мнѣ остается,—это прописывать Васькѣ желѣзо и мышьякъ, и утѣшаться мыслью, что все-таки я «хоть что-нибудь» дѣлаю для него!

Ко мнѣ приходитъ прачка съ экземою рукъ, ломовой извозчикъ съ грыжею, прядильщикъ съ чахоткою; я назначаю имъ мази, пелоты и порошки—и невѣрнымъ голосомъ, самъ стыдясь комедіи, которую разыгрываю, говорю имъ, что главное условіе для выздоровленія — это то, чтобы прачка не мочила себѣ рукъ, ломовой извозчикъ не поднималъ тяжестей, а прядильщикъ избѣгалъ пыльныхъ помѣщеній. Они въ отвѣтъ вздыхаютъ, благодарятъ за мази и порошки и объясняютъ, что дѣла своего бросить не могутъ, потому что имъ нужно ѣсть.

Въ такія минуты меня охватываетъ стыдъ за себя и за ту науку, которой я служу, за ту мелкость и убогость, съ какою она осуждена проявлять себя въ жизни. Въ деревнѣ ко мнѣ однажды обратился за помощью мужикъ съ одышкою. Все лѣвое легкое у него оказалось сплошь пораженнымъ крупоз-

нымъ воспаленіемъ. Я изумился, какъ могъ онъ добрести до меня, и сказалъ ему, чтобы онъ немедленно по приходѣ домой легъ и не вставалъ.

— Что̀ ты, баринъ, какъ можно?—въ свою очередь изумился онъ.—Нешто не знаешь, время какое? Время страдное, горячее. Господь-Батюшка погодку посылаетъ, а я лежать! Что̀ ты, Господи помилуй! Нѣтъ, ты ужъ будь милостивъ, дай какихъ капелекъ, ослобони грудь.

— Да никакія капли не помогутъ, если пойдешь работать! Тутъ дѣло не шуточное,—помереть можешь!

— Ну, Господь милостивъ, зачѣмъ помирать? Перемогусь какъ-нибудь. А лежать намъ никакъ нельзя: мы отъ этихъ трехъ недѣль весь годъ бываемъ сыты.

Съ моею микстурою въ карманѣ и съ косою на плечѣ онъ пошелъ на свою полосу и косилъ рожь до вечера, а вечеромъ легъ на межу и умеръ отъ отека легкихъ.

Грубая, громадная и могучая жизнь непрерывно дѣлаетъ свою слѣпую, жестокую работу, а гдѣ-то далеко внизу, въ ея ногахъ, копошится безсильная медицина, устанавливая свои гигіеническія и терапевтическія «нормы».

Вотъ — человѣческій организмъ, со всѣмъ богатствомъ и разнообразіемъ его органовъ, требующихъ широкихъ и полныхъ отправленій. И какъ будто жизнь задалась спеціальною цѣлью посмотрѣть, что̀ выйдетъ изъ этого организма, если ставить его въ самыя немыслимыя положенія и условія. Одни люди пускай все время стоятъ и ходятъ, не присаживаясь; и вотъ стопа ихъ становится плоскою, ноги опухаютъ, вены на голеняхъ растягиваются и обращаются въ незаживающія язвы. Другіе пускай все время сидятъ, не вставая; и спина ихъ искривляется, печень и легкія сдавливаются, прямая кишка усѣивается кровоточащими шишками. Саночники въ шахтахъ весь день непрерывно бѣгаютъ съ санками по просѣкамъ на четвереньках; выдувальщики на стеклянныхъ заводахъ все время работаютъ одними легкими, обращая ихъ въ мѣха... Нѣтъ такихъ самыхъ неестественныхъ движеній и положеній, въ которыхъ бы жизнь не заставляла людей проводить все ихъ время; нѣтъ такихъ ядовъ, которыми бы она не заставляла ихъ дышать; нѣтъ такихъ жизненныхъ условій, въ которыхъ бы она не заставляла ихъ жить.

Сейчасъ только я воротился отъ одной больной папиросницы; она живетъ въ углу съ двумя ребятами. Низкая комната имѣетъ семь шаговъ въ длину и шесть въ ширину. Въ этой комнатѣ живетъ шестнадцать человѣкъ. Для меня составляетъ муку пробыть въ ней десять-пятнадцать минутъ: въ

комнатѣ нѣтъ воздуха, нѣтъ въ буквальномъ смыслѣ,—лампа, какъ слѣдуетъ заправленная и пущенная, чадитъ и коптитъ, не находя кислорода; иначе, какъ слабо, се пускать нельзя; тяжелый и влажный, какъ будто липкій воздухъ полонъ кислымъ запахомъ дѣтскихъ испражненій, махорки и керосина. И изъ всѣхъ угловъ на меня смотрятъ восковыя, странно-неподвижныя лица ребятъ съ кривыми зубами, куриною грудью и искривленными конечностями; въ ихъ большихъ глазахъ нѣтъ и слѣда той живости и веселости, которая «свойственна» дѣтямъ.

Вообще, ставъ врачомъ, я совершенно потерялъ представленіе о томъ, что̀ собственно свойственно человѣку. Свойственно ли уставшему человѣку хотѣть спать?—Нѣтъ, не свойственно! Сестра милосердія, учительница, журнальный работникъ, утомленные и разбитые, не могутъ заснуть безъ бромистаго натра. Свойственно ли долго не ѣвшему человѣку хотѣть ѣсть?—Нѣтъ, не свойственно! Ему приходится прибѣгать, словно пресыщенному обжорѣ, къ искусственному возбужденію аппетита. Меня это поразило у большинства фабричныхъ рабочихъ и ремесленниковъ.

— Работаешь весь день, — машина стучитъ, полъ подъ тобою трясется, ходишь какъ маятникъ. Устанешь съ работы хуже собаки, а объ ѣдѣ и не думаешь. Все только квасъ бы пилъ. А отъ квасу какая сила? Животъ наливаешь себѣ, больше ничего. Одна водочка только и спасаетъ; выпьешь рюмочку,—ну, и ѣсть запросишь.

Я въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ веду пріемъ въ одной типографіи, и за все это время я ни разу не видѣлъ наборщика-старика! Нѣтъ старости, нѣтъ сѣдыхъ волосъ,—съѣденные свинцовою пылью, люди всѣ сваливаются въ могилу раньше.

Жизнь продѣлываетъ надъ человѣкомъ свои опыты и, глумясь, предъявляетъ на наше изученіе получающіеся результаты. Мы изучаемъ и пріобрѣтаемъ очень ясное представленіе о томъ, какъ дѣйствуетъ на человѣка хроническое отравленіе свинцомъ, ртутью, фосфоромъ, какъ вліяетъ на ростъ дѣтей отсутствіе свѣта, воздуха и движенія; мы узнаёмъ, что изъ ста прядильщиковъ сорокалѣтній возрастъ у насъ переходитъ только девять человѣкъ, что изъ женщинъ, занятыхъ при обработкѣ волокнистыхъ веществъ, дольше сорока лѣтъ живетъ только шесть процентовъ... Узнаёмъ мы также, что, вслѣдствіе непомѣрнаго труда, у крестьянокъ на всѣ лѣтніе мѣсяцы совершенно прекращается свойственная женщинамъ физіологическая жизнь, что швеи и учащіяся дѣвушки въ нѣ-

сколько лѣтъ вырождаются въ безкровныхъ, больныхъ уродовъ. И многое еще мы узнаёмъ.

Но что же, что во всемъ этомъ можетъ помочь наша медицина? Какая цѣна ея жалкимъ средствамъ, которыми она пытается чинить то, что такъ глубоко уродуется жизнью?.. Великій человѣкъ виситъ на крестѣ, его руки и ноги пробиты гвоздями, а медицина обмываетъ кровавыя язвы арникой и кладетъ на нихъ ароматныя припарки.

Но ничего больше она и не въ состояніи дѣлать. Не можетъ существовать такой науки, которая бы научила залѣчивать язвы съ торчащими въ нихъ гвоздями; наука можетъ только указывать на то, что человѣчество такъ не можетъ жить, что необходимо прежде всего вырвать изъ язвъ гвозди. Въ двадцатыхъ годахъ, по изслѣдованіямъ Виллерме, у мюльгаузенскихъ ткачихъ половина дѣтей умирала, не доживъ до пятнадцати мѣсяцевъ. Виллерме уговорилъ фабриканта Дольфуса разрѣшить своимъ работницамъ оставаться послѣ родовъ дома въ теченіе шести недѣль, съ сохраненіемъ ихъ содержанія; и этого одного оказалось достаточнымъ, чтобы смертность грудныхъ дѣтей, безъ всякой помощи медицины, сразу уменьшилась вдвое.

Все яснѣе и неопровержимѣе для меня становилось одно: медицина не можетъ дѣлать ничего иного, какъ только указывать на тѣ условія, при которыхъ единственно-возможно здоровье и излѣченіе людей; но врачъ,—если онъ врачъ, а не чиновникъ врачебнаго дѣла,—долженъ прежде всего бороться за устраненіе тѣхъ условій, которыя дѣлаютъ его дѣятельность безсмысленною и безплодною; онъ долженъ быть общественнымъ дѣятелемъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, онъ долженъ не только указывать, онъ долженъ бороться и искать путей, какъ провести свои указанія въ жизнь.

И это тѣмъ болѣе необходимо, что время не ждетъ, и жизнь быстро влечетъ человѣчество въ какую-то зловѣщую бездну. Все больше увеличивается число «неуравновѣшенныхъ», «отягченныхъ» и алкоголиковъ, увеличивается число слѣпыхъ, глухихъ, заикъ. Лучшій показатель физическаго состоянія населенія, — процентъ годныхъ къ военной службѣ, — падаетъ всюду съ быстротою барометра передъ грозою; въ Австріи, напр., процентъ годныхъ къ военной службѣ составлялъ въ 1870 году — 26%, въ 1875 — 18%, въ 1880 — 14%. Вѣдь это — вырожденіе, теченіе котораго можно почти осязать руками! И не фантазіей, а голой правдой дышитъ слѣдующее грозное предсказаніе одного изъ антропологовъ: «Идеалъ гармоническаго и солидарнаго общественнаго строя можетъ

не осуществиться вслѣдствіе человѣческаго вырожденія. Тогда появится централизованный феодально-промышленный строй, въ которомъ народнымъ массамъ будетъ отведена въ нѣсколько измѣненномъ видѣ роль спартанскихъ илотовъ, органически приспособленныхъ, вслѣдствіе своего вырожденія, къ такому положенію вещей».

XIV.

Но вотъ я представляю себѣ, что общественныя условія въ корнѣ измѣнились. Каждый человѣкъ имѣетъ возможность исполнять всѣ предписанія гигіены, каждому заболѣвшему мы въ состояніи предоставить все, чего только можетъ потребовать врачебная наука. Будетъ ли, по крайней мѣрѣ, тогда наша работа несомнѣнно плодотворна и свободна отъ противорѣчій?

Ужъ и теперь среди антропологовъ и врачей все чаще раздаются голоса, указывающіе на страшную однобокость медицины и на ея весьма сомнительную пользу для человѣчества. «Медицина, конечно, помогаетъ недѣлимому, но она помогаетъ ему лишь насчетъ вида»... Природа расточительна и неаккуратна: она выбрасываетъ на свѣтъ много существъ и не слишкомъ заботится о совершенствѣ каждаго изъ нихъ; отбирать и уничтожать все неудавшееся она предоставляетъ безпощадной жизни. И вотъ является медицина и всѣ силы свои кладетъ на то, чтобъ помѣшать этому дѣлу жизни.

У роженицы узкій тазъ, она не можетъ разродиться; и она сама и ребенокъ должны погибнуть; медицина спасаетъ мать и ребенка, и такимъ образомъ даетъ возможность размножаться людямъ съ узкимъ, негоднымъ для дѣторожденія тазомъ. Чѣмъ сильнѣе дѣтская смертность, съ которою такъ энергично борется медицина, тѣмъ вѣрнѣе очищается поколѣніе отъ всѣхъ слабыхъ и болѣзненныхъ организмовъ. Сифилитики, туберкулезные, психическіе и нервные больные, излѣченные стараніями медицины, размножаются и даютъ хилое и нервное, вырождающееся потомство. Всѣ эти спасенные, но слабые до самыхъ своихъ нѣдръ, мѣшаются и скрещиваются со здоровыми и такимъ образомъ вызываютъ быстрое общее ухудшеніе расы. И чѣмъ больше будетъ преуспѣвать медицина, тѣмъ дальше будетъ итти это ухудшеніе. Дарвинъ передъ смертью, не безъ основанія, высказывалъ Уоллесу весьма безнадежный взглядъ на будущее человѣчества, въ виду того, что въ современной цивилизаціи нѣтъ мѣста естественному отбору и переживанію наиболѣе способныхъ.

Этотъ призракъ всеобщаго вырожденія слишкомъ рѣзко бросается всѣмъ въ глаза, чтобы не заставлять глубоко задумываться надъ нимъ. И надъ нимъ задумываются, и для его предотвращенія измышляются очень широкіе реформаторскіе проекты: предлагаютъ искоренить въ человѣческомъ обществѣ всякую «филантропію» и превратить человѣчество въ заводскую конюшню подъ верховнымъ управленіемъ врачей-антропотехниковъ. Въ кабинетахъ измышлять такіе проекты очень нетрудно: «счастье человѣчества» здѣсь такъ величественно и реально, а живыя недѣлимыя, запрятанныя въ нѣмыя цифры, такъ легко поддаются сложенію и вычитанію! Но вѣдь въ жизни-то, пожалуй, ничего, въ концѣ концовъ, и не существуетъ, кромѣ сознающаго себя существа, и каждое изъ этихъ существъ есть центръ всего и все. Къ чести человѣчества, оно все сильнѣе проявляетъ стремленіе ломать стѣны и существующихъ уже конюшенъ, а не влѣзать еще въ новыя... И тѣмъ не менѣе фактъ все-таки остается фактомъ: естественный отборъ все больше прекращаетъ свое дѣйствіе, медицина все больше способствуетъ этому, а взамѣнъ не даетъ ничего, хоть сколько-нибудь замѣняющаго его.

А между тѣмъ исчезновеніе отбора сказывается вовсе не въ однихъ только указанныхъ грубыхъ результатахъ. Послѣдствія этого исчезновенія идутъ гораздо дальше и глубже.

Долгимъ и труднымъ путемъ выработался типъ нынѣшняго человѣка, болѣе или менѣе приспособленнаго къ окружающей средѣ. Сама среда не остается неподвижною, съ теченіемъ времени она все сильнѣе и быстрѣе измѣняется въ самыхъ своихъ основахъ; но организмъ человѣка ужъ перестаетъ за нею слѣдовать, и перестаетъ какъ разъ въ смыслѣ пріобрѣтенія новыхъ положительныхъ качествъ. Въ прежнее время зубы были нужны человѣку для разгрызанія, разрыванія и пережевыванія твердой, жесткой пищи, имѣвшей умѣренную температуру. Теперь человѣкъ ѣстъ пищу мягкую, очень горячую и очень холодную; для такой пищи нужны какіе-то совершенно другіе зубы, прежніе для нея не годятся. За это говоритъ то ужасающее количество гнилыхъ зубовъ, которые мы находимъ у культурныхъ народовъ. Дикія племена, стоящія внѣ всякой культуры, имѣютъ сильно развитыя челюсти и крѣпкіе, здоровые зубы; у народовъ полуцивилизованныхъ число людей съ гнилыми зубами колеблется между 5 — 25%, тогда какъ у народовъ высшей культуры костоѣдою зубовъ поражено болѣе 80% *). Что это такое? Живой органъ, гнію-

*) Изслѣдованіе зубовъ, произведенное у воспитанницъ школъ Имп. Человѣколюбиваго Общества, показываетъ, съ какою стремительною бы-

щій и распадающійся у живого человѣка! И это не какъ исключеніе, а какъ правило съ очень незначительными исключеніями. Одно изъ двухъ: либо человѣкъ долженъ воротиться къ прежней пищѣ, либо выработать себѣ новые зубы. Но что дѣлаетъ медицина? Она чиститъ, пломбируетъ и всячески поддерживаетъ наличные зубы, портящіеся потому что они *не могутъ* не портиться.

Глазъ раньше былъ нуженъ человѣку преимущественно для смотрѣнія вдаль и совершенно удовлетворялъ своему назначенію. Условія измѣнились, къ глазу предъявляется требованіе большей работы вблизи; долженъ выработаться новый глазъ, одинаково годный и для смотрѣнія вдаль и для длительной аккомодаціи вблизи. Но медицина услужливо подставляетъ близорукому глазу очки, и такимъ образомъ негодный для новыхъ условій глазъ чисто-внѣшними средствами дѣлаетъ годнымъ; число близорукихъ увеличивается съ каждымъ десятилѣтіемъ, и остается лишь утѣшаться мыслью, что стекла, слава Богу, хватитъ на очки для всѣхъ.

Положительныхъ свойствъ, нужныхъ для измѣнившихся условій среды, человѣческій организмъ не пріобрѣтаетъ; зато онъ обнаруживаетъ большую склонность терять уже имѣющіяся у него положительныя свойства. Медицина, стремясь къ своимъ цѣлямъ, и въ этомъ отношеніи грозитъ оказать человѣчеству очень плохую услугу.

Въ чемъ ставитъ себѣ медицина идеалъ? Въ томъ, чтобы каждую болѣзнь убить въ организмѣ при самомъ ея зарожденіи или, еще лучше, совсѣмъ не допустить ее до человѣка. Хирургія, напримѣръ, настойчиво требуетъ, чтобы каждая рана, каждый, даже самый ничтожный порѣзъ немедленно подвергались тщательному обеззараживанію. Для каждаго отдѣльнаго случая это очень цѣлесообразно, но вѣдь такимъ образомъ организмъ совершенно отучится самостоятельно бороться съ зараженіемъ! Ужъ и для настоящаго времени безчисленными наблюдателями установленъ фактъ, что дикари безъ всякаго лѣченія легко оправляются отъ такихъ ранъ, отъ которыхъ европейцы погибаютъ при самомъ тщательномъ уходѣ.

Взять, далѣе, вообще заразныя болѣзни. По отношенію къ тѣмъ изъ нихъ, которыя обычны въ данной мѣстности и дан-

---

стротою усиливается съ возрастомъ разрушеніе зубовъ. Воспитанницы были раздѣлены на три группы по возрасту: отъ 8 до 12 лѣтъ, отъ 12 до 16 и отъ 16 до 20. Въ первой группѣ гнилые зубы имѣло 79% воспитанницъ, въ среднемъ каждая по три испорченныхъ зуба; во второй—87%, съ 4,5 испорченныхъ зуба на каждую; въ третьей группѣ — 92%, и каждая имѣла въ среднемъ по 5,9 испорченныхъ зуба.

номъ народѣ, человѣческій организмъ оказывается несравненно болѣе стойкимъ, чѣмъ по отношенію къ болѣзнямъ, дотолѣ невѣдомымъ. Скарлатина среди дикарей сразу уноситъ въ могилу половину населенія. Въ Полинезіи много туземцевъ истреблено оружіемъ, но еще болѣе—«бѣлою болѣзнью» (чахоткою).

— Кто убилъ твоего отца? Кто убилъ твою мать?

— Бѣлая болѣзнь!

Полинезійская женщина, вступающая въ связь съ бѣлымъ, всегда падаетъ жертвою чахотки; мало того, она заражаетъ своихъ любовниковъ изъ туземцевъ. Если австраліецъ проведетъ нѣсколько дней въ европейскомъ городкѣ Новой Голландіи, то заражается чахоткою (Крживицкій). На европейцевъ, въ свою очередь, такъ же губительно дѣйствуютъ малярія, желтая лихорадка, тропическая дизентерія. Что же выйдетъ, если каждая заразная болѣзнь будетъ медициною уничтожаться въ самомъ зародышѣ? Каждая изъ нихъ станетъ для человѣка совершенно чуждою и безъ охраны медицины будетъ убивать его почти навѣрняка.

И вотъ, какъ результатъ такого положенія дѣлъ, — полная зависимость людей отъ медицины, безъ которой они не будутъ въ состояніи сдѣлать ни шагу. Недавно, въ одной статьѣ о задачахъ медицины въ будущемъ, я встрѣтилъ слѣдующія разсужденія: «Оградить организмъ отъ той разнообразной массы ядовъ, которые безпрерывно въ него вносятся микробами, можно бы лишь тогда, когда бы былъ открытъ одинъ общій антитоксинъ для ядовъ, выдѣляемыхъ всѣми видами микробовъ. При такихъ условіяхъ мы могли бы ежедневно вводить въ организмъ опредѣленное количество противояднаго начала и тѣмъ предупреждать вредное вліяніе ядовъ, ежедневно вносимыхъ микробами. Но въ настоящее время нѣтъ, къ сожалѣнію, ни малѣйшихъ основаній къ такого рода *розовымъ надеждамъ*»...

Но вѣдь это же ужасно! Каждый день, вставая, впрыскивай себѣ подъ кожу порцію универсальнаго антитоксина; а забылъ сдѣлать это,—погибай, потому что съ отвыкшимъ отъ самодѣятельности организмомъ легко справится первая шальная бактерія.

Гигіена рекомендуетъ не ставить въ спальнѣ кровати между окномъ и печкою: спящій человѣкъ будетъ въ такомъ случаѣ находиться въ токѣ воздуха, идущемъ отъ холодныхъ стеколъ окна къ нагрѣтой печкѣ, а это можетъ повести къ простудѣ. Та же гигіена совѣтуетъ—не производить зимою усиленной работы на холодномъ воздухѣ, такъ какъ при глубо-

кихъ вдыханіяхъ сильно охлаждаются легкія, что̀ также можетъ вызвать простуду. Но почему же не простуживается галка, спящая подъ холоднымъ осеннимъ вѣтромъ, почему не простуживается олень, бѣшено мчащійся по тундрѣ при тридцати градусахъ мороза? Простуживавшіеся олени и галки погибали и такимъ образомъ очистили свои виды отъ неприспособленныхъ особей, а мы не имѣемъ права обрекать слабыхъ людей въ жертву отбору. Совершенно вѣрно. Но въ томъ-то и задача медицины, чтобы сдѣлать этихъ слабыхъ людей сильными; она же вмѣсто того и сильныхъ дѣлаетъ слабыми и стремится всѣхъ людей превратить въ жалкія, безпомощныя существа, ходящія у медицины на помочахъ.

Къ великому счастію, въ наукѣ начинаютъ за послѣднее время намѣчаться новые пути, которые обѣщаютъ въ будущемъ очень много отраднаго. Въ этомъ отношеніи особеннаго интереса заслуживаютъ опыты искусственной иммунизаціи человѣка. Еще не вполнѣ доказано, но очень вѣроятно, что суть ея дѣйствія заключается въ упражненіи и пріученіи силъ организма къ самостоятельной борьбѣ съ врывающимися въ него микробами и ядами. Если это дѣйствительно такъ, то мы имѣемъ здѣсь дѣло съ громаднымъ переворотомъ въ самыхъ основахъ медицины; вмѣсто того, чтобъ спѣшить выгнать изъ него ужъ внѣдрившуюся болѣзнь, медицина будетъ дѣлать изъ человѣка борца, который самъ сумѣетъ справляться съ грозящими ему опасностями. Вотъ, между прочимъ, примѣръ, какимъ образомъ медицина безъ всякихъ жертвъ можетъ вести культурнаго человѣка къ тому, къ чему естественный отборъ приводитъ дикарей съ громадными жертвами.

Чего нѣтъ сегодня, будетъ завтра; наука хранитъ въ себѣ много непроявленной и ею же самою еще непознанной силы; и мы въ правѣ ждать, что наука будущаго найдетъ еще не одинъ способъ, которымъ она сумѣетъ достигать того же, что̀ въ природѣ достигается естественнымъ отборомъ, — но достигать путемъ полнаго согласованія интересовъ недѣлимаго и вида.

Насколько ей это удастся и до какихъ предѣловъ,—мы не можемъ предугадывать. Но задачъ передъ этою истинною антропотехникою стоитъ очень много, — задачъ широкихъ и трудныхъ, можетъ-быть, неразрѣшимыхъ, но тѣмъ не менѣе настоятельно требующихъ разрѣшенія.

«Все совершенно, выходя изъ рукъ природы». Это утвержденіе Руссо уже давно и безповоротно опровергнуто, между прочимъ, и относительно человѣка. Человѣкъ застигнутъ настоящимъ временемъ въ опредѣленной стадіи своей эволюціи, съ массою всевозможныхъ недостатковъ, недоразвитій и пере-

житковъ: онъ какъ бы выхваченъ изъ лабораторіи природы въ самый разгаръ процесса своей формировки, недодѣланнымъ и незавершеннымъ. Такъ, напр., толстая кишка начинается у насъ короткою «слѣпою кишкою»; когда-то, у нашихъ зоологическихъ предковъ, она представляла собою большой и необходимый для жизни органъ, какъ у теперешнихъ травоядныхъ животныхъ. Въ настоящее время этотъ органъ намъ совершенно не нуженъ; но онъ не исчезъ, а переродился въ длинный, узкій червевидный отростокъ, висящій въ видѣ придатка на слѣпой кишкѣ. Онъ не только не нуженъ,—онъ для насъ вреденъ: идущія въ пищевой кашицѣ сѣмечки и косточки легко застрѣваютъ въ немъ и вызываютъ тяжелое, часто смертельное для человѣка воспаленіе червевиднаго отростка.

Далѣе, органы человѣка и ихъ размѣщеніе до сихъ поръ еще не приспособились къ вертикальному положенію человѣка. Нужно себѣ ясно представить, какъ рѣзко при такомъ положеніи должны были измѣниться направленіе и сила давленія на различные органы, и тогда легко будетъ понять, что приспособиться къ своему новому положенію органамъ вовсе не такъ легко. Не перечисляя всѣхъ обусловленныхъ этимъ несовершенствъ, укажу на одно изъ самыхъ существенныхъ: безъ малаго половину всѣхъ женскихъ болѣзней составляютъ различнаго рода смѣщенія матки; между тѣмъ многія изъ этихъ смѣщеній совсѣмъ не имѣли бы мѣста, а происшедшія—излѣчивались бы значительно легче, если бы женщины ходили на четвереньках; даже въ качествѣ временной мѣры, предложенное Маріонъ-Симсомъ «колѣнно-локтевое» положеніе женщины играетъ въ гинекологіи и акушерствѣ незамѣнимую роль; нѣкоторые гинекологи признаютъ открытіе Маріонъ-Симса даже «поворотнымъ пунктомъ въ исторіи гинекологіи».

Переходя спеціально къ женщинѣ, мы видимъ въ ея организмѣ массу такихъ тяжелыхъ физіологическихъ противорѣчій и несовершенствъ, что умъ положительно отказывается признать ихъ за «нормальныя» и законныя. Ужасно и въ то же время совершенно справедливо, когда женщину опредѣляютъ, какъ «животное, по самой своей природѣ слабое и больное, пользующееся только свѣтлыми промежутками здоровья на фонѣ непрерывной болѣзни». Самая здоровая женщина, — это доказано очень точными наблюденіями, — періодически несомнѣнно больна. И невозможно на такую ненормальность смотрѣть иначе, какъ на переходную стадію къ другому, болѣе совершенному состоянію. То же самое и съ материнствомъ: женщина все больше перестаетъ быть самкою, и въ этомъ нѣтъ ничего «противоестественнаго», потому что у нея есть

мозгъ съ его могучими и широкими запросами. Между тѣмъ, не ломая всей своей природы, она не можетъ отказываться отъ любви и непрерывнаго материнства, всасывающихъ въ себя всѣ силы женщины за все время ихъ расцвѣта. Два требованія, одинаково сильныхъ и законныхъ, сталкиваются, и выхода при теперешней организаціи нѣтъ.

Мечниковъ указалъ еще на одно кричащее противорѣчіе въ человѣческомъ организмѣ, — именно въ области полового чувства. Ребенокъ еще совершенно неприспособленъ для размноженія, а между тѣмъ половое чувство у него настолько обособлено, что онъ получаетъ возможность злоупотреблять имъ. У дѣвушки ростъ тазовыхъ костей, по окончаніи котораго она становится способною къ материнству, заканчивается лишь къ двадцати годамъ *), тогда какъ половая зрѣлость наступаетъ у нея въ шестнадцать лѣтъ. Что̀ получается? Три момента, которые по самой сути своей необходимо должны совпадать,—половое стремленіе, половое удовлетвореніе и размноженіе, — отдѣляются другъ отъ друга промежутками въ нѣсколько лѣтъ. Дѣвочка способна десяти лѣтъ стремиться стать женою, стать женою она способна только въ шестнадцать лѣтъ, а стать матерью—не раньше двадцати!

«Замѣчательно также, — говоритъ Мечниковъ: — что такія извращенія природныхъ инстинктовъ, какъ самоубійство, дѣтоубійство и т. п., — т.-е. именно такъ называемыя «неестественныя» дѣйствія, составляютъ одну изъ самыхъ характерныхъ особенностей человѣка. Не указываетъ ли это на то, что эти дѣйствія сами входятъ въ составъ нашей природы и потому заслуживаютъ очень серьезнаго вниманія? Можно утверждать, что видъ Homo sapiens принадлежитъ къ числу видовъ, еще не вполнѣ установившихся и неполно приспособленныхъ къ условіямъ существованія».

Особенна ярко эта неприспособленность человѣка къ условіямъ существованія сказывается въ несоразмѣрной слабости его нервной системы. Человѣкъ въ этомъ отношеніи страшно отсталъ отъ жизни. Жизнь требуетъ отъ него все больше нервной энергіи, все больше умственныхъ затратъ; нервы его неспособны на такую интенсивную работу, и вотъ человѣкъ прибѣгаетъ къ возбудителямъ, чтобъ искусственно поднять свою нервную энергію. Моралисты могутъ за это стыдить человѣчество, медицина можетъ указывать на «противоестественность» введенія въ организмъ такихъ ядовъ, какъ нико-

*) Это указаніе Мечникова вполнѣ подтверждается статистикою; по Бертильону, смертность дѣвушекъ въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ составляетъ 7%, а женщинъ въ томъ же возрастѣ—50%.

тинъ, теинъ, алкоголь и т. п. Но противоестественность — понятіе растяжимое. Сами по себѣ многіе изъ возбудителей, — какъ табакъ, водка, пиво,—на вкусъ отвратительны, дѣйствіе всѣхъ ихъ на непривычнаго человѣка ужасно; почему же каждый изъ этихъ возбудителей такъ быстро и побѣдно распространяется изъ своей родины по всему міру и такъ легко побѣждаетъ «естественную» природу человѣка? Противоестественна организація человѣка, отставшая отъ измѣнившихся жизненныхъ условій, противоестественно то, что человѣкъ принужденъ на сторонѣ черпать силу, источникъ которой онъ долженъ бы носить въ самомъ себѣ.

Такъ или иначе, раньше или позже, но человѣческому организму необходимо установиться и выработать нормальное соотношеніе между своими стремленіями и отправленіями. Это не можетъ не стать высшею и насущнѣйшею задачею науки, потому что въ этомъ—коренное условіе человѣческаго счастья. Долженъ же когда-нибудь кончиться этотъ вѣчный надсадъ, эта вѣчная ломка себя во всѣхъ направленіяхъ; должно же человѣчество зажить наконецъ вольно, всею широтою своихъ потребностей, потерявъ самое представленіе о возможности такой нелѣпости, какъ «противоестественная потребность».

XV.

Человѣческій организмъ долженъ наконецъ установиться и вполнѣ приспособиться къ условіямъ существованія. Но въ какомъ направленіи пойдетъ само это приспособленіе? Ястребъ, съ головокружительной высоты различающій глазомъ приникшаго къ землѣ жаворонка, приспособленъ къ условіямъ существованія; но приспособленъ къ нимъ и роющійся въ землѣ слѣпой кротъ. Къ чему же предстоитъ приспособляться человѣку,— къ свободѣ ястреба или къ рабству крота? Предстоитъ ли ему улучшать и совершенствовать имѣющіяся у него свойства или терять ихъ?

Силою своего разума человѣкъ все больше сбрасываетъ съ себя иго внѣшней природы, становится все болѣе независимымъ отъ нея и все болѣе сильнымъ въ борьбѣ съ нею. Онъ спасается отъ холода посредствомъ одежды и жилища, тяжелую пищу, доставляемую природою, превращаетъ въ легкоусвояемую, свои собственныя мышцы замѣняетъ крѣпкими мышцами животныхъ, могучими силами пара и электричества. Культура быстро улучшаетъ и совершенствуетъ нашу жизнь и даетъ намъ такія условія существованія, о которыхъ подъ властью природы нельзя было и мечтать. Та же культура въ са-

момъ своемъ развитіи несетъ залогъ того, что ея удобства, доступныя теперь лишь счастливцамъ, въ недалекомъ будущемъ станутъ достояніемъ всѣхъ.

Господству внѣшней природы надъ человѣкомъ приходитъ конецъ... Но такъ ли ужъ беззавѣтно можно этому радоваться? Культура подхватила насъ на свои мягкія волны и несетъ впередъ, не давая оглядываться по сторонамъ; мы отдаемся этимъ волнамъ и не замѣчаемъ, какъ теряемъ въ нихъ одно за другимъ всѣ имѣющіяся у насъ богатства; мы не только не замѣчаемъ,—мы не хотимъ этого замѣчать: все наше вниманіе устремлено исключительно на наше самое цѣнное богатство — разумъ, влекущій насъ впередъ, въ свѣтлое царство культуры. Но, когда подведешь итогъ тому, что̀ нами уже потеряно и что̀ мы съ такимъ легкимъ сердцемъ собираемся утерять, становится жутко, и въ далекомъ свѣтломъ царствѣ начинаетъ мерещиться темный призракъ новаго рабства человѣка.

Измѣренія проф. Грубера показали, что длина кишечнаго канала у европейцевъ значительно увеличивается по направленію съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Наибольшая длина кишечника встрѣчается въ сѣверной Германіи и особенно въ Россіи. Это объясняется тѣмъ, что сѣверо-восточные европейцы питаются менѣе удобоваримою пищею, чѣмъ юго-западные. Такого рода наблюденія даютъ физіологамъ поводъ къ «розовымъ надеждамъ» о постепенномъ тѣлесномъ перерожденіи и «совершенствованіи» человѣка подъ вліяніемъ раціональнаго питанія. Питаясь въ теченіе многихъ поколѣній такими концентрированными химическими составами, которые бы переходили въ кровь полностью и безъ предварительной обработки пищеварительными жидкостями, человѣческій организмъ могъ бы освободиться въ значительной степени отъ излишней ноши пищеварительныхъ органовъ, причемъ сбереженія въ строительномъ матеріалѣ и въ матеріалѣ на поддержаніе ихъ жизнедѣятельности могли бы идти на усиленіе болѣе благородныхъ высшихъ органовъ (Сѣченовъ).

Ради этихъ же «благородныхъ высшихъ органовъ» ставится идеаломъ человѣческой организаціи вообще сведеніе до нуля всего растительнаго аппарата человѣческаго тѣла. Спенсеръ идетъ еще дальше и привѣтствуетъ исчезновеніе у культурныхъ людей такихъ, присущихъ дикарямъ, свойствъ, какъ тонкость внѣшнихъ чувствъ, живость наблюденія, искусное употребленіе оружія и т. п. «Въ силу общаго антагонизма между дѣятельностями болѣе простыхъ и болѣе сложныхъ способностей, слѣдуетъ,—увѣряетъ онъ:—что это преобладаніе

низшей умственной жизни мѣшаетъ высшей умственной жизни. Чѣмъ болѣе душевной энергіи тратится на безпокойное и многочисленное воспріятіе, тѣмъ менѣе остается на спокойную и разсудительную мысль».

Культурная жизнь успѣшно и энергично идетъ навстрѣчу подобнымъ идеаламъ. Органъ обонянія принялъ у насъ ужъ совершенно зачаточный видъ; сильно ослабѣла способность кожныхъ нервовъ реагировать на температурныя колебанія и регулировать теплообразованіе организма; атрофируется железистая ткань женской груди; замѣчается значительное паденіе половой силы; кости становятся болѣе тонкими, первое и два послѣднихъ ребра выказываютъ наклонность къ исчезновенію; зубъ мудрости превратился въ зачаточный органъ и у 42% европейцевъ совсѣмъ отсутствуетъ; предсказываютъ, что послѣ исчезновенія зубовъ мудрости за ними послѣдуютъ смежные съ ними четвертые коренные зубы; кишечникъ укорачивается; число плѣшивыхъ увеличивается...

Когда я читаю о дикаряхъ, объ ихъ выносливости, о тонкости ихъ внѣшнихъ чувствъ, меня охватываетъ тяжелая зависть, и я не могу примириться съ мыслью, — неужели, дѣйствительно, необходимо и неизбѣжно было потерять намъ все это? Гвіанецъ скажетъ, сколько мужчинъ, женщинъ и дѣтей прошло тамъ, гдѣ европеецъ можетъ видѣть только слабые и перепутанные слѣды на тропинкѣ. Когда къ таитянамъ пріѣхалъ натуралистъ Коммерсонъ со своимъ слугою, таитяне повели носами, обнюхали слугу и объявили, что онъ—не мужчина, а женщина; это, дѣйствительно, была возлюбленная Коммерсона, Жанна Барэ, сопровождавшая его въ кругосвѣтномъ плаваніи въ костюмѣ слуги-мужчины. Бушменъ въ теченіе нѣсколькихъ дней способенъ ничего не ѣсть; онъ способенъ, съ другой стороны, находить себѣ пищу тамъ, гдѣ европеецъ умеръ бы съ голоду. Бедуинъ въ пустынѣ подкрѣпляетъ свои силы въ теченіе дня двумя глотками воды и двумя горстями жареной муки съ молокомъ. Въ то время, когда другіе дрожатъ отъ холода, арабъ спитъ босой въ открытой палаткѣ, а въ полуденный зной онъ спокойно дремлетъ на раскаленномъ пескѣ подъ лучами солнца. На Огненной Землѣ Дарвинъ видѣлъ съ корабля женщину, кормившую грудью ребенка: она подошла къ судну и оставалась на мѣстѣ единственно изъ любопытства, а между тѣмъ мокрый снѣгъ, падая, таялъ на ея голой груди и на тѣлѣ ея голаго малютки. На той же Огненной Землѣ Дарвинъ и его спутники, хорошо укутанные, жались къ пылавшему костру и все-таки зябли, а голые дикари, сидя поодаль отъ костра, обливались потомъ.

Якуты за свою выносливость къ холоду прозваны «желѣзными людьми»; дѣти эскимосовъ и чукчей выходятъ нагія изъ теплой избы на 30-ти-градусный морозъ...

Вѣдь для насъ всѣ эти люди — существа съ совершенно другой планеты, съ которыми у насъ ничего нѣтъ общаго, даже въ самомъ понятіи о здоровьѣ. Нашъ культурный человѣкъ пройдетъ босикомъ по росистой травѣ—и простудится, проспитъ ночь на голой землѣ—и калѣка на всю жизнь, пройдетъ пѣшкомъ пятнадцать верстъ—и получитъ синовитъ. И при всемъ этомъ мы считаемъ себя здоровыми! Подъ перчатками скоро и руки станутъ у насъ столь же чувствительными къ холоду, какъ ноги, и «промочить руки» будетъ значить то же, что̀ теперь—«промочить ноги».

И Богъ вѣсть, что̀ еще ждетъ насъ въ будущемъ, какіе дары и удобства готовитъ намъ растущая культура! Какъ «нераціональною» будетъ для насъ обыкновенная пища, такъ «нераціональнымъ» станетъ и обыкновенный воздухъ: онъ будетъ слишкомъ рѣдокъ и грязенъ для нашихъ маленькихъ, нѣжныхъ легкихъ; и человѣкъ будетъ носить при себѣ аппаратъ съ сгущеннымъ чистымъ кислородомъ и дышать имъ черезъ трубочку; а испортился вдругъ аппаратъ, и человѣкъ на вольномъ воздухѣ будетъ, какъ рыба, погибать отъ задушенія. Глазъ человѣка, благодаря усовершенствованнымъ стекламъ, будетъ различать комара за десять верстъ, будетъ видѣть сквозь стѣны и землю, а самъ превратится, подобно обонятельной части теперешняго носа, въ зачаточный, воспаленный органъ, который ежедневно нужно будетъ спринцовать, чистить и промывать. Мы и въ настоящее время живемъ въ непрерывномъ опьянѣніи; со временемъ вино, табакъ, чай окажутся слишкомъ слабыми возбудителями, и человѣчество перейдетъ къ новымъ, болѣе сильнымъ ядамъ. Оплодотвореніе будетъ производиться искусственнымъ путемъ, оно будетъ слишкомъ тяжело для человѣка, а любовное чувство будетъ удовлетворяться сладострастными объятіями и раздраженіями безъ всякой «грязи», какъ это рисуетъ Гюисмансъ въ «Là-bas». А можетъ-быть, дѣло пойдетъ и еще дальше. Проф. Эйленбургъ цитируетъ одного изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ писателей, Германа Бара, мечтающаго о «внѣполовомъ сладострастіи» и о «замѣнѣ низкихъ эротическихъ органовъ болѣе утонченными нервами». По мнѣнію Бара, двадцатому вѣку предстоитъ сдѣлать «великое открытіе третьяго пола между мужчиной и женщиной, не нуждающагося болѣе въ мужскихъ и женскихъ инструментахъ, такъ какъ этотъ полъ соединяетъ въ своемъ мозгу (!) всѣ способности разрозненныхъ половъ и

послѣ долгаго искуса *научился замѣщать дѣйствительное кажущимся»*.

Вотъ онъ, этотъ идеальный мозгъ, освободившійся отъ всѣхъ растительныхъ и животныхъ функцій организма! Уэльсъ въ своемъ знаменитомъ романѣ «Борьба міровъ» слишкомъ блѣдными красками нарисовалъ образъ марсіанина. Въ дѣйствительности онъ гораздо могучѣе, безпомощнѣе и отвратительнѣе, чѣмъ въ изображеніи Уэльса.

Наука не можетъ не видѣть, какъ регрессируетъ съ культурою великолѣпный образъ человѣка, создавшійся путемъ такого долгаго и труднаго развитія. Но она утѣшается мыслью, что иначе человѣкъ не могъ бы развить до надлежащей высоты своего разума. Спенсеръ, какъ мы видѣли, даже доволенъ тѣмъ, что этотъ разумъ становится полуслѣпымъ, полуглухимъ и лишается возможности развлекаться «безпокойными воспріятіями». А вотъ что̀ говоритъ извѣстный сравнительно-анатомъ Видерсгеймъ: «Развивъ свой мозгъ, человѣкъ совершенно возмѣстилъ потерю большого и длиннаго ряда выгодныхъ приспособленій своего организма. Они должны были быть принесены въ жертву, чтобъ мозгъ могъ успѣшно развиться и превратить человѣка въ то, что̀ онъ есть теперь,—въ Homo sapiens».

Но вѣдь это нужно еще доказать! Нужно доказать, что указанныя жертвы мозгу дѣйствительно должны были приноситься и, главное, должны приноситься и впредь. Если до сихъ поръ мозгъ развивался, поѣдая тѣло, то это еще не значитъ, что иначе онъ и не можетъ развиваться.

Къ тѣмъ потерямъ, съ которыми мы уже свыклись, мы относимся съ большимъ равнодушіемъ: что̀ же изъ того, что мы въ состояніи ѣсть лишь удобоваримую, мягкую пищу, что мы кутаемъ свои нѣжныя и зябкія тѣла въ одежды, боимся простуды, носимъ очки, чистимъ зубы и полощемъ ротъ отъ дурного запаха? Кишечный каналъ человѣка длиннѣе его тѣла въ шесть разъ; что̀ же было бы хорошаго, если бы онъ, какъ у овцы, былъ длиннѣе тѣла въ двадцать восемь разъ, чтобъ у человѣка, какъ у жвачныхъ, вмѣсто одного желудка было четыре? Въ концѣ концовъ «der Mensch ist, was er isst,—человѣкъ есть то, что̀ онъ ѣстъ». И нѣтъ для человѣка ничего радостнаго превратиться въ вялое жвачное животное, вся энергія котораго уходитъ на перевариваніе пищи. Если человѣкъ скинетъ съ себя одежды, организму также придется тратить громадные запасы своей энергіи на усиленное теплообразованіе, и совсѣмъ нѣтъ основаній завидовать какой-нибудь ледниковой блохѣ, живущей и размножающейся на льду.

Противъ этого возражать нечего. Конечно, вовсе не желательно, чтобъ человѣкъ превратился въ жвачное животное или ледниковую блоху. Но неужели отсюда слѣдуетъ, что онъ долженъ превратиться въ живой препаратъ мозга, способный существовать только въ герметически закупоренной стклянкѣ? Культурный человѣкъ равнодушно нацѣпляетъ себѣ на носъ очки, теряетъ мускулы и отказывается отъ всякой «тяжелой» пищи; но не ужасаетъ ли и его перспектива ходить всюду съ флакономъ сгущеннаго кислорода, кутать въ комнатахъ руки и лицо, вставлять въ носъ обонятельныя пластинки и въ уши—слуховыя трубки?

Все дѣло лишь въ одномъ: принимая выгоды культуры, нельзя разрывать самой тѣсной связи съ природой; развивая въ своемъ организмѣ новыя положительныя свойства, даваемыя намъ условіями культурнаго существованія, необходимо въ то же время сохранить наши старыя положительныя свойства; они добыты слишкомъ тяжелою цѣною, а утерять ихъ слишкомъ легко. Пусть все больше развивается мозгъ, но пусть же при этомъ у насъ будутъ крѣпкія мышцы, изощренные органы чувствъ, ловкое и закаленное тѣло, дающее возможность дѣйствительно жить съ природою одною жизнью, а не только отдыхать на ея лонѣ въ качествѣ изнѣженнаго дачника. Лишь широкая и разносторонняя жизнь тѣла во всемъ разнообразіи его отправленій, во всемъ разнообразіи воспріятій, доставляемыхъ имъ мозгу, сможетъ дать широкую и энергичную жизнь и самому мозгу.

«Тѣло есть *великій разумъ*, это—множественность, объединенная однимъ сознаніемъ. Лишь орудіемъ твоего тѣла является и *малый твой разумъ*, *твой «умъ»*, какъ ты его называешь, о, братъ мой,—онъ лишь простое орудіе, лишь игрушка твоего великаго разума».

Такъ говорилъ Заратустра, обращаясь къ «презирающимъ тѣло»... Чѣмъ больше знакомишься съ душою человѣка, именуемаго «интеллигентомъ», тѣмъ менѣе привлекательнымъ и удовлетворяющимъ является этотъ малый разумъ, отрекшійся отъ своего великаго разума.

А между тѣмъ несомнѣнно, что ходомъ общественнаго развитія этотъ послѣдній все больше обрекается на уничтоженіе, и, по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ, не предвидится условій для его процвѣтанія. Носителемъ и залогомъ общественнаго освобожденія человѣка является крупный городъ; реальныя основанія имѣютъ за собою единственно лишь мечтанія о будущемъ въ духѣ Беллами. Будущее же это, такое радостное въ общественномъ отношеніи, въ отношеніи къ

жизни самого организма безнадежно-мрачно и скудно: ненужность физическаго труда, тѣлесное барство, жиръ вмѣсто мускуловъ, жизнь ненаблюдательная и близорукая, безъ природы, безъ широкаго горизонта...

Медицина можетъ самымъ настойчивымъ образомъ указывать человѣку на необходимость всесторонняго физическаго развитія,—всѣ ея требованія будутъ по отношенію къ взрослымъ людямъ разбиваться объ условія жизни, какъ они разбиваются и теперь по отношенію къ интеллигентамъ. Чтобъ развиваться физически, взрослый человѣкъ долженъ физически *работать*, а не «упражняться». Съ цѣлью поддержки здоровья можно три минуты въ день убить на чистку зубовъ, но неодолимо-скучно и противно нѣсколько часовъ употреблять на безсмысленныя и безплодныя физическія упражненія. Въ ихъ безсмысленности лежитъ главная причина тѣлесной дряблости интеллигента, а вовсе не въ томъ, что онъ не понимаетъ пользы физическаго развитія; въ этомъ я убѣждаюсь на самомъ себѣ.

Въ отношеніи физическаго развитія я росъ въ исключительно-благопріятныхъ условіяхъ. До самаго окончанія университета я каждое лѣто жилъ въ деревнѣ жизнью простого работника,—пахалъ, косилъ, возилъ снопы, рубилъ лѣсъ съ утра до вечера. И мнѣ хорошо знакомо счастье бодрой, крѣпкой усталости во всѣхъ мускулахъ, презрѣніе ко всякимъ простудамъ, волчій аппетитъ и крѣпкій сонъ. Когда мнѣ теперь удается вырваться въ деревню, я снова берусь за косу и топоръ и возвращаюсь въ Петербургъ съ мозолистыми руками и обновленнымъ тѣломъ, съ жадною, радостною любовью къ жизни. Не теоретически, а всѣмъ существомъ своимъ я сознаю необходимость для духа энергичной жизни тѣла, и отсутствіе послѣдней дѣйствуетъ на меня съ мучительностью почти смѣшною: въ прошломъ году я прожилъ лѣто въ деревнѣ; недѣли черезъ двѣ послѣ возвращенія въ Петербургъ я однажды ночью проснулся отъ собственныхъ рыданій; мнѣ что-то снилось, и на душѣ была страшная тоска. Я сталъ припоминать,—что̀ же снилось? И вспомнилъ: я стою въ русской рубашкѣ на опушкѣ лѣса съ топоромъ въ рукахъ, у моихъ ногъ двѣ срубленныхъ березы, небо покрыто сѣрыми тучами, и свѣжій, чистый, бодрящій вѣтеръ дуетъ мнѣ въ лицо. Только и всего. А на душѣ была и оставалась тоска, какъ будто я во снѣ рай видѣлъ: все это ужъ прошло... Въ мускулахъ непріятное, досадливое дрожаніе, требующее работы, на потолкѣ тусклый свѣтъ отъ фонарей, за окнами глухой гулъ и грохотъ.

И все-таки въ городѣ я живу жизнью чистаго интеллигента,

работая только мозгомъ. Первое время я пытаюсь противъ этого бороться,—упражняюсь гирями, дѣлаю гимнастику, совершаю пѣшія прогулки; но терпѣнія хватаетъ очень ненадолго, до того все это безсмысленно и скучно... И если въ будущемъ физическій трудъ будетъ находить себѣ примѣненіе только въ спортѣ, лаунъ-теннисѣ, гимнастикѣ и т. п., то передъ скукою такого «труда» окажутся безсильными всѣ увѣщанія медицины и все пониманіе самихъ людей. Достоевскій въ «Запискахъ изъ мертваго дома», разсказывая о работѣ каторжниковъ, говоритъ: «Если бы захотѣли вполнѣ раздавить, уничтожить человѣка, наказать его самымъ ужаснымъ наказаніемъ, такъ что самый страшный убійца содрогнулся бы отъ этого наказанія и пугался его заранѣе, то стоило бы только придать работѣ характеръ совершенной, полнѣйшей безполезности и безсмыслицы. Если бы заставить, напримѣръ, каторжника переливать воду изъ одного ушата въ другой, а изъ другого въ первый, толочь песокъ и т. п., — я думаю, арестантъ удавился бы черезъ нѣсколько дней или надѣлалъ бы тысячу преступленій, чтобъ хоть умереть, да выйти изъ такого униженія, стыда и муки».

Нечего будетъ дивиться, если человѣкъ будущаго отброситъ въ сторону всѣ эти нелѣпые ушаты.

И вотъ жизнь говоритъ: «ты, крѣпкій человѣкъ съ сильными мышцами, зоркимъ глазомъ и чуткимъ ухомъ, выносливый, самъ отъ себя во всемъ зависящій,—ты мнѣ ненуженъ и обреченъ на уничтоженіе»...

Но что̀ радостнаго несетъ съ собою идущій ему на смѣну новый человѣкъ?

XVI.

Однажды въ деревнѣ ко мнѣ пришла крестьянская баба съ просьбой навѣстить ея больную дочь. При входѣ въ избу меня поразилъ стоявшій въ ней кислый, невыразимо-противный запахъ, какой бываетъ въ оврагахъ, куда забрасываютъ дохлыхъ собакъ. На низкихъ «хорахъ» лежала подъ полушубкомъ больная—семнадцатилѣтняя дѣвушка съ изнуреннымъ, блѣднымъ лицомъ.

— Что̀ болитъ у васъ?—спросилъ я.

Она молча и испуганно взглянула на меня и покраснѣла.

— Батюшка-докторъ, болѣзнь-то у нея такая, — совѣстно дѣвкѣ показать,—жалостливо произнесла старуха.

— Ну, пустяки какіе! Что̀ вы, чего же доктора стыдиться? Покажите.

Я подошелъ къ дѣвушкѣ. Лицо ея вдругъ стало деревянно-покорнымъ, и съ этого лица на меня неподвижно смотрѣли тусклые, растерянные глаза.

— Повернись, Танюша, покажи!—увѣщавающе говорила старуха, снимая съ больной полушубокъ.—Посмотритъ докторъ,—Богъ дастъ, поможетъ тебѣ, здорова будешь...

Съ тѣми же тупыми глазами, съ сосредоточенною, испуганною покорностью, дѣвушка повернулась на бокъ и подняла грубую холщевую рубашку, несгибавшуюся, какъ лубокъ, отъ засохшаго гноя. У меня замутилось въ глазахъ отъ нестерпимой вони и отъ того, что̀ я увидѣлъ. Все лѣвое бедро, отъ пояса до колѣна, представляло одну громадную, сине-багровую опухоль, изъѣденную язвами и нарывами величиною съ кулакъ, покрытую разлагающимся, вонючимъ гноемъ.

— Отчего вы раньше ко мнѣ не обратились?! Вѣдь я здѣсь ужъ полтора мѣсяца!—воскликнулъ я.

— Батюшка-докторъ, все соромилась дѣвка, — вздохнула старуха. — Мѣсяцъ цѣлый хвораетъ, — думала, Богъ дастъ, пройдетъ: сначала вотъ какой всего желвачокъ былъ... Говорила я ей: Танюша, вонъ у насъ докторъ теперь живетъ, всѣ за него Бога молятъ, за помочь его,—сходи къ нему.—Мнѣ, говоритъ, мама, стыдно... Извѣстно, дѣвичье дѣло, глупое... Вотъ и долежалась!

Я пошелъ домой за инструментами и перевязочнымъ матеріаломъ... Боже мой, какая нелѣпость! Цѣлый мѣсяцъ въ двухъ шагахъ отъ нея была помощь,—и какое-то дикое, уродливое чувство загородило ей эту помощь, и только теперь она рѣшилась перешагнуть черезъ преграду, — теперь, когда, можетъ-быть, ужъ слишкомъ поздно...

И такихъ случаевъ приходится встрѣчать очень много. Сколько болѣзней изъ-за этого стыда запускаютъ женщины, сколько препятствій онъ ставитъ врачу при постановкѣ діагноза и при лѣченіи!.. Но сколько и душевныхъ страданій переноситъ женщина, когда ей приходится переступать черезъ этотъ стыдъ! Передо мною и теперь, какъ живое, стоитъ растерянное, вдругъ отупѣвшее лицо этой дѣвушки съ напряженно-покорными глазами; много ей пришлось выстрадать, чтобъ наконецъ рѣшиться переломить себя и обратиться ко мнѣ.

Къ часто повторяющимся впечатлѣніямъ привыкаешь. Тѣмъ не менѣе, когда, съ легкой краской на лицѣ и неуловимымъ трепетомъ всего тѣла, передо мною раздѣвается больная, у меня иногда мелькаетъ мысль: имѣю ли я представленіе о томъ, что̀ теперь творится у нея въ душѣ?

Въ «Аннѣ Карениной» есть одна тяжелая сцена. «Знаме-

питый докторъ, — разсказываетъ Толстой: — не старый еще, весьма красивый мужчина, потребовалъ осмотра больной Кити. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ, казалось, настаивалъ на томъ, что дѣвичья стыдливость есть только остатокъ варварства, и что нѣтъ ничего естественнѣе, какъ то, чтобъ еще не старый мужчина ощупывалъ молодую обнаженную дѣвушку. Надо было покориться... Послѣ внимательнаго осмотра и постукиванія растерянной и ошеломленной отъ стыда больной, знаменитый докторъ, старательно вымывъ свои руки, стоялъ въ гостиной и говорилъ съ княземъ... Мать вошла въ гостиную къ Кити. Исхудавшая и румяная, съ особеннымъ блескомъ въ глазахъ, вслѣдствіе перенесеннаго стыда, Кити стояла посреди комнаты. Когда докторъ вошелъ, она вспыхнула, и глаза ея наполнились слезами».

Постепенно у больныхъ вырабатывается къ такимъ изслѣдованіямъ привычка; но она вырабатывается лишь путемъ тяжелой ломки съ дѣтства создавшагося душевнаго строя. Не для всѣхъ эта ломка проходитъ безнаказанно. Однажды, я помню, мнѣ стало прямо жутко отъ той страшной опустошенности, какую подобная ломка можетъ вызвать въ женской душѣ. Я тогда былъ еще студентомъ и ѣхалъ на холеру въ Екатеринославскую губернію. Въ Харьковѣ въ десять часовъ вечера въ нашъ вагонъ сѣла молодая дама; у нея было милое и хорошее лицо съ ясными, немножко наивными глазами. Мы разговорились. Узнавъ, что я — студентъ-медикъ, она сообщила мнѣ, что ѣздила въ Харьковъ лѣчиться, и стала разсказывать о своей болѣзни: она уже четыре года страдаетъ дисменорреей и лѣчится у разныхъ профессоровъ; одинъ изъ нихъ опредѣлилъ у нея искривленіе матки, другой — суженіе шейки; мѣсяцъ назадъ ей дѣлали разрѣзъ шейки. Глядя на меня въ полумракѣ вагона своими ясными, спокойными глазами, она разсказывала мнѣ о симптомахъ своей болѣзни, объ ея началѣ; она посвятила меня во всѣ самыя сокровенныя стороны своей половой и брачной жизни, не было ничего, передъ чѣмъ бы она остановилась; и все это безъ всякой нужды, безъ всякой цѣли, даже безъ моихъ разспросовъ! Я слушалъ, пораженный: сколько ей пришлось перенести отвратительныхъ манипуляцій и разспросовъ, какъ долго и систематически она должна была выставлять на растоптаніе свою стыдливость, чтобы стать способною къ такому безцѣльному обнаженію себя передъ первымъ встрѣчнымъ!

А между тѣмъ, носи у женщины сама стыдливость другой характеръ, — и не было бы этой ломки и вызванной ею опустошенности. Въ Петербургѣ я былъ однажды приглашенъ къ

заболѣвшей курсисткѣ. Всѣ симптомы говорили за брюшной тифъ; селезенку еще можно было прощупать сквозь рубашку, но, чтобъ увидѣть розеолы, необходимо было обнажить животъ. Я на мгновеніе замялся,—мнѣ и до сихъ поръ тяжело и неловко предъявлять такія требованія.

— Нужно поднять рубашку? — просто спросила дѣвушка, догадавшись, чего мнѣ нужно.

Она подняла. И все это мучительное, стыдное, тяжелое вышло такъ просто и легко! И такъ мнѣ стала симпатична эта дѣвушка съ серьезнымъ лицомъ и умными, спокойными глазами... Я видѣлъ, что для нея въ происшедшемъ не было обиды и муки, потому что тутъ была настоящая культурность. Да, она такъ просто и легко обнажилась передо мною,— но, встрѣтившись случайно въ вагонѣ, навѣрное ничего не стала бы разсказывать, подобно *той*...

Что̀ для человѣка стыдно, что̀ не стыдно?

Существуютъ племена, которыя стыдятся одѣваться. Когда миссіонеры раздавали платки индѣйцамъ Ореноко, предлагая имъ покрывать тѣло, женщины бросали или прятали платокъ, говоря: «мы не покрываемся, потому что намъ стыдно». Въ Бразиліи Уоллесъ нашелъ въ одной избушкѣ совершенно обнаженныхъ женщинъ, нимало не смущавшихся этимъ обстоятельствомъ; а между тѣмъ у одной изъ нихъ была «сая», т.-е. родъ юбки, которую она иногда надѣвала; и тогда, по словамъ Уоллеса, она смущалась почти такъ же, какъ цивилизованная женщина, которую мы застали бы безъ юбки.

Что̀ стыдно? Мы судимъ съ своей точки зрѣнія, на которую поставлены сложнымъ дѣйствіемъ самыхъ разнообразныхъ, совершенно случайныхъ причинъ. Тѣ люди, которые стыдливѣе насъ, и тѣ, которые менѣе стыдливы, одинаково возбуждаютъ въ насъ снисходительную улыбку сожалѣнія къ ихъ «некультурности». Восточная женщина стыдится открыть передъ мужчиною лицо; русская баба считаетъ позорнымъ явиться на людяхъ простоволосою; гоголевскія дамы находили неприличнымъ говорить: «я высморкалась», а говорили: «я облегчила себѣ носъ, я обошлась посредствомъ платка». Намъ все это смѣшно, и мы искренно недоумѣваемъ, что̀ же стыднаго въ обнаженныхъ волосахъ и лицѣ, что̀ неприличнаго сказать: «я высморкалась». Но почему намъ не смѣшна женщина, стыдящаяся обнажить передъ мужчиною колѣно или животъ, почему на балу самая скромная дѣвушка не считаетъ стыднымъ явиться съ обнаженною верхнею половиною груди, а та, которая обнажитъ всю грудь до пояса,—цинична? Почему насъ не коробитъ мужчина, не прикрывающій передъ

женщиною бороды и усовъ, — несомнѣнно вторично-полового признака мужчины? Сказать: «я высморкалась» — не стыдно, а упоминать о другихъ физіологическихъ отправленіяхъ, столь же, правда, неэстетичныхъ, но и не менѣе естественныхъ — невозможно. И вотъ люди въ обществѣ лицъ другого пола подвергаютъ себя мукамъ, нерѣдко даже опасности серьезнаго заболѣванія, но не рѣшаются показать и вида, что имъ нужно сдѣлать то, безъ чего, какъ всякій знаетъ, человѣку обойтись невозможно.

Все наше воспитаніе направлено къ тому, чтобъ сдѣлать для насъ наше тѣло позорнымъ и постыднымъ; на цѣлый рядъ самыхъ законныхъ отправленій организма, предуказанныхъ природою, мы пріучены смотрѣть не иначе, какъ со стыдомъ; obscoenum est dicere, facere non obscoenum (говорить позорно, дѣлать не позорно), — характеризуетъ эти отправленія Цицеронъ. Почти съ первыхъ проблесковъ сознанія ребенокъ уже начинаетъ получать настойчивыя указанія на то, что онъ долженъ стыдиться такихъ-то отправленій и такихъ-то частей своего тѣла; чистая натура ребенка долго не можетъ взять въ толкъ этихъ указаній; но усилія воспитателей не ослабѣваютъ, и ребенокъ наконецъ начинаетъ проникаться сознаніемъ постыдности жизни своего тѣла. Дальше — больше. Приходитъ время, и подрастающій человѣкъ узнаётъ о тайнѣ своего происхожденія; для него эта тайна, благодаря предшествовавшему воспитанію, является сплошною грязью, ужасною по своей неожиданности и мерзости. Въ однихъ мысль о законности такого невѣроятнаго безстыдства вызываетъ сладострастіе, какое при иныхъ условіяхъ было бы совершенно невозможно; въ другихъ мысль эта вызываетъ отчаяніе. Рыданія дѣвушки, въ ужасѣ останавливающейся передъ грязью жизни и дающей клятвы никогда не выходить замужъ, ея опошленная и опозоренная любовь, — это драма тяжелая и серьезная, но въ то же время поражающая своею противоестественностью. А между тѣмъ какъ не быть этой драмѣ? Руссо требовалъ, чтобы родители и воспитатели сами объясняли дѣтямъ все, а не предоставляли дѣлать это грязнымъ языкамъ прислуги и товарищей. Разницы тутъ нѣтъ никакой: воспитаніе ребенка ведется такъ, что не можетъ онъ, какъ «чисто» ни излагай ему дѣла, не увидѣть въ немъ самой ужасной и безстыдной грязи.

Все это вовсе еще не значитъ, что и сама стыдливость есть, дѣйствительно, лишь остатокъ варварства, какъ утверждаетъ толстовскій «знаменитый докторъ». Стыдливость, какъ обереганіе своей интимной жизни отъ постороннихъ глазъ, какъ

чувство, дѣлающее для человѣка невозможнымъ, подобно животному, отдаваться первому встрѣчному самцу или самкѣ, есть не остатокъ варварства, а цѣнное пріобрѣтеніе культуры. Но такая стыдливость ни въ какомъ случаѣ не исключаетъ серьезнаго и нестыдящагося отношенія къ человѣческому тѣлу и его жизни. У Бурже въ его «Profils perdus» есть одинъ замѣчательный очеркъ, въ которомъ онъ выводитъ интеллигентную русскую дѣвушку; пошловатый любитель «науки страсти нѣжной» стоитъ передъ этою дѣвушкою въ полномъ недоумѣніи: она свободно и не стѣсняясь говоритъ съ нимъ «въ терминахъ научнаго матеріализма» о зачатіи, о материнствѣ,—«и въ то же время ни однѣ мужскія губы не касались даже ея руки!..»

Стыдливость, строгая и цѣломудренная, не исключаетъ даже наготы. Бюффонъ говоритъ: «Мы не настолько развращены и не настолько невинны, чтобы ходить нагими». Такъ ли это? Дикари развращены не болѣе насъ, сказки объ ихъ невинности давно уже опровергнуты; между тѣмъ многіе изъ нихъ ходятъ нагими, и эта нагота ихъ не развращаетъ; они просто *привыкли* къ ней. Мало того, есть, какъ мы видѣли, племена, которыя стыдятся одѣваться. Какъ обычай прикрывать свое тѣло одеждою можетъ итти рядомъ съ самою глубокою развращенностью, такъ и привычная нагота соединима съ самымъ строгимъ цѣломудріемъ. Обитательницы Огненной Земли ходятъ нагими и нисколько не стѣсняются этого; между тѣмъ, замѣчая на себѣ страстные взгляды пріѣзжихъ европейскихъ матросовъ, онѣ краснѣли и спѣшили спрятаться; можетъ-быть, совсѣмъ такъ же покраснѣла бы одѣтая европейская женщина, поймавъ на себѣ взглядъ бразиліанца или индѣйца Ореноко.

Все дѣло въ привычкѣ. Если бы считалось стыднымъ обнажать исключительно лишь мизинецъ руки, то обнаженіе именно этого мизинца и дѣйствовало бы сильнѣе всего на лицъ другого пола. У насъ тщательно скрывается подъ одеждою почти все тѣло. И вотъ благородное, чистое и прекрасное человѣческое тѣло обращено въ приманку для совершенно опредѣленныхъ цѣлей: запретное, недоступное глазу человѣка другого пола, оно открывается передъ нимъ только въ спеціальные моменты, усиливая сладострастіе этихъ моментовъ и придавая ему остроту; и именно для сладострастниковъ-то привычная нагота и была бы большимъ ударомъ *). Мы можемъ

*) На «классической вальпургіевой ночи» Мефистофель чувствуетъ себя совершенно чужимъ. «Почти всѣ голы,—недовольно ворчитъ онъ:—только кое-гдѣ видны одежды... Въ душѣ, конечно, и мы не прочь отъ безстыд-

безъ всякаго спеціальнаго чувства любоваться одѣтою красавицею; но къ живому нагому женскому тѣлу, не уступай оно въ красотѣ самой Венерѣ Милосской, мы нашимъ воспитаніемъ лишены способности относиться чисто.

Мы стыдимся и не уважаемъ своего тѣла, поэтому мы и не заботимся о немъ; вся забота обращена на его украшеніе, хотя бы цѣною полнаго его изуродованія. Въ Парижѣ ежегодно выходятъ спеціальные альбомы «Le nu» — снимки со всѣхъ картинъ за истекшій годъ, въ которыхъ изображено голое тѣло. Когда пересматриваешь такой альбомъ,—страшно, прямо страшно становится за человѣка. Эти мягкотѣлыя, дряблыя женскія фигуры съ гигантскими, жирными задами, вдавленными боками, зачаточною и уже отвислою грудью, —

И какой колдунъ злосчастный
Этихъ куколъ къ намъ занесъ?..

Безполезно гадать, гдѣ и на чемъ установятся въ будущемъ предѣлы стыдливости; но въ одномъ нельзя сомнѣваться,—что люди все съ большею серьезностью и уваженіемъ станутъ относиться къ природѣ и ея законамъ, а вмѣстѣ съ этимъ перестанутъ краснѣть за то, что у нихъ есть тѣло, и что это тѣло живетъ по законамъ, указаннымъ природою.

Но это когда-то еще будетъ. Въ настоящее же время медицина, имѣя дѣло съ женщиною, должна чутко вѣдаться съ ея душою. Врачебное образованіе до послѣдняго времени составляло монополію мужчинъ, и женщинѣ съ самою интимною болѣзнью приходилось обращаться за помощью къ нимъ. Кто учтетъ, сколько при этомъ было пережито тяжелой душевной ломки, сколько женщинъ погибло, не рѣшаясь раскрыть передъ мужчиною своихъ болѣзней? Намъ, мужчинамъ, ничего подобнаго не приходится переносить, да мы въ этомъ отношеніи и менѣе щепетильны. Но вотъ, напримѣръ, въ 1883 году въ опочецкое земское собраніе двое гласныхъ внесли предложеніе, чтобъ должности земскихъ врачей не замѣщались врачами-женщинами: «больные мужчины, — заявили они: — стыдятся лѣчиться отъ сифилиса у женщинъ-врачей». Это намъ вполнѣ понятно: никто изъ насъ не захочетъ обратиться къ женщинѣ-врачу съ сколько-нибудь щекотливою болѣзнью. Ну,

---

ства, но античное я нахожу черезчуръ живымъ»... Въ паралипоменахъ къ «Фаусту» Мефистофель выражается еще откровеннѣе:

Was hat man an den nackten Heiden?
Ich liebe mir was auszukleiden,
Wenn man doch einmal lieben soll.

Тонкій сладострастникъ Мопассанъ съ особенною любовью останавливается обыкновенно именно на процессахъ раздѣванія.

а женщины,—рѣшились ли бы утверждать опочецкіе гласные, что онѣ не стыдятся лѣчиться отъ сифилиса у врачей-мужчинъ? Это было бы грубой неправдой. Отчеты земскихъ врачей полны указаніями на то, какъ неохотно, именно по этой причинѣ, прибѣгаютъ къ врачебной помощи крестьянскія женщины и особенно дѣвушки.

Въ настоящее время врачебное образованіе, къ счастью, стало доступно и женщинѣ: это — громадное благо для всѣхъ женщинъ,—для всѣхъ равно, а не только для мусульманскихъ, на что любятъ указывать защитники женскаго врачебнаго образованія. Это—громадное благо и для самой науки: только женщинѣ удастся понять и познать темную, страшно-сложную жизнь женскаго организма во всей ея физической и психической цѣлости; для мужчины это познаніе всегда будетъ отрывочнымъ и неполнымъ.

XVII.

Года черезъ полтора послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ меня позвалъ къ себѣ на домъ къ больному ребенку одинъ желѣзнодорожный машинистъ. Онъ занималъ комнату въ пятомъ этажѣ, по грязной и вонючей лѣстницѣ. У его трехлѣтняго мальчика оказался нарывъ миндалины; ребенокъ былъ рахитическій, худенькій и блѣдный; онъ бился и зажималъ зубами ручку ложки, такъ что мнѣ съ трудомъ удалось осмотрѣть его зѣвъ. Я назначилъ лѣченіе. Отецъ, — высокій, съ косматою рыжею бородою,—протянулъ мнѣ при уходѣ деньги; комната была жалкая и бѣдная, ребятъ куча; я отказался. Онъ почтительно и съ благодарностью проводилъ меня.

Слѣдующіе два дня ребенокъ продолжалъ лихорадить, опухоль зѣва увеличилась, дыханіе стало затрудненнымъ. Я сообщилъ родителямъ, въ чемъ дѣло, и предложилъ прорѣзать нарывъ.

— Это какъ же, во рту, внутри, рѣзать? — спросила мать, высоко поднявъ брови.

Я объяснилъ, что операція эта совершенно безопасна.

— Ну нѣтъ! У меня на это согласія нѣту!—быстро и рѣшительно отвѣтила мать.

Всѣ мои убѣжденія и разъясненія остались тщетными.

— Я такъ думаю, что Божья на это воля,—сказалъ отецъ.— Не захочетъ Господь, такъ и прорѣзать не стоитъ, — все равно помретъ. Гдѣ жъ ему, такому слабому, перенесть операцію?

Я сталъ спринцовать ребенку горло.

— Самъ ужъ теперь ротъ раскрываетъ, — грустно произнесъ отецъ.

— Нарывъ, вѣроятно, сегодня прорвется, — сказалъ я. — Слѣдите, чтобы ребенокъ во снѣ не захлебнулся гноемъ. Если плохо будетъ, пошлите за мною.

Я вышелъ въ кухню. Отецъ стремительно бросился подать мнѣ пальто.

— Ужъ не знаю, господинъ докторъ, какъ васъ и благодарить, — проговорилъ онъ. — Прямо, можно сказать, навѣки насъ обязываете.

На-завтра прихожу, звонюсь. Мнѣ отворила мать, — заплаканная, блѣдная; она злыми глазами оглядѣла меня и молча отошла къ плитѣ.

— Ну, что̀ вашъ сынокъ?—спросилъ я.

Она не отвѣтила, даже не обернулась.

— Помираетъ,—сдержанно произнесла изъ угла какая-то старуха.

Я раздѣлся и вошелъ въ комнату. Отецъ сидѣлъ на кровати; на колѣняхъ его лежалъ блѣдный мальчикъ.

— Что̀, очень ему плохо?—спросилъ я.

Отецъ окинулъ меня холоднымъ, безучастнымъ взглядомъ.

— Ужъ не знаю, какъ и до утра дожилъ,—неохотно отвѣтилъ онъ.—Къ обѣду помретъ.

Я взялъ ребенка за руку и пощупалъ пульсъ.

— Всю ночь матерія шла черезъ носъ и ротъ, — продолжалъ отецъ.—Иной разъ совсѣмъ захлебнется,—посинѣетъ и закатитъ глаза; жена заплачетъ, начнетъ его трясти,—онъ на время и отойдетъ.

— Поднесите его къ окну, посмотрѣть горло, — сказалъ я.

— Что̀ его еще мучить! — сердито проговорила вошедшая мать.—Ужъ оставьте его въ покоѣ!

— Какъ вамъ не стыдно!—прикрикнулъ я на нее.—Чуть немножко хуже стало,—и руки ужъ опустили: помирай, дескать! Да ему вовсе и не такъ ужъ плохо.

Опухоль зѣва значительно опала, но мальчикъ былъ сильно истощенъ и слабъ. Я сказалъ родителямъ, что все идетъ очень хорошо, и мальчикъ теперь быстро оправится.

— Дай Богъ! — скептически улыбнулся отецъ. — А я такъ думаю, что вы его завтра и въ живыхъ ужъ не увидите.

Я прописалъ рецептъ, объяснилъ, какъ давать лѣкарство, и всталъ.

— До свиданія!

Отецъ еле удостоилъ меня отвѣтомъ. Никто не поднялся меня проводить.

Я вышелъ возмущенный. Горе ихъ было, разумѣется, вполнѣ законно и понятно; но чѣмъ заслужилъ я такое отношеніе къ себѣ? Они видѣли, какъ я былъ къ нимъ внимателенъ, — и хоть бы искра благодарности! Когда-то въ мечтахъ я наивно представлялъ себѣ подобные случаи въ такомъ видѣ: больной умираетъ, но близкіе видятъ, какъ горячо и безкорыстно относился я къ нему, и провожаютъ меня съ любовью и признательностью.

— Не хотятъ, и не нужно! Больше не пойду къ нимъ!— рѣшилъ я.

На-завтра мнѣ пришлось употребить всѣ усилія воли, чтобъ заставить себя пойти. Звонясь, я дрожалъ отъ негодованія, готовясь встрѣтить эту безсмысленную, незаслуженную мною ненависть со стороны людей, для которыхъ я дѣлалъ все, что̀ могъ.

Мнѣ открыла мать,—розовая, счастливая; мгновеніе поколебавшись, она вдругъ схватила мою руку и крѣпко пожала ее. И меня удивило, какое у нея было хорошенькое, милое лицо,—раньше я этого совсѣмъ не замѣтилъ. Ребенокъ чувствовалъ себя прекрасно, былъ веселъ и просилъ ѣсть... Я ушелъ, сопровождаемый горячими благодарностями отца и матери.

Этотъ случай въ первый разъ далъ мнѣ понять, что если отъ тебя ждутъ спасенія близкаго человѣка, и ты этого не сдѣлалъ, то не будетъ тебѣ прощенія, какъ бы ты ни хотѣлъ и какъ бы ни старался спасти его.

Я лѣчилъ отъ дифтерита одну молодую купчиху, по фамиліи Старикову. Мужъ ея, полный и румяный купчикъ, съ добродушнымъ лицомъ и рыжеватыми усиками, самъ пріѣзжалъ за мною на рысакѣ; онъ стѣснялъ и смѣшилъ меня своею суетливою, приказчичьею предупредительностью: когда я садился въ сани, онъ поддерживалъ меня за локоть, оправлялъ полы моей шубы, а усадивъ, самъ садился рядомъ на самомъ краешкѣ сидѣнія. Дифтеритъ у больной былъ очень тяжелый, флегмонозной формы, и нѣсколько дней она была на краю смерти; потомъ начала поправляться. Но въ будущемъ еще была опасность отъ послѣдифтеритныхъ параличей.

Однажды въ четыре часа утра ко мнѣ позвонился мужъ больной. Онъ сообщилъ, что у больной неожиданно появились сильныя боли въ животѣ и рвота. Мы сейчасъ же поѣхали. Была мятель; санки быстро мчались по пустыннымъ улицамъ.

— Сколько мы вамъ, докторъ, безпокойствъ доставляемъ! — извиняющимся голосомъ заговорилъ мой спутникъ. — Этакую рань вамъ ѣхать, въ такую непогоду!.. Спать вамъ помѣшалъ...

Больной было очень плохо; она жаловалась на тянущія боли въ груди и животѣ, лицо ея было бѣло, того трудно-описуемаго вида, который мало-мальски привычному глазу съ несомнѣнностью говоритъ о быстро и неотвратимо приближающемся параличѣ сердца. Я предупредилъ мужа, что опасность очень велика. Пробывъ у больной три часа, я уѣхалъ, такъ какъ у меня былъ другой трудный больной, котораго было необходимо посѣтить. При Стариковой я оставилъ опытную фельдшерицу.

Черезъ полтора часа я пріѣхалъ снова. Навстрѣчу мнѣ вышелъ мужъ, съ страннымъ лицомъ и воспаленными, красными глазами. Онъ остановился въ дверяхъ залы, заложивъ руки сзади подъ пиджакомъ.

— Что̀ скажете хорошенькаго? — развязно и презрительно спросилъ онъ меня.

— Что̀ Марья Ивановна?

— Марья Ивановна-съ?—повторилъ онъ, растягивая слова.

— Ну да!

Онъ помолчалъ.

— Полчаса назадъ благополучно скончалась! — усмѣхнулся Стариковъ, съ ненавистью оглядѣвъ меня.—Честь имѣю кланяться,—до свиданія!

И, круто повернувшись, онъ ушелъ въ залу, наполненную собравшимися родственниками.

Въ моемъ воспоминаніи никакъ теперь не могутъ соединиться въ одно два образа этого Старикова: одинъ—суетливо-предупредительный, заглядывающій въ глаза, стремящійся къ тебѣ; другой—чуждый, съ вызывающе-оскорбительною развязностью, съ красными, горящими ненавистью глазами.

О, какова ненависть такихъ людей! Нѣтъ ей предѣловъ. Въ прежнія времена расправа съ врачами въ подобныхъ случаяхъ была короткая. «Врачъ нѣкій нѣмчинъ Антонъ,—разсказываютъ русскія лѣтописи: — врачева князя Каракуча, да умори его смертнымъ зеліемъ за посмѣхъ. Князь же великій Іоаннъ III выдалъ его сыну Каракучеву, онъ же мучивъ его, хотѣ на окупъ дати. Князь же великій не повелѣ, но повелѣ его убити; они сведше его на Москву-рѣку подъ мостъ зимою, и зарѣзали ножомъ яко овцу».

По законамъ вестготовъ, врачъ, у котораго умеръ больной, немедленно выдавался родственникамъ умершаго, «чтобъ они имѣли возможность сдѣлать съ нимъ, что̀ хотятъ». И въ настоящее время многіе и многіе вздохнули бы по этому благодѣтельному закону; тогда прямо и вѣрно можно было бы достигать того, къ чему теперь приходится стремиться не всегда

надежными путями. Лѣтъ пятнадцать назадъ у чистопольскаго помѣщика г. Геркена умерла дочь, которую пользовалъ земскій врачъ Свинцицкій. Огорченный отецъ, какъ сообщалось въ казанскихъ газетахъ, подалъ въ земское собраніе заявленіе, что знанія д-ра Свинцицкаго ниже фельдшерскихъ, и что имъ недовольно все населеніе «за малыя знанія и невнимательность». Земскимъ собраніемъ была назначена особая комиссія для производства дознанія. Жалоба г. Геркена оказалась полнѣйшей клеветой, и земское собраніе единогласно постановило выразить д-ру Свинцицкому признательность «за честную и полезную дѣятельность».

Въ концѣ 1883 года въ одесской газетѣ «Новороссійскій Телеграфъ» появилось письмо нѣкоего г. Бѣлякова, подъ бросающимся въ глаза заглавіемъ:

Сына моего зарѣзали!

(Необычайный некрологъ отца о сынѣ).

Да, г. редакторъ! — пишетъ г. Бѣляковъ. — Единственный сынъ мой Сократъ зарѣзанъ въ Херсонѣ, въ силу науки, ровно въ 10 часовъ вечера 28-го ноября, услугами нашего мѣстнаго оператора Петровскаго...

Далѣе, на пространствѣ цѣлаго фельетона, г. Бѣляковъ подробно разсказываетъ, какъ его ребенокъ заболѣлъ дифтеритомъ, какъ плохо лѣчили его врачи, какъ, благодаря этому плохому лѣченію, процессъ распространился на гортань. Съ тщательностью судебнаго слѣдователя онъ приводитъ въ качествѣ обвинительныхъ документовъ всѣ назначенія и рецепты врачей и тѣмъ самымъ, помимо своей воли, наглядно удостовѣряетъ для всякаго, понимающаго дѣло, совершенную правильность всѣхъ назначеній. Ребенку было очень худо. Одинъ изъ врачей призналъ случай безнадежнымъ и уѣхалъ. Отецъ молилъ спасти ребенка. Тогда оставшійся при больномъ д-ръ Гершельманъ предложилъ послѣднее средство—операцію. Во время операціи, произведенной докторомъ Петровскимъ, ребенокъ умеръ. Какъ видно изъ самого же описанія г-на Бѣлякова, случай былъ очень тяжелый, и такого конца можно было ждать каждую минуту; но г. Бѣляковъ, ничего не понимая въ дѣлѣ, утверждаетъ, что операторъ просто-напросто «зарѣзалъ» его сына *).

Слѣдовало ли дѣлать эту операцію,—спрашиваетъ г. Бѣляковъ:—если болѣзнь длилась уже шестой день? Компетентныя лица (?) говорятъ,

*) По жалобѣ отца, тѣло ребенка было вырыто изъ могилы и вскрыто въ присутствіи слѣдователя и четырехъ экспертовъ; оказалось, что ребенокъ умеръ отъ задушенія дифтеритными пленками, а операція была произведена безукоризненно.

что, когда дифтеритъ длился столько времени, не осложняясь, и когда больной еще дышалъ,—не представлялось никакой надобности въ операціи *(Это совершенный вздоръ)*. Наконецъ, правильно ли было пользованіе д-ра Гершельмана? Всѣ ли возможныя средства онъ употребилъ для спасенія больного? По моему мнѣнію, г. Гершельманъ слишкомъ поверхностно отнесся къ своему дѣлу... Подыщите послѣ этого подходящую статью въ уложеніи о наказаніяхъ, которая своею страшною карою виновнаго въ смерти Сократа могла бы искупить наше горе.

Конечно, ни одна статья уложенія не удовлетворила бы г. Бѣлякова. Вотъ дѣйствуй у насъ вестготскіе законы, — о, тогда г. Бѣляковъ сумѣлъ бы изобрѣсти кару, которая бы искупила его горе!.. Сильна въ человѣкѣ кровавая жажда найти во что бы то ни стало искупительную жертву, чтобы принести ее тѣни погибшаго близкаго человѣка.

Вначалѣ такая обращенная на меня ненависть страшно мучила меня. Я краснѣлъ и страдалъ, когда, случайно встрѣтивъ на улицѣ кого-либо изъ близкихъ моего умершаго паціента, замѣчалъ, какъ онъ поспѣшно отворачивается, чтобъ не видѣть меня. Потомъ постепенно я привыкъ. А слѣдствіемъ этой привычки явилось еще нѣчто, совершенно неожиданное и для меня самого.

Неподалеку отъ меня у одной дамы-корректорши, по фамиліи Декановой, заболѣлъ ея сынъ-гимназистъ. По рекомендаціи кого-то изъ моихъ паціентовъ, она обратилась ко мнѣ. Жила она въ небольшой квартиркѣ съ двумя дѣтьми—заболѣвшимъ гимназистомъ и дочерью Екатериной Александровной, дѣвушкой съ славнымъ, интеллигентнымъ лицомъ, слушательницею Рождественскихъ курсовъ лѣкарскихъ помощницъ. И мать и дочь, видимо, души не чаяли въ мальчикѣ. У него оказалось крупозное воспаленіе легкихъ. Мать, сухая и нервная, съ бѣгающими, психопатическими глазами, такъ и замерла.

— Докторъ, скажите, это очень опасно? Онъ умретъ?

Я отвѣтилъ, что покамѣстъ навѣрное ничего еще нельзя сказать, что кризисъ будетъ дней черезъ пять-шесть. Для меня началось ужасное время. Мать и дочь не могли допустить и мысли, чтобъ ихъ мальчикъ умеръ; для его спасенія онѣ были готовы на все. Мнѣ приходилось посѣщать больного раза по три въ день; это было совершенно безполезно, но онѣ своею настойчивостью умѣли заставить меня.

— Докторъ, онъ не умираетъ?—сдавленнымъ отъ ужаса голосомъ спрашиваетъ мать.—Докторъ, голубчикъ! Я сумасшедшая, простите меня... Что̀ я хотѣла сказать?.. Правда, вѣдь вы все сдѣлаете? Вы мнѣ спасете Володю?

На четвертый день Екатерина Александровна, волнуясь и кусая губы, сказала мнѣ:

— Вы не обижайтесь на меня, позвольте мнѣ сказать вамъ, какъ частному лицу... Мнѣ ваше лѣченіе кажется чрезвычайно шаблоннымъ: ванны, кодеинъ, банки, ледъ на голову... Теперь назначили digitalis...

— Въ такомъ случаѣ распоряжайтесь, пожалуйста, вы,—я буду исполнять ваши назначенія,—холодно отвѣтилъ я.

— Да нѣтъ, я ничего не знаю,—поспѣшно проговорила она.—Но мнѣ хотѣлось бы, чтобъ дѣлалось что-нибудь особенное, чтобы уже навѣрное спасти Володю. Мама съ ума сойдетъ, если онъ умретъ.

— Обратитесь тогда къ другому врачу; я дѣлаю все, что̀ похожу нужнымъ.

— Нѣтъ, я не то... Ну, простите, я сама не знаю, что̀ говорю!—нервно оборвала себя Екатерина Александровна.

Для ухода за больнымъ онѣ пригласили опытную сестру милосердія. Тѣмъ не менѣе почти не проходило ночи, чтобъ Екатерина Александровна не разбудила меня. Позвонится, вызоветъ черезъ горничную.

— Володѣ хуже стало, онъ бредитъ и стонетъ,—сообщаетъ она.—Пожалуйста, пойдемте.

Я безропотно иду. Но иногда у меня не хватаетъ терпѣнія.

— Васъ сестра милосердія прислала, или это вы находите нужнымъ мое присутствіе?—спрашиваю я недобрымъ голосомъ.

Ея темные глаза загораются негодованіемъ; Екатерина Александровна еле сдерживается, видя, какъ я цѣню свой сонъ.

— Я думаю, что сестра милосердія—не врачъ, и она не можетъ объ этомъ судить,—рѣзко отвѣчаетъ она.

Иду съ нею. Мальчикъ бредитъ, мечется, дышитъ часто, но пульсъ хорошій, и никакого вмѣшательства не требуется. Раздраженная сестра милосердія сидитъ на стулѣ у окна. Я молча выхожу въ прихожую.

— Что̀ теперь дѣлать?—спрашиваетъ Екатерина Александровна.—У него слабѣетъ пульсъ.

— Продолжать прежнее. Пульсъ прекрасный,—угрюмо отвѣчаю я и ухожу. И по дорогѣ я думаю: если въ теченіе года непрерывно имѣть хоть по одному такому паціенту, то самаго крѣпкаго человѣка хватитъ не больше, какъ на годъ.

На-завтра мальчикъ чувствуетъ себя лучше,—и глаза Екатерины Александровны смотрятъ на меня съ ласкою и любовью. Вообще, еще не видя больного, я ужъ при входѣ безошибочно заключалъ объ его состояніи по глазамъ открывавшей мнѣ дверь Екатерины Александровны: хуже больному,—и лицо ея горитъ черезъ силу сдерживаемою враждою ко мнѣ; лучше,—и глаза смотрятъ съ такою безконечною ласкою!

Кризисъ былъ очень тяжелый. Мальчикъ два дня находился между жизнью и смертью. Все это время я почти не уходилъ отъ Декановыхъ. Два раза былъ консиліумъ. Мать выглядѣла совсѣмъ какъ помѣшанная.

— Докторъ, спасите его!.. Докторъ!..

И, крѣпко сжимая своими сухими пальцами мой локоть, она пристально смотритъ мнѣ въ глаза жалкими, молящими и въ то же время грозными, ненавидящими глазами, какъ будто хочетъ перелить въ меня сознаніе всего ужаса того, что̀ будетъ, если мальчикъ умретъ.

Мальчикъ, съ синимъ, неподвижнымъ лицомъ, дышитъ часто и хрипло, пульсъ почти не прощупывается. Я кончаю изслѣдованіе, поднимаю голову,—и изъ полумрака комнаты на меня жадно смотрятъ тѣ же безумные, грозные глаза матери.

Больной вынесъ кризисъ. Черезъ два дня онъ былъ внѣ опасности. Мать и дочь пріѣхали ко мнѣ на домъ благодарить меня. Господи, что̀ это были за благодарности!

— Докторъ, голубчикъ! Дорогой! — въ экстазѣ твердила мать. — Вы понимаете ли, что̀ вы для меня сдѣлали?.. Нѣтъ, вы не поймете!.. Господи, какъ мнѣ вамъ сказать?.. Когда я буду умирать, у меня въ головѣ одинъ вы будете! Вы не знаете, я дала обѣтъ Скорбящей Божьей Матери... Какъ мнѣ васъ отблагодарить, я навѣки ваша должница неоплатная!.. Докторъ!.. простите...

И она хватала мои руки, чтобы поцѣловать ихъ. Екатерина Александровна, улыбаясь своими славными сумрачными глазами, горячо пожимала мнѣ руку обѣими руками. А я—я смотрѣлъ въ глаза обѣихъ женщинъ, сіявшіе такою восторженною признательностью, и мнѣ казалось, что я еще вижу въ нихъ исчезающій отблескъ той ненависти, съ которою глаза эти смотрѣли на меня три дня назадъ.

Онѣ ушли. Я взялся за прерванное ихъ приходомъ чтеніе. И вдругъ меня поразило, какъ равнодушенъ я остался ко всѣмъ ихъ благодарностямъ; какъ будто надъ душою пронесся докучный вихрь словъ, пустыхъ, какъ шелуха, и ни одно изъ нихъ не осталось въ душѣ. А я-то раньше воображалъ, что подобныя минуты — «награда», что это — «свѣтлые лучи» въ темной и тяжелой жизни врача!.. Какіе же это свѣтлые лучи? За тотъ же самый трудъ, за то же горячее желаніе спасти мальчика я получилъ бы одну ненависть, если бы онъ умеръ.

Къ этой ненависти я постепенно привыкъ и сталъ равнодушенъ. А неожиданнымъ слѣдствіемъ этого само собою явилось и полнѣйшее равнодушіе къ благодарности.

Все больше я сталъ убѣждаться, что и вообще нужно прежде всего выработать въ себѣ глубокое, полнѣйшее безразличіе къ чувству паціента. Иначе двадцать разъ сойдешь съ ума отъ отчаянія и тоски.

XVIII.

Да, не нужно ничего принимать къ сердцу, нужно стоять выше страданій, отчаянія, ненависти, смотрѣть на каждаго больного, какъ на невмѣняемаго, отъ котораго ничего не оскорбительно. Выработается такое отношеніе, — и я хладнокровно пойду къ тому машинисту, о которомъ я разсказывалъ въ прошлой главѣ, и меня не остановитъ у порога мысль о незаслуженной ненависти, которая меня тамъ ждетъ. И часто-часто приходится повторять себѣ: «нужно выработать безразличіе!». Но это такъ трудно...

Недавно лѣчилъ я одну молодую женщину, жену чиновника. Мужъ ея, съ нервнымъ, интеллигентнымъ лицомъ, съ странно-тонкимъ голосомъ, перепуганный пріѣхалъ за мною и сообщилъ, что у жены его, кажется, дифтеритъ. Я осмотрѣлъ больную. У нея оказалась фолликулярная жаба.

— Это не опасно? — спросилъ мужъ.

— Нѣтъ. Вѣроятнѣе всего, черезъ день-другой пройдетъ, хотя, впрочемъ, можетъ образоваться и нарывъ.

Черезъ два дня, дѣйствительно, лѣвая миндалина стала нарывать.

— Отчего это? Отчего вдругъ нарывъ сталъ образовываться? — любопытствовалъ мужъ.

Отчего!.. Какъ будто на такой вопросъ кто-нибудь можетъ отвѣтить!..

И мужъ и жена относились ко мнѣ съ тѣмъ милымъ довѣріемъ, которое такъ дорого врачу и такъ поднимаетъ его духъ; каждое мое назначеніе они исполняли съ серьезною, почти благоговѣйною аккуратностью и тщательностью. Больная пять дней сильно страдала, съ трудомъ могла раскрывать ротъ и глотать. Послѣ сдѣланныхъ мною насѣчекъ опухоль опала, больная стала быстро поправляться, но остались мускульныя боли въ обѣихъ сторонахъ шеи. Я приступилъ къ легкому массажу шеи.

— Какъ все у васъ нѣжно и мягко выходитъ! — сказала больная, краснѣя и улыбаясь. — Право, я рада бы все время болѣть, только чтобы вы меня лѣчили.

Каждый разъ, по ихъ настойчивымъ приглашеніямъ, я оставался у нихъ пить кофе и просиживалъ часъ-другой; мнѣ это

самому было пріятно,—съ такимъ дружественнымъ, любовнымъ расположеніемъ оба они относились ко мнѣ.

Дня черезъ два у больной появились боли въ правой сторонѣ зѣва, и температура снова поднялась.

— Ну что̀?—спросилъ меня обезпокоенный мужъ.

— Вѣроятно, и въ другой миндалинѣ образуется нарывъ.

— Господи, еще! — проговорила больная, уронивъ руки на колѣни.

Мужъ широко раскрылъ глаза.

— Но отчего же это? — съ изумленіемъ спросилъ онъ. — Кажется, все дѣлалось, что̀ нужно!

Я объяснилъ ему, что предупредить это было невозможно.

— Ахъ, ты, моя бѣдная Шурочка! — нервно воскликнулъ онъ. — Опять, значитъ, все это сначала продѣлывать!

И въ голосѣ его ясно прозвучала враждебная нотка ко мнѣ.

Нарывъ созрѣвалъ медленно-медленно, несмотря на дважды произведенныя мною насѣчки. Опять больной раздуло шею, опять она ничего не могла глотать. Я видѣлъ, какъ съ каждымъ днемъ все холоднѣе встрѣчаютъ меня и мужъ и жена, какъ все больше сгущается атмосфера какого-то прямо отвращенія ко мнѣ. Теперь мнѣ тяжело было итти къ нимъ, тяжело было осматривать сосредоточенно молчащую больную и дѣлать распоряженія мужу, который выслушивалъ меня, стараясь не смотрѣть въ глаза. Вмѣстѣ съ этимъ у нихъ явилась по отношенію ко мнѣ какая-то преувеличенная, изысканная вѣжливость; ясно чувствовалось недовѣріе и отвращеніе ко мнѣ, но и то и другое тщательно прикрывалось этою вѣжливостью, которая лишала меня возможности поставить вопросъ прямо и отказаться отъ дальнѣйшаго лѣченія. Да это, въ сущности, и не было недовѣріемъ: я просто являлся символомъ и спутникомъ всѣмъ надоѣвшаго, всѣхъ истомившаго страданія, и, какъ олицетвореніе этого страданія, я сталъ ненавистенъ и противенъ.

Больная наконецъ выздоровѣла. Мы простились наружно очень хорошо; но когда, недѣлю спустя, я встрѣтился съ мужемъ въ фойе театра, онъ вдругъ сдѣлалъ озабоченное лицо и, отвернувшись, быстро прошелъ мимо, какъ будто не замѣтивъ меня.

Нужно ко всему этому привыкнуть, не нужно тяготиться такимъ отношеніемъ, потому что это лежитъ въ самой сути дѣла. Но часто, особенно съ неизлѣчимыми хроническими больными, вся сила привычки и всѣ усилія воли не могутъ устоять передъ взрывами ярой ненависти отчаявшагося больного къ врачу. Высшую радость для врача составляетъ воз-

можность отказаться отъ такого больного, но, при всей своей ненависти, больной часто цѣпко держится за врача и ни за что не хочетъ его перемѣнить. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Италіи, около Милана, произошелъ такой случай. Д-ръ Франческо Бертола лѣчилъ одного сапожника, находившагося въ послѣдней стадіи легочной чахотки. Состояніе больного все ухудшалось. Потерявъ терпѣніе, онъ сталъ осыпать врача ругательствами, называя его при каждомъ посѣщеніи шарлатаномъ, невѣждою и т. п. Убѣдившись, что больной окончательно его возненавидѣлъ, д-ръ Бертола заявилъ ему, что отъ дальнѣйшаго лѣченія онъ вынужденъ отказаться. Это рѣшеніе привело больного въ изступленіе. На слѣдующій день онъ подкараулилъ врача на улицѣ.

— Возьметесь вы снова за лѣченіе или нѣтъ? — спросилъ сапожникъ.

Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ всадилъ доктору въ животъ большой кухонный ножъ. Врачъ упалъ съ распоротымъ животомъ; одновременно упалъ и убійца-больной, у котораго хлынула кровь горломъ. Оба были тотчасъ подняты и свезены въ одну и ту же больницу; тамъ оба они и умерли.

Вся дѣятельность врача сплошь заполнена моментами страшно-нервными, которые почти безъ перерыва бьютъ по сердцу. Неожиданное ухудшеніе въ состояніи поправляющагося больного, неизлѣчимый больной, требующій отъ тебя помощи, грозящая смерть больного, всегдашняя возможность несчастнаго случая или ошибки, наконецъ самая атмосфера страданій и горя, окружающая тебя, — все это непрерывно держитъ душу въ состояніи какой-то смутной, неуспокаивающейся тревоги. Состояніе это не всегда сознается. Но вотъ выдается рѣдкій день, когда у тебя все благополучно: умершихъ нѣтъ, больные всѣ поправляются, отношеніе къ тебѣ хорошее, — и тогда, по неожиданно охватившему тебя чувству глубокаго облегченія и спокойствія, вдругъ поймешь, въ какомъ нервно-приподнятомъ состояніи живешь все время. Бываетъ, что совершенно падаютъ силы нести такую жизнь; охватитъ такая тоска, что хочется бѣжать, бѣжать подальше, всѣхъ сбыть съ рукъ, хоть на время почувствовать себя свободнымъ и спокойнымъ.

Такъ жить всегда—невозможно. И вотъ кое къ чему у меня ужъ начинаетъ вырабатываться спасительная привычка. Я ужъ не такъ, какъ прежде, страдаю отъ ненависти и несправедливости больныхъ; меня не такъ ужъ рѣжутъ по сердцу ихъ страданія и безпомощность. Тяжелые больные особенно поучительны для врача; раньше я не понималъ, какъ могутъ

товарищи мои по больницѣ всего охотнѣе брать себѣ палаты съ «интересными» трудно-больными; я, напротивъ, всячески старался отдѣлываться отъ такихъ больныхъ; мнѣ было тяжело смотрѣть на эти изсохшія тѣла съ отслаивающимся мясомъ и загнивающею кровью, тяжело было встрѣчаться съ обращенными на тебя надѣющимися взглядами, когда такъ ничтожно-мало можешь помочь. Постепенно я съ этимъ свыкся.

Сталъ я свыкаться и вообще съ той атмосферой постоянныхъ страданій, въ которой приходится жить и дѣйствовать. Я чувствую, что во мнѣ постепенно начинаетъ вырабатываться совершенно особенное отношеніе къ больнымъ: я держусь съ ними мягко и внимательно, добросовѣстно стараюсь сдѣлать все, что̀ могу, но — съ глазъ долой, и съ сердца долой. Я сижу дома въ кружкѣ добрыхъ знакомыхъ, болтаю, смѣюсь; нужно съѣздить къ больному; я ѣду, дѣлаю, что̀ нужно, утѣшаю мать, плачущую надъ умирающимъ сыномъ; но, воротившись, я сейчасъ же вхожу въ прежнее настроеніе, и на душѣ не остается мрачнаго слѣда. «Больной», съ которымъ я имѣю дѣло, какъ врачъ,—это нѣчто совершенно другое, чѣмъ просто больной человѣкъ,—даже не близкій, а хоть сколько-нибудь знакомый; за этихъ я способенъ болѣть душою, чувствовать вмѣстѣ съ ними ихъ страданія; по отношенію же къ первымъ способность эта все больше исчезаетъ; и я могу понять одного моего пріятеля-хирурга, гуманнѣйшаго человѣка, который, когда больной вопитъ подъ его ножомъ, съ совершенно искреннимъ изумленіемъ спрашиваетъ его:

— Чудакъ, чего жъ ты кричишь?

Мнѣ понятно, какъ Пироговъ, съ его чуткимъ, отзывчивымъ сердцемъ, могъ позволить себѣ ту возмутительную выходку, о которой онъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ. «Только однажды въ моей практикѣ, — пишетъ онъ: — я такъ грубо ошибся при изслѣдованіи больного, что, сдѣлавъ камнесѣченіе, не нашелъ въ мочевомъ пузырѣ камня. Это случилось именно у робкаго, богобоязненнаго старика; раздосадованный на свою оплошность, я былъ такъ неделикатенъ, что измученнаго больного нѣсколько разъ послалъ къ чорту.

«— Какъ это вы Бога не боитесь, — произнесъ онъ томнымъ, умоляющимъ голосомъ:—и призываете нечистаго злого духа, когда только имя Господне могло бы облегчить мои страданія!»

Это—странное свойство души притупляться подъ вліяніемъ привычки въ совершенно опредѣленномъ, часто очень узкомъ отношеніи, оставаясь во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ неизмѣнною. Раньше я не могъ себѣ представить, а теперь убѣжденъ,

что даже тюремщикъ и палачъ способны искренно и горячо откликаться на все доброе, если только это доброе лежитъ внѣ сферы ихъ спеціальности.

Я замѣчаю, какъ все больше начинаю привыкать къ страданіямъ больныхъ, какъ въ отношеніяхъ съ ними руководствуюсь не непосредственнымъ чувствомъ, а головнымъ сознаніемъ, что держаться слѣдуетъ такъ-то. Это привыканіе даетъ мнѣ возможность жить и дышать, не быть постоянно подъ впечатлѣніемъ мрачнаго и тяжелаго; но такое привыканіе врача въ то же время возмущаетъ и пугаетъ меня,—особенно тогда, когда я вижу его обращеннымъ на самого себя.

Ко мнѣ пріѣхала изъ провинціи сестра; она была учительницей въ городской школѣ, но два года назадъ должна была уйти вслѣдствіе болѣзни: отъ переутомленія у нея развилось полное нервное истощеніе; слабость была такая, что дни и ночи она лежала въ постели, звонокъ вызывалъ у нея припадки судорогъ, спать она совсѣмъ не могла, стала злобною, мелочною и раздражительною. Двухгодичное лѣченіе не повело ни къ чему. И вотъ она пріѣхала къ столичнымъ врачамъ. Я не узналъ ее, такъ она похудѣла и поблѣднѣла; глаза стали большіе, окруженные синевою, съ страннымъ нервнымъ блескомъ; прежде энергичная, полная жажды дѣла, она была теперь вяла и равнодушна ко всему. Я поѣхалъ съ нею къ знаменитому невропатологу.

Намъ долго пришлось дожидаться: пріемъ былъ громадный. Наконецъ мы вошли въ кабинетъ. Профессоръ, съ веселымъ, равнодушнымъ лицомъ, сталъ разспрашивать сестру; на каждый ея отвѣтъ онъ кивалъ головою и говорилъ: «прекрасно!» Потомъ сѣлъ писать рецептъ.

— Могу я надѣяться на выздоровленіе?—спросила сестра дрогнувшимъ голосомъ.

— Конечно, конечно!—благодушно отвѣтилъ профессоръ.— Тысячи тѣмъ же больны, чѣмъ вы,—поправитесь! Вотъ мы вамъ назначимъ ванны, два раза въ недѣлю, потомъ...

Мнѣ становилось все противнѣе смотрѣть на это веселое, равнодушное лицо, слушать этотъ тонъ, какимъ говорятъ только съ маленькими дѣтьми. Вѣдь тутъ цѣлая трагедія: полгода назадъ мать, случайно вошедши къ сестрѣ, вырвала изъ ея рукъ морфій, которымъ она хотѣла отравиться, чтобъ не жить недужнымъ паразитомъ... И вотъ этотъ противный тонъ, эта развязность, показывающая, какъ мало дѣла всѣмъ постороннимъ до этой трагедіи.

Сестра стояла молча, и изъ ея глазъ непроизвольно текли крупныя слезы; гордая, она досадовала, что не можетъ ихъ

удержать, и онѣ капали еще чаще. Ея большое горе было опошлено и измельчено, такихъ, какъ она—тысячи, и ничего въ ея горѣ нѣтъ ни для кого ужаснаго... А она такъ ждала его совѣта, такъ надѣялась!

— Ну во-отъ!.. Ну, это, барышня, ужъ совсѣмъ нехорошо!—воскликнулъ профессоръ, увидѣвъ ея слезы.—Ай-ай-ай, какой срамъ! Плакать, а!.. Полноте, полноте!..

И опять все въ его тонѣ говорило, что профессоръ каждый день видитъ десятки такихъ плачущихъ, и что для него эти слезы—просто капли соленой воды, выдѣляемыя изъ слезныхъ железокъ расшатанными нервами.

Мы молча вышли, молча сѣли на извозчика. Сестра наклонилась, прижала къ губамъ муфту — и вдругъ разрыдалась, злобно давя рыданія и все-таки не въ силахъ ихъ сдержать.

— Не стану я принимать его глупыхъ лѣкарствъ!—воскликнула она и, выхвативъ рецептъ, разорвала его въ клочки. Я не протестовалъ; у меня въ душѣ было то же чувство, и всякая вѣра пропала въ лѣченіе, назначенное этимъ равнодушнымъ, самодовольнымъ человѣкомъ, которому такъ мало дѣла до чужого горя...

А вечеромъ въ тотъ же день я думалъ: гдѣ же найти границу, при которой могли бы жить и врачъ и больной, и сумѣю ли я самъ всегда удержаться на этой границѣ?..

XIX.

Какъ-то ночью ко мнѣ въ квартиру раздался сильный звонокъ. Горничная сообщила мнѣ, что зовутъ къ больному. Въ передней стоялъ высокій, угреватый молодой человѣкъ въ фуражкѣ почтоваго чиновника.

— Пожалуйста, докторъ, нельзя ли поскорѣе посѣтить больную!—взволнованно заговорилъ онъ. — Дама одна умираетъ... Тутъ недалеко, сейчасъ за угломъ...

Я одѣлся, и мы пошли съ нимъ.

— Что̀ случилось съ вашею больною? Давно она больна?—спросилъ я своего спутника.

Онъ съ недоумѣніемъ пожалъ плечами.

— Прямо не понимаю!.. Что̀ такое, Господи!.. Она — жена моего товарища; я у нихъ живу въ нахлѣбникахъ... Вечеромъ пріѣхала съ мужемъ изъ гостей, — шутила, смѣялась. А сейчасъ мужъ будитъ меня, говоритъ: помираетъ; послалъ за вами... Отчего это случилось, положительно не могу опредѣлить!

Мы поднялись на четвертый этажъ по темной и крутой лѣстницѣ, освѣщая дорогу спичками. Спутникъ мой быстро

позвонилъ. Намъ открылъ дверь молодой, смуглый мужчина съ черною бородкою, въ одной жилеткѣ.

— Докторъ... Ради Бога!..—прорыдалъ онъ.—Поскорѣе!..

Онъ ввелъ меня въ спальню. На широкой двухспальной кровати, согнувшись, головою къ стѣнѣ, неподвижно лежала молодая женщина. Я взялся за пульсъ, — рука была холодна и тяжела, пульса не было; я положилъ молодую женщину на спину, посмотрѣлъ глазъ, выслушалъ сердце... Она была мертва. Я медленно выпрямился.

— Ну что? — спросилъ мужъ.

Я съ сожалѣніемъ пожалъ плечами.

— Умерла?! — захлебнулся онъ, и вдругъ, глядя на меня остановившимися, выпученными глазами, быстро, коротко зарыдалъ, словно залаялъ; онъ какъ будто не могъ оторвать взгляда отъ моихъ глазъ, трясясь и рыдая этимъ страннымъ, отрывистымъ, похожимъ на быстрый лай рыданіемъ.

— Успокойтесь... Ну что же дѣлать! — сказалъ я, кладя ему руку на рукавъ.

Онъ тяжело опустился на стулъ и, раскачиваясь всѣмъ тѣломъ, схватился за голову. Стоявшая у комода дѣвушка въ ночной кофтѣ и вязаной юбкѣ громко заплакала.

Умершая холодѣла. Молодая и прекрасная, въ обшитой кружевами рубашкѣ, она лежала средь смятыхъ простынь, еще, казалось, полныхъ тепломъ постели.

— Какъ все это произошло? — спросилъ я.

— Совсѣмъ была здорова! — выкрикнулъ мужъ.—Вечеромъ изъ гостей пріѣхали... Ночью просыпаюсь, вижу,—лежитъ какъ-то бокомъ. Тронулъ ее за плечо,—не шевелится, холодная... Господи, Господи, Господи!—повторялъ онъ, крутя на себѣ волосы.—Оо-оо-оо!.. Ваня, да что же это такое?!

Мой спутникъ жалко заморгалъ глазами.

— Ну, голубчикъ! Сережа! Ну что же дѣлать! — печально и упрашивающе произнесъ онъ.—Божья воля! Вонъ у Чепракова, самъ знаешь, то же было, — что жъ подѣлаешь противъ Бога?

— Да вѣдь... сейчасъ только!.. На-астенька! Настя!..

Дѣвушка одѣлась и пошла послать дворника за матерью умершей. Товарищъ продолжалъ утѣшать мужа. Мнѣ было нечего дѣлать, — я всталъ уходить.

— Сейчасъ, докторъ. Одну минутку... Будьте добры!—быстро проговорилъ мужъ.

Продолжая рыдать, онъ поспѣшно выдвинулъ ящикъ комода, порылся въ немъ и протянулъ мнѣ три рубля.

— Не надо!—сказалъ я, нахмурившись и отводя его руку.

— Нѣтъ, докторъ, какъ же такъ?—встрепенулся онъ.—Съ какой стати? Нѣтъ, ужъ, пожалуйста!..

Пришлось взять. Я воротился домой. Мнѣ было тяжело и обидно, полученные три рубля жгли мнѣ карманъ: какимъ грубымъ и рѣзкимъ диссонансомъ они ворвались въ ихъ горе!

Мнѣ представлялось, что такъ у меня на глазахъ умерла моя жена,—и въ это время искать какіе-то три рубля, чтобъ заплатить врачу! Да будь всѣ врачи ангелами, одно это оплачиваніе ихъ помощи въ то время, когда кажется, что весь міръ долженъ замереть отъ горя,—одно это способно внушить къ нимъ брезгливое и враждебное чувство. Такое именно чувство, глядя на себя со стороны, я и испытывалъ къ себѣ.

О, эта плата! Какъ много времени должно было пройти, чтобы хоть сколько-нибудь свыкнуться съ нею! Каждый твой шагъ отмѣчается рублемъ, звонъ этого рубля непрерывно стоитъ между тобою и страдающимъ человѣкомъ. Сколько осложненій онъ вызываетъ въ отношеніяхъ, какъ часто мѣшаетъ дѣлу и связываетъ руки...

Особенно тяготилъ меня первое время самый способъ оцѣнки врачебнаго труда,—плата врачу не за *излѣченіе,* а просто за *лѣченіе.* При теперешнемъ состояніи науки иначе и быть не можетъ; но все-таки казалось дикимъ и безсмысленнымъ получать деньги за трудъ, не принесшій никому пользы. Года три назадъ одинъ ліонскій врачъ лѣчилъ больную внутриматочными впрыскиваніями іода; больная не поправлялась. Мужъ больной, состоятельный человѣкъ, вмѣсто уплаты гонорара, предъявилъ искъ къ врачу въ 10.000 франковъ за причиненный якобы вредъ здоровью его жены. Судъ отказалъ истцу въ искѣ и приговорилъ его уплатить врачу шестьсотъ франковъ за лѣченіе, *такъ какъ врачъ при лѣченіи употреблялъ способъ, выработанный наукою, и поэтому не можетъ быть отвѣтственъ за неудачу лѣченія.*

Ну, а чѣмъ же виноватъ больной, который обращается къ врачу за помощью, а долженъ ему платить за удовольствіе безрезультатно лѣчиться по «способу, выработанному наукою»? Сганарель въ мольеровскомъ «Le médecin malgré lui» говоритъ: «Я нахожу, что ремесло врача — самое выгодное изъ всѣхъ: дѣлаешь ли ты свое дѣло хорошо или худо, тебѣ всегда одинаково платятъ. Неудача никогда не обрушивается на наши спины, и мы кроимъ, какъ намъ угодно, матерію, надъ которою работаемъ. Если башмачникъ, дѣлая башмаки, испортитъ кусочекъ кожи, онъ долженъ будетъ заплатить убытки; но здѣсь можно испортить человѣка, ничѣмъ не платясь за это». Въ этихъ словахъ Сганареля, какъ и вообще въ отзывахъ

Мольера о врачахъ, много убійственно-вѣрнаго. Дѣло только въ томъ, что для насмѣшки тутъ совершенно нѣтъ мѣста: передъ нами опять одна изъ тѣхъ сложныхъ, тяжелыхъ несообразностей, которыми такъ томительно-обильно врачебное дѣло. Ліонскій судъ нашелъ, что обвиняемый врачъ «употреблялъ способъ, выработанный наукою, и поэтому не можетъ быть отвѣтственъ за неудачу лѣченія». Мольеръ устами субретки Туанетты (въ «Le malade imaginaire») насмѣшливо замѣтитъ: «Ну, конечно! Вы, врачи, находитесь при больныхъ только для того, чтобъ получать ваши гонорары и дѣлать назначенія; а остальное—ужъ дѣло самихъ больныхъ: пусть поправляются, если могутъ». И на это приходится совершенно серьезно отвѣтить словами, которыми у Мольера карикатурный докторъ Діафойрусъ отвѣчаетъ Туанеттѣ: «Celà est vrai! On n'est obligé qu'à traiter les gens dans les formes». Да, именно, — мы только обязаны лѣчить людей по всѣмъ правиламъ науки. И не наша вина, что эта наука такъ несовершенна. Если бы врачъ получалъ вознагражденіе только за успѣшное лѣченіе, то, щадя свой трудъ, онъ не сталъ бы браться за лѣченіе сколько-нибудь серьезной болѣзни, такъ какъ поручиться за ея излѣченіе онъ никогда не можетъ.

Вначалѣ вообще всякая плата, которую мнѣ приходилось получать за мой врачебный совѣтъ, страшно тяготила меня; она принижала меня въ моихъ собственныхъ глазахъ и грязнымъ пятномъ ложилась на мое дѣло. Я не понималъ, какъ могли западно-европейскіе врачи дойти до такого цинизма, чтобъ ввести въ обычай посылку паціентамъ счетовъ за лѣченіе. Счетъ за лѣченіе! Какъ будто врачъ—торговецъ, и его отношеніе къ паціенту можно усчитывать, словно какую-нибудь бакалею, франками и марками! Какъ вольтеровскій идеальный врачъ, я принималъ плату «не иначе, какъ съ сожалѣніемъ», и пользовался всякимъ предлогомъ, чтобъ отказаться отъ нея. Первые два года я нанималъ въ Петербургѣ комнату отъ хозяйки. Хозяйка часто обращалась къ моей врачебной помощи и первое время при прощаніи вручала мнѣ деньги.

— Полноте! Что̀ вы?—оскорбленнымъ голосомъ говорилъ я и втискивалъ деньги обратно въ ея ладонь.

Хозяйка, скрывая улыбку, прятала деньги въ карманъ; а я изъ ея просторной спальни шелъ въ свою узкую и темную комнату возлѣ кухни и садился за переписку, по пятнадцати копеекъ съ листа, какого-то доклада объ элеваторахъ, чтобъ заработать денегъ на плату той же хозяйкѣ за свою комнату.

Древне-русскіе иноки-цѣлители не знали платы за лѣ-

ченіе; они были «врачами безмездными». На мой взглядъ, эта «безмездность» необходимо должна была лежать въ основѣ высокой дѣятельности каждаго врача. Плата — это лишь печальная необходимость, и чѣмъ меньше она будетъ замѣшиваться въ отношенія между врачомъ и больнымъ, тѣмъ лучше; она дѣлаетъ эти отношенія неестественными и напряженными и часто положительно связываетъ руки. Больной поправляется, но онъ еще слабъ, за нимъ необходимо внимательно слѣдить; а близкіе вѣжливо говорятъ мнѣ: «Теперь ему, слава Богу, лучше; если станетъ хуже, вы ужъ будьте добры, не откажитесь снова навѣстить насъ». На это возможенъ только одинъ отвѣтъ: «Я долженъ продолжать навѣщать его и теперь, — сами вы не въ состояніи опредѣлить, когда ему понадобится моя помощь». Но это значило бы въ то же время: «Продолжай платить мнѣ за визиты». И единственнаго нужнаго отвѣта не даешь, и оставляешь больного на произволъ судьбы.

Когда я читалъ въ газетахъ, что какой-нибудь врачъ взыскиваетъ съ паціента гонораръ судомъ, мнѣ становилось стыдно за свою профессію, въ которой возможны такіе люди; мнѣ ясно рисовался образъ этого врача, — черстваго и алчнаго, видящаго въ страданіяхъ больного лишь возможность получить съ него столько-то рублей. Зачѣмъ онъ пошелъ во врачи? Шелъ бы въ торговцы или подрядчики, или открылъ бы кассу ссудъ.

Я вступилъ въ жизнь. Я ближе увидѣлъ отношеніе больныхъ къ врачамъ, ближе узналъ своихъ товарищей-врачей. И постепенно прежніе мои взгляды стали значительно мѣняться. У меня былъ товарищъ-врачъ, спеціалистъ по массажу. Онъ въ теченіе двухъ лѣтъ лѣчилъ семью одного богатаго коммерсанта. Коммерсантъ, очень интеллигентный господинъ и вполнѣ «джентльменъ», задолжалъ товарищу около двухсотъ рублей. Прошло полгода. Товарищу были очень нужны деньги. Онъ написалъ комерсанту вѣжливое письмо, гдѣ просилъ его прислать деньги. Коммерсантъ въ тотъ же день самъ пріѣхалъ къ нему, привезъ деньги и разсыпался въ извиненіяхъ.

— Ради Бога, докторъ, простите!.. Мнѣ такъ неловко, что я заставилъ васъ ждать! Совсѣмъ изъ головы вонъ. Знаете, такая масса дѣлъ,—то, другое,—поневолѣ иной разъ забудешь! Пожалуйста, простите,—виноватъ!

Но все время онъ называлъ товарища не по имени и отчеству, а «докторъ», все время держался съ тою изысканною вѣжливостью, которою люди прикрываютъ свое брезгливое отношеніе къ человѣку.

Съ этихъ поръ коммерсантъ пересталъ обращаться за по-

мощью къ товарищу. Въ своихъ дѣлахъ онъ, конечно, не считалъ предосудительнымъ предъявлять кліентамъ векселя и счеты; но врачъ, который въ свое дѣло замѣшиваетъ деньги... Такой врачъ, въ его глазахъ, не стоялъ на высотѣ своей профессіи.

Поведеніе коммерсанта поразило меня и заставило сильно задуматься; оно было безобразно и безсмысленно, а между тѣмъ въ основѣ его лежалъ именно тотъ возвышенный взглядъ на врача, который цѣликомъ раздѣлялъ и я. По мнѣнію коммерсанта, врачъ долженъ стыдиться, — чего? Что ему нужно ѣсть и одѣваться, и что онъ требуетъ вознагражденія за свой трудъ! Врачъ можетъ весь свой трудъ отдавать обществу даромъ, но кто же сами-то эти безкорыстные и самоотверженные люди, которые считаютъ себя въ правѣ требовать этого отъ врача?

Да, за свой трудъ, какъ всякій работникъ, врачъ имѣетъ право получать вознагражденіе, и ему нечего стыдиться этого; ему нечего принимать плату тайно и конфузливо, какъ какую-то позорную, незаконную взятку. Обществу извѣстны свѣтлые образы самоотверженныхъ врачей-безсребренниковъ, и такими оно хочетъ видѣть всѣхъ врачей. Желаніе, конечно, вполнѣ понятное; но вѣдь было бы еще лучше, если бы и само общество состояло сплошь изъ идеальныхъ людей. Средній врачъ есть обыкновенный средній человѣкъ, и отъ него можно требовать лишь того, чего можно требовать отъ средняго человѣка. И если онъ не желаетъ трудиться даромъ, то какое право имѣютъ клеймить его за корыстолюбіе люди, которые свой собственный трудъ умѣютъ оцѣнивать весьма зорко и старательно?

Не такъ давно г. Эмъ-Ге разсказывалъ въ газетѣ «Сынъ Отечества», какъ одинъ его знакомый обратился къ нему съ просьбою «пропечатать» въ газетѣ врача, подавшаго на этого знакомаго въ судъ за неуплату гонорара.

— А отчего вы не заплатили ему? — спросилъ сотрудникъ газеты.

— Да такъ, знаете,—праздники подходятъ, дачу нанимать, дѣтямъ лѣтніе костюмчики, ну, все такое прочее...

Вотъ она, обратная сторона возвышеннаго взгляда на врачей. Врачъ долженъ быть безкорыстнымъ подвижникомъ,—ну, а мы, простые смертные, будемъ на его счетъ нанимать себѣ дачи и веселиться на праздникахъ. Одинъ врачъ разсказалъ мнѣ такой случай изъ своей практики.

«Пріѣзжаетъ ко мнѣ дама, проситъ навѣстить ея больного сына. Ѣду. Небольшая, но очень уютная и милая квартирка;

сынъ-гимназистъ лежитъ въ тифѣ. Я спрашиваю, лѣчилъ ли его кто-нибудь раньше. Мать брезгливо поморщилась.

«— Да, — говоритъ,—его д-ръ N. лѣчилъ... Скажите, пожалуйста, докторъ, отчего среди врачей такъ много безсердечныхъ, корыстолюбивыхъ людей? Этотъ д-ръ N. пріѣхалъ разъ, осмотрѣлъ Васю; приглашаю его во второй разъ,—я, говоритъ, ужъ знаю его болѣзнь, могу и такъ, не видя, прописать вамъ рецептъ...

«Я согласился, что это очень нехорошо. Осмотрѣлъ мальчика, назначилъ лѣченіе, ухожу. Мать провожаетъ меня, благодаритъ и... ничего! Пожала руку, «очень вамъ благодарна»,— только и всего. Дня черезъ три является снова звать меня.

«— Я,—говорю,—ужъ знаю болѣзнь вашего мальчика, могу и такъ, не видя, прописать вамъ рецептъ...

«Барыня взяла рецептъ, въ негодованіи встала и, не прощаясь, ушла».

Барыня эта, конечно, много и горячо будетъ всѣмъ разсказывать о корыстолюбіи нашихъ врачей. И удивительно, съ какою увѣренностью въ своей правотѣ распространяютъ свои разсказы подобные люди, и съ какимъ сочувствіемъ встрѣчаетъ общество эти разсказы. Въ № 248 «Рижскаго Вѣстника» за 1892 годъ было помѣщено письмо въ редакцію слѣдующаго содержанія:

21-го сентября сего года, по случаю болѣзни моей дочери, былъ приглашенъ ко мнѣ въ домъ докторъ Гордонъ. Пробывъ минутъ десять у больной, г. Гордонъ уѣхалъ съ обѣщаніемъ пріѣхать на другой день опять. За визитъ ему было заплачено одинъ рубль. Черезъ полчаса послѣ его ухода моя дочь получаетъ отъ него визитную карточку, на которой написано слѣдующее: „Милостивая государыня! Въ виду неопасности вашего положенія совѣтую вамъ впредь обращаться къ врачу поближе. Я же меньше, чѣмъ за три рубля, не ѣду на домъ и меньше, чѣмъ за два, не принимаю у себя. Пребываю съ почтеніемъ Л. Гордонъ“. Не мѣшало бы г. Гордону, печатая о себѣ объявленія въ газетахъ, прибавлять къ нимъ также свою таксу визитовъ. Тогда, по крайней мѣрѣ, онъ не будетъ ошибаться въ своихъ расчетахъ. *А. Ивановъ.*

Трудъ врача,—писалъ въ своемъ возраженіи д-ръ Гордонъ: — не можетъ правильно оцѣниваться опредѣленнымъ, разъ навсегда положеннымъ гонораромъ. Безсонная ночь, проведенная у постели бѣдняка-больного, вполнѣ оплачивается сознаніемъ исполненнаго долга; пользуя же больного состоятельнаго, врачъ въ правѣ претендовать и на соотвѣтствующую труду его матеріальную оцѣнку. У врача, безъ сомнѣнія, много святыхъ обязанностей въ отношеніи ближняго; но должны же быть кое-какія обязанности и по отношенію къ врачу со стороны больного или окружающихъ его... Перехожу къ случаю, бывшему въ моей практикѣ. 21-го сентября сего года меня просили „немедленно поѣхать“ къ больной на Курмановскую улицу, на Московскій форштадтъ, что я исполнилъ по возможности скоро. У постели больной я, ничуть не спѣша, остался ровно столько, сколько требовалъ, на мой взглядъ, данный случай.

По пріѣздѣ домой я расплатился съ извозчикомъ, которому пришлось отдать большую половину гонорара. Остаткомъ отъ рублеваго гонорара я, дѣйствительно, остался недоволенъ. Въ виду кропотливости дальнѣйшаго лѣченія хроническаго страданія больной, я рѣшился предложить ей свои условія, на которыя ей вольно было согласиться, или нѣтъ.

Этотъ случай очень характеренъ. Господинъ Ивановъ, — замѣтьте, человѣкъ состоятельный, — заставляетъ врача «немедленно» пріѣхать къ себѣ съ другого конца такого большого города, какъ Рига, потраченное врачомъ время оплачиваетъ тридцатью-сорока копейками, — и не себя, а врача же пригвождаетъ къ позорному столбу за корыстолюбіе! И газета печатаетъ его письмо, и читатели возмущаются врачомъ...

Будучи даже обыкновеннымъ среднимъ человѣкомъ, врачъ все-таки, въ силу самой своей профессіи, дѣлаетъ больше добра и проявляетъ больше безкорыстія, чѣмъ другіе люди. Единственный кормилецъ семьи тяжело боленъ, семья голодаетъ,—врачъ не беретъ платы за лѣченіе. Несомнѣнно, что и всякій другой сколько-нибудь порядочный человѣкъ при такихъ обстоятельствахъ не взялъ бы денегъ. Разница только та, что другой *не взялъ бы*, а врачъ *не беретъ*, — это очень немалая разница. Для обыкновеннаго средняго человѣка доброе дѣло есть нѣчто экстраординарное и очень рѣдкое, для средняго врача оно совершенно обычно. У большинства врачей есть пріемные часы для безплатныхъ, въ большинствѣ городовъ существуютъ безплатныя амбулаторіи, и никогда нѣтъ недостатка во врачахъ, соглашающихся работать въ нихъ даромъ. По подсчету проф. Сикорскаго, въ главнѣйшихъ амбулаторныхъ пунктахъ г. Кіева (Красный Крестъ, Покровская община и друг.) было подано въ 1895 году свыше 138.000 безплатныхъ врачебныхъ совѣтовъ. Если оцѣнить каждый совѣтъ только въ 25 коп., если допустить, что у себя на дому и при посѣщеніяхъ врачи со всѣхъ берутъ плату, то все-таки выйдетъ, что двѣсти кіевскихъ врачей ежегодно жертвуютъ на бѣдныхъ около тридцати пяти тысячъ рублей... Читатель, сколько въ годъ жертвуете на бѣдныхъ вы?

Если бы люди всѣхъ профессій,—адвокаты, чиновники, фабриканты, помѣщики, торговцы,—дѣлали для несостоятельныхъ людей столько же, сколько въ предѣлахъ своей профессіи дѣлаютъ врачи, то самый вопросъ о бѣдныхъ до нѣкоторой степени потерялъ бы свою остроту. Но суть въ томъ, что врачи должны быть безкорыстными, а остальные... остальные могутъ довольствоваться тѣмъ, чтобъ требовать этого безкорыстія отъ врачей.

Лѣтъ двадцать назадъ въ Кіевѣ произошелъ такой случай. Д-ръ Проценко былъ приглашенъ на домъ къ одному боль-

пому; онъ осмотрѣлъ его, но, узнавъ, что у больного нѣтъ средствъ заплатить за визитъ, ушелъ, не сдѣлавъ назначенія. Докторъ былъ привлеченъ къ суду и приговоренъ къ штрафу и аресту на мѣсяцъ на гауптвахтѣ. Многочисленная публика, наполнявшая судебную залу, встрѣтила приговоръ аплодисментами и криками «браво!».

Поступокъ доктора Проценко былъ возмутителенъ, — объ этомъ не можетъ быть и спору; но вѣдь интересна и психологія публики, горячо поаплодировавшей обвинительному приговору — и спокойно разошедшейся послѣ этого по домамъ; расходясь, она говорила о жестокосердномъ корыстолюбіи врачей, но ей и въ голову не пришло хоть грошомъ помочь тому бѣдняку, изъ-за котораго былъ осужденъ д-ръ Проценко. Я представляю себѣ, что этотъ бѣднякъ умѣлъ логически и послѣдовательно мыслить. Онъ подходитъ къ первому изъ публики и говоритъ:

— Какъ вы слышали, на судѣ было съ несомнѣнностью доказано, что я бѣденъ и не имѣлъ средствъ заплатить врачу; вы легко догадаетесь, что мнѣ нужно не только лѣчиться, но и ѣсть; дѣти мои тоже голодаютъ... Потрудитесь дать мнѣ рубля два-три.

— Прежде всего, голубчикъ, если ты этого *требуешь*, то я тебѣ ничего не дамъ,—отвѣчаетъ господинъ, удивленный такой развязностью.—А если ты *просишь*, то, пожалуй, для спасенія своей души я дамъ тебѣ пятачокъ; возьми и поминай раба Божія такого-то.

— Нѣтъ-съ, я не прошу, а требую, и не какого-нибудь пятачка, а по крайней мѣрѣ рубля два-три. Визитъ врача стоитъ около этого, а вы видѣли, что̀ съ нимъ сдѣлали за то, что онъ отказалъ мнѣ въ помощи,—и вы сами рукоплескали его осужденію. Если вы мнѣ не дадите трехъ рублей, то я и васъ посажу на скамью подсудимыхъ.

Возмущенный господинъ, разумѣется, зоветъ городового и, при всеобщемъ сочувствіи публики, велитъ отправить нахала въ участокъ. И тамъ бѣднякъ узнаётъ, что не всегда можно мыслить послѣдовательно, что врача за отсутствіе безкорыстія можно упрятать въ тюрьму, а всѣ остальные люди пользуются правомъ невозбранно распоряжаться своимъ кошелькомъ и трудомъ; за отказъ въ помощи умирающему съ голоду человѣку имъ предоставляется право вѣдаться только съ собственною совѣстью, и если совѣсть эта достаточно тверда, то они могутъ гордо нести свои головы и пользоваться всеобщимъ почетомъ.

XX.

Первый долгъ всякаго врача есть: быть человѣколюбивымъ и во всякомъ случаѣ готовымъ къ оказанію дѣятельной помощи всякаго званія людямъ, болѣзнями одержимымъ. Посему всякій врачъ обязанъ по приглашенію больныхъ являться для поданія имъ помощи. Кто этого не сдѣлаетъ безъ особыхъ законныхъ къ тому препятствій, тотъ, за такую неисправность и неуваженіе къ страждущему человѣчеству, подвергается штрафу не свыше ста рублей и къ аресту на время отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ.

Такъ гласитъ 81 ст. Врачебнаго Устава и стт. 872 и 1522 Уложенія о наказаніяхъ. Напрасно во всемъ Сводѣ Законовъ стали бы мы искать другихъ случаевъ, въ которыхъ бы на людей налагалась *юридическая* обязанность «быть человѣколюбивымъ» и устанавливалось наказаніе «за неуваженіе къ страждущему человѣчеству». Подобныя требованія законъ предъявляетъ къ однимъ только врачамъ. Но неужели же страданія человѣчества исчерпываются одними внезапными заболѣваніями людей, и только въ этомъ случаѣ имъ нужна скорая и безотлагательная помощь? Безпріютный человѣкъ можетъ замерзнуть на подъѣздѣ никѣмъ незанятой квартиры, можетъ умереть съ голоду подъ окномъ булочной, — и законъ равнодушно отправитъ трупъ въ полицейскій пріемный покой и ограничится констатированіемъ причины смерти погибшаго; владѣльцы дома и булочной могутъ быть спокойны: они не обязаны быть человѣколюбивыми и уважать страждущее человѣчество. Но если врачъ, истомленный дневнымъ трудомъ и предыдущею безсонною ночью, откажется поѣхать къ больному, является законъ и запрятываетъ «безчеловѣчнаго» врача въ тюрьму.

Заболѣвшаго человѣка нельзя оставлять безъ помощи. Если предоставить врачамъ право отказываться отъ приглашеній, то въ нужную минуту невозможно будетъ добыть врача. У меня въ смертельной опасности близкій, дорогой мнѣ человѣкъ. Я ѣду за врачомъ. Онъ выходитъ ко мнѣ въ прихожую, пережевывая бифштексъ, и хладнокровно заявляетъ: «Я сейчасъ ужинаю, а послѣ ужина лягу спать; ѣхать поздно, поищите другого врача». Въ другомъ мѣстѣ мнѣ отвѣчаютъ, что врача нѣтъ дома, въ третьемъ—что онъ играетъ въ карты и не расположенъ ѣхать. Пока я рыскалъ по городу въ поискахъ за врачомъ, больной умеръ; а могъ бы быть спасенъ. Развѣ не врачи виноваты въ его смерти, и развѣ не заслуживаютъ они тюрьмы?

Но развѣ не владѣльцы домовъ съ незанятыми квартирами виноваты въ безпріютности безпріютныхъ людей, не булоч-

ники—въ голоданіи голодныхъ? Такъ просто и близоруко рѣшать общественные вопросы позволительно только дѣтямъ. Нельзя, чтобъ люди умирали съ голоду и замерзали на улицахъ,—но общество все въ цѣломъ должно организовать для нихъ помощь, а не сваливать заботу на отдѣльныхъ домовладѣльцевъ только потому, что у нихъ есть незанятыя квартиры, и на булочниковъ, потому что они торгуютъ именно хлѣбомъ. Нельзя, чтобъ бѣднякъ умиралъ безъ врачебной помощи, нельзя, чтобъ въ ночное время люди не могли найти врача,—но объ этомъ должно заботиться само же общество, устраивая ночныя дежурства врачей и содержа спеціальныхъ врачей для бѣдныхъ. Въ Англіи, Франціи и Германіи давно отмѣнены законы, обязывающіе врачей лѣчить бѣдныхъ даромъ и являться къ больнымъ по первому призыву.

У насъ общество не хочетъ затруднять себя лишними хлопотами; всю тяжесть оно сваливаетъ со своихъ плечъ на плечи единичныхъ людей и жестоко караетъ ихъ въ случаѣ, если они отказываются нести эту тяжесть. Несправедливость такого порядка вещей бьетъ въ глаза, но такъ какъ она выгодна для общества, то ея не замѣчаютъ и не хотятъ замѣчать. И вотъ, уклоняясь само отъ своей прямой обязанности, общество преисполняется благороднымъ негодованіемъ, когда тѣ, на кого оно свалило эту обязанность, съ недостаточною готовностью исполняютъ налагаемыя на нихъ требованія. Происходитъ нѣчто невѣроятное: люди какъ будто теряютъ пониманіе самыхъ простыхъ вещей, о которыхъ и спорить стыдно; съ недоумѣніемъ спрашиваешь себя,—неужели нравственная слѣпота способна доходить до такихъ предѣловъ?

Вотъ что̀, напримѣръ, писалъ г. А. П—въ въ № 8098 «Новаго Времени»:

Могутъ ли по ночамъ и по праздникамъ болѣть зубы? Должно-быть, не могутъ, судя по словамъ того лица, которое жалуется мнѣ. У насъ обрушиваются на врачей, когда послѣдніе не идутъ совсѣмъ или идутъ неохотно ночью къ больному, а бо̀льшая часть дантистовъ пользуется какою-то особенной привилегіей, въ силу непонятныхъ обычаевъ, отдыхать въ праздники и не тревожить себя ночью. Больной обращался къ нѣсколькимъ дантистамъ и ни одного не могъ увидѣть.

Замѣтка приведена мною совершенно точно; въ ней такъ-таки и напечатано: «какая-то особенная привилегія» и «непонятный обычай». По отношенію къ какому другому работнику повернется языкъ даже у того же г-на А. П—ва сказать, что отдыхать въ праздники есть особенная привилегія, и не тревожить себя по ночамъ — непонятный обычай? По отношенію къ самому себѣ г. А. П—въ наврядъ ли нашелъ бы такой обычай особенно непонятнымъ.

У меня былъ товарищъ по университету, по фамиліи Петровъ. Окончивъ курсъ, онъ поступилъ земскимъ врачомъ въ глухой уѣздъ одной изъ восточныхъ губерній, и я потерялъ его изъ виду. Года два назадъ въ газетахъ, сначала провинціальныхъ, потомъ и столичныхъ, былъ опубликованъ возмутительный случай, героемъ котораго оказался какъ разъ этотъ мой товарищъ. Въ деревнѣ N.,—сообщали газеты,—волостной старшина поѣлъ гнилой рыбы и заболѣлъ. Онъ послалъ въ сосѣднее мѣстечко за земскимъ врачомъ Петровымъ. Петровъ вмѣсто себя прислалъ фельдшера. Больному становилось хуже. Онъ вторично послалъ за врачомъ, но пріѣхалъ опять фельдшеръ. Къ утру старшина умеръ. Какъ сказалось, д-ръ Петровъ былъ въ ту ночь мертвецки-пьянъ. Земство немедленно уволило его. Мѣсяца два имя Петрова не сходило со столбцовъ газетъ и прославилось на всю Россію.

Черезъ полгода я увидѣлъ Петрова у себя въ Петербургѣ; онъ пріѣхалъ искать мѣста и зашелъ ко мнѣ. Загорѣлый и неуклюжій, въ крахмальной манишкѣ, къ которой онъ не привыкъ, Петровъ сидѣлъ, понуривъ лохматую голову, и разсказывалъ мнѣ о случившимся.

— Все такъ и было, какъ въ газетахъ описано, — вѣрно. У насъ была тогда ярмарка; амбулаторный пріемъ въ такіе дни громадный, пришлось принять около двухсотъ человѣкъ,— ты-то поймешь, что̀ это значитъ. А ночь передъ этимъ позвали на роды въ Щегловку, дѣлалъ поворотъ, воротился домой какъ разъ къ пріему, только стаканъ чаю и успѣлъ выпить. На ярмарку съѣхались кой-какіе пріятели. Сѣли мы вечеромъ за винтъ, потомъ выпили. Выпито было, дѣйствительно, основательно... Идетъ этакъ недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, треплютъ тебя во всѣ стороны,—такъ, братъ, иной разъ замутитъ, что и на свѣтъ не глядѣлъ бы. И я ужъ знаю о себѣ: подойдетъ такая линія, — бываетъ это разъ пять-шесть въ годъ,—задашь себѣ встряску, выпьешь, какъ слѣдуетъ, — непремѣнно такъ, чтобъ въ похмельѣ быть, какъ въ аду,—ну, и опять свѣжъ и бодръ... Воротился я, значитъ, домой. Зовутъ къ больному,—«помираетъ». Грѣшный человѣкъ, не могъ ѣхать,—пришлось бы больничному мужику взваливать меня на телѣгу... Ну, вотъ и случилось...

Онъ помолчалъ.

— Ты, братъ, не знаешь, что̀ такое земская служба... Со всѣми нужно ладить, отъ всякаго зависѣть. Больные приходятъ, когда хотятъ, и днемъ и ночью; какъ откажешь? Иной мужикъ ѣдетъ лошадь подковать, проѣздомъ завернетъ и къ тебѣ: нельзя ли пріѣхать, баба помираетъ. Ѣдешь за пять

верстъ: «гдѣ больная?»—«А она сейчасъ рожь ушла жать...» Участокъ у меня въ пятьдесятъ верстъ, два фельдшерскихъ пункта въ разныхъ концахъ, каждый я обязанъ посѣтить по два раза въ мѣсяцъ. Спишь и ѣшь чортъ знаетъ какъ. И это изо дня въ день, безъ праздниковъ, безъ перерыву. Дома сынишка лежитъ въ скарлатинѣ, а ты поѣзжай... Крайне тяжелая служба!

Онъ задумался, положивъ руки на колѣни.

— Служба крайне тяжелая! — повторилъ онъ и снова замолчалъ.—Въ газетахъ пишутъ: «д-ръ Петровъ былъ пьянъ». Вѣрно, я былъ пьянъ, и это очень нехорошо. Всѣ въ правѣ возмущаться. Но сами-то они, — вѣдь девяносто девять изъ нихъ на сто весьма не прочь выпить, не разъ бываютъ пьяны и въ вину этого себѣ не ставятъ. Они только не могутъ понять, что другому человѣку *ни одна минута* его жизни не отдана въ его полное распоряженіе... А это, братъ, охъ, какъ тяжело, — не дай Богъ никому!..

Я позволю себѣ познакомить читателя еще съ одной газетной замѣткой.

„Петербургъ въ настоящее время буквально можетъ быть названъ „безпомощнымъ“, — писалъ въ іюлѣ 1898 г. хроникеръ „Петербургской Газеты“, г. В. П.:—въ теченіе послѣдней недѣли мнѣ три раза пришлось убѣждаться въ томъ, что лѣтомъ столичные обыватели совершенно лишены медицинской помощи. Лѣтомъ петербуржецъ не смѣетъ болѣть, иначе ему придется очень плохо: онъ рискуетъ не найти доктора“... Разсказавъ, какъ ему и нѣкоторымъ изъ его знакомыхъ пришлось тщетно искать по всему Петербургу врача, г. В. П. заканчиваетъ свою замѣтку слѣдующими „очень интересными принципіальными вопросами“: „Имѣютъ ли право врачи такъ неглижировать своими отношеніями къ паціентамъ, какъ они дѣлаютъ это въ настоящее время? Являются ли врачи безусловно свободными людьми, могущими располагать своимъ временемъ по личному желанію? Короче, служатъ ли они обществу или нѣтъ?“

Вопросы, дѣйствительно, интересные... Служатъ ли врачи обществу или нѣтъ? Вѣдь всякое служеніе предполагаетъ, по крайней мѣрѣ, хоть какую-нибудь взаимность обязанностей. Врачи уѣзжаютъ на лѣто изъ Петербурга — одни, чтобъ отдохнуть отъ зимней работы, другіе—потому что прожить лѣтомъ практикою въ обезлюдѣвшемъ Петербургѣ трудно. Они должны оставаться, такъ какъ могутъ понадобиться г-ну В. П. и его знакомымъ, которые брезгуютъ работающими и лѣтомъ больницами и думскими врачами. Ну, а если г. В. П. и его знакомые будутъ здоровы, позаботятся ли они о томъ, чтобъ окупить содержаніе оставшихся для нихъ врачей? Съ какой стати! Пусть живутъ, какъ хотятъ, но пусть каждую минуту будутъ готовы къ услугамъ г-на В. П.

Замѣтка хроникера «Петербургской Газеты» цѣнна тою наивною грубостью и прямотою, съ которою она высказываетъ господствующій въ публикѣ взглядъ на законность и необходимость закрѣпощенія врачей. «Являются ли врачи безусловно свободными людьми, могущими располагать своимъ временемъ по личному желанію?» Рѣчь тутъ идетъ не о служащихъ врачахъ, которые, принимая выгоды и обезпеченіе службы, тѣмъ самымъ, конечно, отказываются отъ «безусловной свободы»; рѣчь—о врачахъ вообще, по отношенію къ которымъ люди самихъ себя не считаютъ связанными рѣшительно ничѣмъ. Съ грознымъ, пристальнымъ и безпощаднымъ вниманіемъ слѣдятъ они за каждымъ шагомъ врача: «служи обществу», будь героемъ и подвижникомъ, не смѣй пользоваться «непонятнымъ обычаемъ» отдыхать; а когда ты истреплешься или погибнешь на работѣ, то намъ до тебя нѣтъ никакого дѣла *).

Недавно мы хоронили нашего товарища, д-ра Стратонова. Недѣлю передъ тѣмъ онъ дѣлалъ въ частномъ домѣ трахеотомію и, высасывая изъ разрѣза трахеи дифтеритныя пленки, заразился дифтеритомъ самъ; онъ умеръ молодымъ, сильнымъ и энергичнымъ, и эта смерть была ужасна по своей быстротѣ и неожиданности.

Въ часовнѣ стоялъ его гробъ, увѣшанный ненужными вѣнками. Пахло ладаномъ, подъ сводами замирала «вѣчная память», въ окно доносился шумъ и грохотъ города. Мы стояли вокругъ гроба —

И молча смотрѣли въ лицо мертвецу,
О завтрашнемъ днѣ помышляя...

Послѣ него осталась вдова, дѣти; ни до нихъ ни до него никому нѣтъ дѣла. Городъ за окнами шумѣлъ равнодушно и суетливо, и, казалось, устели онъ всѣ улицы трупами, — онъ будетъ жить все тою же хлопотливою, сосредоточенною въ

---

*) Въ петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, въ засѣданіи 8 декабря 1900 года, управой былъ сдѣланъ докладъ о выдачѣ единовременнаго пособія двумъ санитарнымъ врачамъ и одному фельдшеру, заразившимся тифомъ при исполненіи служебныхъ обязанностей. Гласный П. П. Дурново рѣзко возсталъ противъ предложенія управы. «Противъ зараженія,—заявилъ онъ:—никто не застрахованъ, врачи же по самому характеру службы своей обязаны рисковать здоровьемъ. Если бы врачъ умеръ, то еще можно было бы помочь его семейству, въ данномъ же случаѣ онъ только заболѣлъ. Изъ 9 санитарныхъ врачей губерніи каждый годъ одинъ, навѣрное, будетъ лежать въ тифѣ или другой болѣзни, неужели въ каждомъ подобномъ случаѣ земство должно давать пособія? *Если земство будетъ такъ щедро раздавать пособія, то врачи нарочно будутъ заражаться тифомъ*».—Къ чести петербургскаго земства, заявленіе г. Дурново вызвало единодушный протестъ собранія.

себѣ жизнью, не отличая взглядомъ труповъ отъ камней мостовой...

«Служатъ ли врачи обществу или нѣтъ?»

По подсчету д-ра Гребенщикова, отъ заразныхъ болѣзней умираетъ 37% русскихъ врачей вообще и около *шестидесяти процентовъ* земскихъ врачей въ частности. Въ 1892 году половина всѣхъ умершихъ земскихъ врачей умерла отъ сыпного тифа. Въ какихъ бьющихъ по нервамъ условіяхъ проходитъ дѣятельность врача, можно было достаточно видѣть изъ предыдущихъ главъ этихъ записокъ. Проф. Сикорскій на основаніи офиціальныхъ данныхъ изслѣдовалъ вопросъ о самоубійствѣ среди русскихъ врачей. Онъ нашелъ, что «въ годы отъ 25 до 35 лѣтъ самоубійства врачей составляютъ почти 10% обычной смертности, т.-е. въ эти годы *изъ десяти умершихъ врачей одинъ умираетъ отъ самоубійства*». Цифра эта до того ужасна, что кажется невѣроятною. Но вотъ другой изслѣдователь, д-ръ Гребенщиковъ, на основаніи другого матеріала и совершенно независимо отъ проф. Сикорскаго, пришелъ къ выводамъ, почти не разнящимся отъ выводовъ профессора; по Гребенщикову, за годы 1889 — 1892, самоубійство составляло 3,4% смертей врачей вообще и болѣе десяти процентовъ смертей *всѣхъ* земскихъ врачей.

Проф. Сикорскій занялся, далѣе, сопоставленіемъ своихъ данныхъ съ данными относительно другихъ профессій въ Россіи и Западной Европѣ. Оказалось, что «*русскіе врачи имѣютъ печальную привилегію занимать первое мѣсто въ свѣтѣ по числу самоубійствъ*». При этомъ замѣчательно слѣдующее обстоятельство: врачъ, рѣшившись на самоубійство, сумѣлъ бы легче, чѣмъ кто-либо другой, выбрать себѣ наиболѣе безболѣзненную смерть: на дѣлѣ же оказывается, что въ самоубійствахъ врачей поразительно-часто фигурируютъ, напротивъ, самые мучительные способы: отравленіе стрихниномъ, сѣрною и карболовою кислотами, проколъ сердца троакаромъ и т. п. «Очевидно,—замѣчаетъ проф. Сикорскій:—значительное подавленіе инстинкта самосохраненія дѣлало для несчастныхъ товарищей безразличнымъ всякій способъ прекращенія жизни, лишь бы только достигалась цѣль».

Да, врачи «служатъ обществу», и служба эта не изъ особенно легкихъ и безмятежныхъ. А вотъ какая судьба ждетъ врачей, «отслужившихъ обществу». У насъ существуетъ вспомогательная касса врачей, учрежденная проф. Я. А. Чистовичемъ. Передо мною печатные протоколы засѣданій комитета кассы за 1896 годъ. Вотъ двѣ выдержки изъ нихъ:

Доложена просьба участника кассы М. А. Высоцкаго о назначении ему пенсіи въ виду отсутствія средствъ къ жизни и невозможности по болѣзни заниматься практикою. Г. Высоцкій, бывшій ашинскій городовой врачъ, 59 лѣтъ, не имѣетъ никакого состоянія, пенсіи государственной не получаетъ, не имѣетъ родныхъ, которые могли бы его пріютить, не въ состояніи пропитывать себя личнымъ трудомъ и нуждается въ постороннемъ уходѣ, вслѣдствіе того, что страдаетъ развитымъ порокомъ сердца и параличомъ мышцъ тѣла правой стороны.— Назначена пенсія въ 300 рублей.

Доложена просьба женщины-врача Ек. Ив. Линтваровой о назначеніи ей пособія въ размѣрѣ 200 руб. въ виду ея весьма тяжелаго матеріальнаго положенія, такъ какъ страдаетъ хроническою маляріею и сильнымъ малокровіемъ, развившимся послѣ перенесеннаго сыпного тифа, которымъ заразилась на службѣ, будучи земскимъ врачомъ. Проф. В. А. Манассеинъ и д-ръ Д. Н. Жбанковъ удостовѣряютъ бѣдственное положеніе г-жи Линтваровой и необходимость имѣть средства для лѣченія и пропитанія.—Назначено 200 рублей.

Упомянутая касса — касса взаимопомощи и составляется изъ ежегодныхъ взносовъ членовъ кассы, которые одни только и имѣютъ право на пособіе. Общество, которому служатъ врачи, къ этой кассѣ, разумѣется, никакого касательства не имѣетъ и не хочетъ имѣть. Заражайтесь и калѣчьте себя на работѣ для насъ, а разъ вы выбыли изъ строя, то помогайте себѣ сами. Размѣры назначенныхъ пособій въ приведенныхъ выдержкахъ говорятъ сами за себя, какую помощь можетъ оказывать своимъ членамъ касса.

XXI.

Въ докторской диссертаціи В. К. Анрепа, въ числѣ другихъ тезисовъ, помѣщенъ слѣдующій: «Околоточные надзиратели, дворники и швейцары Петербурга обезпечиваются лучше служащихъ врачей». Это вовсе не преувеличеніе. Врачи многихъ городскихъ больницъ получаютъ у насъ 45—50 руб. въ мѣсяцъ; въ Петербургѣ только совсѣмъ недавно жалованье больничнымъ врачамъ увеличено до 75 руб. Городовые врачи, обремененные массою самыхъ разнообразныхъ обязанностей, получаютъ жалованья двѣсти рублей *въ годъ*. По Гребенщикову, регистрація врачей по карточкамъ показала, что 16% всѣхъ служащихъ врачей получаетъ жалованья меньше 600 руб. въ годъ и 62% — не болѣе 1200 рублей. Очень распространено мнѣніе, что незначительность получаемаго содержанія врачи легко восполняютъ частною практикою, что этимъ именно и объясняются скудные размѣры назначаемаго имъ содержанія. Но вѣдь для частной практики прежде всего требуется свободное распоряженіе своимъ временемъ; она не можетъ не отзываться на аккуратномъ несеніи службы,—это ле-

житъ въ самой сути условій частной практики. Между тѣмъ, если врачъ «небрежно» относится къ своей службѣ, то на него летятъ громы, и въ это время люди забываютъ, что они же сами указываютъ на частную практику, какъ на подсобный заработокъ къ скудному жалованью. Кромѣ того, этотъ подсобный заработокъ, вопреки общераспространенному мнѣнію, очень невеликъ: по изслѣдованіямъ Гребенщикова, у 77% всѣхъ врачей (считая и вольнопрактикующихъ) заработокъ по частной практикѣ не превышаетъ тысячи рублей въ годъ. Мало есть интеллигентныхъ профессій, трудъ которыхъ вознаграждался бы хуже.

Рынокъ врачебнаго труда у насъ давно переполненъ, предложеніе значительно превышаетъ спросъ. Это ведетъ къ конкуренціи между врачами, въ которой худшіе изъ нихъ не брезгуютъ никакими средствами, чтобъ отбить паціента у соперника; приглашенные къ больному, такіе врачи первымъ дѣломъ раскритикуютъ всѣ назначенія своего предшественника и заявятъ, что «такъ недолго было и уморить больного»; послѣднія страницы всѣхъ газетъ кишатъ рекламами такихъ врачей, и ихъ фамиліи стали извѣстны каждому не менѣе фамиліи вездѣсущаго Генриха Блокка; болѣе ловкіе искусно пускаютъ въ публику черезъ газетныхъ хроникеровъ и интервьюеровъ извѣстія о совершаемыхъ ими блестящихъ операціяхъ и излѣченіяхъ и т. п. Съ другой стороны, немало врачей, убѣдившись въ трудности и необезпеченности своей профессіи, поступаютъ въ чиновники или берутся за какое-либо другое дѣло; повидимому, число ихъ все растетъ. За послѣдніе годы было опубликовано нѣсколько случаевъ самоубійствъ врачей вслѣдствіе полнѣйшей голодовки; извѣстны примѣры, гдѣ врачи поступали на мѣста фельдшеровъ съ фельдшерскимъ же жалованьемъ.

Люди даже сравнительно образованные нерѣдко высказываютъ мнѣніе, что причиною бѣдственнаго положенія врачей является ихъ тяготѣніе къ городамъ. Люди эти говорятъ: у насъ около двадцати тысячъ врачей, а населеніе Россіи составляетъ 128 милліоновъ. Какая тутъ можетъ быть рѣчь о перепроизводствѣ? Врачи не хотятъ итти въ глушь, а хотятъ непремѣнно жить въ культурныхъ центрахъ; понятно, что въ этихъ центрахъ наблюдается перепроизводство, но перепроизводство это совершенно искуственное: врачи въ центрахъ голодаютъ, а деревня гибнетъ и вырождается, не зная врачебной помощи. У насъ врачей слишкомъ мало, а не много, и нужно всячески заботиться объ увеличеніи ихъ числа.

Деревня дѣйствительно гибнетъ и вырождается, не зная

врачебной помощи. Но неужели причина этого лежитъ въ томъ, что у насъ мало врачей? Половина русскаго населенія ходитъ въ лаптяхъ,—неужели это оттого, что у насъ мало сапожниковъ? Увеличивайте число сапожниковъ безъ конца, — въ результатѣ получится лишь одно: самимъ сапожникамъ придется ходить въ лаптяхъ, а кто ходилъ въ лаптяхъ, тотъ и будетъ продолжать ходить въ нихъ.

Врачи вовсе не обладаютъ такимъ страннымъ вкусомъ, чтобъ предпочитать голодовку въ городахъ куску хлѣба въ глуши. На вакансіи земскихъ врачей въ самыхъ глухихъ мѣстностяхъ, съ самымъ скромнымъ, содержаніемъ, всегда является масса кандидатовъ; напр., въ 1883 году, какъ сообщалось во «Врачѣ», на одну вакансію земскаго врача въ Княгининскомъ уѣздѣ было подано семьдесятъ шесть прошеній, на другую, въ Кашинскомъ уѣздѣ, девяносто два прошенія. Дѣло не въ боязни врачей передъ глушью,—дѣло просто въ томъ, что деревня безысходно-бѣдна и не въ состояніи оплачивать трудъ врача. Восьмидесятые годы представляютъ немало попытокъ вольной врачебной практики въ деревнѣ; у всѣхъ еще въ памяти имена д-ровъ Сычугова, Таирова и др. Но попытки эти лишь доказали, что люди, воодушевленные идеей, могутъ коекакъ перебиваться въ деревнѣ безъ посторонней поддержки. Вопросъ же вовсе не въ томъ; вопросъ въ томъ, можетъ ли средній врачъ, — не подвижникъ, а обыкновенный работникъ,—прожить въ деревнѣ врачебнымъ трудомъ. Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ положеніемъ нашей деревни, тотъ не будетъ спорить, что ея бѣдность и некультурность совершенно закрываютъ доступъ къ ней обыкновенному вольнопрактикующему врачу.

Матеріальная обезпеченность врачей все больше ухудшается. Между тѣмъ въ послѣднее время у насъ выступаетъ новый имъ конкурентъ, — желанный и въ то же время грозный,— женщина. Какъ вездѣ, гдѣ она выступаетъ конкуренткой мужчинѣ, она за тотъ же трудъ довольствуется меньшею платою и тѣмъ самымъ понижаетъ вознагражденіе мужчины. Изъ приводимыхъ д-ромъ Гребенщиковымъ данныхъ видно, что средній размѣръ жалованья служащихъ врачей-мужчинъ составляетъ 1161 руб., тогда какъ врачей-женщинъ—833 руб. Съ увеличеніемъ числа женщинъ-врачей онѣ, несомнѣнно, будутъ оказывать все большее вліяніе на общее пониженіе платы за врачебный трудъ.

Таково положеніе врачей вовсе не у насъ однихъ. Въ Западной Европѣ оно даже еще болѣе бѣдственное. Вездѣ— громадная армія врачей, безъ дѣла, безъ заработка, готовая

итти на какія угодно условія. Лѣтъ восемь назадъ больничная касса въ Будапештѣ заявила, что будетъ платить врачамъ за каждое посѣщеніе ими больного по сорокъ крейцеровъ (около 25 коп.); несмотря на это, желающихъ войти въ соглашеніе съ кассою оказалось множество. Больше половины берлинскихъ врачей вырабатываетъ въ мѣсяцъ не болѣе семидесяти пяти рублей; вѣнскіе врачи не брезгуютъ платою въ 20 крейцеровъ (12 коп.) за визитъ. Анри Беранже въ своей статьѣ «Интеллигентный пролетаріатъ во Франціи» говоритъ: «Цѣлая половина парижскихъ врачей находится въ положеніи, не достигающемъ уровня безбѣднаго существованія; бо́льшая же часть этой половины въ дѣйствительности нищенствуетъ,—нищенствуетъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ представители этой профессіи нерѣдко ночуютъ въ ночлежныхъ домахъ. Въ провинціи изъ десяти тысячъ врачей еле пять тысячъ вырабатываютъ на приличное существованіе».

И въ Западной Европѣ массы врачей не находятъ себѣ дѣла, разумѣется, вовсе не потому, что потребность общества во врачебной помощи вполнѣ насыщена; и тамъ, какъ у насъ, для громадныхъ слоевъ населенія врачебная помощь представляетъ недоступную роскошь. Это—просто частичное проявленіе тѣхъ поражающихъ противорѣчій, которыя, какъ корни дуба—въ почву, прочно и глубоко проникаютъ въ самыя основанія нынѣшней жизни. Тысячи пудовъ хлѣба и мяса гніютъ, не находя сбыта, а рядомъ тысячи людей умираютъ съ голоду, не находя работы; потоками льется кровь, чтобъ въ отдаленнѣйшихъ частяхъ свѣта отвоевать рынки для суконъ и бархата, а люди, изготовляющіе эти сукна и бархаты, ходятъ въ ситцѣ и бумазеѣ.

XXII.

Недавно рано утромъ меня разбудили къ больному, куда-то въ одинъ изъ пригородовъ Петербурга. Ночью я долго не могъ заснуть, мною овладѣло странное состояніе: голова была тяжела и тупа, въ глубинѣ груди что-то нервно дрожало, и какъ будто всѣ нервы тѣла превратились въ туго натянутыя струны; когда вдали раздавался свистокъ поѣзда на вокзалѣ или трещали обои, я болѣзненно вздрагивалъ, и сердце, словно оборвавшись, вдругъ начинало быстро биться. Принявъ бромистаго натра, я наконецъ заснулъ; и вотъ черезъ часъ меня разбудили.

Чуть свѣтало. Я ѣхалъ на извозчикѣ по пустыннымъ, тем-

нымъ улицамъ; въ предразсвѣтномъ туманѣ угрюмо дрожали гудки далекихъ заводовъ; было холодно и сыро; рѣдкіе огоньки сонно мигали въ окнахъ. На душѣ было смутно и какъ-то жутко-пусто. Я вспоминалъ свое вчерашнее состояніе, наблюдалъ теперешнюю разбитость—и съ ужасомъ почувствовалъ, что я боленъ, боленъ тяжело и серьезно. Ужъ два послѣдніе года я замѣчалъ, какъ у меня все больше выматываются нервы, но теперь только ясно понялъ, до чего я дошелъ.

Семь лѣтъ я врачомъ. Какъ прожилъ я эти семь лѣтъ? Всѣ они были жестокою насмѣшкою надъ тѣмъ, что̀ я же, какъ врачъ, долженъ былъ предписывать своимъ паціентамъ. Все время нервы напряжены, все время жизнь бьетъ по этимъ нервамъ; чтобъ безнаказанно переносить такое состояніе, нужна громадная нервная сила, а между тѣмъ жить приходится такъ, что и самая желѣзная устойчивость должна разрушиться. Для меня нѣтъ праздниковъ, нѣтъ гарантированнаго отдыха; каждую минуту, отъ сна, отъ ѣды, меня могутъ сторвать на цѣлые часы, и никому нѣтъ дѣла до моихъ силъ. И вотъ съ каждымъ годомъ все больше обращаешься въ развалину-неврастеника; пропадаетъ радость жизни и любовь къ ней, пропадаетъ, еще страшнѣе, отзывчивость и способность горячо чувствовать. А между тѣмъ видишь, что это есть въ душѣ: сто̀итъ хоть немного пожить человѣческою жизнью,—и душа возрождается, и кажется, что въ ней такъ много силы и любви.

А въ какихъ условіяхъ я живу? Послѣ пятилѣтняго ожиданія я наконецъ получилъ жалованье въ семьдесятъ пять рублей; на него и на невѣрный доходъ съ частной практики я долженъ жить съ женою и двумя дѣтьми; вопросы о зимнемъ пальто, о покупкѣ дровъ и наймѣ няни — для меня тяжелые вопросы, изъ-за которыхъ приходится мучительно ломать себѣ голову и бѣгать по ссуднымъ кассамъ. Мои товарищи по гимназіи—кто податной инспекторъ, кто инженеръ, кто акцизный чиновникъ; за спокойную, безмятежную службу они получаютъ жалованье, о какомъ я не смѣю и мечтать. Я даже лишенъ семейныхъ радостей, лишенъ возможности спокойно приласкать своего ребенка, потому что въ это время мелькаетъ мысль: а что̀, если съ своею ласкою я перенесу на него ту оспу или скарлатину, съ которою сегодня имѣлъ дѣло у больного?

Въ утреннемъ туманѣ передо мною тянулся громадный городъ; высокія зданія, мрачныя и тихія, тѣснились другъ къ другу, и каждое изъ нихъ какъ будто глубоко ушло въ свою отдѣльную, угрюмую думу. Вотъ оно, это грозное чудовище! Оно требуетъ отъ меня всѣхъ моихъ силъ, всего здоровья,

жизни,—и въ то же время страшно, до чего ему нѣтъ дѣла до меня... И я долженъ ему покоряться,—ему, которое беретъ у меня все и взамѣнъ не даетъ ничего!

Думать, что его можно разжалобить, — смѣшно; смѣшно и ждать, что можно чего-нибудь достигнуть указаніемъ на его несправедливое отношеніе къ намъ. Только тотъ, кто борется, можетъ заставить себя слушать. И выходъ для насъ одинъ: мы, врачи, должны объединиться, должны совмѣстными силами бороться съ этимъ чудовищемъ и отвоевать себѣ лучшую и болѣе свободную долю.

Я ѣхалъ пригороднымъ трактомъ. Около заросшихъ, желтѣвшею травою канавъ тянулись деревянные мостки, матовые отъ росы. Изъ фабричныхъ трубъ валилъ дымъ и темнымъ душнымъ пологомъ разстилался надъ крышами. Извозчикъ остановился у воротъ желто-коричневаго деревяннаго дома.

По темной, крутой лѣстницѣ я поднялся во второй этажъ и позвонилъ. Въ маленькой комнатѣ сидѣлъ у стола блѣдный человѣкъ лѣтъ тридцати, въ синей блузѣ съ разстегнутымъ воротомъ; его русые усы и бородка были въ крови, около него на полу стоялъ большой глиняный тазъ; тазъ былъ полонъ алою водою, и въ ней плавали черные сгустки крови. Молодая женщина, плача, колола кухоннымъ ножомъ ледъ.

— Вы простите, докторъ, что обезпокоилъ васъ!—сказалъ мужчина, быстро поднимаясь мнѣ навстрѣчу и протягивая руку. — Дѣло у меня извѣстное — туберкулезъ и вслѣдствіе этого кровохарканіе. Да вотъ, очень ужъ жена пристала, непремѣнно чтобъ докторъ пріѣхалъ...

— Прежде всего ложитесь и не разговаривайте!—прервалъ я его. — Вамъ ни одного слова не слѣдуетъ говорить. И не волнуйтесь,—это вовсе не опасно.

— А я волнуюсь?—удивленно произнесъ онъ про себя, пожавъ плечомъ, и сѣлъ на постель.

Я уложилъ больного и осторожно приставилъ стетоскопъ къ его груди. Закинувъ свою красивую голову и прикусивъ тонкія окровавленныя губы, онъ лежалъ и, прищурившись, смотрѣлъ въ потолокъ.

— Вашъ мужъ чѣмъ занимается? — спросилъ я молодую женщину, кончивъ выслушивать и выпрямляясь. Она сидѣла у стола, со слезами на щекахъ, и съ тоской слѣдила за мною.

— Литейщикъ онъ по мѣди, въ N—скомъ заводѣ работаетъ... Господи, Господи, до тридцати лѣтъ всего дотянулъ! А какой былъ здоровый!.. Мѣдные-то пары—какъ скоро всю грудь выѣли!

Она, рыдая, припала грудью къ краю стола.

— Ну, Катя, чего ты? Не такъ оно опасно!—нетерпѣливо и ласково проговорилъ литейщикъ.—Слышала, и докторъ сказалъ... Съ такими кровохарканьями и до пятидесяти лѣтъ доживаютъ, не такъ ли?—обратился онъ ко мнѣ.

— Да, конечно!.. Только не разговаривайте, лежите смирно... Бываютъ случаи, что и совсѣмъ выздоравливаютъ...

Литейщикъ лежалъ, молча и подтверждающе кивая головою. Я сѣлъ писать рецептъ.

— Боже мой, Боже мой, какъ жизнь-то скоро сломала! — съ всхлипывающимъ вздохомъ произнесла женщина.—Я вамъ скажу, господинъ докторъ, вѣдь онъ нисколько себя не жалѣетъ; какъ жилъ-то! Придетъ съ работы, сейчасъ за книги, всю ночь сидитъ, или по дѣламъ бѣгаетъ... Вѣдь на одного человѣка ему силы отпущено, не на двухъ!..

Больной закашлялся и, наклонившись надъ тазомъ, выплюнулъ большой сгустокъ крови.

— Ну, будетъ! Что̀ много разговариваешь? — вполголоса обратился онъ къ женѣ, отдышавшись.

Я просидѣлъ у больного съ полчаса, утѣшая и успокаивая его жену. Комната была убогая, но все въ ней говорило о запросахъ хозяина. Въ углу лежала груда газетъ, на комодѣ и на швейной машинѣ были книги, и на ихъ корешкахъ я прочелъ нѣкоторыя дорогія, близкія имена.

Я вышелъ и сѣлъ на извозчика. Теперь было совсѣмъ свѣтло; туманъ поднялся отъ земли и влажными, сѣрыми клубами ползъ по небу; въ просвѣтахъ виднѣлось чистое небо, освѣщенное солнцемъ. На улицахъ было попрежнему тихо, но изъ трубъ домовъ уже шелъ дымъ, въ окнахъ блестѣли самовары, и были видны люди; по сизымъ отъ росы мосткамъ вдоль канавъ прошелъ густо-натоптанный черный слѣдъ. Я вспомнилъ то настроеніе, съ какимъ я ѣхалъ сюда и съ какимъ смотрѣлъ на эти мостки и заросшіе желтою травою откосы канавъ; настроеніе это показалось мнѣ теперь удивительно-мелкимъ и чуждымъ; не то, чтобъ мнѣ было стыдно за него,—мнѣ просто было странно и непонятно, какъ я могъ ему отдаться.

Мы должны объединиться и бороться, конечно, это такъ. Но кто «мы»? Врачи? Мы можемъ, разумѣется, стараться улучшить положеніе своей корпораціи, усовершенствовать взаимопомощь, и другое въ такомъ родѣ. Но борьба, борьба широкая и коренная, невозможна, если на знамени стоитъ голый грошъ. Наше положеніе тяжело. Но кому изъ постороннихъ оно можетъ казаться таковымъ? На рогожныхъ фабрикахъ у насъ рабочему при наймѣ ставится условіемъ не про-

сить по городу милостыни, женщина-работница принуждена у насъ отдавать себя мастеру, быть проституткой, за одно право имѣть работу... Было бы, конечно, очень хорошо, если бы мы получали оклады, какіе получаютъ инженеры, если бы могли работать, не утомляясь и не думая о завтрашнемъ днѣ. Но это легко говорить. Земскій врачъ получаетъ нищенское жалованье, но не можетъ деревня изъ своей черной корки хлѣба создать ему мясо и вино. Вознагражденіе врача вообще очень низко, и тѣмъ не менѣе не только для бѣдняка, а даже для человѣка средняго достатка лѣченіе есть разореніе. Выходомъ тутъ не можетъ быть тотъ путь, о какомъ я думалъ. Это была бы не борьба отряда въ рядахъ большой арміи, это была бы борьба кучки людей противъ всѣхъ окружающихъ, и по этому самому она была бы безсмысленна и безплодна. И почему такъ трудно понять это намъ, которые съ дѣтства росли на «широкихъ умственныхъ горизонтахъ», когда это такъ хорошо понимаютъ люди, которымъ каждую пядь этихъ горизонтовъ приходится завоевывать тяжелымъ трудомъ?

Да, выходъ въ другомъ. Этотъ единственный выходъ—въ сознаніи, что мы—лишь небольшая часть одного громаднаго, неразъединимаго цѣлаго, что исключительно лишь въ судьбѣ и успѣхахъ этого цѣлаго мы можемъ видѣть и свою личную судьбу и успѣхъ.

1895—1900 г.

ПО ПОВОДУ „ЗАПИСОКЪ ВРАЧА“.

(Отвѣтъ моимъ критикамъ).

«Was wir zu schaffen streben, ist schon dadurch ungemein schwierig, weil wir da mit dem schwierigsten Material, nämlich mit Menschen für die Menschheit arbeiten» *).

Изъ письма *Бильрота* къ проф. Гису (1893 г.).

Опубликованныя мною „Записки врача“ вызвали въ печати большое количество отзывовъ и возраженій со стороны товарищей-врачей. Часть этихъ отзывовъ носила, къ сожалѣнію, характеръ чисто-личныхъ нападокъ, ни по содержанію ни по тону не имѣвшихъ ничего общаго съ критикой. Вмѣсто того, чтобъ разбирать книгу по существу, главное свое вниманіе „критики“ обратили на меня самого: тщательнѣйшимъ образомъ старались, напр., выяснить вопросъ, что̀ могло меня побудить написать мою книгу. По мнѣнію д-ра М. Камнева, мотивы были вотъ какіе: „Ругать не только легче, чѣмъ хвалить, но и выгоднѣе. Это, кажется, еще Бѣлинскій сказалъ. Что̀ въ томъ, что вы будете хвалить Шекспира? Его всѣ хвалятъ. Но попробуйте ругать Шекспира, и вы сразу станете центромъ общаго вниманія: „Шекспира не признаётъ... Должно-быть, голова...“ **). По мнѣнію „Медицинскаго Обозрѣнія“, цѣлью моею было щегольнуть передъ публикою своимъ „мягкимъ сердцемъ“: все время непрерывное „позированіе“, „красивыя фразы“, „жалкія слова, разсчитанныя на эффектъ въ публикѣ“. Разсказываю я, напр., объ обезьянѣ, на которой я дѣлалъ опыты. „Къ чему эти трогательныя страницы для публики?—спрашиваетъ рецензентъ.—Чтобъ увеличить количество антививисекціонистовъ, или же только затѣмъ, чтобъ показать: смотрите, — *я* экспериментирую сердечно, даже со слезами, а

*) «То, къ чему мы стремимся, ужъ потому необычайно трудно, что мы работаемъ для человѣчества надъ самымъ труднымъ матеріаломъ, именно надъ человѣкомъ».

**) Еженедѣльникъ «Практической Медицины», 1901, № 17, стр. 299.

другіе, менѣе меня „мягкосердечные“, мучатъ животныхъ безъ состраданія и не могутъ написать такого трогательнаго мартиролога“ *). Самого меня разобрали по косточкамъ и неопровержимо доказали, что я — человѣкъ безчестный и необыкновенно развязный **), „дикарь“ съ громаднымъ самомнѣніемъ, несомнѣннымъ эгоизмомъ, съ повышенною половою раздражительностью, носящій въ себѣ всѣ признаки вырожденія ***).

Сколько озлобленія и негодованія вызвала книга въ нѣкоторой части врачебнаго сословія, хорошо показываетъ письмо одного врача, напечатанное въ № 5501 „Одесскихъ Новостей“.

Г. Редакторъ!—пишетъ этотъ врачъ.—Вы выражаете желаніе имѣть передъ глазами серьезный отзывъ о книгѣ Вересаева. Прочтите „Врачебную Газету“ за прошлый мѣсяцъ: тамъ помѣщенъ чудный фельетонъ, въ которомъ достаточно ясно доказано, что каждый порядочный врачъ относится съ презрѣніемъ къ дегенерату Вересаеву. Печально, что въ наше время является такой фруктъ, позорящій медицинское сословіе; къ счастью, между врачами почти нѣтъ разногласія на этотъ счетъ ****).

Подобные отзывы слишкомъ характерны, чтобъ не быть отмѣченными, но отвѣчать на нихъ, разумѣется, нечего. Перехожу къ отзывамъ и возраженіямъ, имѣющимъ предметомъ мою книгу.

Возраженія эти носятъ въ общемъ поразительно-однообразный характеръ и совершенно лишены индивидуальности: можно бы, изрѣзавъ статьи въ куски, перетасовать ихъ самымъ прихотливымъ образомъ,— и получились бы новыя статьи, по сути своей нисколько не отличающіяся отъ прежнихъ. Ясно, что передъ нами—нѣчто типическое, общее большому количеству врачей, и возражать приходится не противъ того или другого автора, а противъ цѣлаго міросозерцанія, цѣлаго душевнаго уклада, одинаково выражающагося въ многочисленныхъ статьяхъ моихъ русскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ и итальянскихъ критиковъ.

За основу своихъ возраженій я возьму направленную противъ „Записокъ“ работу д-ра Н. В. Фармаковскаго, первоначально напечатанную во „Врачебной Газетѣ“ и вышедшую затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ

---

*) Медицинское Обозрѣніе, 1902, № 2. Рец. г-на Алелекова.

**) Медицинское Обозрѣніе, тамъ же.

***) Проф. Н. А. Вельяминовъ въ рѣчи на годовомъ собраніи петербургскаго Медико-Хирургическаго Общества 30-го ноября 1901 г.

****) Среди этой ругательной литературы первое мѣсто по справедливости должно быть отведено своеобразной работѣ московскаго профессора Льва Мороховца: «*Записки врача* В. Вересаева въ свѣтѣ профессіональной критики» (*Труды каѳедры исторіи и энциклопедіи медицины Императорскаго Московскаго Университета,* Т. I, вып. 2. М. 1903). По тону и по пріемамъ полемики книга представляетъ собою нѣчто прямо невѣроятное: самый безшабашный фельетонъ уличной газеты можетъ служить образцомъ корректности и добросовѣстности по сравненію съ этимъ «трудомъ». Характерно, что на книгѣ стоитъ помѣтка: «Печатается по опредѣленію Медицинскаго факультета Московскаго университета».

(„Врачи и общество“. Спб., 1902). Работа эта—наиболѣе обширная и систематическая, она представляетъ не рядъ отрывочныхъ возраженій, а шагъ за шагомъ разсматриваетъ всѣ главы „Записокъ“. Благодаря этому, и міросозерцаніе самого автора вырисовывается особенно ярко. Кое-гдѣ я буду дополнять его работу выдержками изъ статей другихъ моихъ оппонентовъ.

I.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько замѣчаній, относительно которыхъ я вполнѣ согласенъ съ моими оппонентами. Такъ, они указываютъ на то, что „Записки“ мои нельзя назвать „Записками врача *вообще*“, что это—лишь „Записки врача *Вересаева*“. Но я никогда и не брался говорить отъ лица „врача вообще“. Да и что̀ такое—„врачъ вообще“? Одинъ совсѣмъ молодой врачъ, когда его знакомый, разсмѣявшись за столомъ, подавился кускомъ мяса, тутъ же сдѣлалъ ему перочиннымъ ножомъ трахеотомію и спасъ ему жизнь. Другой, уже старый врачъ, когда въ его присутствіи дама упала въ обморокъ, такъ растерялся, что сталъ кричать: „Доктора! Пошлите скорѣе за докторомъ!..“ Врачами были скептикъ Боткинъ и оптимистъ Эйхвальдъ, безсребренникъ Гаазъ и алчный Захарьинъ, Манассеинъ, неустанный боецъ за врачебную этику, и Шатуновскій, втоптавшій въ грязь самую элементарную этику. Какъ можно всѣхъ ихъ объединить подъ однимъ словомъ „врачъ“? Конечно, мои „Записки“ суть только „Записки врача Вересаева“. Но само собою понятно, что я не сталъ бы ихъ опубликовывать, если бы видѣлъ въ нихъ отрывокъ изъ своей автобіографіи, что ли. Мнѣ кажется, что и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи я стою на уровнѣ, на которомъ стоитъ обыкновенный средній врачъ. Мои оппоненты старательно доказываютъ, что я не обладаю спеціальною врачебною одаренностью, что я „не родился врачомъ“. Доказывать это совершенно излишне, — я самъ вполнѣ ясно говорю это въ моей книгѣ; но думаю, что врачами не родилось и большинство тѣхъ людей, которые имѣютъ у насъ врачебные дипломы, какъ не родилось художниками и артистами большинство тѣхъ лицъ, которыя кончаютъ курсъ въ академіяхъ художествъ и консерваторіяхъ. Настоящихъ врачей у насъ въ Россіи, можетъ-быть, всего нѣсколько сотенъ, а врачебные дипломы имѣетъ около двадцати пяти тысячъ человѣкъ; они занимаются врачебною практикою и, въ предѣлахъ возможнаго, дѣлаютъ свое не блестящее, но несомнѣнно полезное дѣло. Сравнивая себя съ этими ординарными врачами, я никакъ не могу признать себя стоящимъ много ниже ихъ. Поэтому думаю, что пережитое мною переживалось далеко не мною однимъ.

Тѣмъ не менѣе, спорить и доказывать, что такое-то переживаніе типично для врача, — совершенно безцѣльно. Я говорю: „я испыталъ то-то“, мои оппоненты возражаютъ: „а мы этого не испытали“. Каждый

правъ, и спорить тутъ не о чемъ. Но въ нѣкоторыхъ изъ этихъ возраженій слишкомъ ясно сказывается тотъ идеальный шаблонъ, который въ готовомъ видѣ всегда имѣется у всякой профессіи. Человѣкъ нашей профессіи *долженъ быть* такимъ-то и такимъ-то, и по идеальной схемѣ этого *должнаго* требуютъ изображать то, что *есть*; каждый въ дѣйствительности переживалъ все совсѣмъ иначе, но думаетъ: „я это пережилъ случайно, всѣ же остальные переживали совсѣмъ не такъ". И вотъ, если изображаешь пережитое, не вѣдаясь съ указаннымъ шаблономъ, то всѣ говорятъ, что это ложь и клевета на сословіе.

Особенно возмутило моихъ критиковъ описаніе впечатлѣнія, производимаго на студентовъ обнаженіемъ больныхъ женщинъ. Всѣ въ одинъ голосъ заявляютъ, что ни они и никто изъ студентовъ ничего подобнаго не испытывали, что я—необыкновенно развратный человѣкъ и своимъ описаніемъ компрометирую все врачебное сословіе. „Интересно бы знать,—ядовито спрашиваетъ одинъ изъ критиковъ:—въ какомъ университетѣ учился г. Вересаевъ, и какого мнѣнія о немъ были его товарищи-студенты?" Мнѣ кажется, въ томъ, что я разсказываю, нѣтъ ничего, позорящаго врачебное сословіе. Конечно, начинающій студентъ *долженъ* смотрѣть объективно на все, что изучаетъ,—на страдающихъ больныхъ, на трупы, на обнаженныхъ женщинъ. Но недостаточно надѣть мундиръ студента-медика, чтобъ сразу начать глядѣть на все глазами врача; для этого требуется привычка. И не можетъ студентъ на перваго же оперируемаго больного, вопящаго и корчащагося отъ боли, смотрѣть, какъ на научный объектъ, не можетъ безъ мистическаго трепета сдѣлать перваго разрѣза на кожѣ трупа; не можетъ онъ и безстрастнымъ взглядомъ смотрѣть на обнажаемую передъ нимъ молодую женщину, когда до этого времени такое обнаженіе неразрывно соединялось у него съ представленіемъ о совершенно опредѣленномъ моментѣ. Было бы неестественно и невѣроятно, если бы было иначе. Большинство моихъ оппонентовъ увѣряетъ, будто, по моимъ словамъ, „при изслѣдованіи женщины у студентовъ и *врачей* возбуждается эротическое чувство". О *врачахъ* я ничего подобнаго не говорю. Врачи къ этому привыкли, настолько привыкли, что имъ ужъ кажется даже непонятнымъ, какъ возможно было при этомъ что-нибудь испытывать. Не заподозрѣвая искренности заявленій моихъ оппонентовъ, я думаю, что именно этимъ обстоятельствомъ и объясняется категоричность ихъ отрицанія.

Обращаюсь къ работѣ д-ра Фармаковскаго, въ которой, какъ я говорилъ, наиболѣе полно представлены всѣ существеннѣйшія возраженія противъ „Записокъ".

Принимаясь за чтеніе моей книги, г. Фармаковскій, какъ самъ онъ сообщаетъ, заранѣе представилъ себѣ, что онъ въ ней найдетъ: авторъ, будучи врачомъ, несомнѣнно станетъ на „субъективную сторону врача" и изобразитъ передъ публикою его внутреннюю жизнь „живо, картинно и правдоподобно". Съ первыхъ же страницъ его постигаетъ разочаро-

ваніе: лично мнѣ присущія нехорошія свойства я „совершенно несправедливо обобщаю на всѣхъ врачей и тѣмъ самымъ компрометирую ихъ“. Это обстоятельство совершенно измѣняетъ отношенія г. Фармаковскаго къ моей книгѣ; у него является опасеніе, какъ бы читатели не вынесли изъ нея недовѣрія къ врачамъ. Мысль эта немедленно подавляетъ въ немъ все остальное, всецѣло овладѣваетъ имъ и доводитъ его до того состоянія, когда человѣкъ перестаетъ понимать самыя простыя вещи. Достаточно ему теперь встрѣтить въ моей книгѣ слово, которому можно придать неблагопріятный смыслъ,—слово, которое въ связи съ другими имѣетъ совершенно невинное значеніе,—и г. Фармаковскій усматриваетъ въ немъ опаснѣйшее колебаніе авторитета медицины и врачебнаго сословія.

Разсказываю я, напр., о томъ, что, въ бытность мою студентомъ, мнѣ съ непривычки было тяжело первое время смотрѣть на льющуюся при операціяхъ кровь и слышать стоны оперируемыхъ, но что привычка къ этому вырабатывается скорѣе, чѣмъ можно бы думать. „И слава Богу, разумѣется,—замѣчаю я:—потому что такое относительное „очерствѣніе“ не только необходимо, но прямо желательно; объ этомъ не можетъ быть и спора“. Казалось бы, что̀ можетъ быть невиннѣе и безопаснѣе того, что̀ я говорю? Но нѣтъ, я употребилъ слово „очерствѣніе“. Употребилъ я его въ кавычкахъ, ясно этимъ показывая, что не признаю даннаго явленія дѣйствительнымъ очерствѣніемъ, но ужъ все кончено: г. Фармаковскій услышалъ слово „очерствѣніе“ и спѣшитъ выступить на защиту врачебнаго сословія.

„Не то „очерствѣніе“,—заявляетъ онъ:—когда мы спокойно подходимъ къ больному съ благими намѣреніями облегчить его болѣзнь или, по крайней мѣрѣ, ободрить его угнетенный духъ, а то—худшее „очерствѣніе“, когда мы разводимъ свои сентиментальныя идеи, вооружая и отвлекая несчастныхъ страдальцевъ отъ тѣхъ quasi-„очерствѣлыхъ“ сердецъ, которыя своимъ „очерствѣніемъ“ попытались бы возвратить имъ потерянное здоровье!“ (стр. 9).

Я разсказываю далѣе, какъ на третьемъ курсѣ, *при первомъ моемъ знакомствѣ съ медициной*, я обратилъ преимущественно вниманіе на ея темныя стороны, какъ постепенно я убѣдился въ несправедливости такого взгляда и совершенно измѣнилъ свое отношеніе къ медицинѣ. Г. Фармаковскій это первоначальное мое отношеніе, которое самъ я называю „жалкимъ и ребяческимъ“, которое характеризую, какъ „нигилизмъ, столь характерный для всѣхъ полузнаекъ“, приписываетъ мнѣ и длинно, старательно доказываетъ неосновательность такого отношенія.

„Несмотря на то, что Вересаеву, какъ человѣку, компетентному въ медицинскомъ дѣлѣ, была извѣстна степень невиновности профессора, допустившаго сдѣланный имъ при операціи недосмотръ отверстія въ кишкѣ, онъ все-таки счелъ себя въ правѣ восклицать: какъ можно такъ „вполнѣ спокойно“ разсуждать „о погубленной жизни“?.. „Смѣетъ ли

подобный операторъ заниматься медициной?..“ (стр. 23). И затѣмъ г. Фармаковскій обстоятельно разъясняетъ, что во многихъ ошибкахъ врачи совершенно неповинны, что ошибки возможны и въ судейской области и въ желѣзнодорожной жизни, поучаетъ меня, что если я ношу званіе врача, то долженъ связывать съ нимъ обязанность не быть столь легкомысленнымъ въ своихъ сужденіяхъ и словахъ... Одного только г. Фармаковскій не сообщаетъ своимъ читателямъ: что *вся одиннадцатая глава моихъ „Записокъ“* посвящена разъясненію того, что врачи часто совершенно неповинны въ ошибкахъ, въ которыхъ ихъ обвиняютъ.

„Столь же непонятнымъ съ точки зрѣнія врача,—продолжаетъ г. Фармаковскій:—является еще *осужденіе Вересаевымъ безсмысленнаго будто бы изслѣдованія тяжелыхъ больныхъ*“... „Противъ назначенія больнымъ безразличныхъ средствъ опять-таки *возмущается* авторъ „Записокъ“... „Авторъ „Записокъ“ напрасно *такъ зло смѣется* надъ указаніемъ для каждой болѣзни нѣсколькихъ лѣкарствъ“...

Возраженія все больше принимаютъ совершенно водевильный характеръ. Я говорю: „студентомъ третьяго курса я считалъ медицину шарлатанствомъ“, а г. Фармаковскій возражаетъ: „напрасно Вересаевъ считаетъ медицину шарлатанствомъ“—и старательно доказываетъ, что медицина не есть шарлатанство... Какъ объяснить такую странную непонятливость? Объясняется она очень просто: до испуганнаго слуха г. Фармаковскаго долетѣло слово „шарлатанство“, и это слово непроглядным туманомъ скрыло отъ его глазъ все остальное.

„Въ концѣ описанія своей студенческой жизни,—говоритъ г. Фармаковскій:—Вересаевъ хочетъ снять съ себя отвѣтственность за всѣ нарисованныя имъ тенденціозныя картины врачебнаго быта, называя ихъ слѣдствіемъ своего студенческаго „нигилизма полузнайки“. Неужели онъ и самъ вѣритъ въ возможность такимъ признаніемъ стереть все впечатлѣніе, которое оставилъ на читателяхъ своими вышеописанными картинами?“ (стр. 27).

Представьте себѣ, г. Фармаковскій,—вѣрю, и думаю, что вѣру мою признаетъ не лишенною основанія всякій, кто *просто* будетъ читать мою книгу, а не хвататься испуганно за каждую фразу и обсуждать, какъ можетъ понять ее неподготовленный читатель. Вотъ какое впечатлѣніе выноситъ этотъ „неподготовленный“ читатель при связномъ чтеніи моей книги:

Шагъ за шагомъ раскрываетъ г. Вересаевъ трудный путь врача, начиная со школьной скамьи, съ молодой, горячей вѣры въ науку медицины, до полнаго отчаянія передъ безсиліемъ ея, и заканчивая спокойною увѣренностью въ несомнѣнной пользѣ врачебнаго искусства (А. С. „О врачахъ“. *Курьеръ*, 1901, № 132).

Авторъ подробно разсказываетъ о томъ, какъ первое знакомство съ медициной, на студенческой скамьѣ, вызвало въ немъ отрицательныя, пессимистическія впечатлѣнія, которыя онъ характеризуетъ названіемъ

„медицинскаго нигилизма“... Но, по мѣрѣ того, какъ онъ углублялся въ медицинскую науку, она обращалась къ нему другой своей стороной,— и преувеличенный скептицизмъ смѣнялся вѣрой въ могущество упорнаго стремленія къ истинѣ (Сѣверовъ. „Русская литература“. *Новости*, 1901, № 134).

Но этотъ кризисъ сомнѣнія тянется недолго,—говоритъ г. Т. де-Вызева въ предисловіи къ французскому переводу „Записокъ врача“.—Студентъ вскорѣ начинаетъ понимать, что если медицина знаетъ и мало, то онъ-то самъ, во всякомъ случаѣ, не знаетъ совсѣмъ ничего и не имѣетъ права судить о наукѣ, ему неизвѣстной... Вскорѣ въ немъ не остается и слѣда наивнаго скептицизма „полузнайки“ *).

Такъ приблизительно понимаетъ мой разсказъ и большинство „неподготовленныхъ“ критиковъ. Удивительное дѣло! Пишетъ о „Запискахъ врача“ не-врачъ, и онъ совершенно ясно и правильно понимаетъ то, что̀ я хочу сказать; пишетъ врачъ,—и онъ, подобно г. Фармаковскому, не понимаетъ самыхъ ясныхъ вещей и въ каждомъ, самомъ невинномъ словѣ видитъ обвиненіе врачей и медицины въ ужаснѣйшихъ грѣхахъ **).

Приведенные примѣры избавляютъ меня отъ необходимости слѣдовать дальше за г. Фармаковскимъ въ его возраженіяхъ на мое пониманіе медицины. Я отмѣчу только еще два образчика его критики. По г. Фармаковскому, „оказывается, что медицину, если ее поподробнѣе разобрать, и если вникнуть въ суть ея значенія и смысла, придется прировнять къ галстуку европейскаго костюма“ (стр. 108). Это мнѣніе, по словамъ г. Фармаковскаго, я привожу „какъ бы съ одобряющей улыбкой“ (стр. 67), и г. Фармаковскому „больно слышать это изъ устъ врача“. Я попрошу читателя раскрыть мои „Записки“ на соотвѣтственной страницѣ, и онъ увидитъ, что указанное сравненіе высказываетъ отчаявшійся въ медицинѣ больной, а я подробно доказываю неосновательность такого сравненія. Какъ могъ г. Фармаковскій не замѣтить этого? Онъ, конечно, замѣтилъ, но — ему доподлинно извѣстно, что „изъ всѣхъ сопутствующихъ разсужденій эта фраза возьметъ главенство надъ чувствомъ непосвященнаго читателя“ (стр. 67), — такъ вѣрно извѣстно, что въ дальнѣйшемъ онъ ужъ считаетъ себя въ правѣ говорить, будто это *я* доказываю читателю, что медицина подобна галстуку... Г. Фармаковскій либо непослѣдователенъ, либо слишкомъ самоувѣренъ: зачѣмъ онъ въ своей брошюрѣ приводитъ это гибельное для медицины сравненіе ея съ галстукомъ? Чѣмъ онъ гарантированъ, что „изъ всѣхъ его сопутствующихъ разсужденій“ эта фраза также не „возьметъ главенства надъ чувствомъ

---

*) Mémoires d'un médecin. Paris. 1902, pp. V—VI.—Кстати: въ томъ же предисловіи г. Вызева сообщаетъ, что «Записки врача» «sont publiés sous un pseudonyme par un des plus savants médecins de St.-Pétersbourg». Для чего понадобилась г-ну Вызевѣ эта выдумка?

**) Въ этомъ отношеніи особенно характерна курьезная брошюра г-на Г. Медвѣдева: «Врачъ-художникъ. Отвѣтъ на книгу Вересаева «Записки врача». Спб. 1903.

непосвященнаго читателя“? Или онъ такъ ужъ увѣренъ, что его „разсужденія“ убѣдительнѣе моихъ?

Въ главѣ XII „Записокъ“ я разсказываю, какъ тяжело мнѣ было притворяться передъ больными и обманывать ихъ, и какъ я убѣдился, что иначе не можетъ быть, что обманъ часто необходимъ. Г. Фармаковскій, по своему обыкновенію, подхватываетъ одно слово „обманъ“—и длинно, обстоятельно начинаетъ доказывать... что обманъ часто необходимъ! И онъ поучаетъ меня, что „такой обманъ, разъ онъ необходимъ для пользы самихъ же паціентовъ, едва ли можетъ считаться порокомъ и ставиться медицинѣ въ укоръ“! (стр. 33).

Но вѣдь, серьезно-то говоря, что же это, наконецъ, такое,—наивная слѣпота или злостная недобросовѣстность?!. Скучно вести такого рода полемику, спорить не по существу, а лишь возстановлять смыслъ твоихъ словъ. Я не сталъ бы этого дѣлать, если бы склонность къ подобнымъ извращеніямъ была лишь спеціальною особенностью г. Фармаковскаго. Но какъ разъ онъ — еще одинъ изъ сравнительно добросовѣстныхъ моихъ оппонентовъ; другіе же позволяютъ себѣ такія извращенія моихъ словъ и мыслей, что непріятно и возражать имъ. Предлагаю читателю прочесть, напр., уже отмѣченную выше рецензію г. Алелекова въ „Медицинскомъ Обозрѣніи“ или „трудъ“ профессора Л. Мороховца, и онъ увидитъ, до какихъ неприличныхъ передержекъ способны унижаться нѣкоторые изъ моихъ оппонентовъ.

II.

Въ девятой главѣ „Записокъ“ я разсказываю, что, взявшись за практику, я живо почувствовалъ, какая громадная область знаній намъ недоступна, какъ мало мы еще понимаемъ въ человѣческомъ организмѣ. „Такъ же, какъ при первомъ моемъ знакомствѣ съ медициною, меня теперь опять поразило безконечное несовершенство ея діагностики, чрезвычайная шаткость и неувѣренность всѣхъ ея показаній. Только *раньше я преисполнялся глубокимъ презрѣніемъ къ кому-то „имъ“, которые создали такую плохую науку*; теперь же ея несовершенство встало передо мною *естественнымъ и неизбѣжнымъ фактомъ*, но еще болѣе тяжелымъ, чѣмъ прежде, потому что онъ наталкивался на жизнь“. Г. Фармаковскій, съ своею обычною добросовѣстностью, излагаетъ это мѣсто такъ: „слѣдуетъ выводъ, что въ медицинской наукѣ все еще темно и непонятно, а потомъ указывается на *заслуженное презрѣніе къ врачамъ, которые создали такую плохую науку*“ (стр. 47).

„Врачи, — продолжаетъ г. Фармаковскій: — не достигли до такого полнаго пониманія человѣческаго организма, чтобъ каждое нарушеніе его функцій и дѣйствіе на него различныхъ средствъ являлось бы для нихъ совершенно понятнымъ. *А это, по мнѣнію Вересаева, не даетъ*

намъ права приступать къ лѣченію больныхъ, такъ какъ мы всегда рискуемъ сдѣлать ту или иную отибку“ (стр. 69). И длинно, длинно, на протяженіи двадцати пяти страницъ, съ удручающимъ многословіемъ, переходящимъ положительно въ пустословіе, г. Фармаковскій доказываетъ, что если нужно опорожнить кишечникъ больного, то врачъ въ правѣ дать ему касторку, хотя и не знаетъ точно сути ея дѣйствія; что если у больного пораженъ ревматизмомъ суставъ, то для врача „раціональнѣе тотчасъ же приступить къ лѣченію этого сустава, чѣмъ изнывать надъ тѣмъ, почему пораженъ именно суставъ, а не мозгъ“. „Такимъ образомъ,—побѣдоносно заключаетъ г. Фармаковскій:—обязанность каждаго врача должна заключаться вовсе не въ сокрушеніи о томъ, что онъ не можетъ вознестись на небо и собрать съ него всѣхъ блистающихъ звѣздъ. Нѣтъ, врачъ долженъ въ предѣлахъ возможнаго исполнять свое дѣло и облегчать участь страждущихъ людей“ (стр. 70).

Все это, разумѣется, святая истина, плоская до самой образцовой банальности, и читателю, прочитавшему мою книгу, не къ чему объяснять, что всѣми своими двадцатью пятью страницами г. Фармаковскій выстрѣлилъ на воздухъ. Я привелъ это мѣсто не для того, чтобъ продолжать опровергать тѣ нелѣпости, которыя г. Фармаковскій мнѣ приписываетъ. Но на этихъ двадцати пяти страницахъ очень ярко выдѣляется одна характерная черта, объединяющая г. Фармаковскаго съ большинствомъ моихъ оппонентовъ, — это именно чрезвычайно ироническое отношеніе къ „небу и блистающимъ на немъ звѣздамъ“, т.-е. къ жаждѣ широкаго и коренного пониманія окружающаго. Въ чемъ тайна зарожденія и развитія болѣзни? Въ чемъ суть дѣйствія вводимыхъ въ организмъ лѣкарственныхъ средствъ? Г-на Фармаковскаго такіе вопросы приводятъ въ крайне смѣшливое настроеніе и напоминаютъ ему вопросы хемницеровскаго „метафизика“, интересовавшагося „сущностью“ брошенной ему въ яму веревки. Отравился больной, ну и нужно ему впрыснуть апоморфинъ, чтобы вызвать рвоту. Г. Фармаковскій увѣряетъ, что я въ подобномъ случаѣ долженъ только всплеснуть руками и начать „изнывать“ надъ вопросомъ: „какъ могу я впрыснуть больному апоморфинъ, если не знаю, почему онъ дѣйствуетъ именно на рвотный центръ?“ Нечего, конечно, опровергать эту фантазію г. Фармаковскаго, но какъ характеренъ самый его пріемъ, которымъ онъ пытается доказать вздорность всякихъ, сколько-нибудь широкихъ запросовъ, всякой неудовлетворенности даннымъ состояніемъ знанія. Къ чему все это? Безконечное количество шаткихъ теорій о дѣйствіи желѣза на малокровіе и научно установленный фактъ дѣйствія микроогранизмовъ на нагноеніе, — для г. Фармаковскаго это рѣшительно одно и то же, самъ онъ всѣмъ одинаково доволенъ. Что за „метафизика“ дѣлать тутъ какое-нибудь различіе!

Wie könnt ihr Euch darum betrüben!
Thut nicht ein braver Mann genug,

Die Kunst, die man ihm übertrug,
Gewissenhaft und pünktlich auszuüben? *)

„Какъ часто намъ, врачамъ, приходится говорить себѣ, сколько прорѣхъ въ нашемъ знаніи и нашей дѣятельности! — писалъ Бильротъ проф. Гису въ 1861 г. — Преслѣдуемый такимъ настроеніемъ, я опять и опять испытываю потребность въ положительномъ изслѣдованіи, опять и опять берусь за микроскопъ: тутъ я знаю, что̀ я вижу, и знаю, что оно именно таково, какимъ я его вижу. Вотъ вамъ причина, почему мнѣ мои анатомическія работы милы и становятся все милѣе". „Я часто ловлю себя на томъ, — писалъ онъ же проф. Бауму въ 1877 г.: — что естественнонаучный патологическій процессъ, собственно, больше интересуетъ меня въ больномъ, чѣмъ терапевтическій результатъ. *Какъ ни утопична мысль*: „если мы узнаемъ причины всѣхъ нарушеній природныхъ процессовъ, то изъ этого уже само собою вытечетъ вѣрное лѣченіе", но мнѣ очень трудно отдѣлаться отъ нея".

Не правда ли, г. Фармаковскій, какой „метафизикъ" этотъ Бильротъ? Самъ же признаётъ, что мысль „утопична", а не можетъ отъ нея отдѣлаться! И какъ это онъ не способенъ понять, что „обязанность врача заключается вовсе не въ сокрушеніи о томъ, что онъ не можетъ вознестись на небо, а въ томъ, чтобы въ предѣлахъ возможнаго исполнять свое дѣло и облегчать участь страждущихъ людей"!

Не всѣмъ намъ, врачамъ, суждено обладать талантомъ Бильрота, — это зависитъ не отъ насъ; но всѣ мы одинаково должны хранить въ душѣ его „святое недовольство", и горе той профессіи, гдѣ на мѣстѣ этого „святого недовольства" воцаряется безмятежное, любующееся собою научное самодовольство гётевскаго Вагнера.

III.

Нѣтъ ни одной науки, которая приходила бы въ такое непосредственно-близкое и многообразное соприкосновеніе съ человѣкомъ, какъ медицина. Всѣ прикладныя науки своею конечною цѣлью имѣютъ, разумѣется, благо людей, но *непосредственно* каждая изъ нихъ стоитъ отъ человѣка болѣе или менѣе далеко. Совсѣмъ не то видимъ мы въ медицинѣ. Реальный, живой человѣкъ все время, такъ сказать, заполняетъ собою все поле врачебной науки. Онъ является главнѣйшимъ учебнымъ матеріаломъ для студента и начинающаго врача, онъ служитъ непосредственнымъ предметомъ изученія и опытовъ врача-изслѣдователя; конечное практическое примѣненіе нашей науки опять-таки сплетается съ массою самыхъ разнообразныхъ интересовъ того же жи-

*) Какъ можете вы этимъ огорчаться! Развѣ не довольно для человѣка, если онъ добросовѣстно и точно будетъ примѣнять къ дѣлу искусство, которому его обучили?

вого человѣка. Словомъ, отъ человѣка медицина исходитъ, черезъ него идетъ и къ нему приходитъ.

Такое тѣсное и многообразное соприкосновеніе медицины съ живымъ человѣкомъ, естественно, ведетъ къ тому, что интересы медицины, какъ науки, постоянно сталкиваются съ интересами живого человѣка, какъ ея объекта; то, что̀ важно и необходимо для науки, т.-е. для блага человѣчества, сплошь да рядомъ оказывается крайне тяжелымъ, вреднымъ или гибельнымъ для отдѣльнаго человѣка. Изъ этого истекаетъ цѣлый рядъ чрезвычайно сложныхъ, запутанныхъ противорѣчій. Противорѣчія эти били мнѣ въ глаза, били, казалось мнѣ, и каждому врачу, не потерявшему способности смотрѣть на жизнь съ человѣческой, а не съ профессіональной точки зрѣнія; и противорѣчія эти я изложилъ въ своей книгѣ.

Посмотримъ же, какъ отнесся къ нимъ г. Фармаковскій. Я указываю, что въ обученіе на больныхъ у насъ входитъ значительный элементъ принужденія, — что, напр., невѣжественная мать, для которой вскрытіе ея умершаго ребенка представляется самымъ ужаснымъ его поруганіемъ, принуждается итти на это горькою необходимостью. Но вѣдь это предразсудокъ!—возражаетъ г. Фармаковскій.—„А разъ это предразсудокъ, то всякій развитой, интеллигентный человѣкъ долженъ противъ него бороться, а не раздувать его“ (стр. 20). И г. Фармаковскій говоритъ уже, что я „проповѣдую походъ противъ вскрытій“, и скорбитъ о „плохой услугѣ“, которую я этимъ оказываю публикѣ. Читатель видитъ, что г. Фармаковскій самымъ старательнымъ образомъ *обходитъ* вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь: конечно, „съ предразсудками нужно бороться“, но то же ли это самое, что̀ *заставлять* человѣка съ предразсудкомъ наступать ногою на его предразсудокъ? Я вотъ лично глубоко, напр., убѣжденъ, что наша стыдливость есть предразсудокъ; значитъ ли это, что я имѣю нравственное право заставить человѣка раздѣться донага и выйти въ такомъ видѣ на улицу? Смѣшно предполагать, чтобы г. Фармаковскій не понималъ этой разницы,—почему же онъ ея не видитъ? Потому что во всемъ вопросѣ его интересуетъ только одно, — какъ бы отъ обсужденія вопроса въ публикѣ не увеличилась боязнь вскрытій; до остального ему рѣшительно нѣтъ дѣла. Ужъ совершенно откровенно высказывается на этотъ счетъ другой мой критикъ, д-ръ К. М. Горелейченко; онъ прямо спрашиваетъ: „*Почему это Вересаеву понадобилось стать на точку зрѣнія отца-бѣдняка? Непонятно!*“ — и утѣшается вполнѣ справедливою мыслью, что бѣдняку же будетъ хуже, если онъ, изъ боязни вскрытій, не понесетъ и другого своего ребенка въ больницу *).

---

*) «За и противъ «Записокъ врача» Вересаева». Спб., 1902 г., стр. 12.— Г. Фармаковскій отмѣчаетъ у меня, между прочимъ, одну «фактическую неточность». «Въ больницахъ,—говоритъ онъ:—послѣ смерти вскрываются только безродные больные; у тѣхъ же, которые имѣютъ родственниковъ,

Переходимъ къ вопросу, который составляетъ одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ врачебной жизни, — къ вопросу о поразительной неподготовленности молодыхъ врачей къ практической дѣятельности. Я разсказываю въ своей книгѣ о рядѣ ошибокъ, надѣланныхъ мною въ началѣ моей практики. Мои оппоненты подвергаютъ эти ошибки самой уничтожающей критикѣ, доказываютъ, что онѣ были ошибками, и что сдѣлалъ я ихъ лишь потому, что я—исключительно плохой, неспособный врачъ; обобщать же эти ошибки никакъ не слѣдуетъ. Конечно, практическая подготовка врачей несовершенна, „но, — пишетъ г. Фармаковскій, — въ большинствѣ случаевъ неопытность молодого врача обыкновенно выражается скорѣе отсутствіемъ всякой помощи больному, чѣмъ принесеніемъ ему вреда“ (стр. 28).

„Для того, чтобы „не вредить“,—пишетъ и д-ръ С. Вермель:—каждый врачъ, средній врачъ вполнѣ подготовленъ! Ошибка всегда возможна, но отъ ошибокъ до труповъ такъ же далеко, какъ отъ неба до земли. Надо ужъ очень быть храбрымъ, чтобъ вредить“ *)

Также и по мнѣнію д-ра И. И. Бинштока, я долженъ былъ предупредить читателя, что это только я вышелъ изъ университета такимъ мало знающимъ врачомъ, неопытность же другихъ врачей больше выражается лишь въ томъ, что они „обливаются холоднымъ потомъ при первыхъ своихъ назначеніяхъ“. И опять выдвигается на сцену грозный призракъ „читателя“, „который долженъ прійти въ ужасъ при мысли, кому приходится довѣрять свое здоровье, жизнь, и къ тѣмъ безконечнымъ обвиненіямъ, которыя въ такомъ изобиліи сыплются на врачей, прибавляется еще одно, быть-можетъ самое ужасное, удостовѣренное врачомъ“ **).

Мои ошибки доказываютъ лишь одно,—что я плохой врачъ. Хорошо. Но — гг. Фармаковскій, Вермель, Бинштокъ! Разскажите же о *вашихъ* ошибкахъ, но только разскажите искренно; это было бы важнѣе и нужнѣе для дѣла, чѣмъ ломиться въ открытую дверь и съ торжествомъ доказывать, что мои ошибки были ошибками. Право же, это слишкомъ нетрудно! Напомню вамъ, что, когда Пироговъ опубликовалъ свои „Анналы“, гдѣ вполнѣ откровенно разсказалъ о всѣхъ своихъ ошибкахъ, то нашлись критики, которые, разобравъ эти ошибки, убѣдительнѣйшимъ образомъ доказали, что онѣ были совершенно „непозволительны“. А вѣдь Пироговъ былъ несомнѣнный геній, а критики его были столь же несомнѣннымъ ничтожествомъ. Мы же съ вами одинаково—обыкновенные средніе врачи.

Но допустимъ, что вы, дѣйствительно, имѣете право такъ побѣдо-

---

вскрытіе производится лишь съ разрѣшенія этихъ послѣднихъ». Смѣю увѣрить г. Фармаковскаго, что у насъ много больницъ, въ которыхъ совершенно не считаютъ нужнымъ вѣдаться съ желаніемъ родственниковъ.

*) «Записка врача *о Запискахъ врача*». Русское Слово. 1902, № 6.

**) Практическій Врачъ, 1901, № 1.

носно критиковать мои ошибки, что у васъ въ прошломъ нѣтъ воспоминаній, которыя бы тяжелымъ камнемъ лежали у васъ на душѣ. Но вы утверждаете, что и всѣ врачи вообще — такіе же хорошіе врачи, какъ вы, что это только я одинъ представляю печальное исключеніе. Къ счастью, во врачебномъ сословіи немало людей, которые дѣйствительные, идеальные интересы нашего сословія ставятъ выше трусливаго соображенія, — что̀ скажетъ о насъ публика.

До сихъ поръ, — пишетъ проф. П. В. Буржинскій о „Запискахъ врача“: — не приходилось встрѣчаться съ такимъ правдивымъ изложеніемъ нѣкоторыхъ отрицательныхъ сторонъ медицинскаго образованія. Несомнѣнно, что авторъ дѣйствительно пережилъ и перечувствовалъ все или почти все разсказанное. *Да и кто изъ насъ, врачей, не пережилъ того же въ большей или меньшей степени?..* По окончаніи курса, — разсказываетъ профессоръ о себѣ: — я вынесъ убѣжденіе, что среди насъ, только-что получившихъ лѣкарскій дипломъ, врядъ ли былъ хоть одинъ, который бы не зналъ, что̀ такое saccus coecus retro-sternocleidomastoideus, но многіе ли умѣли сдѣлать горлосѣченіе задыхающемуся ребенку и увѣренно опредѣлить положеніе плода? *)

27-го апрѣля, — читаемъ мы во „Врачебной Газетѣ“ (1902, № 19, стр. 445), — состоялось второе засѣданіе Общества кременчугскихъ врачей, посвященное, главнымъ образомъ, преніямъ по поводу „Записокъ врача“ Вересаева. Старшій врачъ губернской земской больницы, А. Т. Богаевскій, говорилъ очень пространно о неподготовленности врача къ практической дѣятельности, иллюстрируя это фактами изъ личной практики, о заслугѣ Вересаева, поднявшаго этотъ вопросъ передъ обществомъ и тѣми, „кому вѣдать надлежитъ“, и т. д.

Д-ръ Григорій Гордонъ пишетъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (1902, № 25):

То, что̀ разсказываетъ Вересаевъ о началѣ своей практики, могъ бы повторить каждый изъ насъ о себѣ. Ясно, что современная постановка медицинскаго образованія требуетъ коренной реформы, которая должна явиться въ самомъ недалекомъ будущемъ. *Нужно удивляться, какъ можетъ и далѣе существовать такой порядокъ вещей.* Не странно ли, что врачи, ежегодно собирающіеся на съѣзды, до сихъ поръ ни разу не выбрали этого вопроса предметомъ своихъ обсужденій и, возбуждая постоянно массу ходатайствъ, никогда не хлопотали объ его упорядоченіи. Какъ объяснить себѣ это?

Я приведу еще почти цѣликомъ одно письмо молодого врача, напечатанное въ № 347 „Новостей“ за 1901 г. Оно нѣсколько длинно, но рисуетъ чрезвычайно ярко ту безпомощность, съ какою начинающій врачъ принужденъ вступать въ практику.

Въ № 49 „Врача“, — пишетъ этотъ врачъ: — напечатана рѣчь проф. Вельяминова, касающаяся „Записокъ врача“ Вересаева. Въ этой рѣчи, между прочимъ, сказано: „Молодыхъ врачей допускаютъ къ операціямъ вѣдь не прямо съ улицы; они подготавливаются къ этому годами, пользуются руководствомъ болѣе опытнаго хирурга и, приступая къ своему дѣлу, дѣйствуютъ сознательно и цѣлесообразно“. Когда я прочи-

---

*) Письмо въ редакцію. Врачъ, 1901, № 9.

талъ эти строки, мнѣ стало невыносимо грустно. Я не могу допустить, что проф. Вельяминовъ заблуждается искренно, что ему въ дѣйствительности неизвѣстенъ тотъ багажъ опытности и знаній, съ какимъ молодые врачи вынуждены иногда приступать къ труднымъ и отвѣтственнымъ операціямъ. Неужели онъ находитъ постановку обученія хирургіи на медицинскихъ факультетахъ правильною и думаетъ, что врачи сейчасъ по окончаніи курса могутъ относиться сознательно и цѣлесообразно къ больнымъ?! И какимъ образомъ могло бы выработаться подобное сознательное отношеніе у студентовъ, которые не продѣлали ни одной, хотя бы самой пустячной операціи за все время своего обученія, и вся хирургическая дѣятельность которыхъ сводилась исключительно къ созерцанію того, какъ оперировали профессоръ и его ассистенты? Тотъ студентъ, которому удалось вскрыть нарывъ на пальцѣ, считается счастливымъ. Но счастливъ и тотъ студентъ, который могъ хорошо прослѣдить ходъ нѣсколькихъ операцій, произведенныхъ его учителями, такъ какъ вокругъ больного склоняется обыкновенно нѣсколько головъ ассистентовъ, заслоняющихъ совершенно поле операціи. Студенты въ такихъ случаяхъ подобны зрителямъ, сидящимъ на галеркѣ, откуда видны однѣ только ноги актеровъ.

Я сильно интересовался хирургіей въ университетѣ и употреблялъ всѣ усилія, чтобы прослѣдить возможно большее число операцій. Съ этою цѣлью я приходилъ пораньше въ аудиторію, занималъ наилучшее мѣсто, а во время операціи взлѣзалъ на столы, вытягивалъ шею, принимая самыя неудобныя позы, и... ничего не могъ разглядѣть, несмотря на свое превосходное зрѣніе. Что-то рѣзали, текла кровь, что-то вытирали губками, а потомъ набивали тампонами или зашивали. Операціи, къ тому же, производились въ большинствѣ случаевъ самыя сложныя и доступныя только для самыхъ опытныхъ техниковъ, какъ, напримѣръ: удаленіе больной почки, вскрытіе нарыва въ печени, изсѣченіе омертвѣвшей кишки, удаленіе зоба и т. д. Такія операціи, конечно, способствовали усовершенствованію техники ассистентовъ, но для студентовъ являлись не болѣе, какъ фокусомъ, сеансомъ черной магіи. Такъ какъ я обратилъ на себя вниманіе ассистентовъ своимъ усердіемъ, то мнѣ позволяли иногда присутствовать на перевязкахъ, и тогда я имѣлъ возможность ясно видѣть теченіе операціонной раны. А нѣсколько разъ позволили даже произвести вскрытіе нарыва. И я считался однимъ изъ самыхъ опытныхъ хирурговъ на курсѣ...

Когда же я, по окончаніи университета, побуждаемый острой нуждой, вынужденъ былъ занять мѣсто земскаго врача, жизнь зло подшутила надо мной. На первой же недѣлѣ ко мнѣ доставленъ былъ крестьянинъ, который во время рѣзки свиней упалъ и накололся на острый ножъ. Ножъ вонзился въ грудь подъ ключицей. Кровь брызнула фонтаномъ. Увидавъ это раненіе, я сообразилъ, что у больного перерѣзана подключичная артерія, и что ее необходимо перевязать. На трупахъ я продѣлывалъ эту операцію неоднократно, на живомъ человѣкѣ никогда. Зная, какъ опасна эта операція, я не рѣшился ее сдѣлать и, наложивъ давящую повязку, чтобы остановить кровотеченіе, отправилъ больного въ губернскую земскую больницу, за сорокъ верстъ. Больной по дорогѣ скончался отъ потери крови.

Вскорѣ затѣмъ я призванъ былъ къ роженицѣ, которая нуждалась въ акушерской помощи. Пришлось накладывать щипцы. Я многократно ихъ накладывалъ на куклахъ, но никогда на человѣкѣ. Щипцы никакъ не укладывались и все соскакивали. Я бился, бился и ничего не могъ подѣлать. Я плакалъ отъ сознанія своей безпомощности, но принужденъ былъ уложить несчастную въ телѣгу и отправить ее въ губернскую

больницу (въ позднюю осень, сырую и холодную!). Къ счастью, женщина осталась въ живыхъ, но ребенокъ погибъ. Я бросилъ послѣ этого земскую службу и поѣхалъ наново учиться...

Само собою разумѣется, что все это пишутъ и говорятъ такіе же плохіе, бездарные врачи, какъ я. Но вѣдь, оказывается, во врачебномъ-то сословіи не только я одинъ такъ плохъ, — значитъ, это не исключительное явленіе, съ этимъ нельзя не считаться... Нѣтъ, какъ хотите, а это страшно: вопросъ съ зловѣщей настойчивостью бьетъ въ глаза, пахнетъ кровью и трупомъ, а гг. Фармаковскіе, Бинштоки и Вермели ясными глазами, не сморгнувъ, смотрятъ на него и говорятъ: тутъ все совершенно благополучно! „Неопытность молодого врача обыкновенно выражается скорѣе отсутствіемъ всякой помощи больному, чѣмъ принесеніемъ ему вреда“. Что такое? Да развѣ отсутствіе помощи не есть принесеніе вреда? Развѣ *не* сдѣлать въ нужную минуту трахеотоміи, *не* опредѣлить положенія плода, *не* перевязать подключичной артеріи, *не* наложить щипцовъ — не значитъ принести больному вредъ? Пусть такъ, но дѣло совсѣмъ не въ этомъ, дѣло въ томъ, можно ли объ этомъ говорить? А ну, какъ объ этомъ узнаетъ „читатель“ и „придетъ въ ужасъ при мысли, кому приходится довѣрять свое здоровье и жизнь!..“

IV.

Но вотъ другой вопросъ,—вопросъ чрезвычайно сложный, трудный и запутанный, вытекающій изъ самой сути медицины, какъ науки, такъ тѣсно связанной съ человѣкомъ, — вопросъ о границѣ дозволительнаго врачебнаго опыта на людяхъ, о тѣхъ трупахъ, которые устилаютъ путь медицины. Вѣдь этотъ вопросъ необходимо выяснить во всей его безпощадной наготѣ, потому что только при такомъ условіи и можно искать путей къ его разрѣшенію... Нѣтъ!—заявляютъ мои оппоненты:—никакого и вопроса-то такого нѣтъ, вся же суть опять только въ томъ, что самъ Вересаевъ — очень плохой врачъ, да притомъ еще страдающій неврастеніей; потому-то первыя операціи его такъ неудачны, потому-то примѣненіе имъ новыхъ средствъ ведетъ къ гибели больныхъ. Устилая лишь свой путь трупами, онъ, какъ и подобаетъ неврастенику, сваливаетъ свою личную вину не на себя, а на ни въ чемъ неповинную медицину.

„Между тѣмъ,—пишетъ д-ръ И. И. Бинштокъ:—сотни врачей, вдали отъ университетовъ, нерѣдко по однимъ только описаніямъ, дѣлаютъ самыя сложныя операціи въ крайне неблагопріятной обстановкѣ. Врачи эти безропотно несутъ свой тяжелый трудъ, въ сознаніи той пользы, которую они приносятъ ближнему. Безспорно, и у этихъ скромныхъ тружениковъ бываютъ неудачи, и у нихъ больные умираютъ, и въ нихъ многіе готовы бросить камень, но это дѣлаетъ публика: а г. Вересаевъ, обобщая свои личныя неудачи, какъ бы выступаетъ, самъ того не со-

знавая, въ помощь публикѣ и выдвигаетъ противъ врачей *весьма тяжкія обвиненія*".

Какъ видите, г. Бинштокъ самого вопроса совершенно не хочетъ замѣчать, его опять-таки интересуетъ здѣсь исключительно лишь одно,— какъ бы по этому поводу противъ врачей не выдвинули „тяжкихъ обвиненій". Совершенно такъ же смотритъ на дѣло и г. Фармаковскій.

„Тамъ, гдѣ ради пользы человѣка берутъ на себя рискъ спасти его отъ смерти и тяжкихъ страданій, — жалуется онъ: — тамъ совершается великое преступленіе! Тамъ говорятъ, что члены сословія идутъ „по трупамъ", что ихъ карьера составлена на множествѣ „погубленныхъ ими жизней" (стр. 36). И опять возвращается онъ къ этому на стр. 44: „Много напрасныхъ обвиненій приходится выслушивать намъ, врачамъ, отъ непонимающихъ сути дѣла людей, но никогда не было еще такъ больно, какъ теперь, когда все это слышишь со стороны врача, знакомаго со всею сутью вещей".

Я спрошу г-на Фармаковскаго: что̀ же онъ, въ концѣ концовъ, признаётъ или нѣтъ, что наши успѣхи идутъ черезъ трупы? Замѣчу кстати, что фраза: „наши успѣхи идутъ черезъ горы труповъ" принадлежитъ не мнѣ, а Бильроту; замѣчу, что я привожу эту фразу вовсе не въ „обвиненіе" врачей, а только указываю ею на тотъ сложный, трудный и, къ сожалѣнію, совершенно игнорируемый вопросъ, который вырастаетъ изъ самой сути нашей дѣятельности. Признаётъ существованіе этого вопроса г. Фармаковскій или нѣтъ? „Признаётъ ли..." Да онъ его вовсе и не хочетъ знать; когда его пытаются поднять, г. Фармаковскій испытываетъ только ощущеніе чуть не личной обиды. Что̀ же касается самого вопроса, то что̀ же въ немъ особеннаго? „А какія другія стороны человѣческой дѣятельности не сопряжены съ жертвою цѣлаго ряда человѣческихъ жизней? Развѣ наша желѣзная дорога не идетъ по насыпямъ, укрѣпленнымъ зарытыми въ нихъ костями погибшихъ при ея постройкѣ и крушеніяхъ людей? Развѣ то золото, которое въ видѣ браслетъ облекаетъ пухлыя ручки нашихъ дамъ, не задушило въ нѣдрахъ земли цѣлыхъ сотенъ и тысячъ несчастныхъ людей? Развѣ наши трюмо и зеркала... Развѣ тѣ письма, которыя разносятъ почтальоны... (и т. д., и т. д.). Во всѣхъ этихъ случаяхъ гибнетъ народъ. И все-таки не говорятъ, что развитіе этихъ дѣлъ идетъ „по грудамъ труповъ загубленныхъ ими людей" (стр. 36)...

Не говорятъ? Полно, г. Фармаковскій, такъ ли? Могу васъ увѣрить,— есть много людей, которые усиленно говорятъ объ указанныхъ вещахъ. Но, къ сожалѣнію, рядомъ съ ними есть еще больше людей, которые, подобно вамъ, лишь киваютъ при этомъ на сосѣдей и возражаютъ: „у нихъ такъ же скверно, какъ у насъ,—слѣдовательно у насъ все благополучно, и люди, утверждающіе противное, руководствуются исключительною цѣлью нанести намъ обиду".

Говоря о первыхъ операціяхъ начинающихъ хирурговъ, я привожу

слова Мажанди, рекомендующаго врачамъ предварительныя упражненія на живыхъ животныхъ. „Кто привыкъ къ такого рода операціямъ, — говоритъ Мажанди:—тотъ смѣется надъ трудностями, передъ которыми безпомощно останавливается столько хирурговъ“. По этому поводу мнѣ пришлось слышать отъ одного молодого хирурга чрезвычайно любопытное наблюденіе. Онъ ужъ нѣсколько лѣтъ занимается хирургіей; въ прошломъ году ему пришлось для докторской диссертаціи произвести рядъ сложныхъ операцій въ брюшной полости кроликовъ и собакъ; и его поразило, насколько увѣреннѣе и искуснѣе сталъ онъ себя чувствовать послѣ этого въ операціяхъ на людяхъ.

Казалось бы, невозможно оспаривать, что непосредственный переходъ отъ трупа къ живому человѣку слишкомъ великъ, что совѣтъ Мажанди, чрезвычайная важность котораго совершенно ясна даже a priori, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія и самой тщательной провѣрки. Оказывается, все это совершенный вздоръ, начинающіе врачи нисколько не нуждаются въ подобныхъ упражненіяхъ, суть же дѣла опять-таки въ томъ, что я, Вересаевъ, — очень плохой врачъ и ничего толкомъ не умѣю сдѣлать. „Напрасно, поэтому, — говоритъ д-ръ М. Камневъ: — г. Вересаевъ дѣлаетъ изъ своихъ неудачъ выводъ о негодности молодыхъ врачей къ хирургіи и о необходимости учиться операціямъ на животныхъ, по совѣту Мажанди“ *).

По увѣренію г. Камнева, это совершенно излишне... А вотъ что̀ говоритъ приватъ-доцентъ московскаго университета А. П. Левицкій, преподаватель хирургіи, вотъ уже нѣсколько лѣтъ предоставляющій своимъ слушателямъ-студентамъ оперировать на живыхъ животныхъ:

Трудно представить себѣ хорошую технику у врача, которому приходится впервые производить операцію у человѣка, еще труднѣе допустить у него полное самообладаніе при операціи, что̀, конечно, необходимо. Говорю объ этомъ такъ увѣренно на основаніи многолѣтнихъ наблюденій... Это побудило меня, при чтеніи лекцій по хирургической патологіи, ввести занятія на животныхъ, съ цѣлью пріучить слушателей владѣть ножомъ, останавливать кровотеченіе, производить трахеотомію, разобраться во вскрытой брюшной полости и т. д. Мои выводы изъ этихъ занятій таковы: 1) слушатели довольно быстро осваиваются съ необходимою элементарною техникою (безупречно накладывались швы на кишечникъ и на венозныя стѣнки), 2) скоро пріобрѣтали увѣренность при своихъ дѣйствіяхъ ножомъ, чего не было въ началѣ занятій. *Отъ самихъ слушателей, изъ которыхъ многіе уже врачи и спеціалисты-хирурги, я не разъ слышалъ, что предварительныя занятія на животныхъ сослужили имъ хорошую службу, когда пришлось впервые оперировать на человѣкѣ* **).

---

*) Еженедѣльникъ, 1901, стр. 300.

**) «Операціи на животныхъ въ цѣляхъ преподаванія хирургіи». Вѣстникъ Спб. Врач. Общества взаимной помощи. 1902, № 1, стр. 23.

V.

Идемъ далѣе. Прививки болѣзней здоровымъ людямъ съ научною цѣлью. Тутъ всѣ мои оппоненты единогласно заявляютъ, что подобные опыты заслуживаютъ безусловнаго порицанія, но... Но, — пишетъ д-ръ Максъ Нассауэръ изъ Мюнхена,—Вересаевъ „весь врачебный міръ дѣлаетъ отвѣтственнымъ за промахи отдѣльныхъ лицъ и не отмѣчаетъ, что большинство врачей не имѣетъ къ этимъ опытамъ никакого отношенія“ *). То же самое заявляютъ и другіе мои оппоненты, и только г. Фармаковскій, выразивъ свое безусловное порицаніе опытамъ, опять спѣшитъ прибавить: „Да если и принять во вниманіе преступленіе только этихъ отдѣльныхъ лицъ, то больше ли оно тѣхъ преступленій, которыя совершаются въ другихъ сословіяхъ общества?“ — и слѣдуетъ обстоятельное перечисленіе преступленій „другихъ сословій общества“ (стр. 43—44).

Разъ эти опыты всѣми осуждаются, то для чего я говорю о нихъ?— спрашиваютъ меня мои оппоненты. „Ну, скажи самъ: какая отъ этого польза намъ, какая польза, прежде всего, міру? — спрашиваетъ меня д-ръ Л. Кюльцъ, обращаясь ко мнѣ, по-товарищески, на „ты“.—Скверная ты птица, которая гадитъ въ собственное гнѣздо!.. Подумай о томъ, что цитированные тобою изслѣдователи, правда, сдѣлали промахъ въ выборѣ средствъ, но что они стремились при этомъ къ цѣли, которая послужила къ добру тысячамъ. Подумай о томъ, что всѣ эти дѣла *принадлежатъ прошлому*. Зачѣмъ ты снова разрываешь старыя, зарубцевавшіяся раны, зачѣмъ выгребаешь изъ угловъ истлѣвшіе остатки прошлаго?“ **).

„Поступокъ врачей-фанатиковъ безчеловѣченъ, — заявляетъ и д-ръ К. М. Горелейченко. — Онъ медицинской прессой осужденъ, это *дѣло прошлаго, нѣсколькихъ десятилѣтій*, и въ настоящее время едва ли можетъ повториться что-либо подобное“ ***).

Это дѣло прошлаго!.. Въ данное время я не могу пользоваться сколько-нибудь богатою медицинскою библіотекою, поэтому приведу опыты надъ людьми, совершенные за послѣдніе два года (1900—1901), такъ, какъ они изложены во „Врачѣ“, органѣ энергичнаго и неутомимаго борца противъ такихъ опытовъ, покойнаго проф. В. А. Манассеина; вмѣстѣ съ этимъ я буду приводить и соотвѣтственныя замѣчанія Манассеина.

„*Врачъ*“, *1900, № 3, стр. 95*. Недавно въ Вѣнѣ разбиралось дѣло д-ра Грасса. Дѣло было возбуждено по жалобѣ больного, которому Грассъ позволилъ себѣ впрыснуть подъ кожу убитую разводку гонокок-

---

*) «Bekenntnisse eines Arztes». Frankfurter Zeitung, 1902. 24 Mai.

**) Dr. L. Külz. «Antwort auf die Beichten des Arztes Weressajew». Leipzig-Reudnitz. 1902, p. 30.—Есть русскій переводъ.

***) «За и противъ Вересаева». стр. 14.

ковъ (по счастью, безъ всякаго вреда). Судъ оправдалъ врача, но единственно потому, что прошелъ уже срокъ, въ теченіе котораго можно было предъявить автору обвиненіе.

№ 5, стр. 144. Д-ръ Цанони, желая изучить сочетаніе микробовъ въ легкихъ при чахоткѣ, счелъ себя въ правѣ (?! *Ред.*) брать для этого содержимое изъ пораженныхъ участковъ легкаго. Дезинфицировавъ кожу, онъ вкалывалъ въ легкія чахоточныхъ больныхъ полыя иглы и такимъ образомъ извлекалъ содержимое. Проколъ дѣлался иглами въ 7—8 сант. длиною „и не очень тонкими". *(Подстр. примѣч.* Работа д-ра Ц. еще разъ заставляетъ насъ подчеркнуть, казалось бы, не требующее доказательствъ положеніе, что больные — не матеріалъ для опытовъ, какъ бы интересны эти опыты сами по себѣ ни были, и все, что не прямо необходимо для помощи имъ, допустимо лишь съ *полнаго* вѣдома и согласія ихъ самихъ. *Ред.)*.

№ 6, стр. 178. Д-ръ де-Симони, желая выяснить, составляетъ ли такъ называемая Фришевская палочка специфическій возбудитель риносклеромы, вводилъ ватныя пробки, пропитанныя разводками этой палочки, въ носъ людей, страдавшихъ сильно развитою чахоткою легкихъ. (Опять непростительные и возмутительные опыты! *Ред.*). Результатъ опытовъ былъ всегда отрицательный.

№ 7, стр. 213. Д-ръ Гердеръ (въ Парижѣ) испытывалъ новый способъ лѣченія бугорчатки впрыскиваніями глицериновой вытяжки изъ тресковой печени. Сначала авторъ испытывалъ эти впрыскиванія у чахоточныхъ и получалъ нѣкоторое улучшеніе; у нѣкоторыхъ однако „реакція" сопровождалась повышеніемъ температуры до 39° и 40°: впрочемъ, у этихъ больныхъ наблюдались повышенія температуры и отъ впрыскиваній соленой воды (ради чего дѣлались впрыскиванія этой соленой воды? Очевидно, больные служили „матеріалами" для опытовъ! *Ред.*). Для выясненія способа дѣйствія этихъ впрыскиваній, авторъ произвелъ рядъ опытовъ на кроликахъ и свинкахъ (не правильнѣе ли было бы начать съ опытовъ на животныхъ, а не на людяхъ? *Ред.*).

№ 24, стр. 737. Желая опредѣлить давленіе въ легочныхъ мѣшкахъ здороваго человѣка, д-ръ Э. Аронъ (изъ Берлина) счелъ себя въ правѣ (!! *Ред.*) произвести опытъ на двухъ лицахъ, предварительно объяснивъ имъ, ради чего подобные опыты надъ ними производятся. Аронъ убѣжденъ, что при тщательномъ соблюденіи чистоты всякая опасность такого опыта устраняется. Впрыснувъ подъ кожу кокаинъ, онъ вкалывалъ въ межреберье троакаръ, соединенный съ манометромъ; при этомъ больной могъ дѣлать вдохи лишь не очень глубокіе, такъ какъ при глубокихъ легкое задѣвало за кончикъ троакара, что вызывало сильнѣйшую боль (хороша безопасность опыта! *Ред.)*... Несмотря на безвредность (?) употребленнаго способа, едва ли кому-нибудь представится случай примѣнить его на большомъ числѣ лицъ. Поэтому Аронъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что хирурги при операціяхъ въ грудной

полости не производятъ подобныхъ измѣреній. (Хирургъ нравственно обязанъ не осложнять операціи и даже не удлинять ея ничѣмъ, что̀ не нужно для блага больного. *Ред.*).

№ 26, стр. 814. Общая, а за нею и врачебная печать Германіи *) крайне взволнованы обвиненіями терапевтической клиники проф. Штинтпинга въ непозволительныхъ опытахъ надъ больными. Поводомъ къ этимъ обвиненіямъ послужила статья бывшаго ассистента клиники д-ра Штрубеля. Въ статьѣ этой, дѣйствительно, встрѣчаются прямо невѣроятныя мѣста. Вотъ два изъ нихъ (рѣчь идетъ о лѣченіи сахарнаго мочеизнуренія сухояденіемъ): „Уже въ первые же дни для меня стало ясно, что безъ запиранія на ключъ моего перваго больного точное изслѣдованіе будетъ невозможно. Поэтому больной былъ помѣщенъ въ небольшую комнату на чердакѣ клиники, имѣющую два окна съ крѣпкой желѣзной рѣшеткой. Дверь комнаты хорошо и крѣпко запирается. Ключъ отъ нея былъ всегда у меня въ карманѣ. Но, думая, что я такимъ образомъ предохранилъ себя отъ обмана, я ошибался: два или три раза, когда результаты изслѣдованія не согласовались между собою, я приналегъ на больного съ допросомъ, и онъ признался, что во время сильнаго дождя онъ высунулъ въ окно сосудъ и изъ проходившей по крышѣ полутрубы добылъ такимъ образомъ полъ-литра дождевой воды. Однажды я убѣдился, что больной пилъ воду, данную ему для мытья; съ тѣхъ поръ во время дней опыта я не давалъ ему мыться. Однажды ночью больной, мучимый жаждой, выпилъ 1.400 кб. см. собственной мочи, а въ послѣдній день опыта надъ обмѣномъ веществъ больной, въ теченіе нѣсколькихъ дней получавшій очень мало питья, сломавъ рѣшетку у окна, вылѣзъ на крышу и затѣмъ, сломавъ рѣшетку въ другомъ окнѣ, пробрался въ комнату служанки, гдѣ его накрыли какъ разъ еще во̀-время, когда онъ подходилъ къ крану водопровода...“ „Второго моего больного я тоже держалъ подъ замко̀мъ, предварительно вставивъ въ окно тройную желѣзную рѣшотку. Въ этомъ опытѣ,—правда, съ существованіемъ уже грозныхъ разстройствъ въ общемъ состояніи больного,—мнѣ удалось существенно ограничить постоянное отдѣленіе мочи и даже на полтора часа совсѣмъ прекратить его, причемъ я отлично сознавалъ, что, при постоянномъ надзорѣ за пульсомъ и сердцемъ, я дошелъ до границъ дозволеннаго (! *Ред.*). Если бы больной промучился жаждою еще часа два, то отдѣленіе мочи, быть-можетъ, и совсѣмъ бы прекратилось, а, вѣроятно, вмѣстѣ съ нимъ прекратилась бы и работа сердца“ **).

---

*) Общая, а *за нею* уже и врачебная печать!.. В. В.

**) Проф. Штинтцингъ, вынужденный печатью дать объясненія, напечаталъ удивительное оправдательное письмо, гдѣ утверждалъ, что „опытъ былъ предпринятъ для лѣченія больного, а не ради научнаго изслѣдованія“, что больной добровольно согласился на опыты и во всякое время могъ ихъ прекратить. Достаточно прочесть само описаніе опытовъ, чтобъ увидѣть, сколько правды въ письмѣ профессора. В. В.

№ 42, стр. 1286. Интересуясь вопросомъ о невоспріимчивости къ болотной лихорадкѣ, проф. Челли продѣлалъ такіе опыты. Одному человѣку авторъ, „впрыснувъ большое количество крови, взятой отъ больныхъ съ легкой и тяжелой трехдневными лихорадками, не могъ вызвать у него никакихъ признаковъ заболѣванія...“ Далѣе, Челли испробовалъ вліяніе разныхъ лѣкарственныхъ веществъ на невоспріимчивость къ *искусственной* болотной лихорадкѣ. (Мы не разъ уже высказывали наше глубокое убѣжденіе въ непозволительности подобныхъ опытовъ. Даже и при *вполнѣ сознательномъ* согласіи на опытъ лицъ, ему подвергаемыхъ, врача должно бы остановить то простое соображеніе, что онъ отнюдь не можетъ быть увѣреннымъ въ безвредности производимаго опыта. *Ред.*). Различныя вещества дали самые разнообразные результаты: іодистый калій и антипиринъ, напримѣръ, оказались совершенно безполезными, въ смыслѣ предохраненія отъ заболѣванія *), и т. д.

„Врачъ“, 1901, № 15, стр. 578. Франкъ и Веландеръ, изслѣдуя вопросъ о предупрежденіи гонорреи, производили слѣдующіе (непозволительные по нашему мнѣнію, *Ред.*) опыты: двумъ лицамъ въ отверстіе мочеиспускательнаго протока на платиновомъ ушкѣ вводилось перелойное отдѣляемое, содержавшее гонококки: затѣмъ, по прошествіи пяти минутъ, одному изъ этихъ лицъ вкапывали двѣ капли раствора протаргола, другому же вкапыванія не дѣлалось. Первый изъ подвергшихся опыту оставался здоровымъ, *второй же заболѣвалъ перелоемъ.*

№ 30, стр. 949. Эд. Муръ, занимаясь вопросомъ о лѣченіи сифилиса специфическою сывороткою, впрыснулъ одной больной съ неоперируемымъ ракомъ сыворотку, послѣ чего послѣдовательно привилъ ей отдѣляемое всѣхъ трехъ основныхъ періодовъ сифилиса. Зараженія не послѣдовало.

№ 32, стр. 987. Д-ръ Кистеръ (въ Гамбургѣ) изучалъ значеніе для здоровья борной кислоты. Тремъ здоровымъ лицамъ авторъ давалъ по три грамма борной кислоты въ сутки; уже спустя короткое время здоровье у нихъ разстраивалось: появлялись рвота и поносъ, а на 4—10 дни—бѣлокъ въ мочѣ. Назначеніе одного грамма въ сутки въ теченіе нѣсколькихъ дней четыремъ лицамъ не оставалось безъ вліянія на здоровье: являлись поносъ и рвота... Такимъ образомъ борная кислота, принимаемая даже въ небольшихъ количествахъ, оказывается не безвредной.

№ 35, стр. 1073. Проф. Тенниклайфъ и д-ръ Розенгеймъ изслѣдовали вліяніе борной кислоты и буры на общій обмѣнъ у дѣтей, въ виду того, что мнѣнія о безвредности этихъ веществъ расходятся. Возрастъ дѣтей въ опытахъ авторовъ колебался отъ $2^1/_2$ до 5 лѣтъ. При этомъ выяснилось, что ни борная кислота ни бура въ среднихъ пріемахъ

---

*) *Искусственной* болотной лихорадкой,—т.-е. больному прививали ее. и онъ заболѣвалъ! В. В.

не оказываютъ никакого вреднаго дѣйствія на общее состояніе дѣтей.

№ 37, стр. 1151. Газеты сообщаютъ объ опытахъ, продѣлываемыхъ американскими врачами на людяхъ. Изъ восьми лицъ, согласившихся за деньги подвергнуться укусамъ комаровъ, завѣдомо зараженныхъ чужеядными желтой лихорадки, двое умерли, трое при смерти, двое выздоравливаютъ послѣ тяжкаго заболѣванія, одинъ остался здоровымъ.

№ 39, стр. 1202. Въ виду все учащающагося примѣненія формальдегида для предохраненія отъ порчи пищи, особенно молока, проф. Тенниклайфъ и д-ръ Розенгеймъ сдѣлали попытку выяснить, путемъ прямыхъ опытовъ на дѣтяхъ, вліяніе этого вещества на питаніе и обмѣнъ. Опыты были произведены на трехъ дѣтяхъ (вполнѣ здоровый мальчикъ 2½ лѣтъ, вполнѣ здоровый мальчикъ 5 лѣтъ и „слабоватая дѣвочка четырехъ лѣтъ, дурного питанія, поправлявшаяся послѣ пнеймоніи"). *Выводы:* 1) У здоровыхъ дѣтей формальдегидъ, прибавляемый къ молоку въ количествѣ до 1:5000, не обнаруживаетъ замѣтнаго вліянія на обмѣнъ азота и фосфора и на усвоеніе жира. 2) При слабоватомъ здоровьѣ это вещество дѣйствуетъ на упомянутые процессы *замѣтно пагубно*, по всей вѣроятности, измѣняя панкреатическое пищевареніе и слегка раздражая кишечникъ и т. д.

Вотъ они—истлѣвшіе остатки прошлаго, вотъ онѣ — старыя, давно зарубцевавшіяся раны!.. Мои оппоненты усиленно корятъ меня за то, что я въ своей книгѣ взвожу на врачебное сословіе массу самыхъ тяжкихъ обвиненій. Я рѣшительно утверждаю, что никакихъ такихъ обвиненій я не взвожу; нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, подобно г. Фармаковскому, въ указаніи на трагическіе конфликты медицинскаго дѣла видѣть чуть не личное себѣ оскорбленіе. Не обобщаю я также отдѣльныхъ поступковъ единичныхъ лицъ. Если бы изъ приводимыхъ мною опытовъ вытекалъ лишь выводъ, что сотня-другая безсердечныхъ врачей забыли свои элементарныя обязанности по отношенію къ больнымъ, я бъ не сталъ приводить этихъ опытовъ.

Но изъ приводимыхъ опытовъ вытекаетъ совсѣмъ другой выводъ, и это есть единственное, дѣйствительно, *обвиненіе*, которое я взвожу на наше сословіе, — обвиненіе въ поразительномъ равнодушіи, какое встрѣчаютъ описанные опыты во врачебной средѣ. На этомъ обвиненіи я настаиваю, да и какъ не настаивать на немъ? Какъ были бы возможны подобные опыты, если бы мы относились къ нимъ должнымъ образомъ? У насъ есть богатая врачебная печать, безчисленныя общества и съѣзды,—гдѣ же и когда выступали они противъ такого позорнѣйшаго предательства врача по отношенію къ больному? Борьба съ этимъ составляетъ лишь единоличную заслугу покойнаго Манассеина *).

*) Посмотрите вышеприведенное описаніе опытовъ во «Врачѣ». Въ февралѣ 1901 года Манассеинъ умеръ; еще одно примѣчаньице, и редакція

Если бы вся врачебная печать, всѣ общества и съѣзды такъ же безпощадно и энергично, какъ онъ, выступали противъ каждой попытки врача обратить больного въ предметъ своихъ опытовъ, то вѣдь только сумасшедшему могло бы прійти въ голову печатать о такихъ опытахъ, какъ только сумасшедшему можетъ прійти въ голову разсказывать въ газетахъ о совершенномъ имъ, скажемъ, убійствѣ ребенка. Между тѣмъ въ дѣйствительности всѣ подобныя сообщенія проходятъ такъ мирно и тихо, что вотъ оказывается даже возможнымъ утверждать, будто все это уже миновало и теперь ничего подобнаго не происходитъ. Кругомъ десятками творятся форменныя живосѣченія надъ людьми, а гг. Кюльцъ и Горелейченко *даже ничего неслышали объ нихъ!* Развѣ это не характерно?..

„Опытовъ надъ живыми людьми,—пишетъ г. Алелековъ въ своей рецензіи на „Записки“:—никто не оправдывалъ и никогда не оправдаетъ; но поголовное обвиненіе врачей въ „бездѣйствіи“, въ отсутствіи протеста и борьбы противъ такихъ опытовъ есть совершенно несправедливый укоръ медицинѣ, не отвѣтственной за проступки немногихъ личностей; а призывъ общества къ „принятію мѣръ, къ огражденію своихъ членовъ отъ ревнителей науки“ — есть только несправедливый и позорный призывъ къ борьбѣ со всѣми врачами, столь же логичный, какъ крикъ толпы: „Бей ихъ всѣхъ, тамъ послѣ разберемъ, кто воровалъ и кто помогалъ!“ Намъ стыдно за прибѣгающаго къ такимъ пріемамъ человѣка, притомъ же врача!“ *).

Вдумайтесь въ смыслъ этихъ словъ. Обвинять врачей въ бездѣйствіи—несправедливо, потому что „медицина не отвѣтственна за проступки немногихъ личностей“ (т.-е., значитъ, врачи въ правѣ бездѣйствовать?); а призывать общество къ борьбѣ—не только несправедливо, но даже позорно и нелогично... Удивительное дѣло! Тутъ такой туманъ, такая притупленность самаго элементарнаго нравственнаго чувства, что положительно начинаешь теряться. Вѣдь вопросъ ясенъ и голъ до ужаса: совершается позорнѣйшая гнусность, которой, какъ соглашаются всѣ мои оппоненты, „никто не оправдываетъ“ (какъ мягко!). Что же дѣлать? Казалось бы, и отвѣтъ не менѣе ясенъ, чѣмъ самъ вопросъ: нужно всѣмъ соединиться, поднять общественное мнѣніе, не успокоиваться, пока съ корнемъ не будетъ вырвана эта гнусность, пока она не отойдетъ въ область невѣроятныхъ преданій, — сказать: „да, наша вина, что мы терпѣли до сихъ поръ на своемъ тѣлѣ эту позорную болячку“...

Но нѣтъ, тутъ есть нѣчто еще болѣе ужасное: а ну, какъ публика подумаетъ, что „медицина отвѣтственна за проступки немногихъ личностей“, и закричитъ: „бей ихъ всѣхъ, не разбирая!“. Лучше ужъ потщательнѣе прикрыть свою болячку—и молчать, молчать...

замолкаетъ, и дальнѣйшіе опыты съ самымъ „объективнымъ“ равнодушіемъ приводятся наравнѣ съ сообщеніями о новой теоріи рахита и о случаяхъ нервнаго выпаденія волосъ.

*) Медицинское Обозрѣніе, 1902, № 2, стр. 169.

VI.

Мои критики дружно указываютъ на „непозволительное сгущеніе красокъ“ и „несомнѣнныя преувеличенія“, которыми полна моя книга. Отвѣчать на этотъ упрекъ было бы крайне трудно и совершенно безцѣльно, если бы вопросъ носилъ, такъ сказать, количественный характеръ. Я, скажемъ, совершилъ пять врачебныхъ ошибокъ, другой—двѣ, третій—десять; у меня было столько-то несчастныхъ операцій, у другого—столько-то. Какъ доказать, какъ провѣрить, какое количество типично для средняго врача? Но дѣло тутъ совершенно въ другомъ... „Врачебная Газета“, въ которой печаталась разобранная выше статья д-ра Фармаковскаго, заявляетъ въ № 51 (1901 г.), что статья эта „ясно доказываетъ несомнѣнныя преувеличенія г. Вересаева“. Въ чемъ же заключаются эти преувеличенія? Вотъ что̀ говоритъ о нихъ самъ г. Фармаковскій:

„Вересаевъ отрицаетъ свое сгущеніе красокъ. И въ доказательство того, что этого сгущенія нѣтъ, онъ приводитъ свои ссылки на цѣлый рядъ документальныхъ данныхъ. Но на этотъ доводъ можно было бы возразить такимъ примѣромъ. Представимъ себѣ, что мы имѣемъ передъ собою назначенную врачомъ микстуру, содержащую въ себѣ сѣрную кислоту. И вдругъ къ такому больному приходитъ химикъ-дилетантъ. Прочтя на сигнатуркѣ страшное названіе сѣрной кислоты, этотъ химикъ сталъ бы увѣрять больного, что въ его лѣкарствѣ находится страшный ядъ; и въ доказательство своихъ доводовъ, онъ обычными химическими путями извлекъ бы эту кислоту въ чистомъ видѣ и показалъ бы ея ѣдкія свойства на дѣлѣ. То самое лѣкарство, которое имѣло пріятный кисловатый вкусъ, вдругъ содержитъ вещество, прожигающее даже грубую кожу руки. И если бы кто-нибудь сталъ упрекать доброжелателя-химика въ произведенномъ имъ сгущеніи положенной въ лѣкарство кислоты, въ силу чего она приняла такія ѣдкія свойства, то химикъ, подобно Вересаеву, всегда бы могъ возразить, что онъ документальными данными докажетъ присутствіе этого ѣдкаго вещества въ лѣкарствѣ, и что въ своихъ химическихъ манипуляціяхъ онъ не вносилъ его извнѣ“ (стр. 137).

Г. Фармаковскій своимъ примѣромъ чрезвычайно удачно охарактеризовалъ различіе точекъ зрѣнія, съ которыхъ мы смотримъ на дѣло. Тотъ напитокъ, отъ котораго мы вмѣстѣ съ г. Фармаковскимъ пьемъ, вызываетъ въ насъ совершенно различныя ощущенія. У г. Фармаковскаго онъ вызываетъ лишь ощущеніе „пріятнаго кисловатаго вкуса“; „ѣдкія свойства“ можно въ немъ обнаружить лишь совершенно непозволительнымъ путемъ искусственнаго экстрагированія „всѣхъ слабыхъ и дурныхъ сторонъ медицины“; въ дѣйствительности такими свойствами напитокъ не обладаетъ. Тутъ, дѣйствительно, наше коренное, главнѣйшее разногласіе, изъ котораго вытекаютъ всѣ остальныя. Читатель видѣлъ,

что г. Фармаковскій, какъ и прочіе мои оппоненты, спорилъ не о томъ, *насколько* ѣдокъ нашъ напитокъ,—онъ именно спорилъ и доказывалъ, что нашъ напитокъ есть очень пріятная на вкусъ кисловатая водица.

Но читатель видѣлъ и тѣ пріемы, къ которымъ для этого приходилось прибѣгать г. Фармаковскому. Одни вопросы онъ старался подкрасить, другіе отметалъ въ сторону успокоительнымъ замѣчаніемъ: „а развѣ въ другихъ профессіяхъ лучше?“—третьихъ, наконецъ, просто не хотѣлъ замѣчать, закрывалъ на нихъ глаза. И вотъ вопросы, полные самаго глубокаго трагизма, самой „ѣдкой кислоты“, благополучно растворились въ его брошюрѣ въ невинную и пріятную на вкусъ кисловатую водицу...

Авторъ „Общественной хроники“ въ „Вѣстникѣ Европы“ (1902, № 3), отмѣчая предпринятый противъ „Записокъ“ „профессіональный походъ“, съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: „что̀, собственно, не понравилось въ нихъ значительной части медицинскаго міра?“ Подробно разобравъ содержаніе книги, онъ не находитъ въ ней ничего, что̀ оправдывало бы вызванное ею негодованіе; единственное объясненіе оказанному ей пріему, по мнѣнію уважаемаго автора, „поневолѣ“ приходится видѣть въ слѣдующемъ: „Кто забылъ тяжелыя впечатлѣнія, испытанныя въ молодости, кто хорошо устроилъ свою личную жизнь и привыкъ убаюкивать себя мыслью, что такъ же хорошо все устроено и въ окружающемъ его мірѣ, того не могла не потревожить,—а слѣдовательно и раздражить,—книга г. Вересаева“.

Я рѣшительно не могу согласиться съ такимъ объясненіемъ. Правда, въ злобныхъ инсинуаціяхъ нѣкоторыхъ изъ моихъ критиковъ слишкомъ ясно сказывается потревоженное благодушіе людей, для которыхъ ихъ личное благополучіе обозначаетъ и благополучіе всего окружающаго. Но таковы далеко не всѣ мои критики. Взять хоть бы того же г. Фармаковскаго: насколько можно судить по его брошюрѣ, онъ, повидимому, человѣкъ хорошій и симпатичный: таковы же, несомнѣнно, и большинство моихъ оппонентовъ. Мнѣ кажется, суть здѣсь не въ эгоистической неподвижности сытаго благополучія, суть дѣла гораздо глубже и печальнѣе: она заключается въ той изсушающей, калѣчащей душу печати, которую накладываетъ на человѣка его принадлежность къ профессіи.

На всѣ явленія широкой жизни такой человѣкъ смотритъ съ узкой точки зрѣнія непосредственныхъ практическихъ интересовъ своей профессіи; эти интересы, по его мнѣнію, наиболѣе важны и для всего міра, попытка стать выше ихъ приноситъ, слѣдовательно, непоправимый вредъ не только профессіи, но и всѣмъ людямъ. Конечно, въ лунѣ и солнцѣ пятна есть,—есть они и въ его профессіи; но если ихъ и можно касаться, то нужно дѣлать это чрезвычайно осторожно и келейно, чтобъ въ постороннихъ людяхъ не поколебалось уваженіе къ профессіи и лежащимъ въ ея основѣ высокимъ принципамъ... Но вѣдь всякая профессія имѣетъ дѣло съ людьми, ея темныя стороны отзываются на людяхъ страданіями

и кровью? Что же дѣлать,—пусть такъ, но для тѣхъ же людей еще важнѣе, чтобы въ нихъ прочно было довѣріе къ столь необходимой для нихъ профессіи.

Такое настроеніе, разумѣется, меньше всего способствуетъ энергичной и плодотворной борьбѣ съ темными сторонами профессіи; какъ возможна такая борьба, если на каждомъ шагу приходится пугливо оглядываться, не доносится ли шумъ борьбы до уха непосвященнаго человѣка. А ухо этого „непосвященнаго", какъ нарочно, удивительно чутко на такой шумъ. И вотъ самые жгучіе вопросы профессіи начинаютъ замалчиваться, начинаютъ рѣшаться каждымъ лицомъ отдѣльно, втихомолку, и наконецъ совершенно теряютъ для него всю свою „ѣдкую кислоту". И онъ ужъ вполнѣ искренно испытываетъ отъ нихъ только „пріятный кисловатый вкусъ" и съ невозмутимымъ самодовольствомъ утверждаетъ, что въ его профессіи все очень хорошо и благополучно.

Есть старое правило Канта: „дѣйствуй такъ, чтобы можно было представить себѣ, что правила твоей дѣятельности могутъ быть возведены во всеобщій законъ, обязательный для всѣхъ, чтобы при этомъ не выходило никакого противорѣчія". Это правило совершенно чуждо и не можетъ не быть чуждымъ всякому человѣку профессіи. Для такого человѣка *его* профессія есть нѣчто совершенно другое, чѣмъ всѣ остальныя. Если онъ, напр., врачъ, то будетъ искренно негодовать и удивляться, для чего это нужно скрывать отъ кого-нибудь темныя стороны судейской, адвокатской, путейской, духовной профессіи: будетъ, подобно г. Фармаковскому, отъ души восхищаться, „какъ глубоко проникаетъ великій писатель въ своемъ „Воскресеніи" въ душу засѣдающихъ за столомъ судей" (стр. 102). Но если этотъ человѣкъ принадлежитъ къ судебному міру, то по поводу того же „Воскресенія" онъ (какъ это въ дѣйствительности и было) съ негодованіемъ станетъ утверждать, что психологическая проницательность измѣнила на этотъ разъ великому писателю, что онъ съ непозволительнымъ легкомысліемъ нарисовалъ рядъ карикатуръ, не подумавъ о томъ, что „непосвященный читатель" по прочтеніи его романа потеряетъ всякое уваженіе къ высокимъ принципамъ состязательнаго процесса и гласнаго суда.

VII.

Критики мои настойчиво указываютъ еще на тѣ противорѣчія, которыми полна моя книга. На протяженіи почти всего своего фельетона въ „Frankfurter Zeitung" д-ръ Пассауэръ занимается сопоставленіемъ разныхъ мѣстъ моей книги съ указаніемъ на ихъ „противорѣчивость" и на мое „колеблющееся мышленіе". Въ чемъ же заключаются эти противорѣчія? Я выступаю, напр., защитникомъ живосѣченій, доказываю ихъ неизбѣжную необходимость для науки, и въ то же время разсказываю о мученіяхъ, которыя испыталъ, дѣлая научные опыты надъ обезьяной.

Я говорю о трупахъ, которыми сопровождается введеніе новыхъ средствъ и изобрѣтеніе новыхъ операцій, и въ то же время заявляю: „Путемъ этого риска медицина и добыла большинство изъ того, чѣмъ она теперь по праву гордится. Не было бы риска, не было бы и прогресса; это свидѣтельствуетъ вся исторія врачебной науки“. И все въ такомъ родѣ.

Противорѣчія ли это? Конечно, противорѣчія. Но дѣло въ томъ, что это противорѣчія не логическія, а противорѣчія *жизни*. Противорѣчія перваго рода устранить было бы очень легко. „Живосѣченія необходимы“, „прогрессъ науки невозможенъ безъ риска“. Мои противники такъ и поступаютъ. Логически выходитъ гладко, но при этомъ ни на каплю не уничтожаются тѣ жизненныя противорѣчія, которыя остаются лежать невскрытыми подъ логически-безупречными фразами. Для многихъ изъ указанныхъ жизненныхъ противорѣчій я не могу найти рѣшающаго выхода. Нѣкоторыхъ изъ моихъ критиковъ это обстоятельство приводитъ въ самое веселое настроеніе. Вотъ, напр., какими вставками сопровождаетъ одинъ изъ моихъ французскихъ критиковъ выдержку изъ моей книги:

„И я думалъ: нѣтъ, вздоръ всѣ мои клятвы! Что же дѣлать? Правъ Бильротъ,—„наши успѣхи идутъ черезъ горы труповъ“ *(Тремоло въ оркестрѣ!)*. Другого пути нѣтъ... Но въ моихъ ушахъ раздавался скрежетъ погубленной мною дѣвочки, и я съ отчаяніемъ чувствовалъ, что у меня не поднимется рука на новую операцію“ *(Занавѣсъ опускается)*. „Мелодрама“ закончилась.

„Что же дѣлать? Гдѣ граница дозволеннаго?—продолжаетъ цитировать меня тотъ же критикъ.—Каждую дорогу мнѣ загораживаетъ живой человѣкъ; я вижу его и поворачиваю назадъ“. Нечего сказать, прелестно поставленный вопросъ! Хотите вы знать отвѣтъ Вересаева? Вотъ онъ во всей своей сложности: *я ничего не знаю!*.. Мы удовлетворены...“ *).

Удовлетвориться этимъ, конечно, нельзя. Но слѣдуетъ ли отсюда, что можно игнорировать или, еще хуже, высмѣивать самый вопросъ о „живомъ человѣкѣ, загораживающемъ пути медицины“? Вѣдь какъ ни стараться отмести этотъ вопросъ въ сторону, какъ ни высмѣивать его, онъ все-таки чернымъ призракомъ будетъ стоять надъ наукою и неуклонно требовать къ себѣ всего вниманія людей, для которыхъ этическіе вопросы нашей профессіи не исчерпываются маленькимъ кодексомъ профессіональной этики.

Какъ это ни печально, но нужно сознаться, что у нашей науки до сихъ поръ нѣтъ этики. Нельзя же разумѣть подъ нею ту спеціально-корпоративную врачебную этику, которая занимается лишь нормировкою непосредственныхъ отношеній врачей къ публикѣ и врачей между собою. Необходима этика въ широкомъ, философскомъ смыслѣ, и эта этика, прежде всего, должна охватить во всей полнотѣ указанный выше вопросъ

---

*) La Médecine Moderne. 1902, № 24, p. 200.

о взаимномъ отношеніи между врачебною наукою и живою личностью. Между тѣмъ даже частичные вопросы такой этики почти не поднимаются у насъ и почти не дебатируются. Не странно ли, что такой трудный и сложный вопросъ, какъ, напр., вопросъ о границѣ дозволительнаго врачебнаго опыта на людяхъ, оставляетъ совершенно безучастнымъ къ себѣ всѣ наши общества и съѣзды, что на нихъ сказано по этому вопросу, несомнѣнно, во сто разъ меньше, чѣмъ хотя бы по вопросу о врачебной таксѣ? Что̀ же касается указаннаго общаго вопроса, то онъ, сколько мнѣ извѣстно, даже никогда и не ставился. Между тѣмъ именно онъ-то долженъ бы занимать въ медицинской этикѣ центральное мѣсто.

Но для этого прежде всего, разумѣется, нужно не скрывать и не смазывать тѣхъ противорѣчій, изъ которыхъ вытекаетъ указанный вопросъ; напротивъ, противорѣчія должны быть выяснены вполнѣ, во всей ихъ тяжелой и мучительной остротѣ. Мнѣ возражаютъ: „но вѣдь они неразрѣшимы, эти противорѣчія, они подавляютъ своею жуткою безысходностью; для чего ихъ поднимать, если выхода, все равно, нѣтъ?“ А какой вообще вопросъ возможно рѣшить, если его не поднимать? Какой сколько-нибудь сложный вопросъ, будучи поднятъ, можетъ быть легко и быстро приведенъ къ окончательному рѣшенію? Рѣшенъ ли трудный вопросъ о врачебной тайнѣ,—единственный усердно дебатируемый врачами этическій вопросъ, выходящій изъ рамокъ узко-профессіональной этики? Конечно, нѣтъ. А между тѣмъ, развѣ обсужденіе его не оказалось полезнымъ? Если онъ и не рѣшенъ, то вся масса доводовъ за и противъ даетъ каждому отдѣльному врачу возможность легче и правильнѣе прійти къ опредѣленному рѣшенію въ каждомъ данномъ случаѣ.

Иногда же и выхода-то изъ противорѣчія нѣтъ только потому, что его не ищутъ, онъ оказывается даже найденнымъ, но почти никому неизвѣстнымъ. Таковъ, напр., вопросъ о первой операціи; предварительное оперированіе на живыхъ животныхъ, какъ мы видѣли, значительно упрощаетъ его. Еще семьдесятъ лѣтъ назадъ на это мимоходомъ указалъ Мажанди, уже нѣсколько лѣтъ д-ръ А. П. Левицкій въ Москвѣ примѣняетъ это на практикѣ. Но вопросъ не поднимаемый, замалчиваемый, не требуетъ и отвѣта, и все потихоньку идетъ прежнимъ путемъ.

Какъ видимъ, среди указанныхъ „неразрѣшимыхъ“ вопросовъ есть вопросы, для которыхъ существуетъ совершенно опредѣленное практическое разрѣшеніе, только нужно его поискать; возможно, что и для нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ найдется, при желаніи, столь же удовлетворительное рѣшеніе. Оставляя въ сторонѣ возможность такого коренного, практическаго рѣшенія частичныхъ вопросовъ нашей этики и возвращаясь къ ея общей задачѣ, повторю еще разъ, что главная задача ея, по моему мнѣнію, заключается во всестороннемъ теоретическомъ выясненіи вопроса объ отношеніи между личностью и врачебною наукою, о тѣхъ границахъ, за которыми интересы отдѣльнаго человѣка могутъ быть приносимы въ жертву интересамъ науки. Понятно, что это не есть

спеціальный вопросъ какой-то особенной врачебной этики; это—большой, вѣковѣчный, общій вопросъ объ отношеніи между личностью и выше ея стоящими категоріями,—обществомъ, наукою, правомъ и т. д. Но, не составляя спеціальной особенности медицинской науки, вопросъ этотъ въ то же время слишкомъ тѣсно сплетается съ нею и не можетъ быть ею игнорируемъ, не можетъ, какъ это есть теперь, въ одиночку и втихомолку, въ полной темнотѣ, рѣшаться каждымъ врачомъ отдѣльно для его собственныхъ надобностей.

Съ другой стороны, вопросъ этотъ не можетъ быть только придаткомъ на тѣлѣ медицины, онъ долженъ быть соками и кровью, насквозь проникающими весь организмъ врачебной науки. Ея тѣсная и разносторонняя связь съ живымъ человѣкомъ дѣлаетъ необходимымъ, чтобы всѣ, даже чисто-научные вопросы рѣшались при свѣтѣ этого основного этическаго вопроса. И даже простая постановка его—и та ужъ имѣла бы огромное значеніе, потому что создала бы ту этическую атмосферу, въ которой бы ярко и чутко сознавалась нами вся тонкость нашей нравственной отвѣтственности передъ прибѣгающимъ къ нашей помощи человѣкомъ.

„Не думай,—обращается ко мнѣ въ своемъ „Отвѣтѣ“ д-ръ Л. Кюльцъ, типическій нѣмецкій Фармаковскій:—не думай, что вопросъ успѣшнаго отправленія врачебной практики, прежде всего, долженъ рѣшаться съ философской точки зрѣнія. Куда приведетъ это? Куда это привело тебя? У насъ есть на этотъ счетъ прекрасная пословица, гласящая: суди, дружокъ, не выше сапога,—ne sutor supra crepitam...“ *).

Помилуйте, мы съ вами не ребята,—

не ребята, г. Кюльцъ, и не сапожники! Къ чему такое скромное мнѣніе о нашемъ „ремеслѣ“, къ чему такой трепетъ передъ философіей? Вы спрашиваете,—куда приведетъ это, куда это привело меня? Меня это привело къ глубокому убѣжденію, что узкіе вопросы врачебной практики *прежде всего* должны рѣшаться именно съ философской точки зрѣнія; и только въ этомъ случаѣ мы сумѣемъ наконецъ создать настоящую медицинскую этику, въ основу которой ляжетъ глубокое изреченіе одного изъ самыхъ привлекательныхъ по душевному строю врачебныхъ дѣятелей,—то изреченіе Бильрота, которое я привелъ въ эпиграфѣ:

«*Мы работаемъ для человѣчества надъ самымъ труднымъ матеріаломъ, именно надъ человѣкомъ*».

VIII.

Въ заключеніе—еще одно замѣчаніе по поводу брошюры г. Фармаковскаго. Послѣднюю, заключительную главу „Записокъ“, какъ это ни невѣроятно, г. Фармаковскій понялъ вотъ какъ:

---

*) «Antwort» p. 31.

„Наблюдая всѣ бѣдствія нищеты, нельзя же намъ, врачамъ подобно Вересаеву, не считать себя въ правѣ стремиться къ улучшенію своего быта лишь только потому, что мы встрѣчаемъ людей, живущихъ еще хуже насъ. Не слѣдуетъ *стараться унизить свое соціальное положеніе до нихъ*. Не могу согласиться съ Вересаевымъ, что если дѣятельность описаннаго имъ литейщика вогнала его въ чахотку, то *и ему, Вересаеву, нельзя заботиться о своемъ здоровьѣ и объ улучшеніи своего быта...*“ „Нѣтъ!—бодро восклицаетъ г. Фармаковскій:—покуда не всѣ мы дошли до такого отчаянія, какъ Вересаевъ, встанемъ мы за свои права! Улучшивъ свой бытъ, мы улучшимъ и судьбу тѣхъ несчастныхъ страдальцевъ, о которыхъ Вересаевъ упоминаетъ въ заключеніи своихъ „Записокъ“ и тяжелое положеніе которыхъ не позволяло его разстроенной фантазіи заботиться о своей собственной жизни“ (стр. 146—148).

Нужна большая, столь характерная для г. Фармаковскаго беззаботность по отношенію къ „небу и блистающимъ на немъ звѣздамъ“, чтобъ умудриться *такъ* понять мои слова. Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія могу отмѣтить, что все-таки не всѣ врачи, по крайней мѣрѣ за границей, такъ безнадежно увязли въ засасывающей топи узкаго и близорукаго профессіонализма. „Изображая оборотную сторону врачебной практики, — пишетъ д-ръ Линзмайеръ о „Запискахъ“: — авторъ какъ будто грозитъ заѣхать въ фарватеръ обычныхъ врачебно-соціальныхъ статей послѣдняго времени, сосредоточивающихся въ призывѣ: „врачи, соединяйтесь противъ врага!“. Но въ заключительной главѣ, гдѣ отъ маленькаго врачебнаго сословія онъ обращаетъ взглядъ на большое горе большинства народа и признаётъ, что „исключительно лишь въ судьбѣ и успѣхахъ этого цѣлаго мы можемъ видѣть и свою личную судьбу и успѣхъ“,—въ этой главѣ авторъ поднимается на высоту, которая должна увлечь каждаго чувствующаго и думающаго человѣка“ *).

Я глубоко убѣжденъ, что на эту „высоту“, рано или поздно, необходимо должны будутъ подняться всѣ, сколько-нибудь думающіе и чувствующіе люди нашего сословія. Но почему, — спрошу я еще разъ то, что̀ уже спрашивалъ въ „Запискахъ“:—почему такъ трудно понять это намъ, которые съ дѣтства росли на „широкихъ умственныхъ горизонтахъ“, когда это такъ хорошо понимаютъ люди, которымъ каждую пядь этихъ горизонтовъ приходится завоевывать тяжелымъ трудомъ?

Іюль 1902 г.

Постоянно продолжаютъ появляться все новыя брошюры и статьи по поводу „Записокъ врача“. Къ сожалѣнію, литература эта, столь значительная въ количественномъ отношеніи, качественно чрезвычайно малоцѣнна: все то же негодованіе на „тяжкія обвиненія“, примѣриваніе, какъ

*) Wiener Klinische Rundschau, 1902, № 19, p. 404.

пойметъ такое-то мѣсто „непосвященный“ читатель, торжествующія указанія на мои будто бы постоянныя противорѣчія,—этимъ исчерпывается содержаніе большинства статей *). Но въ послѣднее время появились двѣ брошюры, значительно уклоняющіяся отъ обычнаго типа; обѣ, хотя и по разнымъ причинамъ, заслуживаютъ серьезнаго вниманія.

Одна изъ этихъ брошюръ принадлежитъ перу кіевскаго профессора-психіатра И. А. Сикорскаго **). По мнѣнію профессора, „Вересаевъ остался писателемъ непонятымъ, какъ своими противниками, такъ и приверженцами“; но винить въ этомъ никого нельзя, потому что „художественныя темы, за которыя взялся Вересаевъ, во всякомъ случаѣ, новы, и для критической оцѣнки ихъ требуется художественная и психологическая, а быть-можетъ, даже психіатрическая подготовка“ (стр. 8). Въ книгѣ увидѣли „произведеніе медицинское“, т.-е. трактующее о медицинѣ и врачебномъ бытѣ. Въ этомъ заключалась основная ошибка критиковъ и читателей. Самымъ справедливымъ, быть-можетъ, единственно справедливымъ отношеніемъ къ книгѣ будетъ взглядъ на нее, какъ на произведеніе художественное, къ которому можетъ быть примѣненъ единственный пріемъ оцѣнки, — критика научно-литературная (стр. 29). „По нашему мнѣнію,—заявляетъ проф. Сикорскій:—успѣхъ книги Вересаева въ Россіи и отчасти за границей зависитъ отъ двухъ главнѣйшихъ условій,—отъ несомнѣнныхъ художественныхъ достоинствъ, какія ей присущи, но еще болѣе отъ того, что автору ея удалось попасть въ колею новаго, назрѣвающаго вопроса, имѣющаго высокое практическое значеніе для жизни. Его книга надолго останется поучительнымъ матеріаломъ, въ которомъ психологическая медицина и психологія найдутъ для себя интересныя указанія. Новый вопросъ, о которомъ мы сказали,—это вопросъ о „неполныхъ или недоразвившихся“ характерахъ. Существенную черту этихъ характеровъ составляетъ слабое развитіе воли, при достаточномъ, иногда даже весьма тонкомъ развитіи ума и, въ особенности, чувства. Книга Вересаева представляетъ собою талантливо проведенное, художественное изображеніе человѣка, обладающаго очерченнымъ сейчасъ характеромъ. Изображеніе доведено до мелкихъ подробностей, до множества едва уловимыхъ, едва замѣтныхъ деталей. Съ этой стороны книга пріобрѣтаетъ большую цѣнность для психолога, психіатра, педагога и криминалиста. По своей художественной манерѣ контрастовъ, Вересаевъ, для большей рельефности картины, заставляетъ своего героя быть врачомъ, т.-е. исполнять такую профессію, которая безусловно требуетъ нормально развитой воли. При такой постановкѣ задачи, своеобразный складъ характера изображаемаго лица выступаетъ со всею пластичностью и наглядностью, какъ при реактивѣ. *Въ этомъ*

---

*) Исключеніе представляетъ интересная книга д-ра Д. Н. Жбанкова: «О врачахъ». Москва. 1903.

**) «О книгѣ В. Вересаева «Записки врача» (что даетъ эта книга наукѣ, литературѣ и жизни)». Кіевъ. 1902.

состоитъ художественный замыселъ „Записокъ врача“, и онъ вполнѣ удался автору“ (стр. 10).

Профессоръ обстоятельно разсматриваетъ съ этой стороны мою книгу и осыпаетъ меня комплиментами. „Съ истинною художественною проницательностью“ (стр. 18), „съ замѣчательною художественностью“ (стр. 19), „съ рѣдкою художественностью“ (стр. 24) изображаю я такія-то и такія-то особенности душевнаго склада своего безвольнаго героя. При моей „психологической проницательности“, полагаетъ проф. Сикорскій, я „могъ бы избрать иную научную карьеру, способенъ былъ бы глубоко проникнуть въ тайники сложнѣйшихъ явленій психической жизни, руководствуясь однимъ только художественнымъ вкусомъ“ (стр. 24).

Я совершенно сконфуженъ. Никогда еще не приходилось мнѣ читать такой лестной оцѣнки моего „художественнаго дарованія“, но... но,— да проститъ меня проф. Сикорскій,—комплименты его опираются на такія, бьющія въ глаза, противорѣчія, что получаютъ чрезвычайно странную окраску. „Художественныя темы, за которыя взялся Вересаевъ, новы“,—заявляетъ профессоръ на стр. 9. Эта новая тема заключается въ данномъ мною (по толкованію проф. Сикорскаго) типѣ „колеблющагося, сомнѣвающагося, ноющаго, безсильнаго человѣка“. Типъ же этотъ, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ проф. Сикорскій, — „старый типъ, хорошо извѣстный въ русской литературѣ“ (стр. 30)! Въ чемъ же новизна моей темы?.. Далѣе, проф. Сикорскій говоритъ: „Выходитъ, какъ будто Левъ Толстой, со своимъ талантомъ и своими гораздо болѣе важными темами, производитъ меньшее впечатлѣніе, чѣмъ Вересаевъ“; ни Толстой, ни Чеховъ и Горькій „далеко не вызвали того всеобщаго раздраженія и безпокойства и того смутнаго, но щемящаго интереса, какъ разбираемая книга Вересаева“ (стр. 4). Интересъ, возбужденный „Записками врача“, какъ мы уже видѣли, профессоръ объясняетъ двумя причинами: во-первыхъ, — ихъ „несомнѣнными художественными достоинствами“, во-вторыхъ, главное, — тѣмъ, что „автору удалось попасть въ колею новаго, назрѣвающаго вопроса“, — вопроса „о неполныхъ или недоразвившихся“ характерахъ. И проф. Сикорскій совершенно не замѣчаетъ, какъ неудачно его объясненіе. Онъ называетъ, между прочимъ, Чехова. Произведенія этого писателя въ несравнимо большей мѣрѣ удовлетворяютъ какъ разъ тѣмъ двумъ условіямъ, которыми профессоръ объясняетъ успѣхъ „Записокъ врача“. Во-первыхъ, мое „художественное дарованіе“, какъ справедливо замѣчаетъ и самъ профессоръ, совершенно даже несравнимо съ дарованіемъ Чехова. Во-вторыхъ, — главный, почти единственный типъ, который съ почти болѣзненною настойчивостью рисуется Чеховымъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, есть какъ разъ типъ человѣка съ атрофированною волею. Какъ же этими причинами можно объяснить тотъ большой интересъ, который вызвали къ себѣ мои „Записки“ сравнительно съ произведеніями Чехова (что, кстати сказать, совершенно и невѣрно)?

Иногда похвалы проф. Сикорскаго настолько переходятъ всякую мѣру, любезность его такъ безконечна, что подъ нею уже совершенно ясно чувствуется скрытая улыбка данайца. Между прочимъ, профессоръ останавливается на XIV и XV главахъ, гдѣ я говорю о будущемъ медицины. Изложенныя въ нихъ мысли представляются проф. Сикорскому „скорѣе игрою необуздываемаго воображенія, чѣмъ здравою работою реальнаго ума; герой „Записокъ“ думаетъ, что̀ вздумается, его воля не кладетъ предѣла потоку мыслей, носящихъ явно-несбыточный и невѣроятный характеръ“ (стр. 15). Чего еще яснѣе? Мысли, изложенныя въ указанныхъ главахъ, вздорны, притомъ сами главы „вставлены въ книгу искусственно, безъ логической связи и необходимости“ (стр. 17). Казалось бы, выводъ можетъ быть только одинъ: эти главы никуда негодны и лишь портятъ мой „въ высшей степени цѣнный трудъ“. Но нѣтъ, на моей художественной палитрѣ нѣтъ невѣрныхъ красокъ! Оказывается, у меня былъ тутъ тонкій расчетъ: „введеніемъ этихъ главъ авторъ, очевидно, желалъ только указать на характеръ мышленія своего героя: этимъ, въ самомъ дѣлѣ, иллюстрированъ умственный складъ героя и его отличительныя черты“ (стр. 17).

Но что̀ же значатъ эти безудержныя восхваленія, которыя проф. Сикорскій расточаетъ моему *художественному дарованію*? Вотъ что̀. „Съ нашей точки зрѣнія, — пишетъ онъ: — не представляется никакихъ основаній для полемики съ художникомъ. Не медицину изображалъ Вересаевъ, — таково наше мнѣніе, — но человѣка, который очень своеобразно воспринялъ медицину и не менѣе своеобразно отразилъ ее въ своей односторонней душѣ. *Въ этомъ одинъ онъ повиненъ*, если только здѣсь кто-нибудь сумѣетъ найти вину“ (стр. 30).

Узелъ развязанъ, разгадка найдена. Мрачные, мучительные вопросы, на которые такъ настоятельно нужны отвѣты, озаряются розовымъ эстетическимъ свѣтомъ, и остается только спокойно любоваться на нихъ. Опыты надъ живыми людьми?.. Объ нихъ не стоило бы говорить, вѣдь это „было въ минувшее, уже невозвратно минувшее время“, въ пятидесятыхъ годахъ (о болѣе позднихъ опытахъ, вплоть до настоящаго времени, профессоръ умалчиваетъ); но съ какою „замѣчательною художественностью“ Вересаевъ отмѣчаетъ „психическій курьезъ“ умственнаго склада своего героя, — склонность „обращаться къ архаическому прошедшему, вообще — въ сторону отъ дѣйствительности и фактовъ“ (стр. 19) *). Первая операція на живомъ человѣкѣ?.. Ясно, какъ день, что причиною неудачной операціи было только то, что вересаевскій герой не имѣлъ силы воли сконцентрировать свое вниманіе на самой операціи: но какъ „превосходно“ это описаніе „двоящагося вниманія“ у безвольнаго героя!.. И такъ относительно всего.

*) Сухое описаніе опытовъ, состоящее почти сплошь изъ цитатъ, занимаетъ въ моей книгѣ больше тридцати страницъ; хороша «замѣчательная художественность» пріема!

Всякого рода критика законна, въ томъ числѣ, конечно, и художественно-эстетическая и психологическая,—почему не подвергнуть мою книгу и такой критикѣ? Но проф. Сикорскій не только психіатръ, онъ раньше и главнѣе — *врачъ*, и естественно было бы ждать отъ него болѣе широкой постановки вопроса, тѣмъ болѣе, что статьѣ о моей книгѣ онъ далъ много-обязывающій подзаголовокъ: „что дастъ эта книга наукѣ, литературѣ и жизни". Скажемъ, герой „Записокъ" правильно истолкованъ проф. Сикорскимъ; но самъ же профессоръ находитъ, что подобные моему герою люди „могутъ явиться живою, неугомонною совѣстью врачебнаго сословія", что книга моя „можетъ быть названа зеркаломъ профессіональной совѣсти" (*стр.* 26). Почему же онъ ни однимъ словомъ не коснулся вопросовъ, тяготящихъ эту совѣсть, тучъ, отражаемыхъ этимъ зеркаломъ? Вѣдь если книга моя представляетъ собою хоть маленькій осколокъ такого зеркала, то этимъ она дастъ „наукѣ, литературѣ и жизни" гораздо больше, чѣмъ всѣ ея „рѣдкія", „замѣчательныя" и „истинно-художественныя" психологическія красоты, восхваленія за которыя я принять отъ г-на профессора почтительнѣйше отказываюсь.

Статья проф. Сикорскаго вызвала очень восторженный отзывъ другого кіевскаго профессора, А. С. Шкляревскаго. „Съ появленіемъ труда проф. Сикорскаго, — пишетъ проф. Шкляревскій: — критика книги г. Вересаева вступила въ новый и рѣшительный фазисъ. Полемизировать съ проф. Сикорскимъ, по поводу высказанныхъ имъ взглядовъ, невозможно, потому что они основаны на неопровержимыхъ фактахъ и столько же неопровержимыхъ изъ нихъ выводахъ. Ему удалось разгадать ту загадку сфинкса, которая вотъ уже два года кошмаромъ тяготѣетъ надъ нашей литературой" *).

По моему мнѣнію, трудъ проф. Сикорскаго представляетъ собою лишь чрезвычайно искусную попытку эскамотировать сущность этой „загадки" и перенести центръ тяжести въ безразличную область художественности и психологіи. Но недавно по поводу „Записокъ врача" вышла другая брошюра, послѣ которой, по моему мнѣнію, спору о моей книгѣ, дѣйствительно, пора бы вступить въ „новый и рѣшительный фазисъ". Эта брошюра принадлежитъ д-ру М. Л. Хейсину и издана въ Красноярскѣ, по постановленію Енисейскаго Общества Врачей **).

Д-ръ Хейсинъ обладаетъ однимъ чрезвычайно важнымъ достоинствомъ, — откровенностью, отсутствіе которой такъ томитъ и раздражаетъ въ возраженіяхъ другихъ моихъ оппонентовъ. Читатель видѣлъ на работѣ д-ра Фармаковскаго, какъ усиленно старается онъ отвильнуть отъ встающихъ передъ нимъ вопросовъ и всячески замутить ихъ. Я утвер-

---

*) «Книга г. Вересаева передъ судомъ психологіи». Кіевъ. 1902, стр. 21.
**) «Къ вопросу о врачахъ». Красноярскъ. 1902.

ждаю, напр., что успѣхи медицины идутъ черезъ трупы. Что можно по этому поводу говорить? Можно либо доказывать, что это невѣрно, либо, признавъ фактъ вѣрнымъ, доказывать, что медицина имѣетъ право итти по трупамъ, либо, наконецъ, отвергнувъ такое ея право, искать выхода изъ существующаго положенія. А какъ возражаетъ г. Фармаковскій? „Вотъ намъ, честнымъ труженикамъ, бросаютъ въ лицо тяжкое обвиненіе, что мы идемъ по трупамъ. О, какъ это больно!.. А какія другія профессіи не идутъ по трупамъ? Тѣмъ не менѣе ихъ вотъ не обвиняютъ въ этомъ!“ Вы чувствуете, какъ подъ этими жалобами копошатся двѣ другъ друга исключающія правды, и каждая изъ нихъ тщательно старается спрятаться за другую: вѣдь если медицина права, то нѣтъ тяжкаго обвиненія; если есть тяжкое обвиненіе, то медицина не станетъ правѣе отъ того, что и въ другихъ профессіяхъ наблюдается то же самое.

Приведу одинъ еще болѣе яркій примѣръ такого сожительства двухъ совершенно несовмѣстимыхъ правдъ. Читатель видѣлъ, какъ опредѣленно высказалось „Медицинское Обозрѣніе“ относительно приведенныхъ въ моей книгѣ опытовъ надъ живыми людьми. „Опытовъ этихъ, — заявило оно,—*никто не оправдывалъ и никогда не оправдаетъ*“ *). И вотъ, всего черезъ нѣсколько номеровъ, то же „Медицинское Обозрѣніе“ пишетъ: „Когда же Вересаевъ пойметъ, что медицина есть наука опытная, что каждый врачъ всю жизнь *принужденъ* дѣлать опыты надъ людьми? *Непозволительные* опыты всюду принадлежатъ къ рѣдкостямъ, а у насъ въ Россіи до сихъ поръ нашелся *одинъ* такой экспериментаторъ, — г. Шатуновскій“ **). Всѣ курсивы въ послѣдней цитатѣ принадлежатъ самому „Медицинскому Обозрѣнію“. И опять, — что можетъ быть опредѣленнѣе какъ разъ въ противоположную сторону? *Непозволительные* опыты до сихъ поръ совершалъ въ Россіи лишь *одинъ* врачъ, — Шатуновскій; но, какъ всѣмъ извѣстно, Шатуновскій никакихъ опытовъ и не совершалъ, а просто прививалъ своимъ паціентамъ сифилисъ, чтобъ потомъ брать съ нихъ деньги за лѣченіе; ясно, значитъ,— въ Россіи у насъ непозволительныхъ опытовъ *совсѣмъ не было*, значитъ, приведенные у меня опыты профессоровъ Тарновскаго, Ге, Гюббенета, рядъ опытовъ, отмѣченныхъ Манассеинымъ во „Врачѣ“, — все это опыты позволительные. „Медицинское Обозрѣніе“ даже негодуетъ, какъ я этого до сихъ поръ не могу понять, — а рядомъ съ этимъ само же заявляетъ, что подобныхъ опытовъ „никто не оправдывалъ и никогда не оправдаетъ“! По такому основному вопросу медицинской этики, какъ вопросъ о правѣ врача дѣлать опыты надъ своими больными, одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ и уважаемыхъ органовъ русской врачебной печати, одинаково категорически, высказываетъ два совершенно противоположныхъ взгляда.

*) Мед. Обозр., 1902, № 2. стр. 169.
**) Мед. Обозр., 1902, № 7, стр. 604.

Упомянутая выше брошюра д-ра Хейсина цѣнна именно тѣмъ, что въ ней нѣтъ и слѣда этого вилянія, нѣтъ лицемѣрныхъ заявленій, что „никто не оправдываетъ“, тогда какъ самъ же заявляющій оправдываетъ; г. Хейсинъ не отрицаетъ также „pour les gens“ того, чего „между своими“ ни одинъ врачъ отрицать не станетъ. Въ виду этого, брошюра стоитъ того, чтобъ заняться ею подробно.

Д-ръ Хейсинъ подходитъ вплотную именно къ той сторонѣ моей книги, которая только и можетъ быть предметомъ серьезнаго спора, именно къ „этико-философской“ сторонѣ ея. Вполнѣ правильно онъ отмѣчаетъ, что центральнымъ вопросомъ является здѣсь вопросъ объ отношеніи между живою человѣческою личностью и прогрессомъ науки, вполнѣ правильно также онъ видитъ „объединяющую точку зрѣнія“ моей книги въ томъ, что я на первый планъ выдвигаю интересы этой человѣческой личности. Г. Хейсинъ самымъ рѣшительнымъ образомъ выступаетъ противъ такой точки зрѣнія и не можетъ найти достаточно-презрительныхъ словъ, чтобъ заклеймить ее.

Почему интересующіе меня вопросы представляются мнѣ тяжелыми и настоятельно требующими разрѣшенія? Потому что я смотрю на нихъ съ точки зрѣнія „обывательской“, „сентиментальной“ гуманности. Но „человѣкъ, заинтересованный въ развитіи медицины, вѣрящій въ науку, любящій медицину, долженъ былъ смотрѣть на эти вопросы подъ другимъ, болѣе широкимъ угломъ зрѣнія, и они у него потеряли бы тотъ ужасный, съ обывательской точки зрѣнія, характеръ, какой они носятъ у Вересаева“ (стр. 24). „Обывательская гуманность совершенно не мирится съ поступательнымъ ходомъ прогресса въ любой области человѣческихъ отношеній. Когда мы начнемъ говорить о прогрессѣ, о развитіи, тогда намъ приходится прибѣгать къ другимъ критеріямъ. Поступательное движеніе жизни человѣчества совершается цѣною постояннаго жертвованія частныхъ интересовъ и личнаго страданія“ (стр. 21). „Если мы теперь обратимся къ Вересаеву, то увидимъ, что у него постоянно въ душѣ идетъ конфликтъ между обывательскою гуманностью и прогрессомъ медицины, и всегда почти преобладаетъ тонъ гуманности сентиментальной“ (стр. 23). „Можетъ ли прогрессъ въ любой области вообще развиваться безъ „жестокости“? Весь путь прогресса, достигнутаго нами теперь, усыпанъ не розами, а весь обагренъ кровью. Всякая новая идея принуждена была оставлять въ исторіи кровавый слѣдъ, какъ только она хотѣла выйти изъ узкихъ рамокъ. *Даже самыя гуманныя идеи распространялись и завоевали себѣ власть огнемъ и мечомъ. Вспомнимъ хотя бы побѣды христіанства надъ языческимъ міромъ*“ (стр. 35).

Можно бы подумать, что послѣднія, подчеркнутыя мною слова г. Хейсинъ написалъ просто, такъ сказать, съ разбѣгу, что это—описка, которую невеликодушно ставить ему въ счетъ. Конечно, кто же не знаетъ, что „весь путь прогресса весь обагренъ кровью“, но вѣдь очень ужъ

это тоже старая истина, что идеи распространяются и завоевываютъ себѣ власть не огнемъ и мечомъ, а *подъ* огнемъ и мечомъ, что обязанныя огню и мечу побѣды „христіанства“ надъ языческимъ міромъ были самымъ полнымъ и трудно-поправимымъ *пораженіемъ* христіанской идеи. Но нѣтъ, у г. Хейсина это не описка. Если не мечъ и огонь („съ развитіемъ исторіи смягчаются грубыя формы всякаго рода завоеваній“,—замѣчаетъ г. Хейсинъ), то болѣе современныя, не пахнущія гарью и кровью формы насилованія чужой души являются для г. Хейсина чрезвычайно важными факторами въ распространеніи прогрессивныхъ идей. Г. Хейсинъ цитируетъ слѣдующее мѣсто изъ одной статьи объ моей книгѣ: „Говоря объ оскорбленіи женской стыдливости при изслѣдованіи въ клиникахъ, Вересаевъ опять становится на стражѣ интересовъ живой человѣческой личности. Онъ соглашается, что въ чувствѣ стыдливости много условнаго, временнаго, но, пока это чувство такъ сильно въ людяхъ, съ нимъ надо считаться. Во-первыхъ, „ради науки нельзя попирать личность“, а во-вторыхъ, попираніе этого чувства ведетъ къ серьезнымъ послѣдствіямъ. *Пока служители науки должны считаться съ проявленіемъ человѣческой личности, съ ея чувствами, какъ бы извращены они ни были*“ (курсивъ г. Хейсина) *). Вотъ, господа, она, эта обывательская точка зрѣнія!—восклицаетъ г. Хейсинъ.—Какъ жѐ можно иначе бороться съ предразсудками? Вѣдь всякая борьба съ предразсудками есть своего рода топтаніе живой человѣческой личности!“ (стр. 31).

Въ этомъ есть, какъ мы сейчасъ увидимъ, одна даже очень хорошая сторона. Пока же идемъ дальше. „Если мы обратимся теперь къ ламентаціямъ Вересаева по части вскрытій,—продолжаетъ д-ръ Хейсинъ:—то тутъ становятся совершенно непонятными его громы противъ вскрытій въ больницахъ“ (Г. Хейсинъ позволяетъ себѣ маленькую неточность: я вооружаюсь только противъ *принудительныхъ* вскрытій, а не противъ вскрытій вообще, — напротивъ, я доказываю чрезвычайную ихъ важность и необходимость для науки). „Вообще, вопросъ объ изслѣдованіяхъ, вскрытіяхъ, ставится авторомъ слишкомъ слезливо. Но вотъ что̀ важно, — онъ подчеркиваетъ другую сторону дѣла (Вотъ что̀ важно, г. Хейсинъ: я *только* объ этой именно другой сторонѣ и говорю). Онъ указываетъ на то, что объектомъ этихъ ученій является *бѣдный классъ*, и только нужда гонитъ бѣдняковъ въ клинику на пользу науки и школы. Это, конечно, совершенно справедливо. Богатымъ людямъ, конечно, нечего приносить себя въ жертву наукѣ и школѣ. Общественное чувство имъ большею частью чуждо. Гдѣ позволитъ себѣ (?) какой-нибудь буржуа, чтобы его ожирѣвшую печень прощупывали студенты; гдѣ позволитъ себѣ богатая маменька отправить свою

---

*) *Е. Колтановская.* «Медицина передъ судомъ жизни». Образованіе, 1902. № 2, стр. 69.

дочку въ клинику на пріемъ. Гдѣ позволитъ себѣ (?) богатый человѣкъ вскрыть трупъ своего сына или родственника. Тутъ общее явленіе. Для развитія науки служатъ также главнымъ образомъ необезпеченные классы общества; *хорошая сторона здѣсь то, что среди этихъ классовъ естественнымъ путемъ (!) развивается общественное чувство*" (стр. 32—33).

Вы возмущены, читатель? Вы недоумѣваете, какъ можетъ повернуться языкъ путь самаго явнаго экономическаго принужденія называть „естественнымъ путемъ"? Полноте, что̀ „за обывательская точка зрѣнія"! Помните, что „даже самыя гуманныя идеи распространяются огнемъ и мечомъ",—отчего же, если хорошенько прижать бѣдняка къ стѣнѣ, въ немъ не разовьется „общественное чувство"? Меня смущаетъ только вотъ что̀: когда бѣдняка прижимаютъ къ стѣнѣ, у него иногда развивается не то „общественное чувство", котораго добивается прижимающій, а чувство протеста противъ гнета, сознаніе, что и онъ, членъ „необезпеченнаго класса", имѣетъ право свободно распоряжаться своею личностью. Само собою разумѣется, такой результатъ совершенно „неестественъ", но, къ сожалѣнію, въ жизни иногда бываетъ. Я сообщаю, напр., въ своей книгѣ о стачкѣ рабочихъ кассъ противъ берлинской больницы Charité; рабочіе, между прочимъ, требовали, чтобы „больнымъ была предоставлена полная свобода соглашаться или не соглашаться на пользованіе ими для цѣлей преподаванія". Какъ быть въ виду такого „неестественнаго" событія? Вѣдь только, пожалуй, и остается, что прибѣгнуть къ старому, уже испытанному исторіей средству, — къ огню и мечу.

Рѣшительный обликъ г. Хейсина уже достаточно ярко обрисовался изъ приведенныхъ его разсужденій. Ясно, каковы будутъ его отвѣты на поднимаемые въ „Запискахъ" вопросы. Идутъ ли успѣхи медицины черезъ трупы? Да, идутъ, — твердо отвѣчаетъ г. Хейсинъ, — по крайней мѣрѣ, у свѣтилъ хирургіи. „Конечно, колоссы хирургіи не останавливаются ни передъ какими операціями, и для нихъ часто оперированные — *объекты, на которыхъ они пролагаютъ новые пути въ хирургіи. Меня за границей всегда поражали отношенія къ больнымъ у крупныхъ хирурговъ*. И дѣйствительно, можно сказать, дѣятельность каждаго крупнаго хирурга имѣетъ на своемъ пути не одинъ трупъ. Но если мы вспомнимъ, что всѣ наши завоеванія въ хирургіи обязаны имъ, мы должны будемъ *лишь констатировать фактъ* и признать, что смотрѣть здѣсь съ точки зрѣнія простой гуманности—значитъ создать тупой уголъ для прогресса медицины" (стр. 39).

„Перехожу теперь къ вопросу объ экспериментахъ на людяхъ, — продолжаетъ г. Хейсинъ. — Въ виду того, что Вересаевъ стоялъ на точкѣ зрѣнія гуманности, страждущей личности, онъ не классифицировалъ эти опыты и отнесся ко всѣмъ имъ одинаково". Д-ръ Хейсинъ исправляетъ мою ошибку и классифицируетъ. Во-первыхъ, „подавляю-

щее большинство опытовъ производится надъ идіотами, прогрессивными паралитиками въ послѣдней стадіи болѣзни, когда едва ли чѣмъ-нибудь отличается человѣкъ отъ животнаго, надъ саркоматозными больными въ самой послѣдней стадіи развитія и т. п. Но, скажутъ, какое право имѣетъ человѣкъ сокращать хоть на одинъ день жизнь другого? Я думаю, что если польза отъ этого эксперимента велика, то приходится этою теоретическою гуманностью пожертвовать. Большинство (?) приводимыхъ Вересаевымъ опытовъ относится къ этой категоріи. *Не знаю, какая польза будетъ отъ того, что общество заступится за такихъ больныхъ*" (стр. 34). Вотъ какая: умирать, г. Хейсинъ, тяжело, и тяжелы смертныя страданія; и для каждаго члена общества нужна гарантія, что въ одинъ прекрасный день, подъ маскою врача, къ нему не придетъ г. Хейсинъ и не скажетъ: „едва ли теперь этотъ человѣкъ отличается чѣмъ-нибудь отъ животнаго, — несите его въ лабораторію!" Если къ тому же читатель выберетъ изъ моей книги—даже не „подавляющее большинство", а хотя бы только половину опытовъ, которые можно отнести къ указываемой г. Хейсинымъ категоріи, то онъ увидитъ, какъ безконечно-либераленъ г. Хейсинъ въ опредѣленіи границы, за которою человѣкъ „едва ли чѣмъ-нибудь отличается отъ животнаго": за эту границу попадаютъ у него *всѣ сколько-нибудь тяжелые больные*.

Что̀ касается, во-вторыхъ, „опытовъ на здоровыхъ людяхъ вообще", то и здѣсь, по г. Хейсину, я стою на точкѣ зрѣнія сентиментальной гуманности. Между тѣмъ, какъ мы уже знаемъ, „можетъ ли прогрессъ въ любой области развиваться безъ жестокости?" Кромѣ того, „при обсужденіи вопроса объ экспериментахъ, мы не должны забывать психологію людей, ищущихъ истину... Что̀ дѣлать такому человѣку? Онъ не можетъ себя, допустимъ, сдѣлать объектомъ. Онъ убѣждаетъ другихъ или, наконецъ, онъ разрѣшаетъ себѣ перейти границу дозволеннаго. Кто дозволяетъ? Какое право сильнѣе, право ли своего глубокаго, могучаго побужденія, или *формальное право?*" (стр. 35—36). На этомъ основаніи г. Хейсинъ оправдываетъ всѣ опыты, которые способствуютъ прогрессу медицины. „Изъ всей вересаевской мартирологіи, — заключаетъ онъ, — остается еще небольшая группа прививокъ, сдѣланныхъ *безъ всякаго оправданія (!)*. Такіе опыты — это симптомы современнаго разврата мысли, и, конечно, къ нимъ не можетъ быть двойного отношенія" (стр. 36).

Ну, спасибо и на этомъ! Дѣлать надъ своими больными опыты „безъ всякаго оправданія" (т.-е. для собственнаго удовольствія?) врачамъ все-таки недозволительно.

До сихъ поръ, какъ видимъ, взгляды г. Хейсина чрезвычайно стройны и послѣдовательны. Вотъ больная профессора Бартоло, съ воткнутыми въ мозгъ иголками электродовъ, бьющаяся въ конвульсіяхъ отъ пробѣгающаго черезъ ея мозгъ электрическаго тока, — „не знаю, какая

польза обществу заступаться за нее: вѣдь едва ли она чѣмъ-нибудь отличается отъ животнаго"! Вотъ 18-лѣтняя дѣвушка Берта Б., которой профессоръ Бэренштрунгъ съ успѣхомъ привилъ сифилисъ,—„при обсужденіи общихъ вопросовъ нельзя брать критеріемъ истины обывательскую гуманную точку зрѣнія; чувство жалости не можетъ служить рѣшающимъ моментомъ"... Прогрессъ, прогрессъ,—вотъ о чемъ забываетъ „обыватель", испытывая „жалостливое участіе ко всѣмъ непріятностямъ, болямъ, страданіямъ каждаго отдѣльнаго лица".

Но есть въ моей „сентиментальной мартирологіи" еще рядъ опытовъ, противъ которыхъ вооружается и г. Хейсинъ; именно, онъ самымъ категорическимъ образомъ высказывается противъ опытовъ на *арестантахъ и проституткахъ*. „Здѣсь нѣтъ никакого оправданія,—заявляетъ онъ:—и врачи, которые осмѣливаются надъ ними совершать свои эксперименты только потому, что это люди въ ихъ глазахъ *падшіе*, заслуживаютъ полнаго осужденія" (стр. 35). Не правда ли, странное ограниченіе? Г. Хейсинъ самъ говоритъ, что „объекты для прививокъ вербуются въ невѣжественной и несостоятельной части общества, что ни одинъ экспериментаторъ не станетъ дѣлать прививокъ на состоятельныхъ людяхъ" (стр. 37). Почему же опытъ, произведенный, напр., надъ невѣжественнымъ рабочимъ, представляетъ лишь нарушеніе „формальнаго права", а опыту надъ арестантомъ „нѣтъ никакого оправданія"? Почему г. Хейсинъ оправдываетъ проф. Гюббенета, привившаго сифилисъ больному солдату, и съ негодованіемъ клеймитъ д-ра Фосса, привившаго сифилисъ проституткѣ?

А это не единственная странность у г. Хейсина. Заводя дальше рѣчь о регламентаціи проституціи, онъ неожиданно заявляетъ, что врачебно-полицейскій надзоръ надъ проституціей „не только не годенъ въ санитарномъ и гигіеническомъ отношеніяхъ", но и представляетъ собою „*безнравственный фактъ*" (стр. 42), что „въ нравственномъ отношеніи это—поразительное преступленіе общества и врачей надъ цѣлымъ классомъ людей" (стр. 43). Позвольте, г. Хейсинъ,—вы какъ будто сбиваетесь на „обывательскую точку зрѣнія", какъ будто начинаете заражаться „сентиментальною гуманностью"! Разъ упомянутый надзоръ есть фактъ безнравственный, то онъ, разумѣется, останется таковымъ и въ томъ случаѣ, если бы былъ даже крайне полезенъ въ гигіеническомъ и санитарномъ отношеніи (послѣднее, какъ извѣстно, энергично и доказываютъ противники аболиціонизма). Если же правы не аболиціонисты, а ихъ противники, то, съ точки зрѣнія г. Хейсина, почему это насиліе недопустимо? Во-первыхъ, стыдливость есть предразсудокъ, а, какъ доказалъ г. Хейсинъ, „считаться съ проявленіемъ человѣческой личности, съ ея извращенными „чувствами" есть непозволительная сентиментальность: „всякая борьба съ предразсудками есть своего рода топтаніе живой человѣческой личности". Во-вторыхъ, указываемое насиліе производится надъ проституткою, личность которой и безъ того топчется безъ

мѣры, такъ что „едва ли она отличается чѣмъ-нибудь отъ животнаго“: разъ польза отъ этого надзора велика, то „теоретическою гуманностью приходится пожертвовать. Не знаю, какая польза будетъ отъ того, что общество заступится за такихъ своихъ членовъ“.

Но что же все это значитъ? Почему г. Хейсинъ, такъ свободно шагающій черезъ трупы и самыя элементарныя права личности, вдругъ останавливается передъ проституткою и впадаетъ въ ту „обывательскую сентиментальность“, которую только-что такъ старательно высмѣивалъ? Есть люди, сознанію которыхъ говорятъ только яркія, кричащія краски, которые способны, напр., замѣтить топтаніе личности человѣка лишь въ томъ случаѣ, если этотъ человѣкъ стоитъ передъ ними „съ искаженнымъ отъ страданія лицомъ“, „давясь дикими проклятіями“. Къ разряду такихъ людей, повидимому, принадлежитъ и г. Хейсинъ. То безконечное попраніе личности, которое претерпѣваетъ проститутка, говоритъ и г. Хейсину, что у личности есть извѣстный кругъ правъ, на которыя *никто и ничто* не смѣютъ посягать, посягновенію на которыя „нѣтъ никакихъ оправданій“. Но вотъ исчезли искаженныя лица, смолкли дикія проклятія, — и г. Хейсинъ подбадривается, начинаетъ говорить о неизбѣжной „жестокости“ прогресса и презрительно кивать на „обывательскую точку зрѣнія“. И при чемъ тутъ эта, такъ полюбившаяся г-ну Хейсину „обывательская точка зрѣнія“? Право, подумаешь, именно чрезмѣрнымъ уваженіемъ къ личности грѣшитъ нашъ обыватель!

Читатель, можетъ-быть, скажетъ, что не стоило заниматься брошюрою г-на Хейсина, — слишкомъ ужъ она непродумана, легковѣсна и развязна. Я съ этимъ не согласенъ, мнѣ его брошюра представляется симптомомъ чрезвычайной важности, и вотъ почему.

Давно уже прошло то время, когда человѣкъ самъ по себѣ являлся ничѣмъ, когда его роль въ жизни была ролью клѣточки въ живомъ организмѣ. Въ древней Греціи „божественные“ Платоны могли мечтать, напр., о томъ, чтобъ въ идеальномъ государствѣ старшины его, какъ скотоводы, опредѣляли, какіе мужчины и женщины должны вступать между собою въ бракъ и какъ часто они могутъ производить дѣтей. Въ настоящее время объ этомъ мечтаютъ только Аракчеевы. Общее благо, прогрессъ, развитіе науки,—мы согласны приносить имъ жертвы лишь въ томъ случаѣ, если эти жертвы являются свободнымъ проявленіемъ нашей собственной воли: *единственное* ограниченіе нашей личности мы признаёмъ лишь въ такихъ же, какъ наше, правахъ другихъ личностей. Мы даже будущаго всеобщаго благополучія не можемъ принять иначе, какъ подъ условіемъ свободнаго распоряженія своею личностью. Какъ говоритъ Бёрне: „Muss ich selig sein im Paradiese, dann will ich lieber in der Hölle leiden,—если я *долженъ* быть счастливъ въ раю, я предпочитаю *по собственной волѣ* страдать въ аду“. Отъ дикой аракчеевщины г-на Хейсина на насъ несетъ запахомъ затхлаго застѣнка. Естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ во-

просъ и о правахъ человѣка передъ посягающею на эти права медицинскою наукою *неизбѣжно* становится кореннымъ, центральнымъ вопросомъ врачебной этики; вопросъ о томъ, гдѣ выходъ изъ этого конфликта, не можетъ и не долженъ падать до тѣхъ поръ, пока выходъ не будетъ найденъ. И только въ *одномъ единственномъ* случаѣ этотъ вопросъ можно игнорировать,—если смотрѣть на него такъ, какъ смотритъ г. Хейсинъ. А вопросъ этотъ игнорируетъ большинство моихъ оппонентовъ.

Они будутъ противъ этого возражать, они скажутъ: „г. Хейсинъ рѣдкій уродъ во врачебномъ сословіи, и къ нему возможно только одно, совершенно опредѣленное отношеніе". Но это будетъ только отводъ или обманъ себя. Чѣмъ отличается отъ д-ра Хейсина хотя бы „Медицинское Обозрѣніе", оправдывающее самые возмутительные опыты надъ больными, и гдѣ въ врачебной печати были протесты противъ этого? Что̀ значитъ заявленіе одного изъ моихъ критиковъ, г. Медвѣдева, что „частыя восклицанія Вересаева: „гдѣ же выходъ?" есть лишь *риторическая фигура?*" *). Человѣку настолько чужды и непонятны отмѣчаемые въ книгѣ конфликты, что онъ не способенъ увидѣть въ нихъ ничего, кромѣ риторическаго пріема. Что̀ значатъ благодушныя увѣренія другого моего критика, прив.-доцента В. В. Муравьева, что „въ основѣ своей" книга моя является „*оправданіемъ* современной медицины" и доказательствомъ, что въ ней все обстоитъ совершенно благополучно **)? Что̀ значатъ уклончивыя ссылки г. Фармаковскаго на то, что „и въ другихъ профессіяхъ" совершается то же самое, что̀ въ врачебной?

Есть старая, идущая изъ сѣдыхъ временъ легенда объ одномъ фантастическомъ животномъ, — василискѣ. „Нѣтъ въ природѣ существа злѣе, страшнѣе василиска, — говоритъ Плиній. — Однимъ взглядомъ своимъ убиваетъ онъ людей и животныхъ; его свистъ обращаетъ въ бѣгство даже ядовитыхъ змѣй; отъ его дыханія сохнетъ трава и растрескиваются скалы. Но есть средство и противъ василиска. *Стòитъ только показать ему зеркало,—и онъ погибаетъ отъ отраженія своего собственнаго взгляда*". Я очень желалъ бы, чтобъ брошюра господина Хейсина сыграла роль такого зеркала. Можетъ-быть, не одинъ изъ моихъ критиковъ, взглянувши въ это „зеркало", почувствуетъ, что г. Хейсинъ только оформливаетъ и откровенно высказываетъ то, что̀ въ полусознанномъ состояніи было и у него самого въ душѣ; ему станетъ стыдно вмѣстѣ съ г. Хейсинымъ „лишь констатировать факты", онъ перестанетъ плакаться на взводимыя мною на врачей „тяжкія обвиненія" и предпочтетъ искать выхода изъ тѣхъ противорѣчій, которыя возникаютъ между интересами науки и неотъемлемыми правами человѣка.

Январь 1903 г.

---

*) «Врачъ-художникъ». Спб. 1903, стр. 28.

**) «*Записки врача* Вересаева и медицинская наука». М. 1902, стр. 10.

Оглавленіе

I тома.

Разсказы.

стр.

Загадка 3
Порывъ 7
Товарищи 30
На мертвой дорогѣ 37
Прекрасная Елена 50

Безъ дороги. Повѣсть 56
Повѣтріе. Эпилогъ 133
На эстрадѣ 156

— —

Записки врача 163
По поводу „Записокъ врача". Отвѣтъ моимъ критикамъ 344

460102
LR
S6396
Smidovich, Vikenty Vikentievich
Полное собраніе сочиненій В.В. Вересаева
[pseud.] т.1
[Translit.:Polnoe sobranie sochineny ... v.1]

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED